

Люсинда Райли

Следуй дорогой предков – в новое будущее

СЕМЬ СЕСТЕР
★ СЕСТРА ЛУНЫ ★

Annotation

Тигги Деппеси всегда жила в гармонии с природой. Поэтому она выбрала для себя работу с дикими животными. Но череда драматичных событий, в том числе смерть ее приемного отца Па Солта, заставляют Тигги многое изменить в своей жизни. Чтобы понять, кем она хочет быть на самом деле, Тигги отправляется в солнечную Испанию, Гранаду, где, как она подозревает, живет ее настоящая семья.

Так Тигги погружается в неразрывно связанную с гражданской войной 30-х годов историю своих предков, испанских цыган, среди которых были прекрасные музыканты и, что интригует Тигги больше всего, одна великолепная танцовщица фламенко, чья история станет для «сестры луны» своего рода новой путеводной звездой.

-
- [Люсинда Райли](#)
 -
 -
 - [Часть I](#)
 -
 - [Тигги](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [Мария](#)
 -
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [Тигги](#)
 -
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
- [Часть II](#)
 - [Лусия](#)
 -
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [Мадрид](#)
 -
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [Лиссабон](#)
 -
 - [26](#)
 - [Тигги](#)
 -
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [Лусия](#)
 -
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [Айседора](#)
 -

- [34](#)
 - [Тигги](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [Электра](#)
 - [39](#)
 - [Библиография](#)
 - [От автора](#)
-

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра луны

Lucinda Riley
The Moon Sister

© Lucinda Riley, 2018

© Красневская З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Жаклин
Подруге, неоценимой помощнице и сестре в
другой жизни*

*Стань тем изменением, которое ты хочешь
увидеть в этом мире.*

Махатма Ганди

Часть I

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка в Атлантисе

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

Сестры Деппеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Тигги

Инвернесс, Шотландия

Ноябрь 2007 года

*Еж европейский
(Erinaceus europaeus)*

«Хотчивитчи» на языке ромá, на котором разговаривают британские цыгане

1

– Я точно помню, где был и что делал в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

– Я тоже хорошо помню все подробности того дня.

Чарли Киннаирд пристально уставился на меня своими пронзительно голубыми глазами.

– И где же вы тогда находились?

– В заповеднике у Маргарет. Сгребала лопатой навоз, прибиралась за оленями. Конечно, хотелось бы заниматься чем-то более возвышенным, чем возиться с кашками. Но как было, так и было. На самом деле все нормально. Хотя... – Я нервно сглотнула подступивший к горлу комок. Интересно, каким таким макарон наш

разговор, точнее, мой *допрос*, вдруг неожиданно для меня самой вырвался на тему смерти Па Солта? Я сидела в душной больничной столовой напротив доктора Чарли Киннаирда. Стоило ему только войти в помещение, и он тут же привлек к себе всеобщее внимание. Что сразу же бросилось в глаза. Ну, да, он, конечно, очень хорош собой: высокий, стройный, подтянутый, в элегантном сером костюме, явно сшитом на заказ у хорошего мастера. И эта копна волнистых каштановых кудрей на голове. Но не только поэтому он сразу же делается заметным в любом пространстве. В нем есть что-то, что безошибочно выдает человека, наделенного властными полномочиями. Несколько сотрудников больницы, сидевших за соседними столиками, потягивая свой кофе, тут же подняли на него глаза, когда он проходил мимо, и уважительно поздоровались. Но вот он подошел ко мне и протянул руку для приветствия. Мы обменялись рукопожатиями, и я тут же почувствовала, как искра пробежала по всему моему телу. Он уселся на стул напротив меня и стал машинально вертеть своими длинными тонкими пальцами пейджер, выдавая тем самым едва заметную нервозность.

– Что значит «хотя», мисс Деплеси? – с явно выраженным шотландским акцентом поинтересовался у меня доктор. Я поняла, что он отнюдь не собирается пока снимать меня с крючка, на который я сама же и попала.

– Мм, – протянула я неопределенно. – Видите ли, я до сих пор не уверена, что Па Солт умер. То есть, конечно же, он *умер*. Его больше нет, и все это знают. Разве стал бы он устраивать столь дурацкий розыгрыш вокруг своих похорон и всего остального, зная, какой болью отзовется его смерть в сердцах всех его дочерей? Однако у меня все время такое чувство, что папа где-то рядом.

– Что ж, если это приносит вам утешение, то такая реакция на смерть близкого человека представляется мне вполне нормальной, – отозвался доктор Киннаирд. – Мне многие безутешные родственники признавались потом, уже после похорон, что чувствуют рядом с собой присутствие того человека, которого они любили, но потеряли.

– Конечно, – промямлила я в ответ, невольно отметив про себя тот покровительственный тон, которым со мной беседуют. Впрочем, а чего хотеть? Мне лишний раз напомнили, что я разговариваю с врачом, то

есть с человеком, который привык регулярно сталкиваться со смертью, с уходом из жизни тех, кто кому-то дорог.

– Забавно, однако, – вздохнул он, взял со стола пейджер и снова принялся вертеть его в руках. – А вот у меня... Я же говорил вам, что мой отец тоже недавно умер... Так вот, у меня все было по-другому. Меня потом долгие месяцы буквально изводили всякие кошмары. По ночам мне снилось, что отец *поднимается из могилы!* Представляете себе? И это было ужасно.

– Вы не были близки со своим отцом, да?

– К сожалению, не были. То есть он был моим биологическим отцом, но на этом все наши с ним отношения и заканчивались. У нас с ним было мало общего. А вы, как я догадываюсь, были очень близки со своим покойным отцом?

– Да. А ведь и я, и все мои остальные сестры, мы ему не родные дочери. Мы его приемные дети. Он удочерил всех нас еще в младенческом возрасте. То есть получается, что, по иронии судьбы, между ним и нами нет никаких родственных уз в привычном понимании этого слова. Но невозможно себе представить, что можно любить человека больше, чем любила его я. Он был изумительным, наш отец. Потрясающий человек!

Чарли невольно улыбнулся, услышав мою эмоциональную реплику.

– Что ж, это лишний раз подтверждает, что биология не всегда является главной и определяющей в наших взаимоотношениях с родителями. Все дело случая, не так ли? Лотерея, одним словом.

– Лично я так не считаю, – возразила я, вознамерившись все же оставить за собой право голоса. Собственно, я всегда так делаю. Даже при приеме на работу, во время собеседований, смело отстаиваю свое мнение. – Думаю, все мы не случайно посланы друг другу, а есть между нами кровная связь или ее нет, это не так уж и важно.

– То есть, по-вашему, все предначертано свыше, да? – Он бросил циничный взгляд на потолок.

– Да, я так считаю. Хотя и знаю, что многие со мной не согласятся.

– Боюсь, я уж точно не соглашусь. Я, видите ли, по роду своей деятельности кардиохирург. То есть практически ежедневно имею дело с человеческим сердцем. Которое мы, люди, привыкли

романтизировать и наделять всяческими эмоциями и чувствами. Словом, сами грузим свое сердце избыточными проблемами. А моему взору предстает мускулистая ткань, самый обычный мускул, зачастую утративший способность функционировать нормально. Меня ведь учили воспринимать окружающий мир исключительно с научной точки зрения.

– Ну, при желании науку тоже можно одухотворить, – снова возразила я в ответ. – Я тоже интенсивно занималась самыми разными научными исследованиями и могу со знанием дела утверждать, что многие вещи вокруг нас наука пока бессильна объяснить.

– Вы правы. Однако... – Доктор Киннаирд мельком глянул на свои часы. – Однако мы с вами порядком уклонились от темы нашего разговора, а я уже через пятнадцать минут должен быть на рабочем месте. Поэтому давайте снова вернемся к нашим делам. Что именно Маргарет успела рассказать вам об имении Киннаирд?

– Она сообщила мне, что это более сорока тысяч акров дикой природы. А также сказала, что вы ищете человека, который знает местную фауну, то есть тех животных, которые могут обитать в этой среде. В частности, она упомянула о диких европейских кошках.

– Все верно. После смерти отца имение перешло ко мне. Отец использовал его, главным образом, для собственных увеселений на протяжении многих и многих лет. Охота, рыбалка... Все эти стрельбища, сопровождающиеся обильной выпивкой, полностью опустошающей все запасы местных винокуренных заводов. Словом, на экологию моему отцу было глубоко наплевать. Впрочем, если быть справедливым до конца, то вина лежит не только на нем. И его отец, и его дед, и прадед, словом, все прежние хозяева Киннаирда, владевшие этими территориями на протяжении последнего столетия – все они были счастливы получать деньги за заготовку и продажу корабельного леса. А остальное их мало интересовало. Стояли себе в сторонке и таранились с довольным видом на то, как безжалостно, под корень, вырубались огромные массивы наиценнейших сосновых лесов. Настоящий Каледонский лес, между прочим. А им в то время и дела не было до всего этого. Но *мы-то с вами* живем уже в другое время. И в наш просвещенный век нам есть дело до всего. В том числе и до всех тех проблем, что связаны с защитой окружающей среды. Конечно, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что время нельзя повернуть вспять,

нельзя остановить все эти разрушительные процессы... Во всяком случае, такое едва ли случится при моей жизни. Но я хочу хотя бы начать. Вот нанял себе в имение самого лучшего управляющего во всей Высокогорной Шотландии. Он займется реализацией проекта по восстановлению лесов. Потом привели в порядок охотничий домик, в котором жил отец. Будем сдавать его в аренду за умеренную плату тем гостям, которые захотят вдохнуть свежий воздух нашего Высокогорья, а заодно и поохотиться, но все организовано, все под контролем.

– Конечно, – вяло согласилась я, стараясь ничем не выдать охватившую меня дрожь.

– Вы, как я понимаю, не одобряете все эти охотничьи развлечения? Даже если это на пользу популяции животных?

– Нет, я не одобряю такого способа регулирования поголовья. Убивать невинное создание... Нет! Хотя умом и понимаю, для чего это нужно, – поспешно добавила я. Как-никак, мысленно укорила я саму себя, а мне предлагают работу в высокогорном шотландском имении. А в этих местах охота на оленей широко распространена и разрешается законом.

– С вашим опытом и знаниями, вы, вне всякого сомнения, отлично представляете себе, какой колоссальный урон был нанесен дикой природе Шотландии человеком. Нарушился естественный баланс сил со всеми вытекающими отсюда последствиями. Практически полностью уничтожены популяции таких «санитаров леса», какими были в свое время волки и медведи. А в результате поголовье оленей стало стремительно увеличиваться. Их численность уже вышла из-под контроля. Сегодня в числе самых неотложных задач, стоящих перед нами, находится и эта: максимально снизить поголовье оленей. Но постараемся действовать гуманно и по всем правилам.

– Понимаю. Но хочу быть с вами предельно откровенной. Я никогда не смогу помочь вам во всем том, что связано с организацией охоты. Я привыкла защищать животных, а не убивать их.

– Вполне понимаю ваши чувства. Я, кстати, просмотрел ваш послужной список. Ваше резюме очень впечатляет. Как и наличие научной степени в области зоологии. Вы ведь, как я понимаю, специализируетесь на защите и охране животных, так?

– Да. В университете я изучала анатомию, биологию, генетику, разнообразные поведенческие модели животных в дикой природе. Все

это бесценные знания. После окончания университета я какое-то время проработала в женевском зоопарке Сервион. Но вскоре поняла, что мне гораздо интереснее заниматься непосредственно дикими животными, возиться с ними, ухаживать, чем наблюдать за животными отстраненно, исследуя их ДНК в чашечках Петри. Я... у меня есть какое-то естественное чувство сродства с ними. И хотя у меня нет ветеринарного образования, я могу, при необходимости, помочь им, когда они больны. У меня это выходит как-то само собой. – Я неловко повела плечами, немного засмущавшись от того, что, сев на своего любимого конька, невольно расхвасталась.

– О, Маргарет очень высоко отзывается о ваших способностях. Она рассказывала мне, что вы отменно выхаживали диких кошек в ее заповеднике.

– Разумеется, какую-то повседневную работу я, да, действительно выполняла. Однако настоящим экспертом в этом деле можно назвать именно Маргарет. Мы очень надеялись, что уже в этом году получим первое потомство диких кошек, что, кстати, является частью программы по возрождению дикой фауны. Однако, к великому сожалению, заповедник закрывается, а всех животных переселяют в другие места. Так что пополнения нашей популяции диких кошек мы едва ли дождемся. Скорее всего, они могут и вовсе отказаться от брачных игр в этом году. Ведь дикие кошки по своей природе очень чувствительны к любым переменам.

– Кэл Маккензи, мой управляющий, говорит то же самое. Вообще-то он совсем не в восторге от того, что нам предстоит приютить у себя кошек. Но ведь дикие кошки – это неотъемлемая часть шотландской фауны, а сегодня они стали настоящей редкостью. А потому я считаю, что наш долг помочь сохранить весь выводок. А Маргарет, со своей стороны, полагает, что если кто и поможет животным поскорее адаптироваться на новом месте, так это только вы, Тигги. Так вы не против понаблюдать за ними в течение нескольких недель, пока они не освоятся полностью в нашем имении?

– С удовольствием помогу. Однако, как мне кажется, одного ухода за дикими кошками явно недостаточно для полноценной загрузки на весь рабочий день. Чем еще я могу быть полезной здесь?

– Если честно, Тигги, то пока у меня еще не было времени обдумать как следует и во всех подробностях наши планы на будущее.

У меня полно работы здесь, в клинике. А тут еще все эти хлопоты, связанные со вступлением в законные права наследования после смерти отца. Словом, дел по горло. Но мне бы очень хотелось, чтобы, пока вы будете с нами, вы занялись бы изучением нашего парка с точки зрения пригодности здешних земель для разведения и других диких животных. Так, к примеру, я мечтаю опять заселить наши леса обычными белками и горными зайцами, которые когда-то в изобилии водились в наших краях. Я даже подумываю о том, чтобы поселить здесь диких вепрей и оленей вапити. А еще мечтаю снова развести лосося в наших горных реках и озерах. Даже собираюсь заняться сооружением специальных запруд, чтобы заставить их нереститься на территории нашего парка. Словом, здесь бездна возможностей. Но главное – это правильно распорядиться имеющимися ресурсами.

– Да, звучит впечатляюще, – согласилась я с ним. – Хотя хочу предупредить вас сразу же, рыбы – это не моя специализация.

– Само собой! Со своей стороны, я тоже хочу *предупредить вас*, что пока финансовое состояние моих дел таково, что я могу предложить вам только оклад плюс проживание. Но я вам буду крайне признателен за любую помощь. Несмотря на то что я очень люблю Киннаирд, времени заниматься им вплотную у меня попросту нет. А потому забот с этим имением полным-полно.

– Но вы же уже давно знали, что рано или поздно имение перейдет в ваши руки, – резонно заметила я.

– Конечно, знал. Но одновременно был уверен в том, что мой отец из породы, так сказать, бессмертных. Никогда не умрет. Наверное, он и сам так считал, коль скоро даже не озаботился тем, чтобы составить полноценное завещание. Так и умер, без завещания. Хорошо хоть, что я у него – единственный наследник, а потому завещание в этом случае – всего лишь пустая формальность. Но бумажной работы при таком раскладе изрядно прибавилось. А мне оно нужно было? Вся эта бюрократическая волокита... Впрочем, по словам моего нотариуса, к январю со всей этой писаниной должно быть покончено.

– А как он умер, ваш отец? – спросила я.

– По иронии судьбы, он умер от сердечного приступа. Его даже вертолетом доставили ко мне сюда, в эту клинику. – Доктор Киннаирд подавил тяжелый вздох. – Правда, к этому момент он уже отошел в

мир иной, причем весь в клубах спиртного. Вскрытие позже подтвердило присутствие большого количества алкоголя в организме.

– Наверное, пережить такое было совсем не просто, – невольно посочувствовала я своему собеседнику.

– Да, для меня смерть отца стала настоящим ударом, – согласился он со мной.

Он снова стал лихорадочно крутить в руке пейджер, выдавая тем самым свою внутреннюю нервозность.

– Так может, лучше продать имение, коль скоро вам оно не нужно?

– Продать земли, которыми мои предки владели более трехсот лет? – Доктор Киннаирд возмущенно сверкнул глазами и издал короткий смешок. – Ну, знаете ли! Не хочу, чтобы потом всю оставшуюся жизнь меня преследовали духи умерших членов моей семьи! И потом, я же должен хотя бы попытаться. Сделать хоть что-то ради своей дочери Зары. Она обожает Киннаирд. Дочери уже шестнадцать. Если бы она могла, она бы с радостью оставила школу хоть завтра и перебралась бы в имение, чтобы работать в парке полный день. Но я сказал, что вначале она должна закончить школу и получить образование, а потом уже все остальное.

– Все верно. – Я бросила на доктора уважительный взгляд. «Однако по его лицу никогда не скажешь, что у него есть дети», – подумала я про себя. – «Тем более такие взрослые».

– Из нее со временем получится отличная помещица, – продолжил отец. – Но я все же хочу, чтобы для начала она определилась со своей жизнью: окончила университет, попутешествовала по миру. Словом, огляделась по сторонам, а уже потом приняла вполне осознанное решение – всецело посвятить свою дальнейшую жизнь нашему фамильному имени, твердо зная, что это именно то, чего ей хочется.

– А я вот уже с четырех лет твердо знала, чем хочу заниматься в будущем. Когда увидела в одном документальном фильме, как убивают слонов ради их бивней. После школы даже раздумывать не стала. Сразу же пошла в университет. Отказалась даже от свободного года, который обычно тратят на всякие путешествия по миру. Собственно, я нигде и не была толком. – Я слегка пожалала плечами. – Работа заменила мне все путешествия. Познаю мир в процессе работы.

– Вот и Зара твердит мне то же самое. – Чарли Киннаирд слегка улыбнулся мне. – У меня такое чувство, что вы с ней должны отлично

поладить. Понимаю, на сегодняшний день у меня один выход: бросить все здесь, – он широким взмахом руки обвел пространство вокруг себя, – и всецело посвятить свою жизнь имению. Во всяком случае, до тех пор, пока на смену мне не придет Зара. Но вся проблема в том, что на сегодняшний день наше имение финансово несостоятельно, и до тех пор, пока мы здесь не приведем все в относительный порядок, я не могу отказаться от своей каждодневной работы. А потом, признаюсь вам как на духу, я вовсе не уверен в том, что уже прямо сейчас готов вести жизнь деревенского помещика-лэрда. – Доктор снова глянул на свои часы. – Что ж, мне пора. А вам, я думаю, самое лучшее отправиться в Киннаирд и ознакомиться со всем уже там, прямо на месте. Пока еще снега немного, но сильные снегопады ожидаются буквально со дня на день. Вам ведь следует иметь в виду, что наше имение расположено в очень удаленном месте.

– О, я живу вместе с Маргарет в ее доме, можно сказать, затерянном посреди пустошей. Так что глушь меня не пугает, – напомнила я ему.

– Ну, дом Маргарет – это оживленный район Таймс-сквер в сравнении с Киннаирдом, – ответил он. – Я сейчас перешлю вам эсэмэской номер мобильного Кэла, а также сообщу номер обычного домашнего телефона в охотничьем домике. Если вы позвоните по одному из этих номеров или оставите свое сообщение на автоответчике, то он, рано или поздно, обязательно прочитает его и перезвонит вам.

– Ладно. Я...

Пейджер снова издал писк, оборвав меня на полуслове.

– Мне действительно пора бежать. – Доктор Киннаирд поднялся из-за стола. – Если у вас возникнут какие-то дополнительные вопросы, смело задавайте их мне эсэмэской. А если вы заодно сообщите, когда точно собираетесь отправиться к нам в горы, то я постараюсь выкроить время и присоединиться к вам. И очень прошу вас, пожалуйста, серьезно подумайте над моим предложением. Вы действительно очень нужны мне. Спасибо, Тигги, что согласились на встречу со мной. А сейчас я вынужден откланяться. Всего вам доброго.

– До свидания, – попрощалась я и машинально проследила за тем, как доктор, ловко лавируя между столиками, заторопился к выходу из

столовой. Странно, но настроение у меня было приподнятое. Почему-то я изначально почувствовала некое сродство с этим человеком. Чарли Киннаирд показался мне таким знакомым, словно я знала его много лет. Можно сказать, всегда. А почему *бы и нет*, с другой стороны, коль скоро я верю в реинкарнацию? Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на только что состоявшемся разговоре и проанализировать все те эмоции, которые вызвал во мне этот человек. Словом, сформулировать для себя самые первые впечатления, так сказать. Самоанализ поверг меня в шок. Первой на появление мистера Киннаирда отреагировала совсем не та часть моего тела, как это было бы должно. Такая благодная взаимная симпатия с потенциальным работодателем, человеком гораздо старше меня самой. Но ничего подобного! В душе моей отозвались совсем другие струны.

«*Нет!* – Я поспешно открыла глаза и тоже поднялась из-за столика, намереваясь уйти. И тут же принялась увещевать себя. – *Что за ерунда лезет тебе в голову? У него почти взрослая дочь. То есть он гораздо старше, чем выглядит. И, вероятнее всего, женат*». Я стыдила себя всю дорогу, пока шла длиннющими больничными коридорами, и потом, когда уже вышла на улицу, где меня встретил туманный ноябрьский день. Над Инвернессом уже сгущались сумерки, хотя было еще только три часа после полудня.

Стоя в очереди на автобус, чтобы добраться до станции, я чувствовала, как меня сотрясает озноб, то ли от холода, то ли от пережитого возбуждения. Сама не могла толком разобраться в своем состоянии. Но при этом *знала точно*: предложенная работа меня заинтересовала. Даже несмотря на то, что она временная. Я достала свой мобильник, нашла эсэмэску от Чарли с телефоном Кэла Маккензи и тотчас же набрала его номер.

* * *

– Итак, – спросила у меня Маргарет, когда вечером того же дня мы с ней уселись возле камина с нашим традиционным вечерним напитком – чашечкой какао. – Как все прошло?

– Нормально. Вот собираюсь в четверг отправиться в имение Киннаирд.

– Отлично! – Маргарет тут же просияла, а ее ярко-голубые глаза зажглись на испещренном морщинами лице, словно два фонарика. – Ну и как тебе сам лэрд, как называют в наших краях помещиков?

– Он очень... мил. Да, был очень обходителен в разговоре со мной, – промямлила я. – Честно говоря, я ожидала увидеть совсем другого человека, – добавила я торопливо, надеясь в глубине души, что не выдала своего смущения краской на лице. – Думала увидеть человека гораздо старше. Такого лысого толстячка с объемным животом, безошибочно выдающим пристрастие к виски.

– Даже так? – весело рассмеялась Маргарет, видно, прочитав все мои мысли. – Нет, наш Чарли совсем не такой. Я его ведь знаю с самого раннего детства, можно сказать. Мой отец работал у них в имении еще на его дедушку. Чарли был таким славным молодым человеком. Хотя... хотя все мы понимали, что он совершает страшную ошибку, женись на той женщине. К тому же он был еще тогда так молод. Непозволительно молод! – Маргарет слегка округлила глаза. – Их дочь Зара славная девочка, по-моему. Правда, немного взбалмошна. Ну, да это простительно, если вспомнить, что детство у нее было не самым простым. Так расскажи мне, о чем конкретно вы беседовали с Чарли?

– Он попросил меня, наряду с присмотром за дикими кошками, изучить возможности завести на территории его природного парка и других диких животных, обитавших когда-то в тамошних местах. Но у меня такое впечатление, что сам он пока еще очень смутно... представляет себе весь объем работ. Пока никакой четкой организации там не прослеживается. Думаю, эта работа станет для меня временной, то есть до тех пор, пока я не обустрою наших кошек в новой для них среде обитания.

– Что ж, даже если эта работа и окажется временной, то уже само пребывание в имении Киннаирд многому тебя научит, как мне кажется. Может, там ты наконец начнешь осознавать одну непреложную истину: нельзя спасти всех животных, которые поступают под твою опеку. Да и не только животных. На людей это тоже распространяется. Хромая утка есть хромая утка, – обронила Маргарет, грустно улыбнувшись. – Тебе предстоит смириться с тем, что и у животных, и у людей, у каждого из нас, есть своя судьба, свой путь, который мы

должны пройти до конца. Ты можешь только постараться чем-то помочь, но на этом все. Точка!

– Вы же знаете, Маргарет, я никогда не привыкну к виду страдающих животных. Никогда!

– Знаю, моя дорогая, знаю. Именно это твое качество, умение сострадать, и делает тебя такой непохожей на других. У тебя добрая душа, Тигги. Огромное сердце. Но, смотри, не надорви его раньше времени, не грузи его избыточными переживаниями.

– А что собой представляет этот Кэл Маккензи?

– О, на первый взгляд, грубоват, но в душе добряк и милашка. Такой он, наш Кэл. Вырос там. Киннаирд, можно сказать, у него в крови. Думаю, ты сумеешь много чему научиться у него. Да и потом, если ты не согласишься сейчас на это место, то куда еще тебе податься? Ты же знаешь, уже к Рождеству здесь не будет ни меня, ни наших животных.

В последние годы Маргарет сильно измучил артрит, и она наконец решила перебраться в небольшой городок Тейн, что в сорока пяти минутах езды от нашего сырого дома-развалюхи, в котором мы сейчас с ней ютимся. Здесь, в национальном заповеднике Дорнох-Ферт, вдоль узких берегов лимана раскинулись двадцать тысяч акров высокогорных земель. Последние сорок лет Маргарет трудилась в этом заповеднике, сплотив вокруг себя пеструю команду единомышленников. Все вместе они выхаживали и давали приют спасенным животным.

– А вам не жаль покидать эти места? – уже в который раз спросила я у Маргарет. – На вашем месте я бы все глаза выплакала.

– Конечно, жаль. Но ты же помнишь, Тигги, чему я тебя учила. Все хорошее когда-нибудь кончается. Однако, по милости Божьей, может случиться что-то новое и даже более хорошее. Так какой же смысл грустить о прошлом? Лучше сконцентрироваться на том, что ждет тебя впереди. Я ведь уже давно понимала, что рано или поздно мне придется уезжать отсюда. Это благодаря тебе и твоей бесценной помощи я прожила тут еще лишний год. К тому же в моем новом доме имеются батареи, и я могу включить тепло в любой момент, когда посчитаю нужным. Да и телевизионный сигнал там ловится круглые сутки. Можно будет смотреть телевизор хоть целыми днями напролет!

Она издала короткий смешок и растянула губы в широкой улыбке. Хотя в глубине души я была абсолютно уверена в том (благодаря своей хваленой интуиции, конечно), что едва ли Маргарет *сильно обольщается* на предмет собственного будущего. Просто пытается держаться браво. Права я или нет в своих догадках, но сейчас я подхватила со своего места и подбежала к ней, чтобы обнять.

– Маргарет, вы просто удивительная женщина. Вы и ваши животные, вы так многому меня научили. Я буду сильно скучать без вас.

– Ну, если ты согласишься поработать в Киннаирде, то скучать сильно не придется. Я ведь буду жить совсем неподалеку, по другую сторону долины. Так что, в случае чего, всегда охотно помогу тебе и словом, и делом в том, что касается ухода за дикими кошками. Тебе тоже придется время от времени навещать Денниса, Гиннесс и Кнопку. Они ведь будут очень скучать по тебе.

Я глянула на трех костлявых приятелей, греющихся возле камина: старый рыжий кот с тремя лапами и две такие же древние тощие собаки. Всех их еще совсем маленькими детенышами когда-то спасла Маргарет, вынянчила и выходила.

– Вот съезжу в Киннаирд, увижу все собственными глазами и определюсь уже прямо на месте. В противном случае вернусь на Рождество к себе домой в Атлантис и там обдумаю, что мне делать дальше. Помочь вам улечься в постель?

Этот вопрос я задавала Маргарет каждый вечер, прежде чем отправиться к себе наверх, и каждый вечер получала один и тот же неизменный ответ, исполненный особой гордости и достоинства.

– Нет, спасибо, Тигги. Пожалуй, я еще немного посижу возле огня.

– Тогда спокойной ночи, дорогая Маргарет.

Я поцеловала ее в пергаментную щеку и стала подниматься по узкой неровной лестнице к себе в спальню. Когда-то это была спальня Маргарет, но со временем она поняла, что тратит слишком много сил, карабкаясь каждый вечер по крутой лестнице. А потому мы перенесли ее кровать вниз и поставили в столовой. К тому же нам просто повезло, что у хозяйки дома никогда не было лишних денег, чтобы оборудовать себе ванну рядом со спальней. А потому ванная комната

тоже размещалась внизу, буквально в нескольких метрах от нынешней спальни Маргарет.

У себя в комнате я по очереди стянула с себя все свои дневные одежды, затем напялила такое же количество одежек, но уже для сна, после чего осторожно улеглась между холодными, как лед, простынями. Но все равно, думала я, пытаюсь согреться, в свое время я поступила правильно, приехав сюда, в заповедник, чтобы поработать в Шотландии. В разговоре с Чарли Киннаирдом я призналась ему, что с меня хватило и полгода работы в научно-исследовательской лаборатории зоопарка Сервион, чтобы понять, что меня интересуют не столько научные изыскания, сколько живая работа: я хочу ухаживать за животными и защищать их. А потому я немедленно откликнулась на объявление, которое случайно прочитала в Интернете и с готовностью перебралась в ветхий домик, примостившийся на берегу озера, чтобы помочь старой леди, такой же ветхой старушке, как и сам ее дом, разбитой к тому же артритом, ухаживать за дикими питомцами в заповеднике.

«Больше доверяй своим инстинктам, Тигги. Они никогда тебя не подведут».

Отец часто повторял мне это.

– Жизнь – это во многом интуиция и лишь совсем немного, самая капелька логики. Если научишься правильно соблюдать пропорцию между этими двумя компонентами, то любое решение, принятое тобою, окажется правильным, – добавил он уже в самом конце нашего разговора, когда мы с ним однажды стояли в его любимом саду в Атлантиде и наблюдали за тем, как над Женевским озером величаво поднимается полная луна.

Помнится, я тогда призналась Па Солту, что моя самая заветная мечта – это отправиться в один прекрасный день в Африку и работать там с дикими животными в естественной среде их обитания, а не разглядывать этих бедолаг сквозь решетки в вольерах зоопарка.

Я подобрала под себя ноги, свернувшись калачиком на холодной постели, чтобы хоть как-то согреться, и подумала, что пока моя мечта так и осталась нереализованной. Да уж, выхаживать диких кошек в шотландской глубинке – это тебе, конечно, не участие в соревнованиях Высшей Лиги.

Я выключила свет и стала мысленно представлять себе своих сестер. В свое время все они подшучивали надо мной, называли меня духовным гуру нашей семьи. Но я на них не обижалась. В детстве, по наивности своей, поскольку я еще не понимала, что не похожа на других сестер, я откровенно делилась со всеми, рассказывала сестрам о том, что видела или чувствовала. Так, однажды, когда я еще была совсем маленькой девочкой, я предупредила свою старшую сестренку Сиси, что не стоит ей сегодня залезать на ее любимое дерево. Потому что мне привиделось, будто бы она с него упала. Но Сиси лишь добродушно рассмеялась в ответ, сказала, что она залезала на это дерево уже тысячу раз, а я просто маленькая глупышка. Однако спустя всего лишь каких-то полчаса она таки *свалилась с дерева* и была страшно озадачена тем, что мое пророчество сбылось. Зато я с тех самых пор научилась держать свой язык за зубами, когда мне что-то там «открывалось». Знала и знала себе. Вот, к примеру, и сейчас я точно знаю, что папа не умер...

Потому что, если бы он умер по-настоящему, я бы точно почувствовала тот момент, когда его душа воспарила над землей. А так я практически ничего не почувствовала, когда мне позвонила Майя. Разве что шок от самого известия. Что и понятно. Ведь новость застала меня, как говорится, врасплох, совсем неподготовленной. Я не получила из космоса никаких предупредительных знаков о том, что должно случиться. Либо произошел какой-то сбой в настройке моей души, либо... Словом, пока я категорически отказывалась признать смерть Па Солта, не могла смириться с тем, что это правда.

Мысли мои снова вернулись к Чарли Киннаирду. Я стала прокручивать в голове все подробности нашего довольно странного с ним собеседования, которое случилось днем. И тут же почувствовала непривычную пустоту в желудке, стоило лишь вспомнить его выразительные голубые глаза и красивые руки с тонкими, длинными пальцами. А если еще подумать, сколько жизней спасли эти руки...

– Перестань, Тигги! – тут же одернула я себя. – Не сходи с ума.

Конечно, все дело в том, что я веду слишком уж затворнический образ жизни, и привлекательные, интеллигентного вида мужчины вовсе не выстраиваются в очередь у моих дверей, чтобы познакомиться. К тому же стоит подумать и о том, что Чарли Киннаирд по крайней мере лет на десять старше меня...

И все же, и все же... Я закрыла глаза, чтобы поскорее заснуть, и в эту самую минуту подумала, что уже с нетерпением жду тот день, когда отправлюсь в Киннаирд.

* * *

Спустя три дня я вышла из вагона крохотного состава, состоявшего всего лишь из двух вагонов, и ступила на перрон железнодорожного вокзала в Тейне. Сразу же направилась к изрядно потрепанному ленд роверу, уже поджидавшему меня на выходе из вокзала. При виде меня человек, сидевший на месте водителя, опустил стекло и спросил с сильным шотландским акцентом.

– Вы – Тигги?

– Да. А вы – мистер Кэл Маккензи?

– Собственной персоной. Забирайтесь в машину.

Я села на пассажирское место рядом с водителем и стала возиться с дверцей, которая никак не хотела закрываться.

– А вы хлопните, что есть силы, – посоветовал мне Кэл. – Эта развалюха уже давно свое откатала. Впрочем, в Киннаирде полно всякого старья.

Внезапно у меня за спиной кто-то негромко гавкнул. Я повернулась назад и увидела огромного пса породы шотландская борзая, который вольготно устроился на заднем сиденье. Пес подался вперед, обнюхал мои волосы, а потом дружелюбно лизнул в лицо своим шершавым языком.

– Ну же, Тистл! Веди себя как положено! – строго приказал ему Кэл.

– Все в порядке, – тотчас же возразила я и потрепала собаку за ухом. – Я люблю собак.

– Это хорошо. Но все равно баловать его не стоит. Он ведь у нас рабочая собака. Что ж, трогаемся!

После нескольких безуспешных попыток Кэл все же завел двигатель, и мы двинулись по городским улицам, застроенным одинаково мрачными серыми домиками, крытыми шифером. Тейн – совсем крохотный городок: на весь город всего лишь один приличный супермаркет. Но при этом – центр огромной сельскохозяйственной

коммуны. Очень скоро мы миновали городскую черту, и урбанистические пейзажи остались позади. Мы покатали по дороге, петляющей между невысокими, пологими горными склонами, заросшими кустами вереска и каледонскими соснами, разбросанными там и сям. Макушки гор прятались в густом тумане. Машина обогнула одну из скал, и справа от нас показалось озеро. В сероватой дымке с морозящим дождем оно показалось мне похожим на огромную серую лужу.

Я зябко поежилась, и это несмотря на то, что Тистл, который соблаговолил пристроить свою лохматую серую голову мне на плечо, приятно согривал своим горячим дыханием мою щеку. Я вспомнила, как почти ровно год тому назад в такую же пору вышла из самолета в аэропорту Инвернесса. Позади осталось лазурно-голубое, чистое швейцарское небо, искрящийся на солнце первый снег, уже покрывший вершины гор, окружавших Атлантис. И вот меня встретила мрачно-серая копия швейцарского зимнего пейзажа. И все вокруг такое же унылое и серое. Пока такси везло меня к дому Маргарет, я всю дорогу удивлялась, какого черта я тут делаю и зачем потащила в такую даль. Но спустя год, прожитый мной в Высокогорной Шотландии, увидев своими глазами смену всех четырех времен года, я уже точно знала, что с наступлением весны все вокруг оживет, склоны гор покроются нежнейшими пурпурными соцветиями цветущего вереска, а озеро засияет прозрачной голубизной под падающими лучами шотландского солнца.

Я исподтишка глянула на своего спутника. Плотный, хорошо сложен, с обветренным лицом и с уже редющей рыжей шевелюрой на голове. Огромные ручищи, сжимавшие руль, явно свидетельствовали о том, что привыкли к тяжелой физической работе: под ногтями застарелая грязь, кожа покрыта шрамами и ссадинами, костяшки пальцев покраснели от напряжения. Наверняка Кэл гораздо моложе, чем выглядит, подумала я. Что и не удивительно, учитывая, какой трудной и энергозатратной работой он здесь занимается. Ему где-то от тридцати до тридцати пяти, решила я.

Как и большинство тех, с кем я успела познакомиться, прожив в Шотландии почти год, Кэл тоже был неразговорчив. Привык к одиночеству и оторванности от всего остального мира.

«Но он очень добрый человек», – тут же услужливо подсказала моя интуиция.

– Вы давно работаете в Киннаирде? – нарушила я молчание первой.

– Можно сказать, с самого детства. Мой отец, мой дед, прадед и прапрадед, все они тоже трудились в Киннаирде. Я стал помогать своему отцу, едва научившись ходить. Впрочем, времена теперь другие, и много чего изменилось вокруг. Как на мой толк, так от всех этих перемен одни лишь проблемы. Вот и Берил, к примеру, совсем не в восторге от того, что к нам тут повадились толпы всех этих чужаков.

– А кто это Берил? – спросила я.

– Экономка в имении Киннаирд. Она заправляет в доме уже больше сорока лет.

– А что вы имеете в виду под «чужаками»?

– Да всех этих англичан с Юга. Весь этот богатый люд пачками устремляется сюда. Особенно перед Новым годом, когда мы, шотландцы, отмечаем свой национальный праздник Хогманай. Он выпадает на последний день года и длится целых два дня. Как правило, устраиваются всякие факельные шествия и другие развлечения с огнем. Тут такое в имении творится. Ясное дело, Берил все это не по душе. Вы у нас будете в Киннаирде первой гостьей после того, как тут отремонтировали дом. Всеми ремонтными работами заправляла жена хозяина, а она уж не поскупилась на затраты. От одних только сумм, которые проставлены в поступающих счетах, можно свихнуться. Просто голова идет кругом.

– Ну, со мной, надеюсь, у нее проблем не будет. Я привыкла к неприхотливой жизни, – поспешила я заверить Кэла. Еще, не дай бог, подумает, что я какая-нибудь капризуля, взбалмошная принцесса на горошине. – Вы же наверняка видели дом, в котором живет Маргарет?

– Видел, и не раз! Маргарет приходится мне даже какой-то дальней родней. Кузина одного из моих кузенов, что-то вроде этого... Да, собственно, все мы в этих краях так или иначе связаны родственными узами.

Мы снова оба замолчали. Но вот Кэл сделал резкий поворот влево, и мы увидели перед собой небольшую полуразрушенную часовню, на одной из стен которой болталось небрежно приколоченное гвоздем объявление: «Продается». Дорога стала еще уже, потом мы

выехали на открытое пространство и понеслись вперед между каменными изгородями по обеим сторонам дороги. На пастбищах, раскинувшихся за оградами, мирно пасся скот: коровы и овцы.

Впереди на горизонте уже стали сгущаться свинцовые тучи, зависшие над горными вершинами. Изредка мимо нас проносились хозяйственные постройки и дома фермеров. Из труб домов валил густой дым. Быстро темнело, а проселочная дорога становилась все более неровной: сплошные рытвины и ямы. Судя по всему, подвеска в этом стареньком лендровере отсутствовала как таковая. Кэл проявил чудеса маневренности, миновав несколько горбатых мостиков, перекинутых через бурлящие потоки воды. Из-под колес летели камни, они падали в воду, вода в ответ вскипала белой пеной и обдавала своими струями капот. Все указывало на то, что мы упорно, хотя и с трудом, поднимаемся в гору.

– Еще далеко? – поинтересовалась я у Кэла, глянув на свои часы. Мы уже провели в пути более часа.

– Нет, уже почти приехали, – отозвался Кэл, и мы сделали еще один крутой поворот вправо. Узкая гравийка всего лишь в одну колею, не более, тоже была сплошь в рытвинах и ямах. Некоторые ямы были настолько глубокими, что грязь, выбивающаяся из-под колес, залепила все окна. – Вон впереди уже показался вход в поместье.

И действительно, фары выхватили из темноты две каменные колонны. Но было слишком темно, чтобы разглядеть что-то еще.

– Почти у цели, – ободряющим голосом обронил Кэл, когда мы изловчились, проскочили во двор и покатали по неровной подъездной дороге, подпрыгивая на каждой кочке. Лендровер взял еще один крутой подъем. Колеса отчаянно вращались, пытаюсь зацепиться за хлюпающую по ним грязную жижу, в которую превратилась дорога. Но вот Кэл нажал на тормоз. Двигатель облегченно заскрежетал и умолк.

– Добро пожаловать в Киннаирд! – громогласно провозгласил Кэл, распахивая дверцу автомобиля и выбираясь наружу.

А он легок на подъем, отметила я про себя, и это несмотря на всю свою грузность. Кэл обошел машину, открыл дверцу для меня, подал руку, чтобы помочь выйти.

– Я сама, – отказалась я от помощи, выпрыгнула и тут же угодила в лужу. Ко мне немедленно подпрыгнул Тистл, сочувственно лизнул и

побежал вперед по дорожке, обнюхивая знакомые места. Пес явно обрадовался тому, что снова оказался дома.

Я задрала голову и взглянула на дом. Он стоял, облитый лунным светом, и его четкие контуры хорошо просматривались на фоне ночного неба. Остроконечная крыша, печные трубы, похожие на башенки, взметнулись ввысь, отбрасывая густые тени. Теплый свет, льющийся из высоких окон в деревянных переплетах, выхватил из темноты крепкие, прочные стены здания, сложенные из глинистого сланца.

Кэл забрал мою дорожную сумку с заднего сиденья машины и, обогнув дом, повел меня напрямик к черному ходу.

– Это вход для слуг, – пояснил он, старательно очищая ноги о решетку, лежавшую перед дверью. – Парадным входом пользуется только сам хозяин, члены семьи и его гости.

– Поняла, – ответила я, переступая порог прихожей, и меня сразу же обдало живительным теплом.

– Ого! Ну и жарница тут! Словно в печке, – немедленно пожаловался Кэл, пока мы с ним шагали длинным коридором, в котором все еще сильно пахло свежей краской. – Жена нашего лэрда установила тут какую-то заумную отопительную систему, а Берил пока еще не научилась, как правильно регулировать температуру. Берил! – гаркнул он во весь голос, когда мы вошли в просторную кухню – сплошной модерн, все супер-пупер, освещаемую множеством лампочек, вмонтированных прямо в потолок.

Я слегка прижмурилась, чтобы адаптировать глаза к свету, а затем принялась разглядывать интерьер. Массивный, сверкающий чистотой кухонный блок прямо посреди комнаты. У стен расположились ряды буфетов, а также шкафчиков для посуды и прочей кухонной утвари. Тут же рядом с ними примостились две огромные ультрасовременные плиты. Прямо не плиты, а самые настоящие произведения искусства.

– Дизайн по высшему классу, – коротко прокомментировала я увиденное.

– Что правда, то правда. Видели бы вы, что тут творилось на этой кухне после смерти старого хозяина. Стены заросли многовековой сажеей и копотью, плюс полчища мышей, вольготно разгуливающих повсюду. Однако вся нынешняя красота может пойти прахом, если Берил не научится пользоваться этими прибабасами, включая и

плиты. Она ведь всю свою жизнь кухарила на старой плите. А чтобы освоить эти и научиться на них готовить, нужно, по меньшей мере, владеть компьютером.

В этот момент в кухню вошла элегантная худенькая женщина. Седые волосы аккуратно скоты на затылке в объемный пучок. Слегка продолговатое лицо, нос, немного похожий на клюв ястреба. Я почувствовала, как она тут же впиалась в меня пристальным взглядом своих голубых глаз.

– Полагаю, вы – мисс Деппеси? – спросила она хорошо поставленным голосом с едва заметным шотландским акцентом.

– Да. Но, пожалуйста, зовите меня просто Тигги.

– Хорошо. А меня все в доме зовут просто Берил.

Я подумала, что это имя не совсем ей подходит. В моем представлении, Берил – это такая пышногрудая матрона, краснощекая, с огромными, загрубевшими от работы ручищами, которым хватает дел с утра и до позднего вечера. А тут красивая, ухоженная женщина, немного суровая на вид, в черном платье безупречного покроя, как и пристало экономке в приличном доме.

– Спасибо, что согласились приютить меня на сегодняшнюю ночь. Надеюсь, я не доставлю вам слишком много хлопот. Ведь у вас и без меня дел хватает, – проронила я слегка заплетающимся языком, невольно робея перед экономкой, словно первоклашка перед учительницей. Берил держалась с тем врожденным достоинством, которое невольно вызывает уважение.

– Вы голодны? Я тут сварила суп. Единственное, что я пока научилась готовить на новой плите. Еще не изучила все программы досконально и до конца. – Она взглянула на Кэла и мрачно улыбнулась. – Хозяин предупредил меня, что вы вегетарианка. Как насчет моркови и кориандра в дополнение к супу?

– Это будет просто замечательно. Спасибо.

– Что ж, тогда я, пожалуй, пойду к себе. Оставляю вас одних, – бросил нам Кэл. – Мне еще нужно запарить в сарае олени головы, оставшиеся после вчерашней охоты. Спокойной ночи, Тигги. Сладких вам снов на новом месте.

– Спасибо, Кэл. Вам тоже всего самого доброго, – ответила я, отчаянно пытаясь подавить позывы к рвоте, которые вызвали у меня его последние слова.

– А вы, Тигги, ступайте за мной наверх, и я покажу вам вашу спальню, – поторопила меня Берил, указывая направление, в котором надо двигаться. В конце коридора мы вышли в огромный парадный холл с вымощенным каменной плиткой полом. Такой же огромный каменный камин у одной из стен, над которым красуется голова оленя, украшенная массивными развесистыми рогами. Экономка повела меня наверх по лестнице, устланной новой ковровой дорожкой. Все стены вдоль лестницы, а также и вокруг просторной лестничной площадки, сплошь увешаны портретами предков хозяина. Берил открыла дверь, ведущую в огромную спальню, интерьер которой был выдержан в мягких бежевых тонах. Центральное место в комнате занимало огромное ложе под балдахин, задрапированное покрывалом из красного тартана. Воистину, кровать являлась главным украшением спальни. Возле камина разместились два кожаных кресла с пышно взбитыми подушками на них. Рядом, на низком столике из отполированного до блеска красного дерева стояли две антикварные лампы в латунной оправе. Из-под абажуров лился мягкий свет, освещающий всю комнату.

– Как красиво! – невольно восхитилась я. – Прямо чувствую себя постоялицей в каком-нибудь пятизвездочном отеле.

– Старый хозяин спал в этой комнате вплоть до своей кончины. Он бы сейчас с трудом узнал свою прежнюю спальню... Особенно ванную комнату. – Берил указала на дверь слева. – Раньше он пользовался этой комнатой как гардеробной. Там и стульчак стоял с ночным горшком. Потому как туалет находился на другом конце коридора. Не совсем удобно, как понимаете.

Берил подавила тяжелый вздох. По выражению ее лица было понятно, что мысли экономки сейчас витают в прошлом. Возможно, она и по сей день тоскует по тем временам.

– Между прочим, я вам, пожалуй, отведу роль подопытной морской свинки. На собственном опыте проверите, исправно ли работает все оборудование в ванной комнате. После того, как примете душ, расскажете мне, сколько времени прошло, пока в кранах появилась горячая вода.

– О, с удовольствием поэкспериментирую. Знаете, там, где я сейчас живу, горячая вода – это такая редкость.

– Вот и отлично! Да, нам еще не привезли из реставрационной мастерской наш старый обеденный стол для столовой. Поэтому, как мне кажется, лучше будет, если я подам вам ужин прямо сюда, в спальню.

– Как вам будет проще, Берил.

Она молча кивнула в ответ и удалилась из спальни. Я присела на краешек кровати. Матрас на ощупь очень удобный. Надеюсь, со мной у Берил будет немного хлопот. Однако этот дом... Вот уж никак не предполагала, что здесь царит такая роскошь. Я поднялась с кровати и направилась в ванную комнату. Мраморная облицовка стен, раковина, тоже отделанная мрамором. Рядом – ванна, чуть поодаль – душевая кабинка с мощным циркулярным душем под потолком. Я с нетерпением разделась, горя желанием побыстрее подставить себя под его горячие струи. Ведь столько месяцев мне приходилось совершать омовения в старенькой ванне с выщербленной эмалью, которая была в доме Маргарет.

– Какое блаженство! – выдохнула я, включая душ на полную мощь. После чего провела в душевой кабинке непозволительно долгое время. Выйдя наружу, я слегка обсохла, а потом укуталась в роскошный махровый халат, висевший на крючке на обратной стороне дверцы. После чего обсушила полотенцем свои непокорные кудряшки и вернулась назад в спальню. Берил уже успела принести мне ужин, поставив поднос на столик возле одного из кожаных кресел.

– Я принесла вам к супу еще немного сиропа из бузины, – сказала она, обращаясь ко мне.

– Спасибо. Докладываю касательно моих экспериментов. Горячая вода пошла сразу же и была очень-очень горячей. Прямо как кипяток.

– Отлично, – откликнулась Берил. – А сейчас садитесь ужинать. Спокойной ночи, Тигги.

С этими словами экономка вышла из комнаты.

2

Ни единый лучик дневного света не проник в комнату сквозь плотные драпри на окнах, а потому, проснувшись, я вынуждена была включить ночник, чтобы узнать, который час. И, к своему удивлению, обнаружила, что уже около восьми утра. Можно сказать, заспалась так

заспалась. Ведь обычно я просыпаюсь в шесть и сразу же отправляюсь кормить своих животных. Я кое-как сползла со своего роскошного ложа и направилась к окнам, чтобы раздвинуть ночные шторы. Раздвинула и тут же непроизвольно издала восхищенный возглас при виде красивейшей панорамы, представшей моему взору.

Киннаирд-лодж, как полностью назывался сам дом, был выстроен на одной из скал и развернут своим фасадом в сторону узкой долины. Лощина плавно спускалась к самой низине, туда, где извивалась и петляла небольшая речушка, потом опять взмывала вверх, по направлению к горным вершинам, раскинувшимся по другую сторону ущелья, с ослепительно белыми снежными шапками, похожими на такие огромные головки сахара. Все вокруг искрилось и переливалось в первых лучах утреннего солнца. Я слегка приподняла свежеекрашенную оконную раму, чтобы вдохнуть полной грудью морозный воздух Шотландского Высокогорья. Чистейший воздух с едва заметной ноткой запахов прелой листвы и оставшейся зелени, как обычно пахнет земля осенью. Все это скоро перегниет и превратится в ценнейший компост, столь необходимый по весне, когда все снова проснется и потянется к жизни.

Мне захотелось немедленно выскочить на улицу и с головой окунуться в красоту окружающего пейзажа. Я быстро натянула на себя джинсы и свитер, сверху набросила еще и лыжную куртку. На голову надела вязаную лыжную шапочку, на ноги – прочные полусапожки. Оделась и сразу же побежала вниз, к парадному входу. Дверь была не заперта: я вышла на улицу и принялась с восторгом разглядывать пейзаж поистине неземной красоты, представший перед моим взором. «Прямо как в раю», – невольно мелькнуло у меня в голове. Каким-то чудодейственным образом ничто не нарушало прозрачной тишины момента и всего окружающего великолепия: ни посторонних звуков, ни людей, ни животных, наверняка обитающих в этих местах.

– Вот это все мое, – прошептала я, вышагивая по покрытому инеем газону, разбитому перед домом. Подмерзшая трава слегка поскрипывала под ногами. Внезапно что-то хрустнуло слева от меня. Я глянула в ту сторону и увидела между деревьев молодую косулю: большие заостренные уши, длинные ресницы, красновато-коричневый окрас в пятнышках. Но вот косуля легко встрепенулась и тотчас же скрылась. У Маргарет загон, в котором паслись олени и косули, был

очень большим. И все в нем было обустроено наилучшим образом, чтобы максимально приблизить условия существования животных, находившихся на реабилитации, к естественной среде обитания. Но все же, как ни говори, а загон есть загон: огорожен, как и положено, со всех сторон. А здесь, в Киннаирде, в распоряжении оленей и косуль тысячи акров свободных земель, огромные территории, на которых они могут резвиться и делать, что им захочется. Здесь у них есть та свобода, к которой привыкли все дикие животные. Правда, и угрозы тоже есть. Сегодня такой угрозой для них все чаще становится уже не другое дикое животное, их природный враг по определению, как это бывало в прежние времена. Сегодня главная угроза для них – это человек.

Впрочем, природа не гарантирует полной безопасности никому, подумала я. Даже человеку, самонадеянно возомнившему себя царем и повелителем земли. О, как же мы, люди, наивны, как заблуждаемся, веря в то, что мы непобедимы. Но сколько раз видела я собственными глазами, как бури и ураганы, посылаемые нам с небес, оборачиваются страшными бедствиями. Один мощный порыв торнадо, и вот уже сотни и тысячи нас сметаются безжалостно прочь с поверхности земли.

Я миновала половину склона, спускаясь вниз. Остановилась возле бурлящего ручейка, переполнившегося через край после сильного дождя минувшей ночью. Снова сделала глубокий вдох и огляделась по сторонам.

«Так я могу здесь пожить хотя бы какое-то время?»

«О да, да, да!» – радостно запела в ответ моя душа.

Впрочем, изолированность здешних мест *даже для меня* кажется чрезмерной. Такое впечатление, будто Киннаирд *находится где-то на другой планете*. Наверняка мои сестры снова примутся упрекать меня, говорить, что я сошла с ума, добровольно заточая себя в такой глуши, что мне нужно чаще бывать на людях, встречаться с подходящими мужчинами и все такое. Однако все эти веселенькие перспективы не пробуждают в моей душе музыку, и ей вовсе не хочется петь. Только на природе я ощущаю, что живу полноценной жизнью. Только на природе обостряются все мои чувства: я все вижу, все слышу, все замечаю. Словно парю над землей, сливаясь со всей вселенной. Вот и здесь, в Киннаирде, и я сразу же поняла это, душа моя расцветет, а все то, что я

так старательно скрываю в себе, прячу от окружающего мира и близких мне людей, все это вырвется здесь наружу. Какое же это будет счастье – просыпаться каждое утро среди такого великолепия. Поистине, судьба преподнесла мне несказанный подарок.

– Что ты, папа, думаешь о моем переезде сюда, в Киннаирд? – спросила я, задрав голову к небу, всем сердцем надеясь получить ответ, установить наконец живую связь с человеком, которого я любила больше всего на свете. И снова мой вопрос остался без ответа, просто повис в воздухе. Что удручало. Я почти физически почувствовала, как меня накрывает волна разочарования.

В нескольких сотнях метров от Киннаирд-лодж я обнаружила чудесное местечко. Подошла к краю каменистого утеса и уставилась вниз, разглядывая пологие склоны, сплошь заросшие лесом. Место очень уединенное, можно сказать, такая сугубо приватная территория. Я стала карабкаться вниз по склону, намереваясь изучить площадку со всех сторон. Спуск оказался совсем не сложным. Вот и отлично! Получается, что я нашла идеальное место для Молли, Игоря, Поузи и Полсона, наших четырех диких кошек, которых мы намереваемся транспортировать сюда.

Я потратила еще какое-то время, обойдя всю лощину вдоль и поперек и внимательно рассмотрев все вокруг. Лесистый склон горы обеспечит кошкам надежное укрытие, они будут чувствовать себя здесь в полной безопасности. А потом, когда они постепенно освоятся на новом месте и выйдут из своего загона на волю, они сами займутся изучением прилегающего ареала в поисках подходящих условий для обзаведения потомством. Но это все потом, в перспективе... А пока же все складывается как нельзя лучше. Жилые постройки и само имение всего лишь в десяти минутах ходьбы отсюда. Что позволит мне ежедневно самой подкармливать животных, добираясь к ним даже по глубокому зимнему снегу. Испытывая чувство глубочайшего удовлетворения от своего неожиданного открытия, я стала снова подниматься по склону горы. Наверху отыскала неровную узенькую тропку, которая наверняка служила единственной дорогой, по которой можно было выбраться из этой узкой лощины.

И тут услышала гул работающего мотора. Оглянулась по сторонам и увидела Кэла. Тот высунулся из окна своего лендровера, явно обрадовавшись тому, что отыскал меня.

– Ну, наконец-то! И куда это вы запропастились? Берил уже давным-давно приготовила завтрак, поднялась к вам наверх, чтобы пригласить к столу, а вас и след простыл. Она перепугалась не на шутку. Сказала, что наверняка вас похитил Полоумный Мак Тавиш, наше местное привидение. Говорят, его призрак до сих пор обитает в доме.

– Ой, простите меня! Виновата, Кэл. Совсем забыла о времени. Такое прекрасное утро. Вот я и решила немного прогуляться, пройтись по окрестностям и осмотреться вокруг. Кстати, я нашла просто идеальное место, где можно будет соорудить загон для наших диких кошек. Вон там, внизу. – Я махнула в сторону скалы.

– А вот это хорошо! Ради такого можно было с легкой душой пожертвовать завтраком Берил. Да и ей такая встряска пойдет только на пользу. А то уж совсем рехнулась, бедняга. Конечно, переживания и все такое, ясное дело! Но не до такой же степени... Вы понимаете меня, да? – Кэл весело подмигнул мне, пока я устраивалась в машине на пассажирском месте рядом с ним, а потом еще какое-то время сражалась с дверцей, пытаюсь закрыть ее. – Ее беда в том, что она до сих пор продолжает считать себя полноправной хозяйкой Киннаирд-лодж. Собственно, в каком-то смысле так оно и есть. Однако же, однако... Ну что, устроились? Тогда поехали.

Я молча кивнула, и мы двинулись в обратный путь.

– Дороги в наших краях опасные, когда выпадает снег, – заметил Кэл.

– Я всю свою жизнь прожила в Женеве. Так что привыкла водить машину по заснеженным зимним дорогам.

– Это хорошо. Такие навыки вам сильно пригодятся. Ибо впереди нас ждет много снега. Взгляните вон туда. – Кэл жестом показал, куда именно мне стоило смотреть. – Чуть выше того ручья, где этот березняк. Здесь олени укрываются на ночлег.

– Не сильно надежное укрытие, – отозвалась я, разглядывая просветы между голыми деревьями.

– Согласен. Да вот беда. Большинство лесного покрова, которое раньше было в этом ущелье, давно уничтожено. Сейчас мы пытаемся восстанавливать леса, но не все идет гладко. Делянки с молодыми саженцами надо огораживать, в противном случае олени уничтожают высаженные деревья на корню. Работы – непочатый край. Новый

хозяин поместья затеял большое дело. Ах, Берил! Опять ты за свои старые фокусы. – Послышался противный скрежет мотора, и машина задержалась на месте. Кэл резко затормозил, а потом стал возиться с коробкой передач, чтобы снова запустить свой старенький лендровер. Машина еще немного покочевряжилась, а потом ровно покатила вперед.

– Берил? – уставилась я на водителя удивленным взглядом.

– Ну да! – хохотнул в ответ Кэл. – Я ее так зову. Уж очень эта развалюха похожа на нашу капризную экономку. Такая же норовистая и упрямая. Хотя в целом, несмотря на все свои выверты, очень надежная.

Когда мы с Кэлом вернулись в Киннаирд-лодж, я тут же рассыпалась в извинениях уже перед настоящей Берил. Повинилась, что ушла из дома еще до завтрака, после чего почувствовала себя просто обязанной съесть хотя бы один сэндвич с пастой «Мармит», которые она, по ее словам, специально приготовила для меня, чтобы компенсировать пропущенную утреннюю трапезу. Хотя, если честно, я никогда не была особой фанаткой этого спрея. Слишком уж он вязкий и безвкусный, так и липнет к зубам.

– Кажется, она меня недолюбливает, – тихонько пожаловалась я Кэлу, когда Берил вышла из кухни. А он, усевшись рядом, принялся помогать мне, уминая за обе щеки остальные бутерброды.

– Не обращай внимания, Тиг, – перешел он на «ты». – Бедняжка все еще пребывает в состоянии стресса, – заметил он пронизательно, не переставая двигать челюстями и продолжая уничтожать сэндвич за сэндвичем. – Так в какое время ты собираешься отбыть восвояси? Есть подходящий поезд на три двадцать девять, но тебе самой решать.

Зазвонил телефон и оборвал наш разговор на полуслове. И тотчас же на кухне снова возникла Берил.

– Хозяин хочет поговорить с вами, Тигги. Можете подойти к телефону прямо сейчас? – спросила она у меня.

– Разумеется. – Я слегка кивнула головой Кэлу и проследовала за Берил по подсобному коридору в небольшую комнатку, которая, судя по всему, выполняла функции такого мини-офиса.

– Оставляю вас здесь одну. – Экономка кивнула на телефонный аппарат, стоявший на столе, и вышла вон, плотно прикрыв за собой дверь.

– Алло, – крикнула я в трубку.

– Алло! Тигги, это вы? Тысячу извинений за то, что не смог вырваться в Киннаирд и составить вам компанию. К сожалению, в больнице случилось несколько экстренных операций.

– Все в порядке, Чарли, – бодро солгала я в ответ, хотя на самом деле была *сильно разочарована* его отсутствием.

– Ну, и как вам Киннаирд?

– Думаю... Замечательное место! Одно из самых красивых, виденных мною. Прямо дух захватывает от здешних красот. Кстати, Чарли. Я уже тут присмотрела одно подходящее местечко для наших диких кошек.

– Правда?

– Чистая правда, – ответила я и принялась рассказывать, где именно обнаружила это место, странствуя по территории поместья.

– Ну, если вы считаете, Тигги, что оно подходит для ваших питомцев, то я только «за». А что же вы сами? Определились со своим решением? Сможете переселиться сюда вместе с ними?

– Я... Да, мне здесь очень понравилось, – выдохнула я в трубку и невольно улыбнулась. – Если честно, то я просто влюбилась в Киннаирд.

– Так вы согласны пожить какое-то время в имении?

– Да, согласна, – ответила я, не раздумывая. – Вне всякого сомнения, согласна.

– Но это же... это здорово! Честное слово! А уж как Кэл будет счастлив, и говорить не стану. Правда, мы еще с вами не обсудили условия оплаты и другие пункты контракта. Не будете ли вы столь любезны, чтобы изложить мне свои требования в письменной форме и отправить их по электронной почте? Что, если мы с вами оговорим начальный срок, скажем, в три месяца?

– Вполне приемлемый срок, Чарли. Хорошо, договорились. Я перешлю вам свой ответ по электронной почте.

– Замечательно! С нетерпением жду того момента, когда смогу уже сам показать вам наши места во всей их красе. Надеюсь, Берил позаботилась о вас надлежащим образом и вам было комфортно в Киннаирд-лодж?

– О, она встретила меня как родную.

– Хорошо. Тогда я отправлю вам по почте проект нашего с вами договора, и если вы будете согласны со всеми его пунктами, то тогда, быть может, в начале декабря вы уже сможете переехать со своими кошками в Киннаирд?

– Сроки вполне реалистичные. Я согласна.

Тепло распрощавшись с Чарли, я положила трубку и невольно подумала, чем обернется это мое согласие в будущем. Вполне возможно, я только что сделала самый лучший выбор в своей жизни. А может, и самый худший.

Потом я пространно долго благодарила Берил за ее гостеприимство, после чего Кэл мельком показал мне простой деревенский домик, впрочем, вполне уютный внутри, в котором я буду обитать на пару с ним после того, как переселюсь сюда. Затем мы снова залезли в его лендровер по кличке Берил, и Кэл повез меня в Тейн на железнодорожный вокзал.

– Так, значит, приезжаешь сюда вместе со своими кошками, да? – напрямую спросил у меня Кэл.

– Да, я согласилась поработать здесь какое-то время.

– Хвала небесам! – Кэл что есть силы ударил по рулю. – Меньше всего на свете мне хотелось возиться еще и с дикими кошками. У меня и без них забот полон рот.

– Я привезу их сюда в декабре. А это значит, что вам нужно будет обустроить для них подходящее жилище.

– Если нужно, значит, сделаем, Тиг. Какие тут могут быть разговоры? – снова перешел он на «ты». – Правда, мне надо будет еще посоветоваться с тобой на предмет того, что и как сделать, чтобы все было по высшему классу. Но все же здорово, что ты согласилась переехать сюда! Вот только один вопрос! Уверена, что справишься со здешним одиночеством? – поинтересовался он, пока мы подпрыгивали по ухабистой дороге, держа путь на выезд из поместья. – Ведь такую самоизоляцию может вынести далеко не каждый.

В этот момент из-за тучи вдруг вынырнуло солнышко и осветило всю долину, оставшуюся внизу позади нас. Окраины ее терялись в густых клубках тумана.

– Справлюсь, Кэл. Еще как справлюсь, – улыбнулась я в ответ, чувствуя, как меня переполняет радость. – Уверена, что смогу.

Следующий месяц промелькнул, как одно мгновение. Бесконечная череда печальных прощаний с нашими животными, по мере того, как мы вместе с Маргарет готовили их к отправке в другие места. Олень, две белки, ежики, совы и наш единственный маленький ослик, все были постепенно пристроены и переехали в свои новые дома, к новым хозяевам. Маргарет стоически сносила эту процедуру, держала себя, так сказать, в руках, а я пролила море слез, прощаясь с каждым из них.

– Так уж устроена жизнь, Тигги, – рассуждала она философски, успокаивая меня. – Мы все время с кем-то знакомимся и с кем-то прощаемся. Сплошная вереница разлук и встреч. Постарайся привыкнуть к такому порядку вещей, тогда тебе станет намного проще жить.

С Кэлом мы были постоянно на связи: бесконечные разговоры по телефону, письма по электронной почте. Все разговоры вертелись, главным образом, вокруг сооружения жилья для наших диких кошек. В конце концов Кэл нашел какую-то подходящую фирму и заключил с ней контракт на такое строительство.

– Сама понимаешь, – жаловался он мне в трубку, – лишних денег у меня нет. Но хозяин выхлопотал где-то грант на эти цели. То есть он всерьез вознамерился заняться разведением диких кошек.

Если судить по тем фотографиям, которые присылал мне Кэл, то возводимые вольеры для наших животных строились по самой передовой технологии, воплощая новейшие достижения в этой области: такие небольшие павильоны, соединенные друг с другом узким тоннелем, и все это среди деревьев, в лесу. Предусматривались и специальные площадки для кормления животных, а также сооружение отдельных потайных нор, в которых кошки могли бы прятаться по собственному усмотрению. Всего павильонов будет четыре, по числу наших кошек. Так что у каждой из них в перспективе будет своя территория. Что также позволит упростить процесс отделения женских особей от мужских, если наши самочки вдруг забеременеют.

Я показала фотографии Маргарет, когда мы с ней сидели в наш последний вечер за рюмочкой шерри.

– Бог мой! – воскликнула Маргарет, глянув на снимки, и рассмеялась. – Да в таких вольерах можно смело поселить парочку

жирафов, не говоря уже о наших тощих кошечках.

– Чарли, судя по всему, настроен очень серьезно и хочет полностью реализовать свою программу по разведению диких кошек.

– Ну, да он же у нас перфекционист во всем, наш Чарли. Известное дело! Жаль, что он не смог воплотить все свои мечты в реальность еще тогда, когда был молод. Все тогда в его жизни пошло как-то наперекосяк. Боюсь, он так и не смог оправиться полностью от пережитых разочарований.

Я тут же наострила ушки.

– А что за разочарования он пережил?

– Наверное, не стоило мне касаться этой темы, да вот разболталась. Шерри таки развязал мой старческий язык. Коротко скажу так: он пережил несчастную любовь. Что-то у них с его девушкой разладилось, и она ушла к другому. А он в отместку тоже женился.

– Вы знакомы с его женой?

– Видела ее лишь один-единственный раз на их свадьбе, то есть шестнадцать лет тому назад. Перекинулись парой слов, и на этом все. Мне она тогда не очень глянулась. Хотя, надо признать, она очень хороша собой. Но здесь как в сказках. Физическая красота ведь далеко не всегда совпадает с внутренней красотой. А Чарли... он всегда был немного наивен в том, что касается женщин. Ему на момент женитьбы едва минул двадцать один год, он был еще студентом третьего курса медицинского факультета в Эдинбургском университете. – Маргарет подавила тяжелый вздох. – Невеста, между прочим, на тот момент уже была беременна Зарой, их будущей дочерью. Такие вот дела. Мне кажется, что вся дальнейшая жизнь Чарли – это такой своеобразный вызов его отцу, тому, как тот вел себя. Женитьба и занятия медициной позволили Чарли зажить самостоятельной жизнью, максимально дистанцироваться от отца. Но, наверное, сейчас пришло его время, – задумчиво обронила Маргарет, допивая шерри. – Что ж, он вполне заслужил это.

* * *

На следующее утро я уже тряслась на заднем сиденье лендровера вместе с Молли, Игорем, Пуузи и Полсоном, которые мяукали на все голоса и отчаянно царапались, сидя в своих переносках, бурно выражая тем самым свое негодование и протест против столь неподобающего обращения с ними. Пришлось изрядно повозиться, чтобы загрузить их в машину. Та еще была работенка! Несмотря на то что на мне был толстый свитер, а на руки я предусмотрительно натянула сверхпрочные защитные перчатки, мои «котятка» как-то изловчились и нанесли мне несколько глубоких царапин на запястья. Хотя шотландские дикие кошки по своим габаритам ненамного больше обычных домашних пушистиком, да и окрас у них почти такой же, но, пожалуй, на этом все их сходство с нашими любимцами и заканчивается. Недаром диких кошек называют «тиграми Высокогорья». Значит, есть за что. Взять хотя бы нашего Полсона. У него ведь характер ого-го! Вначале цапнет, а потом уже начнет интересоваться, что от него нужно.

Но, несмотря на всю зловредность и агрессивность наших питомцев, я их всех очень люблю. Для меня наши дикие кошки стали крохотным лучиком надежды в том мире, в котором бесследно исчезли и превратились в легенду столь многие виды диких животных и птиц. Маргарет рассказывала мне, что в Шотландии в настоящее время запущено в действие сразу несколько программ, направленных на возрождение популяции диких кошек. Цель одной из этих программ – не допустить скрещивания кошек, обитающих в дикой природе, с домашними кошками, ибо для восстановления популяции нужно иметь «чистое потомство», то есть таких котят, которые родились именно от диких кошек. Я решительно защелкнула на замок дверцы всех переносок, несмотря на яростное шипение, раздающееся изнутри, понимая всю степень своей ответственности за судьбу этих животных, которая отныне ложится на мои плечи. Как-никак, а я их главный опекун.

Моя любимица, ежиха Алиса, которую я назвала так в честь известной героини сказки Льюиса Кэрролла, потому как она тоже умудрилась когда-то провалиться в кроличью нору, а я, чисто случайно оказавшись рядом, спасла ее из собачьих челюстей, когда наш пес Гиннесс вытащил ее наружу, сейчас дремала в картонной коробке на

переднем сиденье машины, рядом с моим рюкзаком, в который я упаковала весь свой скудный гардероб.

– Ну, что? Трогаемся? – спросил у меня Кэл, которому уже надоело ждать и не терпелось двинуться в обратный путь.

– Да, – коротко ответила я, зная, что мне еще нужно вернуться в дом, чтобы в последний раз попрощаться с Маргарет, что, пожалуй, станет для меня самым душераздирающим моментом. – Подожди еще пару минут, ладно?

Кэл молча кивнул в знак согласия, понимая всю сложность ситуации, а я почти бегом помчалась в наш домик.

– Маргарет, вы где? – крикнула я прямо с порога.

Но Маргарет нигде не было видно. Тогда я выбежала на улицу и обнаружила ее сидящей посреди пустого вольера, в котором мы содержали наших кошек. Рядом с ней примостились по обе стороны верные Гиннесс и Кнопка. Маргарет обхватила голову обеими руками, плечи ее сотрясались от беззвучных рыданий.

– Маргарет! – Я подбежала, опустилась на колени и обхватила ее руками, прижимая к себе. – Пожалуйста, не плачьте! Не надо! Иначе я сейчас тоже разревусь.

– Ничего не могу с собой поделать, милая. Все это время старалась держать себя в руках и быть мужественной, но сегодня...

Маргарет отняла руки от своего лица, глаза ее были красными и опухли от слез.

– Ведь сегодня особый день. Можно сказать, подводим черту под прошлым. Ты уезжаешь, и кошки тоже.

Она протянула ко мне свою крючковатую, пораженную артритом руку. Обычно такими руками иллюстраторы сказок награждают всяких злых ведьм. Но я-то знала: руки Маргарет – это сама доброта и ласка.

– За этот год, Тигги, я полюбила тебя, как свою родную внучку. Поверь мне, я никогда не смогу отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала. Ведь без твоей помощи, особенно учитывая мои хлипкие физические силы, я бы никогда не смогла ухаживать должным образом за нашими животными.

– Я обязательно вскоре приеду к вам в Тейн, взгляну, как вы там обустроились на новом месте. Ведь мы же станем жить совсем недалеко друг от друга. – Я снова прижала к себе старую женщину в

прощальном объятии. – Мне очень повезло работать у вас. Вы так многому меня научили. Спасибо вам, Маргарет, за все.

– Это тебе спасибо, моя родная. А уж если говорить об учебе, то постарайся обязательно познакомиться с Чилли, когда обустроишься в Киннаирде. Это старый цыган, который живет в имении с незапамятных времен. Вот он-то – самый настоящий кладезь знаний в том, что касается лечения дикими травами, как людей, так и животных.

– Обещаю! Я познакомлюсь с ним. А сейчас до свидания, дорогая Маргарет. – Я поднялась с пола, чувствуя, что и сама уже на грани слез, и быстро вышла из сарая.

Рядом со мной тут же возник Кэл.

– Ты уже постарайся, моя девочка, чтобы наши кошечки в положенный срок принесли хорошее потомство, ладно? – крикнула мне вдогонку Маргарет.

Прощальный взмах рукой, я сажусь в нашу старуху «Берил» и машина срывается с места. Начинается новая глава в моей жизни.

* * *

– Вот твоя спальня, Тиг, – коротко пояснил мне Кэл, опуская мой рюкзак с вещами на пол.

Я обвела взглядом небольшую комнатку: низкий оштукатуренный потолок с многочисленными трещинами и неровностями. Такое впечатление, что он уже просто устал держать на себе крышу, которая давит на него сверху. В помещении а) царил зверский холод; б) обстановка более чем спартанская. И это даже с учетом того, что я, в общем и целом, легко переношу отсутствие комфорта. Слава богу, хоть кровать здесь есть. А также небольшой комод у стены, на который я тут же водрузила коробку с Алисой.

– Может, я сейчас принесу и ее клетку? – предложил мне Кэл. – Вдруг она удерет из коробки и начнет шнырять по всему дому? Залезет, к примеру, в гостиную или туда, где я сплю. А я, проснувшись ночью, чтобы сходить в уборную, ненароком наступлю на нее и, чего доброго, раздавлю всмятку. То-то будет неприятностей! Кстати, разве она не должна впадать в спячку в такое время года?

– Если бы она жила на воле, то наверняка так оно бы и было. Но пока я не рискую отпускать Алису на свободу. Она еще недостаточно окрепла, да и нужный вес не набрала. Едва ли она бы в таком состоянии пережила зиму. А так живет себе в тепле и заботе, а я ее регулярно подкармливаю.

Через какое-то время Кэл воротился с клеткой для ежихи. Я пересадила Алису в клетку, потом насыпала из мешочка ее любимый кошачий корм и вдруг почувствовала себя настолько обессиленной, что с трудом опустилась на кровать, желая лишь одного: побыстрее принять горизонтальное положение.

– Спасибо за помощь, Кэл. Без тебя я бы никогда не сумела транспортировать наших диких кошек сюда. Да еще и разместить их в новых вольерах.

– Это точно, – согласился Кэл, скользнув по мне сочувственным взглядом. – Ты же вон какая худенькая. Прозрачная, прямо как сказочная фея. Едва ли я рискну попросить тебя зимой помочь мне починить забор или нарубить дров для камина.

– Это не важно, что я худенькая. На самом деле я сильная, – обидчиво запротестовала я. Чистейшая ложь, впрочем. Потому что сил во мне действительно немного. Во всяком случае, физических сил.

– Хорошо-хорошо! Пусть так! Тебе у нас будет где приложить свои силы, Тиг. – Кэл оглядел холодную пустую комнату. – Здесь везде нужна женская рука, – добавил он, разъясняя свою мысль. – А я по этой части не очень силен. Даже не знаю, с чего начать.

– Не переживай. Совместными усилиями мы быстро создадим уют.

– Есть хочешь? В холодильнике стоит тушенка из оленины.

– Спасибо, ничего не надо. К тому же я вегетарианка, если ты не забыл...

– Конечно, не забыл. Ну, как хочешь. – Я сладко зевнула, и он тут же подался к дверям. – Пожалуй, тебе самое время немного соснуть с дороги.

– Наверное, ты прав.

– В ванной комнате у нас тут есть ванна. Ступай окунаться первой, пока вода еще горячая.

– Нет, пожалуй, сегодня обойдусь без омовения. Лучше побыстрее лягу в постель. Спокойной ночи, Кэл.

– И тебе спокойной ночи, Тиг.

Кэл закрыл за собой дверь, и я тотчас же откинулась на подушки. Матрас только внешне казался новым, на самом деле тоже был весь в рытвинах и ямах. Я натянула на себя одеяло и тотчас же отключилась.

* * *

Проснулась в шесть утра, одновременно и от зверского холода в комнате, и от чувства внутренней тревоги, снедавшей меня всю ночь. Включила свет и глянула в окно. На улице стояла кромешная тьма. Окна снаружи покрылись слоем инея.

Поскольку одеваться было не нужно – я всю ночь проспала в джемпере и в толстых штанах, то я лишь натянула сверху теплый жакет, на ноги – ботинки, на голову вязаную шапочку, после чего влезла в лыжную куртку и осторожно приоткрыла дверь. Вошла в гостиную. С потолка свисали массивные балки, в углу комнаты возвышался огромный камин. Я сняла с крючка на двери фонарь – вчера вечером Кэл как раз показал мне, где он висит. Включила фонарь и, собравшись с духом, вышла на улицу. Стараясь ориентироваться по памяти и освещая себе путь фонариком, я добрела до большого сарая, в котором имелось отдельное холодное помещение. Там хранилась снедь для моих диких кошек – тушки голубей и кроликов. Я вошла в сарай и увидела Тистла. Тот спал на подстилке из соломы в дальнем углу сарая. Но стоило мне сделать лишь шаг, как пес тут же подхватился со своего места, сонно потянулся всем телом, а потом потрусил в мою сторону на своих невероятно длинных ногах, чтобы поздороваться, и с радостью ткнулся острым носом в мою протянутую ладонь. Я глянула в его умные карие глаза, обрамленные серой шерстью, что производило несколько комичное впечатление: будто над глазами животного нависли кустистые седые брови, и невольно улыбнулась, чувствуя, как тает мое сердце при виде этой псины.

– Ступай за мной, приятель. Авось, и для тебя отыщется что-нибудь вкусненькое.

Я взяла провизию для кошек, презентовала Тистлу отменную сахарную косточку и снова заторопилась на улицу. Тистл тотчас же

вызвался сопровождать меня, но я все же затолкала его обратно в сарай.

– В следующий раз обязательно возьму тебя с собой. А пока потерпи, приятель, ладно? – сказала я ему, понимая, что рисковать нельзя. А вдруг он напугает моих кошек? Они еще и так не вполне пришли в себя после переезда на новое место.

Я пересекла замерзшую лужайку и спустилась вниз по склону туда, где виднелись постройки для моих животных. Темень на дворе стояла крошечная. Еще никогда я не видела такого иссиня-черного неба. И нигде вокруг ни одного живого огонька. Светя фонариком себе под ноги, я кое-как спустилась по склону и направилась ко входу в вольеры.

– Молли, – позвала я громким шепотом, впевнив взгляд в темноту. – Игорь, Пузи, Полсон! Вы где?

Машинально повернула ручку двери, чтобы войти в вольеры, но тут вспомнила, что вход туда оборудован специальным автоматическим замком с кодовым набором цифр. Соответствующее цифровое табло было установлено прямо над замочной скважиной. Такой замок с кодом позволяет обезопасить животных на тот случай, если вдруг в помещение попытается проникнуть какой-то случайный человек. Я напрягла память, стараясь вспомнить комбинацию цифр – ведь вчера Кэл сообщил мне код. После чего набрала комбинацию, которая показалась мне наиболее вероятной. Успешной оказалась только третья попытка: в замке что-то щелкнуло, и дверцы плавно разъехались в разные стороны. Я вошла внутрь и закрыла за собой двери.

Снова позвала своих кошек. Никакой реакции. Ни малейшего звука или шороха в ответ. Да и чему удивляться? В таких огромных вольерах, как эти, кошки могут забиться куда угодно. Вполне возможно, они намеренно спрятались, все еще пребывая в состоянии стресса.

– Ребята, вы где? Это я, Тигги, – спросила я громким шепотом, нарушив мертвую тишину, царящую в павильонах. Струйка морозного дыхания вырвалась из моего рта и тут же бесследно растаяла в темноте. – Я пришла. Вам нечего бояться. Вы здесь в полной безопасности, а я буду рядом с вами. Обещаю!

Замолчала, прислушиваясь к ответной реакции. Должны же они хоть как-то отреагировать на мой голос. Не отреагировали. Я обшарила все четыре павильона, время от времени окликая животных по имени, с тем же нулевым результатом. Проторчала в вольерах до тех пор, пока не почувствовала, что уже начинаю коченеть от холода. Тогда я быстро разложила корм по кормушкам и заторопилась на выход. Заперла за собой дверь и направилась вверх по склону к себе домой.

* * *

– Ну, и где это тебя черти носят ни свет ни заря? – поинтересовался у меня Кэл, выныривая из кухонки и неся в руках две кружки с горячим чаем для нас обоих.

– Ходила проведать своих кошек, но они категорически отказались выйти ко мне. Бедняжки! Они, наверное, еще не вполне оправились от пережитого шока и все еще сильно напуганы. Но по крайней мере они хоть услышали мой голос.

– Знаешь, я вообще-то не большой любитель кошек, причем всяких. Эгоистичные, самовлюбленные твари, эти кошки, все, без исключения. Жалуют лишь того, кто их кормит, да и то не всегда. Другое дело – собака. Возьми моего Тистла. Верный пес. С таким хоть на край света можно отправляться.

– Я его уже сегодня утром повстречала. В сарае. Даже угостила хорошей косточкой на завтрак, – призналась я, с наслаждением отхлебнув горячую ароматную жидкость. – Он что, всегда там спит?

– Конечно, а где же еще? Это же сторожевой пес, а не какая-нибудь там разбалованная городская болонка, привыкшая спать на пуховой подушке.

– Но разве нельзя пускать его сюда, в дом? Ведь в сарае же страшная холодина.

– Успокойся, Тиг! Что за нежности, в самом деле? Он привык спать на холоде, – возразил Кэл непреклонным тоном, снова направляясь на кухню. – Хочешь тостов с повидлом?

– Очень хочу! Спасибо, – поблагодарила я и, подхватив чашку, пошла к себе в спальню. Там опустилась на колени перед клеткой своей ежихи Алисы и открыла дверцу. Два ярких блестящих глазика

тут же вынырнули из глубины деревянного домика, в котором Алиса обычно пряталась, и уставились на меня.

– Доброе утро, Алиса, – поприветствовала я ее негромко. – Как спалось на новом месте? Огурчика хочешь?

Я снова вернулась на кухню, чтобы достать из холодильника огурец. Открыла дверцу и поняла, что холодильник нуждается в срочной и кардинальной чистке. Все полки и задняя дверца заросли толстым слоем грязи, кое-где проступила даже плесень. Бросилась в глаза раковина, в которой громоздились горы грязных кастрюль и сковородок. Я сняла с гриля тост и, положив его на стол, весь усыпанный хлебными крошками, уже успевшими изрядно засохнуть, что косвенно указывало на то, что они тут провалялись по меньшей мере неделю, принялась смазывать тост слоем маргарина.

«*Типичный мужчина*», – подумала я. Что с него взять? Хотя сама я тоже не была по жизни такой уж образцовой аккуратисткой, но кавардак, царящий на кухне, вызвал у меня резкое неприятие. Даже руки зачесались, чтобы побыстрее приняться за работу по наведению порядка. Покормив Алису, я пошла доедать свой тост, устроившись рядом с Кэлом за небольшим столом в гостиной.

– Чем ты обычно кормишь своих кошек по утрам? – поинтересовался у меня Кэл.

– Сегодня вот разложила им тушки голубей и пару кроликов, которых прихватила с собой.

– А я для тебя припас сердца оленей. Храню их в морозильнике. Я покажу тебе, где это. Сарай на заднем дворе дома.

– О, такое угощение им точно придется по душе. Спасибо, Кэл.

– Вот тут я тебя, Тиг, не совсем понимаю. С одной стороны, ты вегетарианка. С другой – каждый день возишься с мясом убитых животных. Как такое можно?

– Все просто, Кэл. Потому что это природа, а в природе все происходит естественно. Если мы, люди, обладая разумом, можем самостоятельно решать, что нам есть и какой диеты придерживаться, особенно располагая широчайшим выбором альтернативных продуктов питания, то у животных такой возможности нет. Вот взять, к примеру, Алису. Она ест мясо, потому что все ежи едят мясо. То же самое с кошками. Так уж устроена их пищеварительная система, что ли. Не скажу, что мне доставит большое удовольствие возиться с

сердцами убитых оленей. Ведь как ни верти, а сердце – это самый главный орган в любом живом организме. Сердце определяет нашу жизнь, разве не так? А тут пускаешь это на корм...

– Не стану комментировать. В конце концов, я же мужчина, а потому люблю вкус красного мяса на своих зубах. И неважно, бросовые ли это куски мяса или хороший стейк. Мне все вкусно. – Кэл поднял палец и помахал им передо мной. – А потому сразу же предупреждаю тебя, Тиг. Меня тебе в свою веру не обратить. Я человек плотоядный. Одно слово, мясоед.

– Обещаю и клянусь, что не буду агитировать тебя за то, чтобы ты стал вегетарианцем. Но тоже предупреждаю тебя: готовить тебе всякие отбивные и котлетки я точно не стану.

– А я-то полагал, что вы, французы, все страсть как любите красное мясо.

– Ну, во-первых, я не француженка. Я швейцарка, – улыбнулась я в ответ. – Наверное, именно этим обстоятельством и объясняются мои гастрономические пристрастия.

– Маргарет говорила, что ты ученая, Тиг. Занималась всякой исследовательской работой. У тебя даже степень имеется. Это правда? Наверняка ты могла бы найти себе работенку и получше: высокооплачиваемую, в какой-нибудь престижной научной лаборатории. А ты вместо этого приехала в нашу глушь, чтобы возиться с какими-то дикими кошками. Почему ты выбрала Киннаирд?

– В научной лаборатории я уже успела потрудиться, когда работала в Женевском зоопарке. Правда, недолго. Всего лишь несколько месяцев. Деньги там платили хорошие, но все равно я не испытывала никакого удовлетворения от своей работы. А ведь главное в жизни – это когда ты получаешь удовольствие от того, чем занимаешься. Я права?

– Это как посмотреть, Тиг. Если вспомнить, сколько я здесь вкалываю, от темна и до темна, и сколько за все это получаю в итоге, то надо быть очень большим оптимистом. Ибо за свой труд я действительно получаю одно лишь удовольствие. – Кэл весело хохотнул. – Но все равно, я очень рад, что ты к нам приехала. Думаю, мы с тобой сработаемся.

– Как смотришь, если я затею прямо сейчас генеральную уборку в нашем доме? Не будешь возражать?

– Да, убраться здесь как следует уже давно пора. Спасибо, Тиг. Отличная мысль. Ну, а я пока пошел по своим делам. Увидимся позднее.

С этими словами он натянул на себя теплую куртку и заторопился к дверям.

* * *

Остаток утра я провозилась с котами, точнее, провозилась без них, потому что, несмотря на все усилия найти питомцев, поиски мои не увенчались успехом. Напрасно я пыталась обнаружить их логово в этих запутанных лабиринтах. Зверушки затаились всерьез и надолго.

– Вот беда будет, если мои подопечные перемрут за первую же неделю своего пребывания на новом месте, – пожаловалась я Кэлу, когда он заглянул домой около полудня, чтобы соорудить себе необъятных размеров бутерброд на ленч. – Они ведь даже не прикоснулись к еде.

– Ну, от голода они точно не умрут, – тут же успокоил меня Кэл. – Жирка у них достаточно, чтобы перекантоваться без еды пару-тройку дней. Не переживай, Тиг. Вот акклиматизируются на новом месте, и все с ними будет в полном порядке.

– Надеюсь. Очень на это надеюсь. А сейчас мне надо в магазин, купить кое-что из продуктов и всякие моющие средства. Где у вас тут ближайшая торговая точка?

– Я поеду с тобой, покажу тебе наш деревенский магазин. А заодно преподам и урок вождения. «Берил» у нас ведь машинка сноровистая. К ней надо приспособиться.

Следующий час я обучалась всем тонкостям вождения нашей «Берил», попутно изучив все ее фокусы. Под чутким руководством Кэла я сумела съездить в магазин и вернуться обратно. Магазин меня откровенно разочаровал. Основной ассортимент – это песочное печенье, бог знает скольких сортов для заезжих туристов. Правда, мне повезло, и я купила картошку, морковь, капусту, немного соленого арахиса и несколько банок консервированной фасоли для поддержания протеина.

Мы вернулись домой, и Кэл снова поспешил в лес, а я какое-то время безуспешно пыталась найти в доме метлу и швабру. Естественно, ничего такого я не нашла. Решила обратиться за помощью уже к настоящей Берил, сходить в дом и позаимствовать у нее на время необходимые мне причиндалы. Пересекла двор, направляясь к черному ходу. Громко постучала в дверь, ответа не последовало. Тогда я распахнула дверь и вошла в коридор.

– Берил, вы где? Это Тигги, – окликнула я экономку, направляясь по коридору в сторону кухни. – Вы здесь?

– Я наверху, милая, – послышался сверху голос Берил. – Инструктирую тут нашу новую приходящую служанку. Через пару секунд спущусь. А вы тем временем ступайте на кухню и поставьте на огонь чайник. Будьте так добры.

Я повиновалась. Поставила кипятить воду и занялась поисками заварочного чайника. Но в эту минуту в кухню вошла Берил в сопровождении молодой девушки с очень бледным, почти бескровным лицом, облаченной в фартук и с резиновыми перчатками на руках.

– Это наша Элисон, – пояснила мне Берил. – Будет содержать дом в образцовом порядке и чистоте, когда на Рождество сюда съедутся гости. Так, Элисон? – Берил говорила медленно, отчетливо артикулируя каждое слово, будто у служанки были какие-то проблемы со слухом.

– Да, миссис Макгерк, я постараюсь.

– Вот и хорошо, Элисон. Жду тебя завтра утром ровно в восемь. Нам еще надо многое успеть до приезда хозяина.

– Да, миссис Макгерк, – снова послушно повторила девушка, бросив испуганный взгляд на свою строгую начальницу. Потом распрощалась с нами кивком головы и поспешно ретировалась из кухни.

– Боже правый! – тяжело вздохнула Берил и, открыв буфет, извлекла оттуда заварочный чайник. – Умом наша Элисон точно не блещет. Но где прикажете взять хорошую прислугу в нашей-то глуши? Слава богу, хоть ходит на своих ногах. Сможет прибегать сюда на работу каждый день. Что уже немало, особенно в зимнее время. Она тут живет неподалеку, на небольшой ферме вместе со своими родителями.

– А вы сами где живете? Далеко? – поинтересовалась я у Берил, наблюдая за тем, как она кладет ложечкой чайные листочки в заварочный чайник.

– Нет, недалеко. Я живу в собственном доме по другую сторону ущелья. Как я понимаю, вы предпочитаете чай без молока?

– Да.

– Но моего домашнего песочного печенья отведаете? Хотя бы кусочек? Оно, правда, с маслом. – Берил показала на тарелку с аппетитной стопкой бисквитов, покрытых толстым слоем карамели и шоколада. – Поскольку молочная ферма находится буквально в двух шагах от моего дома, то могу гарантированно заверить вас, что за коровами там организован образцовый уход.

– Печенье отведаю, спасибо, – ответила я, решив не вдаваться в дальнейшие дискуссии по поводу ухода за коровами. Да и не время сейчас объяснять пожилой экономке свои соображения по этому поводу. Разве не возмутительно, что маленьких телят почти сразу же отлучают от своих матерей, а тех намеренно постоянно случают и держат в состоянии вечной беременности, обеспечивая тем самым максимальные надои молока для людей? Но вслух я сказала другое: – Вообще-то мои запреты по части пищи распространяются только на мясо. И рыбу тоже никогда не ем. А вот что касается молочных продуктов, то время от времени я позволяю себе такую слабость. И молочный шоколад очень люблю, – неожиданно призналась я.

– А кто ж не любит молочный шоколад? – удивилась, в свою очередь, Берил, слабо улыбнувшись, и положила мне на тарелку кусочек своего домашнего бисквита. Я почувствовала, что мы обе сделали сейчас по маленькому шагку в направлении выстраивания добрых взаимоотношений. Правда, мне для этого пришлось поступиться своими принципами. – Ну, как вы обустроились на новом месте?

– Все хорошо, – ответила я, с наслаждением откусывая кусочек домашней выпечки, обильно пропитанной сливочным маслом. – Вот пришла к вам, чтобы позаимствовать на время швабру и метлу. А если бы еще и пылесос, то вообще было бы замечательно. Тогда бы я убралась как следует.

– Все это есть. Сейчас дам. Мужчины привычны к грязи, правда? Могут месяцами барахтаться в собственной луже, как те свиньи.

– Наверное, некоторые мужчины действительно грязнули по жизни. Хотя мой отец, к примеру, был необыкновенно чистолюбивым человеком. Я второго такого чистолюбивого и не встречала. Вокруг папы всегда царил идеальный порядок. Каждое утро он сам прибирал свою постель, и это притом что в доме у него, *у нас в доме*, была экономка, которая могла бы делать эту работу вместо нас.

Берил окинула меня изучающим взглядом, видно, прикидывая мысленно, какой у меня может быть социальный статус.

– Так вы из джентри, получается? – спросила она.

Слово «джентри» было мне не знакомо.

– А что это такое «джентри»? – задала я встречный вопрос.

– Простите меня, Тигги, но у вас такой хороший английский, что я совсем забыла, что вы иностранка. Француженка, если судить по вашему акценту, да?

– Вообще-то я из Швейцарии, но мой родной язык действительно французский.

– Я хотела сказать, что, судя по всему, вы благородных кровей, из дворянства, – пояснила мне Берил. – Коль скоро у вас в доме даже была экономка.

– Вряд ли. Не думаю, что мы из дворян. Во всяком случае, мы, шесть сестер. Ведь всех нас отец удочерил еще тогда, когда мы были грудными детьми.

– Даже так? Как интересно! А отец никогда не рассказывал вам, откуда вы все родом?

– К несчастью, папа умер пять месяцев тому назад. Но он оставил каждой из нас прощальное письмо. Так, в письме, которое он написал мне, точно указано, где именно он нашел меня.

– Собираетесь навеститься в те места?

– Пока не уверена. Да и потом, меня вполне удовлетворяет мое нынешнее состояние. Я – это я, такая, какая я есть и какой была всегда. У меня было счастливое детство, у меня замечательные сестры, да и мой покойный отец, пусть и приемный, тоже был потрясающим человеком.

– То есть вам никак не хочется нарушать свою семейную идиллию, так?

– Совсем не хочется, вы правы.

– Но, кто знает, быть может, в один прекрасный день вам и захочется узнать о своем прошлом. Пока же позвольте выразить вам свое соболезнование в связи с вашей утратой. А сейчас о делах насущных. Метлы и швабры стоят в шкафчике, что слева по коридору. Берите все, что вам нужно, и держите их у себя до тех пор, пока не покончите с уборкой дома.

– Спасибо, Берил, – поблагодарила я. Меня тронули ее слова сочувствия и то, как ненавязчиво она пособолезновала мне в моем горе.

– И, пожалуйста, без церемоний спрашивайте у меня все, что вам может впредь понадобится для того, чтобы придать вашему приюту более жилой вид. А сейчас прошу простить, но мне еще нужно позвонить Бену, нашему разнорабочему, напомнить ему, чтобы он завез Чилли, который живет в горах, немного дров.

– Чилли – это тот старый цыган, который обитает в вашем имении?

– Да, это он.

– Маргарет рекомендовала мне обязательно познакомиться с ним.

– Его всегда можно будет найти дома, милая. Ведь он почти никуда не выходит. Совсем разбил старика артрит. Как он там зимует один, в лесу, в горах, ума не приложу. Но сейчас у него хоть есть своя деревянная хижина. Хозяин летом распорядился построить ему этот домик, так что у Чилли по крайней мере тепло.

– Чар... То есть ваш лэрд проявил настоящую доброту.

– Все так, хотя я уже не раз говорила ему, что самое лучшее для Чилли – это переселить его в деревню и вверить на попечение соответствующим социальным службам. Но проблема в том, что всякий раз, как только наши социальные службы озабочиваются его судьбой, Чилли немедленно удирает прочь и прячется где-то в лесу. И его попросту невозможно отыскать. Вот в следующий раз, когда они снова нагрянут к нему, я постараюсь сделать так, чтобы он ничего об этом не знал заранее, – недовольно фыркнула Берил. – Иначе кто-то из нас должен навещать его каждый день, приносить ему еду, пополнять запас дров. Как будто у нас другой работы здесь нет! В любом случае, – Берил подавила тяжелый вздох и взяла трубку радиотелефона, – сейчас мне пора уходить.

Я взяла в шкафчике метлу, швабру, пылесос и кое-как дотащила все это до нашего домика. В сопровождении Тистла, который скорее мешал, чем помогал, возбужденно прыгая вокруг меня.

– Привет, Тиг, – услышала я голос Кэла из глубины сарая. – Я здесь. Отвариваю олени головы. Не сообразишь нам по чашечке чая, а?

– Соображу. Только ты приходи за своей чашкой сам. Я ни под каким предлогом не переступлю порог сарая, пока ты занимаешься всем этим. Ясно?

– Хорошо, договорились! Мне, пожалуйста, два кусочка сахара.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – ответила я с издевкой в голосе. – Вот только сначала занесу в дом швабру и пылесос, если не возражаешь. – Я отвесила шутливый книксен уже на пороге, а потом распахнула дверь в дом.

4

До Рождества осталось ровно две недели. Дни становились короче по мере того, как зима все решительнее вступала в свои права. Но, несмотря на мороз, который затянул инеем окна снаружи, снега на дворе было еще мало, чему я была только рада. Отсутствие снегопадов очень помогло мне обустроить наш с Кэлом и сделать его гораздо более уютным и удобным для жизни. На следующий день после того, как я попросила у Берил метлу, швабру и пылесос, экономка сама пришла ко мне и принесла целую охапку красивых занавесок на окна с миленьким цветочным узором.

– Выбирайте, что вам больше подойдет. Все эти занавески висели на окнах в большом доме еще до того, как начался ремонт. А потом все там переделали, поменяли полностью мебелировку, но жалко же выбрасывать их. Они еще вон какие хорошие. Остаются еще бесхозными несколько ковров на пол. Правда, кое-где их поела моль, но так они имеют вполне приличный вид. Постелите их тут, все будет теплее, чем просто ходить по голому каменному полу. Да, и скажите Кэлу, что в сарае, в том, что за домом, стоит старое кожаное кресло. Нужно будет перетащить его сюда. Отлично будет смотреться возле камина.

– О, да ты оказалась самой настоящей маленькой хозяйюшкой. Вон какое уютное гнездышко свила, – пошутил Кэл, увидев результаты моих усилий по обновлению гостиной.

Как ни странно, но мне и самой понравилось заниматься домашним хозяйством и наводить уют в доме. Ведь, в сущности, у меня никогда не было своего дома. Зато сейчас я с удовольствием коротаю вечера, сидя в потертом кресле перед жарко полыхающим камином, а Кэл в это время нежится, лежа на диване и забавляясь с Алисой. Поначалу он отнесся к моей ежихе без особого энтузиазма, но постепенно попал под очарование этого маленького зверька и даже стал часто забирать ее из клетки и играть с ней, а она, наигравшись, сворачивалась калачиком и удовлетворенно засыпала на его огромной ладони. Меня немного расстраивало то, что Алисе он выписал пропуск как домашней постоялице, зато Тистла по-прежнему не пускал даже на порог.

– На Рождество собираешься к своим? – поинтересовался у меня Кэл за завтраком.

Я глянула в окно. Сверкающее инеем ущелье напоминало вполне рождественскую картину с изображением зимнего пейзажа, вставленную в переплет оконной рамы.

– Поначалу действительно планировала вырваться на пару деньков к себе домой, в Швейцарию. Но сейчас едва ли у меня получится. Столько нерешенных проблем с кошками. Да и что я там буду делать одна, без сестер? А девочки тоже, судя по всему, не приедут домой в этом году. Разве что стану горевать, тосковать без отца. Одна, в пустом доме, не очень веселая перспектива.

– А где живут твои сестры?

– Самая старшая, Майя, сейчас живет в Бразилии. Алли – в Норвегии, Стар обосновалась на юге Англии, Сиси, как всегда, странствует по миру в поисках приключений, а Электра, моя самая младшая сестра... О, она может быть где угодно. Она модель. Наверняка ты слышал о ней. Ее все знают.

– Ты хочешь сказать, что *та знаменитая* Электра – это твоя сестра? Та красавица высоченного роста, пожалуй, будет повыше меня. Она же вечно красуется полуобнаженной на первых полосах всех газет. Популярности у нее как у самой настоящей рок-звезды, ничуть не меньше.

– Все верно. Это моя Электра, – подтвердила я слова Кэла.

– Вау! Да ты прямо полна сюрпризов, Тиг! Честное слово! – Кэл окинул меня внимательным взглядом. – Но ты же на нее совсем не похожа.

– Потому что мы с ней не родные, – напомнила я ему, издав при этом короткий смешок. – Нас всех удочерили еще в младенческом возрасте. Я же тебе рассказывала, помнишь? Так что кровной связи между нами действительно нет.

– Тогда другое дело, – понимающе кивнул головой Кэл. – Послушай, Тиг! Скажи Электре, что если она вдруг надумает навестить тебя здесь у нас в Шотландии, то я с удовольствием сопровожу ее в наш местный паб и мы с ней пропустим там по паре стаканчиков виски. Передашь?

– Обязательно передам, когда буду разговаривать с ней в следующий раз, – пообещала я и, увидев, каким плотоядным огнем вдруг вспыхнули глаза Кэла, тут же поспешила переменить тему разговора. – А ты сам где собираешься встречать Рождество?

– Там же, где встречаю Рождество каждый год. Вместе со своей семьей в Дорноче. Кстати, приглашаю и тебя, Тигги, к нам на праздничное застолье. Тем более что ты – очень удобный гость. Не станешь покушаться на нашу индейку, – добавил он со смешком.

– Спасибо за приглашение, Кэл, но я еще пока не определилась с окончательным решением. Мне немного не по себе, что мы бросили Ма одну в доме. А она ведь растила всех нас, можно сказать, с пеленок. Возможно, я приглашу Ма сюда, к себе, – бросила я задумчивым тоном.

– Эта Ма, она что, была замужем за твоим отцом?

– Нет. Хотя, вполне возможно, какие-то отношения их связывали. Правда, ничего интимного, – добавила я поспешно. – Отец в свое время нанял ее в качестве нашей няни и гувернантки. То есть все мы выросли под ее неусыпным оком. Она всегда была рядом с нами.

– Странная у вас, однако, семейка, Тигги. Только без обид, ради бога. Во всяком случае, очень нетипичная, в сравнении, скажем, с моей семьей.

– Да я и сама это понимаю. Но, поверь мне, я люблю Ма, и Клавдию, нашу экономку, и всех своих сестер точно так же, как ты любишь своих близких. И мне вовсе не хочется, чтобы после смерти

папы наша семья распалась. Правда, отец был стержнем нашей семьи, на котором держалось все. Именно он соединял всех нас. – Я подавила тяжелый вздох. – Во всяком случае, раньше все мы в обязательном порядке собирались дома на рождественские праздники.

– Да, семья – это все. Святое дело, – согласился со мной Кэл. – У каждого из нас могут быть свои причуды. Иной раз кто-то из близких и достанет тебя до чертиков. Но стоит чужаку обидеть твоего сородича, и вся семья тут же встанет за него горой. Что ж, если хочешь пригласить к себе свою Ма, то это будет здорово. А мы, со своей стороны, постараемся сделать грядущее Рождество как можно более... праздничным, что ли. Пойду, прогуляюсь по загонам, посмотрю, что и как. – Кэл поднялся со своего места и ласково потрепал меня по плечу, проходя мимо.

Чуть позже я позвонила Ма и пригласила ее встретить Рождество вместе со мной в Шотландии, но она ответила решительным отказом.

– Спасибо, Тигги, родная моя, за приглашение, спасибо, что вспомнила обо мне. Но я не смогу оставить Клавдию коротать праздники в одиночестве.

– Так пусть и она приезжает вместе с тобой, – затараторила я в трубку. – Правда, у меня тут немного тесновато. Ну да ничего страшного. В тесноте, как говорится, да не в обиде.

– Вообще-то мы уже пригласили к себе Георга Гофмана. И, конечно же, Кристиан тоже будет встречать Рождество вместе с нами.

– Тогда понятно. Ну, раз ты так решила, – пробормотала я немного расстроенным голосом, а про себя подумала: как это грустно, что за рождественским столом в Атлантиде соберутся только слуги, и никого из членов самой семьи.

– Да, милая. Мы тут так решили. Однако расскажи мне, как ты сама? Как твои бронхи?

– Все замечательно, Ма. Вдыхаю полной грудью галлоны чистейшего горного воздуха.

– Но ты там одевайся потеплее, ладно? Ты же знаешь, у тебя слабая грудка. Ты легко подвержена простудам.

– Обещаю, Ма. Буду укутываться изо всех сил. А сейчас всего тебе доброго и до свидания.

Несколько дней спустя я позвонила Маргарет, чтобы узнать, как она устроилась в своем новом доме. И она тотчас же пригласила меня на рождественский обед. Я с радостью приняла это приглашение. Слава богу, не надо будет беспокоить семейство Кэла своим неожиданным вторжением. А главное – не надо будет заставляя себя лицезреть горы запеченной птицы и прочей мясной снеди, которыми наверняка будет завален праздничный стол в доме Кэла. Я позвала Тистла, и мы отправились вместе с ним на прогулку по имению. Пес очень привязался ко мне и следовал за мной неотступно, буквально по пятам, отлучаясь только тогда, когда его забирали на охоту. Такая неожиданная преданность Тистла постоянно вызывала веселые шуточки Кэла. Я же, со своей стороны, даже пару раз пускала собаку в дом, когда точно знала, что Кэла нет нигде поблизости. Тистл тут же располагался возле камина, нежась в тепле, а я в это время вычесывала старые космы и колтуны из его шерсти, в глубине души надеясь, что хозяин не заметит, как преобразился и похорошел его пес. Сама я всегда мечтала иметь собаку.

Вернувшись с прогулки домой, я нашла там Кэла. Он возился в углу гостиной, устанавливая небольшую рождественскую елочку.

Он оторвался от своего занятия и недовольно зыркнул на Тистла, который сопровождал меня до самых дверей, а сейчас нерешительно мялся на пороге, глядя с мольбой на своего хозяина.

– Тиг, я же просил тебя! И снова повторяю. Я запрещаю пускать Тистла в дом. Иначе он отвыкнет от холода и станет плохо переносить морозы. Превратишь мне пса в бог знает кого!

– Неужели? – виновато спросила я. Интересно, догадывается ли Кэл, что я уже несколько раз нарушала его запрет?

– Именно так. Сделаешь из него неженку и лежебоку. Отправляй его на улицу, и немедленно.

Я нехотя повиновалась. Вывела Тистла во двор, прошептав ему на ухо, что заскочу проведать его попозже. После чего плотно прикрыла за собой дверь.

– Вот подумал, что елка немного поднимет тебе настроение, а заодно и украсит нашу развалюху, – обронил Кэл при моем повторном появлении. – Я выкопал елочку в лесу. Все корни целы, а потому мы сможем снова высадить ее в почву, когда закончатся праздники. Может, завтра сгоняешь в Тейн? купишь гирлянду и елочные украшения, а?

У меня даже слезы навернулись на глаза при виде этой маленькой пушистой красавицы, стоявшей пока немного кривобоко в ведерке с землей.

– Ах, Кэл! Как это мило с твоей стороны, что ты вспомнил о елке. Спасибо тебе большое. – Я подошла к Кэлу и дружески обняла его за плечи. – Завтра же утром, как только покормлю своих кошек, поеду в город за игрушками.

– Да, постарайся съездить туда именно с утра. Потому что по всему видно, что завтра ожидаются сильные снегопады. Все эти южане, они только и мечтают, что о снежном Рождестве. Ну, а в наших краях такого добра, как снег, в избытке. Не припомню, чтобы хоть одно Рождество обошлось у нас без снегопадов и вьюг.

– Ой, не могу дождаться, когда выпадет первый снег, – улыбнулась я в ответ.

* * *

Кэл оказался прав в своих прогнозах. На следующее утро я проснулась и увидела долгожданный снег. Я взяла запасной лендровер, еще более старый и разболтанный, чем наша старушка «Берил», и отправилась в Тейн за покупками. Я вела машину с большой осторожностью.

До Рождества оставалось всего лишь несколько дней, и в маленьком городке вовсю кипела предпраздничная торговля. Я купила гирлянду и игрушки для украшения елки, потом приобрела подарок для Кэла – мягкий шарф-тартан. А Маргарет купила вязаный свитер розового цвета. Возвратившись из города домой, я увидела, что наш раздолбанный лендровер по кличке «Берил» припаркован возле хозяйского дома. Старушку все последние дни рачительно приводили в порядок, потому что ожидали, что Чарли вместе со своей семьей вот-вот нагрянет из Инвернесса на рождественские праздники, и тогда машина будет очень востребована. И лишь по завершении всех торжеств машину отдадут в пользование первым платным гостям и туристам, которые подтянутся в имение для проводов Старого и встречи Нового года.

Когда Кэл наконец появился дома, елка уже стояла наряженная, переливаясь разноцветными огоньками. Жарко полыхал камин. В гостиной негромко звучали рождественские гимны. Я специально купила в городе компакт-диск с записями и поставила его для проигрывания на старенькую портативную систему Кэла.

– Вот это да! – восхитился Кэл увиденным. – У меня такое чувство, что скоро и сам Санта-Клаус пожалует к нам в гости, свалится прямиком в дом через дымоход. – Кэл рассмеялся собственной шутке, потом сбросил с себя куртку, снял шляпу, размотал шарф и повесил все это на специальные крюки, которые я заставила его ввинтить в наружную дверь. – Взгляни в окно, Тиг. Между прочим, северный олень уже стоит во дворе. Ну чем не праздник?

Я выглянула в окно и увидела шесть красавцев оленей, которые обычно паслись на лужайке вокруг имения, но сейчас они рискнули приблизиться почти вплотную к нашему домику, явно, чтобы посмотреть на нас. Все самцы, все довольно упитанные. Кэл рассказывал мне, что они почти ручные, потому как их выхаживали и ставили на ноги, когда они были еще детенышами.

– Чувствуешь, дух Рождества уже разлит в воздухе? А уж как отведаешь моего глинтвейна, Тиг, тогда действительно поймешь, что праздник уже стучится в дверь. Что у нас на ужин?

– Запеканка из фасоли. А дичь изволь готовить себе сам, – ответила я и заторопилась на кухню.

– А я и не возражаю против запеканки. Когда ты меня потчевала ею в последний раз, было очень вкусно.

Поглощая запеканку и запивая ее дешевым красным вином, мы с Кэлом принялись обсуждать, как происходит акклиматизация кошек на новом месте.

– Во всяком случае, ни голубей, ни оленьих сердец я более не обнаруживаю в тех местах, где оставляю им корм. Но пока никто из них, за исключением Поузи, так и не показался мне на глаза. Не говоря уже о том, чтобы подойти поближе. А ведь скоро мне предстоит показать их ветеринару. Вопрос лишь в том, удастся ли мне приблизиться к ним.

– Тиг, нельзя заставить животных действовать по расписанию. Процесс адаптации к новым условиям всегда протекает непросто.

– Я все понимаю, – вздохнула я в ответ. – Но на меня давят сроки. В январе у кошек уже начинается брачный сезон. А мои кошки до сих пор пребывают в таком взвинченном состоянии, что даже не осмеливаются вылезти из своих укрытий. Не говоря уже о том, чтобы играть друг с другом, как они это делали раньше. Если честно, то я даже сомневаюсь, испытывают ли они вообще хоть какой-то интерес друг к другу. По-моему, ни малейшего. Ни о какой химии в области чувств не может быть и речи.

– Знаешь, химия – химией, а случка – случкой. Когда идет гон, я своими глазами видел, как одну и ту же самочку покрывают по меньшей мере шесть самцов-олений, один за другим. Зов природы, против него не попрешь. Вот и ты не теряй надежды на то, что этот же самый зов заставит действовать и твоих мальчишек.

– Будем надеяться, что твой прогноз как знатока дикой природы окажется верным, – сказала я. – Но если к весне у нас не появится потомство, то я очень сильно подведу Чарли. И мне будет стыдно.

– Что за ерунда, Тиг! Наш хозяин не монстр какой. Я с ним уже сегодня, кстати, встречался. Он сказал мне, что сразу же после Рождества обязательно наведается в твои владения.

– О боже! – воскликнула я с отчаянием в голосе. – И что это будет, когда он придет туда, а они даже на глаза не покажутся?

– Думаю, он все поймет правильно. Между прочим, хочу с тобой посоветоваться по одному вопросу. Что бы ты посоветовала мне купить в качестве рождественского подарка для Кейтлин? У меня пока никаких идей в голове. А она ведь, как-никак, была у нас Мисс Рождество.

– А кто это – Кейтлин?

– Моя девушка. Она живет в Дорноче. Но, боюсь, если подарок придется ей не по вкусу, то впредь она не захочет быть моей девушкой.

Я бросила на Кэла откровенно изумленный взгляд.

– У тебя есть девушка? Вау! Но ты же, Кэл, ни единого разу не упомянул о ней.

– Ну, и что тут такого? Это же личное, в конце концов. Да и потом разговор у нас с тобой на эту тему никогда не вырulingивал.

– Но ты же все время, безвылазно, можно сказать, торчишь в имени. Неужели Кейтлин... готова мириться с таким положением дел? Ведь она же тебя не видит неделями.

– Ну, как-то мирится. Пока... Раз в месяц я встречаюсь с ней на выходных. А еще, каждый первый четверг.

– И как давно вы вместе?

– Уже около двенадцати лет, – ответил Кэл, отправляя в рот очередную ложку запеканки. – Пару лет тому назад у нас с ней все закрутилось уже по-серьезному.

– Бог мой! Так почему она не перебирается к тебе сюда, в коттедж?

– Ну, начнем с того, что она возглавляет местное отделение строительной компании в Тейне. А до города, как тебе уже известно, час езды. В наших погодных условиях, когда скоро все вокруг завалит снегом по самую макушку, Кейтлин не может рисковать. Как по такому снегу ей выехать из имения? Да и жить в этой хижине она тоже вряд ли бы согласилась. Это сейчас ты навела в ней хоть какой-то божеский уют. А увидела бы она мои хоромы еще до твоего приезда! Впрочем, сейчас она очень даже может взять и переменить свое решение. – Кэл издал короткий смешок. – Ну, уж коль скоро речь зашла о личном, то что скажешь про себя? У тебя кто-нибудь есть, Тиг?

– Встречалась с одним парнем, когда работала в лаборатории при зоопарке Сервион. Какое-то время у нас с ним были даже отношения. Впрочем, ничего серьезного. Я еще пока не встретила «своего единственного», – призналась я, отхлебывая вино из стакана. – А вот тебе повезло больше. Ты уже нашел свою любовь. Я с удовольствием познакомлюсь с твоей Кейтлин, Кэл. Пригласи ее к нам сюда в один из рождественских вечеров. Как смотришь?

– Видишь ли, Тиг. – Кэл слегка нахмурился. – Мне пришлось соврать Кейтлин. Я сказал ей, что сейчас делю крышу с одной безобразной усатой женщиной. Ну, не говорить же мне, что ты у нас чистая красавица. Сама знаешь, как на такое реагируют женщины.

– Тем более ты просто обязан пригласить ее к нам. И тогда я смогу лично убедить твою девушку в том, что никакой угрозы я для нее не представляю. В любом случае, мне бы очень хотелось познакомиться с ней именно потому, что она – твоя девушка. А что же до подарка, то купи ей какое-нибудь ювелирное украшение.

– Она у меня девушка практичная, – с сомнением в голосе покачал головой Кэл. – Вот в прошлом году, к примеру, я купил ей термоноски,

чтобы она могла спать в них зимой, и водостойкие рукавицы. И она, представь себе, была очень довольна моим подарком.

Я с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться.

– Заверяю тебя, Кэл, какой бы практичной ни была женщина или как бы искусно она ни притворялась, что является таковой, а на самом деле все женщины просто помешаны на украшениях.

Спустя час мы, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим спальням. Состоявшийся разговор о личном меня очень обрадовал. Потому что, исходя из собственного опыта, могу сказать лишь одно: каким бы продвинутым ни было современное общество в плане отношений мужчины и женщины, но когда мужчина и женщина живут под одной крышей, то обязательно возникают острые моменты. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут установлены соответствующие правила совместного общежития. К счастью, наш сегодняшний разговор с Кэлом четко обозначил границы возможного и допустимого. Не то чтобы я испытывала какое-то сексуальное влечение к Кэлу, нет! Хотя, не скрою, я уже успела привязаться к нему. А хорошей новостью стало то, что я, выросшая в семье, где были одни только девочки, и имея целых пять сестер, обзавелась наконец и столь долгожданным и желанным старшим братом.

* * *

Я глянула на Полсона, который сидел на деревянном настиле прямо надо мной. Грелся на солнышке, демонстративно повернувшись ко мне задом, тем самым недвусмысленно давая понять, что мое присутствие ему лично до лампочки. Ну и пусть себе игнорирует. Я была рада уже хотя бы тому, что он наконец вылез из своей коробки и вошел в открытый вольер. Это вселяло надежду на то, что психологическая травма, нанесенная животному переездом, постепенно затягивается.

На всякий случай я быстро сняла его на свой телефон. Вдруг лэрд – я стала так мысленно величать Чарли Киннаирда, впрочем, как и все остальные обитатели имения, – захочет получить вещественное доказательство того, что наши кошки еще живы.

– С наступающим тебя сочельником, – миролюбиво обратилась я к Полсону. – А завтра утром, если соблаговолишь взглянуть на меня, то я лично поздравлю тебя с Рождеством, глядя прямо в глаза.

Я вышла из вольера и стала карабкаться вверх по склону, размышляя о том, что все кошки ужасно надменные и капризные создания, прямо как самые настоящие королевские особы. Что ж, тогда Полсон, если судить по его замашкам, точно король. Я подняла глаза и увидела на вершине стройную молодую женщину. Она стояла и смотрела вниз, на меня. Бросились в глаза ее необычайно длинные ноги, словно у жирафа. И одета «по-городскому», как выразился бы Кэл. Нарядная лыжная куртка, отороченная шикарным меховым воротником. Густые белокурые волосы сияли на солнце, словно нимб над головой, обрамляя личико с огромными голубыми глазами и чувственным ртом. Такие губки могут надуться, в случае чего, как те подушки, и при этом сразу же увеличатся в объеме в два раза. Но как бы то ни было, а незнакомка была очень хороша собой. Она начала шумно спускаться вниз. При виде незваной гостьи Полсон тотчас же ретировался из вольера к себе в нору.

– Пойдите! – крикнула я, убыстряя шаг. – Минуточку! – Я поспешно вскарабкалась на вершину и развернулась к незнакомке лицом. Впрочем, при ее высоченном росте мои глаза все равно оказались где-то на уровне ее живота. – Прошу прощения, мадам, но на эту территорию вход воспрещен.

– Вот как? – недовольно воскликнула она, смерив меня уничижительным взглядом. – Не думаю, что этот запрет распространяется и на меня.

– Это временные ограничения, – пустилась я в объяснения. – Дело в том, что мы здесь недавно расселили диких кошек. А я сейчас пытаюсь приучить их к новой среде обитания. Кошки – очень темпераментные животные и с подозрением относятся ко всем посторонним. Мне только сравнительно недавно удалось выманить их из укрытий, чтобы они стали выходить в открытый вольер, а потому...

– А кто вы такая?

– Меня зовут Тигги. Я здесь работаю.

– В настоящее время вы тоже занимаетесь работой?

– Да. А потому прошу вас. Будет просто замечательно, если вы снова подниметесь наверх. Конечно, с такой высоты мало что можно

разглядеть, но так надо. Лэрд пытается начать разводить диких кошек в своем имении, потому что во всей Шотландии на свободе осталось не более трехсот особей этих животных.

– Я все это прекрасно знаю, – отрезала незнакомка. Я расслышала в ее голосе легкий иностранный акцент. А еще откровенную неприязнь, с какой были сказаны эти слова. – Что ж, тогда не стану мешать вам в реализации вашего маленького проекта. – Она натянуто улыбнулась. – А потому слушаю и повинуюсь. Исчезаю прочь с ваших глаз. Всего доброго.

– До свидания, – попрощалась я с точной копией знаменитой Клаудии Шиффер и посмотрела ей вслед, наблюдая за тем, как она поднимается на гору. Чутье подсказывало мне, что только что я совершенно неосознанно совершила большую ошибку.

* * *

– Я сегодня столкнулась с женщиной. Она подошла совсем близко к нашим кошкам, – за обедом поведала я Кэлу об утреннем инциденте. – Такая очень эффектная блондинка. Прямо вылитая принцесса из диснеевского мультика. И очень высокая.

– А, так это, должно быть, наша хозяйка, – ответил Кэл, расправляясь с супом. – Жена нашего лэрда, ее зовут Ульрика.

– Черт! – невольно выругалась я.

– Что такое, Тигги? Что сподвигло тебя на подобные выражения?

– Получается, что я обошлась с ней непозволительно грубо, Кэл. Мне только-только удалось выманить Полсона из его логова, а тут является она. Естественно, Полсон снова опрометью удрал к себе. Вот я и велела ей убираться прочь, если вкратце. – Я больно прикусила губу, ожидая реакции Кэла.

– Да уж, для этой цацы подобное обращение стало полной неожиданностью, таким ушатом холодной воды, думаю. – Кэл аккуратно вычистил кусочком хлеба внутреннюю поверхность тарелки и отправил его себе в рот. – Пожалуй, ее впервые в жизни посмели поставить на место.

– Боже мой, Кэл, что я наделала? Но я ведь только хотела защитить своих кошек. Неужели она не понимает? Если только

разбирается в поведении диких животных.

– О, про диких животных, Тиг, она знает только, какой мех ей больше к лицу. Такая модная штучка вся из себя. Работала моделью, когда была помоложе.

– Должна же я была догадаться, кто эта женщина! Должна была, – продолжала я корить себя.

– А какая тебе разница, кто она такая? Ты не хотела, чтобы кто-то из посторонних спугнул твоих кошек. Так что не переживай по пустякам. И с нее корона не свалилась. Переживет! Знаешь, я готов побиться об заклад, что эта фифа явилась взглянуть не столько на самих кошек, сколько на ту, кто за ними ухаживает. Ведь Чарли наверняка рассказал ей о тебе, а зная эту барышню так, как знаю ее я, отнюдь не удивлюсь такому развороту. Едва ли такая стерпит, чтобы на ее территории вдруг возникла молодая соперница. Тем более такая хорошенькая, как ты.

– Глупости, Кэл! Конечно, спасибо за комплимент. Но если серьезно, то едва ли я смогу составить ей конкуренцию. – Я ткнула себе в грудь, словно заставляя своего собеседника взглянуть непредвзятым взглядом на мое худенькое тельце безо всяких там соблазнительных женских изгибов и выпуклостей, упакованное в старый вязаный джемпер с аранами, такими толстыми косичками и ромбами, что делает свитер особенно теплым. Правда, за минувший год, что я прожила у Маргарет, его изрядно поела моль.

– Как бы то ни было, Тигги, а придется тебе наводить на себя красоту к сегодняшнему вечеру. Хозяева устраивают у себя в доме шумную вечеринку с танцами по случаю Рождества. Я как-то совсем забыл сказать тебе, что наш лэрд придерживается тех же традиций, которые существовали и при его отце. В Рождественский сочельник в парадной зале дома собирают гостей, потчуют их выпивкой, потом танцы и все такое. Словом, чтобы к вечеру была при полном параде.

– Что?! Какая вечеринка? – Я в ужасе глянула на Кэла. – У меня даже одежды нет соответствующей.

– Хорошо! Тогда просто прими ванну. Чтобы от тебя не воняло твоими драгоценными кошечками.

Вечером я перебрала весь свой нехитрый скарб. Получается, что, кроме этого изъеденного молью свитера, который на мне, в запасе еще есть мои «выходные» черные джинсы и рубашка в красную клеточку.

Что ж, придется идти в том, что есть. Я не стала собирать свои непослушные каштановые кудри в хвост, а оставила их свободными. Потом слегка тронула скулы пудрой и легонько прошла помадой по губам.

Кэл уже подждал меня в гостиной. Я невольно издала восхищенный возглас, увидев его в национальном костюме: килт в темно-синюю и зеленую клетку, кожаная сумка с мехом, закрепленная на пряжке ремня, тоже как обязательная часть костюма шотландского горца, наконец, на поясе нож, вставленный в ножны.

– Ну, Кэл, ты сегодня бесподобен!

– Да ты тоже, как я посмотрю, навела марафет. Почистила свои перышки, – одобрительно ответил он. – Что ж, тогда идем в гости.

Мы вышли напрямиком к парадному входу в дом. Уже на крыльце я услышала шум голосов и смех, доносящиеся изнутри.

– Только раз в году нам, пейзамам, разрешается переступить парадный порог господского дома. Это в канун Рождества, – негромко промолвил Кэл, открывая мне дверь. Мы вошли в холл. В лестничном проеме красовалась величественная рождественская елка, украшенная множеством разноцветных лампочек, в огромном камине жарко полыхал огонь. Языки пламени выхватывали из полумрака лица гостей, которые все прибывали и прибывали. Мужчины все, как и Кэл, в килтах, женщины с шарфами-тартанами, закрепленными на плече или по поясу. Берил и Элисон разносили гостям горячий глинтвейн и сладкие пирожки с начинкой из изюма и миндаля.

– Прекрасно выглядите, Тигги, – похвалила меня Берил. – С Рождеством вас.

– Я вас тоже поздравляю. – Я чокнулась с экономкой и отхлебнула глоток глинтвейна из своего бокала, исподтишка разглядывая собравшихся. Где-то же здесь должны быть и Чарли Киннаирд со своей женой.

– Хозяева еще не спускались, – словно прочитала мои мысли Берил. – Наша новая хозяйка тратит уйму времени на то, чтобы предстать на людях в должном свете. Вот и сейчас наверняка наводит на себя блеск, чтобы явиться перед своими подданными во всем величии, – добавила она, слегка поджав губы.

Берил плавно переместилась к очередной группе гостей, а я стала прохаживаться по холлу. Большинство собравшихся были уже людьми

немолодыми, явно пенсионного возраста. Но вот взгляд мой выхватил из толпы молоденькую девочку, совсем еще подростка. Она смотрелась абсолютно инородным телом в этой седовласой массе. Девочка стояла в одиночестве, держа в руках свой бокал с глинтвейном. По ее лицу была разлита нескрываемая скука. А как еще можно в ее возрасте реагировать на подобное сборище стариков? Я подошла к ней поближе и тут же уловила знакомые черты лица – те же ярко-голубые глаза и безупречная кожа, как и у той женщины, которую я встретила сегодня утром неподалеку от вольеров с дикими кошками. Вот только волосы не белокурые, а рыжие, с красноватым отливом. И подстрижены коротко. Если судить по ее тоненькому свитерку и рваным джинсам, то девчушка не очень озаботилась тем, чтобы предстать перед гостями в праздничном одеянии.

– Привет, – поздоровалась я с девочкой, подходя к ней поближе. – Меня зовут Тигги. Я недавно стала работать тут, в имении. Ухаживаю за дикими кошками, пока они обживаются на новом для себя месте.

– О да. Папа рассказывал мне о вас. А меня зовут Зара Киннаирд. – Голубые глаза Зары скользнули по мне оценивающим взглядом. Прямо точь-в-точь, как ее мамаша сегодня утром. – А вы выглядите слишком молодо, чтобы быть консультантом у папы по вопросам разведения диких кошек. Сколько вам лет?

– Двадцать шесть. А тебе? Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

– Не возражаю. Мне шестнадцать. Ну, и как твои кошки чувствуют себя на новом месте? – спросила у меня Зара, и я сразу же почувствовала, что эта тема ее действительно интересует.

– Процесс адаптации длительный, но мы потихоньку движемся в заданном направлении.

– Как бы я хотела оказаться на твоём месте. Целый день проводить на открытом воздухе, работать с животными... А тут приходится торчать часами в школе, где тебя душат этой ужасной математикой и прочей ерундой. Скукотень, одним словом. Но мама и отец не позволят мне переехать сюда и работать в нашем заповеднике до тех пор, пока я не получу образования.

– Ну, ждать-то ведь совсем немного осталось. Я права?

– Целых восемнадцать месяцев. Да и потом... Мама наверняка захочет, чтобы я трудилась редактором в каком-нибудь модном

журнале типа «Вог». Не знаю, что она там себе напридумала на мой счет. – Девочка недовольно фыркнула. – Ты куришь? – спросила она у меня, переходя на шепот.

– Нет, я не курю. А ты?

– Курю, когда родителей нет поблизости. У нас в школе все курят. Давай выйдем на пару минут на улицу, чтобы я смогла затянуться. А если кто спросит, ты скажешь, что водила меня показать тех оленей, которые сейчас кормятся в хлеву. Ну, или что-нибудь еще... Здесь же тоска зеленая.

Вот уж чего мне хотелось меньше всего на свете: чтобы кто-нибудь застукал меня сейчас за сараем в компании с дочерью лэрда, да еще с сигареткой во рту. Но девочка мне нравилась, а потому я ответила согласием на ее предложение, и мы незаметно выскользнули на крыльцо. Зара тотчас же извлекла из кармана своего свитерка помятую папироску и зажигалку и закурила. Я невольно обратила внимание на ее пальцы, сплошь унизанные массивными серебряными кольцами, с ногтями, покрытыми черным лаком. И сразу же вспомнила свою сестру Сиси, которая тоже практиковала такой экстремальный стиль, когда ей было столько же лет, сколько Заре сейчас.

– Папа посоветовал мне поговорить с тобой, пока я буду здесь, расспросить у тебя, чем ты занималась, пока работала в питомнике у Маргарет, – промолвила она, выпуская очередную струйку дыма на морозный воздух. – А тебя так называли в честь того ежика из сказки Беатрикс Поттер, да? – задала она свой следующий вопрос, не дав мне возможности ответить, чем именно я занималась у Маргарет.

– Может быть. Это мое детское прозвище. Наверное, потому, что в детстве мои волосы торчали в разные стороны, словно иголки у ежика. А вообще-то меня зовут Тайгете.

– Какое необычное имя. Откуда оно?

– Меня и моих сестер называли в честь звезд, входящих в созвездие Плеяды. Его еще называют «Семь сестер». Взгляни вон туда. – Я махнула рукой на безоблачно чистое ночное небо. – Вот это созвездие, прямо над теми тремя звездочками, которые выстроились в одну линию, словно стрела. Их называют Пояс Ориона. Согласно легенде, Орион гонялся за сестрами по всему небу. Ну, что? Видишь?

– Вижу! – воскликнула Зара с неподдельным волнением в голосе. Прямо как ребенок! – Они такие крохотные, эти сестры, но я все равно

вижу, как они мерцают. Я всегда интересовалась звездами, но в школе астрономии практически не уделяют никакого внимания. Согласна со мной? Расскажи, как ты получила степень по зоологии? Если меня все же заставят поступать в университет, то я бы тоже хотела заняться изучением зоологии или чего-нибудь подобного.

– Я очень счастлива, что изучала в университете именно зоологию. Честно признаюсь тебе в этом. Но тебе не кажется, что нам пора присоединиться к остальным гостям? Вполне возможно, твои родители уже ищут тебя.

– Вряд ли. Они сегодня ссорились наверху, причем по-крупному. Мама категорически отказывается спускаться вниз к гостям, а папа пытается уговорить ее. Словом, все как всегда. – Зара недовольно округлила глаза. – У мамы сразу же начинается истерика, если папа в чем-то не согласен с ней. А потом он тратит уйму времени на то, чтобы успокоить ее и привести в чувство.

Из того, что рассказывала Зара о своем отце, у меня никак не складывалось представление о нем как о человеке, который полностью контролирует не только ситуацию, но и все вокруг себя. Однако не мое это дело – совать нос в чужие семейные дела. А потому я перевела разговор на другое и стала рассказывать Заре о том, как я получила степень по зоологии, и о том, как мне работалось у Маргарет. В лунном свете глаза девочки светились живым интересом ко всему, о чем я ей рассказывала.

– Но это же просто потрясно! – воскликнула она с энтузиазмом. – Теперь, когда папа уже стал полноправным хозяином всего поместья, я даже попросила его оставить в нашем имении несколько акров свободной земли для того, чтобы на этой территории организовать в дальнейшем питомник по уходу за животными, как это было у Маргарет. А со временем можно будет даже устроить там мини-зоопарк, такой живой уголок, что ли, куда местные могли бы приводить своих малышей, чтобы те любовались нашими питомцами.

– Отличная идея, Зара. И как отреагировал твой отец на это предложение?

– Сказал, что на данный момент у нас нет денег ни на что. – Зара подавила вздох разочарования. – Но я же говорила ему, и не раз, что готова сразу же после окончания школы переехать сюда и работать тут

целыми днями, чтобы хоть как-то помочь ему. Но у него другие планы на мой счет. Вначале я должна окончить школу, потом поступить в универ. Но ведь вот Маргарет, к примеру! У нее же нет степени, верно? Главное – это любить животных, по-моему.

– Все верно, Зара. Но университетское образование поможет тебе в будущем выстроить свою профессиональную карьеру.

– А я и без того отлично представляю свое будущее! – Девочка широко раскинула руки, словно хотела обнять все вокруг себя, а в ее глазах я прочитала самую настоящую страсть. – Больше всего на свете я хочу провести всю оставшуюся жизнь здесь, в Киннаирде. Вот ты, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, знала, что хочешь в будущем работать с животными?

– Да, знала.

– Животные, они ведь гораздо лучше людей, не правда ли?

– Ну, животные, как и люди, бывают разными. Вот взять, к примеру, моего Полсона. Это – одна из наших кошек. Он такой же капризный, как самая настоящая оперная примадонна. Конечно, будь он человеком, вряд ли он мне понравился бы.

– Примадонна, говоришь? Прямо как моя мама! – Девочка весело хихикнула. – Однако пошли в дом. Увидим, соизволили ли мои предки наконец спуститься вниз к своим гостям.

Мы направились в сторону дома, а я размышляла по пути, что Зара – это типичное олицетворение того, что мы называем переходным возрастом. Очень непростое время в жизни любого подростка: уже не ребенок, но еще и не взрослая женщина.

К моменту нашего возвращения холл был забит людьми до отказа. Зара тут же принялась приветствовать кого-то взмахом руки, кому-то посылать воздушные поцелуи. Если судить по почтенному возрасту тех, кому эти поцелуи предназначались, то получалось, что все эти люди знали девочку, можно сказать, с пеленок. Впрочем, чему же удивляться? Она ведь здесь принцесса, будущая наследница Киннаирда. Я невольно почувствовала укол зависти при мысли о том, что в один прекрасный день вся эта красота станет ее законной собственностью. Утешало лишь одно. Судя по всему, девочка действительно очень привязана к имению.

Мои размышления были нарушены появлением рядом с нами миниатюрной женщины с копной ярко-рыжих кудрей и слегка

уставшими голубыми глазами.

– Зара, ты нас не познакомишь? – обратилась она к девочке.

Зара повернулась к ней и тут же расцеловала в обе щеки.

– Кейтлин! Как я рада видеть тебя! Тигги, это Кейтлин, вторая половинка нашего Кэла. Лучшая половинка! Кейтлин, это Тигги. Она будет работать у нас в имении какое-то время.

– А-а, Кэл рассказывал мне о вас. Ну, и как вам живется с ним под одной крышей? Не самое уютное местечко, где можно предаться отдыху, не так ли?

– О нет! Все отлично! Ваш Кэл сделал все возможное, чтобы скрасить мое пребывание здесь. Да и сам дом немного преобразился в лучшую сторону. Я, по мере сил, постаралась навести в нем относительный уют для нас двоих и...

«*Ради всех святых, Тигги, заткнись!*» – тотчас же одернула я себя, увидев выражение лица Кейтлин.

Зара выручила меня. Бросилась расспрашивать Кейтлин о том, как ей работается в строительной компании, а через пару секунд к нам присоединился и Кэл с рюмкой виски в руке. Он возник перед нами в сопровождении миловидной худенькой женщины лет сорока с небольшим. Чувствовалось, что Кэл очень смутился, увидев свою невесту рядом с соседкой по общежитию.

– О, я вижу, вы уже успели познакомиться, – одобрительно хмыкнул он. – Я и сам думал свести вас, вот только нигде не мог найти Тигги. – Кэл бросил влюбленный взгляд на Кейтлин и обнял ее своей загорелой ручищей за хрупкие плечики с такой силой, что даже расплескал виски из своей рюмки.

– Да, мы уже познакомились, – ответила Кейтлин и тоже улыбнулась. Вот только глаза ее при этом оставались холодными и не улыбочивыми.

– Ну, раз так, – поспешил он уйти от дальнейшего обсуждения этой щекотливой темы, – я тут привел с собой еще и Фийону. Тоже для того, чтобы познакомить с Тигги. Тигги, это наш местный ветврач. Фийона Мак-Дугал, прошу любить и жаловать! По-моему, ты мне говорила, что хочешь, чтобы кто-то из специалистов глянул на твоих кошек. Вот тебе нужная женщина.

– Добрый вечер, Тигги. Очень рада нашему знакомству, – тепло поприветствовала меня Фийона своим нежным голоском с утонченным

шотландским акцентом.

– Я тоже очень рада, – ответила я совершенно искренне, радуясь вдвойне, что смогла наконец немного дистанцироваться от Кейтлин. Мы не успели продолжить нашу с ней беседу, потому что в этот момент на парадной лестнице рядом с нами полыхнуло чем-то очень ярким. Мы, как и все остальные гости, задрали головы вверх. Раздались бурные аплодисменты. Та самая женщина, с которой я столкнулась сегодня утром возле вольеров с дикими кошками, облаченная в ярко-алое платье облегающего покроя, с тартаном, закрепленным на плече, плавно спускалась по ступенькам, опираясь на руку своего мужа Чарли Киннаирда. Последний раз я видела Чарли в больничном интерьере. Зато сейчас он предстал перед всеми во всем блеске: смокинг, галстук-бабочка и, конечно, килт. Ни дать ни взять, точная копия своих многочисленных предков, портреты которых украшают все стены в этом доме.

Когда они остановились на промежуточной площадке в середине пролета, прежде чем преодолеть несколько последних ступеней, я вдруг почувствовала, как у меня перехватило дыхание. И не столько из-за ослепительной красоты хозяйки дома, хотя она и выглядела просто потрясающе. Нет, *из-за него*. Я даже покраснела от смущения, пережив уже знакомые мне спазмы в нижней части живота. Точно такие же, как и при нашей первой встрече с Чарли.

Супружеская чета замерла на площадке. Жена вальяжно махнула рукой, приветствуя толпу, собравшуюся внизу. Такое впечатление, что ее обучали урокам этикета старшие представители британской королевской семьи. Чарли неподвижно стоял рядом с женой, но по его фигуре, по развороту плеч было видно, как он внутренне напряжен. Такое же напряжение я заметила и тогда, когда проходила у него собеседование. Несмотря на легкую улыбку, скользившую по его губам, чувствовалось, что он явно не в своей тарелке.

– Леди и джентльмены, – начал Чарли, сделав короткий взмах рукой, призывая к тишине. – Прежде всего, хочу выразить вам свою благодарность за то, что вы почтили своим присутствием наш ежегодный семейный праздник по случаю сочельника. Но впервые я выступаю на этом празднике в качестве хозяина, хотя все предшествующие тридцать семь лет был его неизменным участником. Как вы знаете, в феврале уходящего года мой отец Ангус скончался во

сне, а потому хочу первым делом попросить всех вас поднять свои бокалы, а Берил уже любезно позаботилась о том, чтобы виски подали всем гостям, за светлую память моего отца. – С этими словами Чарли взял стакан с подноса, который услужливо подставила ему Берил, поднес его к губам и снова повторил. – За Ангуса.

– За Ангуса! – хором откликнулись собравшиеся.

– Я также хотел бы поблагодарить всех, каждого из вас, за ту помощь, которую вы оказывали нашей семье все эти годы по содержанию имения в надлежащем порядке. Многие из вас уже в курсе, что, несмотря на некоторую растерянность, которую я пережил в первые месяцы после столь неожиданной и скоропостижной смерти отца, сегодня я уже вполне определенно представляю себе будущее имения Киннаирд. Нам надлежит совместными усилиями сделать из него имение двадцать первого века и при этом постараться максимально сохранить и воссоздать заново уникальную красоту природы в здешних местах. Задача не из простых, но я уверен, что при поддержке местных жителей мне удастся справиться со всеми намеченными планами.

– У вас точно все получится! – громко выкрикнул какой-то мужчина, стоявший рядом с Чарли. Он извлек из кармана своего пиджака плоскую фляжку, открыл ее и сделал большой глоток.

– И наконец, – продолжил свой спич Чарли, – хочу поблагодарить свою жену Ульрику за то, что она поддерживала меня и была рядом весь этот трудный год. Без ее участия я бы не справился. За тебя, дорогая.

Все снова вскинули вверх свои стаканы, хотя они и были уже пусты, а Чарли между тем закончил:

– И конечно, свою дочь Зару. Зара, ты где? – Чарли обвел глазами зал. Я тоже оглянулась по сторонам. Но Зара куда-то бесследно исчезла. – Что ж, все мы прекрасно знаем, как Зара обожает прятаться в самый неподходящий момент.

Последние слова лэрда гости встретили веселыми, понимающими смешками.

– Позвольте еще раз пожелать собравшимся гостям, всем и каждому из вас, счастливого Рождества.

– Счастливого Рождества! – хором отозвались гости.

– А сейчас, пожалуйста, угощайтесь, наполняйте свои бокалы, а мы тем временем быстро свернем все ковры и подготовим помещение к танцам.

– Какую вдохновенную речь толкнул наш лэрд! Согласны? – воскликнул Кэл, потом схватил своей огромной лапищей нежную ручку Кейтлин и, пробормотав что-то нечленораздельное на предмет того, что они с Кейтлин пойдут и поищут еще спиртного, потянул ее за собой.

– Хороший парень этот Кэл, – обронила Фийона, глядя им вслед. – Ну, как вы? Уже обжились у нас? – Она снова повернулась ко мне и доброжелательно улыбнулась.

Какие у нее умные глаза, невольно восхитилась я.

– Потихоньку привыкаю, – ответила я. – Здесь такая красотища, что порой мне хочется просто взять и раствориться без остатка в этой красоте. Правда, сегодня мне немного непривычно. После трех недель, можно сказать, полнейшей изоляции, видеть вокруг себя столько людей.

– Я вас отлично понимаю. Схожие чувства испытывала и я, когда перебралась сюда из Эдинбурга.

– Даже так? А позволительно ли мне поинтересоваться, что сподвигло вас бросить большой город и переехать жить в Высокогорную Шотландию?

– Влюбилась в здешнего парня, вот и все дела, – ответила она просто. – Я тогда уже заканчивала Эдинбургский университет, где обучалась ветеринарии. У меня было что-то вроде преддипломной практики в одной из здешних ветеринарных клиник неподалеку от Киннаирда. Тут я и познакомилась с Хеймишем. У него свое небольшое фермерское хозяйство по соседству с имением. После окончания университета мне предложили работу в одной из крупных клиник Эдинбурга, но сердце мое было уже покорено. Словом, я вышла замуж и переехала сюда. Поступила на работу в местную ветеринарную клинику, а когда Ян, мой партнер по бизнесу, пару лет тому назад ушел на покой, я возглавила клинику.

– Понятно. Работы много?

– Очень. Хотя контингент моих пациентов несколько иной, чем, скажем, в больших городах. Здесь, помимо домашних питомцев, с

которыми я общалась, когда работала в Эдинбурге, это еще и бесконечная вереница коров и овец.

– Работа вам нравится?

– Очень! – Она издала короткий смешок. – Хотя, конечно, когда тебя поднимают по вызову в три часа ночи, чтобы помочь разродиться какой-нибудь страждущей телке, и тебе приходится добираться туда по пояс в снегу, то приятного в этом мало.

Рядом с Фийоной вдруг возник высокий широкоплечий юноша-блондин.

– Привет, мама. А я все гадал, куда это ты запропастилась.

Его чистые серо-зеленые глаза, точь-в-точь, как у самой Фийоны, сияли в огнях люстры, словно две звездочки. Сразу видно, мать и сын, подумала я.

– Привет, Лочи. – Фийона одарила сына теплой улыбкой. – Познакомься, это Тигги, та девушка, которая ухаживает за дикими кошками, которых недавно перевезли в имение.

– Рад познакомиться с вами, Тигги. – Лочи протянул мне руку для рукопожатия и мгновенно покрылся пунцовой краской, ибо в этот момент к нам подошла Зара.

– Привет, Лочи, – поздоровалась она с молодым человеком. – Я тебя уже сто лет не видела. Где ты прячешься?

– Привет, Зара, – смутился тот еще больше, и еще гуще стал румянец на его щеках. – Я же занимаюсь в колледже в Дорноче.

– Понятное дело. А что сейчас делаешь?

– Ищу временную подработку по специальности. Но пока не получается. Работы вокруг мало. А потому я помогаю папе на ферме.

– Я ему уже говорила, чтобы он поймал на вечеринке Кэла и перекинулся с ним парой слов. Вдруг что-нибудь подходящее есть в самом Киннаирде? – подала голос Фийона, бросив многозначительный взгляд на Лочи.

– О, Кэлу очень нужен стоящий помощник, – тут же вмешалась я в их разговор.

– Да, но только у папы сейчас нет денег, – тяжело вздохнула Зара.

– Да я за так готов работать, бесплатно. Главное для меня – приобрести опыт, – отозвался Лочи, и я поняла, что парень тут же загорелся моей идеей.

– Ну, может быть, не совсем бесплатно, – осторожно подправила его мать.

– Замолви за меня словечко, Зара. Ладно? – попросил девушку Лочи.

– Обязательно поговорю с папой, – пообещала Зара. – А пока принеси мне чего-нибудь выпить.

– Блин! Да он совсем уже взрослый! – прошептала Зара мне на ухо, наблюдая за тем, как Лочи с готовностью бросился к столику в самом дальнем конце холла, на котором были выставлены закуски и спиртное. – А ведь был таким невзрачным толстячком. Весь в прыщах! Пойду, помогу ему определиться с выбором.

– Да уж, помоги! – одобрительно ответила я, глядя в спину удаляющейся девушке.

– Ох, уж эта молодежь! – воскликнула Фийона, выразительно сверкнув глазами, и мы обе весело рассмеялись.

Вскоре рядом с нами снова возник Кэл, держа в руках очередные рюмки с виски. Но я наотрез отказалась от спиртного. У меня и так голова немного кружилась. Боковым зрением я заметила, что Чарли и Ульрика обходят своих гостей, здороваясь с каждым из них за руку. И уже почти приблизились к нам.

– Мне кажется, я уже изрядно навеселе. Алкоголь подействовал. Пожалуй, пойду-ка я потихоньку домой.

– Но как же танцы, Тиг? Ведь это же самое главное событие года! И потом, я знаю, что Чарли хочет лично поздороваться с тобой.

– У него и без меня гостей хватает. А поздороваться лично у нас еще будет возможность. Ведь Рождество еще только начинается. Так что, Кэл, не уговаривай меня. Я ухожу. А ты развлекайся по полной. До встречи дома. Фийона, очень рада была познакомиться с вами.

– Взаимно, Тигги. Дайте мне знать, когда решите осмотреть ваших кошек. У Кэла есть мой телефон.

– Договорились. И большое вам спасибо, Фийона.

Я круто развернулась и выскочила на улицу, прежде чем Кэл успел меня остановить. В лощине уже клубился густой туман. Морозящая пелена окутала и рождественскую ель, установленную по центру газона перед домом. Мерцающие огоньки, украсившие елку, с трудом просвечивались сквозь эту пелену. Внезапно в нескольких метрах от

ели вспыхнул и тут же погас еще один огонек. Я поняла, что кто-то стоит за деревом и сейчас закурил сигарету.

– Счастливого Рождества, – промолвила я негромко, проходя мимо.

– И вам того же, – откликнулся незнакомец. Он направился в мою сторону, неожиданно выступив из тумана. Подошел ближе. Единственное, что мне удалось разглядеть в темноте, так это то, что мужчина высоченного роста.

– Ну, как вечеринка? Удалась? – поинтересовался он у меня. Мужчина говорил с легким акцентом, который я так и не смогла определить на слух.

– Да, отличная вечеринка получилась.

– Чар... Сам лэрд всем заправлял?

– Да. Они вместе с женой принимали нас как хозяева дома. А разве вы еще там не были?

– Нет.

– Тигги, это вы? – В нашу сторону упал луч фонаря. – А я обшарил буквально весь дом, разыскивая вас.

Чарли Киннаирд направился ко мне, но вдруг резко остановился. Фонарь высветил моего собеседника.

Какое-то время Чарли молча смотрел на него, потом спросил:

– А ты что здесь делаешь?

– Вот вернулся домой, чтобы навестить на Рождество свою старушку-мать. Думал сделать ей сюрприз. Надеюсь, в этом нет ничего противозаконного?

Чарли открыл рот, чтобы что-то сказать, и снова закрыл его. Вся его поза, выражение лица, все источало глубочайшую неприязнь к незнакомцу.

– Что ж, пожалуй, я побегу к себе, – проговорила я с нарочитым оживлением в голосе. – Всего вам доброго. И счастливого Рождества, – снова повторила я поздравление и, развернувшись, помчалась бегом к себе домой. Мне было слышно, что мужчины о чем-то разговаривали. Точнее, они ругались. Во всяком случае, так мне показалось по их громким голосам, когда я открывала входную дверь. Обычно сдержанный Чарли говорил что-то отрывисто и зло. Его мягкий голос на сей раз был полон...

«Чего, Тигги?»

– Ненависти, – ответила я сама себе шепотом и даже содрогнулась от этой мысли.

Я плотно прикрыла за собой дверь, чтобы не слышать возбужденные голоса мужчин, вступивших в самую настоящую перебранку. В нашем домике было зверски холодно. Камин почти погас, а нагреватели, как назло, вышли из строя. Я снова расшевелила огонь в камине и уселась перед ним. Внезапно на меня нахлынуло страшное одиночество. Кажется, только теперь до моего сознания дошло, что это первое Рождество в моей жизни, которое я встречаю вдали от Атлантиды, без сестер и отца.

Я извлекла мобильник из розетки, куда подключила его для подзарядки, и, не раздеваясь, как была в своей лыжной куртке, пошла в ванную комнату. А вдруг, несмотря на то что питание почти на нуле, кто-то все же смог дозвониться со словами поздравлений? И действительно, на мой мобильник поступила куча сообщений. Все сестры поздравили меня с наступающим Рождеством, а Ма прислала даже речевое сообщение, которое я прослушала в первую очередь. После чего мне заметно полегчало.

Я отбила несколько ответных писем.

«Да пребудет с тобой всегда, моя дорогая, светлая радость Рождества Христова. Люблю, Тигги...»

Этот текст я разослала всем своим пяти сестрам, а вот к Ма решила обратиться напрямую, когда немного согреюсь. Потом я уселась перед горящим камином, прихватив с собой для компании и Алису, уютно устроившись у меня на коленях. За окном послышался колокольный звон. Долина наполнилась ликующим перезвоном, возвещающим о том, что Христос родился. Я услышала, как за дверью жалобно скулит Тистл. Поднялась с пола, чтобы впустить собаку в дом. Кэл ведь еще не скоро заявится домой. Пес радостно ворвался в комнату и тут же попытался вспрыгнуть ко мне на колени, когда я снова свернулась калачиком возле огня.

– Перестань, Тистл! – ласково попеняла я ему, уткнувшись лицом в его пахучую серую шерсть. – Ты слишком большая собачка для подобных нежностей.

Но рядом с ним было тепло, и я даже была рада такой компании.

– Вот и встретились два одиночества, – вяло пошутила я. – Счастливого тебе Рождества, мой дорогой. – Я погладила его мягкие

бархатистые уши, а потом и поцеловала их. – Папочка, где бы ты сейчас ни был, и тебя я тоже поздравляю с наступившим Рождеством.

5

На следующее утро я проснулась в гораздо более веселом расположении духа. За ночь снега вокруг изрядно прибавилось. На горизонте уже порозовело небо: восход, заранее обещающий солнечный, по-настоящему праздничный день.

Кэл и Кейтлин явились домой уже в четвертом часу утра. Стараясь не разбудить их и ничем не потревожить их сон, я тихонько укуталась в теплые одежки и на цыпочках вышла из дома, чтобы покормить кошек. Это у людей праздник, а в природе выходные не предусмотрены: там все идет своим чередом. Я взобралась на вершину холма и увидела, что внизу, возле самых вольеров маячит чья-то высокая фигура, облаченная в зимнюю куртку и войлочную шляпу. Воротник куртки был высоко поднят, чтобы защитить от холода. Я почувствовала, как заколотилось сердце в моей груди. Я сразу же узнала Чарли Киннаирда.

– С Рождеством вас, – негромко обронила я, подходя ближе.

Он вздрогнул от неожиданности и повернулся ко мне.

– Тигги! А я не слышал, как вы подошли. Какая у вас легкая походка. Словно парите в воздухе. И я вас тоже поздравляю с Рождеством. – Чарли приветливо улыбнулся.

Вблизи были видны темные круги под его глазами. На заострившихся скулах проступила легкая щетина.

– Вот решил прогуляться и взглянуть на кошек. Но, только когда подошел к вольеру, вспомнил, что я не знаю комбинацию цифр кодового замка, – продолжил он.

– Четыре семерки. Запомните на будущее, – сказала я. – Не хочу вас огорчать понапрасну, однако наши кошки пока очень редко показывают себя. Даже мне. А вас они уже наверняка учуяли по непривычному для них запаху. Сегодня они точно не соизволят выйти к нам. Придется вам несколько раз появиться здесь, чтобы они привыкли к вашему запаху, и тогда, быть может, нам повезет больше.

– Понимаю. Кэл рассказывал мне, сколько вам тут пришлось повозиться с ними, чтобы выманить их из укрытия. Я никоим образом

не хочу нарушать покой ваших питомцев, Тигги. Полагаю, мне лучше уйти.

– Конечно нет! С какой стати вам уходить? Вы – единственный человек, кто предложил приютить этих кошек у себя. Более того, построил им такой замечательный дом. Просто кошки – необыкновенно эмоциональные создания. Нам сильно повезет, если у нас получится что-то путное с их разведением.

– Представляю, сколько бы было с ними хлопот, если бы они были размером с гигантских панд, – озабоченно вздохнул Чарли.

– Наверняка *сбились бы* в стаю, и тогда пощады не жди, – улыбнулась я.

– Хорошо! И все же я не рискну потревожить их прямо сейчас. Что, если мы с вами просто немного прогуляемся? – предложил он, пока я раскладывала по кормушкам дневные порции мяса для каждой из кошек.

– Ладно, – тут же согласилась я.

Мы вместе поднялись на вершину холма. Шли молча, пока не приблизились вплотную к скалистому утесу, вскарабкались на него и стали наблюдать за восходом солнца, благо это была самая лучшая позиция для таких наблюдений. Вот оранжевые лучи сверкнули из-за близлежащих гор и облили все вокруг своим золотистым светом. Я повернулась к Чарли.

– Каково это – жить с пониманием того, что все это великолепие принадлежит тебе? – спросила я.

– Честно? – Он глянул на меня сверху вниз.

– Честно.

– Ужасное чувство. Пугающее. Мне легче спасти чью-то жизнь и принять ответственность за судьбу своего пациента, чем ежедневно разгребать тот ворох проблем, который скопился вокруг Киннаирда. По крайней мере, в больнице все ясно: я – врач, есть определенная процедура лечения, и она либо облегчит состояние больного, если ты правильно определился с диагнозом, либо нет, если случай уж слишком запущенный. А Киннаирд – это... – Чарли неопределенно махнул рукой в сторону бескрайних просторов, расстелившихся внизу. – Киннаирд – это свободная стихия, никак не подвластная моему контролю. Хотя мне и хочется выложиться по полной ради Зары и ради будущего Киннаирда, но иногда мне кажется, что я взвалил на

себя слишком неподъемную ношу и мне с ней не справиться. За что бы я здесь ни взялся, везде нужны деньги, и немалые. Плюс отдача будет не сразу, а лишь в отдаленной перспективе.

– И все равно, все ваши усилия... они не напрасны. Поверьте! – выдохнула я. И непроизвольно раскинула руки, словно намереваясь объять необыкновенной красоты пейзаж вокруг себя. Завораживающее зрелище. Все искрилось и переливалось в лучах восходящего солнца.

Какое-то время Чарли молча смотрел на меня, потом так же молча проследил за моим взглядом, разглядывая лощину, раскинувшуюся внизу, сделал глубокий вдох. Да, это его королевство, его вселенная, подумала я, глядя на выражение лица Чарли.

– А знаете, что? – вдруг спросил он, еще немного помолчав, и я увидела, как спало с него напряжение, как вдруг распрямились его плечи. – Вы абсолютно правы. Я должен быть оптимистом, должен сохранять позитивный настрой. Потому что мне действительно очень повезло владеть всем этим. Я – счастливый человек.

– О да! Вы – счастливый человек. Хотя умом я и понимаю, как вам сейчас трудно. Но помните, Чарли, у вас есть мы. И мы всегда, в случае чего, подставим вам плечо. Честно!

– Спасибо, Тигги.

Поддавшись неожиданному порыву, он слегка коснулся рукой рукава моей лыжной куртки. На мгновение наши взгляды встретились. Я отдернула свою руку первой, и драгоценное мгновение ускользнуло так же внезапно, как и пришло.

Чарли слегка откашлялся.

– Хочу извиниться перед вами за вчерашнюю не очень приятную, скажем, сцену, свидетелем которой вы случайно оказались.

– О, это сущие пустяки. Надеюсь, вы там со всем разобрались?

– К сожалению, нет. С этим невозможно разобраться до конца, – ответил он неожиданно резко. – Знаете, я всю ночь глаз не сомкнул. Собственно, поэтому я и выбрался из дома в такую рань и притащился сюда. Надеюсь, что свежий воздух подействует на меня благотворно и хоть немного прочистит мозги.

– Мне очень жаль, Чарли, что все так получилось. Но мой покойный отец всегда говорил так: есть проблемы, с которыми ты можешь справиться, а есть такие, решить которые тебе не под силу. И

тогда тебе нужно просто смириться с тем, что есть. Закрывать за собой эту дверь и двигаться дальше, вперед.

– Судя по всему, ваш отец – очень мудрый человек. В отличие от меня, – сказал Чарли, неловко пожимая плечами. – И он абсолютно прав. Фрейзер по непонятным причинам вернулся в Киннаирд. Эти причины мне не известны, и с этим действительно ничего не поделаешь. Хорошо! Пожалуй, мне пора возвращаться. Иначе чисто шотландский завтрак, который наверняка уже приготовила Берил, остынет.

– О, это ей категорически не понравится, – улыбнулась я.

– Вот именно! – согласился со мной Чарли, и мы повернули назад, держа путь каждый к своему дому. – Чем собираетесь заняться днем? – поинтересовался он у меня.

– Маргарет пригласила меня сегодня к себе на обед.

– Передайте ей, пожалуйста, от меня поздравления и самые наилучшие пожелания. Я ее очень люблю, – обронил Чарли, когда мы оба остановились возле парадного крыльца его дома. – И еще раз, Тигги, счастливого вам Рождества. Спасибо, что составили мне компанию сегодня утром. Надеюсь, у нас еще будет возможность пообщаться с вами.

– Я тоже надеюсь. Счастливого Рождества, Чарли.

* * *

Новый дом Маргарет был именно таким, каким и должен быть новый дом. Мы обе восторженно восклицали, когда она познакомила меня со своим жилищем: новенькие, сверкающие краны, немедленно подающие горячую воду, радиаторы греют все до единого, куча телевизионных каналов. Только сиди себе и переключай с одного на другой.

– Очень уютный дом, Маргарет, – констатировала я совершенно чистосердечно, пока она усаживала меня на новенький диван, обитый розовым полиакриловым штапелем. Сама Маргарет тоже выглядела отдохнувшей и посвежевшей. Она протянула мне рюмку виски. Ее неизменные спутники, две собаки и кошка, мирно посапывали, лежа перед камином.

– Знаешь, Тигги, а я совсем не скучаю по тем временам, когда нужно было подниматься с постели ни свет ни заря. После стольких лет напряженного труда так приятно понежиться в кровати до семи утра! А сейчас, Тигги, переведи немного дыхание и расслабься, а я пойду, займусь обедом.

Я медленно потягивала свой виски, ощущая, как приятное тепло растекается по моей гортани. Потом проследовала за хозяйкой к небольшому столику с праздничной сервировкой: свечи, рубиново-красные соцветия пуансеттии, ее еще зовут молочаем.

Пока я наслаждалась запеканкой из орехов, которую необыкновенно вкусно готовит Маргарет по только ей одной известному рецепту, сама она с аппетитом уплетала грудку индейки.

– Ну, как вчера прошла вечеринка в Киннаирд-лодж? – поинтересовалась у меня Маргарет. – Зара приехала?

– Вообще-то я была такая уставшая, что на танцы не осталась. Но с Зарой познакомиться успела. Любопытное создание, – откликнулась я, с трудом подавляя в себе желание улыбнуться. – А уже когда я вышла из дома, то встретила во дворе какого-то высокого мужчину, слонявшегося по усадьбе. А потом вышел Чарли и... – Я слегка пожала плечами. – Судя по всему, он не обрадовался, увидев этого незнакомца.

– Говоришь, высокий?

– Очень высокий, – подтвердила я. – И разговаривает с таким американским акцентом, как мне показалось.

– Скорее уж, с канадским. Нет... Не может быть! – Маргарет отложила в сторону свою вилку и уставилась на огонек свечи.

– Его зовут Фрейзер, – добавила я. – Во всяком случае, так сегодня утром в разговоре со мной его назвал Чарли.

– Ну да! Это точно он! Явился – не запылится! Чего ради приперся? Просто слов никаких нет! – Маргарет залпом осушила свою рюмку до самого дна и громко стукнула кулаком по столу. – Впрочем, я-то догадываюсь, почему он здесь. Как пить дать, знаю!

– Знаете что?

– Да ничего! А ты, Тигги, держись от этого субъекта подальше. От него одни неприятности. Бедный Чарли! Только этого ему сейчас и не хватало. Интересно, знает ли *он*? – Маргарет оборвала себя на полуслове, явно не намереваясь развивать эту тему и дальше. – В

любом случае, давай-ка лучше о другом. Как-никак, а ведь сегодня Рождество.

Я согласно кивнула головой, вовсе не желая расстраивать Маргарет еще больше. После обеда мы еще немного посидели в гостиной, я лакомылась ее вкуснейшими булочками с изюмом и корицей. Потом мы вместе посмотрели по телевизору традиционное поздравление королевы с Рождеством, обращенное ко всем ее подданным. После чего Маргарет немного вздремнула, а я тем временем перемыла посуду и навела порядок на кухне. В этих хлопотах старалась не думать ни о папе, ни о сестрах. Хотя на самом деле я очень соскучилась по девочкам. Ведь это же моя семья. И пусть мы с сестрами такой сборный букет, и между нами нет кровной связи, все равно рождественские дни в Атлантисе всегда были необыкновенно теплыми и сердечными, а устоявшиеся семейные традиции сплавляли всех нас как нельзя лучше. Обычно мы все вместе наряжали елку накануне сочельника. Помню, папа всегда подхватывал Стар на руки и поднимал свою маленькую «звездочку» к самой макушке ели, чтобы она могла украсить ее собой. А уж как изощрялась наша экономка Клавдия, приготавливая праздничный ужин для всей семьи. Какие восхитительно вкусные блюда украшали наш стол. И пока все уплетали за обе щеки какое-нибудь мясное фондю или фаршированного гуся, я с аппетитом поедала легкие вегетарианские закуски, приготовленные специально для меня. А потом, после обильного и продолжительного застолья начиналось самое главное: все вместе, сидя в гостиной, мы принимались открывать свои рождественские подарки, а за окном серебрился, как в сказке, снежок, и звезды призывно мерцали в ночном небе. Наутро, в первый день Рождества, мы веселой гурьбой бежали к папе, чтобы разбудить его, а потом все вместе спускались вниз, в столовую, где Клавдия уже накрывала завтрак с традиционными блинчиками. После завтрака отправлялись на бодрящую прогулку по морозному воздуху, а по возвращении получали каждая кружку горячего глинтвейна.

Когда Маргарет проснулась после своего послеобеденного сна, мы с ней попили чайку вприкуску с ее вкуснейшим рождественским тортом, остатки которого, по ее настоянию, я забрала с собой, чтобы угостить ими Кэла. Глянув в окно, я увидела, что уже начало смеркаться, а в воздухе снова закружились хлопья снега.

– Думаю, мне пора трогаться в обратный путь, – заметила я.
– Пожалуй. Только, Тигги, прошу тебя, будь осторожна за рулем. А ко мне приезжай всякий раз, когда будешь в городе. Договорились?
– Обязательно, Маргарет, – пообещала я, целуя ее на прощание. – Спасибо за сегодняшний день. Все было просто замечательно.
– Кстати, а с Чилли ты уже успела познакомиться? – спросила она меня, когда я уже взгромоздилась за руль нашей старушки «Берил».
И тут до меня дошло, что в круговерти предпраздничных хлопот я начисто забыла о его существовании.
– Пока еще нет. Но, обещаю, в ближайшие дни я обязательно наведаюсь к нему.
– И не откладывай свой визит надолго, дорогая моя. Всего тебе доброго.

* * *

На День подарков я проснулась, по своему обыкновению, рано утром и тут же отправилась кормить кошек. Все вокруг было укутано толстым слоем снега. Раскладывая корм по клеткам, я подумала, что на месте кошек я бы сегодня тоже не высунула свою голову из норы. Когда я вышла из вольера, то, к своему удивлению, снова увидела Чарли. И даже обрадовалась.

– Доброе утро, Тигги. Надеюсь, вы не станете меня ругать за то, что я снова пришел сюда. Проснулся рано, но спать больше не хотелось.

– И хорошо, что пришли, – заверила я его.

– Вы не против, если мы опять немного погуляем? Если у вас, конечно, есть свободная минутка, – добавил он поспешно.

– Минутка у меня есть, и даже много минуток. Дома меня никто не ждет, разве что старая вонючая борзая да хромоножка-ежик. Все меня бросили. Кэл тоже уехал, празднует сегодня Рождество в кругу своей семьи в Дорноче.

Чарли рассмеялся.

– Понятно.

Мы двинулись в обратный путь. Сегодня Чарли был в гораздо более благодушном настроении, чем вчера, и с удовольствием

рассказывал мне о своем поместье. Показывал любимые места, поведал историю Киннаирд-лодж.

– На территории имения был когда-то изумительный дом, напоминающий такой средневековый замок. Он стоял как раз справа от того места, где сейчас находится наш современный дом. В этом замке веками жили поколения нашей семьи, и так продолжалось вплоть до 1850 года, когда мой прапрадедушка умудрился устроить пожар, уничтоживший усадьбу дотла. Заснул с зажженной сигарой во рту. Большая толстая сигара... Кстати, и сам погиб в огне. Ему на тот момент было уже далеко за восемьдесят. Словом, все было стерто с лица земли до самого основания. При желании можно и сегодня отыскать остатки фундамента того старого дома.

– Какая у вас, однако, богатая семейная история. Не то что у меня, – невольно позавидовала я.

– Я и сам не знаю, хорошо это или плохо. Порой, когда груз минувших столетий давит тебе на плечи, такая богатая родословная кажется уже не столько благословением, сколько проклятием. А уж в последнее время я особенно остро ощущаю этот груз на своих плечах. Но все равно я вам очень благодарен, Тигги, за вчерашний разговор. Ведь за последние несколько месяцев я изрядно подрастерял свой восторг перед красотами здешних мест, стал воспринимать Киннаирд не столько как подарок судьбы, сколько как докучливое бремя и сопряженную с ним ответственность.

– Что вполне понятно, Чарли. Ответственность действительно очень большая.

– Дело не только в этом, – устало вздохнул он в ответ. – Беда в том, что наследство круто поменяло мои планы на будущее.

– А что это были за планы?

Последовала долгая пауза. Видно, Чарли прикидывал, стоит ли ему делиться со мной сокровенным.

– Я собирался уехать работать за границу, стать участником движения «Врачи без границ» и сделать это сразу же, как только Зара окончит школу. Национальная служба здравоохранения Великобритании – это все замечательно и хорошо, но на госслужбе заедает бумажная работа. К тому же ты всецело зависишь от правительственного бюджета. А мне хочется свободы, хочется

приложить свои знания и навыки там, где они действительно нужны и где я могу внести свой посильный вклад в перемены к лучшему.

– О, я вас прекрасно понимаю! Я и сама всегда мечтала о том, чтобы поработать в Африке, с теми дикими животными, которым грозит уничтожение. Не то чтобы я не любила диких кошек, но...

– Я вас тоже понимаю, – прервал меня Чарли, сочувственно улыбаясь. – Киннаирд – это, конечно, далеко не африканская саванна. Получается, что мы с вами мечтаем об одном и том же.

– Тогда, наверное, нам просто надо запастись терпением. Ведь не все мечты осуществляются быстро, в мгновение ока. К тому же порой и сам не знаешь, где именно, в каком месте исполнится твоя мечта. А потому будем терпеливо ждать, занимаясь делами сегодняшними.

– Да, вы абсолютно правы. И коль скоро наш разговор зашел о делах сегодняшних, то, может, вы уже прикинули за минувшие недели, каких еще диких животных мы можем запустить в наш заповедник?

– Думаю, в первую очередь обычных европейских белок, причем уже в ближайшем будущем, как только станут видны первые результаты воссоздания лесных массивов на близлежащих территориях. Я также почитала кое-какую научную литературу о том, как заниматься взращиванием лосося в естественных природных условиях. Процесс этот очень трудоемкий, а я, в общем-то, не являюсь специалистом по разведению рыбы, о чем я уже упоминала в нашем самом первом разговоре. То есть здесь без компетентной помощи настоящего эксперта вам не обойтись. Думаю, на первом этапе обживания новых территорий могут стодиться и европейские лоси, и олени вапити. У меня остались контакты с теми, кто занимается этими животными в зоопарке Сервион. Можно будет позвонить и разузнать все подробно. Но, конечно, на все нужны деньги. Думаю, вам стоит подать пару заявок на соискание грантов.

– Ой, я вас умоляю! – тяжело вздохнул в ответ Чарли. – Я уже попытался заполнить заявку на получение гранта в рамках Программы развития сельскохозяйственных территорий здесь, в Шотландии. Дважды пытался пробиться и в Евросоюз. Там вообще кошмар! Да и потом, у меня просто нет времени для того, чтобы собрать ту уйму информации, которую они требуют.

– Я охотно помогу вам. Тем более времени у меня предостаточно.

– Правда? А у вас есть опыт по этой части?

– Да, есть. И в годы учебы в университете, и потом, когда я работала в зоопарке Сервион, мне приходилось неоднократно заниматься поисками средств для проведения научно-исследовательской работы. Не то чтобы я уже полностью набила руку на оформлении заявок на получение грантов, но кое-какие знания касательно бюрократических процедур по этой части у меня точно имеются.

– Но это же просто невероятная удача для меня! А я готов рвать волосы на своей голове всякий раз, когда приступаю к написанию очередной заявки. Тем более сейчас, когда я разрываюсь буквально на части между больницей и всей той бумажной волокитой, которая сопряжена с моим вступлением в права наследования после смерти отца. Жена настаивает, чтобы я вообще продал имение или, на худой конец, превратил его в гольф-клуб. И я вовсе не виню ее за подобные настроения.

– Мне рассказывали, что она активно занималась ремонтными работами в Киннаирд-лодж. Что ж, результаты ее усилий налицо. Дом выглядит великолепно.

– Все так, хотя первоначальная смета превышена, и во много раз. Но я не имею права порицать ее за это. В конце концов, дело это для Ульрики новое. И потом, она просто хотела помочь мне.

– Уверена, в будущем поместье привлечет к себе толпы клиентов, причем тех, кто хорошо разбирается во всем, – сказала я.

Чарли мельком глянул на часы.

– Увы-увы, но мне пора. Можно, я поднесу бланки для заполнения заявок прямо к вам домой? Благо они у меня при себе. Еще раз помозгую над ними, а потом вверю вам для дальнейшей работы.

– Не возражаю. Приносите в любое время.

* * *

К тому моменту, как я вернулась к себе домой, погода переменилась. В лощине задул холодный, пронизывающий ветер. Я позавтракала и сразу же принялась растапливать камин, а потом свернулась калачиком на диване с книжкой в руке. Прошлую ночь, зная, что Кэл уехал, я пустила Тистла в дом. Утром он снова ожидал

меня, стоя на крыльце. Как только я улеглась, он тотчас же запрыгнул ко мне на колени. Я столкнула его, тогда он перебрался ко мне в ноги и вскоре захрапел. В камине весело потрескивал огонь, пес мирно посапывал во сне, мне было уютно и тепло, и я с головой ушла в чтение.

Подхватилась, когда услышала, как кто-то отряхивает снег о коврик на крыльце. Если это Кэл, испугалась я, то сейчас мне мало не покажется. И я получу за Тистла по полной. Однако на пороге я увидела не Кэла, а пару ярко-синих глаз.

– Привет, Тигги! Я тебя не разбудила? – спросила у меня Зара, впервые переходя на «ты».

– Нет, я не спала. Просто лежала и читала, – ответила я, принимая вертикальное положение. – Как встретила Рождество? Все хорошо?

– Знаешь, когда я здесь, в Киннаирде, у меня всегда все хорошо, – ответила девушка, присаживаясь на диван рядом со мной. Тистл немедленно переместился в ее сторону и тут же уложил свою голову ей на колени. – Вот сгоняла в Динич-Глен. Предки, как всегда, затеяли скандал с самого утра. Я и удрала из дому в поисках покоя и тишины. Фантастически красивое место. Ты там бывала?

– Нет. Но, Зара, послушай! Ты что, села за руль? В такой снег дороги здесь более чем опасны и...

– Фи! Нашла чем пугать! Я гоняю по нашему поместью с десяти лет, Тигги! Или ты забыла, что все эти земли вокруг принадлежат нам? А потому тут мне не нужны ни права, ни какие другие позволения и разрешения. Обычно я беру с собой радиопередатчик, термос с горячим чаем и еще что-нибудь из съестного, на тот случай, если вдруг случится что-то непредвиденное. Не волнуйся за меня. Я знаю все правила и ничего не нарушаю. Я уже и у Чилли сегодня побывала, отвезла ему рождественские подарки. Украла у папы бутылку виски и тоже упаковала в коробку. Пусть порадуетя немного. – Зара подмигнула мне с заговорщицким видом. – Мы с ним опрокинули по рюмашке и выкурили по сигарке. Хоть он и чумазый, и пахнет от него так, что нос воротит, но все равно Чилли – самый занимательный субъект в здешних краях. Мне с ним интересно. А сейчас вот и с тобой тоже.

– Моя подруга Маргарет как раз вчера говорила мне о нем. Мне бы очень хотелось познакомиться с ним.

– Если хочешь, я могу отвезти тебя к нему. Так даже будет лучше: я тебя сама представлю, вначале объясню, кто ты такая. Он ко всем чужакам относится очень подозрительно. Не любит незнакомцев.

– Почти как мои кошки, – невольно улыбнулась я.

– Именно так! Слушай, предлагаю тебе бартер: я знакомлю тебя с Чилли, а ты за это позволяешь мне поздороваться с твоими кошками. Ну, как? Идет? Я ведь такая же легкая, как и ты. Могу ступать совсем неслышно. Пожалуйста, Тигги! Прошу тебя! Мне так хочется взглянуть на них хоть краешком глаза. А как их зовут?

Я назвала имена всех своих кошек, а про себя подумала: каково это будет, *если я возьму Зару с собой*? И что после этого я скажу ее матери, которую, можно сказать, прогнала с полдороги?

– Хорошо, – согласилась я наконец. – Но завтра я первым делом посмотрю, в каком они будут расположении духа. Я страшно боюсь, что, унюхав чужой запах, они тотчас же снова спрячутся в своих норках.

– Понимаю, Тигги. Но какое-то время у нас в запасе еще есть. Я ведь останусь здесь вплоть до кануна Нового года, то есть до тридцать первого декабря. Так вот, пока я не уехала, у меня тут возникла еще одна идея. Что, если я стану тебе... вроде как помощницей? Буду работать с тобой, так сказать, на подхвате. Стану следовать за тобой по пятам и смотреть за тем, как и что ты делаешь.

– Если честно, пока в имение не завезли других животных, работы у меня с кошками не так уж и много.

Зара сверила время по своему мобильнику.

– Пора бежать домой. У нас сегодня куча гостей к ужину. Мама требует, чтобы я явилась к гостям в вечернем платье! Представляешь? – Девочка картинно округлила глаза и заторопилась на выход. – Если не возражаешь, я к тебе завтра снова загляну ближе к полудню.

– Приходи в любое время, Зара. Буду рада. Пока.

– До скорого, Тигги.

* * *

На следующий день Зара нагрязнула прямо к обеду, чему я была только рада. Кэл с самого утра отправился на охоту, а я маялась в одиночестве, чувствуя себя самой настоящей старой девой.

– Привет, Тигги! – оживленно улыбнулась мне Зара, переступая порог. – Вот еду в Динич-Глен, везу обед Чилли. Хочешь, я познакомлю тебя с ним?

– Очень хочу! – обрадовалась я, срывая с вешалки куртку. – Будешь показывать мне дорогу, а я сяду за руль.

Как только Зара уселась на пассажирское место, мы тут же тронулись в путь. Колочий холодный ветер, бушевавший вчера, за ночь утих. Солнечное небо было чистым и ясным. Снег серебрился и переливался по обе стороны дороги, а я, максимально сбросив скорость, стала медленно съезжать с горы. Вроде все красиво и безопасно, но я-то знала, что под невинно белым слоем снега спрятана сплошная корка льда, и нужно быть предельно осторожной. Зара показала мне, в какую сторону надо ехать, а потом стала рассказывать, каким ужасно скучным был вчерашний ужин с гостями. Потом пожаловалась, что совсем не хочет возвращаться после Нового года в школу, расположенную где-то среди пустошей Северного Йоркшира.

– Ну и что из того, что все наши предки учились в этой школе? А мне какое до них дело? Эта школа мне точно не подходит. Ну не смешно ли? В шестнадцать лет ты уже можешь выйти замуж, заниматься сексом, курить, но переступаешь порог своей закрытой школы и сразу же превращаешься в бог знает кого. С тобой обращаются, словно с десятилетним ребенком. Ровно в девять тридцать во всех дортуарах вырубается свет. Представляешь?

– Потерпи еще чуток, Зара. Осталось ведь всего ничего, каких-то восемнадцать месяцев. Они пролетят, не успеешь оглянуться.

– Можно подумать, что нам отпущена вечность на этом свете! Жизнь ведь так коротка. Так зачем же тратить понапрасну целых пятьсот сорок дней? Я все подсчитала! Ужас! Ненавижу эту школу...

В глубине души я была согласна с Зарой, но должна же я как взрослый человек сохранять благоразумие. А потому я не стала озвучивать свои мысли вслух, а лишь сказала:

– Да, жизнь, она вся такая зарегламентированная, в ней полно глупейших правил, это верно. Но есть и хорошие правила, те, которые помогают нам и защищают нас.

– А у тебя есть парень, Тигги? – неожиданно поинтересовалась у меня Зара, пока мы осторожно пересекали небольшую речушку по узенькому деревянному мосту. Брызги воды на прибрежных валунах уже успели превратиться в искристый лед. Невероятно красивые скульптуры изо льда получились.

– Нет, – ответила я коротко. – А у тебя?

– Что-то вроде того... Пожалуй, это единственное, что заставляет меня терпеть эту школу.

– И как его зовут?

– Джонни Норт. Вообще-то он у нас мачо. Все мои одноклассницы влюблены в него по уши. Мы с ним пару раз встречались в лесу, курили... Но парень он плохой, если ты понимаешь, о чем я.

– Конечно, понимаю, – ответила я негромко, а про себя подумала: и почему это все мы, женщины, так падки на плохих парней, на тех, кто попользуются нами, обидят, а потом с легкостью бросят. Ведь полно же хороших, приличных парней! И мужчин тоже. Но они все сидят себе тихонько в сторонке и терзаются тем, что не могут найти себе пару.

– То есть я не хочу сказать, что он уже *совсем плохой*. Скорее, он напускает на себя такой вид. Выпендривается перед своими друзьями. А вот когда мы с ним вдвоем, то можем поговорить и на очень серьезные темы, – продолжала откровенничать со мной Зара. – Понимаешь, у Джонни было очень трудное детство. Но в душе он хороший и добрый.

Я искоса глянула на Зару. По ее лицу разлилось мечтательное выражение. Вот она и ответила на мой вопрос, почему женщины так и льнут к плохим парням, подумала я. Потому что в глубине души каждая женщина искренне верит, что ее избранник вовсе не такой уж плохой, как о нем все думают. Просто его никто не понимает. Никто! И только она одна способна понять его тонкую душу и даже, быть может, спасти его...

– Мы по-настоящему сблизились только в последнем триместре, но все мои подружки в один голос утверждают, что для него главное – это залезть ко мне в трус... – Зара оборвала себя на полуслове и даже немного покраснела, что, безусловно, делает ей честь. – Ну, ты понимаешь, о чем я. Да, Тигги?

– Вполне возможно, твои подружки не так уж далеки от истины, – ответила я, невольно поразившись раскованности Зары. В ее возрасте я и представить себе не могла, что можно беседовать о сексе с кем-нибудь из взрослых. Особенно с едва знакомым тебе человеком. Я осторожно притормозила и почувствовала, как колеса сами собой, по инерции прокатились еще несколько метров по замерзшему снегу, съехав несколько в сторону от небольшой деревянной хижины, примостившейся в расщелине. Горы по обе стороны расщелины взметнулись ввысь, образовав высоко в небе красивую арку. Ничего не скажешь! О лучшем месте для уединения и мечтать не приходится. Пейзаж одновременно величественный и немного жутковатый. Мы вылезли из машины и направились к хижине. Сразу же зашипало лицо. Я натянула шарф до самого носа, потому что мороз был таким сильным, что мне стало трудно дышать.

– Вот так холодина! – воскликнула я. – Наверное, градусов десять, если не больше. И как только Чилли выживает здесь зимой?

– Думаю, он привык к морозам. А сейчас у него и хижина своя появилась. Так что он в полном порядке. Подожди меня здесь, ладно? – Зара остановилась перед закрытой дверью. – Пойду, предупрежу Чилли, что к нему посетитель. А заодно и успокою, скажу, что ты не из социальной службы. – Девочка весело подмигнула мне, быстро сделала по снегу еще пару шагов и скрылась за дверью.

Я принялась внимательно разглядывать хижину. Хорошая работа! Добротная... Домик сложен из цельных, крепких сосновых бревен. Конструкция проста. Бревна просто кладутся друг на друга. Такие постройки встречаются и у нас в Швейцарии, компактные хижины, разбросанные там и сям по склонам гор. Именно таким макаром когда-то в былые времена возводили небольшие лыжные домики высоко в горах.

Но вот дверь отворилась, и в щель просунулась голова Зары.

– Можешь входить, – окликнула она меня.

Я подошла к Заре и переступила порог хижины. Меня сразу же обдало живительным теплом, правда, в помещении висел густой дым и царил полумрак. Но постепенно глаза адаптировались к отсутствию света. Единственным источником освещения в комнате были две старые керосиновые лампы и трепещущие языки пламени в дровяном

камине. Зара взяла меня за руку и потащила вперед, к истершемуся кожаному креслу, стоявшему возле камина.

– Чилли, это моя подруга Тигги, – объявила она громко.

Яркие глаза цвета спелого ореха тут же уставились на меня и принялись буравить. Лицо все в глубоких морщинах. Так выглядит карта, воспроизводящая разбегающиеся в разные стороны дороги в каком-нибудь большом столичном городе. Я поняла, что в комнате задымлено вовсе не из-за отсутствия тяги в камине. Старик сжимал своим маленьким ртом длинную деревянную трубку. Если бы не волосы на голове и не задубевшая кожа на лице, то он был бы очень похож на какого-нибудь средневекового монаха.

– Здравствуйте, Чилли, – поздоровалась я и, сделав несколько небольших шажков к нему навстречу, протянула руку для приветствия. Но он своей руки не подал, а продолжал пристально пялиться на меня.

И чем дальше он сверлил меня взглядом, тем все сильнее начинало биться сердце в моей груди. Я закрыла глаза, чтобы обрести равновесие, и перед моим мысленным взором тут же пронеслось странное видение. Будто я нахожусь в какой-то пещере и смотрю в глаза женщине. А она что-то ласково шепчет мне на ухо, откуда-то стелется густой дым, закрывая ее лицо, а я все кашляю и кашляю...

И тут до меня дошло, что я действительно кашляю. Я открыла глаза, и меня тут же повело в сторону, я немного пошатнулась, пытаюсь снова вернуться в день сегодняшней. Зара поймала меня за руку.

– С тобой все в порядке, Тигги? Здесь сильно воняет, по-моему.

– Все в порядке, – успокоила я ее, устремив глаза, полные слез, на Чилли. Такое чувство, что я не могу оторвать свой взгляд от его лица, хочу, но не могу.

«Кем же ты мне приходишься?..»

Вот его губы слегка зашевелились, и он негромко обронил несколько слов на незнакомом мне языке, потом поманил меня к себе худым костлявым пальцем, приказывая подойти к нему поближе. Я безропотно повиновалась, оказавшись всего в нескольких сантиметрах от старика.

– Садись, – приказал он на ломаном английском, указывая на единственный, грубо сколоченный табурет, стоявший в комнате рядом с камином.

– Ступай же, – подбодрила меня Зара. – А я устроюсь тут на полу.

Она схватила подушку с железной кровати и положила ее прямо на голый бетонный пол: все мягче будет.

– Ворожейка! Хотчивитчи! – неожиданно воскликнул Чилли, ткнув в меня полусогнутым костлявым пальцем. Потом откинул голову назад и весело рассмеялся. – *Pequena bruja!*

– Не обращай внимания, – снова пришла на помощь Зара. – Он всегда говорит на такой чудовищной смеси английского и испанского. А по словам папы, он еще может говорить и на языке рома, на котором когда-то в старину общались цыгане.

– Понятно, – ответила я, хотя была уверена на все сто, что только что Чилли обозвал меня колдуньей.

Наконец Чилли отвел от меня глаза и принялся набивать трубку какой-то сухой смесью, похожей на мох. Потом снова разжег ее и глянул на меня с улыбкой.

– Говоришь на английском? Или на испанском?

– На английском и французском, и лишь немного – по-испански.

Чилли недовольно хмыкнул и стал сосредоточенно посасывать свою трубку.

– А ты принимал те таблетки, которые тебе дал доктор? – поинтересовалась у него Зара, подав голос с пола.

Чилли метнул в нее взгляд, в котором читались и раздражение, и насмешка.

– Яд! Чистый яд! Они хотят меня убить своей современной медициной.

– Не выдумывай, Чилли! Эти таблетки снимут боль. К тому же у них сильный противовоспалительный эффект. Что очень важно для твоего артрита. Тебе сразу полегчает, вот увидишь.

– Я лечу себя сам, своими проверенными способами, – ответил упрямый старик, гордо вскинув подбородок вверх, к деревянному потолку. – И ты тоже станешь так лечить... – Он снова ткнул в меня пальцем. – Покажи мне свои руки, – приказал он.

Я вытянула вперед руки ладонями вверх, повинувшись его приказу. Чилли взял их. Его прикосновения к моей коже неожиданно оказались очень мягкими, но в кончиках пальцев стало покалывать. Покалывание усиливалось по мере того, как он прошелся по всем линиям на моей ладони, а потом стал осторожно сжимать по очереди каждый палец. Наконец он оторвался от этого занятия и взглянул на меня.

– Твое волшебство кроется в твоих руках, – обронил старик, показывая на мои руки. – Ты помогаешь всяким небольшим созданиям на земле... *los animals*. Это твой дар.

– Вы правы. – Я бросила озадаченный взгляд на Зару, но та лишь неопределенно пожала плечами в ответ.

– *Bruja* сила. Но она у тебя не полная, потому что у тебя не совсем чистая кровь. Ясно? Что ты делаешь, Хотчивитчи?

– Вы имеете в виду, где я работаю?

Он молча кивнул, и я принялась объяснять ему, чем занимаюсь. Когда я закончила свой рассказ, он лишь глянул на меня и издал короткий смешок.

– Все пустое. Твоя сила – вот здесь! – Чилли снова показал знаком на мои руки, а потом на мое сердце. – А вовсе не здесь. – Он указал на мою голову.

– Неужели? – возразила я, немного обидевшись. – Во всяком случае, моя степень по зоологии помогает мне лучше понять поведение животных.

– Ты имеешь в виду статистику, бумажки всякие и компьютеры разные? Этим ты пользуешься в своей работе? Я прав? – Он снова ткнул в меня своим худым костлявым пальцем. – Ты избрала не тот путь.

– А ты ел индейку, которую я принесла тебе вчера? – снова подала голос Зара, видно заметив, что я расстроилась. Потом она поднялась с пола и подошла к старенькому кухонному столу с полками для посуды, стоявшему в углу комнаты. На полках выстроилась целая батарея железных банок с зазубренными краями, рядом примостились разнокалиберные тарелки и миски.

– *Si. Bleurgh!* – промолвил Чилли с каким-то болезненным свистом. – Старая птичка.

– А сегодня я принесла тебе суп с индейкой. – Зара сняла с полки оловянную миску, плеснула туда немного супа из контейнера, который привезла с собой, достала кусок хлеба, взяла ложку и положила все это перед ним. – Ты пока кушай. А я тем временем схожу, принесу тебе немного дров. – Зара взяла в руки корзину для дров и вышла из хижины.

Чилли принялся быстро хлебать суп, отправляя в рот ложку за ложкой. Кажется, он даже не старался распробовать его на вкус.

Покончив с супом, он перевернул миску вверх дном, потом отер рукой рот и снова закурил свою трубку.

– Ты чувствуешь Дух земли, сестра?

– Да, чувствую, – ответила я почему-то шепотом и удивилась тому, что впервые поняла каждое его слово. Более того, я сразу же поняла, что он имел в виду.

– Ты спрашиваешь себя, правда ли это на самом деле?

– Да, спрашиваю.

– Я помогу тебе поверить в то, что это правда, прежде чем ты уедешь отсюда.

– Но я пока не собираюсь уезжать из Киннаирда, Чилли. Я ведь еще только-только приступила к своей работе здесь.

– Ну, это ты так думаешь! – фыркнул он в ответ.

Появилась Зара с корзинкой, полной дров. Сгрузила поленья рядом с камином. Потом достала из коробки кусок рождественского пирога и бутылку виски, которую она стащила у отца. Бутылка была уже на треть пуста. Зара плеснула немного виски в железную кружку.

– Выпей, Чилли, – промолвила девочка, поставив кружку и тарелку с пирогом на небольшой столик рядом с креслом. – А нам уже пора ехать домой.

– Ты! – Он указал на меня пальцем. – Приезжай ко мне еще, скоро... Ладно?

Впрочем, обращение звучало, не как просьба, а как приказ, которому я обязана была безропотно подчиниться. Я молча кивнула в знак согласия. Мы распрощались с Чилли и направились по замерзшему полю назад, к своей машине. У меня было немного странное состояние. Какая-то необычайная легкость во всем теле, будто душа моя на какое-то время покидала тело, а потом вернулась обратно. Кем бы ни был этот чудаковатый старик по имени Чилли, но меня, судя по всему, он знал досконально. Да и я тоже испытывала некое непонятное родство души с ним, синергию, что ли.

– Уж очень он гордый. В этом вся беда, – без умолку тараторила Зара на обратном пути. – Привык всю жизнь сам о себе заботиться. А сейчас вот сил нет ни на что. Папа даже предлагал ему установить здесь генератор, чтобы в доме было электричество, но он отказался наотрез. Берил говорит, что чем дальше, тем больше он превращается

для нас в обузу, что для его же собственного блага его лучше определить в какой-нибудь дом для престарелых.

– Да, она и мне это говорила, – откликнулась я. – Здесь беда, Зара, в другом. Сейчас, когда я познакомилась с ним, я уже точно знаю, почему он хочет остаться там, где есть. Это все равно что силком извлечь животное из естественной среды обитания после того, как оно всю свою жизнь прожило в дикой природе. Вот и Чилли. Если его заберут в город, он точно умрет там через несколько дней. А здесь... здесь, если он даже случайно устроит пожар в своей хижине или у него случится сердечный приступ, думаю, для него такая смерть все равно предпочтительнее, чем медленное угасание в какой-нибудь богадельне, пусть и с центральным отоплением. Я, во всяком случае, предпочла бы первый вариант.

– Наверное, ты права. А ты ему, Тигги, судя по всему, понравилась. Вот даже пригласил тебя снова наведаться к нему. Поедешь?

– Да, конечно, – ответила я. – Обязательно съезжу.

6

На следующий день рано утром я, верная своему обещанию, поджидала Зару во дворе, и мы вместе отправились кормить кошек, прихватив корзинку мяса для них. Решила, будь что будет. За ночь снега навалило еще больше, а потому мои коты, как всякие разумные твари, скорее всего, и носа не покажут на улицу. Будут себе дремать в своих уютных норках.

– Ну вот! – Я остановилась в самом начале тропинки, ведущей к вольерам. – Отсюда и далее двигаться тихо и незаметно, как кошка. Понятно?

– Слушаюсь, мой босс! – прошептала в ответ Зара и бодро отсалютовала мне.

Мы кое-как сползли по заиндевевшему склону вниз и направились к первому вольеру. Я открыла калитку и зашвырнула туда дичь.

– Молли! Полсон! Роза! Игорь! Вы где? – позвала я их.

Зара пристроилась мне в хвост, и мы поплелись к следующему вольеру. Так мы обошли все четыре, разбросали корм, а я по очереди окликала своих питомцев. Даже попыталась поговорить с ними.

Тщетно! Я удрученно покачала головой. Дескать, кошки сегодня никак не настроены на контакт с нами, однако Зара заартачилась. Не захотела уходить.

– Еще пять минуточек. Ну, пожалуйста! – умоляюще прошептала она. – Можно, я сама позову их?

– Ладно! Попробуй! – сдалась я.

Она неслышно подошла к ближайшему вольеру. Стряхнула рукавицей снег с кромки железной изгороди и, прижавшись к ней лицом, стала окликать животных по именам. Потом медленно побрела вдоль ограды, то и дело останавливаясь, замирая на месте и снова окликая. Я поплелась вслед за ней. И вдруг – о чудо! – я заметила легкое шевеление в том боксе, в котором обитает Роза.

– Взгляни вон туда! – окликнула я Зару громким шепотом, указывая на бокс, наполовину спрятанный в земле. – Это Роза.

И немедленно из полумрака на нас уставилась пара сверкающих янтарных глаз.

– Боже мой! – прошептала Зара в полном восхищении. Она тоже впиалась своими глазами, так похожими на кошачьи, в кошку по имени Роза. Потом слегка прищурилась и подмигнула ей. – Привет, Роза. Меня зовут Зара, – ласково проговорила она. К моему вящему удивлению и восторгу, Роза тоже прищурилась и подмигнула ей в ответ. Но внезапно мы все трое насторожились, услышав звук чьих-то шагов по снежному насту. Кошка мгновенно скрылась в своей норке.

– Черт! – громко выругалась Зара. – А я-то надеялась, что она вылезет наружу.

– Может, она и собиралась явить себя во всей красе, но что-то ее испугало, – примирительно ответила я.

И мы обе снова направились вверх по склону, чтобы увидеть, кто же это напугал нашу кошечку. На вершине холма стоял Чарли Киннаирд.

– Папа! – Зара опрометью бросилась к нему. – Представляешь, мне только что почти удалось выманить одну из кошечек из ее норки. Но потом она услышала твои шаги, испугалась и снова спряталась, – добавила она немного рассерженным шепотом.

– Прости меня, родная. Я вот тоже приплелся посмотреть на кошек, – тоже шепотом ответил ей Чарли. – А заодно и встретиться с

вами, Тигги. Может, пойдём сейчас к нам домой, а? Там и поговорим в тепле обо всем. И не шепотом, как здесь, а в полный голос.

Чарли одарил меня приветливой улыбкой, и я тотчас же почувствовала, как поплыла в сладостной истоме, словно снег под яркими лучами солнца.

– А, вот вы где все! – громко воскликнул кто-то за спиной Чарли. Я непроизвольно задрала голову вверх. Ульрика собственной персоной спешила по дорожке навстречу к нам. – А я-то думала, что вход к этим животным закрыт для всех, кроме вас. – Ульрика небрежно кивнула в мою сторону. – Оказывается, есть и исключения. Такая *честь*, не правда ли? – обратилась она уже к мужу и дочери, которая сосредоточенно карабкалась по склону впереди меня. – Меня, к примеру, пару дней тому назад отсюда просто прогнали.

Руки в боки, высоченная, словно статуя, возвышающаяся надо мной и подавляющая своим величием, Ульрика в эту минуту была очень похожа на разъяренную валькирию.

– Да она пустила меня сюда, мама, потому что я уже ей надоела со своими приставаниями. Все просила и просила пустить меня к кошкам, – пояснила Зара, пытаясь утихомирить разбушевавшуюся мать.

– Выходит, мне тоже в следующий раз нужно будет повалиться вам в ноги и начать умолять о подобном одолжении? – промолвила Ульрика почти шутливо, но глаза ее, устремленные на меня, смотрели угрожающе холодно.

– Пойдемте с нами, Тигги. Выпьем по чашечке кофе. Поговорим о делах, – снова предложил мне Чарли, когда мы подошли к дому.

– Прости, дорогой, но ничего не получится. Ты ведь должен отвезти меня в Дорноч к леди Муррей. Она ждет меня к одиннадцати, кстати, тоже на чашечку кофе. Так что наш с вами кофе, Тигги, отложим до следующего раза, если не возражаете, – обронила Ульрика ледяным тоном.

– Ничего не имею против, – ответила я, понутив голову.

– Тогда я сам загляну к вам, когда вернусь из города, – сказал Чарли. – Хочу отдать бланки на оформление заявок на гранты, а также обговорить кое-какие конкретные детали, касающиеся переселения сюда, в Киннаирд, лосей и европейских оленей уже весной будущего года.

– Ладно. До свидания, Зара. До свидания, Ульрика. – Я распрощалась с хозяевами и поспешно удалилась в свою хибару. Подальше от господского гнева.

– Ну и делишки! – выдохнула я, тяжело опускаясь на диван в нашей гостиной.

– Что за делишки? – поинтересовался у меня Кэл, входя следом за мной в гостиную с тостом в руке.

– Опять эта Ульрика Киннаирд! – тяжело вздохнула я. – Она меня точно невзлюбила, нутром чую.

– Не уверен, что она вообще кого-то любит, Тиг. А потому не принимай ее агрессию на свой счет. Что она тебе такого наговорила на сей раз?

Я рассказала Кэлу, что случилось сегодня возле вольеров, но Кэл лишь весело рассмеялся в ответ.

– Так ей и надо! Хотя... хотя после сегодняшней истории ты вряд ли попадешь в список ее гостей на рождественский прием в ближайшие несколько лет. Ульрика не любит быть на вторых ролях или тем более оказаться с носом. Особенно если речь заходит о ее собственном муже. Может, она просто не вполне уверена в нем, а?

– Наверняка она заставит мужа уволить меня.

– Ну, это уж вряд ли. Лэрд очень ценит тебя. Так что на сей счет можешь быть спокойна. Ну, я пошел. Ее величество приказала мне расчистить от снега подъездную дорожку к дому и посыпать ее солью на всякий случай. Не дай бог, растрясет свой драгоценный зад на ухабах. – Кэл весело подмигнул мне и с этими словами вышел из дома.

* * *

– Ну что, приходил к тебе лэрд поболтать за жизнь? – поинтересовался у меня Кэл, переступая порог дома в восемь часов вечера.

– Нет, не приходил, – ответила я, налила стакан виски и протянула ему.

– Наверное, подвернулось что-то более срочное, – предположил Кэл, беря в руки стакан.

– Наверное. Но я ведь обитаю не на другом конце света. Мог бы зайти и сказать об этом. А так я зря прождала его весь день.

– Может, у них там что случилось? Потому что они все были дома, это я точно видел. И из города они вернулись где-то часа в три. Это я тоже видел. Да бог с ними, Тиг! Выше голову!

– Что ж, если он не собирается пожаловать ко мне, тогда я отправляюсь принимать ванну.

Вода была чуть тепловатой. Лежа в ванне, я размышляла над тем, что сказал мне Чилли, когда я была у него. Дескать, скоро я отсюда уеду. Неужели из-за этой блондинки валькирии, подкараулившей нас сегодня утром?

Внезапно в дверь негромко постучали.

– Тиг, ты уже помылась? У нас тут посетитель.

– Сейчас-сейчас, – заторопилась я, доставая пробку из днища и выбираясь из ванны. – А кто пришел?

Я затаила дыхание в ожидании ответа. Не дай бог, Чарли Киннаирд! Появляться перед ним в гостиной в своем теплом старом халате выцветшего голубого цвета мне никак не хотелось. Надо бежать к себе в комнату, чтобы переодеться.

– Зара. Она очень возбуждена, – уточнил Кэл вполголоса.

– Хорошо, я иду, – откликнулась я через дверь.

Когда я открыла дверь и вошла в гостиную, то увидела, что Зара сидит на краешке дивана, обхватив голову руками и рыдая навзрыд.

– Пожалуй, я лучше оставлю вас одних, девушки, – сказал Кэл, выразительно вскинув брови. После чего поспешно удалился к себе.

– Что стряслось, Зара? – спросила я у девочки, присаживаясь рядом с ней.

– Папа обещал мне, что мы останемся в Киннаирде вплоть до первых дней января. А сейчас он объявил, что мы уезжаем! Представляешь? Ведь я могла пробыть здесь еще как минимум два дня. Но вместо этого надо срочно возвращаться в Инвернесс!

– Почему?

– Не знаю. Какой-то мужчина приходил к нам сегодня утром, и они сильно повздорили с папой. Я даже не рискнула спуститься вниз, слыша крики, которые доносились из холла. Они буквально вопили друг на друга. А потом папа поднялся наверх и сказал мне, что мы возвращаемся домой. А я не хочу никуда ехать!

– А из-за чего они спорили? И кто был этот мужчина?

– Понятия не имею. Папа мне ничего не сказал.

– Зара, дорогая моя! – Я обняла девочку за плечи и привлекла к себе. – Мне очень жаль, что все так вышло. Очень... Но ты же помнишь, совсем недолго тебе ждать своего восемнадцатилетия. И уж тогда ты точно сможешь жить в Киннаирде столько, сколько тебе вздумается, и никто тебе этого не запретит.

– А ведь папа говорил, что я могу провести здесь все свои рождественские каникулы, если захочу. Но мама высказалась категорически против. Она не любит Киннаирд.

– Может, деревенская жизнь – это просто не ее, – нерешительно предположила я. – Ну, не любит она жить в глуши, только и всего.

– Она ничего не любит, Тигги, – тяжело вздохнула в ответ Зара, усталость и отчаяние разлились по ее лицу. – Все время твердит, что будет счастлива, если папа сделает то или сделает это. Например, свозит ее на какой-нибудь фешенебельный курорт. А где деньги взять для таких развлечений? У папы же нет денег. Или чтобы он купил ей новую машину, или какую-нибудь картину, которая ей приглянулась. Потому что от этого у нее сразу же повысится настроение. Но оно у нее никогда не повышается. Никогда! Она из категории вечно несчастливых людей. Понимаешь меня?

Я осторожно прошлась рукой по шелковистым волосам Зары. Наверняка девочка слегка преувеличивает, излишне драматизирует ситуацию, как это свойственно подросткам с буйством гормонов в организме, но все же в чем-то она абсолютно права. Я столкнулась с Ульрикой всего лишь пару раз, но уже успела понять, что у нее очень сложный характер. И тут до меня дошло: вот я сама, девочка, которую удочерили когда-то, выросла под опекой наемной гувернантки, которую когда-то наш приемный отец нанял для присмотра за всеми нами, девочками, как же часто я мечтала в детстве о том, чтобы расти в нормальной семье, иметь двух любящих тебя родителей, родных тебе по крови. А получается, что я попросту идеализировала такую жизнь. Ведь мне не довелось жить рядом с постоянно воюющими между собой отцом и матерью. За всю свою жизнь в Атлантисе я ни единого раза не слышала, чтобы между Па Солтом и Ма вспыхнул какой-то спор, не говоря уже о ссорах. Сейчас-то я понимаю, сколь уникальна такая спокойная атмосфера в доме и как редко такое встречается в

реальной жизни. Собственно, все, что довелось пережить и перечувствовать Заре, мне хорошо знакомо по рассказам моих многочисленных школьных подружек. И в их семьях тоже случались бесконечные скандалы и распри. А мы, сестры Деплеси, жили и выросли в своем сказочном замке, и все в нашей жизни было так, как будто у нас и в самом деле есть любящие нас отец и мать. Конечно, кое-какие сложности все равно возникали. Ведь нас же было шестеро. Время от времени гармония нарушалась: кто-то с кем-то повздорил, кто-то на кого-то обиделся. Чаще всего таким возмутителем покоя в нашей семье выступала наша младшенькая – Электра... воистину, эта девчонка была тем, что называют «анфан террибль» – несносный ребенок.

В комнате повисло молчание. Я продолжала ласково гладить Зару по голове. Так продолжалось довольно долго, в какой-то момент мне даже показалось, что она задремала, но девочка вдруг резко вскинула голову.

– Придумала! Попрошу папу разрешить мне остаться в Киннаирде с тобой. Буду жить вместе с тобой и Кэлом в вашем домике! Скажу ему, что тебе нужна помощь. Вот я и стану помогать тебе до конца своих каникул! – Глаза ее вспыхнули радостным блеском от того, что ей в голову пришла такая замечательная мысль. – Ведь ты же не против, Тигги, а? Обещаю, я не доставлю тебе никаких хлопот. А спать я могу прямо здесь, на диване, если только Кэл не будет возражать. Но я уверена, он не станет, мы с ним всегда отлично ладили, он любит меня, и потом...

– Я была бы счастлива, Зара, если бы ты поселилась вместе с нами под одной крышей. Но твоя мама едва меня знает, и вряд ли она доверит свое драгоценное дитя опеке какой-то чужестранки.

– Но ведь здесь же есть еще и Берил, а мама доверяет ей полностью. А папа знает Кэла, можно сказать, с пеленок и...

– И все же, Зара, для начала тебе надо переговорить со своими родителями. Если они не станут возражать против того, чтобы ты осталась в Киннаирде и поселилась у нас с Кэлом, тогда да! Мы тоже будем счастливы принять тебя под этой крышей.

– Обязательно переговорю! Немедленно! – решительно воскликнула девочка. – А если они не разрешат, то я возьму и сбегу из дома.

– Не говори ерунды, Зара! Это ведь уже почти шантаж. А если ты хочешь, чтобы все окружающие считали тебя взрослым человеком, способным принимать самостоятельные решения, то нельзя пускать в ход угрозы и запугивание. Это не метод. Вот ступай сейчас к себе домой и поговори с родителями. Если они будут согласны, то пусть тогда изыщут возможность и время прийти сюда до своего отъезда и поставить меня лично в известность о своем решении, – твердо сказала я.

– Ладно! Уже бегу! Спасибо, Тигги. – Зара сорвалась с места и побежала к дверям. – В один прекрасный день, а он, клянусь, рано или поздно все равно наступит, я приеду в Киннаирд и поселюсь здесь навсегда. И даже мама не сможет помешать мне сделать это. Спокойной ночи, Тигги.

Как я и предполагала, ни Чарли, ни Ульрика так и не пожаловали ко мне с визитом, а на следующее утро я обнаружила, что их ренджровер тоже куда-то укатил. Скорее всего, в Инвернесс.

– Бедная девчушка! – пожалел Зару Кэл, попивая свой кофе за завтраком. – Барахтается в этом дерьме. Ох, уж эти проблемные семьи! Моя семья тоже далеко не идеал, но у нас хоть по крайней мере нормальные взаимоотношения друг с другом. Ну, я пошел.

Кэл направился к дверям и тут заметил конверт, лежавший на коврикe рядом со входной дверью. Поднял его с пола.

– Это тебе, Тиг. – Кэл протянул мне конверт. В полуоткрытую дверь тут же просунулась голова Тистла, явно мечтающего попасть в дом. – А ты, Тистл, ступай за мной, – прикрикнул Кэл на собаку, решительно закрывая за собой дверь.

Я вскрыла конверт и обнаружила внутри коротенькую записку.

Дорогая Тигги, пишу второпях. Приношу свои извинения за то, что вынужден так срочно покинуть Киннаирд, и за то, что не смог прийти к Вам, как обещал. Возникли некоторые юридические зававыки. В скором будущем обязательно свяжусь с Вами.

Еще раз прошу простить меня,

Чарли

Трудно сказать, что он имел в виду под «юридическими зававыками». А вдруг это имеет какое-то отношение к тому скандалу с

незнакомцем, о котором рассказывала мне Зара?

Я побрела к себе в спальню. Все эти чужие семейные дрызги с новой силой заставили меня снова затосковать о своих близких. Я открыла прикроватную тумбочку и извлекла из нее прощальное письмо, которое оставил мне Па Солт. Я читала и перечитывала его бессчетное количество раз. Вон даже бумага по краям вся обтрепалась. И вот я снова развернула письмо и принялась перечитывать его, наверное, в тысячный раз, испытывая некое душевное умиротворение уже от одного вида папиного почерка, слегка витиеватого, но такого красивого.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Тигги,

Наверное, не имеет смысла тратить время и бумагу на то, чтобы писать всяческие банальности, касающиеся моего внезапного ухода из твоей жизни. Знаю, ты никогда не поверишь в то, что я ушел. Но я действительно ушел. И хотя, знаю, ты будешь продолжать чувствовать мое присутствие рядом с собой, придется все же тебе это принять как данность: я уже никогда более не появлюсь в твоей жизни.

Конечно, сейчас, когда я пишу это письмо тебе, сидя за письменным столом в своем кабинете в Атлантисе, я все еще жив и обитаю на этой земле, а потому не могу тебе пока поведать о том, каково там, по другую сторону жизни. В любом случае, скажу лишь одно: я никогда не страшился этого перехода. Мы с тобой много раз беседовали о том, сколь много значит неумолимая рука судьбы, или рока, или какой другой высшей силы – многие именуют ее богом, и о том, как именно эта сила влияет на наши жизни. Когда-то, когда я еще был совсем ребенком, она спасла меня, а потому всю свою сознательную жизнь, сколь тяжкие времена я бы ни переживал, моя вера в нее остается неизменной и незыблемой.

Если обращаясь к остальным твоим сестрам, я проявил известную сдержанность и выдал им лишь ограниченный объем информации касательно того, где именно я нашел их, потому что не

хотел понапрасну смущать их душу, то с тобой у меня все будет по-другому. Потому что и ты у меня совсем другая. Когда твоя семья отдала тебя мне, то я пообещал им, таково было их условие, что когда-нибудь, когда наступит подходящий момент, я обязательно отправлю тебя обратно к ним.

Ты, Тигги, являешься составной частью очень древней культуры, правда, в наши дни многие находят повод, чтобы поиздеваться над ней. Думаю, такое отношение частично объясняется тем, что мы, современные люди, забыли о нашей кровной связи с природой: именно в ней, в природе, наши корни, наше сердце и душа. Как мне сказали, ты происходишь из очень специфического, уникального по своим дарованиям рода предсказателей. Хотя та женщина, которая вручила тебя мне, дала понять, что иногда дар предвидения может и пропустить одно какое-то поколение рода или не развиться в полную меру в том или ином представителе семьи.

Меня попросили наблюдать за тем, как ты станешь взрослей. Я так и поступил. Из квелого, вечно хныкающего младенца ты очень быстро превратилась в пытлиую и любознательную девочку, более всего на свете обожающую окружающую природу и животных. И хотя ты так и не смогла обзавестись собственным домашним любимцем в силу того, что Ма страдает от аллергии, ты, тем не менее, находила пути и способы, чтобы выводить каждого воробушка, которого подобрала под каким-то деревом, или накормить всех ежей, обитающих в нашем саду.

Наверное, ты уже и не помнишь тот случай: тебе было тогда лет пять или шесть, ты прибежала ко мне и сообщила взволнованным шепотом на ухо, что только что разговаривала в нашем лесу с феей. И она даже сказала тебе, что ее зовут Лусия. А потом вы вместе танцевали с ней на лесной поляне.

Конечно, в таком возрасте все дети верят в сказки и во всяческие чудеса. В этом нет ничего сверхоригинального. Но в твоём конкретном случае я сразу же понял, что дар предков все же передан тебе по наследству. Моя дорогая Тигги, знай! Твою бабушку звали Лусией.

А сейчас настало время, когда я должен выполнить данное когда-то обещание. Суть его такова. В какой-то определенный момент своей жизни ты должна будешь отправиться в Испанию, в город

Гранада. В этом городе на вершине горы, прямо напротив величественной Альгамбры расположен жилой поселок, который называется Сакромонте. Пойдешь туда, найдешь узенькую улочку под названием Корцио дель Айрес, постучишь в дверь дома, выкрашенную в голубой цвет, и спросишь Ангелину. В этом доме ты узнаешь всю правду о своей родной семье. Вполне возможно, там ты найдешь и свою судьбу...

Прежде чем попрощаться с тобой, должен сделать еще одно признание: если бы не предложение, сделанное мне много лет тому назад одной из твоих родственниц, я бы никогда не имел счастья стать отцом всех своих столь горячо любимых дочерей. Эта женщина спасла меня, можно сказать, вытащила из пучины отчаяния, и мне никогда не расплатиться за то добро, которое она мне сделала.

А сейчас я снова повторяю: люблю тебя, моя дорогая, моя славная, талантливая, одаренная девочка. Я безмерно горжусь тобой.

Папа

Затем я извлекла из конверта листок, на котором была записана информация, размещенная на армиллярной сфере, том самом сооружении, которое каким-то странным образом вдруг появилось в папином любимом саду буквально спустя несколько дней после его смерти. На каждой из полосок сферы были выгравированы наши имена, какой-то афоризм на греческом и координаты того места, где нас нашел отец.

Старшая сестра Майя перевела для меня афоризм, предназначенный мне. Помню, у меня даже слезы навернулись на глаза, когда я его прочитала: настолько точно он соответствовал моей индивидуальности.

«Крепко стой обеими ногами на земле, но при этом не забывай заглядывать, хотя бы изредка, в окна вселенной».

Что касается координат, то Алли, как профессиональный яхтсмен, хорошо разбирающийся в этом деле, быстро определила их для каждой из сестер. Мои точно соответствовали той наводке, которую отец дал мне в своем прощальном письме. До сегодняшнего дня я как-то и не задумывалась всерьез над тем, что означают папины слова, будто я происхожу из очень талантливого рода. Но вот Чилли, кажется, сразу

понял, кто я. Он даже обронил что-то насчет той силы, которыми якобы обладают мои руки. Я поднялась с кровати и подошла к небольшому зеркалу, висевшему на стене над комодом, и принялась пристально разглядывать свое отражение. Рыжевато-коричневые глаза, темные густые брови, оливковая кожа. Да, подумала я, откидывая волосы с лица, с такой внешностью меня легко можно принять за уроженку Средиземноморья. Вот только волосы... Да, они тоже темные, но с ярко выраженным каштановым отливом. А у цыган, между прочим, во всяком случае, у тех, кого я видела по телевизору или на фотографиях, волосы, как правило, иссиня-черные. Однако же капля цыганской крови во мне точно есть. Вот и Чилли сказал мне то же самое. Но при этом заметил, что я не чистокровка. Хотя кто в наше время может похвалиться чистотой своей крови? Более двух тысяч лет происходило постоянное смешение рас и народов. Можно сказать, сегодня все мы полукровки.

До сего дня я ничего не знала про цыган. Разве только то, что большинство из них влачат свое существование где-то на задворках общества. Знала, что репутация у этого народа не из лучших, но ведь папа постоянно повторял мне: *«Никогда не суди о книжке по ее обложке. Так, под пыльным слоем земли может скрываться самый настоящий драгоценный камень...»*

И я всегда гордилась собой за то, что думала о людях только хорошее. Во всяком случае, до тех пор, пока не получала доказательства обратного. Наверное, мой самый главный недостаток – это моя наивность в том, что касается понимания человеческой природы. Но, по иронии судьбы, это же качество является и моим основным достоинством, ибо наивность поспособствовала формированию во мне непоколебимой веры в то, что все люди хорошие. Мои собеседники только закатывали глаза к потолку, когда я принималась убеждать их в том, что добро всегда торжествует над злом. В конце концов, если бы это было не так, то все злые люди уже давным-давно поубивали бы всех хороших людей, а потом попросту истребили бы друг друга, и человеческая раса перестала бы существовать.

А так... Вот Чилли, к примеру. Какая разница, какой он национальности? Главное – у него светлая и чистая душа. Собственно, он стал первым цыганом, которого я встретила в реальной жизни, и

мне бы очень хотелось, подумала я, пряча конверт с драгоценным письмом отца обратно в тумбочку, узнать о его жизни побольше.

7

Тридцать первого декабря я проснулась в предвкушении предстоящего праздника Хогманай. Шотландцы отмечают этот праздник в последний день уходящего года, празднование затягивается аж на целых два дня и сопровождается факельными шествиями, фейерверками и прочими огненными развлечениями. Кэл пообещал сводить меня сегодня вечером в местный деревенский клуб, чтобы я своими глазами увидела весь размах этого торжества по-шотландски. Я сбегала, покормила кошек, а вернувшись домой, застала в гостиной Берил. Она нервно расхаживала по комнате, на ее лице застыла маска отчаяния.

– Доброе утро, Тигги. Как поживаете? – поздоровалась она со мной.

– Все хорошо, спасибо, Берил. А как вы? – поинтересовалась я, видя, что она сама не своя.

– Возникли, к несчастью, некоторые... непредвиденные обстоятельства, однако вас это никоим образом пока не касается.

– Понятно, – коротко обронила я в ответ.

А про себя подумала, неужели это те самые «обстоятельства», которые напрямую связаны с внезапным отъездом семейства Киннаирд из имения? Но видя, что Берил и так на взводе, я не рискнула развивать эту тему дальше.

Судя по всему, ей стоило огромных усилий взять себя в руки, чтобы продолжить.

– У меня сейчас на повестке дня другие проблемы. Сегодня утром выяснилось, что Элисон внезапно заболела. По словам ее матери, очень сильная простуда. Эта новость совершенно выбила меня из колеи. Сегодня в четыре часа к нам прибывают гости, которые собираются встречать Новый год в Киннаирде. Восемь человек. И я обязана встретить их как минимум полноценным угощением: чай с бутербродами и прочее! А у меня еще горы невыглаженных простыней. И постельное белье нужно поменять во всех спальнях. Опять же, собралась куча пыли после этого недавнего ремонта в доме,

а потому каждую комнату нужно пропылесосить и привести в порядок. Потом отполировать всю мебель, накрыть праздничный стол к ужину, растопить все камины в доме, а главное – приготовить сам ужин. А я еще даже не успела общипать фазанов...

– Давайте я помогу вам, – немедленно предложила я свои услуги, понимая, что Берил действительно оказалась в безвыходной ситуации.

– Правда, Тигги? Джентльмен, который зарезервировал Киннаирд-лодж на целую неделю, баснословно богат. По слухам, какой-то миллиардер. Очень влиятельная особа. Лэрд возлагает на него огромные надежды, дескать, замолвит словечко в пользу Киннаирда своим богатым приятелям. А в свете того, что тут и так недавно случилось, я никак не могу подвести хозяина.

– И не надо! Я отправляюсь к вам на помощь прямо сейчас.

Кэл, слушавший наш разговор из кухни, тоже с готовностью вызвался помочь. Весь остаток дня мы с ним вдвоем гладили простыни, заправляли постели, пылесосили полы и растапливали камины, а Берил в это время трудилась, как каторжная, на кухне. К трем часа дня мы присоединились к ней, чтобы выпить по чашечке чая, все мы к тому времени были уже практически без сил.

– Не знаю, как и чем мне отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня сегодня, – промолвила Берил, пока мы с Кэлом лакомились свежим песочным печеньем.

Я глянула на еду, разложенную на центральном кухонном столе, на обилие кастрюль и сковородок, выстроившихся у плиты.

– А кто станет помогать вам за ужином? – спросила я у Берил.

– Никто. Предполагалось, что Элисон будет прислуживать за столом, а сейчас придется мне самой. Надеюсь, я справлюсь.

– Послушайте, Берил. Я останусь и помогу вам. Одна вы точно со всем этим не справитесь. Во всяком случае, не на том уровне, которого от вас ждет лэрд.

– Ах, Тигги! Как смею я просить вас о таком одолжении? К тому же сегодня Хогманай, Кэл пригласил вас на вечеринку в деревне. Как я могу помешать вам?

– Ну, да, пригласил, но ничего страшного. Повеселимся в другой раз. А вот вам, Берил, я тут очень нужна.

– Еще как нужны, это правда, – согласилась со мной экономка. – Лэрд велел, чтобы служанка, прислуживающая за столом, облачилась в

парадную униформу.

– Вот так номер, Тиг! Стораю от нетерпения поскорее увидеть тебя в костюме заправской французской горничной! – весело подмигнул мне Кэл.

– Это же так неловко, честное слово! – тяжело вздохнула Берил. – Вы – дипломированный специалист, эксперт по диким животным, а тут какая-то горничная!

– Между прочим, я однажды целое лето отработала официанткой в одном из самых фешенебельных женевских ресторанов, подавала гостям еду, раскладывала по тарелкам и все такое. И как видите, корона с меня не свалилась.

– Тогда решено! Но завтра же я непременно позвоню лэрду и скажу ему, что если мы открываемся, да еще, как он хочет, на уровне пятизвездочного отеля, то тогда он должен позволить мне нанять соответствующий обслуживающий персонал. Мы с вами вовсе не обязаны трудиться здесь вместо официанток и горничных.

– Да пустяки все это. Лично я не вижу никаких проблем. Хотите, чтобы я помогла вам с чаем? Тогда мне надо побыстрее облачаться в форму горничной, – широко усмехнулась я в ответ, глянув на часы, которые показывали уже половину четвертого.

– Нет, с чаем я как-нибудь управлюсь сама. А вы ступайте к себе, примите ванну и немного отдохните. Ужин ровно в восемь. Но я хотела бы, чтобы вы появились здесь чуть раньше и помогли разнести гостям напитки. Не возражаете?

– Ничуть не возражаю, Берил, – ответила я, и мы с Кэлом заторопились к себе домой.

– Сможешь отвезти это Чилли, прежде чем отправишься на вечеринку? – спросила я у него, пока мы шли к дому, и с этими словами я вручила ему небольшой контейнер с рагу из фазанов, которое я позаимствовала с одного из блюд, уже готовых к подаче на стол. – Передай ему от меня поздравления с наступающим Новым годом и пожелания всего доброго, а заодно скажи, что в скором времени я обязательно навещу его.

– Все сделаю и все передам. Жаль, конечно, что ты не сможешь пойти со мной сегодня на новогоднюю вечеринку. Но зато отныне и навсегда ты покорила сердце Берил.

Я вернулась в Киннаирд-лодж ровно в шесть вечера. Берил выдала мне мою униформу и белый кружевной фартук.

– В костюме Элисон вы утонете. Вот нашла что-то подходящее среди старых вещей, завалившихся на антресолях. Правда, сильно пахнет таблетками от моли, зато этот костюм будет вам впору, – сказала Берил и добавила: – А сейчас ступайте в подсобку для глажки белья, там можете переодеться. И волосы, пожалуй, тоже надо будет собрать и заколоть на затылке.

Я беспрекословно повиновалась. Переодевшись, снова вернулась на кухню.

– Ну, как я выгляжу?

– Очень мило, – одобрила Берил, окинув меня внимательным взглядом.

– Это мне тоже напяливать на себя? – поинтересовалась я у экономки, показав на белоснежную наколку с черными завязками, которую я, судя по всему, должна буду водрузить себе на голову.

– Пожалуй, можно обойтись и без наколки, – ответила Берил. – Так, гости появятся внизу буквально через пару минут. Поторопитесь. Надо успеть открыть шампанское. В холодильнике еще стоит шипучка для трезвенников и ликер. Крепкие спиртные напитки стоят в баре в большой гостиной. Да, и еще не забудьте прихватить ведро со льдом.

– Хорошо! – Я опрометью вымелась из кухни, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей.

В школе мне всегда нравилось принимать участие в любительских спектаклях. Вот и сейчас я тоже постаралась быстро войти в свою новую роль: чинно разносила шампанское гостям, уже собравшимся в гостиной, с трудом сдерживая себя, чтобы не сказать вслух нечто вроде «Да, милорд», «Спасибо, мэм» и сделать при этом дежурный книксен, прежде чем переместиться к следующему гостю. Поскольку я все время крутилась возле бара, то у меня была выгодная наблюдательная точка для разглядывания гостей. Такая кучка богатеев: пятеро мужчин в смокингах и три дамы в туалетах для коктейля, обвешанные дорогими украшениями. Несмотря на то что все разговаривали на английском, судя по их акценту, это могли быть и немцы, и французы, и кто угодно.

– Ну, как там дела? – поинтересовалась у меня Берил, когда я примчалась на кухню, чтобы взять шампанское из холодильника.

– Все отлично. Однако шесть бутылок шампанского мы уже оприходовали.

– Где-то минут через двадцать приглашай их к столу. Очень надеюсь, что Джимми не забыл о том, что должен со своей волынкой явиться сюда ближе к полуночи, чтобы поиграть гостям шотландские мотивы в канун наступления Нового года.

Я снова вернулась в гостиную с подносом, уставленным бокалами со свежим шампанским. Все взоры тотчас же устремились на меня.

– А вот и она, наконец! Я уже было решил, что прислуга опустошила все мои винные запасы, которые я сюда отправил!

Все присутствующие разразились веселым смехом, а я поняла, что шутник, направляющийся сейчас ко мне, и есть тут главный. Хозяин, так сказать. Вот он подошел поближе: роста ниже среднего, широкоплечий, темно-русый, с орлиным носом и необычайно глубоко посаженными глазами зеленого цвета.

– Благодарю, – промолвил он, снимая бокал с подноса и окидывая меня оценивающим взглядом. – Как вас зовут?

– Тигги.

– Необычное имя. Шотландское, наверное? – Он протянул мне свой бокал, чтобы я снова наполнила его.

– Нет. Это просто сокращенный вариант, что-то типа прозвища. Мое настоящее имя Тайгете. Это греческое имя.

Что-то смутное, похожее на узнавание, вдруг мелькнуло в его взгляде.

– Понятно. Но я отчетливо слышу французский акцент в вашей речи.

– Так оно и есть. Я из Швейцарии.

– Правда? – Он снова метнул в меня заинтересованный взгляд. – Так-так-так... Вы здесь работаете?

В любой другой ситуации, скажем, мы встретились бы с ним за стойкой бара, подобные расспросы с его стороны были бы мне вполне понятны. Но здесь и сейчас... Он хозяин, я – на правах прислуги. И вдруг такой повышенный интерес к моей персоне. Нет, определенно, в этом есть что-то странное.

– Да, но в обычное время в несколько ином качестве. Сегодня вот заменяю горничную, потому что она заболела, а так я консультант по диким животным, которые содержатся на территории имения.

– Ясно. У меня такое чувство, что мы с вами уже где-то встречались. Вам так не кажется?

– Нет. У меня хорошая память на лица.

– И где же наше шампанское? – громко спросил еще один гость с другого конца зала.

– Прощу прощения, мне надо поспешить, – вежливо улыбнулась я незнакомцу.

– Конечно-конечно. Кстати, меня зовут Зед. Рад был познакомиться с вами, Тигги.

* * *

Домой я притащилась только в два часа ночи, падая от усталости. Еле доплелась, с трудом переставляя ноги. Нет, что ни говори, а труд официанток все же ужасно недооценен в нашем обществе.

– Уж лучше изо дня в день приглядывать за тиграми и львами, – простонала я, стаскивая с себя одежды. Потом переоделась в ту пижамку, которую Кэл подарил мне на Рождество, и тут же рухнула в кровать.

Радовало лишь то, что ужин прошел безукоризненно, как говорится, без сучка без задоринки. Честно признаюсь: мы с Берил постарались на славу, за весь вечер ни единого сбоя, ни одного прокола. Я блаженно закрыла глаза, ожидая, когда немного замедлится пульс, успокоится мое расхоловшееся сердечко, и я усну. Но сон не шел. Я почему-то вдруг снова представила себе выразительные зеленые глаза Зеда, которые – или это мне только померещилось? – весь вечер неотступно следовали за мной. Незадолго до полуночи, когда я снова заявила на кухню за очередной порцией шампанского и виски, Берил сунула мне в руку какой-то кусок угля.

– Ступайте к парадной двери, Тигги. Там таймер для варки яиц. Он заведен на одиннадцать часов пятьдесят девять минут и пятьдесят секунд. Как только он начнет звенеть, стучите в дверь, что есть силы. Надо стукнуть трижды, – уточнила Берил на всякий случай. – Джимми Вольтер уже там. Он ждет вашего сигнала.

– А что мне делать с этим? – Я показала на кусок угля.

– Когда дверь распахнется, Джимми заиграет на волынке, а вы вручите уголь тому, кто откроет вам дверь. Понятно?

– Да, но...

– Все дополнительные объяснения потом. А сейчас бегом на выход!

Я выскочила на крыльцо, где меня уже поджидал Джимми Волынщик. Его слегка водило из стороны в сторону, видно, уже успел изрядно принять на грудь, но он терпеливо ждал, когда сработает мой таймер, и я начну громко стучать в дверь. И тут же в морозном воздухе поплыли звуки волынки, дверь широко распахнулась, и я увидела перед собой Зеда.

– С Новым годом! С новым счастьем! – воскликнула я, вручая ему кусок угля.

– Спасибо, Тигги. – Он улыбнулся, затем слегка подался вперед и запечатлел легкий поцелуй на моей щеке. – И вас тоже с Новым годом и с новым счастьем.

После этого я его не видела. Возилась на кухне, помогала Берил управиться с грязной посудой. Но вот сейчас, лежа на кровати, я вдруг снова почему-то вспомнила про этот поцелуй. Что-то есть необычное в этом интимном прикосновении к постороннему человеку, по сути, к незнакомке. Особенно, если вспомнить, что незнакомка напялила на себя маскарадный костюм горничной...

* * *

Я проснулась ровно в семь утра. В доме царила тишина. Я тут же вскочила с постели. Вчера, прощаясь со мной, Берил сказала, что с поздним завтраком, который она совместит с ленчем, она управится и без моей помощи, но все же, покормив кошек, я направилась в Киннаирд-лодж проверить, не нужна ли ей какая помощь.

– Пока проснулся только хозяин. Я подала ему кофе в гостиную, – тут же сообщила мне Берил.

– Вот и отлично. Так вы вполне уверены, что обойдетесь без меня?

– Уверена. К тому же Элисон заставила себя встать на ноги. Она сейчас как раз накрывает стол в столовой. Конечно, гостям, боюсь, она

покажется немного неуклюжей, особенно в сравнении с тем, на каком высочайшем профессиональном уровне вы обслуживали их в минувшую ночь. Знаете, что они говорили? – добавила она. – Что вы тут за гроши работаете. Так что бедняжке Элисон с вами не тягаться!

– Но, Берил, послушайте! Бедная девочка сильно простужена. Надо проявить к ней снисходительность. Что ж, раз вы уверены, что я вам не нужна, тогда я отвезу обед Чилли.

– Нельзя ли еще кофе, Берил? – На пороге кухни появился Зед, держа в руках пустую чашку. Он был облачен в водолазку цвета зеленого нефрита и в джинсы и был свеж, словно майская роза.

– Конечно, можно, – мгновенно откликнулась Берил, взяла из его рук чашку и налила свежую порцию кофе. Зед взглянул на меня.

– Доброе утро, Тигги. Как настроение?

– Все хорошо, спасибо, – ответила я и тут же почувствовала, что невольно краснею под его взглядом. Невероятно!

– Прекрасный денек, да?

– Да. Но здесь всегда красиво, особенно, когда светит солнце.

– Я никогда ранее не бывал в Шотландии, и вот, судя по всему, влюбился в эти места с первого взгляда, – обронил Зед, не сводя с меня глаз.

– Вот ваш кофе, сэр.

Берил в своей обычной манере образцовой экономки пришла на помощь как раз вовремя. Зед вынужден был оторвать от меня глаза, чтобы взять протянутую ему чашку.

– Итак, – обратился он уже к Берил. – Поздний завтрак, совмещенный с ленчем, ровно в полдень. А потом, быть может, организуем небольшую ознакомительную экскурсию по имению? Пусть мои гости подышат немного свежим горным воздухом.

– Конечно, сэр. Кэл на своем лендровере с радостью покажет вам наши красоты, – откликнулась Берил.

– Вот и превосходно. – Я услышала четкий немецкий акцент в его голосе. – Если мои гости не поднимутся со своих постелей в течение ближайших тридцати минут, разрешаю вам, Берил, вылить каждому из них на лицо по стакану ледяной воды. – Зед вежливым кивком попрощался с нами и вышел из кухни.

– Надеюсь, Кэл уже вернулся из Дорноча? – встревоженно поинтересовалась у меня Берил.

– Когда я уходила сюда, его еще не было дома.

– Тогда прошу вас, Тигги, воспользуйтесь стационарным телефоном и немедленно позвоните его родителям. Нужно, чтобы к двум часам дня он обязательно был в Киннаирде. И при этом достаточно трезвым, чтобы не свалиться на машине вместе с нашими гостями в какую-нибудь впадину и не поубивать бедолаг. – Берил жестом указала мне на список номеров, висевший прямо над телефонным аппаратом. – А я пойду, взгляну, как там дела у Элисон.

Набирая номер домашнего телефона Кэла, я вдруг вспомнила одну юмористическую английскую программу на телевидении: там какой-то эксцентричный господин содержал отель, имея в своем распоряжении всего лишь двух сотрудников. Вот, судя по всему, и мы с Кэлом поневоле превратились в такой же обслуживающий персонал.

Я переговорила с матерью Кэла, и та заверила меня, что немедленно поднимет сына с постели, а попутно сообщила, что ночью в деревне было очень весело и шумно: танцы почти до утра. Закончив разговор, я вернулась в служебное помещение рядом с кухней и проверила свою электронную почту.

Очень трогательное письмо прислала мне моя старшая сестра Майя, которая сейчас обитает в Рио: поздравила меня с Новым годом и пожелала, чтобы «исполнились все мои самые заветные мечты». Нас многое роднит с Майей. Ведь она, как и я, мечтательница и фантазерка. Пожалуй, Майя острее всех нас, остальных сестер, восприняла смерть отца. Но вот прошло всего каких-то полгода, а у нее уже началась новая жизнь в Бразилии, скорее всего, счастливая, потому что каждое слово в ее письме источало оптимизм и надежду. На меня словно вдруг весной повеяло.

Я тут же отбила ей коротенькое ответное письмецо: тоже пожелала сестре всего самого доброго в наступающем году, а заодно и напомнила, что мы с ней должны на пару продумать обстоятельный план, как собрать всех сестер в годовщину смерти отца возле одного из греческих островов, в том самом месте, где Алли стала невольным свидетелем похорон Па Солта, и опустить там прощальный венок от имени всех его дочерей. Не успела я отправить свое письмо, как короткий звуковой сигнал известил меня, что на мою почту поступило очередное сообщение.

1 января 2008 года

Дорогая Тигги!

Прежде всего, хочу поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам большого счастья! Снова приношу свои глубочайшие извинения за то, что не смог навестить Вас, как обещал. Надеюсь, в мой следующий приезд, который я планирую в ближайшие две-три недели, такой визит обязательно состоится. А пока я отправил Вам по почте все бланки, необходимые для оформления гранта. Кое-что я уже заполнил сам: только, пожалуйста, перепроверьте, все ли правильно.

Я также хочу выразить Вам огромную благодарность за Зару, за ту доброту, которую Вы проявили по отношению к ней, пока она была в Киннаирде. Знаю, у нее сложный характер, впрочем, как у всех подростков, а потому я особо ценю то терпение, которое Вы выказали, общаясь с нею. Она шлет Вам свою любовь и наилучшие пожелания и надеется на скорую встречу. Я тоже.

*Всего Вам самого доброго,
Чарли*

Коль скоро я оказалась у компьютера, то тут же набросала короткое письмо своему бывшему коллеге в зоопарке Сервион и попросила его сообщить мне дополнительную информацию о европейских лосях и об оленях вапити, а также запланировать телефонный разговор со мной в любое удобное для него время. Отправила письмо по электронной почте и вернулась на кухню. Там было пусто. По всей видимости, Берил обслуживала гостей. А потому я самостоятельно положила в пластиковый контейнер немного кеджери – жаркое из риса и рыбы с добавлением пряного порошка карри – и отправилась проведать Чилли.

– Где же ты прячешься, Хотчивитчи? – услышала я требовательный голос из кожаного кресла, стоило мне только открыть дверь.

– С Новым годом, Чилли! С новым счастьем! – поздравила я старика и принялась переключать кеджери в его миску. – Я помогала Берил по дому.

– Ну, и как ты теперь? – Чилли окинул меня внимательным взглядом, взяв в руку протянутую ему ложку. – Здесь вокруг ведь

полно всего того, что тебе нравится, не так ли?

И он весело раскудахтался, словно старая ворожея.

– А какой сейчас год? – спросил он, с жадностью набрасываясь на жаркое.

– 2008-й.

Ложка его замерла на полпути ко рту, а сам он уставился отрешенным взглядом в камин.

– Всякие богатеи понаехали сюда, чтобы посчитаться за этот год, – промолвил он наконец и снова взялся за жаркое.

– Какие богатеи? – спросила я.

– Неважно. Мы с тобой оба бедняки, а они всегда были ненасытными. Но ничего! – угрожающе обронил Чарли. – Они свое, в конце концов, получают. Какие новости от лэрда?

– Я сегодня получила от него письмо по электронной почте.

– У него большие проблемы. Береги его.

– Хорошо, буду беречь, – пообещала я.

– У всех, кто обитает в этом доме, проблемы. Так всегда бывает...

Вначале наступают зима, а уже потом приходит весна. Не забывай об этом, Хотчивитчи.

– А что это такое – «Хотчивитчи»? – поинтересовалась я у Чилли.

– Ежик. Так звучит твое имя на языке рома. – Старик слегка повел плечами, а я уставилась на него в немом изумлении. И как он только догадался...

– Ты ведь родом из далеких краев. *Espana*...

И снова я поразились. Даже в ушах закололо. Откуда он знает?

– Мой покойный отец тоже так сказал. Об этом он написал мне в своем прощальном письме. А еще он написал, что мне нужно вернуться туда и...

Я глянула на Чилли, но он уже задремал. Я воспользовалась моментом, чтобы сбегать под навес, расположенный в пещере рядом с его домиком, и принести немного дров для камина. Солнце уже поднялось высоко, освещая вершины гор. Продолговатые лучи легко скользили по ущелью, подсвечивая своим сиянием необыкновенную белизну снега вокруг. Мистическое по своей красоте зрелище. Любуясь этим пейзажем, так легко забыть и потерять счет времени. Вот и я словно погрузилась в транс, стоя с корзинкой, полной дров. Вдруг я явственно увидела грубый, выкрашенный мелом, потолок над

собой и услышала чей-то голос. И мне даже показалось, что я его узнала.

– *Ступай ко мне, малышка. Я позабочусь о тебе, пока ты не станешь взрослой.*

– *Но только верни ее к нам обратно...*

А потом меня взяли на руки и подняли почти до самого потолка, но я совсем не испугалась, потому что знала, что в этих руках я в полной безопасности.

Я вздрогнула, очнувшись, и поняла, что стою в полном одиночестве, а мои ноги почти примерзли к земле. В пещере под навесом стоял ледяной холод.

Возвращаясь в хижину, я раздумывала над тем, что мне только что пригрезилось. Один голос я узнала точно. Это был голос Па Солта.

* * *

– У меня для тебя две новости, скорее даже не новости, а известия, – сказал мне Кэл за ужином.

– Что за новости?

– Новость первая: вчера мы с Кейтлин объявили о дате нашей свадьбы. Запланировали ее на июнь.

– Вот это действительно новость, Кэл! – Я широко улыбнулась. – Фантастика! Быстро же вы все, однако, порешали! – не удержалась я от шутки.

– Что правда, то правда. Кейтлин целых двенадцать лет обдумывала сей важный шаг. Но наконец-то созрела для замужества.

– Мои поздравления, Кэл. Я безмерно рада за тебя. А сейчас ты просто обязан пригласить свою невесту к нам на ужин. Я ведь во время сочельника едва перекинулась с ней парой слов. Мне бы очень хотелось встретиться с ней снова.

– Хорошо, Тиг. Обязательно приведу ее к нам. Тут еще вот что. С учетом того, что через несколько месяцев мы поженимся, Кейтлин прочитала мне целую лекцию на предмет того, что я должен попросить лэрда повысить мне зарплату, а заодно и выбить себе кого-нибудь в помощники. Эта работа меня вконец замучает. Во всяком случае, если я и дальше буду пахать в одиночестве, то точно останусь без спины.

– А что, если предложить ему кандидатуру Лочи, сына нашей ветеринарши? По-моему, очень неплохой парнишка.

– Согласен. Отличный малый. И в том, что касается работы на земле, хорошо разбирается. Дам лэрду наводку, и, если он одобрит мое предложение, тогда поговорю с Лочи.

– Ты уж постарайся как-то уговорить хозяина, ладно? – попросила я Кэла.

– Постараюсь! Завтра у меня подъем на рассвете. Поведу мужчин на охоту. Сегодня вот полдня ушло у меня на то, чтобы облазить все места, где могут укрываться олени. Ведь ничто не приводит клиента в такое расстройство, как потратить целый день, рыская по всему ущелью, и не увидеть своими глазами ни одного живого оленя.

– Так им и надо, этим кровопийцам! – мстительно воскликнула я. – Я, со своей стороны, тоже приложу все усилия, чтобы прогнать оленей прочь и убереечь их от гибели.

– И не вздумай, Тиг! Ты не сделаешь ничего подобного! Иначе я получу такой нагоняй от наших гостей, не приведи Господь. Они же все горят желанием вернуться домой с охотничьими трофеями, продемонстрировать своим женщинам, что, несмотря на все свои шикарные шмотки, в душе они остались теми же дикими пещерными охотниками, как и их далекие предки. Если повезет, то работы у меня будет хоть отбавляй. Вначале освежевать туши, а потом успеть в течение следующей ночи сварить олени головы. – Кэл выразительно подмигнул мне.

– Замолчи, Кэл! Хватит! Я все понимаю... Да, нужна разумная отбраковка поголовья и все такое. Но ты прямо уже к моему горлу нож приставляешь!

– Хорошо! Тогда плавно перехожу ко второй новости. Авось тебе немного полегчает.

– И что за новость? – спросила я недовольно, все еще продолжая злиться на Кэла.

– Да вот, моя душа, что у нас получилось. Хозяин этой вечеринки, тот, которого зовут Зед, сегодня не смог принять участие в нашей ознакомительной поездке по имению вместе с остальными гостями. А вот завтра, когда мужчины отправятся пострелять, ты для него проведешь персональную экскурсию.

– А что, нельзя подождать до послезавтра? – нахмурилась я. – И отправиться в поездку уже вместе с тобой? Ты ведь знаешь Киннаирд гораздо лучше меня.

– Думаю, Тиг, его интересует не столько флора и фауна нашего края, сколько сам гид-экскурсовод. Он недвусмысленно дал понять, что повезешь его ты.

– А что, если я не изъявлю желания сопровождать его?

– Тиг, нельзя быть такой бестолковой. Всего-то и делов на пару часиков. К тому же мы ведь с тобой хорошо знаем, как лэрду важно создать хорошую репутацию о своем имени, всячески ублажая своих гостей. Вне всякого сомнения, у этого парня мешки, полные деньжищ. Знаешь ли ты, что он заплатил за недельную аренду дома для своих гостей больше, много больше, чем мы с тобой оба заработаем в течение года? И потом, постарайся же взглянуть на все в выигрышном свете. А вдруг тебе подфартит и ты подцепишь миллиардера? Чем плохо?

– Ой, не смеди меня, ради бога, – огрызнулась я в ответ, выхватила у него из-под носа пустую тарелку и поспешила на кухню, чтобы он не успел заметить, как краска бросилась мне в лицо.

– Так ты согласна? Берил, кстати, тоже интересуется.

– Согласна, – откликнулась я уже из кухни, включая воду, чтобы перемыть посуду.

– Может, тогда тебе стоит снова обрядиться в наряд горничной? Тот самый, в котором ты щеголяла в новогоднюю ночь? Как смотришь? – весело хихикнул Кэл.

– Заткнись, Кэл, ладно? Достал уже! – огрызнулась я в ответ.

8

На следующее утро ровно в десять, как и было обусловлено, я появилась в Киннаирд-лодж. Берил уже всю хлопотала на кухне: разделявала двух огромных лососей, явно предназначенных для сегодняшнего ужина.

– Доброе утро, Тигги, – поприветствовала она меня с несколько натянутой улыбкой. – Ну, что, готовы сегодня выступить в роли гида-экскурсовода? Он уже ждет вас в гостиной.

– Надеюсь, Берил, я не заблужусь по ходу этой экскурсии. Я ведь еще ни разу не объезжала поместье одна. Только вместе с Кэлом.

– Думаю, не заблудитесь. Обязательно прихватите с собой радиопередатчик, на всякий случай. А вон в той корзинке – термос с горячим кофе и коробка с песочным печеньем.

– Спасибо.

– Пожалуй, вам пора отправляться в путь. Если начнется сильный снегопад, немедленно возвращайтесь домой.

– Хорошо.

Я вышла из кухни и направилась по коридору в сторону большой гостиной. Зед сидел возле камина, на журнальном столике перед ним лежал раскрытый ноутбук. Воздух в комнате был спертый, сильно пахло застоявшимся табачным дымом и спиртным.

– А, вот и мой водитель наконец-то прибыл, – оторвался Зед от дисплея и улыбнулся мне. – И в самый подходящий момент. Потому что я уже готов был от злости выбросить свой ноутбук в окно. Представляете? Во всем доме Интернет работает надежно только в кабинете экономки. А мне вовсе не хочется посягать на ее суверенную территорию.

– О, Берил никогда бы не стала возражать.

– Должен заметить, что она – очень любопытная женщина и не из тех, кем сильно покомандуешь, – обронил Зед, поднимаясь со своего места и направляясь ко мне. – Я вообще не уверен, что снискал ее расположение. По-моему, Берил не одобряет меня.

– Напротив! Во время новогоднего ужина она сказала мне, что вы – истинный джентльмен.

– О, тогда она глубоко заблуждается на мой счет, – рассмеялся в ответ Зед, но, увидев ошарашенное выражение моего лица, тут же осекся. – Шучу, Тигги, шучу. Ну, что? В путь?

На улице я поставила корзинку с провизией на заднее сиденье машины, рядом положила радиопередатчик, после чего села за руль «Берил». Потом показала Зеду, усевшемуся рядом со мной, как именно следует управляться с дверцей, чтобы закрыть ее.

– Думаю, хозяину все же стоит вложить кое-какие средства, чтобы обзавестись пристойным транспортом для своих гостей, – недовольно обронил он, когда машина наконец тронулась с места и затряслась по дорожке, ведущей от дома. – Дамы, вернувшись после вчерашней

экскурсии, жаловались, что нажили себе множество синяков на мягких частях тел.

– Думаю, у лэрда наверняка имеются такие планы, но, как вы знаете, они еще только открывают свое поместье для туристов. А все остальное вас устроило? Вам было удобно тут жить?

– Все было чудесно. В высшей степени замечательно. Все, кроме машины. – Он искоса глянул на меня, пока я преодолевала очередной крутой поворот. – А вы гораздо выносливее, чем кажется. Я прав?

– Наверное. Я ведь привыкла жить на природе.

– И что же девушка из Швейцарии делает в такой глуши?

Я коротко посвятила спутника в суть моих нынешних обязанностей, осторожно сползая вниз по склону прямо в ущелье.

– Взгляните вон туда! – воскликнула я, затормозив машину и схватив бинокль с заднего сиденья. Бинокль я вручила Зеду. – Видите, вон там, на холме, рядом с небольшой рощицей пасется небольшое стадо самок благородных оленей?

Зед навел бинокль в ту сторону, куда указывал мой палец, сосредоточенно разглядывая заснеженные деревья.

– Да, я вижу их.

– Большинство этих самочек сейчас беременны, а потому они держатся отдельно от самцов. Тех мы скоро увидим на южных склонах ущелья. Греют себе бока на солнышке, пока самочки трясутся от холода в тени, среди заснеженных деревьев.

– Типичный мужской эгоизм – выбирать себе местечко потеплее и поуютнее, – хохотнул в ответ Зед, возвращая мне бинокль.

– Боюсь, в эту пору года здесь немного можно увидеть. Все ведь в снегу. Вы приезжайте сюда летом, когда все долины оживают. Здесь очень красиво.

– Могу себе представить. Хотя я по жизни типичный горожанин.

– И где вы живете?

– У меня есть апартаменты в Нью-Йорке, Лондоне, Цюрихе, а на летний период отправляюсь в Сен-Тропе. Там у меня своя яхта. Я вообще много перемещаюсь по свету.

– Получается, что вы очень занятой человек.

– Так оно и есть. Особенно последние несколько месяцев... Они были очень трудными и хаотичными. – Зед издал глубокий вздох. –

Итак, это все, что здесь есть? – спросил он у меня, когда мы углубились в лесистые пространства, раскинувшиеся вокруг поместья.

Все кругом утопает в глубоком снегу, покрыто толстым слоем льда. Действительно, и показать-то особо нечего.

– Чуть дальше, выше в горах, можно увидеть пасущийся скот. Очень живописно смотрится на высокогорных пастбищах. А если нам повезет, то сможем еще увидеть беркута в полете.

– Ну, это если повезет... Что вряд ли. Думаю, с меня достаточно, Тигги. Все, что мне надо сейчас, это обед в каком-нибудь тихом местечке, стакан хорошего вина и полыхающий огонь в камине. Вы знаете какой-нибудь подходящий паб или ресторан поблизости?

– К сожалению, нет. Я практически никуда не выбиралась за пределы имения.

– Что ж, в таком случае, поворачиваем обратно на базу. Я уже изрядно замерз. Знай я заранее, что в машине нет климат-контроля, я бы надел теплый лыжный костюм.

– Ладно! – послушно кивнула я головой и довольно уверенно совершила на скользкой дороге разворот в три приема. – Думаю, Берил сообразит вам что-нибудь вкусненькое по возвращении.

– Буду откровенен с вами, Тигги. Сегодня меня интересовали не столько деревенские пейзажи.

Я почувствовала на себе его буравящий взгляд, но предельно сконцентрировала все свое внимание на дороге, покрытой сплошной коркой льда. И все же непроизвольно покраснела, за что готова была возненавидеть саму себя.

Вернувшись в Киннаирд-лодж, я поплелась следом за Зедом в дом, а тот направился напрямиком на кухню, явно застав врасплох Берил. Та как раз обучала Элисон, как надо правильно печь пироги. Девчушка, перемазанная мукой с головы до пят, беспрекословно раскатывала на столе тесто, придавая ему ту форму, которую требовала от нее Берил.

– На улице страшная холодина, Берил, – объявил ей прямо с порога Зед. – К тому же в вашем лендровере нет климат-контроля. Конечно, если бы я знал об этом заранее, то можно было бы воспользоваться моей машиной. Но теперь уже слишком поздно. Пожалуйста, растопите в гостиной камин и принесите туда сэндвичей

для нас обоих. Да, и еще два бокала вина, того белого «каберне совиньон», что я привез с собой.

– Мне уже пора заняться своей работой, – едва слышно пробормотала я.

– Но неужели вы не можете сделать короткий перерыв на ленч, Тигги? Уверен, что можете. К тому же мне совсем не хочется есть в одиночестве.

Я бросила умоляющий взгляд на Берил, которая стоически его проигнорировала.

– Как прикажете, сэр, – ответила она Зеду. – Ступайте в большую гостиную, а я сейчас подам туда бутерброды и вино. Проводите его, Тигги, и, будьте столь любезны, растопите камин, пока я буду тут возиться с закусками. Я буду готова буквально через несколько минут.

Берил озвучила свою просьбу приказным тоном, и мне оставалось лишь повиноваться. Я молча повела Зеда в гостиную, а там занялась камином.

– Вот это совсем другое дело! – воскликнул Зед, присаживаясь поближе к камину и протягивая руки к огню, чтобы согреть их. – Как жаль, что у нас нет горячего глинтвейна. Я бы сейчас с удовольствием оприходовал стаканчик, чтобы согреться после нашего марш-броска по долинам и по взгорьям. Вы катаетесь на лыжах, Тигги?

– Я же из Швейцарии. Конечно, катаюсь.

– Я бы с удовольствием увез вас в одно шале в Клостерсе. Как по мне, так там просто идеальное место. Лыжи, прогулки на свежем воздухе, а к обеду возвращаешься домой, и твой шеф-повар, отмеченный, между прочим, звездой Мишлена, потчует тебя превосходным эскалопом из телятины. Кстати, в какой школе вы учились? – задал он неожиданный вопрос.

Я назвала школу, Зед вальяжно кивнул головой в ответ.

– Самая лучшая. Наверняка свободно говорите по-французски?

– Это мой родной язык. Хотя нас с сестрами с раннего детства обучали говорить на двух языках, французском и английском. А у вас какой родной язык?

– Немецкий. Но и меня тоже, можно сказать, с пеленок обучали английскому. А еще русскому и французскому. Я, как и все мои домашние, принадлежу к самым разным странам и культурам и ни к одной конкретно. Я везде и нигде. Короче говоря, такой типичный

глобалист образца двадцать первого века. Одно слово, космополит, – добавил он со смешком.

В этот момент в гостиную вошла Элисон с подносом, на котором стояла бутылка белого вина и два бокала.

– Оставьте, – приказал ей Зед тоном, не терпящим возражений. – Мы сами нальем.

Девушка ничего не сказала в ответ, лишь сделала какое-то неловкое движение, отдаленно напоминающее реверанс. После чего поспешно ретировалась из комнаты.

Я наблюдала за тем, как Зед внимательно изучил наклейку на бутылке, капнул немного вина в свой бокал, принялся, повертел бокал в руке, потом попробовал на язык, удовлетворенно кивнул и лишь затем наполнил мой бокал.

– Отличное вино для обеда. Свежее, терпкое, превосходный букет и хорошее послевкусие. *Santé*.

– *Santé*.

Мы чокнулись, и Зед сделал большой глоток из своего бокала. Я же лишь слегка пригубила из вежливости. У меня не было привычки пить в дневное время. Потом переключилась на созерцание огня и снова почувствовала на себе взгляд Зеда.

– Вообще-то вы не похожи на уроженку Швейцарии, Тигги.

– Все верно. Меня ведь удочерили. Как и всех моих сестер.

И опять он понимающе кивнул в ответ. Странно! Будто он что-то знает...

– А откуда вы родом на самом деле?

– Из Испании, насколько я понимаю. Мой отец умер в прошлом году, а в своем прощальном письме, которое вручил мне нотариус, обозначил то самое место, где нашел меня.

– Вы совершенно необычная девушка, Тигги. – Зеленые глаза Зеда переливались в пламени камина. – Многие выпускницы вашей закрытой школы, самой элитарной и дорогой в Швейцарии, наверняка из очень богатых семей. Такие маленькие капризные принцессы... Но вы... Вы совершенно другая.

– Нас с сестрами не воспитывали так, чтобы мы воображали себя принцессами.

– И при этом у вас было все и всегда самое лучшее.

– Да, стиль нашей жизни всегда был очень рафинированным, это правда. Но нас с самого раннего детства учили понимать цену вещам, а также разбираться в том, что является самым важным в жизни.

– И что же? – поинтересовался у меня Зед, снова наполняя свой бокал, а потом немного освежил и мой, хотя в этом не было необходимости.

– Главное – быть хорошим человеком. Не судить о людях по тому положению, которое они занимают в жизни, потому что жизнь, как не раз повторял нам папа, это лотерея: кто-то в ней выигрывает, а кто-то остается в проигрыше.

– В принципе, я согласен с ним, – кивнул Зед, все еще не отводя от меня глаз. – Хотя, с другой стороны, что мы с вами, в сущности, знаем о том, каково это – бороться за свое место под солнцем? У меня всю жизнь были деньги, впрочем, как и у вас. И нравится это нам или не нравится, но мы всегда знали, что у нас есть надежный тыл, такое теплое, уютное гнездышко, которое примет нас, подхватит и не даст упасть, если мы вдруг начнем падать. Поэтому, конечно, никто не возбраняет нам вести такое существование, будто у нас ничего нет. Но все равно нам неведом тот страх и то отчаяние, которые сопряжены уже с реальной нищетой.

– Вы правы. Но мы, во всяком случае, можем быть благодарны судьбе за это. А еще мы можем попытаться воспользоваться своими привилегиями для того, чтобы сделать что-то хорошее в этой жизни, – возразила я запальчиво.

– Я восхищен вашим альтруизмом. Предполагаю, что вы трудитесь здесь, ухаживаете за животными и прочее практически бесплатно, за какие-то мизерные деньги.

– Так оно и есть, – согласилась я.

– Должен предупредить вас, Тигги, что ваши благие намерения могут со временем исчезнуть, раствориться, просто потеряться по дороге.

– Никогда! – упрямо тряхнула я головой.

– Такое впечатление, – Зед неторопливо отхлебнул немного вина, а потом снова исподлобья глянул на меня, – что вы, подобно первым христианским мученикам, носите на себе власяницу?

– Никаких власяниц! Я делаю то, что люблю, и занимаюсь этим в месте, которое мне тоже очень нравится. И никаких других мотивов у

меня нет. И уж точно, мною не движет раскаяние или чувство вины. Я живу на то, что зарабатываю, и это меня устраивает. – Я вдруг инстинктивно почувствовала, что Зед пытается навязать мне нечто такое, что всегда было мне чуждо и никогда не станет частью меня. – Я... – Я слегка повела плечами. – Я – такая, какая есть.

– Наверное, именно поэтому я и нахожу вас такой притягательной.

Я увидела, как его рука, словно змея, устремилась к моей. Но, слава богу, в эту минуту в дверь резко постучали.

– Ваш ленч, – провозгласила Берил, входя с подносом.

– Большое спасибо, – откликнулась я, наблюдая за тем, как она величественно проследовала к журнальному столику перед камином и водрузила на него поднос.

– Да, спасибо, Берил, – улыбнулся Зед. – Вы очень любезны. И еще раз прошу простить меня за то, что я доставил вам лишние хлопоты.

– Никаких лишних хлопот, сэр. Именно для этого я и нахожусь здесь. Вам подать бутерброды? – спросила у него Берил.

– Благодарю вас, нет. Думаю, мы с Тигги управимся сами. Должен высказать вам свой комплимент, вам и лэрду... Вы выбрали себе исключительный персонал. Выше всяких похвал! – Он махнул головой в мою сторону. – Как выяснилось, у нас с Тигги много общего.

– Я рада, сэр, что вы всем довольны, – дипломатично ответила Берил. – Приятного аппетита.

Экономка вышла из комнаты. Зед проводил ее с улыбкой на устах.

– А она ведь тоже совсем не такая, какой кажется, – обронил он.

– Вам бутерброд? – Я положила один на тарелку и подала ему.

– Спасибо.

– Так чем же *вы* все же занимаетесь? – спросила я.

– Руковожу крупной телекоммуникационной компанией.

– Понятно. Хотя, если честно, я смутно представляю себе, что это такое.

– Порой мне кажется, что я тоже не сильно понимаю суть своего бизнеса. – Зед издал короткий смешок. – Моя компания – это такой своеобразный зонтик, под которым уместились и телевидение, и Интернет, и мобильная связь, и спутники, то есть все то, что сегодня помогает людям взаимодействовать друг с другом. Словом, коммуникация на всех уровнях.

– Получается, что вы бизнесмен?

– Так оно и есть. – Он с аппетитом откусил большой кусок бутерброда с креветками и одобрительно кивнул головой, распробовав. – Должен признаться, что те пару дней, которые я провел здесь, заставили меня особенно остро почувствовать, как же я нуждаюсь хоть в каком-то перерыве. Ведь большую часть своей жизни я провел в непрерывных разъездах. Постоянные перемещения по всему миру: не успев закончить переговоры в одном месте, опрометью мчишься на следующую деловую встречу на другом конце света.

– Звучит очень притягательно. Сплошной гламур.

– Да, со стороны все это кажется гламурным. А вот когда сам начинаешь вариться в этом котле... Ну да! Скоростные авто, перелеты только первым классом, лучшие отели, вино, еда... Однако ко всему этому очень скоро привыкаешь и перестаешь замечать. А вот здесь, среди этого великолепия, – Зед махнул рукой на горы, виднеющиеся за окном, – невольно начинаешь воспринимать мир в его перспективе, так сказать. Разве не так?

– Да, природа заставляет на многое взглянуть другими глазами, это правда. Впрочем, когда живешь здесь постоянно, то каждый день тебе открываются новые перспективы, – улыбнулась я в ответ. – Наверное, поэтому я стараюсь жить днем сегодняшним, принимать его таким, какой он есть. Одним словом, ловлю мгновенье и наслаждаюсь им.

– Разумно, – негромко пробормотал Зед. – Однажды мой наставник-психолог дал мне прочитать одну книженцию как раз по этой теме. Впрочем, умение осознанно относиться к своей жизни – это не про меня. Да и как может быть иначе, если я все время в пути? Сегодня сажусь на самолет в одном конце земного шара, а завтра прибываю в страну, расположенную на противоположном конце... Но, быть может, мне нужна подготовка для того, чтобы ко мне пришла эта самая осознанность. Может, действительно стоит заглянуть в будущее, а не плыть по течению.

– Но вы ведь сами выбрали такой образ жизни. Разве не так?

– Да, так. – Зед вдруг взглянул на меня каким-то просветленным взглядом, будто только что я дала ему разгадку к тому, что составляет смысл жизни. – Я хочу сказать... У меня ведь полно денег. В любой момент я могу продать свой бизнес. Взять и... остановиться.

– Можете, если захотите. – Я глянула на часы. – Простите, но мне пора уходить. У меня еще полно работы.

– Даже так? Вы едва прикоснулись к вину.

– Не хочу уснуть за рулем. Надеюсь, сегодняшняя наша поездка не слишком разочаровала вас.

– О нет! Напротив! Поездка получилась очень... увлекательной. – Зед снова вперил в меня взгляд, наблюдая за тем, как я поднимаюсь со своего места, а потом направляюсь к дверям.

– Тигги.

– Слушаю вас.

– Завтра я уезжаю. Но можно я скажу вам, что очень рад нашему знакомству?

– Я тоже. Тогда счастливого вам пути.

– До свидания.

* * *

– Ты была занята, крошка Хотчивитчи. Я чувствую запах мужчины, – обронил Чилли, пока я накладывала ему еду в миску. Я наведальась к нему чуть позже, уже после обеда.

– Вот, пожалуйста! Приступайте! – сказала я, ставя перед ним на небольшой столик миску с едой и намеренно пропуская мимо ушей его реплику.

– Берегись. Он совсем не такой, каким кажется. – Чилли немного помолчал. Затем, склонив голову набок, принялся пристально изучать меня. – А может, именно такой! – издал он короткий смешок. – Ты чувствуешь запах опасности, Хотчивитчи, а? Должна чувствовать.

– Неужели? В данную минуту я вообще не чувствую никаких запахов. К тому же я его едва знаю, – отмахнулась я. Я уже успела привыкнуть к манере общения Чилли и к его немного экзальтированным комментариям. Как всегда, сгущает краски. Но меня все же заинтриговало то, что он мгновенно вычислил присутствие постороннего мужчины рядом со мной. А еще и довольно точно уловил мое состояние. Потому что, по правде говоря, я действительно испытывала некоторый душевный дискомфорт, находясь в обществе Зеда.

– А теперь садись рядом и расскажи-ка мне, что твой отец поведал тебе о твоей родине, – сказал Чилли, когда я поставила перед ним чашку крепчайшего кофе, как он обычно любит.

– Он сообщил мне, что я должна поехать в город, который называется Гранада, а там, напротив Альгамбры расположен жилой район Сакромонте. Я должна постучать в дверь дома, выкрашенную в синий цвет, и спросить там женщину по имени Ангелина.

В первый момент я подумала, что Чилли хватил удар. Он вдруг согнулся вдвое и издал какой-то странный утробный звук. Но вот он поднял голову. По его лицу было трудно сказать, то ли он смеется, то ли плачет, но, как бы то ни было, а слезы градом катились по его щекам.

– Что? Что случилось? – испуганно спросила я.

Он пробормотал себе под нос нечто нечленораздельное на испанском, потом энергично вытер кулаками потоки слез с лица.

– Все же это случилось! Ветер прибил тебя наконец ко мне. После стольких лет ожидания ты все же пришла ко мне, как мне о том и говорили.

– Что говорили? – слегка нахмурилась я.

– Что ты придешь сюда, а я отправлю тебя домой. Да, это правда! Ты, моя маленькая Хотчивитчи, родилась в пещере в Сакромонте, и я это знал. Я всегда это знал! – яростно повторил он. – Семь пещер Сакромонте... О, Сакромонте...

Он снова и снова повторял это слово, слегка раскачивая из стороны в сторону свое хлипкое тело и скрестив руки на груди. Странная дрожь пронзила меня, ибо я вдруг вспомнила то видение или сон, который пригрезился мне наяву: меня поднимают высоко вверх, к самой крыше пещеры...

– Это... твой дом, – прошептал Чилли едва слышно. – Зачем бояться? Родная кровь всегда узнает свою кровиночку. Вот и тебя послали ко мне, а я помогу тебе, Хотчивитчи. Обязательно помогу!

– Это место... Сакромонте... Что в нем такого особенного?

– Особенное в нем то, что это – *наше место*. Место, которое принадлежит нам. А еще вот из-за этого. – Он ткнул пальцем в свою железную кровать.

Я глянула на кровать, но ничего там такого не увидела. Разве что разноцветное вязаное одеяло.

– Вот, девочка моя. – Чилли перенаправил свой палец несколько в сторону, и я увидела, что он показывает на гитару, которая стояла прислоненной к стене. – Поддай мне ее сюда, – приказал он. – Я покажу тебе кое-что.

Я поднялась со своего места, взяла инструмент и положила его на вытянутые руки Чилли. Он ласково погладил корпус гитары, как мать ласкает свое дитя. Судя по всему, гитара была очень старой, и пропорции у нее были несколько иные, чем у тех современных гитар, которые мне доводилось видеть. Отполированное до блеска дерево, поверхность вокруг резонаторного отверстия отделана переливающимся на свету перламутром.

Чилли сжал своими скрюченными пальцами гитарный гриф и прижал инструмент к груди. Потом прошелся по струнам: глухой, расстроенный звук наполнил задымленную комнату. Чилли снова тронул струны, пробуя каждую по очереди: одной рукой извлекал звук, другой пытался регулировать натяжение струн.

– *jAhora!* – воскликнул он, снова касаясь струн. Потом стал притаптывать по полу ногой, обутой в сапог, задавая ритм мелодии. Пальцы его уверенно заскользили по струнам, а нога все ускоряла и ускоряла ритм. Его пальцы – куда подевалась их скрученность? – будто задорная веселая мелодия, заполнившая все крохотное помещение хижины, заставило на время отступить артрит прочь, – проворно порхали, извлекая из гитары пульсирующие каденции, одна ярче другой. Нет, этот звук нельзя спутать ни с каким другим звуком на свете.

Фламенко.

А потом Чилли запел. Поначалу голос его сорвался, такой же хриплый и дребезжащий, как и струны расстроенной гитары, которыми он так умело манипулировал. Но постепенно хрипотца, знак многих прожитых лет и верный признак заядлого курильщика, куда-то исчезла, зазвучал глубокий и проникновенный голос.

Я закрыла глаза, ноги мои сами собой тоже стали отбивать ритм, вся хижина словно вибрировала и колыхалась в этом море пульсирующих звуков. Самое удивительное, что я чувствовала ритмику мелодии так, как чувствую саму себя. От этих непрерывно нарастающих звуков хотелось сорваться с места и тут же пуститься в пляс...

Руки мои сами собой вскинулись высоко над головой, я вскочила с места, и мое тело, как и моя душа, так естественно задвигались в такт той дивной музыке, которую наигрывал Чилли. Я танцевала... Я танцевала, хотя никогда в своей жизни не танцевала фламенко. Однако, словно по волшебству, мои руки и ноги точно знали, что и как им делать...

Прозвучал последний аккорд. Чилли воскликнул: «*Ole!*», а потом наступила тишина.

Я открыла глаза, у меня перехватило дыхание от переизбытка эмоций. Я увидела, как Чилли, тяжело дыша, почти что завис над гитарой.

– Чилли, с вами все в порядке?

Я подошла к нему и, схватив за запястье, стала считать пульс. Пульс был высоким, но ровным.

– Воды хотите?

Наконец Чилли слегка приподнял голову и глянул на меня своими сверкающими глазами.

– Не надо воды. Принеси-ка ты мне лучше немного виски, Хотчивитчи, – хитровато улыбнулся он в ответ.

9

Я проснулась на следующее утро и сразу же стала вспоминать все невероятные события минувшего дня. Каждый мой визит к Чилли оборачивался каким-то волшебством, всякий раз обогащая меня новым опытом и знаниями. Что же до Зеда, то должна признаться, что еще никогда ранее ни один мужчина не одаривал меня таким количеством комплиментов и не уделял мне столько своего внимания. А потому, вполне естественно, я и понятия не имела, как именно мне реагировать на все эти знаки внимания. Да, слов нет, Зед – очень привлекательный мужчина, но что-то в нем... что-то есть в нем такое, чтостораживает. Та странная... фамильярность, с которой он общался со мной. Такое впечатление, будто он меня знает давно. Но как? Откуда?

– Да, будто он меня знает, – едва слышно прошептала я вслух. Моя главная беда состоит в том, что я вообще достаточно наивна в общении с мужчинами. Да, у меня было несколько увлечений, и всякий

раз я доверялась своему возлюбленному целиком, слепо веря каждому его слову. Естественно, всякий раз обжигалась, а потому в один прекрасный день дала себе зарок, что впредь буду более осмотрительной и не стану вверять себя безоглядно первому же встречному соискателю моей руки и сердца. Нет, вначале надо все как следует разузнать про него, а уже потом позволять ему держаться со мной за ручки. Многие парни считали меня фригидной только потому, что я не готова была запрыгнуть вместе с ними в кровать через пару секунд после знакомства. Но меня мало волновали их оценки. Уж лучше буду «фригидной», чем проснусь на следующее утро после такого скоропалительного секса с чувством гадливости и отвращения к самой себе. Не из тех я, кто настроен на романтические отношения длиной в одну ночь. Спасибо, не надо! Мне подавай «вечную любовь», любовь, так сказать, до гробовой доски. Вот такая у меня натура, и ничего с этим не поделаешь.

Я отправилась кормить кошек, наслаждаясь солнышком, которое приятно грело лицо. Потом полюбовалась своими питомцами. Трое кошек соизволили выйти в открытый вольер и тоже нежились на солнышке. Я немного поболтала с ними, пока раскладывала им корм, а потом побрела вверх по склону в сторону Киннаирд-лодж. Зашла с черного хода и пошла напрямиком на кухню.

– Берил! – громко окликнула я экономку, идя по коридору.

Вошла на кухню, но там было пусто. Берил не хлопотала на своем привычном месте у плиты. Однако, судя по грязным сковородкам в раковине и запаху жареного бекона, завтрак уже был приготовлен и подан гостям. Я подошла к холодильнику, чтобы достать из него еду, предназначенную для Чилли. Отнесу ему к обеду. Затем я снова вышла в коридор. Наверняка Берил где-то наверху, меняет постельное белье после отъезда постояльцев. Я решила заглянуть сюда снова во второй половине дня, чтобы попросить у Берил разрешения подключиться к Интернету. Нужно же мне взглянуть на эти семь пещер Сакромонте, что расположены в Гранаде.

– Тигги! – услышала я у себя за спиной голос экономки, когда уже собиралась выйти на улицу.

– Доброе утро, Берил. – Я повернулась на ее голос и приветливо улыбнулась. – Думаю, вы рады, что все гости наконец разъехались и в доме снова воцарились мир и покой?

– Еще вчера вечером я очень сильно на это надеялась, но сегодня утром получила по электронной почте письмо от лэрда, в котором он сообщил мне, что Зед внезапно передумал и решил задержаться у нас еще на какое-то время. Остальные гости уже покинули Киннаирд-лодж, а он оккупировал мой офис. Короче говоря, отныне весь этот огромный дом будет обслуживать одного клиента!

– Зед решил остаться? – тупо переспросила я.

– Да. Судя по всему, решил устроить себе такой незапланированный отпуск. Немного отдохнуть от суеты, как написал мне лэрд.

– О боже! – прошептала я растерянно, обращаясь скорее к самой себе, чем к Берил. – Хорошо! Тогда я пойду. Загляну к вам в другой раз, чтобы тоже попросить доступ к Интернету.

– Кстати, – крикнула мне вдогонку Берил, когда я направилась к входной двери. – Сегодня утром он сказал мне, что это именно вы сподвигли его на решение погостить у нас подольше. Дескать, что-то вчера вы ему сказали такое...

– Неужели? Ума не приложу, что же такого я могла ему сказать. Ладно, Берил, я отправляюсь к Чилли. Всего вам доброго.

В машине я всю дорогу до хижины старика размышляла, как мне отнестись к тому, что Зед не уехал, а остался. В животе стало пусто: верный признак того, что новость меня взволновала.

– Я переживала за вас после вчерашнего, – обратилась я к Чилли. – Вот заехала взглянуть, как вы тут.

– Волноваться за меня не стоит, девочка моя. К тому же вчерашний день стал одним из лучших в моей жизни за все последние годы.

– Чилли, эти пещеры Сакромонте... Вы тоже появились на свет там?

– Нет, я каталонец. Родился на морском побережье в Барселоне, под повозкой.

– Так откуда же вы узнали про Сакромонте?

– Там родилась моя прапрабабушка. Она была очень сильной *bruja*... Оттуда родом многие мои тети, дяди, двоюродные братья и сестры.

– А что это такое – *bruja*?

– Мудрая женщина, прорицательница, вещунья, гадалка. Микаэла родила твою бабушку. И она же сказала мне, что ты вернешься к нам. И что именно я отправлю тебя домой. Я тогда был еще совсем пацаненком. Но уже играл на гитаре для твоей бабушки. Она была очень знаменита.

– А чем она занималась?

– Танцевала, конечно! Фламенко! – Чилли хлопнул в ладоши и принялся отбивать ритм. – Этот танец у нас в крови. – Он взял в руки свою трубку и раскурил ее. – Мы приехали в Сакромонте, чтобы принять участие в большом фестивале, который проводился в Альгамбре. Она тоже еще была ребенком, как я. – Чилли удовлетворенно хмыкнул. – А я-то думал, что после восьмидесяти пяти лет ожидания Микаэла ошиблась насчет того, что ты вернешься к нам. Думал, уже не вернешься. Но вот ты здесь. Ты вернулась.

– Но как вы узнали, что я – *это я*?

– Даже если бы твой отец не оставил тебе прощального письма, я все равно узнал бы тебя.

– Как?

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Чилли и снова хлопнул в ладоши, потом что есть силы ударил по подлокотнику кресла. В эту минуту он был очень похож на карлика Румпельштильцхен из сказки братьев Гримм. А если бы он поднялся с кресла и выпрямился во весь рост, то наверняка тоже пустился бы в диковинные пляски вокруг горшка с едой, стоящего на очаге, сопровождая их такими же чудаковатыми песнопениями.

– И все же, как?

– Да у тебя же ее глаза, ее грация, хотя ты, конечно, очень красива! Она была уродина уродиной, но, когда начинала танцевать, преображалась и тоже становилась прекрасной. – Он ткнул пальцем в сторону старой железной кровати. – Посмотри там, под матрасом. Достань оттуда железную банку, и я покажу тебе твою бабушку.

Я молча повиновалась. С ума сойти, размышляла я про себя. Более нелепой ситуации и не придумаешь. На затерянных просторах зимней Шотландии я наедине с каким-то полубезумным старым цыганом, который на полном серьезе утверждает, что ему было сказано о том, что я появлюсь здесь. Я присела на корточки и извлекла из-под матраса проржавевшую железную банку от песочного печенья.

– Сейчас я покажу тебе.

Я положила банку ему на колени, и он попытался открыть ее своими скрученными пальцами. Наконец, с большим трудом, открыл. Из банки высыпался ворох черно-белых фотографий, часть из них упала на пол. Я быстро собрала их с пола и вручила Чилли.

– Вот это я. Выступаю в районе Эшампле, что в Барселоне... А я был красавчиком, *si*?

Я принялась внимательно разглядывать черно-белую фотографию, запечатлевшую Чилли, наверное, лет семьдесят тому назад: темноволосый, гибкое стройное тело под традиционной цыганской рубашкой с гофрированными кружевными манжетами. Крепко прижимает свою гитару к груди. Глаза обращены на женщину, стоящую перед ним. Она замерла в типичной позе для фламенко, высоко вскинув руки над головой, облачена в наряд танцовщиц фламенко, огромный цветок в блестящих, как воронье крыло, волосах.

– Боже мой, какая красавица! Так это и есть моя бабушка?

– Нет, это моя жена Розальба. Да, она была *my linda*... Настоящая красавица! Мы поженились в двадцать один год... Она действительно была для меня второй половиной. – Чилли выразительно постучал себе в грудь.

– А где она сейчас?

Лицо его потемнело, он опустил глаза в пол.

– Ушла. Потерялась во время Гражданской войны. Плохие тогда были времена, Хотчивитчи. В души и в головы наших соотечественников словно сам дьявол вселился.

– Чилли, мне очень жаль.

– Это жизнь, девочка моя, – прошептал он и осторожно погладил указательным пальцем лицо своей бедняжки жены на фотографии. – Но она все равно со мной разговаривает, даже сейчас, просто голос у нее слабый, едва слышен, ведь она же так далеко отсюда.

– Именно поэтому вы и решили покинуть Испанию? То есть, я хочу сказать, после того, как потеряли свою семью?

– *Si*. У меня же ничего не осталось на родине. Вот я и надумал переехать в другое место, оставить свое прошлое позади.

– И наконец осели здесь?

– Да, но после многих и долгих странствий по всей Англии. А сейчас... – Чилли принялся сосредоточенно рыться в стопке

фотографий. Те, что ему были не нужны, тут же летели прямо на пол. Я снова принялась собирать их. По большей части, на них были запечатлены гитаристы и танцовщицы, выступавшие на публике в различных барах и клубах. И на всех без исключения лицах артистов читалось вдохновение, граничащее с экстазом: камера навеки зафиксировала это состояние артистического подъема и воодушевления.

– *¡Aquí!* Да вот же она!

Чили поманил меня пальцем к себе. Я подошла и глянула на еще одну фотографию исполнительницы фламенко. Довольно тщедушная, но руки вскинуты высоко над головой. Правда, вместо традиционного цветастого платья танцовщица была в плотно облегающих брючках и коротенькой жилетке. Бледнолицая, темноволосая. Волосы смазаны для пущего блеска каким-то маслом, по центру лба – один непослушный завиток.

– Кандела. Свеча, пламя которой горит в сердцах наших людей. Взгляни, Хотчивитчи! Видишь эти глаза? Это же точь-в-точь твои глаза.

Я вперила взгляд в глаза хрупкой женщины, но на черно-белой фотографии мало что можно было разглядеть. Наверно, эти крохотные точки на роговице глаз голубые или зеленые.

– Да, это она! Амайя Альбейсин, твоя *abuela*, Кандела. Бабушка... Самая известная танцовщица своего времени! Она родилась в Сакромонте, и роды приняла Микаэла...

И снова мое сознание выхватило откуда-то из глубин памяти колеблющееся пламя свечи, отбрасывающее густые тени на выкрашенный белой краской овальный потолок, и кто-то поднимает меня вверх, к самому потолку...

– Итак, Хотчивитчи! Сейчас я расскажу тебе историю твоей семьи. Мы начнем с 1912 года, когда появилась на свет твоя бабушка Лусия...

Мария

Сакромонте, Гранада, Испания

Май 1912 года

*Испанские кастаньеты
(castanuelas)*

Музыкальный инструмент типа перкуссии, который используется во время исполнения в традиции фламенко таких цыганских танцев, как замбра, сигирия или севильяна.

10

Воздух был неподвижен. Вокруг царила тишина, даже птицы умолкли в оливковых рощах, которыми заросли склоны гор, испещренные множеством тропинок, извивающихся между пещерами Сакромонте. Стоны Марии эхом отдавались от стен пещеры. На фоне столь непривычно глубокой тишины ее громкие утробные крики звучали особенно дико и будоражили воображение.

– А где все? – спросила она у Микаэлы.

– На свадьбе Пако и Фелиции. Или ты забыла? – ответила ей Микаэла. Длинные черные волосы ворожеи были аккуратно собраны в тяжелый узел на затылке. Более чем простая прическа Микаэлы

контрастировала с ее подчеркнуто нарядным платьем, пышно отороченным кружевами.

– Ах да! Конечно... – едва слышно пробормотала Мария, а Микаэла в это время положила ей на лоб, обильно покрытый каплями пота, тряпицу, смоченную в холодной воде.

– Уже недолго осталось ждать, *querida*, но ты тужься, милая, тужься. Ребеночку надо помочь.

– Не могу, – простонала в ответ Мария, и тело ее снова содрогнулось от боли. Началась очередная схватка. – У меня больше нет сил.

– Прислушайся, Мария! – воскликнула Микаэла, наострив одно ухо. – Слышишь? Они уже начинают танцевать *альбора*. А ты вслушивайся в ритм и *тужься!*

Мария расслышала мерный медленный звук: чьи-то руки отбивали четкий ритм на барабане *кайон*. О, как же хорошо были ей знакомы эти звуки. Скоро, совсем скоро они взорвутся веселой, жизнерадостной мелодией. Вот к барабану присоединились гитары, и земля завибрировала под ногами сотен танцоров, вступивших в круг.

– *¡Dios Mio!* – простонала роженица. – Этот ребенок убьет меня.

Она продолжила стенать, а дитя между тем продвигалось все дальше и дальше по ее телу.

– Младенец рвется на свет. Тоже хочет поучаствовать в танцах. Будет, как и его мама. Прислушайся! Ведь сейчас они поют для вас обоих. Это же *альба*, рассвет, начало новой жизни.

Через пару минут раздались ликующие звуки гитары, и голоса певцов достигли своего апогея, слившись воедино, и в это самое мгновение дитя пришло в этот мир.

– Девочка! – воскликнула Микаэла, перерезая пуповину ножом, потом быстро разобралась с последом. – Такая крохотная, но, по моему, здоровенькая. – Она ловко перевернула младенца на спинку и слегка хлопнула по попе. Ребеночек негромко откашлялся, а потом раскрыл ротик и зашелся плачем.

– Ну вот! – проговорила Микаэла и стала пеленать новорожденную, проворно поворачивая ее тельце, словно это обычный кусок мяса. – Сейчас она твоя. Да благослови ее Дева Мария здоровьем и счастьем.

– Аминь, – откликнулась Мария, глядя на крохотное личико дочери: огромные глаза, нос луковкой, пухлые губки, кажущиеся слишком большими для ее ротика. Маленькие ручонки сжаты в два кулачка, которыми она энергично рассекает воздух, явно чем-то недовольная, продолжая кричать во всю мощь своих легких. Ножки тоже приподнялись над пеленкой и начали двигаться в разные стороны. Это пьянящее чувство свободы, которое ощутил младенец, вырвавшись наконец из материнской утробы.

– Горячая девчушка. Уже почувствовала свою силу, *duende*, бесенок маленький. Я буквально ощущаю эту силу. – Микаэла кивком головы подтвердила свои слова, потом передала несколько тряпок Марии, чтобы та остановила у себя кровотечение, после чего ополоснула руки в тазу с водой, тоже уже красной от крови. – Пока оставляю вас наедине. Начинайте потихоньку привыкать друг к другу. Я скажу Хозе, что у него родилась дочь. Думаю, он вскоре примчится сюда, чтобы взглянуть на малышку своими глазами.

С этими словами Микаэла вышла из пещеры, а Мария, вздохнув, приложила ребенка к груди, пытаясь унять ее плач. Ворожею можно было понять. Ничего удивительного, что ей так не терпелось, чтобы роды поскорее закончились; весь поселок Сакромонте в это время веселился на свадьбе. Ведь этого торжества все ждали целый месяц: невеста – внучка самого Хорроджумо, покойного цыганского короля. Столы будут ломиться от изобилия, вино литься рекой, да и все остальное тоже, как и положено на всяческих торжествах в честь королевских особ. Мария хорошо знала: не ринется ее муж с такого праздника, чтобы поскорее взглянуть на жену и свою новорожденную дочь. Уж скорее он прокатится голышом на своем муле по улицам Гранады.

– Вот мы и остались с тобою вдвоем, – прошептала она девочке, которая наконец начала сосать грудь и перестала плакать. В пещере снова установилась тишина. – Ты, к несчастью, родилась девочкой. Нелегкий жребий, милая.

Спотыкаясь, Мария поднялась с кровати, прижимая к себе дочь, ей отчаянно хотелось пить. Микаэла ушла второпях, даже забыла наполнить кружку роженицы водой. Мария медленно двинулась из спальни в сторону кухни, расположенной на выходе из пещеры. Голова у нее кружилась и от жажды, и от перенесенных страданий. Мария

схватила кувшин с водой, поднесла его к губам, жадно выпила. Выглянув в оконце, высеченное прямо в скале, она увидела чистое ночное небо, сплошь усыпанное мерцающими звездами, которые веером рассыпались вокруг совершенного по своей форме полумесяца.

– Свет, – едва слышно прошептала Мария. И поцеловала свою доченьку в макушку, покрытую нежным пушком. – Решено! Я назову тебя Лусия, моя маленькая.

Кое-как доплелась обратно до кровати, прижимая одной рукой ребенка, а в другой неся кружку с водой, опустилась без сил на постель и сразу же забылась тяжелым сном изнуренного человека под убаюкивающие звуки фламенко, доносившиеся издалека.

* * *

1922 год, десять лет спустя

– Где ты шляется, негодница? – сердито спросила у дочери Мария, подбоченясь и стоя у входа в пещеру Альбейсин. – Алисия сказала своей маме, что сегодня тебя в школе не было.

– Змеюка эта Алисия! – Лусия зло блеснула в ответ глазами. – Вечно лезет не в свои дела.

Мария увидела, что дочь уже успела сымитировать ее позу и теперь стоит перед ней, тоже оперев руки в свои худющие бедра.

– И перестань огрызаться, *птичка моя!* – прикрикнула на девочку мать. – Я прекрасно знаю, где ты была, Томас видел тебя у фонтана. Опять там танцевала за милостыню.

– Ну, что тут такого? Нужно же кому-то в этом доме зарабатывать деньги. Разве не так? – Лусия вложила несколько песет в руку матери, после чего, тряхнув своими длинными черными кудрями, с гордым видом прошествовала мимо Марии вглубь пещеры.

Мария молча глянула на монетки, которые дала ей дочь; вполне хватит для того, чтобы сходить на рынок и купить там немного овощей и даже пару кровяных колбасок на ужин Хозе. Но все равно нельзя допустить, чтобы девочка совсем отбилась от рук. А ее десятилетняя дочь уже привыкла жить по своим законам. На вид Лусии можно было дать лет шесть, не больше, такая она маленькая и хрупкая. Однако за

внешней subtilностью ребенка скрывается бешеный темперамент, который, по словам ее отца, лишь добавит со временем страсти в ее манеру исполнения фламенко. По его словам, у дочери необыкновенные способности танцовщицы.

– Чему же тут удивляться? Ведь она же появилась на свет под звуки альбореа! – не раз восклицал Хозе. – В ней живет дух *дуэнде*, – сказал он вечером того же дня, усаживая дочь на спину мула, чтобы отвезти ее в город. Там, на центральной площади Гранады Лусия станет танцевать фламенко под аккомпанемент его гитары. Хозе прекрасно знал: те деньги, которые он получит, пока хрупкая фигурка его дочери будет выделять всяческие вращательные па и притопы, втрое перекроют его заработки, те чаевые, которые оставляют ему пьяные завсегдатаи окрестных баров.

– И не держи ее там допоздна! – крикнула Мария мужу, когда мул, цокая копытами, поплелся вниз по извивающейся тропинке.

Затем она пошлепала по двору, переступая ногами по пыльной твердой земле, снова устроилась у входа в пещеру и принялась дальше плести корзину из травы эспарто, которая уже успела как следует высохнуть после уборки урожая. На какое-то мгновение Мария прислонилась головой к стене, наслаждаясь благодатным теплом нежаркого солнца, лучи которого падали ей прямо на лицо. Потом она открыла глаза и глянула вниз, в долину, по которой струится река Дарро. По весне в половодье река вздувается и раздается вширь от многочисленных притоков и ручьев, льющихся с гор Сьерра-Невада. Солнце уже клонилось к закату, подсвечивая своими ярко-оранжевыми лучами старинную крепость Альгамбру, которая взметнулась ввысь на противоположной стороне ущелья, ее древние башни устремились к небу на фоне темно-зеленой листвы окружающих роц.

– Пусть мы и влачим такую же жалкую жизнь, как наши мулы, но зато нам дано видеть всю эту красоту, – пробормотала про себя Мария. Она снова погрузилась в плетение. Работа успокаивала, Мария почти физически чувствовала, как спадает с нее напряжение от постоянно терзающих мыслей о том, что Хозе использует их дочь, чтобы заработать на пропитание для всей семьи. Ее муж слишком ленив, чтобы найти себе нормальную работу. Он предпочитает полагаться в этой жизни лишь на свою драгоценную гитару и на талант дочери. Изредка они с Лусией даже получают приглашение от какого-нибудь

богатенького обывателя из местных испанцев выступить перед его гостями на вечеринке в одном из тех роскошных домов, которых полно в Гранаде. Подобные выступления среди великолепия и богатства лишь придают дочери излишнюю самоуверенность, порождая у нее призрачные иллюзии. Она ведь не понимает, что богатеи совсем из другого мира, в который ей никогда не попасть.

Но Лусия, кажется, думает иначе. Во всяком случае, она отчаянно сражается за свое место под солнцем. Мария не помнит такого мгновенья, когда бы ее дочь не отбивала ритм своими ножками. Даже ребенком, сидя на высоком стульчике, на котором ее кормили, она отбивала ритм железной ложкой, а ноги в это время сами собой продолжали двигаться в такт. Девочка не знала ни минуты покоя. Мария вдруг вспомнила, как однажды ее девятимесячная дочь сама встала на ноги, ухватившись за ножку стола, и самостоятельно сделала несколько первых шажков в своей жизни, упрямо отказавшись от всякой посторонней помощи. Со стороны могло показаться, что это хрупкая фарфоровая кукла встала на свои ноги и пошла гулять. Обитатели Сакромонте в страхе шептались за спиной Марии, встречая ее на прогулках с дочерью.

– Дитя дьявола, – однажды услышала Мария слова, которые обронила одна из соседок в разговоре со своим мужем. Да и то правда! Ребенком Лусия была неистова: от ее постоянных криков и воплей звенело в ушах. А потому Мария в глубине души была вполне согласна с соседкой. В поисках того, как обрести в доме вожденную тишину и покой, Мария неожиданно для самой себя сделала одно удивительное открытие: девочка мгновенно успокаивалась, едва заслышав звуки отцовской гитары. При этом сразу же начинала отбивать такт своими ручками и одновременно притоптывать ножками. А однажды, когда Мария отрабатывала на кухне какие-то па из алегрриа фламенко, готовясь к очередной фиесте, она вдруг увидела свою двухлетнюю дочурку, которая старательно повторяла каждое ее движение своим крохотным тельцем. Так же гордо вскинут подбородок, и ручки грациозно взметнулись над головой, и ножки притоптывали яростно и громко, но главное – Лусия каким-то чудодейственным образом сумела схватить саму суть танца.

– Боже мой! – прошептал Хозе, ошарашенно взглянув на жену. – Ты, наверное, хочешь научиться танцевать фламенко так же хорошо,

как твоя мама, ласточка моя? – спросил он у дочери.

Лусия глянула на отца немигающим, напряженным взглядом.

– *Si*, папа. Я танцую!

С тех пор минуло восемь лет. И сегодня уже ни у кого не оставалось сомнений: дочь с ее поразительным талантом намного превзошла свою мать, которая по праву считалась одной из лучших исполнительниц фламенко в Сакромонте. За одну минуту ножки Лусии отбивали столько тактов, что Мария всегда сбивалась со счета, не успевая за чечеткой дочери, хотя та и просила ее подсчитать количество тактов. Ее *braceo* – особое положение рук во время танца – было практически безукоризненно. Но главное – в ее глазах постоянно полыхал огонь, будто в душе в этот момент тоже бушевало пламя, и этот свет, струящийся из глаз юной танцовщицы, поднимал само ее исполнение фламенко на новый, более высокий уровень.

Вечерами, когда белые столпы дыма поднимались над трубами домашних очагов, горы и пещеры Сакромонте оживали: призывные звуки гитар, глубокие, хватающие за сердце голоса *cantaors* – певцов-мужчин, стук кастаньет, топот ног танцоров. И не важно, что цыгане, заселявшие пещеры Сакромонте, были бедны и вечно голодны, но все они знали, что дух фламенко способен поднять и их собственный дух.

А уж Лусия, можно сказать, олицетворяла собой этот дух фламенко, как, пожалуй, никто иной. Когда она танцевала вместе с остальными односельчанами на фиестах, которые, как правило, устраивались в одной из больших пещер, принадлежащих всей коммуне, другие танцоры замирали на месте в немом восхищении. Что за чертенок сидит в этой девочке? Ибо как иначе объяснить ту силу, которую источал ее танец? Она словно изливала всю свою душу, танцуя перед собравшимися и тем самым гипнотизируя своих зрителей, потому что ее танец вмещал в себя все человеческие эмоции.

– Нет, она еще слишком мала, чтобы понимать, что у нее талант, – обронил как-то вечером Хозе, после того, как Лусия закончила танцевать перед толпой цыган, собравшихся у входа в их пещеру, буквально замороженных движениями ее легких ножек и искрами, сыплющимися из глаз этой еще совсем маленькой девочки. Но ребенок, судя по всему, прекрасно понимал, что у нее талант. – Наверное, именно поэтому ее исполнение отличается своей особой неповторимостью. Ведь она ни на кого не похожа, – заключил отец.

– Мама, давай я помогу тебе плести корзины, – предложила Лусия матери несколько дней спустя.

– Ну, если у тебя есть свободная минутка, то пожалуйста, – улыбнулась в ответ Мария. – Ты же у нас вечно занята. – Она похлопала рукой по ступеньке, предлагая дочери устроиться рядом, а потом вручила ей охапку эспарто. Какое-то время они работали молча. Пальцы Марии уже онемели от напряжения, и она перебирала ими не так быстро, как хотелось бы. Усталость давала о себе знать: она поднялась ровно в пять утра, покормила мула, цыплят, коз, которых держала в соседней пещере, использовавшей как хлев для домашних животных. А потом развела огонь в очаге и поставила горшок с маисовой кашей – надо же успеть приготовить хоть и скудный, но завтрак и накормить им мужа и четверых детей. А еще страшно болит вся спина после того, как натаскаешь воды из больших цистерн, что установлены у подножья горы Сакромонте. Попробуй, поноси ведра с водой в гору, поднимаясь по крутым, вымощенным булыжником, деревенским улочкам.

И вот редкая минута покоя и тишины. Рядом с ней сидит и старательно трудится дочь. Как же часто, размышляет про себя Мария, она, разглядывая величественные постройки Альгамбры, лишний раз свидетельствующие о том, как никчемна и безрадостна ее собственная жизнь, сплошная борьба за существование изо дня в день, невольно начинает злиться, созерцая всю эту красоту. Утешает лишь одно: она живет среди своих соплеменников, окруженная заботой и вниманием со стороны остальных членов их небольшой горной общины. Их называют *gitanos*, испанские цыгане, предки которых были в свое время вытеснены за пределы городских стен Гранады и вынуждены были строить себе жилища, вырывая пещеры в монолитных скалах. Они принадлежат к беднейшим слоям местного населения, самая низшая каста, на представителей которых чистокровные испанцы смотрят с недоверием и даже откровенным презрением. Цыган здесь терпят лишь за их танцы, за их мастерство в кузнечном деле и за их ворожей, таких, как Микаэла, которая не только предсказательница, но еще и отличная знахарка. Недаром богатеи из Гранады часто

обращаются к ней за помощью втайне от остальных, когда врачи уже бессильны помочь.

– Мама.

– Слушаю тебя, Лусия, – оторвалась от своих мыслей Мария и, взглянув на дочь, увидела, что та тычет пальцем в сторону Альгамбры.

– Когда-нибудь, в один прекрасный день, я буду танцевать там, и на меня будут смотреть тысячи зрителей.

Мария вздохнула. Выскажи вслух кто-нибудь из ее остальных детей подобную крамольную мысль, тотчас получил бы от нее хороший подзатыльник. Но с Лусией все иначе. Мария медленно кивнула головой.

– Так оно и будет, *голубка моя*, не сомневаюсь в этом ни минуты.

* * *

Поздно вечером того же дня, когда Лусия уже наконец улеглась на свой соломенный тюфяк, примостившийся рядом с кроватью родителей в небольшой нише, выдолбленной прямо за кухней и служившей им спальenkой, Мария сидела с мужем на улице. Они вели неспешный разговор.

– Меня беспокоит наша Лусия. У девчонки голова забита всякими бредовыми мечтами. Насмотрелась на богатство в тех испанских домах, куда ты ее берешь для выступлений, и вообразила себе бог знает что, – негромко обронила Мария.

– А что плохого в том, что девочка мечтает, *mi amor*? – возразил Хозе, загасив окуроч своей манильской сигары каблуком сапога. – Мы все здесь влачим такое жалкое существование. Пожалуй, мечта – это единственное, что позволяет выжить.

– Хозе, меня волнует другое. Она не понимает, кто она и откуда вышла, и что все это значит. А ты стал приобщать ее совсем еще маленькой девочкой к другой жизни, по ту сторону городских стен. – Мария жестом указала на крепостные стены, опоясавшие Гранаду, которые тянулись от самого подножья гор всего лишь в полумиле от их жилища. – И эти знания кружат ей голову, ибо она увидела жизнь, которой у нее самой никогда не будет.

– Почему ты так уверена? – Глаза мужа сверкнули на смуглом лице, унаследованном от предков, чистокровных *gitano*, полыхнули тем же недобрым огнем, как и у его дочери, когда она злилась. – Многие из наших прославились и стали богатыми благодаря своему таланту, Мария. Так почему такое не может произойти с Лусией? Тем более, с ее силой духа. Когда я играл на гитаре на Бульваре Рамбла в Барселоне, я познакомился с такими выдающимися танцовщиками, как Пасторо Имперо и Хуана ла Макарона. Они, между прочим, обитают в таких же шикарных особняках, как и богатые испанцы.

– Но это всего лишь двое из десятков тысяч других цыган, Хозе! Как же ты этого не понимаешь? А мы, все остальные, мы просто танцуем и поем, боремся за выживание, пытаемся заработать хоть какие-то крохи, чтобы было что положить в горшок на обед или на ужин. Боюсь, Лусию постигнет большое разочарование, когда она поймет, что ее заветным мечтам не суждено осуществиться. Между тем ребенок до сих пор не умеет ни читать, ни писать! В школу она ходить отказывается... Думаю, и ты, Хозе, в немалой степени поспособствовал этому ее нежеланию.

– А к чему ей все эти буквы и цифры, когда у нее такой талант? Послушай, жена, тебе не кажется, что ты на глазах превращаешься в сварливую старуху, давным-давно забывшую, что это такое – мечтать? Пойду-ка я поищу себе компанию повеселее... *Buenas noches*.

Мария молча наблюдала за тем, как муж поднялся со ступенек крыльца и зашагал прочь в темноте по пыльной дорожке. Она знала, сейчас потащится в один из кабаков. Их тут много разбросано в потайных пещерах. И будет там бузить с друзьями-приятелями до самого утра. Последнее время муж часто не ночевал дома. Мария даже стала подумывать о том, что он обзавелся на стороне любовницей. Правда, за последние годы он сильно сдал. Куда подевалось его прежде гибкое и упругое тело? Возраст, постоянные пьянки, убогая жизнь, которую они вели, все это не могло не сказаться на его внешности. Но при всем том Хозе был еще очень красивым мужчиной.

Мария вдруг отчетливо вспомнила, когда впервые увидела своего будущего мужа. Пожалуй, ей тогда было столько же лет, сколько сейчас Лусии. А он, рослый и сильный парнишка лет шестнадцати, стоял возле пещеры, в которой обитала его семья, и что-то наигрывал на своей гитаре. Его темные кудри отливали на солнце красновато-

рыжеватым оттенком, пухлые чувственные губы растянулись в ленивой улыбке, когда Мария проходила мимо. Она влюбилась в него с первого же взгляда, хотя до нее и доходили всякие нехорошие слухи об Эль Лизо – Ловкаче, так его прозвали за виртуозную игру на гитаре. *А еще* и за его обхождение с женщинами, о чем, к несчастью, она узнала много позднее. Когда Хозе исполнилось семнадцать, он отправился в Барселону на поиски славы и денег. На тот момент у него был контракт, позволявший играть на Бульваре Рамбла. Этот район был буквально нашпигован самыми известными барами, в которых выступали исполнители фламенко.

Мария была уверена, что больше она его никогда не увидит, но через пять лет Хозе вернулся домой со сломанной рукой, а также с многочисленными синяками и кровоподтеками на красивом лице. Местные кумушки судачили, что он получил это в какой-то драке из-за женщины. Другие же утверждали, что с ним попросту расторгли контракт из-за его пристрастия к спиртному, и ему пришлось зарабатывать на кусок хлеба, принимая участие в кулачных боях. Но как бы то ни было, а сердце Марии билось сильнее всякий раз, когда она проходила мимо пещеры его родителей, когда отправлялась в город, чтобы купить там немного овощей на местном рынке. А Хозе неизменно встречал ее, стоя на пороге своего дома и покуривая сигару.

– *Hola*, маленькая красотка! – приветствовал он ее, когда она проходила мимо. – Ты та самая девчонка, про которую говорят, что она лучше всех в деревне танцует алегриа? Задержись на минутку, поговорим. Составь компанию больному человеку.

Стесняясь, Мария все же подошла к нему поближе, а он стал играть для нее на гитаре, а потом уговорил отправиться вместе с ним в оливковую рощу за пещерой и там станцевать для него. Он задал хлопками ритм, а потом обнял ее за талию и привлек к себе, и их тела задвигались в унисон, подчиняясь чувственным ритмам уже собственного сердцебиения. Домой она в этот вечер вернулась поздно, переполненная самыми радужными эмоциями и впечатлениями: впервые в жизни ее поцеловали.

– Где ты была? – спросила у нее Паола, ее мать, поджидавшая дочь на улице.

– Нигде, мама! – Девушка проворно прошмыгнула мимо матери, чтобы та не успела заметить краску стыда на ее лице.

– Предупреждаю тебя, девочка моя! Я все равно узнаю правду! – Паола угрожающе помахала пальцем перед ее носом. – Нутром чую, тут замешан какой-то мужчина.

Мария отлично понимала, что Паола и Педро, ее отец, никогда не одобряют роман своей дочери с Хозе. Его семья принадлежала к числу бедняков, а Мария из рода Амайя, богатой семьи, во всяком случае, по меркам цыган. Родители уже положили глаз на сына одного из своих дальних родственников. К сожалению, сама Паола сумела произвести на свет всего лишь одну дочь. Все же остальные ее беременности, а их было семь, оказались неудачными. А потому успешный кузнечный бизнес Педро срочно нуждался в наследнике.

Все это было прекрасно известно Марии. Но несмотря на то что она была послушной и любящей дочерью, все ее благие намерения держаться от Хозе подальше разбивались вдребезги, отказываясь подчиняться чувствам; да и Хозе преследовал ее повсюду.

А она, в свою очередь, все сильнее попадала под дурман его чар, окончательно теряя голову, пока его пальцы нежно касались то гитары, то ее тела. В конце концов, Мария сдалась и даже позволила себя уговорить убежать ночью из дома и предаться с ним любовным утехам в оливковой роще у подножья горы Вальпараисо. Все летние месяцы стояла необычайная жара, такое же нестерпимое пекло, какое обычно было в кузнице ее отца, и Мария чувствовала, как полыхают, словно охваченные огнем, и ее тело, и ее разум. Все, чего она жаждала, это скорейшего наступления долгой, прохладной ночи, когда она снова окажется в объятиях Хозе.

Однако вскоре ночным свиданиям влюбленных пришел конец. Хоть юная парочка была предельно осторожна, кто-то из жителей Сакромонте все же их увидел и рассказал обо всем Педро, который пришел в невиданную ярость.

– Ты навлекла позор на всю нашу семью, Мария! – разъяренно кричал он на дочь после того, как приволок Марию и ее любовника к себе в пещеру, чтобы разобраться с негодниками накоротке.

– Прости меня, папочка, – рыдала Мария, заливаясь слезами, – но я люблю его.

Хозе тоже упал на колени перед Педро, прося у него прощения и разрешения жениться на его дочери.

– Я люблю вашу дочь, сеньор. Обещаю, что всю свою жизнь буду заботиться о ней и беречь ее. Верьте мне!

– Нет, парень! У меня нет веры твоим словам. Твоя репутация мне хорошо известна, она ведь не идет, а бежит впереди тебя. А сейчас ты погубил еще и репутацию моей дочери! Ведь ей же всего пятнадцать лет!

Мария дожидалась своей участи на улице, пока отец и Хозе обсуждали ее будущее. Но самым страшным наказанием для нее было смотреть на лицо матери, совершенно убитой свалившимся на семью несчастьем. Целомудрие цыганской девушки – это ведь святое. Девственность – это основное достояние цыганки, которое она может предложить своему будущему мужу.

Но уже спустя неделю весь поселок Сакромонте веселился на спешно устроенном вечере по случаю помолвки влюбленной парочки, а месяцем позже состоялась и большая, шумная свадьба. Традиционные свадебные торжества длятся целых три дня. В последний вечер Марию облачили в нарядное платье цвета голубой фуксии с длинным шлейфом, волосы украсили цветами алого граната, после чего усадили на мула позади молодого мужа, и все сельчане двинулись шумной процессией, сопровождая молодых до родительской пещеры, в которой они должны были провести свою первую брачную ночь.

Мария до сих пор помнит, как ее трясло от страха в ожидании обряда *Tres Rosas* – Три розы. Вот в темноте пещеры над ней зависло лицо Хозе, от него сильно несло спиртным. Он поцеловал свою молодую жену, а потом вскарабкался на нее. Мария слышала веселый, громкий смех, который доносился с улицы, а сердце колотилось в груди почти так же быстро, как руки барабанщиков, задающих ритм на барабанах кайон.

– Свершилось! – выкрикнул во все горло Хозе и скатился с нее, после чего пригласил в пещеру мать новобрачной. Мария лежала неподвижно, ожидая, когда Паола приложит белоснежный носовой платок к ее промежности, и зная, что никогда на нем не появятся три капли крови, символизирующие ее девственность.

– Замри и ни звука, дочь! – приказала ей мать хрипловатым шепотом.

В мерцающем пламени свечи Мария увидела, как мама извлекла из кармана небольшой ножик и вонзила его в нежную плоть Марии на внутренней части бедра. Мария с трудом удержалась от крика, увидев, как капли крови из раны упали на платок, который держала мать.

– Ты сама постелила себе постель, голубка моя. Что ж, теперь тебе на этом ложе коротать все свои дни до самой смерти, – с яростью прошептала Паола и вышла из пещеры, держа перед собой окровавленный носовой платок.

Собравшиеся взорвались радостными криками и аплодисментами, когда Паола предъявила на всеобщее обозрение свидетельство невинности своей дочери.

– Ну, что, женушка моя? – Перед ней снова возник Хозе. – В одной руке он держал фляжку с бренди, в другой – манильскую сигару. – Выпьем за наш с тобой союз?

– Нет, Хозе. Мне не нравится этот вкус.

– Зато тебе нравится другое, да? – Он широко оскалился и, сбросив брюки, уронил их прямо на пол. Потом нырнул к ней под одеяло, связанное из разноцветных ниток. Она вязала это одеяло целый месяц.

Где-то через час Мария задремала: сказались усталость и напряжение последних нескольких дней. Сквозь сон она услышала, как Хозе поднялся с кровати и стал одеваться.

– Ты куда?

– Я кое-что забыл. Ты спи, *mi amor*, я скоро буду.

Однако когда Мария проснулась на рассвете следующего утра, мужа рядом с ней не было. Хозе так и не вернулся домой.

* * *

Мария подавила тяжелый вздох, направившись в отхожее место, общее для всех деревенских жителей; от него разило густым зловонием далеко вокруг. Если восемнадцать лет тому назад она еще по своей девичьей наивности верила в то, что Хозе любит ее так же сильно, как она его, то теперь все эти романтические иллюзии уже давным-давно развеялись. Наверное, думала она с горечью, Хозе все правильно рассчитал, понимая, что такой брак выгоден ему со всех

сторон. Ее родители достаточно состоятельные люди; у них нашлись деньги, чтобы заплатить за новую пещеру для молодых, расположенную, правда, гораздо выше в горах. Собственное жилье стало свадебным подарком дочери, плюс еще дорогой набор железных кастрюль и другой кухонной утвари.

Их первое дитя, которое она родила на восьмом месяце, так приказала ей говорить всем ее мать, прожил всего лишь шесть недель. Вторая и третья беременности закончились выкидышами на втором месяце. Лишь с четвертой попытки на свет появился Эдуардо, и Мария с головой ушла в новые для себя материнские заботы. Наконец-то она может сидеть и обсуждать наравне с другими взрослыми женщинами всяческие снадобья от колик, лихорадки и диареи. Диарея, подобно чуме, свирепствовала и среди молодых, и среди старых жителей Сакромонте, особенно с наступлением дождей в зимнюю пору, когда все дорожки и тропинки вокруг превращались в сплошное грязное месиво, а выгребные ямы переполнялись водой, и зловонные потоки выливались наружу. С появлением ребенка Марию перестало волновать, что Хозе редко бывает дома. Или что в железной банке, которую они прячут в деревянном шкафчике прямо за образом Девы Марии, нет ни единой песеты. Радовало лишь то, что отец пообещал Марии взять Эдуардо, когда тот немного подрастет, к себе в кузню. Да и Паола всегда отсыпала им достаточно овощей, чтобы мать и младенец не умерли с голоду.

– Больше я ничего не могу дать тебе, – всякий раз говорила при этом Паола дочери. – Эта крыса, твой муж, он ведь тут же спустит на выпивку любые деньги, которые я дам тебе.

На обратном пути из уборной Мария даже улыбнулась, представив своего старшего сына Эдуардо. Хороший он мальчик. Вот сейчас трудится в кузнице наравне со своим дедом, а ведь ему только шестнадцать лет. А вот два других ее сына... Те, вне всякого сомнения, пошли в отца. У обоих бурлила дурная кровь, случались приступы необузданной ярости, явно унаследованной от пращуров, чистокровных цыган. Карлосу было уже почти пятнадцать. Он зарабатывал на жизнь кулачными боями. Правда, он всячески отрицал свое участие в подобных схватках. Но от зоркого материнского глаза не ускользало то, в каком виде он являлся домой рано поутру, с разбитым в кровь лицом, все тело в синяках. Филипе исполнилось тринадцать

лет. Он с детства рос болезненным ребенком, поэтому ему всегда доставалось все самое вкусненькое. Но на него дурно влиял Карлос, которого он обожал. Филипе был способным гитаристом, и отец возлагал на него большие надежды, но вместо того, чтобы совершенствоваться и развивать свой талант, парень слепо следовал за Карлосом повсюду, покорный, словно ягненок, по-ребячьи желая лишь одного: всемерно угодить своему любимому братцу и выслужиться перед ним. Мария вернулась в пещеру и мысли ее сами собой переключались на младшенькую, маленькую Лусию, с которой она, как мать, тоже связывала очень большие надежды, когда наконец забеременела ею после трех бесплодных лет.

– У тебя будет девочка, – объявила Микаэла, когда Мария пришла показаться вещунье на третьем месяце беременности. – Она будет обладать многими, очень многими талантами. И вообще будет необыкновенным ребенком!

Мария свято верила каждому слову, сказанному Микаэлой. Ведь у нее, как у истинной ворожеи, хотя невежественные испанцы называли ее просто «ведьмой», был третий глаз, и она никогда не ошибалась в своих предсказаниях. Все обитатели Сакромонте во всем полагались на Микаэлу. Она давала свое пророчество каждому, кто этого желал, хотя далеко не все были довольны теми прогнозами, которые ворожея озвучивала им на будущее.

Вот и Мария, в чем-то она ведь оказалась виновата сама, уж слишком буквально истолковала предсказание Микаэлы: «талантливая», «необыкновенная». В эти слова Мария вложила тот смысл, какой хотела сама: в ее доме появится, наконец, еще одна представительница женского пола, и она вырастет талантливой домохозяйкой и заботливой матерью, а пока станет подрастать нежная, ласковая, любящая дочь, верная помощница и надежная опора на старости лет.

– Вот в этом вся проблема с предсказателями и их предсказаниями, – пробормотала про себя Мария, раздеваясь при слабеньком пламени свечи, потом аккуратно сложила свое вышитое болеро, фартук, голубую юбку и нижнюю юбку, после чего натянула ночную сорочку. Беда не в том, что предсказатель в чем-то ошибается. Беда в другом: человек, кому адресовано то или иное предсказание, истолковывает его так, как ему самому хочется.

В глубине души Мария очень надеялась, что хотя бы кто-то из ее детей унаследует дар ее прапрабабушки. Та была сельской ворожеей еще до Микаэлы, то есть в их семье тоже существовал дар пророчества. Всякий раз, когда очередной малютка появлялся на свет, Мария мечтала о том, что вот сейчас придет Микаэла, осмотрит младенца и вынесет свой вердикт, скажет «да»: именно *это дитя* в один прекрасный день станет новой вещуньей или вещуном. И тогда все односельчане ринутся навещать их, зная, что новорожденный ребенок унаследовал дар пророчества, а когда вырастет, станет самой влиятельной женщиной или самым влиятельным мужчиной в их коммуне.

Мария вернулась на кухню, зачерпнула немного воды из ведра, чтобы ополоснуть лицо. Потом на цыпочках проследовала в жилую комнату; слева располагалась крохотная спальня мальчишек, отделенная от кухни обычной занавеской. Мария слегка сдвинула занавеску в сторону и, держа перед собой мерцающую свечу, разглядела очертания худенького тела Филипе под тонким одеялом. Его дыхание было тяжелым и прерывистым, сильный бронхит все еще давал о себе знать. Рядом с ним на соломенном тюфяке крепко спал Эдуардо, закинув руки за голову. Мария издала раздраженный вздох, увидев пустую кровать Карлоса. Он снова не ночует дома.

Шлепая босыми ногами по земляному полу, она проследовала далее, в самый конец пещеры, где располагалась ее собственная комнатка. Лусия мирно спала на своем тюфяке рядом с кроватью матери. В пламени догорающей свечи Мария ловко прошмыгнула мимо дочери и забралась под одеяло. Потом затушила пальцами свечной огарок, откинула голову на твердую подушку, набитую соломой, и уставилась в темноту. Несмотря на то что на дворе стояла теплая ночь, в пещере было зябко, и Мария невольно содрогнулась, вдохнув в себя затхлый, пропитанный зловониями воздух. Ей захотелось, чтобы в эту минуту рядом с ней оказался Хозе, чтобы он обнял ее, приласкал, прогнал прочь все те страхи и сомнения, которые терзают ее душу, когда она начинает думать о будущем. Но сильные руки Хозе уже не хотят более ласкать расплывшееся тело женщины, потерявшее всю свою былую привлекательность после рождения пятерых детей и вечного недоедания. Мария отлично понимала, что в свои тридцать три года она выглядит гораздо старше своих лет.

– *За что мне все это?* – беззвучно спросила она небеса и Деву Марию. Так и не дождавшись ответа, устало закрыла глаза и погрузилась в сон.

11

– Почему я всегда должна помогать тебе на кухне? – недовольно бурчала Лусия, пока Мария тащила ее вслед за собой на кухню. – Вон папа, Карлос, Филипе, сидят себе на улице днями напролет, тренькают на гитаре, а мы тут вкалываем за всех!

Наступило еще одно утро. День только начался, а Мария уже чувствовала безмерную усталость от одной только мысли, сколько дел ее еще ждет впереди.

– Варить еду – это женское занятие, Лусия. Ты это и без меня хорошо знаешь. – Мария вручила дочери тяжелый чугунный горшок. – Мужчины отправляются на заработки, а мы, женщины, делаем всю работу по дому. А потому перестань хныкать. Лучше почисти вон те овощи!

– Но я ведь тоже зарабатываю деньги! Когда я танцую вместе с папой в разных кафешках, папа только собирает монетки, которые мне бросают, да выпивает рюмку-другую, если его угощают. А мне после всего этого приходится еще и овощи чистить. Так почему я должна делать все? Когда-нибудь настанет день, когда я переселюсь из этой пещеры, не стану больше жить, словно какое-то животное. У меня будет красивый большой дом с настоящими полами из дерева, а не такой, как у нас, земляной пол. И будет собственная спальня! – Лусия обвела презрительным взглядом родительскую пещеру. – Почему у нас нет такой машинки, которая сама готовит всю еду? Я видела такую машину на кухне у одного богатого сеньора, когда мы с папой выступали в его доме. И у них есть женщина, которая делает всю работу на кухне. Я тоже со временем обзаведусь либо такой машиной, либо собственной поварихой. – Лусия зашвырнула очищенные овощи в котелок с кипящей водой. – А еще у них есть водопровод, которым пользуется только их семья. Представляешь, как здорово? – мечтательно добавила она, прижав на мгновение к груди последнюю морковку, а потом отправила ее в котелок вслед за другими овощами.

– А пока сходи и принеси воды из нашего общего водопровода, – приказала Мария и вручила кувшин, оборвав фантазии дочери на полуслове.

– А что, мальчишки не могут принести воды? До этой колонки тащиться и тащиться, а я уже устала.

– Зато болтать ты не устала. Тараторишь без умолку! – прикрикнула на дочь Мария. – Ступай!

– Когда-нибудь, в один прекрасный день, у *меня* тоже будет собственный водопровод. Вот! – огрызнулась напоследок Лусия.

– А я в один прекрасный день умру от изнеможения, – пробормотала про себя ее мать.

Из мальчиковой спальни послышался надрывный кашель, а через пару секунд на кухне возникла тщедушная фигурка Филипе. Он яростно тер кулачками глаза, стараясь окончательно проснуться.

– А что у нас на завтрак, мама? – спросил он все еще сонным голосом. – Опять каша?

– Да. Я приготовила тебе мятный настой от кашля, милый.

Филипе скорчил недовольную рожицу, но уселся за стол и стал хлебать ложкой водянистую кашу из маиса.

– Ненавижу этот мятный настой!

– Но он же тебе помогает. Сразу становится легче дышать. Надо будет обязательно снова сходить к Микаэле. Может, она даст тебе какое-нибудь средство по сильнее.

Филипе испуганно раскрыл глаза во всю ширь и залпом осушил кружку с настоем мяты, которая стояла перед ним.

– Интересно, где это твой братец Карлос обитает? – спросила Мария у младшего сына. – Эдуардо сказал мне, что собирался сегодня взять его с собой в кузницу. Он уже достаточно взрослый мальчик. Может начинать обучаться кузнечному делу, как и его старший брат.

Филипе лишь молча пожал плечами в ответ и уткнулся носом в тарелку, избегая встречаться взглядом с матерью. Мария знала, мальчишка никогда не выдаст своего обожаемого брата.

И тут же, словно по сигналу, в пещере появился Карлос. Один глаз у него был сильно подбит.

– Привет, мама, – спокойно поздоровался он с матерью и плюхнулся на табурет рядом с братом.

Вместо того чтобы подать сыну миску с кашей, Мария склонилась над ним и внимательно обзрела нежную кожу вокруг затекшего кровью глаза.

– Что это, Карлос? С кем ты подрался на сей раз? – требовательно спросила Мария.

Карлос слегка отстранился от матери.

– Да это же ерунда, мама. Перестань зря шуметь...

– Опять, значит, дрался за деньги, да? Я не такая дуручка, Карлос. Знаю, мне рассказывали, что творится в заброшенных пещерах на самой вершине горы.

– Да нет же, мама. Просто вышла небольшая стычка с Хуаном из-за одной девчонки. Честно!

Мария лишь слегка прищурилась в ответ и молча подала сыну кашу. Иногда ее охватывало откровенное отчаяние при мысли о том, что все мужчины в ее семье не обращают ровным счетом никакого внимания ни на то, что она говорит, ни на то, что она делает. Разве что ее любимец Эдуардо прислушивается к маминым словам.

– Ты слышала новость, *mi amor*?

В пещеру вошел Хозе, Мария глянула на мужа. Он снял с головы черную шляпу с загнутыми полями, защищавшую глаза от яркого утреннего солнца.

– Что за новость? – сдержанно поинтересовалась Мария.

– В июне в Альгамбре пройдут состязания на лучшее исполнение фламенко. – Хозе уселся за стол напротив сыновей, даже не глянув на подбитый глаз Карлоса.

– Ну, и что из того? – Мария поставила перед мужем миску с кашей.

– А то, что в этом состязании могут принимать участие и любители! *Конкурс глубокой песни*, вот что это! Наш великий композитор Манюэль де Фалья задумал устроить самую настоящую фиесту фламенко – музыка, песни, танцы. И никаких профессиональных артистов старше двадцати одного года. Поскольку я уже давно не выступаю как профессионал, то вполне могу поучаствовать в этом состязании.

– И я тоже, – вполголоса пробормотала Мария.

– Конечно, и ты тоже можешь. Но разве ты не понимаешь, какой отличный шанс появляется у нашей Лусии? Там ведь будут все-все-все

знаменитости: сам дон Антонио Чакон будет заседать в судейской коллегии. Ходят слухи, что даже прославленная Хуана ла Макадрона примет участие в выступлениях, но, по условиям конкурса, она не будет соревноваться с остальными участниками.

– Так ты говоришь, что хочешь отправить на этот конкурс Лусию?

– Конечно!

– Но, Хозе, ей ведь всего лишь десять лет!

– Что не мешает ей уже быть королевой танца. – Хозе развернул руки ладонями вверх, а потом негромко прихлопнул в ладоши, выдавая тем самым свою внутреннюю взволнованность.

– Наверняка там у них будут, Хозе, особые правила в том, что касается участия детей. Иначе все честолюбивые родители захотят продемонстрировать судьям своих маленьких Макадрон, – вздохнула Мария.

– Наверное, ты права, но я все равно найду способ, как явить миру талант нашей дочери. А ты должна будешь сшить ей платье с таким длинным шлейфом, чтобы ее наряд сразу же бросался в глаза зрителям, – сказал Хозе и закурил очередную сигару.

Густые клубы табачного дыма поплыли над кухонным столом. Мальчишки поспешно доели свою кашу и тотчас же вышмыгнули из пещеры на улицу, догадавшись, что между родителями явно назревает ссора.

– У нас нет денег даже на пропитание, – ответила Мария, глядя на мужа. – Откуда же прикажешь мне взять деньги на новое платье для Лусии?

– Клянусь, я раздобуду эти деньги, – беспечно отмахнулся тот. – Быть может, это наш единственный шанс. Мы не должны его упустить.

– Но поклянись мне, Хозе, что ты не украдешь эти деньги. Умоляю тебя! – взмолилась Мария.

– Конечно, не украду! Что за глупости! Клянусь тебе именем своего отца! А ты же знаешь, я всегда держу свое слово! – Он широко улыбнулся и попытался обхватить жену за талию, но она выскользнула из его рук и поспешила вслед за сыновьями на улицу: надо закончить плетение корзины.

Мария медленно побрела в хлев, где хранила свои материалы для плетения, бок-о-бок с тощим мулом и козой. Ее единственное требование, которое она всегда предъявляла Хозе и сыновьям, – не

красть. Никогда не брать чужого, как бы трудно им ни жилось. Она знала, что многие нуждающиеся цыганские семьи, обитающие в Сакромонте, не чурались такого заработка, и при случае какой-нибудь сорвиголова из местных мог запросто опустошить карманы зеваки на базарной площади. Как правило, кончалось все это плохо: воришек ловили и отправляли за решетку. Или суровый испанский судья выписывал им такой штраф, который многократно превышал сумму того, что было украдено. Закон не проявлял снисхождения к цыганам.

Пока ее семью бог миловал: Мария полагала, что ни муж, ни сыновья не промышляют воровством и держат когда-то данное ими слово. Но возбуждение, охватившее Хозе, блеск его глаз, все это красноречивее всяких слов говорило о том, что муж не остановится ни перед чем, чтобы раздобыть деньги на платье для Лусии.

Выйдя из хлева, Мария взглянула на Альгамбру и невольно вспомнила, как совсем недавно дочь говорила ей, что она обязательно будет танцевать там в один прекрасный день. И тут Марию осенило. Она поняла, что ей надо сделать. Еще раз вздохнула и смахнула слезы, навернувшиеся на глаза. Немного успокоилась и вернулась в пещеру, застав Хозе выскабливающим остатки каши из котелка.

– Я перешью для Лусии свой наряд, в котором танцевала когда-то фламенко, подгоню по ее меркам, – объявила она мужу.

– Правда? Ты пойдешь на такой шаг ради дочери?

– Если это поможет уберечь тебя, Хозе, от тюрьмы, то да, пойду.

* * *

– Mamochka, ты слышала? Я буду танцевать в Альгамбре! А я же говорила тебе, что буду! Помнишь?

Лусия вонзила свои крохотные ножки в землю, а потом лихо отбила ими чечетку.

– Папа говорит, что на меня будут смотреть тысячи зрителей, и меня заметят и пригласят в Мадрид или Барселону, и я стану там звездой!

– Да, слышала, милая. Очень радостная новость.

– А ты, мамочка, будешь выступать? Папа будет, он говорит, что я должна украдкой пробраться на сцену, как только он начнет играть на

своей гитаре. Говорит, что я еще слишком маленькая, чтобы меня допустили к выступлению по всем правилам. Ну, и как тебе папин план? Хороший, *si*?

– Хороший, но прошу тебя, Лусия, – Мария приложила палец к губам, – об этом никому ни слова. Это наш секрет. Если кто-то узнает про то, что задумал твой отец, он может помешать, и тогда ваш план сорвется. Понимаешь меня?

– *Si*, мамочка. Обещаю, я буду молчать. А сейчас я пойду, потренируюсь.

Спустя два дня Мария взяла в руки ножницы и извлекла из сундука свое красивое платье фламенко. Насыщенного темно-красного цвета, расшитое белыми, черными кружевами и воланами. Когда-то она сама пришивала к платью все эти кружева. Она вспомнила, с какой радостью облачалась в этот наряд, когда была молодой, как сразу же преобразалось ее тело, туго затянутое в корсет, как красиво опали рукава с ее нежных плеч. А сейчас у нее было такое чувство, будто она собирается резать по живому собственное сердце, навсегда прощаясь со всеми своими девичьими мечтами, которым так и не суждено было сбыться. А ведь мечталось о счастливой любви, о довольных жизнью детках и о том, как, танцуя вместе с красавцем-мужем, они устремятся навстречу прекрасному будущему.

Чик! Чик! Чик! – проворно шелкали ножницы, отрезая один волан за другим и роняя их на землю. Мария оставила всего лишь несколько воланов и немного кружев, только то, что велел оставить Хозе.

Закончив, Мария сгребла в кучу обрезки от своего бывшего платья. Она понимала, что их еще можно использовать для украшения других платьев или пустить в ход для оторочки одной из своих юбок или жилеток, однако снова взяла в руки ножницы и продолжила кромсать обрезки до тех пор, пока от них не осталась лишь небольшая кучка маленьких кусочков ткани. Их Мария сгребла в корзину, подошла к печке и бросила в огонь.

* * *

Знойным июньским утром начался первый *Concurso de Cante Jondo* – Конкурс глубокой песни. Население Сакромонте увеличилось

по крайней мере раз в двадцать, если не больше. Те цыгане, которые съехали в Гранаду со всей Испании и не смогли найти себе пристанище у родных и близких в самой деревне, разбили шатры прямо на горном склоне, вдоль узких тропинок, связующих пещеры Сакромонте друг с другом, а также в оливковой роще, которая раскинулась у подножья самой горы.

Приехали и дальние родственники Хозе из Барселоны: их каталонский акцент был таким же сильным, как и их аппетит. Мария приготовила огромный чан своего коронного блюда *puchero a la gitanilla* – жирное мясное рагу с овощами и турецким горохом, для которого пришлось, как ни жаль, пожертвовать самой старой из кур.

Рано вечером родственники из Барселоны снялись с места и двинулись дальше, прихватив с собой Филипе, который сгорал от нетерпения совершить вместе со взрослыми долгий спуск с горы в долину реки Дарро, а там снова подняться по склону уже другой горы к Альгамбре.

– Филипе, будь осторожен и веди себя как следует. И чтобы домой вернулся не слишком поздно, – напутствовала сына Мария, помогая ему повязать ярко-голубой шарф вокруг талии. Мальчишка тотчас же выскользнул из ее рук, она даже не успела отряхнуть грязь с его курточки.

– Ну, хватит, мама! – пробормотал он негромко, и его худенькое личико покрылось краской смущения, когда он перехватил насмешливые взгляды двух своих юных кузин, обращенных на него.

Мария молча проследила за тем, как они все вместе веселой гурьбой, к которой присоединились и многие из деревенских парней и девушек, двинулись вниз по дороге. Вся молодежь была нарядно одета, сапоги парней надраены до блеска, как и темные волосы, обильно умащенные маслом.

– В нашей деревне еще никогда не было столько народу, просто кишмя кишат, – обронил Хозе, пытаясь пробраться мимо цыганской семьи из шести человек, которые разбили свой шатер прямо на пыльной дорожке рядом с их пещерой. – А ведь многие из тех, кто приехал сегодня, когда-то по своей воле уехали из Сакромонте и поклялись никогда более не возвращаться сюда. Можно сказать, наплевали на всех нас тогда, а сегодня снова вернулись в родные

места, – подытожил он с чувством глубокого удовлетворения, пропуская жену в пещеру.

«Ты же тоже когда-то уезжал отсюда, а потом снова вернулся...»

Впрочем, предстоящий конкурс был для их деревни действительно событием из ряда вон: почти на целую неделю Сакромонте станет центром вселенной под названием фламенко. А фламенко для любого цыгана – это и *есть его вселенная*. И именно поэтому все представители их многочисленного клана съехались сюда, многие – из самых отдаленных мест. Всем хотелось лично поучаствовать в столь важном событии. Из всех пещер вырывались наружу клубы дыма: хозяйки изо всех сил старались приготовить достаточное количество еды, которой можно будет наполнить желудки гостей. В воздухе стойко витал запах невымытых человеческих тел, пахло навозом от десятков мулов, на которых прибыли гости. Мулов привязали в тени оливковых рощ. Они стояли, разомлевшие от жары, понуро опустив ресницы и отгоняя своими большими ушами назойливых мух. Всякий раз, когда Мария снова и снова отправлялась по воду, она неизменно встречала по пути множество знакомых лиц. Большинство из этих людей она не видела долгие годы. И все задавали ей один и тот же неизменный вопрос: «Когда мы сможем увидеть твое выступление?»

А когда она отвечала им, что не будет принимать участия в танцевальном конкурсе, многие тут же начинали возмущаться.

– Но как так, Мария? Ты обязательно должна выступить. Ты же одна из лучших исполнительниц фламенко!

Вначале она пыталась отделаться общими отговорками: дескать, она уже давно завязала с танцами, у нее слишком большая семья, и дома хватает дел, успевай только поворачиваться, но в ответ ей кричали: «Нет таких дел, ради которых можно отказаться от танца! Фламенко у тебя в крови!». И тогда Мария и вовсе перестала объяснять причины своего неучастия в конкурсе. Даже ее собственная мать, будучи одной из самых состоятельных жительниц Сакромонте, которая всегда предвзято относилась к искусству танца, считая, что цыгане, танцуя фламенко, продают себя и свои тела испанцам, даже она искренне удивилась, когда Мария сказала ей, что не будет участвовать в конкурсе.

– Какая жалость, что ты утратила свою былую страсть к танцам, – недовольно обронила Паола. – Впрочем, ты многое растеряла за минувшие годы.

Постепенно, по мере того как жители Сакромонте и их многочисленные гости устремлялись по петляющей дороге вниз, к подножью горы, утихал перезвон гитар, смолкал непрерывный топот ног. Мария смотрела вслед этой шумной толпе, растянувшейся красочной разноцветной лентой по всей длине дороги, и пыталась ощутить в себе самой хотя бы частицу радости, приобщиться к этому всеобщему ликованию, но душа ее была мертва. Минувшей ночью Хозе завалился в постель лишь под самое утро, от него сильно разлило дешевыми духами. Карлоса Мария тоже не видела со вчерашнего дня. Рядом с ней оставался лишь Эдуардо, всячески помогавший матери в ее хлопотах по дому: то отнести, то подать.

– Мне тоже надо идти, – объявил Хозе, выходя из пещеры на улицу. Он был очень красив в своей белоснежной рубашке, отороченной кружевами, черные брюки, широкий пояс. – Ты знаешь, что нужно делать с Лусией. Только смотри, не опоздайте, – предупредил он жену, перекидывая гитару через плечо, и заторопился прочь, догоняя остальных.

– *Buene suerte!* Удачи тебе! – напутствовала Мария мужа, но Хозе даже не повернул голову, чтобы ответить на пожелание жены.

– Тебе нездоровится, мама? – спросил у нее Эдуардо. – Вот, попей немного водички. У тебя очень усталый вид.

– Спасибо, сынок. – Она взглянула на Эдуардо с благодарной улыбкой и, взяв протянутую кружку, осушила ее до дна. – Ты Карлоса случайно не видел?

– Видел с самого утра. Торчал в баре вместе со своими друзьями.

– Он придет ночевать?

– А кто его знает, – Эдуардо раздраженно повел плечами. – Он был слишком пьян, чтобы начинать с ним разговоры.

– А ведь ему еще только пятнадцать лет, – тяжело вздохнула Мария. – Ступай, сынок, догоняй своего отца. А мне нужно еще помочь Лусии переодеться.

– Она уже дожидается тебя в спальне.

– Вот и хорошо. Уже иду.

– Мама... – Эдуардо замялся на мгновение. – Ты одобряешь папин план? Ведь сестре едва исполнилось десять лет. А там сегодня вечером соберется толпа народа. Несколько тысяч человек как минимум. Она не опозорится? Не опозорит папу? И всех нас заодно... Будет смотреться на сцене такой дурочкой, и только.

– Эдуардо, твоя сестра никогда не выставит себя дурочкой. А мы все должны верить отцу: он знает, что делает. Что ж, пока, сынок. Увидимся позже, в Альгамбре. Вот одену Лусию и присоединюсь к вам.

– *Si*, мама.

Эдуардо поспешил на улицу, а Мария вернулась назад в пещеру. Несмотря на яркое полуденное солнце, в кухне царил полумрак.

– Лусия, – окликнула она дочь. – Пора собираться. – Мария слегка отодвинула занавеску и вошла в спальню, утопавшую в крошечной темноте.

– Да, мама, – вяло отозвалась дочь.

Мария нащупала пальцами коробок со спичками и свечу, стоявшую рядом с кроватью. Что-то голосок у Лусии совсем не такой, как обычно.

– Уж не заболела ли ты? – встревожилась Мария, разглядывая свою маленькую дочурку, свернувшуюся калачиком на соломенном тюфяке рядом с кроватью.

– Нет...

– Тогда что случилось?

– Я... я боюсь, мамочка. Там столько людей... Может, давай никуда не пойдём и останемся здесь? Ты приготовишь мне те маленькие пирожные, которые я так люблю, и мы с тобой на пару съедим их целую тарелку. А когда папа вернется домой, скажем ему, что мы заблудились по пути, а?

В тусклом пламени свечи глаза Лусии казались особенно огромными и блестящими, и в них плескался откровенный страх. Мария обняла девочку и усадила к себе на колени.

– Голубка моя, тебе нечего бояться, – проговорила Мария ласково и начала осторожно раздевать девочку. – Какая тебе разница, сколько людей будет смотреть на тебя, когда ты танцуешь? Ты закрой глазки и представь себе, что танцуешь здесь, у себя дома, на кухне, передо мной, папой, твоими братьями.

– А что, мамочка, если ко мне не придет на помощь тот чертенок *duende*? Что, если я не почувствую в себе желания танцевать?

Мария взяла платице, которое она смастерила для дочери.

– Не переживай, голубка моя. Уверю тебя, как только ты заслышишь барабанную дробь и звуки гитары своего отца, в тебе немедленно проснется это желание, и ты тут же забудешь обо всем на свете. Ну, вот! – Мария застегнула последний крючок на худенькой спинке дочери. – Ступай, взгляни на себя в зеркало, милая.

Она сняла дочь со своих колен, и Лусия вихрем помчалась в другую комнату, шлейф взметнулся за ней высоко в воздух, словно голодная акула, приготовившаяся к нападению на свою жертву. Минувшие две недели Мария старательно обучала дочь тому, как надо правильно управляться со шлейфом, чтобы не запутаться в нем. Мало ли что? Вдруг девочка при виде стольких людей оробеет, наступит ненароком и упадет. Вот позору-то будет. Однако, как и во всем остальном, что касалась танца, Лусия схватывала все буквально на лету, тут же приспособливая полученные навыки к своему таланту. Вот и сейчас Мария увидела, как Лусия профессиональным движением руки приподняла шлейф, чтобы он не мешал ей при ходьбе, и повернулась к матери.

– Как я выгляжу, мамочка?

– Ты сейчас похожа на самую настоящую принцессу. А теперь нам пора в путь. Ты пока спрячь шлейф под накидкой, чтобы его никто не увидел. – Мария наклонилась и потерлась носом о нос дочери. – Готова? – Она подала Лусии руку.

– Готова.

Мария оседлала их мула по имени Пака и посадила Лусию к нему на спину, проследив за тем, чтобы шлейф платья дочери был надежно спрятан от посторонних глаз. Они присоединились к отставшим, примкнув уже к самому хвосту процессии, неспешно двигавшейся вниз по склону горы. Чем ближе они подходили к Альгамбре, чем тяжелее сопел их Пака, преодолевая очередной крутой подъем, тем все радостнее и оживленнее делалась Лусия, беспрестанно маша рукой, приветствуя друзей и соседей. Вот какая-то пожилая цыганка затянула песню, ее слегка хриловатый голос весело подхватил легкий июньский ветерок, Мария с дочерью стали прихлопывать в такт

мелодии, влившись своими голосами в общий хор односельчан, тут же присоединившихся к песне.

Спустя два часа они наконец приблизились к внутренним воротам, ведущим из города в крепость Альгамбра, их еще называют Воротами Справедливости. Люди тоненьким ручейком устремились через узкий проход, похожий на замочную скважину, к главной площади Альгамбры. Мария помогла Лусии слезть с мула, а его привязала поблизости под кипарисом, где, к счастью, имелся и небольшой пяточок зеленой травы.

Несмотря на то что уже было шесть часов вечера, солнце продолжало жарить с прежней силой, солнечные блики скользили по стенам крепости. Повсюду шла бойкая торговля. Продавали кто что может: воду, апельсины, сушеный миндаль. Мария крепко держала дочь за руку, боясь потерять ее в этой разноликой и шумной толпе, они медленно пробирались туда, откуда доносились звуки многочисленных гитар и громкий перестук сотен пар ног, отбивающих чечетку. Величественные крепостные стены из красного камня возле площади Альхибес, где проходили основные состязания, были подсвечены прожекторами, что создало неповторимый по своей красоте фон для всего сценического действия. Мария потащила дочь к Винным воротам, возле которых они должны были встретиться с Хозе. Она глянула под ноги и увидела, что мозаичные полы в крепости сплошь усыпаны бутонами лаванды: это было сделано с одной целью – перебить стойкий запах сотен потных тел, сбитых в одну тесную кучу.

– Мамочка, я хочу пить. Давай присядем на минутку и попьем водички, ладно? – Девочка безвольно опустилась на землю, а Мария принялась торопливо шарить в своей корзине, чтобы найти там железную фляжку с водой, которую она прихватила с собой в дорогу. Мария пристроилась рядом с дочерью, и в этот самый момент раздался гром оваций, оповещавший всех остальных, что на сцену поднялся очередной участник состязания.

– Да ты только взгляни на него! – услышала она чей-то насмешливый голос рядом с собой. – Вылитый покойничек!

Толпа экзальтированно подалась вперед, Мария схватила дочь за руку, и обе они вовремя увернулись в сторону, чтобы не быть затоптанными. Зато сейчас Марии была хороша видна тщедушная

фигурка человека с гитарой, стоявшего на сцене. Это был очень древний старик.

– Сам Эль Тио Тензас! – негромко воскликнул чей-то невидимый голос рядом с ними. Старик принялся настраивать свою гитару, и тут же вокруг стало тихо. Даже с такого большого расстояния Марии было видно, как сильно дрожат у него руки.

– Когда-то он был очень знаменит, – прошептала ее соседка.

– Говорят, он добирался сюда пешком, шел целых два дня, – заметил еще кто-то.

– Mamочка, мне ничего не видно! – пожаловалась матери Лусия, дернув мать за подол юбки. Мужчина, стоявший рядом с ними, тут же подхватил девочку на руки.

Между тем старик на сцене тронул струны своей гитары и запел неожиданно сильным и громким голосом. В толпе зрителей сразу же прекратились всяческие смешки и разговоры: все слушали молча. Он пел старинную цыганскую песню, сразу же вернувшую Марию в те далекие времена, когда эту же самую песню пел ее дедушка: печальная и грустная мелодия *cante grande*. Сколько раз Мария слышала, как поет ее дедушка. Как и все собравшиеся, она внимала каждому слову, больно ранившему душу и проникавшему до самых глубин сердца. Ведь Эль Тензас оплакивал утрату своей возлюбленной, которая была для него любовью всей жизни.

Старик закончил петь, и раздались громкие крики «браво». «*Otra! Otra!*» – слышалось со всех сторон. Старик снискал ошеломляющий успех, особенно если учесть, какой строгой и взыскательной была собравшаяся здесь сегодня публика.

– Вот ему точно *duende* помог. Правда, мама? – обратилась Лусия к матери, когда ее снова опустили на землю. Но тут чья-то сильная рука схватила Марию за плечо. Она повернулась и увидела мужа.

– Куда вы запропастились? Я же велел ожидать меня возле Винных ворот. Поторопитесь! Мы выступаем через одного.

– Нас сюда толпой прибило, – стала объяснять Мария, крепко держа дочь за руку, пока они, ведомые Хозе, пробирались сквозь толпу поближе к сцене.

– Но, хвала богам, я вас нашел! Иначе бы наша затея полетела ко всем чертям. Спрячьтесь вон за тот кипарис, и приведи ей волосы в порядок, – приказал он жене. Между тем толпа снова взорвалась

криками и аплодисментами, приветствуя очередного исполнителя. – Мне пора. Ну, моя крошка! – Хозе наклонился к дочери и взял ее маленькие ручки в свои. – Делай все так, как мы делали дома. Дождись четвертого аккорда, потом я крикну ‘Ole!’, и ты тут же прямо отсюда мчись на сцену.

– Папочка, я хорошо смотрюсь? – спросила у него Лусия, пока Мария снимала с нее накидку и расправляла шлейф, который дома предусмотрительно подколола к спинке платья.

Но Хозе уже устремился к сцене.

Сердце Марии забило в такт музыке, звучавшей со сцены, а сама она в этот момент, объятая страхом, думала лишь об одном: уж не сразила ли ее супруга какая-нибудь душевная болезнь? Не сошел ли он с ума ненароком, вообразив, что его план может сработать? Здесь и сейчас. Она глянула на свою маленькую дочурку, понимая, что если у девочки – не дай бог! – сдадут нервы, а потом ее свистом и улюлюканьем прогонят со сцены, то она тут же превратится в посмешище не только в своем родном Сакромонте. Все цыгане Испании станут смеяться над ней.

«Пресвятая Дева Мария, защити мою любимую дочь...»

Как же быстро закончилось выступление очередного участника состязаний. Вот он отвесил поклон публике, принявшей его исполнение весьма сдержанно, и удалился прочь. На сцену поднялся Хозе.

– Жаль, мамочка, что у меня нет башмачков. Тогда бы моя чечетка звучала еще громче, – вздохнула Лусия с сожалением в голосе.

– Зачем тебе башмачки, голубка моя? Твоим ножкам поможет сам *duende*. Этот чертенок уже ждет твоего выхода.

Как только Хозе начал играть, Мария слегка подтолкнула дочь в спину.

– Беги, Лусия, беги! – крикнула она ей, и девочка пулей помчалась к сцене, придерживая своей маленькой ручкой длинный шлейф.

– *Ole!* – крикнул Хозе, сделав паузу после четвертого аккорда.

– *Ole!* – взревела в ответ толпа, а Лусия уже проворно вскарабкалась на сцену и заняла место прямо по центру.

И тут же раздались возмущенные голоса и крики недовольных.

– Уберите ребенка прочь!

– Этой девочке место в колыбели!

Мария в ужасе увидела, как какой-то здоровяк карабкается по ступеням на сцену, направляясь прямо к ее дочери. Между тем Лусия уже стала в начальную позицию, высоко вскинув руки над своей головкой. И вот послышался негромкий звук ритма, который уверенно отбивали ее маленькие ножки. Девочка даже не шелохнулась, даже не взглянула в ту сторону, откуда на нее надвигалась угроза. Она продолжала отбивать свой гипнотический ритм, завораживающий всех вокруг. Здоровяк попытался подойти к ней вплотную и схватить за руку, но был остановлен другим мужчиной. Лусия сделала поворот вокруг себя, все еще сохраняя начальную позицию рук над головой, ножки продолжали уверенно барабанить по сцене. Но вот она снова развернулась к публике лицом и стала хлопать в ладоши в такт движениям своих ног. Подбородок вскинут вверх, глаза устремлены к небесам.

– *Ole!* – крикнула она, обращаясь к отцу, и тот снова заиграл на гитаре.

– *Ole!* – радостными криками подбодрили юную артистку собравшиеся зрители, а она все продолжала и продолжала бить свою чечетку. Мария восхищенно наблюдала за тем, как ее дочь, казалось, заполнила собой все пространство сцены, каким волшебным прекрасным был поворот ее головки. Публика тоже замерла в немом восхищении. Мария глянула в глаза дочери. В свете прожектора, выхватывающего ее из сгущающейся темноты, они сверкали словно две звезды, горели каким-то неземным огнем. И Мария поняла, что в эту минуту ее дочь находится далеко-далеко отсюда, в каком-то ином измерении, в том мире, куда ей, ее матери, никак не попасть, пока дочь не закончит свой танец.

Голос Хозе, когда он принялся подпевать дочери, не очень глубокий и не очень сильный, потому как голос никогда не был его преимуществом, на сей раз развернулся во всю мощь легких и буквально грохотал, эхом отскакивая от окружающих скал.

Мария вздохнула в изнеможении, оторвав взгляд от мужа и дочери и переведя его на крепостные башни Альгамбры. Силы оставили ее, Мария почувствовала, как у нее подкосились ноги и закружилась голова, и она безвольно опустилась на землю.

Сегодня, и она это знала точно, она навсегда потеряла и мужа, и дочь.

Но уже через минуту-другую сознание снова вернулось к ней. Вокруг нее грохотали овации, которым, казалось, не будет конца.

– Вам плохо, сеньора? Вот! – Какая-то женщина протянула ей фляжку с водой. – Выпейте немного воды, здесь очень душно.

Мария сделала несколько глотков, постепенно приходя в себя. Она поблагодарила незнакомую женщину и попыталась кое-как подняться с земли.

– Что там было? – спросила Мария. Перед глазами у нее все еще плыли разноцветные круги.

– Эта маленькая девочка сотворила чудо! – ответила ей женщина. – Все называют ее *'La Candela'* – «Свеча», потому что она действительно горит ярко, словно свеча.

– Эту девочку зовут Лусия, – прошептала Мария и, приподнявшись на цыпочках, попыталась разглядеть свою дочь. Лусия стояла на сцене рядом с какой-то женщиной в роскошном белом платье фламенко. Но вот женщина опустилась на колени перед ее дочерью.

– Кто это такая? – тихонько спросила Мария у своей соседки.

– Это же сама Ла Макаэрона! Взгляните, как она кланяется новой королеве.

Мария увидела, как артистка снова поднялась на ноги, потом взяла руку Лусии в свою и поцеловала ее. Раздались новые овации и крики «браво». Обе отвесили еще один поклон, а потом Ла Макаэрона увела Лусию со сцены.

– Кто это девочка? Откуда она? – слышала Мария возбужденные голоса вокруг себя, пока пробиралась к сцене, чтобы забрать дочь.

– Наверное, она из Севильи...

– Нет, из Мадрида...

– Из Барселоны...

– Да нет же! Я своими глазами видел, как она танцует возле фонтана здесь, в Гранаде...

Плотная толпа, не менее двадцати человек в ряд, все еще отделяла Марию от сцены. Люди окружили ее дочь со всех сторон, и Мария не могла разглядеть ее за их головами. Видела только Хозе. Он с торжествующей улыбкой на устах наблюдал за происходящим. Мария уже готова была кинуться на всех этих людей и начать убивать их, чтобы спасти свою девочку, но в эту минуту Хозе наклонился к земле и, подхватив Лусию, усадил ее к себе на плечи.

– Слава богу, она жива! Она жива! – облегченно выдохнула Мария, уставившись вместе с остальными зрителями на ликующее личико своей дочери.

– Мамочка! – услышала она у себя за спиной.

– Эдуардо! *Gracias a Dios!* – воскликнула Мария, и слезы облегчения градом полились по лицу, пока старший сын обнимал ее.

– Какой успех! Это самый настоящий триумф! – сказал Эдуардо. – Вокруг только и разговоров, что про Лусию. Надо подойти к ней с отцом поближе и поздравить их с такой победой.

– Да-да, ты прав. Надо поздравить! – Мария стала торопливо вытирать глаза костяшками пальцев, оторвавшись от груди сына. – Ей надо сейчас домой. Она ведь страшно устала.

Потребовалось еще несколько минут, пока Мария с сыном пробилась сквозь плотное кольцо зрителей, окруживших Хозе и Лусию. Несмотря на то что выступления конкурсантов продолжались на сцене своим чередом, здесь, в двух шагах от сцены, уже образовался новый центр притяжения, настоящий двор юной королевы.

– Поздравляю тебя, голубка моя. Я очень тобой горжусь.

Лусия, сидя на плечах у отца и свесив свой шлейф, который плавно струился вдоль его тела, взглянула на мать сверху вниз.

– *Gracias*, мамочка. *Duende* все же ко мне пришел, – добавила она шепотом, когда Мария приблизилась к ней вплотную.

– Я же говорила тебе, что так все и будет. Помнишь? – Мария схватила дочь за руку. Хозе не обращал никакого внимания на жену, всецело занятый разговором с теми, кто их окружал.

– Да, мамочка, помню.

– Устала, милая? Может, пойдем сейчас домой, а? Я уложу тебя сегодня рядом с собой.

– Но она ничуть не устала! – Хозе повернул голову и глянул на жену. – Правда, Лусия?

– Да, папа, но...

– Ты должна остаться и отпраздновать свою коронацию! – воскликнул Хозе голосом, не терпящим возражений. Кто-то из толпы протянул ему стакан бренди, и он залпом осушил его. – *Arriba!*

– *Arriba!* – хором поддержала его толпа.

– Лусия, хочешь пойти домой? – ласково спросила у дочери Мария.

– Я... думаю... Мне лучше остаться вместе с папой.

– Именно так, голуба моя! Столько людей жаждет познакомиться с тобой, надеются, что мы снова выступим перед ними. – Хозе бросил на жену предупреждающий взгляд.

– Тогда я говорю тебе спокойной ночи, милая. Люблю тебя, – прошептала Мария дочери, выпуская ее руку из своей.

– Я тебя тоже люблю, – ответила Лусия, а Мария взялась за руку Эдуардо, и они вместе побрели прочь.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Мария инстинктивно пошарила рукой рядом с собой. К счастью, рядом с ней лежало теплое тело и, по своему обыкновению, громко храпело, как свинья. Мария повернулась на другой бок и увидела, что Лусия, прямо в своем нарядном платье, свернувшись калачиком, крепко спит на тюфяке рядом с их кроватью.

Мария перекрестилась, удивляясь самой себе. Как же это она могла проспять возвращение мужа и дочери? Но, видно, напряжение минувшего дня, обратная дорога в Сакромонте, все это вместе взятое, вымотало ее сверх всяких сил. Мария невольно улыбнулась, глянув на Лусию. Наверняка сегодня у них будет день открытых дверей: многие односельчане захотят из первых уст узнать о триумфе «Ла Канделы», как всенародно назвала ее вчера вечером Ла Макарона. Само собой, все захотят посмотреть, как Лусия танцует, а ей, матери такой талантливой дочери, остается лишь купаться в лучах ее славы.

– И я действительно горжусь дочерью, – прошептала Мария, словно пытаясь убедить саму себя, что у нее нет ни капли зависти к успеху своей маленькой дочери. Зато есть страх за ее будущее. За то, чьей женой она станет...

Наконец Мария потихоньку поднялась с постели и оделась. Она почувствовала кисловатый запах пота, которым разило от ее тела, но времени на то, чтобы сходить за водой и омыться, у нее не было. Слегка отодвинув занавеску, она глянула в спальню мальчишек. На матрасе спал один Эдуардо. Других сыновей не было.

Мария постаралась не паниковать. В конце концов, вчера был такой суматошный день. Наверняка у половины односельчан

родственники тоже не вернулись домой, заночевав прямо там, где их настигла ночь. Вот и три кузена Хозе из Барселоны тоже завалились спать прямо на полу в кухне, даже не сняв сапог, один и во сне продолжал прижимать к себе гитару, другой уснул с бутылкой бренди в руке. Мария осторожно пробралась мимо них, вышла на улицу и отправилась в хлев, чтобы покормить скотину, собрать немного хвороста, развести огонь в очаге и начать готовить завтрак.

Стояло великолепное солнечное утро. Долина внизу радовала глаз буйством зелени на фоне безоблачного, ослепительно голубого неба. Буйным цветом зацвела дикая вербена, ее розовые, желтые и оранжевые соцветия и бутоны рассыпались по всей траве, воздух был напоен пряными запахами дикой мяты и шалфея. В деревне было тихо: все жители еще спали после бурной и насыщенной событиями минувшей ночи. Сегодня соревнования в Альгамбре продолжатся, а потому очень скоро процессия односельчан снова отправится в дорогу, чтобы попасть к началу второго дня конкурса.

– *Buenos dias*, мама, – поздоровался с ней Эдуардо, входя на кухню. Мария как раз помешивала на огне жидкую кашу из маиса, которая кипела в чугунном котле.

– *Buenos dias*, сынок, – откликнулась Мария, не отрываясь от плиты. – Братьев своих не видел?

– Видел вчера вечером обоих в Альгамбре, но...

– Что, Эдуардо?

– Ничего, мама. Не волнуйся. Проголодаются, и оба вернутся домой.

Эдуардо взял свою миску с кашей и вышел с ней на улицу, усевшись на ступеньках крыльца. Тела на полу тоже зашевелились.

Остаток утра прошел в непрерывных хлопотах: Мария только успевала наполнять миски кашей, чтобы хоть как-то облегчить похмелье у родственников, и без конца таскала ведра с водой из колонки, расположенной у подножья горы. Однако к обеду никто из ее двух младших сыновей так и не объявился дома. Хозе уже собрался снова идти в Альгамбру, и Мария стала просить мужа поузнавать там у людей, не видел ли кто их сыновей.

– Перестань накручивать себя понапрасну, жена, – строго попенял ей муж. – Наши сыновья уже взрослые мужчины и могут сами позаботиться о себе.

– Но, Хозе, какой же Филипе мужчина? Ему ведь только тринадцать лет.

– Я и сегодня буду в этом нарядном платье? – поинтересовалась у матери Лусия, возникнув на пороге кухни и лихо крутнув свой шлейф. Мария увидела, что личико дочери все перемазано, скорее всего, шоколадом, а ее ноги по цвету ничем не отличались от земли, на которой она сейчас стояла.

– Думаю, что нет, – ответила ей мать. – Ступай ко мне. Я помогу тебе снять платье. Мы же не хотим его испортить или чем-то вымазать. А потом, когда все разойдутся, я посажу тебя в чан с водой, положу туда и твое платье и устрою вам хорошую стирку. Отмою всю грязь, – добавила она с улыбкой.

– Не снимай платье, *mi princesa*, и пусть все узнают тебя. Ведь именно тебя они захотят увидеть и сегодня, – объявил отец.

– Ты что, снова берешь ее с собой в Альгамбру? – удивилась Мария. – Но ты же слишком устала, детка, чтобы опять отправляться в путь, – обратилась она уже к дочери.

– Ничего она не устала! – рявкнул в ответ Хозе, не дав дочери раскрыть рта. – Минувшей ночью сама Ла Макарона короновала ее как новую королеву фламенко! И ты полагаешь, что ей не хочется упиваться своим триумфом, не хочется наслаждаться успехом, да? А вместо этого хочется торчать здесь, дома с тобой... Ты этого хочешь, Лусия, да? – повернулся он к дочери и слегка подмигнул ей.

– Можно, мама, я пойду с папой? Ведь ты же знаешь, сегодня вечером будут объявлять победителей.

– Но тебя среди них не будет. Годами еще не вышла, – негромко пробормотала Мария в ответ. Потом быстро отерла личико дочери влажной тряпкой и постаралась, как могла, пригладить ее черные кудри, хотя времени на то, чтобы снова смазать их маслом и опять заплести кудри в аккуратную косу, уже не было. Лусия тут же вырвалась из материнских рук, непослушные кудряшки вихрем взметнулись за ее спиной.

– Идем, Лусия. Сейчас я оседлаю мула, и ты поедешь на нем в Альгамбру, чтобы лично приветствовать там своих поклонников и почитателей. – Хозе подал руку дочери, та тут же метнулась к нему и схватила протянутую руку.

– Пожалуйста, не держи ее там допоздна, – крикнула Мария мужу, стоя на крыльце у входа в пещеру. В этот момент три кузена Хозе вышли из кухни и тоже поспешили вслед за ним.

Целый день Марию, как она и предполагала, донимали посетители. Всем хотелось услышать из первых уст историю триумфа маленькой девочки, в которую вселился дух *duende*. Когда же Мария терпеливо объясняла, что Лусии нет дома, некоторые, наиболее любопытные, все равно заглядывали в дом, шныряли по комнатам, проверяя, уж не прячется ли девочка в каком-нибудь темном углу. Мария готова была провалиться на месте от стыда: ведь с утра у нее не было даже времени, чтобы заправить постели и навести относительный порядок на кухне. В жилых комнатах сильно воняло табаком, потом и застарелым алкоголем.

– Завтра Лусия будет дома, – уверяла собравшихся Мария. И тогда да! Она обязательно станцует для односельчан в самой большой пещере, которую деревенские использовали для всяких публичных мероприятий.

Даже Паола, мать Марии, лично поднялась на гору, чтобы увидеться с дочерью и внучкой.

– Слышала, она там устроила настоящее представление, – сказала Паола, потягивая воду из алюминиевой кружки и вытирая вспотевший лоб.

– Да, мама, так все и было.

– Твоя прапрабабушка, которая была ворожеей, мне не раз говорила, что в нашей семье должен появиться необыкновенный ребенок. Неужели это Лусия?

– Все может быть.

– Что ж, время покажет, насколько правильным было это ее пророчество. Ведь, по закону, Лусия пока еще не может выступать открыто. Она еще слишком мала. Надо подрасти. Правда, в некоторых семьях на такие пустяки, как возраст, не обращают ровным счетом никакого внимания. Но очень надеюсь, что в вашей семье все будет иначе. – Паола недовольно зыркнула на дочь своими темно-кариими глазами.

– Хозе хочет сделать из нее звезду. Да и сама Лусия этого тоже очень хочет, – ответила Мария, подавив вздох и забыв на время о своей обычной осторожности в разговорах с матерью.

– Но ты же ее мать! – резонно возразила дочери Паола. – Тебе решать! Ты отвечаешь за то, что творится под крышей твоего дома, разве не так? Честное слово, Мария, я тебя совсем не узнаю. С тех самых пор как ты вышла замуж за Хозе, ты превратилась в такую серую бессловесную мышку. Уж не поколачивает ли он тебя, а?

– Нет, что ты, мама! – поспешила солгать в ответ Мария, потому что такое случилось, и не раз, особенно когда Хозе принимал на грудь слишком много. – Просто Хозе изо всех сил пытается сделать так, чтобы нашей дочери было хорошо.

– Да, а заодно и набить свои грязные карманы теми денежками, которые она зарабатывает! – недовольно фыркнула в ответ Паола. – Честное слово, я до сих пор не понимаю, что ты в нем нашла... За исключением того, что болтается у него между ног. А ведь мы с отцом в свое время подыскали тебе такую стоящую партию, думали выдать тебя замуж за одного из родственников отца. Но ты сама решила свою судьбу, и я всегда знала, и тогда, и сейчас, что ты еще не раз горько пожалеешь о своем выборе. – Паола помолчала, словно желая, чтобы каждое ее слово дошло до сознания дочери. – Впрочем, я пришла к тебе не за тем. Хочу, чтобы ты завтра вместе со своей семьей навестила нас. И привела с собой Лусию. К нам сейчас приехало много родственников из Барселоны. Все захотели побывать на фестивале фламенко. И все они горят желанием познакомиться с моей знаменитой внучкой. По этому случаю я собираюсь накрыть стол. По крайней мере, и вы все хоть поедите по-людски, – добавила мать, бросив презрительный взгляд на жалкую кучку моркови и вилок капусты – все, что оставалось у Марии для того, чтобы приготовить на сегодня ужин.

– *Si*, мама, – послушно закивала головой Мария.

Паола медленно поднялась с табуретки.

– Ровно в час, без опозданий, – предупредила она на прощание и величаво выплыла из пещеры.

Мария не двигалась с места. Как странно устроена жизнь, размышляла она уныло. Вступаешь в нее полный надежд и самых радостных ожиданий, а потом благие намерения рассыпаются в прах, и все оборачивается тем, что есть у нее сейчас, на данный момент. А на данный момент у нее есть лишь одно: она не состоялась ни как хорошая жена, ни как хорошая мать. В глазах защипало от

подступивших слез, но она торопливо смахнула их рукой. Кого ей винить в том, что все так вышло? Только саму себя.

– *Hola*, Мария.

Она подняла голову и увидела своего соседа Рамона, неловко переминавшегося у двери. В детстве они дружили. Рамон был славным мальчиком, спокойным, рассудительным, самостоятельным. Возможно, его тихий нрав стал следствием того, что в семье он был самым младшим из девяти детей, один задиристее другого. Он женился на своей кузине из Севильи, и молодые обустроили себе пещеру по соседству с пещерой Марии и Хозе. Два года тому назад Юлиана умерла, рожая третьего ребенка, и оставила Рамона вдовцом с целым выводком голодных ртов.

– Проходи! – улыбкой приветствовала его Мария.

– Вот принес тебе немного апельсинов. – Рамон показал на корзину с апельсинами, а Мария при виде этих ярких ароматных фруктов почувствовала, как рот мгновенно наполнился слюной.

– *Gracias*, но где ты их взял? – Мария бросила на него пристальный взгляд.

– Так мой хозяин рассчитался за минувшую неделю. Всем заплатил за работу апельсинами, – ответил Рамон и стал перекладывать апельсины в ее корзину. – Говорит, урожай в этом году плохой, не хватит песет, чтобы рассчитаться с нами деньгами. – Рамон обреченно пожал плечами. – А я и не жалею. Во всяком случае, он дает мне работу и честный заработок круглый год. Хотя, если откровенно, уже надоело питаться одними апельсинами.

– Большое тебе спасибо, – прочувствованно поблагодарила соседа Мария. Потом сунула руку в корзину и взяла самый крупный апельсин. Сняла с него кожуру и откусила, ароматный сок брызнул из плода, тут же наполнил рот и даже потек по подбородку. – Так обидно! Вокруг, куда ни глянь, раскинулись апельсиновые рощи, а у нас нет денег, чтобы купить себе хотя бы немного апельсинов и полакомиться ими.

– Но мы-то уж с тобой хорошо знаем, жизнь – увы! – не всегда бывает справедливой.

– Хочешь воды? Больше мне и предложить тебе нечего.

– *Si*, Мария, *gracias*.

– А где твои дочери? – поинтересовалась она у соседа, протягивая ему кружку с водой.

– Ушли вместе с дедушкой и бабушкой, которые приехали к нам из Севильи, на конкурс. Такое впечатление, что в эти дни в Гранаду съехались все. А твои где?

– Хозе и Лусия тоже там...

– Слышал от своего приятеля, что она вчера танцевала и стала настоящей знаменитостью, – заметил Рамон.

– Да, выступала, – коротко обронила Мария. – Эдуардо пошел за водой. А вот где Карлос и Филипе, ума не приложу.

– Значит, мы тут с тобой пока одни. Можем пару минуток и посидеть, передохнуть немного. У тебя усталый вид, Мария.

– Нынче в Сакромонте у всех усталый вид, Рамон.

– Нет, Мария, я про другое. Смотрю на тебя и чувствую, как у тебя душа болит.

Рамон скользнул по ней быстрым взглядом. От его участливых и теплых слов у Марии комок подступил к горлу.

– Что тебя так изводит?

– Да вот переживаю за своих мальчишек. Дай бог, чтобы они были живы. – Одна подняла глаза и встретила с Рамоном взглядом. – Вот подрастут твои детки немного, и ты сам поймешь, что это такое – иметь взрослых детей.

– Остается лишь надеяться, что, и став взрослыми, они будут продолжать слушаться своего отца.

– Дай тебе бог, чтобы именно так все и было. А сейчас, прости, но мне надо заниматься домашними делами.

Мария поднялась с табуретки, и в эту минуту Рамон положил свою руку поверх ее руки.

– Если тебе будет нужна какая-нибудь помощь, не стесняйся, только скажи. Мы ведь с тобой всегда дружили, *si*?

– *Si. Gracias*, но у меня пока все хорошо. И еще раз спасибо тебе за апельсины. Сейчас выдавлю из них свежий сок, будет чем угостить тех, кто придет сюда, чтобы повидаться с Лусией.

– Это тебе спасибо, Мария. Я ведь после смерти жены мог спокойно ходить на работу, потому что знал, что мои дети под надежным присмотром.

– Но мы же с тобой соседи, Рамон. А соседи всегда должны помогать друг другу.

Мария проследила взглядом, как Рамон вышел из ее пещеры, и мысленно представила себе его таким, каким он был когда-то, в юности. Он тогда везде и всюду неотступно следовал за нею и часто просил ее станцевать под аккомпанемент его гитары. Но Мария всегда отвечала отказом. Он ей тогда казался совсем непривлекательным парнем.

Она принялась чистить апельсины, время от времени соблазняясь видом плодов и отправляя в рот очередную сочную дольку. Интересно, размышляла она, занимаясь этим приятным делом, был ли в нее тогда влюблен Рамон.

– Мария Амайя Альбейсин! – тут же одернула она себя вслух. – Нашла о чем думать! Ты уже добитая жизнью старуха, а туда же! Все еще цепляешься за прошлое...

12

– Хозе, просыпайся! Мы приглашены к моим родителям на обед. И где мальчишки? Ты видел их вчера вечером в Альгамбре? Хозе! – Мария инстинктивно вскинула руку вверх. Ей невыразимо хотелось сейчас ударить мужа по испитой физиономии, чтобы привести его в чувство. Судя по яркому солнечному свету на улице, время уже приближалось к полудню. Надо спешить! Да и душа у нее не на месте. Куда подевались Карлос и Филипе? Но вместо того, чтобы начать хлестать мужа по лицу, она опустила руку и принялась осторожно трясти его за плечи. Бесполезно. Он даже не пошевелился во сне. Тогда она стала трясти его сильнее.

– Что такое, женщина?! – свирепо уставился на нее Хозе, продрал глаза. – Или мужчина не имеет права выспаться как следует после такого оглушительного успеха? Можно сказать, после величайшего триумфа в своей жизни...

– Мужчина имеет право на все, но только после того, как он скажет своей жене, видел ли он за последние два дня своих детей?

– Разве Лусия не спит сейчас мирным сном рядом с тобой? – спросил Хозе, вяло махнув рукой на свернувшееся в клубок тело девочки, крепко спавшей на тюфяке рядом с кроватью.

– Я спрашиваю тебя не о Лусии, и ты прекрасно понимаешь это, – неожиданно осмелела Мария, вспомнив вчерашние упреки своей

матери. – Я хочу знать, где сейчас Карлос и Филипе.

– Понятия не имею! Такой ответ тебя устраивает? Ты – мать, и дети – это твоя забота. Разве не так?

Мария отвернулась от мужа и перевела взгляд на Лусию, которая продолжала спать тем же беспробудным сном, каким недавно дрых ее отец. Она подняла девочку с матраса и понесла ее на кухню.

– Просыпайся, Лусия! Ну же! Твои дедушка и бабушка ждут нас всех у себя через час.

– Мама, – сонным голосом отозвалась девочка, все еще не в силах разлепить свои глазки. Мария усадила ее к себе на колени, взяла влажную тряпку из таза и стала протирать ею грязное личико дочери.

– Опять тебя вчера закармливали шоколадом, да? – спросила она у Лусии, энергично орудуя тряпкой, стирая следы шоколада с губ и щек дочери.

– Ах! Да. – Лусия блаженно улыбнулась, взглянув на мать, а та принялась стаскивать с нее платье фламенко, шлейф у которого был сплошь перепачкан какой-то бурой грязью. – Они просили меня только об одном: чтобы я танцевала. А за это они давали мне монетки и конфеты.

– А сегодня ты должна будешь станцевать снова, на сей раз перед своими дедушкой и бабушкой. Но только не в этом! – добавила Мария, усаживая голенькую девочку прямо на пол. Потом свернула в охапку грязное платье и бросила его в корзину, куда она обычно складывала грязное белье. – Пойдешь вот в этом. – Она извлекла из шкафа чистое цельнокройное платье, украшенное ручной вышивкой по подолу юбки и вокруг шеи. Изящная вышивка хоть как-то маскировала дешевизну ткани. – Надевай!

– Но, мамочка, я же носила это платье, когда мне было шесть лет! Оно же только для маленьких девочек.

– И тем не менее оно и сегодня тебе впору! – резонно заметила Мария. Не может она допустить, чтобы ее дочь, которая наверняка сегодня будет в центре внимания всех гостей, опозорила ее, танцуя в грязном платье. Хватит с нее уже того, что ее опозорил муж. Да и сыновья непонятно где шляются...

– А сейчас давай я расчешу твои волосы и заплету их в косы. Только сиди спокойно, не шевелись, ладно? А потом я дам тебе стакан свежего апельсинового сока.

– Апельсиновый сок? Где ты его взяла, мама?

– Какая разница где? Взяла и все тут.

После того как Мария привела в порядок волосы дочери и отправила ее на улицу с кружкой свежего сока, она занялась собственным туалетом. Наспех ополоснулась холодной водой в тазу, который наполнил для нее Эдуардо, и натянула на себя чистую белую блузку. Потом втерла в свои длинные черные волосы немного драгоценного миндального масла и наощупь, безо всякого зеркала, свернула их в аккуратный узел на затылке. Затем смочила слюной детский пушок на висках и сделала из него два упругих завитка, приятно ласкавших обе щеки.

– Нам надо поговорить о том, что было вчера, – обратился к ней Хозе, входя в кухню.

– Давай отложим все разговоры на потом. Сейчас нам надо поторопиться к моим родителям. Вот твоя самая нарядная жилетка. Я ее только что вычистила. – Она протянула жилетку мужу.

– Дело в том, что мы с Лусией получили предложения... Много предложений, касающихся работы.

– Надеюсь, ты сразу же отказался? Ведь она еще совсем ребенок.

– Неужели ты думаешь, что люди обращают внимание на подобные пустяки? Если Лусия сможет танцевать у кого-то в баре, привлекая к хозяину новых клиентов, то он найдет способ, как все уладить.

– И откуда же к тебе поступили подобные предложения?

– Отовсюду. Из Севильи, из Мадрида, из Барселоны. Все хотят заполучить ее, Мария, и мы будем последними дураками, если упустим такой выгодный случай.

Хозе стал напяливать жилетку прямо на свою грязную, пропахшую потом рубашку. Мария невольно замедлила шаг и остановилась.

– Но ты ведь не принял ни одного из этих предложений? Ведь так?

– Я... Давай обсудим все позже. А где завтрак?

Мария больно прикусила губу, но промолчала в ответ. Молча подала мужу миску с кашей. А апельсиновый сок она заранее спрятала подальше от его глаз. Иначе выпьет весь сок один. Хозе потащился со своей миской на крыльцо и тут же, по своему обыкновению, закурил

сигару: ел кашу и одновременно дымил сигарой. А Мария отправилась на поиски Эдуардо, который как раз заканчивал одеваться.

– Ты видел вчера своих братьев?

– Рано вечером, да.

– Они тоже смотрели выступления?

– Нет, просто шныряли в толпе, *si*. – Эдуардо поспешно отвел глаза в сторону.

– И где же они сейчас пропадают, хотела бы я знать?

– Понятия не имею, мама. Хочешь, я пойду, что-нибудь разузнаю?

– Ты мне чего-то не договариваешь, сынок. Верно ведь? – Мария окинула сына внимательным взглядом.

– Да нет, мама, ничего такого... – Эдуардо повязал вокруг шеи шарф в красно-белую клетку. – Так я пойду поузнаю?

– Только прошу тебя, не задерживайся. Мы должны быть у твоих деда и бабушки ровно в час, – крикнула Мария ему вдогонку, когда он торопливым шагом выскочил из пещеры.

Пещера родителей Марии находилась в самом низу, почти у подножья горы, что, с точки зрения социального статуса жителей Сакромонте, расценивалось как самое высокое место в местной иерархии: живя внизу, они как бы располагались на самой вершине общежития. В пещеру вела настоящая парадная дверь из дерева, небольшие оконца украшены ставнями, бетонные полы устланы разноцветными половиками и паласами. На кухне даже имелось некое подобие водопровода: воду они качали из колодца, расположенного рядом, имелась также отдельная плита, на которой готовили только еду. Самодельную мебель из местной сосны смастерил сам отец Марии. Когда Мария вошла в пещеру, она увидела, что столы уже ломились от обилия угощения.

– А вот и ты, Мария! И моя крошка Лусия тоже пришла. – Паола горячо обняла внучку. – Ну, вот она, наша красавица! – громогласно объявила она, входя в гостиную, расположенную за стенкой. Мария робко последовала за матерью, отрешенно уставившись на множество лиц, среди которых она никого не узнала. Хорошо, что Паола пока не обратила внимания на то, что муж Марии и ее сыновья не появились в доме вместе с ней.

Лусию немедленно взяли в плотное кольцо многочисленные родственники: все, от мала до велика, приветствовали девочку, у

Марии даже в ушах зазвенело от их радостных восклицаний, гулким эхом отдававшихся в комнате.

– Конечно, она обязательно станцует для всех нас, но только попозже, уже после обеда, – объявила Паола своим гостям.

Мария увидела, что отец сидит на своем обычном месте, и подошла к нему, чтобы поздороваться.

– Здравствуй, папа. Как поживаешь?

– Все хорошо, моя девочка. А твоя мать, как видишь, в своей стихии. Любит она у нас шумные встречи и застолья. – Педро лукаво подмигнул дочери. – А как по мне, так поскорее бы все это закончилось, и мы снова вернулись бы к своей обычной жизни.

– Как обстоят дела на кузнице, папа?

– Хорошо. Я бы сказал, даже очень хорошо. Местным *rayos* (так цыгане обычно называют всех нецыган) очень нравятся мои котелки и сковороды, а я этому только рад. Твой сын Эдуардо когда-нибудь унаследует от своего старого деда весь его бизнес и даже переберется, если захочет, на жительство в город. Я и матери твоей уже не раз говорил, что у нас вполне достаточно денег, чтобы построить себе небольшой домик в городской черте, но она отказывается наотрез. Ты же понимаешь... Здесь она на самом верху, а там, в городе, мы снова скатимся в самый низ. – Педро выразительным жестом вскинул свои широкие ладони к потолку.

– Мы, цыгане, любим больше жить со своими. Правда ведь, папа?

– Все так. Но иногда уж слишком мы держимся друг за друга. За это нас и не любят все эти *rayos*. Они не понимают нас, а потому боятся. Ну, да как есть. – Он ласково улыбнулся дочери. – А где Хозе?

– Сейчас подойдет, папа.

– Он с тобой хорошо обращается, доченька?

– Хорошо, – снова солгала Мария.

– Я рад. Вот хочу сказать ему, что своим старшим сыном он может гордиться, и по праву. Да, вот что! Хочу тут познакомить тебя кое с кем. Помнишь своего кузена Рудольфо? Вы еще детьми вместе играли когда-то. А теперь у него, как и у тебя, уже маленький сын имеется. Мальчишка приблизительно одного возраста с Лусией. И тоже очень талантливый ребенок. – Педро сделал знак высокому мужчине, стоявшему неподалеку от них. – Рудольфо! Ты помнишь свою кузину Марию?

– Конечно, помню! Что за вопрос? – воскликнул Рудольфо, подходя к ним поближе. – Ты, как всегда, само очарование, – добавил он, целуя Марии руку.

– Ишь ты, каким ловким манерам выучился в Барселоне! – пошутил Педро. – Ступай-ка обними свою кузину как положено, *hombre!*

Рудольфо сердечно обнял Марию, а пока они разговаривали, рядом с ними возник мальчуган, судя по всему, одного возраста с Лусией и почти такого же роста, как она, чуть выше. Он припал к отцу и обхватил его ногу обеими руками. Блестящие карие глаза с рыжеватыми крапинками сидели глубоко в глазницах и сразу же привлекали к себе внимание. Темная смуглая кожа выдавала чистокровного цыгана. Вот только прическа мальчика показалась Марии немного странной: его черные, как смоль, волосы, были разделены на множество пучков, торчащих вверх.

– Знаю, сеньора, я не очень красивый, – сказал он, обращаясь к Марии и глядя ей прямо в глаза. – Зато я умный.

Мария покрылась краской стыда. И как только этот ребенок догадался, о чем она только что подумала?

– Чилли, не груби, пожалуйста! – тут же одернул его отец. – Эту сеньору зовут Мария, и она – твоя троюродная сестра.

– Как же она может быть мне сестрой? Ведь она уже такая старая и очень печальная, – резонно удивился мальчик.

– Все! Хватит на сегодня твоих откровений! – Рудольфо слегка взъерошил волосы на макушке сына. – А ты его не слушай, Мария! Ему уже пора учиться держать свои мысли при себе.

– Это тот самый малыш, про которого я тебе говорил, дочка, – пояснил Педро Марии. – Он у нас самый настоящий прорицатель, такой маленький *brujo*. Вот мне предсказал, что к шестидесяти годам я стану совсем лысым. Утешает лишь то, что в запасе у меня еще целых десять лет!

– А почему вы такая печальная? – спросил Чилли, не сводя глаз с Марии. – Кто вас обидел?

– Я...

– Один из ваших сыновей, сеньора, попал в беду. Большая беда! – Мальчишка яростно мотнул головой.

– Я сказал, хватит, Чилли! – не на шутку рассердился Рудольфо и закрыл ему рот рукой. – Ступай-ка лучше, поищи маму и попроси ее, чтобы она принесла тебе гитару. После обеда ты нам поиграешь. Так что иди, тренируйся! – Рудольфо легонько ударил сына по попе, отсылая прочь. – *Perdon*, – обратился он к Марии, даже вспотев немного от смущения. – Он еще слишком мал. Несет сам не знает что.

Сердце Марии затрепетало в груди, словно пойманная птица в клетке.

– Он всегда предсказывает правильно? – спросила она у Рудольфо.

Педро, увидев, как расстроилась дочь, снова решил пошутить. Он прошелся рукой по своей густой шевелюре и сказал:

– Вот через десять лет и проверим, все ли его предсказания верны!

– Прости, папа, но я тебя оставляю. Надо помочь маме.

С этими словами Мария, коротко кивнув головой Рудольфо, вышла из комнаты, быстро миновала кухню и снова выскочила на крыльцо посмотреть, не идет ли Хозе. Мужа по-прежнему не было видно, а значит, и некому рассказать о своей тревоге. Слова маленького прорицателя очень напугали Марию.

– Что же делать? – с отчаянием в голосе обронила Мария, вглядываясь в дорогу. – Господи, сделай так, чтобы мальчик ошибся.

«*Прорицатели никогда не ошибаются, Мария...*» – напомнил ей внутренний голос.

Она вернулась в дом и погрузилась в хлопоты, помогая матери готовить угощение для стольких гостей: на плите кипели огромные котлы с запеканкой из ароматной фасоли, изрядно сдобренной всякими пряностями, и с колбасками. Рядом доходили на огне яичные лепешки и хрустящий *patatas a lo pobre* – «бедная картошка», один из самых популярных гарниров в Испании. С каким удовольствием Мария набросилась бы на все эти вкусности в любой другой день. Но только не сегодня! Сегодня ей и кусок в горло не полез. Проследив за тем, чтобы дочь, которую усадили между родственниками, без устали угощавшими девочку, наелась досыта, Мария снова побежала на улицу в надежде встретить наконец мужа. Но Хозе так и не появился, зато она увидела бегущего к ней навстречу Эдуардо.

– Что узнал про своих братьев? – спросила она у сына, остановив его прямо на пороге, до того, как он предстанет перед любопытными взорами собравшихся гостей.

– Мамочка, – выдохнул Эдуардо, тяжело дыша и пытаясь восстановить дыхание. – Новости не очень хорошие. Я еще вчера, когда увидел их шныряющими в толпе народа, собравшегося в Альгамбре, подумал нехорошее. Они там целой ватагой таких же сорванцов, как и сами, чистили карманы зрителей. Обоих задержали с поличным, но Карлосу удалось убежать и скрыться. Я разговаривал с отцом одного из задержанных парней. Он сказал мне, что сейчас все они находятся в тюрьме. Завтра или послезавтра им вынесут приговор.

– А Карлос? Где он? Что с ним?

– Скрывается где-нибудь в надежном месте, думаю, – слегка пожал плечами Эдуардо.

– *Dios mio!* – Мария в отчаянии закрыла лицо руками. – Мой маленький Филипе! Скажи, что нам делать, сынок?

– Думаю, мама, мы мало чем сможем ему помочь сейчас. Какой бы приговор ему ни вынесли, придется всем нам смириться.

– Но ты же знаешь, как в этих судах *rayos* относятся к таким, как мы, к цыганам! Их там бьют, подвергают всяческим издевательствам...

– Но это всего лишь мелкая кража. Будем надеяться на то, что приговор будет сравнительно мягким. А Филипе, возможно, получит хороший урок на будущее.

– Я и сама преподам ему хороший урок! Устрою ему взбучку! – воскликнула Мария с горячностью, чувствуя, как в ней закипает злость. – Может, наконец, до него дойдет, что его любимый братец, за которым он везде ходит, словно тень, нехороший парень. Глупый и опасный. А ты, случайно, не знаешь, каким может быть приговор за такое преступление?

– Нет, не знаю. Давай поговорим с дедушкой. Он же все время имеет дело с этими испанцами. Быть может, даже знает кого-то, кто бы вызвался помочь Филипе.

– Твой дедушка – кузнец, а не судья! Бедный мой, бедный Филипе! Ведь ему еще только тринадцать лет, совсем ребенок.

– Все верно. Может, у них есть какой-нибудь закон, по которому детей нельзя содержать в одной тюрьме со взрослыми.

– Но если его отнимут от меня? Я слышала, что такие случаи бывали. – Мария принялась возбужденно расхаживать по крыльцу, заламывая в отчаянии руки.

– Мамочка, успокойся, пожалуйста. Возьми себя в руки. Я постараюсь выяснить, когда именно состоится суд. Тогда ты могла бы пойти туда и попросить судью о снисхождении. Объяснить ему, что на мальчишку дурно повлияли другие...

– Да, повлияли такие, как *его братец!* Ступай и быстро найди мне своего отца.

Какое-то время Мария молча смотрела вслед сыну: тот побежал по дорожке обратно домой. Заслышав шаги матери, она постаралась немного успокоиться.

– Куда ты запропастилась, дочь? И где Хозе, хотела бы я знать?

– Он будет здесь с минуты на минуту, мама. Честное слово!

– Надеюсь. Потому что всем хочется посмотреть на то, как Лусия танцует. И, конечно, аккомпанировать ей должен Хозе. Но надо поспешить. Нашим родственникам уже пора в скором времени собираться в обратный путь. – Паола небрежно махнула рукой в сторону зеленой лужайки, начинающейся прямо от входа в пещеру и плавно спускающейся до самой реки. Там и сям на траве были разбросаны повозки, на которых гости приехали в Гранаду, а между ними лениво паслись мулы. Между тем большая группа людей уже окружила небольшую импровизированную сцену. Мария увидела, как к этой самодельной площадке для танцев подходят все новые и новые зрители.

– Мама, что это?

– Ничего! – отрезала Паола, хотя при этом немного покраснела. – А что такого? Предупредила кое-кого из своих друзей и соседей, что Лусия станцует для всех нас после обеда.

– То есть, ты созвала всю деревню на тот концерт, который решила устроить возле своего дома, да? – расстроилась Мария. – Но как же мы тогда обойдемся без Хозе?

– Очень даже может быть, что обойдемся! Найдем кого-то, кто сможет его подменить. Сейчас пойду и поищу подходящего человека.

– Мамочка, бабуля попросила меня станцевать для нее, но ведь папы же нет! – взволнованным голосом воскликнула Лусия,

неожиданно возникнув рядом с матерью. – Так вот, она хочет, чтобы мне аккомпанировал *он!*

Мария проследила за направлением указательного пальца дочери, которым она ткнула в собравшуюся толпу, указав напрямиком на Чилли. Тот самый мальчик, который уже успел сделать такое несчастливое предсказание для Марии. Мальчонка держал в руках гитару, которая казалась слишком большой для его худенького тела.

– *Он?* – слегка нахмурилась Мария, глянув на дочь.

– Он, – подтвердила та. – Вчера он выступал на концерте. Он – талантливый. Но все равно я хочу, чтобы мне играл папа.

– Мария! – Чья-то мягкая рука тронула Марию за плечо. Она повернулась на голос и увидела рядом с собой гадалку Микаэлу.

– Поздравляю тебя с успехом дочери. Ты должна гордиться ею, – сказала она. В эту минуту к ним подошел Чилли. Микаэла ласково погладила ребенка по голове. – А вот он... Он тоже очень талантлив, но его талант в другом. У него дар прорицателя, как и у меня.

– Я уже это поняла, – тихо обронила Мария, даже не смея поднять глаза на мальчика. А вдруг он сейчас скажет ей нечто такое, что она просто не сможет вынести?

– Ну что, Лусия? Я буду аккомпанировать тебе, *si?* – обратился к девочке Чилли.

– Нет, *gracias*. Я подожду папу. Только он один знает, как играть для меня, – высокомерно бросила в ответ Лусия.

– В будущем Чилли будет часто играть для тебя, – объявила Микаэла. – И потом...

Мария взглянула на ворожею и увидела, как расширились у нее глаза. Так с ней бывало всякий раз, когда она общалась с духами.

– ...Этот молодой человек, – она потрепала Чилли по плечу, – в один прекрасный день вернет домой твою внучку.

– Мою внучку? – немного растерялась Мария.

– Нет, ее! – Микаэла ткнула пальцем в Лусию. – Помни, что я только что сказала тебе, маленький прорицатель, – обратилась она уже к Чилли. – Она обязательно вернется. Боже, как же здесь жарко! Пойду, поищу немного воды.

Микаэла отошла от них, а Лусия уставилась на мать в полном замешательстве.

– Но я ведь еще такая маленькая, мама. Откуда же у меня возьмутся внуки?

– *Si*, Лусия. Пока ты еще действительно ребенок. Так ты все же берешь с собой Чилли? Пусть он тебе подыграет. Вон сколько людей уже собралось. И все начинают немного нервничать.

– Для меня большая честь играть для вас, сеньорита, – широко улыбнулся девочке Чилли, обнажив рот с несколькими зияющими дырками на месте выпавших молочных зубов.

– Наверное, придется, – недовольно вздохнула Лусия. – Я буду танцевать *булериас*, да, мама?

– Да, милая, булериас – это именно то, что нужно.

– А ты умеешь играть эту мелодию? – с нескрываемым сомнением в голосе поинтересовалась девочка у Чилли.

– Я все могу играть, сеньорита. Идем же! – Чилли схватил Лусию за руку. – Нам надо поторопиться. Потому что нашей семье уже пора отправляться в дорогу.

На удивление, Лусия покорно поплелась вслед за мальчиком. Вся лужайка уже была заполнена зрителями. Оба маленьких артиста вышли на небольшую площадку. Отыскался где-то и барабанщик, который стал задавать темп со своим *кайоном*, а Чилли, усевшись на табурет, тут же присоединился к нему. Лусия вышла в центр импровизированной сцены и встала в позу.

– *Ole!* – крикнула она звонким голосом.

– *Ole!* – дружно поддержала ее толпа.

Чилли начал наигрывать мелодию, не сводя глаз с юной танцовщицы, словно ожидая от нее дальнейших указаний. Вот ее маленькие проворные ножки энергично задвигались по деревянной платформе, и Мария замерла, замороженная самим действием. Или все дело было в аккомпанементе, таком ненавязчивом, но поразительно точном, когда мальчонка, касаясь струн своей гитары, словно предвосхищал очередное движение танцовщицы, или та уверенность, которую уже успела приобрести Лусия, выступая перед зрителями в течение минувших двух дней, сыграли свою роль, но одно можно было сказать совершенно точно. Еще никогда Мария не видела, чтобы ее дочь танцевала так вдохновенно. Безусловно, это был ее лучший танец.

Толпа была словно наэлектризована. Зрители шумными криками подбадривали и еще больше подзадоривали юных артистов.

– *Vamos ya! Ole!* – кричали зрители со всех сторон. А Лусия завершила свой танец громогласным звуком, топнув ножкой с такой силой, что деревянная платформа под ней едва не раскололась на части.

Мария слегка улыбнулась, увидев, какой изысканный поклон отвесила ее дочь, после чего сделала царственный взмах рукой в сторону своего аккомпаниатора, благодаря его за игру.

– Что это за карапуз играл для моей дочери? – услышала Мария за спиной голос мужа.

– Это мой троюродный брат, Хозе. Талантливый мальчик, *si?*

Но Хозе никак не отреагировал на эту реплику жены.

– А с какой такой стати он аккомпанировал Лусии?

– С такой стати, что тебя рядом не оказалось.

Хозе слегка пошатнулся и тут же водрузил свою тяжелую руку на плечо жены, чтобы не потерять равновесие. И по запаху, и по внешнему виду Мария поняла, что муж уже успел здорово приложиться к выпивке. Он сделал попытку подойти к сцене поближе, но Мария тут же схватила его за край жилетки.

– Подожди, Хозе! Нам надо срочно переговорить. Эдуардо нашел тебя?

– Нет, я не видел Эдуардо. Отпусти же меня!

– Только после того, как ты выслушаешь меня. Давай отойдем в сторонку, чтобы поговорить без посторонних ушей.

– И что, этот разговор не может подождать?

– Не может! Идем же вон туда.

Супруги отошли чуть поодаль и пристроились за одной из повозок, стоявшей рядом.

– Что за важное известие у тебя, женщина?

– Твой сын Филипе сейчас находится в городской тюрьме Гранады. Они вместе с Карлосом чистили карманы у зевак, пришедших на концерт вчера вечером. Там полиция их и поймала с поличным. По словам Эдуардо, вместе с Филипе арестовали еще троих деревенских подростков. Через пару дней всем им вынесут приговор. Карлосу удалось убежать и скрыться, но наш бедный Филипе...

Из горла Марии непроизвольно вырвался громкий всхлип. Кажется, муж на глазах протрезвел и внимал сейчас каждому ее слову.

– Не-ее-т! Нет! – воскликнул он со стоном и обхватил голову обеими руками. Потом потрясенно уставился на жену. – Какие бы непотребства я ни творил, но одного я никогда не делал: не крал. Думал, что это правило я втемяшил в головы и своим сыновьям. И вот что получилось! *Dios mio!* Не могу поверить собственным ушам!

– Что с ними будет, Хозе? Ты знаешь?

– Откуда? Может, стоит поговорить с теми, кто бывал в подобной ситуации? Вдруг они сообщат что-то дельное.

– Наверное, им есть что сказать. Эдуардо сейчас отправился на поиски Карлоса. Может, узнает какие-то новости и про Филипе.

– Это все Карлос виноват! Только он! Ну, доберусь я до него! Он у меня дождется! – прорычал Хозе. – Поди, сейчас закопался в какой-нибудь пещере и трясется от страха. Наверное, ему не так страшна полиция, как то, что я с ним сделаю, когда отыщу мерзавца! Сейчас же отправляюсь в деревню на его поиски. Домой не вернусь, пока не отыщу этого юного прохвоста. *Malparido...* Одно слово, говнюк!

– Только не бей его, Хозе, прошу тебя. Он и так напуган до смерти и...

– Я его отец, и он получит от меня все, что заслужил! – громко воскликнул Хозе. Его даже затрясло от злости.

Торопливой походкой муж удалился прочь. В какой-то момент, уже выйдя на дорогу, Хозе перешел на бег и вскоре скрылся из глаз за поворотом.

– Ну не чудо ли наша Лусия! – всплеснула руками Паола, отыскав дочь в толпе зрителей. – Все наши родственники остались в полном восторге. Ты должна гордиться такой дочерью.

– Я и горжусь, мама.

– Только вид у тебя не очень-то радостный. Бледная, словно привидение. Что-нибудь случилось?

– Ничего. Просто сильно устала за последние дни. Только и всего.

– Устала? Но тебе же всего тридцать три года, Мария. А ты ведешь себя, словно древняя старуха. Может, тебе стоит обратиться к Микаэле? Пусть даст тебе какого-нибудь снадобья, чтобы снова вернуть свет в твои глаза. Идем! Надо попрощаться со всей родней. Они уже уезжают.

Мария проследовала за матерью к скоплению повозок и фургонов, на которых их родственники отправятся в Барселону и дальше. Все стали наперебой поздравлять ее с успехом дочери, приглашали в скором будущем к себе в гости. Мария молча кивала в ответ и признательно улыбалась, но в горле у нее было так сухо, что она не могла вымолвить ни слова.

– До свидания, сеньора. – Чилли осторожно тронул ее за юбку, жестом показав, чтобы она наклонилась к нему. – Не волнуйтесь, помощь скоро придет. Вы не останетесь одна, – прошептал он. И ласково погладил ее руку, как обычно гладят руку своего маленького ребенка любящие родители. Потом проворно вскарабкался в повозку и уселся рядом с отцом.

Хотя Мария едва держалась на ногах от усталости и переживаний, она мужественно выстояла рядом со своими родителями и Лусией всю процедуру прощаний, маша руками веренице фургонов и повозок до тех пор, пока они не превратились в едва заметную точку на горизонте.

Собрав остатки сил, Мария помогла матери навести порядок в доме после отъезда гостей. А Лусия в это время сидела на коленях у деда, сосала большой палец и слушала его стариковские байки о минувших днях. Когда Мария подошла к ним, чтобы забрать дочь и отвести ее домой, девочка уже крепко спала.

– Слишком много волнений для малышки. Думаю, она сильно устала, – обронил Педро с улыбкой, перекладывая спящую Лусию на руки матери. – Она мне тут рассказала, что получила много приглашений выступить с танцами в разных кафе в Барселоне. Надеюсь, пока вы не собираетесь принимать эти предложения? Пусть еще немного подрастет.

– Конечно, папа.

– А сама ты здорова, милая? Ты сегодня какая-то сама не своя.

Отец осторожно откинул прядь волос с ее лица. В этом жесте было столько нежности и участия, что Марии невольно захотелось броситься к нему на грудь и рассказать все, как есть, попросить у него совета и помощи. Но она знала, что Хозе никогда не простит ей подобного проступка. Ведь сегодня *именно он* – глава ее семьи.

Проснувшись уже дома, Лусия тут же подхватила с места и побежала на улицу отрабатывать свои па, доводить, так сказать, до совершенства *zapateado*, или, проще говоря, чечетку. Девочке явно

хотелось услышать новые похвалы в свой адрес от прохожих и соседей. По всему было видно, что за минувшие дни Лусия успела привыкнуть ко всеобщему вниманию и уже не может больше обходиться без него.

Уже смеркалось, когда на дорожке, ведущей к их пещере, показался Хозе. Мария издала облегченный вздох при виде Карлоса, который покорно тащился за отцом.

– Ступай в дом! – гаркнул Хозе на сына и швырнул его в открытую дверь. Карлос скатился по ступенькам и упал ничком на земляной пол. Хозе проследовал за сыном и уже поднял ногу, чтобы ударить его сапогом.

– Нет! – истошным голосом вскрикнула Мария и бросилась между ними. – Битьем, Хозе, ничего не исправишь, хотя, быть может, он заслуживает и худшего. Нам надо, чтобы он сумел внятно объяснить нам, где сейчас Филипе и что с ним.

– Я и без этого прохвоста уже знаю, где наш сын. Мне Эдуардо все рассказал. Филипе сейчас держат в городской тюрьме. – Хозе склонился над Карлосом, схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги. – А этот негодяй в то время, как его младший брат сидит за решеткой, скрывался на конюшне своего приятеля Рауля. Последний трус! Ведет себя, словно перепуганный до смерти козел, которого ведут на заклание. Он даже не подумал о том, что нужно было первым делом явиться домой и рассказать своим родителям, что случилось с Филипе!

– Простите меня! Прости меня, мама! Прости, папа! Я и правда сильно испугался. Сам не знал, что делаю. – Карлос взглянул на родителей по-детски беззащитным взглядом. В сущности, он ведь и был еще ребенком.

– Нет, щенок! Все ты отлично знал! Спасал собственную шкуру в первую очередь. А я вот сейчас отволоку тебя в тюрьму и сдам там тюремщикам с рук на руки. Пусть тебя тоже судят вместе с твоим братом и другими. Жалкий трус! Ты вполне этого заслуживаешь!

– Нет, папочка, нет! Я никогда больше не совершу подобной глупости. Клянусь тебе, это была не моя идея. Один приятель предложил. А мы с Филипе решили, что сможем так немного помочь маме, чтобы она купила еды... А еще красивое платье для Лусии.

– Заткни свою грязную пасть! – рявкнул на него Хозе. – И перестань оправдываться! Все мы прекрасно знаем, куда пошли бы наворованные тобою денежки. Пропил бы их, и все дела! Еще никто и никогда из семьи Альбейсин не сидел за решеткой. Даже когда мы умирали с голоду... Ну, могли еще позариться на фасоль этих *rayos*, чтобы хоть чем-то набить себе живот, но никто из нас не опускался так низко, как ты. Ты опозорил весь наш род! У меня сейчас есть все основания вышвырнуть тебя вон из дома. Иди и скитайся по улицам! И я хорошенько поразмыслю над этим. А пока прочь с моих глаз!

– Да, папа. Прости меня, мама.

– Еще раз оступишься, и обещаю, что я, твой отец, самолично сдам тебя в руки полиции! – крикнул Хозе вслед поспешно ретировавшемуся сыну, который мгновенно исчез за занавеской, отделявшей кухню от спальни мальчишек.

– Что случилось, папа? Почему ты так кричишь на Карлоса? – спросила Лусия, входя на кухню.

– Ничего не случилось, голубка моя, – поспешила успокоить дочь Мария. – Почему бы тебе не провести свою подружку по соседству, а? Показала бы ей и ее младшим сестренкам, как ты умеешь танцевать, – торопливо добавила она, снова выпроваживая девочку на улицу.

Хозе безвольно опустил на табурет, обхватив голову обеими руками.

– Ах, Мария! – вырвалось у него со стоном. – Мне так стыдно... так стыдно...

– Знаю, Хозе. Понимаю тебя. Но что мы станем делать, если остальные мальчишки вдруг выдадут Карлоса во время допроса?

– Вот как раз за это я меньше всего переживаю. Понятие чести у цыган еще никто не отменял. Это и спасет негодника. *Dios mio!* У этого щенка взгляд дикого зверя. Порой я сам в его присутствии кажусь себе беззащитным котенком. Может, ему нужна любовь какой-нибудь хорошей женщины, чтобы обуздать его нрав, а? – Слабая улыбка тронула губы Хозе, и он ласково погладил жену по плечу. – Ты у меня хорошая женщина, Мария. Прости меня за то, что я редко говорю тебе это. А должен был бы!

Мария взяла протянутую руку Хозе: редкое мгновение сердечной близости между супругами. Она уж и не припомнит, когда такое было в последний раз.

– И что же нам теперь делать? – снова спросила она у мужа.

– Для начала подождем возвращения Эдуардо. Сегодня утром отец одного из задержанных парней наведлся в тюрьму, но охранник не разрешил ему встретиться с сыном. Тюрьма сейчас переполнена такими вот воришками, которые ловили рыбку в мутной воде, воспользовавшись невиданным наплывом людей на фестиваль в Альгамбре. Там еще схватили одну шайку, так они даже угрожали ножом какой-то испанской супружеской паре. Устроили засаду на их экипаж, забрали все деньги и драгоценности.

– Как ты думаешь, какой срок присудят нашему Филипе?

– Все зависит от судьбы. Но завтра, чувствую я, в суде будет очень жарко.

Приблизительно через час домой явился и Эдуардо. Никаких дополнительных новостей он с собой не принес, только то, что уже рассказал жене Хозе. Парень, видимо, смертельно устал, осунулся и сейчас выглядел раза в два старше своего возраста. Он искренне обрадовался тому, что Карлос все же нашелся и теперь сидит дома. Мария накормила детей ужином, причем Хозе настоял на том, чтобы Карлос ужинал один в своей камере, при свете свечи, после чего отправила их всех спать, а сама принесла из хлева недоплетенную корзинку и уселась за работу.

– Может, сделаешь сегодня перерыв, Мия? – обратился к ней муж.

Мария удивленно вскинула на него брови. Впервые за долгие годы он обратился к ней с ласкательным прозвищем, которое придумал еще тогда, когда ухаживал за своей будущей женой.

– Знаешь, когда у меня руки заняты работой, то и мысли всякие дурные не лезут в голову, – ответила она. – А ты разве никуда сегодня не собираешься со своими друзьями?

– Нет, сегодня я остаюсь дома. Надо же нам с тобой обсудить будущее Лусии.

– Мне кажется, сегодня у нас разговоров и без того было с лихвой. Может, отложим?

– Нет, это не может ждать.

Мария опустила корзину на пол и уставилась на мужа, который уселся рядом на табурет.

– Тогда говори, – сказала она.

– Я получил много предложений.

– Ты уже рассказывал мне об этом.

– Серьезные предложения, которые могут обернуться хорошими деньгами для нашей семьи.

– Если ты помнишь, я тогда тебе сказала, что ты должен отвергнуть все эти предложения.

– А я тебе сказал, если помнишь, что всегда и везде есть обходные пути. Нанимать они будут меня в качестве гитариста. А потом вдруг на сцене станет появляться Лусия. Точь-в-точь, как это случилось на концерте в Альгамбре. Все готовы пойти на риск ради того, чтобы продемонстрировать талант Лусии как можно большему количеству зрителей.

– Да, они будут набивать свои карманы деньгами, а мой ребенок будет работать, как каторжный, да при этом еще и нелегально. Станет оплачивать и твое содержание, как я понимаю.

– Ты не права, Мария. Мой прежний босс пообещал втрое увеличить мне жалованье, если со мной приедет и Лусия. Такой суммы денег вполне хватит на то, чтобы ты могла кормить всю семью приличной едой целую неделю!

– Может, и так! Но только вы с Лусией будете в Барселоне. А отсюда туда не самый ближний путь, Хозе. Не наездишься к тебе за деньгами.

– Мия, но почему ты считаешь, что мы не должны попробовать? А что за жизнь мы с тобой ведем здесь? Сыновьям отчаянно нужны деньги, настолько нужны, что они даже не погнушались заняться воровством. Тебе нечего положить в горшок, чтобы приготовить обед, одежда прохудилась. Одно старье и рвань! – Хозе вскочил с табурета и стал возбужденно расхаживать по комнате. – Ты видела, как танцует наша Лусия. И ты прекрасно понимаешь, какие у нее возможности. А наша семья между тем бедствует.

– То есть ты считаешь, что мы настолько бедствуем, что позволительно разбить семью? Муж и дочь уедут, а мы здесь останемся одни, без тебя?

– Если все пойдет хорошо, то через несколько недель вы с мальчишками тоже переберетесь в Барселону.

Хотя Мария и не ожидала от мужа, что он предложит ей немедленно ехать вместе с ним в Барселону, но то, с какой легкостью

Хозе решился оставить семью и уехать одному с дочерью, поразила ее до глубины сердца.

– Нет, Хозе! – твердо ответила Мария. – Лусия еще слишком мала, и на этом точка. Барселона – большой город. Там полно всяких жуликов и проходимцев. Да ты и сам не хуже меня это знаешь...

– Да, знаю! Я знаю этот город, как свои пять пальцев! И именно поэтому я и остановил свой выбор на Барселоне, хотя были предложения из Мадрида, из Севильи, из других городов. Но я знаю тамошних людей, Мия, а потому смогу позаботиться о безопасности дочери.

Мария взглянула на мужа. Его глаза искрились и блестели. Уже давно она не видела его в таком приподнятом настроении. И она поняла: Хозе хочет вырваться отсюда не только ради Лусии. Он вдруг поверил в то, что и ему тоже может выпасть второй шанс, и он добьется наконец успеха и станет знаменитым. Осуществит свои юношеские мечты, разбитые вдребезги много лет тому назад.

Мария прищурилась, поняв наконец все, как есть.

– Ты ведь уже дал согласие, не так ли?

– Этот человек сегодня уезжал. Я должен был дать ему какой-то ответ. – Хозе бросил умоляющий взгляд на жену, призывая ее понять всю сложность момента.

В кухне наступила тишина. Наконец Мария сделала глубокий вдох и подняла на мужа глаза, полные слез.

– И когда же вы уезжаете?

– Через три дня.

– А Лусия знает?

– Она присутствовала при нашем разговоре и умоляла меня, чтобы я сказал «да». Бар «Манкуэт» – один из лучших баров фламенко в Барселоне. Отличная возможность для нас проявить себя... *Лусии* показать себя с лучшей стороны.

– А она даже не подумала попросить разрешения у своей матери, – негромко обронила Мария. – Но вспомни, Филипе сейчас в тюрьме. И ты бросаешь сына, можно сказать, на произвол судьбы, да? Да и Карлосу тоже нужна твердая рука отца. Или ты забыл про это, Хозе?

– Уверен, наша жизнь врозь продлится недолго, всего лишь до тех пор, пока Лусия не создаст себе репутацию в Барселоне. Что случится

быстро. На такое короткое время ты вполне сможешь побыть и матерью, и отцом нашим сыновьям. Подумай! Вполне возможно, наш с Лусией отъезд в Барселону станет началом новой жизни для всех нас.

– Что ж, коль скоро решение принято, – Мария медленно поднялась со своего места и повернулась к мужу спиной, – так и говорить больше не о чем.

Хозе подошел к жене и прошелся рукой по ее спине.

– Пойдем в постель, Мия. Давно уже у нас с тобой ничего такого не было...

«Да, потому что ты всегда шляешься по ночам невесть где, а я засыпаю в одиночестве...»

Зная, что цыганка никогда не должна отказывать мужу в исполнении своих супружеских обязанностей, Мария неохотно взяла протянутую руку мужа и молча последовала за ним в спальню. Она легла рядом с ним и почувствовала, как он тут же начал срывать с нее нижние юбки, защищавшие интимные части ее тела, задирать их вверх. Потом взгромоздился на нее и тут же вошел в нежную плоть. А она лежала, ожидая того момента, когда он наконец закончит.

Что случилось довольно быстро. Хозе издал утробный стон и отвалился от нее. А она продолжала лежать в той же позе, с юбками, задранными до самого пояса, и бездумно пялилась в темноту. Вот одинокая слезинка выкатилась из ее глаза и медленно потекла по щеке.

«Во что ты превратилась, Мария?» – мысленно спросила она себя.

«В пустое место», – ответила ее уставшая душа.

13

– Целый месяц?! – Мария в ужасе уставилась на мужа и на Эдуардо. – Но почему же ты не объяснил судье, что Филипе всего лишь тринадцать лет? – набросилась она на Хозе. – *Dios mio!* Он еще ребенок, а его сейчас посадят в одну камеру вместе с остальными преступниками. А ведь вся его вина лишь в том, что он пошел за своим братом!

– Мы пытались, мама, – стал объяснять ей Эдуардо. – Но там сегодня в суде такое творилось... Просто самый настоящий сумасшедший дом. Много тех, кто ждал вынесения им приговора. Мы

даже не смогли пробиться к судье, чтобы все объяснить. Всех привели вместе, одной толпой. Зачитали обвинение, а потом судья стал оглашать приговоры.

– Нет, это несправедливо! Где же правосудие? – воскликнула Мария с отчаянием в голосе.

– Какое правосудие для цыган? Для них только наказание, – ответил ей Хозе, направляясь к кухонному шкафчику, где он хранил недопитую бутылку анисовой водки. – Могло быть и хуже. Некоторые воришки, которых судили перед ним, получили по шесть месяцев заключения. – Он вытащил пробку из бутылки и сделал большой глоток. – В глазах всех этих *рауос* мы всегда виноваты и нас есть за что судить.

– Мой бедный мальчик! – Слезы ручьем текли по лицу Марии, но она, казалось, даже не замечала их.

– Будем надеяться, что полученный урок пойдет Филипе на пользу. А ты... – выверился Хозе на Карлоса, робко высунувшегося из спальни. – Посмотри, щенок, что ты сделал со своей матерью!

– Прости меня, мама, – жалобно взмолился Карлос и сделал попытку обнять Марию, но та молча отвернулась от него.

– Но навестить его я хоть могу? – спросила она, торопливо отирая слезы с лица.

– Да, мама. Я переписал часы посещений, – ответил ей Эдуардо. Он единственный в семье умел читать и писать. Он сунул в руки матери бумажку с расписанием. – Я пойду вместе с тобой.

– А что случилось с Филипе? – В пещеру вбежала Лусия. – Мне сейчас сказали на улице, что его посадили в тюрьму в городе. Это правда?

– *Si*, дочка. Это правда, – ответил Хозе. – Филипе совершил плохой поступок. Украл деньги у одного из тех, кто пришел посмотреть выступления участников соревнования. И сейчас он понесет за это наказание. Вот ты же, моя принцесса, ты ведь никогда не станешь красть. Так?

– А зачем мне красть, папа? Мы ведь с тобой собираемся сделать нашу семью богатой благодаря песням и танцам!

– О чем это Лусия говорит? – Эдуардо повернулся к отцу.

– Скажи своим сыновьям, Хозе, все, как есть. – Мария вытерла нос фартуком, а Эдуардо и Карлос безмолвно уставились на отца. Вид

у них был растерянный.

Хозе принялся вводить сыновей в курс дела. Радостная Лусия тут же уселась к нему на колени.

– Пока меня тут не будет, – вещал Хозе, – вы, парни, должны присматривать за матерью, заботиться о ней, чтобы все было хорошо. Приеду, спрошу с каждого по полной.

Стоя посреди своей убогой крохотной кухоньки, Мария вдруг почувствовала, как *ее саму* разбирает желание бросить все и податься в бега. Бежать из Сакромонте прочь, куда глаза глядят. Новость о Филипе уже пошла гулять по деревне. И какой бы талантливой ни была ее дочь, это не отменит того унижения, которое ей еще предстоит испытать как матери Филипе.

Карлос тут же поспешно шмыгнул к себе в спальню, Хозе объявил, что ему еще надо сходить кое-куда и «порешать кое-какие дела» до отъезда в Барселону. Все разошлись. Остались только Эдуардо с матерью. Он присел на ступеньки крыльца рядом с Марией и взял ее за руку. И она невольно обратила внимание на то, как загрубела и покрылась шрамами от тяжелой каждодневной работы на кузне деда молодая кожа на его руках.

– Я буду заботиться о тебе, мама, пока папа будет в отъезде.

Мария повернулась к сыну и обхватила его лицо ладонями, слабая улыбка тронула ее губы.

– Знаю, милый, знаю, мой самый красивый мальчик на свете. Ты будешь! И я благодарю Господа за это.

* * *

– Что ж, до свидания, Мия. – Хозе взял руки жены в свои и поцеловал кончики ее пальцев.

– А как я узнаю, что вы благополучно добрались до места? Что оба живы-здоровы? – спросила она у мужа. Вся семья сгрудилась возле повозки кузена Хозе. Вещи мужа и дочери уже погрузили, на самом почетном месте сверху лежала зачехленная гитара Хозе.

– Я пришлю тебе весточку через кого-нибудь из наших, кто будет возвращаться домой из Барселоны. Постараюсь сделать это быстро. Лусия, попрощайся же со своей матерью.

– *Adios*, мамочка, – послушно проворковала Лусия. Но когда Мария обняла дочь, то сразу же поняла, что девочка мыслями уже далеко от родного дома и ей не терпится поскорее отправиться в путь.

– Жаль, что ты не смог навестить нашего сына в тюрьме до своего отъезда, – тихонько шепнула Мария мужу.

– Навещать, как ты знаешь, разрешается только по пятницам, а я пообещал боссу, что уже в четверг мы будем на месте. Да и потом, у него же срок всего лишь месяц, Мария. Время пролетит так быстро, что не успеешь и оглянуться. А Филипе тюрьма послужит хорошим уроком, который он не забудет до конца своих дней.

– Если только выживет, – пробормотала про себя Мария. Она видела, что мужу претят эти неприятные разговоры о плохом. Ему хотелось побыстрее уехать отсюда в предвкушении счастливых перемен в своей жизни и не думать о сыне, который в это самое время томится за решеткой городской тюрьмы.

– Итак, – Хозе почти рывком вырвал Лусию из объятий матери, будто вдруг испугался того, что та ее вообще не выпустит из своих рук, после чего усадил девочку на грубую деревянную скамью спереди. – Мы поехали! – Он взобрался на повозку и уселся рядом со своим кузенком Диего, который тут же взял в руки поводья. – Все новости из дома отправляйте нам вместе с теми, кто поедет в Барселону. Скажите им, что искать нас надо в баре «Манкуэт». Пусть приходят и сами посмотрят, как мы там выступаем. *Vamos!*

Диего слегка шлепнул вожжами по спине мула, повозка сдвинулась с места и покатила вниз по дорожке. Из других пещер тоже высыпал на улицу народ проводить соседей и пожелать им счастливого пути. Мария с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. «Но никаких представлений на людях!» – приказала она себе, тяжело опираясь на крепкую руку Эдуардо.

– *Adios*, мамочка! Приезжай в Барселону посмотреть, как я танцую! Я люблю тебя! – крикнула Лусия, когда повозка уже отъехала на значительное расстояние.

– Я тебя тоже люблю, голубка моя! – прокричала в ответ Мария, а потом махала рукой до тех пор, пока повозка не превратилась в крохотную точку, едва заметную на горизонте.

– С тобой все в порядке, мама? – спросил у Марии Эдуардо, когда они снова вошли в дом. – Может, пойдем вместе со мной? Побудешь

какое-то время с бабушкой. Понимаю, как тебе сейчас трудно.

– Они обязательно вернутся. – Мария с трудом выговаривала каждое слово. – Я желаю им самого большого успеха. Они его заслуживают.

– Тогда я пошел. Мне пора на работу. Карлоса я беру с собой. Посмотрим, на что он годен. Сможет ли из куска металла выковать хотя бы сковородку или кастрюлю.

Мария глянула на среднего сына, с понуро опущенной головой стоявшего рядом. Мальчишки ушли, а она подумала с некоторым облегчением в душе, что лучше уж пусть лупит кувалдой по куску жести, чем дерется на кулаках бог знает с кем.

– Вот я и осталась одна, – тихо обронила она. – И что же мне теперь делать? – Она обвела растерянным взглядом свою пещеру. И хотя она понимала, что впереди ее ждет еще много таких же вот унылых и одиноких дней, без мужа, без детей, но сегодняшней день все же был особенным. Ведь впервые ночью не лягут в свои постели целых три члена ее семьи.

Но есть и хорошая новость, тут же постаралась Мария подбодрить себя. Кто знает, а вдруг Лусия и Хозе действительно заработают много денег, и тогда они переберутся в Барселону всей семьей, хотя для этого и придется бросить свой родной дом. Другого у Марии ведь никогда не было. Впрочем, вполне возможно, всем им нужно начать все сначала.

* * *

– Ума не приложу, как у тебя хватит смелости показаться на людях, Мария, – попеняла ей Паола, когда в пятницу Мария собралась идти в Гранаду, чтобы навестить в тюрьме Филипе. – Твой сын опозорил обе наши семьи. Остается лишь надеяться, что клиенты твоего отца из числа *rayos* не в курсе, что мальчишка приходится ему внуком. Иначе они тут же прекратят с ним всякие дела.

– Мне жаль, мама, что так получилось, – тяжело вздохнула в ответ Мария. – Но что случилось, то случилось. Надо как-то выбираться из всего этого.

Центральные улицы Гранады в этот ранний утренний час были уже запружены народом, спешащим на рынок. Мария и Эдуардо с

трудом пробирались между бесчисленными повозками, груженными фидами, лимонами, апельсинами. Их сладковато-терпкий запах витал в пыльном воздухе. Добравшись до места, мать и сын пристроились в самый конец длиннющей очереди, извивающейся по направлению к тюремным воротам. Солнце нещадно палило, но они терпеливо ждали, когда их наконец пропустят в помещение для свиданий.

Наконец им разрешили войти, и они очутились в мрачной, сырой и холодной комнате, разительно контрастировавшей с тем пеклом, что царило на улице. Сильно воняло нечистотами и потом от десятков немытых тел. Мария даже вынуждена была прикрыть нос чистым носовым платком. Охранник повел их куда-то наверх по бесконечным ступенькам, освещая себе дорогу свечой.

– Такое чувство, что всех несчастных осужденных схоронили заживо в этом подземелье, – прошептала Мария сыну, когда они вошли в длинный узкий коридор. Пол под ногами был влажным и сильно вонял нечистотами.

– Ваш сын здесь, – сказал им охранник, указывая пальцем на большую камеру. За железными прутьями решетки копошилась огромная масса человеческих тел: люди сидели, стояли, лежали, используя каждую пядь свободного пространства.

– Филипе! – крикнула Мария. Несколько человек подняли головы в ее сторону и тут же снова отвели взгляды.

– Филипе! Ты здесь?

Прошло какое-то время, прежде чем мальчишка сумел пробиться сквозь эту толчею. Наконец она смогла ухватить его за ручки, протянутые между прутьями решетки, и тут же расплакалась.

– Как ты здесь, *hermano*, братишка? – спросил у Филипе Эдуардо срывающимся от волнения голосом.

– Я в порядке, – ответил Филипе, хотя по его внешнему виду этого было сказать нельзя. Лицо бледное, словно серое полотно, длинные черные кудри острижены наголо и кое-как, на голом черепе после такой небрежной стрижки множество шрамов и порезов. – Мамочка, не плачь. Я здесь пробуду всего лишь месяц. Как-нибудь вытерплю. – У Филипе затряслись губы. – Прости меня, мама. Я сам не знал, что делаю. Не понимал! Такой дурак! Наверное, ты готова вонзить мне нож в сердце за то, что я опозорил свою семью.

– Милый мой, родной, все образуется, все будет хорошо. Твоя мама пришла сюда ради тебя, и я прощаю тебя, сынок. – Мария судорожно вцепилась в пальцы мальчика. Они были влажными и горячими, несмотря на зверский холод, царивший в каземате. – Как тут вас кормят? Где ты спишь? Тут же и места нет для всех... Наверное, есть еще какое-то помещение и...

Мария умолкла, увидев, как сын отрицательно покачал головой.

– Сплю там, где придется найти уголок. А кормят нас раз в день и...

Внезапно грудь его содрогнулась от сильного приступа кашля.

– Я принесу настойки от кашля, которую приготовит для тебя Микаэла. Ах, мой дорогой Филипе... Я...

– Пожалуйста, мамочка, только не плачь, ладно? Я ведь сам впутался во все это. Но скоро я уже буду дома, обещаю.

– Что тебе тут нужно, братишка? – снова подал голос Эдуардо, видя всю степень отчаяния матери.

– Да тут есть свой черный рынок, на котором можно купить все. Самые сильные сокамерники, впрочем, сразу же отбирают все у остальных, более слабых, – признался Филипе. – Если можешь, принеси в следующий раз хлеба и немного сыра... И что-нибудь из теплой одежды, – добавил он, весь сотрясаясь от озноба.

– Хорошо, принесу, – пообещал Эдуардо, и в это время охранник объявил, что время их свидания истекло. – Держись, брат, а мы навестим тебя на следующей неделе. Господь с тобою, – добавил он шепотом, уводя прочь безутешную мать.

Потянулись дни ожидания. Мария совершала свои невеселые паломничества в тюрьму, часто одна, без Эдуардо, всякий раз, когда разрешались свидания с заключенными. И каждый раз она видела, как буквально на глазах слабел ее Филипе.

– Здесь по ночам очень холодно, – жаловался сын. – А то одеяло, которое ты мне принесла, его тут же у меня отобрали. У меня и сил-то не было, чтобы побороться с обидчиком...

– Филипе, сынок, осталось всего лишь две недели, потерпи как-нибудь, ладно? А потом тебя выпустят отсюда, и ты начнешь новую жизнь. *Si?*

– *Si*, мамочка. – Филипе слабо кивнул головой. Слезы побежали по его щекам, оставляя грязные дорожки на лице. Сердце Марии

сжималось от боли, когда она слышала тяжелое, прерывистое дыхание сына.

– Вот тебе настойка от кашля, Филипе. А вот это съешь прямо сейчас, пока никто не видит.

Она сунула ему в руку небольшую буханку хлеба. Мальчишка с жадностью откусил почти половину, а оставшийся кусок спрятал за пазуху.

Всякий раз самым тяжелым для Марии была минута расставания, когда нужно было уходить. Весь обратный путь домой она шла, заливаясь слезами. Как ей хотелось в такие моменты поговорить с мужем, посоветоваться с ним. Обременять старших сыновей своими страхами и печалью она не решалась.

– Я справлюсь со всем сама. Справлюсь ради Филипе, – уговаривала она себя, переступая порог своей пещеры, где сейчас всегда было так непривычно тихо. Мария до сих пор так и не осмелилась сказать Филипе, что его отец и младшая сестра уехали из дома, подались в Барселону.

– *Hola!*

Мария подняла голову и увидела Рамона, стоявшего у входа в пещеру.

– Не помешаю?

– Нет. – Мария слегка пожала плечами. – Никого же... нет. Проходи.

– Я тут принес тебе кое-что. – Он протянул ей корзину.

– Снова апельсины? – Мария едва заметно усмехнулась.

– Нет. На сей раз это пирожные. Моя мать угостила нас, а мы не смогли столько всего съесть.

Мария прекрасно знала, что кексы «Магдалина», которые лежали сейчас в корзинке, – это такая вкуснотища, что их можно есть и есть до тех пор, пока не останется ни крошки. А потому щедрый жест Рамона тронул ее вдвойне.

– Спасибо, – коротко поблагодарила она.

– Как там Филипе?

– Он... он сражается, – ответила Мария и не удержалась от соблазна: взяла один кекс и тут же впиалась в него зубами. «Может, – подумала она, – ноги перестанут дрожать, если съем сладкого».

– Уверен, он справится. Что ж, я пошел, но, если тебе нужна какая-то помощь, не стесняйся, только скажи.

– Спасибо. Обязательно обращусь, если будет надо, – поблагодарила соседа Мария.

Рамон молча попрощался с ней кивком головы и вышел на улицу.

* * *

Весь июль выдался жарким и засушливым. Не было дня, чтобы Мария не останавливала кого-нибудь из знакомых цыган, вернувшихся из Барселоны, либо у себя в деревне, либо когда она сама выбиралась в город, интересуясь лишь одним: не видели ли эти люди Хозе. Но никто не мог сообщить никаких новостей о ее муже. Она даже решила посоветоваться с Микаэлой, когда пошла к ней, чтобы забрать готовое снадобье для Филипе.

– Скоро ты увидишь их обоих, – лаконично ответила ей гадалка. – Гораздо скорее, чем ты думаешь.

Пришлось запастись терпением. Радовало лишь то, что каждый прожитый день приближал срок освобождения Филипе и его возвращение домой.

И наконец этот долгожданный день наступил. Мария, трепеща от нетерпения и радостного возбуждения, стоя в толпе других матерей, терпеливо ждала появления своего Филипе за воротами тюрьмы. И вот открылись ворота, и оттуда проследовала разношерстная вереница взлохмаченных и грязных мужчин, бывших арестантов.

– *Mi querida*, мой мальчик! Филипе! – Мария подбежала к сыну и прижала его к себе. Кожа да кости. Одежда, превратившаяся за этот месяц в лохмотья, болталась на нем, словно на палке, от тела мальчика разило зловонием, мгновенно вызвавшим у Марии приступ тошноты. «*Пустяки*, – подумала она, сжимая его худые ручонки в своих руках. – *Главное – он свободен*».

Несмотря на то что она привела с собой мула Паку, возвращение домой оказалось долгим и утомительным. Филипе истошно кашлял всю дорогу, пока мул неторопливо вышагивал по булыжным улочкам Сакромонте, поднимаясь все выше и выше в гору. Мальчик с трудом

держался на спине мула, и Марии приходилось все время подстраховывать сына, чтобы он не свалился на землю.

Наконец они приехали. Первым делом Мария тут же сорвала с сына все его лохмотья и осторожно вымыла в корыте, соскребая грязь с его тощего тела горячей влажной тряпкой. Потом она укутала Филипе в одеяла и уложила в постель. А его изъеденную вшами одежду вынесла во двор, чтобы потом сжечь на костре.

Все то время, пока она суетилась вокруг, мальчик лежал молча, изредка роняя слово-другое. Глаза его были закрыты, грудь тяжело вздымалась от неровного, прерывистого дыхания.

– Может, что-нибудь скушаешь? – спросила у него Мария.

– Нет, мама, ничего не хочу. Мне нужно немного поспать.

Всю ночь напролет громкий, надрывный кашель Филипе гулким эхом разносился под сводами их пещеры. Утром, проснувшись, Мария обнаружила Эдуардо и Карлоса спящими на кухне.

– Перебрались сюда, – пояснил ей старший сын, когда Мария подала ему на завтрак лепешки, – потому что там спать было невозможно. Мама, Филипе очень болен. У него жар... и этот ужасный кашель... – Эдуардо сокрушенно покачал головой.

– Я уже иду к нему, помогу, чем смогу. А вы оба ступайте на работу в кузницу.

Мария поспешила в спальню сыновей: Филипе весь горел в жару. Она тут же бросилась к шкафчику на кухне, в котором хранила свои лекарственные травы, приготовила смесь из ивовой коры, сухих листьев таволги и пиретрума, вскипятила настой и побежала назад в спальню. Приподняв голову сына, чайной ложечкой влила ему несколько капель жидкости, слегка раздвинув губы. И буквально через секунду его вырвало. Мария просидела у постели сына целый день, влажной тряпкой отирала его лицо и тело, чтобы немного сбить жар, каплями давала воду, но лихорадка не ослабевала: мальчишка горел огнем.

К вечеру Филипе стало совсем плохо, он начал задыхаться. Грудь бурно вздымалась и опадала, когда он с усилием пытался сделать вдох.

– Мария, Филипе заболел? Даже на улице слышно, как он кашляет, – услышала Мария голос из кухни. Выглянула из-за занавески и увидела Рамона. Он держал в руках два апельсина.

– Да, Рамон. Филипе очень болен.

– Может, ему чуток полегчает, когда съест вот это? – Он кивнул на апельсины.

– *Gracias*, но, думаю, одними апельсинами тут не обойдешься. Мне надо срочно сбежать к Микаэле, попросить ее, чтобы она пришла и дала ему своего зелья, но я не могу оставить Филипе одного, без присмотра, а мальчишки мои еще не вернулись с работы. – Мария в отчаянии затрясла головой. – *Dios mio*, боюсь, дела у него совсем плохи.

– Не волнуйся, Мария. Я сам схожу к Микаэле и приведу ее к тебе.

С этими словами Рамон тут же вышел из кухни. Мария даже не успела ничего крикнуть ему вдогонку.

Микаэла пришла через полчаса, лицо у нее было очень озабоченным.

– Оставь нас одних, Мария, – приказала она. – В этом закутке воздуха хватает только на нас двоих.

Мария послушно вышла из спальни сына. Кое-как собралась с силами и стала готовить суп из картофеля и моркови на ужин сыновьям.

Наконец на кухне появилась Микаэла. Лицо ее приобрело еще более печальное выражение.

– Что с ним, Микаэла? – бросилась к ней Мария.

– У Филипе болезнь легких. И болезнь эта серьезно запущена. Видно, месяц, проведенный в сырой камере, не прошел для него бесследно. Нужно немедленно перенести его сюда, на кухню. Здесь по крайней мере есть хоть немного свежего воздуха.

– Он поправится?

Микаэла не ответила.

– Вот, я оставляю для него немного маковой настойки. Дашь ему несколько капель. Хотя бы заснет на какое-то время. Если к утру ему не полегчает, то придется везти в город, в больницу для *rayos*. В его легких полно жидкости, которую надо как-то откачать.

– Никогда! Еще ни один цыган не вернулся из их больницы живым! А посмотри, что эти *rayos* сделали с моим несчастным мальчиком.

– Тогда зажги свечку Деве Марии и молись ей. К сожалению, милая, я мало чем могу помочь твоему сыну. – Она взяла Марию за

руки и прочувствованно сжала их. – Я тут бессильна, все происходит слишком быстро.

Когда Эдуардо и Карлос вернулись домой, они перенесли Филипе на кухню и уложили его на матрас. Мария содрогнулась от ужаса, увидев капли крови на его подушке – следы от надрывного кашля, сотрясающего все его естество. Она сняла чистую подушку со своей кровати и осторожно подложила ее под голову сына. Но тот даже не шелохнулся.

– Мамочка, у него кожа стала синей, – испуганно прошептал Карлос, глядя на брата. Потом посмотрел на мать, словно ища у нее слова поддержки. Но у Марии таких слов не было.

– Может, я сбегаю к дедушке с бабушкой и приведу их к нам? – предложил Эдуардо. – Они хоть знают, что делать. – Эдуардо принялся возбужденно расхаживать по кухне, бросая испуганные взгляды на брата, лежавшего на полу и отчаянно хватавшего ртом воздух.

– Как жаль, что сейчас с нами нет папы, – с горечью в голосе пробормотал Карлос.

Мария выставила старших сыновей на улицу, а сама снова склонилась над Филипе.

– Мама здесь, рядом с тобой, мое солнышко, – прошептала она, смачивая его лоб. Через какое-то время она снова позвала мальчишек в дом, велела им принести из хлева несколько мешков с соломой, чтобы приподнять брата повыше и облегчить ему дыхание.

Но ночью дыхание Филипе стало еще более затрудненным. Судя по всему, у него уже не было сил даже на то, чтобы откашляться и хотя бы на короткое мгновение очистить свои легкие. Мария поднялась с пола и вышла во двор. Старшие сыновья нервно курили, сидя на ступеньках крыльца.

– Эдуардо, Карлос! Бегите к дедушке и бабушке. Скажите им, чтобы пришли немедленно.

Они без слов поняли все то, что не договорила мать. Глаза их мгновенно наполнились слезами.

– Да, мама.

Она дала им керосиновую лампу, чтобы хоть как-то освещать себе дорогу в кромешной темноте и не споткнуться. Выпроводив сыновей, Мария снова вернулась к своему Филипе.

Внезапно он открыл глаза и уставился на нее.

– Мамочка, я боюсь, – прошептал он едва слышно.

– Я с тобой, мой милый. Ничего не бойся, Филипе. Твоя мама рядом с тобой.

Слабая улыбка тронула его губы.

– Я люблю тебя, мамочка, – произнес он через силу и через пару мгновений снова закрыл глаза. На сей раз навсегда.

* * *

Всех, отправляющихся в Барселону, попросили сообщить печальную новость Хозе и незамедлительно привезти его вместе с Лусией домой. Мария и вся ее семья погрузились в траур. Тело Филипе положили в хлеву, животных оттуда перевели на время в другое место, чтобы все родственники и односельчане могли зайти и проститься с усопшим. Все вокруг было украшено белыми лилиями и пурпурными цветами граната, их сильный аромат вкупе с горящими свечами, установленными рядом с телом, добавляли духоты в и без того плохо проветриваемом помещении. Мария провела три дня и три ночи возле тела сына, часто в компании с другими женщинами, которые помогали ей отгонять от Филипе злых духов. Микаэла совершила все положенные в таких случаях требы, прочитала традиционные заклинания для того, чтобы защитить душу мальчика и чтобы она могла беспрепятственно воспарить на небеса. Снова и снова Мария просила прощения у сына за то, что не смогла уберечь и спасти его. Никто из тех, кто приходил попрощаться с Филипе, не прикасался к его телу: все боялись нечаянно столкнуться со злыми духами.

Чаще всего рядом с ней находился Карлос, он беспрестанно рыдал, оплакивая усопшего брата. Мария понимала, что больше всего на свете Карлос сейчас боится одного: что душа Филипе вернется и начнет беспощадно преследовать его, и так будет продолжаться до конца дней. Он уже дважды совершил паломничество в Аббатство Сакромонте, расположенное на вершине горы, чтобы помолиться там о душе своего брата. Впрочем, вполне возможно, эти отлучки стали для него удобным предлогом, чтобы не сидеть часами в смрадной духоте пещеры, хотя Мария продолжала верить в чистоту помыслов сына, сподвигших его на эти восхождения.

Жизнь в семье замерла. Согласно цыганским традициям, никто из членов семьи усопшего не должен был есть, пить, мыться или работать до тех пор, пока тело не упокоено в земле.

На третий день своего бдения Мария почувствовала, что еще немного, и она лишится чувств от жажды, голода, от пережитого потрясения и от сладковатого запаха разлагающийся плоти, который уже стойко витал в воздухе. Паола подошла к дочери, села рядом с ней и протянула ей кружку с водой.

– Выпей, *mija*, – приказала она ей тоном, не терпящим возражений. – Иначе нам придется следом хоронить и тебя.

– Мама, но ты же знаешь, я не могу пока пить. Это запрещено.

– Уверена, наш дорогой Филипе простит свою мать за пару глотков воды, пока она сидит у его тела. Пей же, говорю тебе.

Мария послушно выпила предложенную ей воду.

– Что слышно из Барселоны? – поинтересовалась у нее Паола.

– Пока ничего.

– Тогда я прошу тебя упокоить тело Филипе, не дожидаясь Хозе. Помимо всего прочего, здесь уже смердит невыносимо... – Паола брезгливо сморщила нос. – Скоро сюда налетят полчища мух и разнесут заразу по всей деревне.

– Мама, прошу тебя, не надо! Тише! – Мария испуганно приложила палец к губам. А вдруг ее ненаглядный мальчик услышит сейчас, как обсуждают его бранные останки, словно это не человеческая плоть, а кусок гниющего мяса? – Я не могу похоронить сына без его отца. Хозе никогда не простит мне этого.

– А я говорю тебе, дочь, что *это ты* не должна прощать *его* за то, что он уехал, бросив сына гнить за решеткой. Мария, завтра ты должна упокоить Филипе с миром. И на этом точка.

Когда мать ушла, Мария, спотыкаясь и пошатываясь, выползла из вонючего хлева и побрела на кухню. Даже она наконец поняла: тянуть с погребением больше нельзя.

Она невольно улыбнулась, оглядевшись по сторонам. Вся кухня была завалена подношениями от односельчан: продукты, выпивка, сладости. Во всяком случае, теперь у нее есть что предложить людям на поминках. Она зажгла свечу и опустилась на колени перед выцветшим образом Девы Марии. Попросила у нее прощения за все

свои прегрешения, потом попросила того же и у духов. Снова вышла на улицу, Эдуардо и Карлос дымили, не переставая.

– Пожалуйста, оповестите односельчан, что похороны состоятся завтра, – попросила она сыновей.

– Да, мамочка. Мы уже идем. Я возьму на себя те дома, что внизу, а ты, брат, отправляйся в гору, в те пещеры, что наверху, – предложил Эдуардо Карлосу.

– Мальчики! – остановила она сыновей, уже готовых бежать исполнять ее поручение. – Как вы думаете, отец будет очень зол?

– И пусть себе злится на здоровье! – воскликнул Эдуардо. – Он вполне это заслужил. Начнем с того, что ему не надо было уезжать из дома и бросать тебя здесь одну.

* * *

Похоронная процессия медленно двигалась по склону горы, поросшему редкими кипарисами и цветущими кактусами. Было невыразимо душно. Ароматов добавлял и дурманящий запах лилий, гирляндами из которых были обвиты мулы. Мария шла перед гробом: его смастерили отец вместе с ее сыновьями из обрезков дуба, которые нашлись в его мастерской. Вот послышалось жалобное причитание, поплывшее над процессией, и Мария сразу же узнала голос своей матери. Паола запела похоронную песнь. Возраст и переживания давали знать о себе: голос срывался и звучал сипло, но остальные участники подхватили мелодию и запели вместе с ней. Слезы текли ручьями по застывшему лицу Марии и скатывались на сухую землю под ногами.

Сама церемония прощания стала причудливой смесью традиционных католических похорон и обрядов, бытующих среди цыган. Микаэла тихонько пробубнила неразборчивый набор слов, который, по ее разумению, должен был защитить душу Филипе и помочь его близким пережить свалившееся на них горе.

Мария бросила отрешенный взгляд через долину в ту сторону, где взметнулись к небу крепостные стены Альгамбры. Сколько крови и насилия видели эти стены за минувшее тысячелетие. Она всегда инстинктивно боялась Альгамбры. Теперь наконец до нее дошло,

откуда возникали в ее душе эти подспудные страхи. Ведь получается, что именно в стенах Альгамбры ее сыну был вынесен смертный приговор.

14

На следующее утро Мария проснулась, чувствуя, что силы оставили ее полностью, будто из нее вдруг взяли и отсосали всю жизненную энергию, всю, до последней унции. Тем не менее она проследила за тем, чтобы сыновья вовремя ушли на работу. Первым поднялся Карлос. Если и случилось что-то хорошее, что так или иначе было связано со смертью Филипе, так это душевное перерождение Карлоса. Чувство вины за смерть брата изменило его полностью. Надолго ли, бог весть.

Мария налила себе немного свежего апельсинового сока – вчера Рамон снова принес ей немного апельсинов, – уселась с кружкой на ступеньки крыльца и сделала небольшой глоток. Когда-то в этом доме, подумала она, обитала большая семья, состоявшая из шести человек. И вот их осталось лишь трое, вдвое меньше прежнего. И надо постепенно свыкаться с мыслью, что Филипе больше никогда уже не переступит порог родительского дома. Но ее муж? Ее дочь... Мария смахнула слезы с глаз. Солнце слепило. Уж не превращаются ли ее муж и дочь в некое подобие бестелесных призраков? Такая перспектива была пугающей.

– Где вы теперь? – спросила Мария вслух, вперив взгляд в небеса. – Дай же мне знать о себе. Пришли хоть одно слово.

Днем она нацепила на лицо траурную вуаль, взяла два куриных яйца, свой самый драгоценный неприкосновенный запас, и отправилась к Рамону.

– Напиши для меня письмо в Барселону, хозяину мужа, – попросила она своего соседа. Рамон был одним из немногих цыган в их селе, кто умел читать и писать. За скромную плату – что-нибудь из съестного или охапку дров, он всегда с готовностью сочинял письма по заказу своих клиентов. – Вот я тут принесла тебе кое-что. – Мария протянула ему яйца.

Рамон положил свои ладони на руки Марии и отрицательно покачал головой.

– Мария, от тебя я никогда не приму никакой оплаты, тем более сейчас, в такой трудный момент для всех нас. – Он подошел к буфету и достал из него письменные принадлежности, потом жестом пригласил Марию сесть рядом с ним за кухонный стол. – Начнем с главного: а этот человек умеет читать?

– Не знаю. Но он же городской житель, тем более занимается бизнесом. Будем считать, что умеет.

– Тогда начинай.

– Глубокоуважаемый хозяин бара «Манкуэт», – начала Мария диктовать текст своего письма. – Насколько мне известно, несколько недель тому назад вы предложили моему мужу сеньору Хозе Альбейсину место гитариста после того, как увидели выступления его и моей дочери Лусии на соревнованиях в Гранаде. Если он все еще трудится в вашем кафе, пожалуйста, передайте ему, что у его жены есть для него очень важное и срочное сообщение...

Рамон оторвался на мгновение от листа бумаги и глянул на Марию. В его глазах читались сострадание и симпатия. Перо ненадолго повисло над бумагой.

– Нет! – внезапно вспыхнула она. До Марии вдруг дошло, что она обращается к работодателю мужа и дочери, который, вполне возможно, отнесется к просьбе жены Хозе более чем прохладно. Ведь она, по сути, просит его немедленно отпустить работников обратно домой. – Спасибо, не надо никаких писем. Надо придумать какой-то другой способ, чтобы связаться с Хозе напрямую.

– Понимаю тебя, Мария. Отлично понимаю! – обронил Рамон, поднимаясь из-за стола. – Обращайся, если что-то нужно. Всегда охотно помогу тебе, чем смогу.

* * *

– Я решила отправиться в Барселону на поиски отца и Лусии. Я не успокоюсь до тех пор, пока лично не расскажу им, что случилось с Филипе.

Мария оглядела своих сыновей, сидящих рядом с ней за кухонным столом.

– Мама, я уверен, что хоть кто-то из тех, через кого мы передавали отцу известие о смерти Филипе, скоро отыщет его в Барселоне, – обронил в ответ Эдуардо.

– Но не так скоро, как хотелось бы. К тому же такую новость своим близким может сообщать только жена и мать усопшего. – Мария положила в рот ложку рагу, которое мальчишки принесли домой от бабушки. Она знала, чтобы осуществить задуманное, ей понадобятся силы. Много сил.

– Но ты не можешь ехать туда одна. Мы поедем вместе с тобой, – подхватился Карлос и слегка толкнул в бок Эдуардо, призывая его поддержать, но тот лишь неопределенно качнул головой.

– Нет. Ваше отсутствие и так уже пагубно сказалось на бизнесе вашего деда. К тому же кто-то должен оставаться дома. Вдруг меня не будет, а вернется отец и обнаружит, что дом пуст?

– Тогда давай останусь я, а Карлос пусть едет с тобой, – предложил матери Эдуардо.

– Я сказала, нет, – снова повторила Мария. – В кои-то веки Карлосу подвезло найти себе работу, а нам очень нужны деньги, которые он заработает.

– Мама, но это же неслыханно! – Эдуардо громко стукнул ложкой о край миски. – Женщина не может отправляться в такую дальнюю дорогу одна, безо всякого сопровождения. Папа ни за что бы не разрешил этого.

– Но сейчас я глава дома и сама решаю, что можно делать, а чего нельзя! – отрубил Мария. – Итак, решено! Завтра на рассвете я уезжаю. Поеду поездом. Рамон говорит, что это просто. Он подробно мне все расскажет и объяснит, где надо будет делать пересадку.

– Мамочка, ты не находишь, что какие-то злые духи лишили тебя разума? – осторожно поинтересовался у нее Карлос, когда она поднялась со своего места и стала собирать посуду со стола.

– Совсем напротив, Карлос. Наконец-то я обрела разум.

* * *

Хотя сыновья продолжали протестовать, предлагая ей взять хотя бы одного из них с собой, на следующее утро Мария подхватила на

рассвете и собрала свой нехитрый багаж: немного воды и кое-что из еды, оставшейся после поминальной трапезы. Рамон посоветовал ей накинуть сверху черную скатерть, сделав из нее некое подобие накидки, а смоляные черные кудри, сразу же выдающие в ней цыганку, упрятать под черную шаль. В дороге все станут принимать ее за вдову, что по крайней мере гарантирует ей некоторую безопасность и уважительное отношение со стороны окружающих.

Рамон же предложил отвезти ее на станцию на своей повозке. И уже поджидал ее на улице.

– Ну что, Мария, готова?

– Готова.

Солнце еще только начинало подниматься на горизонте, когда они двинулись в путь. Капли утренней росы блестели и переливались на колючках кактусов, в изобилии произрастающих по обе стороны дороги в город. Наконец они миновали городские ворота и покатали по запруженным народом улицам Гранады, а Мария уже, наверное, в сотый раз подумала о том, что, быть может, ее сыновья правы и она действительно лишилась разума. Хотя, с другой стороны, она точно знала: это то самое путешествие, которое она должна, которое она просто обязана совершить.

На железнодорожном вокзале царил обычная толчея. Рамон привязал мула и пошел вместе с Марией, чтобы помочь купить ей билет. А потом стоял рядом на многолюдной платформе до тех пор, пока не прибыл их поезд.

– Запомни, в Валенсии ты должна будешь выйти, – снова напутствовал он ее, помогая зайти в вагон третьего класса. – Там недалеко от вокзала есть один приличный пансион, называется «Каса де Сантьяго», заночуешь там, а утром поедешь дальше, в Барселону. Ночлег в пансионе стоит недорого, но все же... – Он поспешно сунул несколько монеток ей в руку. – *Vaya con Dios*, Мария. Храни тебя Господь. И в добрый путь.

Она не успела ничего возразить, потому что в эту минуту раздался свисток дежурного по станции, и Рамон торопливо покинул вагон.

День был жарким и солнечным, по обе стороны вагона тянулись бесконечные оливковые и апельсиновые рощи. Верхушки гор Сьерра-Невада были слегка припорошены снегом, сверкающим своей белизной на фоне чистого лазурного неба.

– Неужели это я еду в поезде? – шепотом спросила она сама себя, почувствовав вдруг необычно радостный подъем в душе. – Ведь за всю свою жизнь я никуда дальше Гранады не выбиралась.

А сейчас по всему выходит, что, сколько бы сил и душевных переживаний ни потребовало бы от нее это путешествие в Барселону, она все равно рада, что решилась на него. По крайней мере, впервые в жизни увидит мир.

Ближе к вечеру поезд прибыл в Валенсию. Мария вышла из вагона и устроилась на ночлег в том самом пансионе, который ей посоветовал Рамон. Ночью она практически не сомкнула глаз: все прижимала к себе свой драгоценный багаж, чтобы – не дай бог! – на него не позарились воры.

На следующее утро, едва только солнце показалось из-за макушек гор, Мария уже снова сидела в поезде, который должен был доставить ее в Барселону. Несмотря на то что ныла спина от непривычно твердых сидений, что было очень душно под черной вуалью и в черной накидке, так что все тело уже успело покрыться потом, все равно Мария чувствовала себя непривычно свободной. Сидя возле окна, она впервые увидела океан, мелькнувший за небольшими деревушками, мимо которых мчал их поезд, вдохнула в себя свежий морской воздух, слегка солоноватый на вкус.

Чем дальше длился день, тем все больше народа набивалось к ним в вагон на каждой остановке, из чего Мария сделала вывод, что они подъезжают к Барселоне. Люди в основном разговаривали между собой на каталанском языке. Кое-что Мария понимала, но многие слова были ей неизвестны. Ближе к вечеру на горизонте показались очертания большого города.

– *Dios mio!* Какой огромный город! – выдохнула она себе под нос. – Как же я вас найду здесь?

Справа за окном тянулась сплошная морская гладь, опоясывающая полуостров, словно сверкающий голубой фартук. Сам же город с его жилыми кварталами раскинулся на равнине, защищенной с одной стороны горной грядой.

Мария сошла с поезда, на вокзале было многолюдно, она вышла на привокзальную площадь. Широкая проезжая часть была запружена трамваями и автомобилями, беспрестанно сигналившими в клаксоны. Мария сразу же почувствовала себя настоящей деревенщиной, какой, впрочем, и была. Испанки, снующие вокруг нее, носили короткие юбки, открывающие не только лодыжки ног, но и большую часть голени, волосы у всех коротко подстрижены, как у мальчишек, у всех ярко-алые губы, словно они нарисовали их себе красным карандашом. Все нижние этажи зданий заняты преимущественно магазинами с шикарными стеклянными дверями и такими же нарядными витринами, в которых выставлены манекены в человеческий рост, демонстрирующие наряды для дам.

– Где я сейчас нахожусь? – спросила она саму себя, и в это время у нее за спиной раздался резкий сигнал автомобиля.

– Эй, ты! Прочь с дороги! Из-за тебя тут сейчас пробка образуется!

Мария почувствовала, как вся покрылась холодным потом от оглушительного шума, царящего вокруг, и от беспрестанных криков. Ноги ее моментально сделались ватными, и она едва добрела до места в теньке рядом с необыкновенно высоким зданием. Она спросила у темнокожего прохожего, которого приняла за одного из своих, как пройти в Чайнатаун, однако мужчина ответил ей на каталанском. Но, во всяком случае, он хоть жестом указал ей направление, которого нужно придерживаться, махнув рукой в сторону моря. И Мария решила, что именно к морю она и направит свои стопы.

Она уже потеряла всякую надежду добраться до него, петляя по бесконечному лабиринту мощенных булыжником городских улиц и улочек, когда наконец, неожиданно для себя самой, вынырнула на ровную, открытую местность, за которой плескалось море. К этому моменту Мария уже измучилась от жажды – последние капли воды из фляжки были выпиты ею пару часов тому назад, но обрадовало то, что на берегу теснились какие-то лачуги, явно жилые. Она пересекла проезжую часть и направилась напрямик к ним, ступая по нагретому на солнце белому пляжному песку. Подошла ближе и услышала негромкие переборы гитары: кто-то наигрывал мелодию фламенко.

Мария наклонилась к земле и зачерпнула горсть песка, невольно издав при этом короткий смешок, когда услышала, как песчинки

хрустят на ее ладони. Медленно побрела по пляжу. В одном месте увидела семью испанцев, выбравшихся, судя по всему, на пикник. Веселый смех взрослых, детишки беззаботно плещутся среди прибрежных волн.

– Как бы я тоже хотела искупаться, – негромко пробормотала Мария, но тут же вспомнила, что совершенно не умеет плавать. Поди, сразу утонет, как только залезет в воду.

Миновав счастливое семейство на лоне природы, она устремила свой взор на более привычную картину: жалкие лачуги, откуда доносились звуки музыки. Крохотные хибарки, сколоченные из всякого подручного хлама, будь то обрезки досок или куски жести. Но над каждой лачугой в обязательном порядке торчала кривобокая труба, из которой вился дымок. Подойдя ближе, Мария учуяла сильный запах подгнивших овощей и нечистот, забивших, судя по всему, все стоки.

Она побрела по узкой песчаной улочке, застроенной по обе стороны такими вот самодельными скворечниками, впервые ощутив невольный прилив гордости: как-никак, а сама она живет в отдельной пещере, которую нельзя сравнить с тем, что она видит вокруг себя. Ведь по своим габаритам каждая такая лачуга была гораздо меньше даже ее кухни. Мария украдкой глянула в одну открытую дверь и увидела, что все семейство, скрючившись в три погибели, вкушает трапезу прямо на полу. Или, быть может, они играют в карты.

От невыносимой жажды закружилась голова, и Мария безвольно опустилась на землю, прямо там, где стояла. Уронила голову на колени и замерла в такой позе.

– *Hola*, сеньора, – услышала она детский голосок.

Подняла глаза и увидела маленького чумазого мальчонку, который внимательно наблюдал за ней, стоя на пороге своей хижины.

– Вы больны? – поинтересовался он у нее на каталанском языке.

– Нет. Просто очень хочу пить. Можешь принести мне немного воды? – взмолилась Мария и для пущей наглядности показала рукой на свой язык и стала тяжело дышать.

– *Si*, сеньора, я вас понял.

Мальчишка исчез в доме, а через пару минут снова вынырнул на крыльцо с крохотной кофейной чашечкой, явно из кукольного набора посуды. У Марии сердце упало при виде такой крохотули, но делать

нечего: залпом осушила холодную воду, которая показалась ей настоящей амброзией.

– *Gracias*, – вежливо поблагодарила она мальчугана. – А еще можешь принести?

Мальчик быстро сбегал в дом и снова наполнил водой миниатюрную чашечку. А Мария снова залпом осушила ее и вернула с просьбой повторить. Мальчишка весело хихикнул, словно они затеяли между собой такую игру: он беспрестанно бежит в дом и наполняет там чашку водой, а она тут же выпивает воду до дна и просит еще. Так повторилось несколько раз.

– А где твои родители? Где взрослые? – поинтересовалась наконец Мария у ребенка, утолив жажду и почувствовав себя словно родившейся заново.

– Никого нет, все на работе. – Мальчонка махнул рукой в сторону большого города. – Я сейчас дома один. Вы играете в *chapas*?

Она улыбнулась в ответ и молча кивнула головой. Кто же в детстве не играл в орлянку? Мальчишка тут же извлек из кармана горсть разноцветных бутылочных пробок, и они принялись на пару швырять пробки по песку, соревнуясь, чья пробка улетит дальше. Мария с трудом сдерживалась от того, чтобы не рассмеяться вслух. Ведь нарочно же не придумаешь! Надо ей было добраться до самой Барселоны, чтобы затеять тут игру в *chapas*, или в орлянку, с незнакомым ребенком, точно так же, как она играла у себя дома с собственными детьми.

– Стефано!

Мария вздрогнула и подняла глаза. Крупная женщина в черном уставилась на нее с осуждающим видом, будто Мария замыслила что-то нехорошее в отношении ее чада.

– Стефано! Где ты был? Я тебя повсюду ищу! Кто эта женщина?

Мария объяснила, попутно попросив прощения у незнакомки.

– Он мне сказал, что дома нет никого из взрослых, что он один, – добавила она, поднимаясь с земли и отряхивая песок со своей юбки.

– Да он вечно где-то шляется, – недовольно буркнула женщина. – Ступай в дом, проказник! – Она спровадила мальчика и обратилась уже к Марии. – А ты откуда?

К счастью для Марии, женщина говорила на цыганском диалекте.

– Из Сакромонте.

– А... даже так? Из Сакромонте? – Она вынесла из дома две табуретки и предложила одну Марии. – А где же твой муж? Ищет работу в городе?

– Нет, он уже работает здесь. Я вот приехала, чтобы повидаться с ним.

– Муж перекаати-поле, да? Мне это хорошо известно. Меня зовут Тереза. А тебя как?

– Мария Амайя Альбейсин.

– Ты говоришь, Амайя? Так у меня же есть кузины, которых тоже зовут Амайя. – Тереза звонко хлопнула себя по массивному бедру. – Ты знаешь Леонор и Панчо?

– Знаю. Они живут через две улицы от нас. Леонор недавно родила мальчика. Теперь у них семеро детей. – Мария стала торопливо пересказывать последние новости.

– Тогда мы с тобой, скорее всего, родня. – Тереза широко улыбнулась. – Добро пожаловать в дом! Наверняка ведь проголодалась после такой долгой дороги. Сейчас налью тебе миску супа.

Мысленно вознеся благодарственную молитву Деве Марии за то, как ей повезло найти родных в таком огромном городе, Мария подумала: пожалуй, это счастье, что запутанные и порой очень сложные сети родственных отношений в цыганских общинах раскинулись по всей Испании. Она быстро выхлебала жиденский супчик, с довольно странным вкусом и немного солоноватый.

– А где твой муж работает?

– В Чайнатауне в баре «Манкуэт».

– И что он там делает?

– Он гитарист, а дочь моя там танцует. Ты знаешь, где именно находится этот бар?

– *Si*, – кивнула в ответ Тереза и махнула рукой куда-то назад. – Чайнатаун начинается недалеко отсюда, но, имей в виду, в ночное время туда лучше не совать свой нос. В барах толчется всякая пьяная братия: докеры, матросня. Женщине появляться там одной не пристало.

– Но муж рассказывал мне, что это центр фламенко и очень уважаемое заведение.

– *Quadros*, которые выступают в тамошних барах, действительно из лучших в Испании. Сыновья мои часто бывают на их выступлениях,

но тем не менее сам район не считается благопристойным. – Тереза выразительно вскинула брови. – Сыновья посещают тамошние злачные заведения только тогда, когда у них заводится лишняя денежка. Сын как-то рассказывал мне, что однажды видел там женщину, которая танцевала и одновременно срывала с себя всю одежду. Дескать, искала на теле блоху!

– Не может быть! – воскликнула шокированная Мария.

– Это тебе не Сакромонте, моя дорогая. Это Барселона. Здесь все может быть, особенно если речь идет о том, чтобы заработать какие-то деньги.

Мария в ужасе представила себе Лусию. Неужели и ее дочь заставляют срывать с себя платье в поисках воображаемой блохи? Кошмар!

– Я должна немедленно отыскать мужа и дочь. У меня плохие новости для них.

– Что случилось?

– Наш сын недавно скончался. Я пыталась передать мужу весточку через тех, кто бывает в Барселоне, но ответа от него так и не дождалась.

Тереза перекрестилась, а потом положила свою полную смуглую руку на худенькое плечо Марии.

– Сочувствую твоему горю. Знаешь, что? Побудь пока со Стефано, а я пойду поищу своих сыновей. Пусть проводят тебя в Чайнатаун.

Тереза поспешно удалилась, оставив Марию торчать на душной, засыпанной песком улочке. Вся душа ее, каждая косточка ее тела изнывали по родному дому в Сакромонте. Скорей бы снова домой!

От всех ее былых фантазий, которые она сама себе понапридумала о том, как шикарно живет их родня в Барселоне, не осталось и следа: все на глазах превратилось в убогий и нищенский быт. Она-то воображала себе, что родственники живут в больших красивых домах с водопроводом, с огромными кухнями, на манер того, как живут богатые испанцы в Гранаде. Ну, и где все это? Ютятся в каких-то жалких лачугах, словно крысы. Никакой определенности ни в чем, все так же зыбко, как тот песок, что они топчут ногами, и так с самого рождения и до смерти. И вот где-то в одной из таких лачуг ютятся и ее муж с дочерью...

Через какое-то время Тереза вернулась в сопровождении костлявого молодого человека, на лице которого выделялись аккуратные, напомаженные усы.

– Это мой младший, – пояснила она Марии. – Жоакин. Он согласен сопровождать тебя сегодня вечером в бар «Манкуэт». Ты же знаешь, где это место, *si*?

– Да, мама, знаю. *Hola*, сеньора. – Жоакин отвесил легкий поклон Марии, от его взгляда не ускользнул ее вдовый наряд.

– А переночевать сегодня можешь у меня, – сказала ей Тереза. – Правда, я могу предложить тебе только тюфяк на полу.

– *Gracias*, – поблагодарила ее Мария. – А не подскажете, где здесь у вас можно помыться?

– В самом конце улицы, – пальцем показала ей Тереза.

Мария миновала ряд убогих хижин и очутилась среди женщин, ждущих своей очереди, чтобы попасть в общую уборную. Запах внутри был просто омерзительный. Нельзя сравнить даже с тем, как смердело тело Филипе на третий день после кончины. Но на стене в предбаннике висело какое-то потемневшее от времени, треснутое зеркало, и стояло ведро с водой, чтобы можно было ополоснуть руки и лицо. Мария осторожно смыла грязь с лица, стараясь не касаться губ, чтобы не занести ненароком заразы. Сбросив с головы траурную косынку, она распустила волосы, наспех прошла по ним расческой, и вдруг уставилась на собственное отражение в зеркале.

– А ты ведь это сделала, Мария, – сказала она себе. – Одна добралась до Барселоны. Самостоятельно. А теперь ты должна найти свою семью.

* * *

Возвратившись в домик Терезы, Мария обнаружила там кучу народа какие-то незнакомые мужчины, женщины, наверняка приходящиеся ей родней. Все толпились на улице, желая поприветствовать ее. Кто-то принес с собой анисовой водки, кто-то прихватил бутылку портвейна, чтобы помянуть ее усопшего сына. Между тем уже опустился вечер, откуда-то вдруг возник гитарист. И тут до Марии дошло, что она невольно принимает участие в

импровизированном поминальном обеде по ее сыну, который устроили люди, доселе ей совершенно не знакомые. Но так уж заведено у цыган, и сегодня она была несказанно рада тому, что тоже принадлежит к этому племени.

– А нам еще не пора? – шепотом спросила она у Жоакина.

– О, в Чайнатауне жизнь начинается только за полночь. Так что мы еще успеем.

Но вот он подал ей условный знак, а собравшихся гостей, число которых неуклонно возрастало по мере того, как длилось застолье, уведомил, что забирает с собой Марию и они отправляются на поиски ее мужа. И лишь когда они вышли из дома и двинулись в путь, Марию внезапно осенило: как ни странно, но никто из собравшихся не сказал ей за весь вечер, что видел или слышал хоть что-то о Хозе и Лусии.

Не привыкшая к спиртному, Мария уже сто раз пожалела о том, что позволила себе стакан вина, так сказать, за компанию. Сейчас она с трудом волочилась за Жоакином, едва успевая переставлять ноги по песку. Откуда-то с противоположной стороны улицы раздались гитарные переборы: кто-то наигрывал знакомую мелодию фламенко. А у Марии вдруг все в животе перевернулось от одной только мысли, что совсем скоро она увидит своего Хозе.

Но вот вдали показались призывные огни витрин, а вереница людей, спешащих в том же направлении, безошибочно подсказывала, что они на правильном пути. Жоакин почти всю дорогу молчал, да и его каталанский акцент был намного сильнее, чем у матери. Они пересекли дорогу, и Жоакин повел Марию по узеньким улочкам, мощенным булыжником. По обе стороны всех улиц расположились многочисленные бары и кафе. Стулья в большинстве из них были вынесены на тротуары, а женщины в тесно облегающих платьях с жаром рекламировали меню и ту музыку, которую предлагает сегодня посетителям их заведение. Звуки гитар становились все сильнее, все призывнее. Наконец они вышли на небольшую площадь, на которой тоже было полно баров.

– Вот бар «Манкуэт», – указал Жоакин на одно кафе, из которого вывалила на тротуар толпа народа. Изнутри долетал голос какого-то певца, исполняющего меланхоличную песню под аккомпанемент гитары. Мария сразу же своим наметанным глазом определила, что публика вокруг самая обычная. Ничего изысканного. Такие же цыгане,

как и она, или работяги, привыкшие попивать вечерами дешевое вино и бренди. Однако народу перед входом толклось много, много больше, чем перед другими кафе и барами, мимо которых они уже успели пройти.

– Ну что, войдем в бар? – спросил у нее Жоакин.

– Да, – кивнула головой Мария, пожалев на мгновение, что не одна и не может затеряться в толпе или даже взять и ненароком потерять в ней своего спутника.

В помещении кафе стоял невообразимый шум, люди сидели за столами, торчали у стойки бара, все было забито посетителями так, что яблоку негде было упасть.

– А ты случайно не знаешь, кто здесь всем заправляет? – спросила Мария у Жоакина, выхватив взглядом небольшую сцену в дальнем углу зала, на которой сидел *cantaor*. Две молоденькие девчушки, облаченные в платье фламенко, курили, сидя за стойкой бара и ведя неторопливую беседу с какими-то испанцами.

– Купи мне рюмку водки, а я пока все разузнаю, – пообещал Жоакин.

Мария достала пару песет из своего скудного запаса и купила ему бренди. Он тут же начал о чем-то быстро тарыхтеть на каталанском с барменом, но в это время за спиной Марии поднялся еще больший шум. Она повернула голову и увидела, как на сцену эффектно выплыла танцовщица.

– Он сказал, что управляющий появится тут попозже! – прокричал на ухо Марии Жоакин и поставил перед ней стакан с водой.

– Хорошо. Спасибо, – коротко поблагодарила его Мария. Она приподнялась на цыпочках, чтобы получше разглядеть через головы посетителей выступление танцовщицы. Снова раздались аплодисменты, и на сцену вышел ее партнер.

– Сеньоры и сеньориты! – крикнул мужчина, обращаясь к залу. – Хлопайте в ладоши, не жалея сил, подбадривая Ромериту и Эль Гато.

Публика взорвалась одобрительным ревом и аплодисментами, а Эль Гато слегка коснулся рукой щеки своей партнерши. Она улыбнулась, и они оба кивнули гитаристу, давая знак начинать.

Как только они сделали первое па, по телу Марии пробежала легкая дрожь. Ножки танцовщицы стали уверенно отбивать чечетку,

она грациозно вскинула свои руки над головой, а Эль Гато положил ей руку на спину, словно слегка придерживая ее.

А Мария, глядя на танцующую пару, вдруг вспомнила, как они когда-то танцевали с Хозе, еще тогда, когда были совсем молодыми, и глаза сами собой наполнились слезами. Как же давно все это было! Несмотря на в общем-то затрапезный вид самого кафе и на то, что собравшаяся публика была очень пестрой по своему составу, пара на сцене была, безусловно, из лучших танцоров, что Марии доводилось видеть в своей жизни. В течение нескольких минут она, как и все остальные зрители, была буквально заморожена их танцем, тем, с каким искусством и вдохновением артисты изливали перед ними всю свою страсть. Но вот танцоры отвесили поклон и удалились со сцены, освобождая место для других исполнителей, а Мария присоединилась к громогласным аплодисментам, которыми публика проводила артистов.

– Замечательная пара! – взволнованно воскликнула Мария, обращаясь к Жоакину, но, к своему удивлению, обнаружила, что молодой человек уже куда-то исчез. Она испуганно обвела глазами зал и облегченно вздохнула. Жоакин курил в дальнем углу бара, весело болтая о чем-то со своим приятелем. Потом она глянула на Ромериту. Девушка, кажется, буквально купалась в лучах своей славы, явно наслаждаясь тем восхищением, которое бурно выражала ей мужская часть аудитории. Мария снова перевела взгляд на сцену. Там уже появилась следующая красавица с огромными сверкающими глазами и принялась темпераментно исполнять *zambra*, разновидность фламенко, но уже мавританского происхождения, имеющее некоторое сходство с танцами живота. И снова Мария восхитилась мастерству артистки. Как и Ромерита, молодая женщина танцевала безупречно. Мария невольно подалась вперед, уловив что-то смутно знакомое в облике танцовщицы...

– Хуана ла Фараона! – негромко воскликнула Мария. Кузина Хозе, которая переехала в Барселону много лет тому назад. Когда-то именно она организовала для своего двоюродного брата первый в его жизни контракт. Что ж, если кто в Барселоне и знает, где именно сейчас находятся муж и дочь Марии, так это только она, Хуана. Как-никак, а они ведь одна семья.

После того, как Хуана сошла со сцены, провожаемая бурными овациями, Мария кое-как протиснулась к ней через восхищенную толпу поклонников.

– *Pardon*, Хуана, – робко обратилась к танцовщице Мария. – Меня зовут Мария Амайя Альбейсин. Я – жена Хозе и мать Лусии.

Хуана внимательно обозрела ее своими прекрасными глазами. Еще никогда в своей жизни Мария не чувствовала себя такой жалкой и ничтожной, как сейчас, рядом с этой экзотической красавицей. В своих туфлях фламенко на высоченных каблуках Хуана буквально нависла над ней, словно крепостная башня, а черный завиток кудрей, несмотря на капельки пота, выступившие на гладкой мраморной коже лица, покоился безупречно прямо посреди лба.

– *Hola*, Мария, – обронила красавица после некоторой паузы. – Выпить хочешь? – Она кивнула на бутылку с портвейном, которая стояла на стойке бара в уголке, отведенном для артистов.

– Нет, спасибо. Я специально приехала в Барселону, чтобы отыскать Хозе и Лусию. У меня для них есть кое-какие новости. А Хозе мне в свое время сказал, что они с дочерью будут выступать именно в этом баре.

– Да, это правда, какое-то время они здесь работали, но потом ушли.

– И куда, не знаешь?

– В бар «Вилла Роза». Тамошний управляющий Мигель Борель предложил им больше денег.

– Далеко это отсюда? – спросила у девушки Мария, чувствуя облегчение во всем теле.

– Не так далеко, но... – Хуана мельком глянула на часы. – Но вряд ли ты их там сейчас застанешь. Девочку выпускают на сцену в самом начале вечера, чтобы избежать неприятностей с полицией нравов, которая время от времени устраивает тут облавы.

– А ты не знаешь случайно, где они живут?

– *Si!* По соседству со мной, буквально через три двери.

Хуана принялась объяснять Марии во всех подробностях, как ей найти мужа и дочь.

– *Gracias!* – прочувствованно поблагодарила ее Мария и повернулась, чтобы уйти.

– Почему бы тебе не отправиться туда с самого утра? – В глазах Хуаны читалось явное предупреждение. – Сейчас ведь очень поздно. Они наверняка уже спят.

– Нет, я не могу ждать. Я проделала сюда такой долгий путь, чтобы найти их.

Хуана молча пожала плечами и предложила родственнице сигарету, но та отказалась.

– Твоя дочь очень талантлива, Мария, – сказала Хуана, немного помолчав. – Она может пойти очень далеко, но только если отец не успеет высосать из нее все жизненные соки, пока она еще ребенок. Всего тебе доброго. Удачи! – напутствовала она Марию.

Мария еще раз окинула взором бар в поисках Жоакина, чтобы попрощаться с ним, но тот снова куда-то исчез, на сей раз уже бесследно. Она вышла из бара.

Несмотря на то что уже было далеко за полночь, улицы были полны пьяными мужчинами, которые откровенно пялились на нее, попутно выкрикивая вслед всякие непристойности. Мария старательно следовала указаниям Хуаны, ведь та сказала ей, что живет в пяти минутах ходьбы от бара, но все же в какой-то момент она свернула в темноте не в ту сторону и очутилась в узком переулке, судя по всему, тупиковом. Она повернулась, чтобы пойти назад, но тут увидела, как из темноты на нее наступает массивная фигура какого-то мужчины, который решительно перегородил ей дорогу.

– Привет, подруга! – хищно ухмыльнулся он. – Сколько берешь за *follar*? – За то, чтобы трахнуть, поняла Мария и в ужасе отшатнулась от него, когда он попытался схватить ее за руку. Мужчина пошатнулся и тяжело рухнул на стену, а Мария бросилась бежать со всех ног.

– *Dios mio! Dios mio!* – повторяла она всю дорогу. – И как только Хозе поселил свою дочь в таком непотребном месте?!

Дом, который ей был нужен, оказался на противоположной стороне проезжей части, еще за одним узким переулком. Тяжело дыша, все еще не оправившись от только что пережитого потрясения, она принялась стучать в парадную дверь, и тут же была остановлена криком из окна.

– Убирайся прочь! Здесь все спят!

Тогда Мария принялась дергать за ручку двери, пытаясь проникнуть внутрь, и, к своему удивлению, обнаружила, что дверь не

заперта.

В тусклом свете единственной керосиновой лампы, освещавшей все пространство, Мария поняла, что попала в коридор. Прямо перед собой она увидела крутую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж.

– Хуана так ведь и сказала: второй этаж, вторая дверь налево, – задыхаясь от волнения, пробормотала Мария и стала тихонько карабкаться по ступенькам вверх. Чем выше, тем скуднее был свет от лампы, горевшей внизу. Можно сказать, уже в полной темноте Мария кое-как сориентировалась, нашла нужную дверь и осторожно постучала. Ответа не последовало. Стучать громче Мария боялась – вдруг разбудит остальных жильцов? А потому снова дернула за дверную ручку, и дверь легко отворилась.

Свет от уличного фонаря вливался через незашторенные окна, освещая крохотную каморку. На матрасе, брошенном прямо на пол, Мария сразу же узнала очертания тела своей любимой, своей ненаглядной дочери. Лусия крепко спала.

Мария нервно сглотнула слезы, подступившие к горлу. Она на цыпочках подошла к матрасу и опустилась перед ним на колени.

– Лусия, это я, твоя мама, – прошептала она едва слышно, стараясь не напугать ребенка, хотя и понимала, что уставшая девочка спала как убитая. Ласково погладила ее спутавшиеся волосы, потом обвила руками худенькое тельце. От Лусии пахло запахом давно не мытого тела, матрас пах еще хуже, но Мария даже не обратила на это внимания. Одна в чужом, огромном городе, приехав сюда из далекого Сакромонте, она, словно ведомая за руку самим божественным провидением, все же сумела отыскать в этом городе свою дочь. И это главное.

– Лусия! – Мария легонько потрясла девочку за плечо, пытаясь разбудить ее. – Это я, твоя мама. И я здесь, рядом с тобой.

Лусия слегка пошевелилась во сне и открыла глаза.

– Мамочка? – воскликнула она сонным голосом, разглядывая Марию, потом с сомнением покачала головой и снова закрыла глаза. – Я, наверное, сплю, и ты мне снишься.

– Нет! Это действительно я. Вот приехала проведать вас с папой.

Лусия тут же подхватила на своей постели и села.

– Так ты мне не снишься?

– Нет. Я здесь. – Мария взяла пальцы дочери и приложила их к своей щеке. – Чувствуешь, я живая?

– Мамочка! – Лусия с готовностью бросилась в ее объятия. – Я так по тебе соскучилась, так соскучилась...

– И я по тебе очень скучала, голубка моя. Потому и приехала сюда, чтобы отыскать тебя. С тобой все в порядке?

– О да! Все очень хорошо! – энергично закивала головой Лусия. – Мы с папой работаем в самом лучшем баре Барселоны. Его все здесь называют главным храмом фламенко! Представляешь?

– А твой отец... Как он? И, кстати, где он? – Мария обвела глазами крохотную комнатку. Места для еще одного матраса на полу в этом чулане попросту не было.

– Так он, может, еще в «Вилла Роза». Привел меня домой, уложил спать, а сам снова ушел работать. Здесь же недалеко.

– И он оставил тебя тут одну? – в ужасе воскликнула Мария. – Но сюда же может зайти любой человек с улицы и утащить тебя куда угодно.

– Да нет же, мама. Такого никогда не случится. За мной присматривает папина подруга, когда его нет дома. Она спит в соседней комнате. Очень милая женщина. И красивая, – добавила Лусия.

– А где же спит папа? – поинтересовалась у дочери Мария.

– Да там же, – не совсем уверенно ответила девочка и махнула рукой на дверь. – Где-то за дверью.

– Хорошо, – обронила Мария, чувствуя подступивший к горлу комок. – Раз я уж сюда приехала, проделав такой долгий путь, пойду и поищу его.

– Ах, нет, мамочка! Не уходи! Может, он еще не скоро вернется. Останься лучше со мной. Ведь уже поздно. Ложись рядом на матрас, свернись калачиком, мы обнимемся и заснем.

Но Мария уже поднялась с пола.

– Так мы и сделаем, но только чуть позже, – сказала она дочери. – Ты пока спи, а я скоро вернусь.

Закрыв за собой дверь, она издала сокрушенный вздох. Конечно, Лусия могла что-то и перепутать или не так все понять своим детским умом, но в глубине души Мария знала: все, о чем поведала ей дочь, правда. Приготовившись к худшему, она на цыпочках подошла к

соседней двери и осторожно, стараясь не шуметь, повернула дверную ручку, чтобы войти в комнату. Тот же самый уличный фонарь освещал и эту каморку. Свет падал на железную кровать, на которой лежал ее муж, а рядом с ним – какая-то девушка, еще совсем юная. На вид лет восемнадцать, не более. Она лежала на матрасе совсем голой. Рука мужа была перекинута через ее упругий живот и покоилась прямо над темным волосяным островком, прикрывшим ее женское естество.

– Хозе, просыпайся. Это я, Мария, твоя жена. Вот приехала в Барселону, чтобы навестить тебя.

Она говорила громко, как обычно разговаривают люди днем, ничуть не заботясь о том, что какой-нибудь прохожий с улицы снова станет орать на нее, призывая к тишине.

Первой проснулась девушка. Открыла глаза и села на постели, ошеломленно уставившись на Марию. Слегка поморгала, чтобы различить ее контуры в темноте.

– *Hola!* – поздоровалась Мария, направляясь к кровати. – Кто такая будешь?

– Долорес, – испуганно пролепетала девушка, пытаясь прикрыть свои обнаженные формы куском простыни.

Мария с трудом сдержала смех. Вообще-то картина была очень комичной.

– Хозе! – Долорес принялась трясти своего любовника. – Просыпайся! Твоя жена приехала!

Как только Хозе слегка пошевелился, девушка тут же спрыгнула с кровати и схватила свою ночную сорочку. Слегка приподнялась на цыпочках, чтобы натянуть ее на себя, но, прежде чем муслин спрятал от посторонних взоров ее фигуру, Мария успела разглядеть пышную грудь, стройные бедра и гладкую, упругую попу.

– Оставляю вас тут наедине друг с другом, – пристыженно проговорила девушка и все так же на цыпочках скользнула к дверям, проскочив мимо Марии, словно испуганная лань.

Мария не стала мешать ей. В конце концов, что взять с этой девчонки? Она же, в сущности, совсем еще ребенок.

– Он говорил мне, что вдовец, – выпалила Долорес, прежде чем захлопнуть за собой дверь.

– Итак? – Мария приблизилась к кровати и, встав в ногах у мужа, скрестила руки на груди. – Так ты, оказывается, уже вдовец? Тогда,

должно быть, я дух, который преследует тебя.

Хозе к этому моменту уже полностью проснулся. Он уставился на жену в полном замешательстве.

– Что ты здесь делаешь?

– Вот вопрос, который я могу задать и тебе. – Мария жестом указала на свободное пространство в постели рядом с ним.

– Это совсем не то, что ты подумала, Мия. Клянусь! Комнатка, в которой мы сейчас квартируем с Лусией, слишком мала для нас обоих. Вот Долорес любезно предложила мне разделить...

– Перестань! И не смей мне больше лгать, мерзавец! Или ты совсем принимаешь меня за дурочку? За жену, которой можно изменять направо и налево? Да я всегда знала о всех твоих похождениях и о всех твоих женщинах, но, как всякая приличная жена цыгана, имеющая детей, предпочитала закрывать глаза на все твои фокусы. Да! – Мария почувствовала, что злость, копившаяся на мужа столько лет, все те обиды, которые она старательно загоняла вглубь себя, все это вдруг вырвалось наружу. – Валяешься тут с этой девочкой, не стесняясь того, что за соседней дверью спит твоя родная дочь! Грязная свинья! Это же надо так не уважать свою жену! Да ты обесчестил меня, подонок! – Мария смачно плюнула в мужа. – Подлец и ничтожество! Впрочем, мои родители с самого начала предупреждали меня и были правы. Ты всегда был грязным ничтожеством, и только!

У Хозе хватило ума выслушать яростные нападки жены молча, не перебивая ее. Но вот наконец он раскрыл рот.

– Прости меня, Мария. Я знаю, что я никчемный, слабый человек... Меня так легко сбить с пути... Но я люблю тебя и всегда буду любить.

– Заткнись! – озлобленно выкрикнула Мария. – Ты и понятия не имеешь, что это такое – любовь. Всю жизнь заботился только о себе. Ты и Лусию приволок сюда, чтобы снова заявить о себе самом. И вот моя дочь валяется сейчас на грязном матрасе, одна, в какой-то жалкой камерке, в этом грязном, развратном городе, а все лишь для того, чтобы удовлетворить, видите ли, *твое честолюбие!*

– Ты не права, Мария. Лусии здесь очень нравится! У нее уже появилась собственная публика. Они приходят в кафе каждый день, чтобы посмотреть, как она танцует. И число ее поклонников постоянно

растет. К тому же здесь она учится мастерству фламенко у лучших танцовщиц «Вилла Роза». Нет! – Хозе выразительно помахал пальцем. – Ты не можешь обвинить меня в том, что я не забочусь *о ее карьере*. Сама спроси у Лусии, и она тебе все расскажет. – Некое подобие улыбки скользнуло по его губам. – Словом, ты меня все же выследила. И чего же ты хочешь?

Развода... Это первое, что пришло в голову Марии, но она тут же отмела эту мысль прочь. У цыган не принято разводиться. Никогда! Ни при каких обстоятельствах... Она сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

– Я приехала сюда, чтобы сообщить тебе, что семнадцатого июля Филипе умер от болезни легких, буквально на следующий день после того, как его выпустили из тюрьмы.

Мария впиалась глазами в лицо мужа, стараясь прочесть его реакцию. Что-то, похожее на раскаяние, мелькнуло в его налитых кровью глазах, мелькнуло и тут же исчезло.

– Я просила всех, кто отправлялся в Барселону, только об одном: отыскать вас с Лусией и сообщить вам о том, чтобы вы немедленно возвращались домой. Но вы так и не приехали. В конце концов, – Мария громко всхлипнула, – наш мальчик стал уже смердеть, и мне пришлось упокоить сына, устроить похороны, на которых не присутствовали ни его отец, ни его сестра.

Наконец она сообщила эту ужасную новость о смерти Филипе тому, кто зачал его, и в тот же миг вся ее злость угасла сама собой. На смену негодованию снова пришло ощущение безутешного горя, и она разрыдалась, а слезы градом покатались по ее щекам. Она опустила на пол и закрыла лицо руками, заново переживая потерю своего дорогого мальчика.

Загрубевшие руки обхватили ее за плечи и на каких-то пару минут она припала к этим рукам, все же они хоть как-то поддерживали ее.

– Мия, мне очень, очень жаль Филипе. Наш маленький сын... ушел...

В той круговерти эмоций, которые нахлынули на нее, она тем не менее неожиданно для себя самой снова вспомнила то раскаяние, которое мелькнуло в глазах Хозе, когда она сообщила ему эту страшную новость. Так неужели? Мария с силой оттолкнула от себя мужа и посмотрела ему прямо в лицо.

– Так ты ведь уже знал, да?

– Я...

– *Dios mio!* Хватит лжи, Хозе. Наш сын уже лежит в могиле! Ты знал?

– Да, знал. Но я узнал только на пятый день после его смерти. К тому времени ты уже похоронила его.

Мария тяжело сглотнула слюну и сделала глубокий вдох.

– Пусть так! Пусть даже ты не смог приехать на похороны. Но разве тебе не пришло в голову, что в такой момент тебе следует немедленно вернуться домой, чтобы быть рядом с безутешной женой и детьми?

– Мария, я узнал о смерти Филипе в тот самый день, когда мы с Лусией должны были начать работать в «Вилла Роза». Ты и представить себе не можешь, какая это честь для нашей дочери и для меня – выступать на подмостках такого знаменитого бара. Если бы мы бросили все и уехали, то страшно подвели бы своих хозяев. Ведь они возлагали на нас большие надежды. И тогда все! Пиши пропало! Ставь крест на будущем Лусии.

– Что значит пропало? Ведь у тебя умер твой младший сын, и тебе нужно было вернуться домой! Неужели не отпустили бы? – Мария отказывалась верить своим ушам.

– Может, и не отпустили бы. Ты же не хуже меня знаешь, какая у нас репутация. Всех цыган считают людьми ненадежными. Вот они бы и решили, что я попросту лгу.

– Хозе, но они ведь тоже цыгане. Уверена, они все поняли бы правильно. – Мария сокрушенно покачала головой. – Один ты ничего не понял.

– Прости меня, Мария. Да, я совершил ошибку. Я побоялся бросить Барселону и уехать. После стольких лет ожидания мы наконец получили место в храме фламенко. Какие деньги мы заработаем для нашей семьи! А какая слава ждет нашу Лусию...

– Нет тебе прощения, Хозе, на этой грешной земле, и ты сам прекрасно понимаешь это. – Мария медленно поднялась с пола и глянула на него сверху вниз. – Быть может, я и смогла бы простить тебе супружескую неверность, эту последнюю твою интрижку, но Филипе я тебе никогда не прощу. Моли Господа, чтобы твой усопший сын простил тебя.

Хозе невольно содрогнулся от этих слов и тут же перекрестился.

– Ты сообщил Лусии? – спросила она.

– Нет. Я же говорил тебе, я узнал о смерти Филипе в самый первый день нашей работы в «Вилла Роза». Решил не огорчать дочь такой страшной новостью. Не волновать ее понапрасну...

– Хорошо! Сейчас я отправляюсь спать в комнату своей дочери, а утром я расскажу ей о том, что ее брат умер. – Мария направилась к дверям. – Скажи своей подружке, пусть возвращается к себе в постель, пусть ложится рядом с тобой... Если она захочет...

Мария кивнула на прощание и вышла из комнаты.

* * *

– Филипе больше нет? – Лусия глянула на мать с недоверием. – А где он?

– Он превратился в ангела, Лусия. У него выросли крылышки, и он улетел на небо, чтобы быть рядом с Девой Марией.

– И сейчас он такой, как те ангелы в Аббатстве Сакромонте?

– Именно так.

– Но они же каменные, мама. Наш Филипе не такой.

– Нет, он не каменный. Думаю, он сейчас порхает где-то высоко в небесах. Возможно, он даже прилетал сюда, чтобы посмотреть на то, как ты танцуешь в «Вилла Роза».

– Может, он, мамочка, превратился в голубя? Там на площади рядом с «Вилла Роза» очень много голубей. Или стал каким-нибудь деревом, – продолжала размышлять вслух девочка. – Наша гадалка Микаэла говорит, что мы можем превратиться в кого угодно, когда снова вернемся на землю. Лично мне не хотелось бы становиться деревом. Ведь тогда я смогу только махать руками, а притопывать ногами – уже нет.

Мария осторожно расчесывала влажные волосы Лусии, пока девочка болтала без умолку. Мария набрала воды из фонтана, что на площади, и вымыла дочери волосы, предварительно вычесав всех вшей. Слушая разглагольствования девочки, Мария невольно вздохнула. Представления о загробном мире у Лусии были весьма смутными, изрядно разбавленные традиционными верованиями цыган.

Что и понятно. Хотя испанских цыган силой вынудили принять католичество много сотен лет тому назад, их народные верования и предрассудки оказались живучими и благополучно сохранились до наших дней.

– Но, где бы он сейчас ни был, мамочка, надеюсь, он счастлив, – добавила Лусия.

– И я тоже на это очень надеюсь, голубка моя.

– Я его ведь не скоро увижу, да?

– Да, милая, не скоро. Но все мы будем скучать по Филипе и горевать из-за того, что его больше нет с нами.

– Мамочка, – переменяла Лусия тему разговора, видно, посчитав, что тема, связанная с Филипе, уже исчерпала себя. – Ты пойдешь сегодня вечером в «Вилла Роза», чтобы посмотреть, как я танцую?

– Обязательно пойду, милая. Вчера мы побеседовали с твоим отцом. Я сказала ему, что ты еще слишком мала, чтобы находиться в таком большом городе, как Барселона, без мамы.

– Но ведь рядом со мной папа! И потом, ты тоже можешь остаться вместе с нами.

– То есть ты совсем не скучаешь по Сакромонте? По Эдуардо и Карлосу? – Мария продолжала ритмичными движениями расчесывать волосы дочери.

– Иногда скучаю. Особенно по тебе, мамочка. Папа ведь совсем не готовит. И его подруга Долорес тоже. Но они кормят меня в кафе. Всегда дают мне столько сардин, сколько я захочу. А я люблю сардины, очень! – Девочка блаженно усмехнулась. – И я здесь столько всему научилась, мама. У нас выступает одна испанка, ее зовут Ла Тангуэрра. Ты бы видела, как она танцует танго или болеро! А еще есть одна цыганка по имени Ла Чичарра. Так она во время танца раздевается до исподней юбки, пытаюсь поймать блоху. Представляешь?! А дочка сеньора Мигеля выступает с кастаньетами. Она сейчас и меня обучает, как пользоваться кастаньетами. Как они стучат! *Клик-клик...*

Лусия показала своими маленькими проворными пальчиками, как именно стучат кастаньеты.

– С их помощью можно отбить ритм не хуже, чем ногами. Ты помнишь Чилли, Мама? Он ведь живет в Барселоне! Мы с ним теперь друзья, хотя он немного странный. Мы иногда даже выступаем вместе в баре.

Слова лились из уст Лусии непрерывающимся потоком. Охваченная радостным возбуждением и желанием поделиться всем с матерью, она даже стала слегка задыхаться и вынуждена была замолчать на мгновение, чтобы перевести дыхание.

Мария внимательно слушала дочь, прикидывая, что делать дальше.

– Словом, ты не хочешь возвращаться вместе со мной в Сакромонте?

– Не хочу, мамочка! Я хочу, чтобы вы вместе с Эдуардо и Карлосом приехали к нам с папой сюда.

– Эдуардо и Карлос работают на кузнице у твоего дедушки, Лусия. К тому же Сакромонте – это же наша родина. Там наш дом.

Где-то уже после обеда в дверь осторожно постучал Хозе, сказал, что им с Лусией уже пора в «Вилла Розу». Мария проводила их, пообещав появиться там вечером. Оставшись одна, Мария опустилась на вонючий матрас в комнате своей дочери и задумалась. Еще сегодня утром она была абсолютно уверена в том, что заберет Лусию и они вместе вернутся в Сакромонте. Но выслушав вдохновенные откровения дочери, увидев ее решительный настрой, Мария поняла, что не сможет так поступить. Ее ребенок рожден для того, чтобы танцевать, и если она сейчас силком увезет дочь домой, то не только Лусия будет безутешна из-за того, что мать разрушила ее будущее, но и сама Мария потом будет всю оставшуюся жизнь мучиться чувством вины из-за того, что лишила дочь ее счастливого шанса в жизни.

Около пяти часов вечера Лусия с отцом вернулись из кафе, чтобы передохнуть часок перед вечерним выступлением. Мария поджидала их, стоя на улице у входа в дом.

– Нам надо переговорить с тобой, – обратилась она к Хозе, тот замешкался на крыльце, докуривая свою сигару, а Лусия проворно побежала наверх к себе.

– О чем ты хочешь поговорить со мной? – небрежно поинтересовался он у жены.

Мария молча проследила за тем, как Хозе раздавил окурок каблуком своего сапога. После сильного потрясения, пережитого минувшей ночью, он уже вполне оправился, и к нему вернулись и прежние самообладание, и его привычные, немного развязные манеры.

– Ты нарушил священную клятву, данную мне при венчании, и больше ты мне не муж, а я тебе – не жена.

– Не пори горячку, Мария! Прошу тебя. Мы с тобой пережили трудные времена и...

– Нам нет нужды притворяться и впредь, что у нас с тобой семья.

– Кажется, ты так и не поняла. Все, что я сейчас делаю, это же ради нашей семьи... Ради будущего Лусии и ее огромного таланта.

– Я не хочу более спорить с тобой, Хозе, обсуждая эту тему. – Мария тяжело вздохнула. – Единственное, чего я хочу, поскорее перевернуть эту страницу и начать все сначала. Однако, несмотря на то, что я всеми фибрами своей души жажду забрать Лусию домой, назад в Сакромонте, чтобы она росла и выросла в родной семье, как любой нормальный ребенок, я понимаю, что не могу так поступить. Она должна получить свой шанс в жизни. А потому я прошу тебя лишь об одном. Позаботься о нашей дочери в будущем, защити ее от всякого зла и убереги от лиха. Вверяя судьбу нашей дочери в твои руки, я должна по крайней мере верить тебе, знать, что ты не подведешь меня хотя бы в этом.

– Клянусь тебе, Мария, ты можешь верить мне.

– С этого самого момента ты свободен, Хозе. Но никогда, повторяю, никогда Лусия не должна знать об этом. Для нее мы навсегда останемся мужем и женой, ее родителями.

– Как скажешь, – согласно кивнул Хозе.

– Сейчас я проведу еще какое-то время с Лусией, а потом вы снова вернетесь в «Вилла Розу». Я тоже приду посмотреть, как она танцует, и сразу же после этого уеду в Сакромонте. – Мария сделала еще один глубокий вдох и слегка приподнялась на цыпочках, чтобы поцеловать Хозе на прощание. – Благодарю тебя, Хозе, за детей, которых ты мне дал. Это поистине бесценный дар.

С этими словами Мария отвернулась от мужа и направилась в дом, чтобы успеть поговорить еще и с Лусией.

Тигги

Имение Киннаирд, Высокогорная Шотландия

Январь 2008 года

*Шотландская дикая кошка
(Felis silvestris grampia)*

Известна также как высокогорный шотландский тигр

15

Голова моя слегка дернулась, и я тут же очнулась от полудремы. Слегка пошевелилась всем телом, чтобы размять спину, онемевшую от долгого и неудобного сидения на колченогом табурете о трех ножках. В комнате было уже совсем темно, воздух спертый, огонь в очаге, видно, угас сам собой какое-то время тому назад. Достав из кармана джинсов свой мобильник, я включила подсветку, кое-как разыскала керосиновую лампу и снова запалила ее. При свете лампы увидела, что Чилли спит крепким сном в своем кресле, склонив голову набок. Понятия не имею, в какой именно момент мы с ним погрузились в сон, но зато я хорошо знала другое. Прежде чем отключиться и заснуть, я побывала совсем в другом мире. То был мир ужасающей нищеты, отчаяния и смерти. Однако картины той жизни, которые так образно нарисовал мне Чилли, навечно запечатлелись в моей памяти, были полны красок и дышали истинной страстью.

– Этот мир – часть меня... часть моего прошлого, – прошептала я и слегка потрясла головой, словно пытаюсь сбросить с себя это наваждение. Действительно мне пора возвращаться в реальный мир, а не витать в облаках, погружаясь в какие-то фантазии всякий раз, стоит мне только переступить порог хижины Чилли. Если Чилли может себе позволить существовать в подобных условиях, предаваясь грезам, то я едва ли смогу. Хотя и чувствую, как чем дальше, тем глубже засасывают меня в свои глубины эти грезы. Так и утонуть можно. Я расшевелила огонь в камине, принесла с улицы еще немного дров, чтобы хватило на ночь, потом приготовила для Чилли кружку крепкого кофе и поставила ее рядом с креслом.

Глянув на его испещренное морщинами лицо, я вдруг представила Чилли мальчишкой-подростком, который когда-то аккомпанировал на гитаре своей кухне Лусии...

– Что означает, – обронила я уже вслух, – что ты мне приходишься тоже каким-то дальним родственником.

Поразительно! Уму непостижимо! Как можно было посреди Шотландского Высокогорья отыскать свою родню? Да, но насколько вообще правдоподобна его история?

– До свидания, Чилли, – пробормотала я и, наклонившись, поцеловала его в лоб, но он даже не пошевелился во сне.

Выйдя на улицу, я моментально ощутила зверский холод. Видно, я слегка угорела от каминного дыма и от трубки Чилли, потому что в голове у меня стоял легкий туман. Я поспешила вернуться домой.

– И где же это вас носило весь день, мисс? – поинтересовался у меня Кэл с явным осуждением в голосе, пока я вешала свою куртку на крючок в прихожей. – Надеюсь, не забавляли нашего почетного гостя, разгоняя его скуку?

Еще никогда я не была так рада видеть Кэла, который, казалось, заполнил собой и своим массивным телом все пространство комнаты с невысокими потолками.

– Я была у Чилли. Ему сегодня что-то нездоровится.

– Смотрю, вы уже хорошо спелись с ним. А ты так для него прямо находка! – Кэл издал короткий смешок. – Заглатываешь все его истории целиком, не пережевывая. Что, сегодня он снова потчевал тебя очередной порцией своих сказок о прошлом?

– Он очень интересный человек. И мне нравится слушать его, – ответила я с обидой в голосе.

– Конечно, Чилли – интересный человек! Кто бы стал спорить с этим? Но не советую тебе, девушка, западать на его сказочки. Он у нас большой выдумщик. Однажды сказал мне, что в другой жизни я был медведем гризли и охотился в лесах Высокогорья. – Кэл расхохотался во весь голос и поднялся со своего места. Однако стоило лишь взглянуть на его крепкое тело, нависшее надо мной, словно скала, чтобы вообразить себе, что такой верзила вполне мог быть когда-то медведем. Впрочем, и сегодня в своем человеческом обличье Кэл все еще *продолжает охотиться* за своей неуловимой добычей...

– Послушай, Тиг, судя по твоим глазам, ты все еще витаешь где-то в облаках. Что ж, у меня для тебя есть дивная новость, которая поможет тебе побыстрее опуститься на нашу грешную землю.

– Что за новость? – спросила я, направляясь на кухню, чтобы поискать себе там что-нибудь. У меня с утра во рту не было и маковой росинки.

– Наш мачо потребовал, чтобы завтра к десяти ты явилась пред его ясны очи.

– Почему? Зачем?

– Вот это уж вопросы не ко мне. Хочет свозить тебя куда-то, в какое-то очень необычное место. – Кэл замер в дверях кухни, наблюдая за тем, как я отрезаю себе толстый ломоть хлеба и намазываю его сверху маргарином.

– Естественно, я отвечаю отказом. В конце концов, меня наняли сюда совсем для других целей. У меня работа, и я не могу ехать бог знает, куда и зачем, только потому, что нашему дражайшему гостю, видите ли, приспичило увидеть меня. И потом, как на это отреагирует лэрд? И что скажет Берил?

– Берил всецело «за»! Говорит, что будет счастлива выпроводить его из дома на какое-то время, чтобы он не путался у нее постоянно под ногами. А заодно и дал бы ей возможность раскрыть все окна в парадной гостиной и как следует проветрить ее. Комната уже вся провоняла сигарным дымом. А «ихняя» светлость, по ее словам, холода не любит и окна открывать не разрешает.

– Боже мой, Кэл! Но что же мне делать? – воскликнула я, откусив большой кусок хлеба. – Чувствую себя самой настоящей

проституткой! Но я же ему не девочка из эскорта! Я здесь пребываю в качестве консультанта по диким животным. А потому нет и еще раз нет! Сейчас же отправлюсь к Берил и скажу ей, что у меня полно работы... Да, именно так! Полно работы. Мне еще нужно провести кое-какие изыскания по разведению оленей вапити... И еще кое-что... – не совсем уверенно добавила я, открывая дверцу холодильника, чтобы проверить, что у нас есть к ужину. Оказалось, не очень много. Я с досадой хлопнула дверцей.

– Перестань себя накручивать, Тиг. В конце концов, он вскоре умотает отсюда, а ты, если уж совсем честно, на сегодняшний момент не самая загруженная работой особа в этом имении. Правда ведь?

– А чья в этом вина? Я, что ли, виновата в том, что вот уже почти месяц не могу сесть и толком поговорить о делах с Чарли, обсудить с ним наши планы на будущее. И вообще, я привыкла быть занятой, Кэл, и отнюдь не горю желанием разыгрывать роль хозяйки постоянного двора, готовой ублажать своего богатенького клиента и бежать к нему со всех ног, стоит тому лишь поманить тебя пальцем.

– Тигги, что тебя за муха сегодня укусила? Но ты точно не в себе, несешь всякий вздор. Вот, взгляни! – Кэл показал на две бутылки красного вина, стоявшие на кухонном столе. – Это нам с тобой подарок от Берил в знак благодарности за то, что мы ей помогли в новогоднюю ночь. Сейчас я открою одну бутылку. Думаю, глоток-другой хорошего вина тебе сейчас явно не помешает. Расслабишься и забудешь обо всех неприятностях этого вечера.

– Да, но у нас же нет ничего к вину, Кэл. Никакой закуски. На ужин приготовить нечего, я сегодня даже не смогла вырваться в магазин. Целый день просидела у Чилли и вот... О боже! – Я в отчаянии вздохнула, чувствуя подступившие к глазам слезы. – Прости, но я сегодня действительно не в своей тарелке.

– Да я это и сам прекрасно вижу, – мягко обронил Кэл и вытащил пробку из бутылки с такой легкостью, словно вынул затычку из ванны. Потом подошел к буфету и взял два бокала. – Вот! – Кэл протянул мне наполненный до краев бокал с вином. – Возьми это с собой, а сама ступай сейчас в ванную комнату и окупись на пару-тройку минут, пока я тут сварганю нам ужин.

– Но я же сказала тебе, у нас ничего нет и...

– Ступай, ступай себе! – Он слегка подтолкнул меня к ванной комнате. – Без тебя разберусь.

Через полчаса я снова появилась в гостиной, уже заметно успокоившись, и сразу же учуяла ароматные запахи, волнами наплывающие из кухни.

– Прошу к столу! Пюре из репы и картофеля. Картошка и брюква – это для тебя, приготовлено по старинному рецепту моей бабушки, – объявил Кэл и поставил на стол две тарелки. – Себе я, правда, добавил цыпленка, но в твоей порции, клянусь, нет ни грамма мясного.

– Спасибо, Кэл, – с чувством поблагодарила я своего соседа и тут же опустила ложку в тарелку с еще горячим овощным рагу, обильно политым сверху жирным коричневым соусом.

Кэл долил немного вина в мой бокал и уселся напротив меня.

– Мм! Как вкусно! – похвалила я, проглотив пару ложек рагу.

– Наверное, для тебя станет новостью, если я скажу тебе, что полностью содержал себя и кормил до того момента, как ты к нам приехала. Итак, кто же тебя довел до такого состояния иступления? Зед? Или Чилли тоже постарался?

– Оба, – ответила я коротко.

– Что ж, поскольку ты мне достаточно ясно дала понять, какие чувства испытываешь к нашему миллиардеру, вообразившему, что он может купить за свои деньги твое общество, то перейдем прямиком к этому полоумному цыгану.

– Ты думаешь, он сумасшедший, да? Может, отчасти и так. Тогда и я тоже сумасшедшая, потому что верю во все, что он мне рассказывает. Однако...

– И что такого он тебе наплел на сей раз?

– Сказал, будто ему еще в детстве предсказали, что в один прекрасный день именно он направит меня к порогу моего родного дома. Он еще сказал, будто знает, кто моя бабушка. Именно о ней он мне сегодня и рассказывал весь день.

– Понятно. И ты ему поверила?

– *Думаю*, да. Многие из того, о чем он мне поведал, совпадает с тем, о чем написал мне отец в своем прощальном письме. Все это, конечно, может показаться нелепым... Но... Я и сама не знаю. Все в моей голове перепуталось... Столько всяких эмоций. Честно, чувствую себя опустошенной. И это при том, что я всю свою жизнь верила и

продолжаю верить в существование некоего высшего духовного мира. Просто то, что случилось сегодня, выпадает из моих привычных представлений об этом мире. А потому я сейчас в полной растерянности, не знаю, верить ему или нет.

– Я тебя отлично понимаю, – обронил Кэл, давая знак, чтобы я продолжила.

– Тут, понимаешь, вот еще что меня гложет. Мне стыдно признаться, но вообще-то я переживаю сейчас то, что называется «кризисом веры». Я всем и всегда твердила, что нужно доверять вселенной, *верить в существование некой высшей силы...* Но сегодня у меня полнейший раздрой в душе, потому что я боюсь, а вдруг этот старый и одинокий цыган просто наплел мне всяких фантазий, и больше ничего? Понимаешь меня?

– Еще как понимаю! – Кэл отставил в сторону свою пустую тарелку. – Но вот что я тебе скажу. Лично я могу подшучивать над Чилли, обзывать его безумным мартовским зайцем, но при этом я знаю одно: в этом человеке нет коварства, он не злой человек. Отец рассказывал мне, что раньше, когда Чилли был помоложе, наши местные толпами стекались к нему со своими животными, и он всех лечил своими лекарственными травами, а еще предсказывал этим людям их будущее. И я не слышал, чтобы он хоть раз ошибся в своих прогнозах. Конечно, сегодня Чилли уже древний старик, к тому же больной. Кому он нынче нужен со своими допотопными методами? Но человек он, повторяю, хороший. И если у кого и есть дар предвидения или исцеления больных, так это у него. Плюс к тому, ни для кого здесь не секрет, что он привязался к тебе, словно к родной. Нет, Тиг, Чилли никогда не сделает тебе ничего дурного.

– Я знаю это, Кэл, знаю. Но что, если старик с головой *ушел в собственное прошлое*? Может, он просто сам хочет *поверить в то*, что между нами существуют какие-то *родственные узы...* что я – та самая девушка, о которой ему когда-то наговорили всякого разного.

– А я вот думаю, Тигги, что ты просто боишься поверить ему. Ты же знаешь, какой я по жизни циник, но даже я при всем своем желании не могу найти причины, по которой этот человек захотел бы причинить тебе вред. Не забывай, он ведь цыган. Вспомни, сколько тысяч и тысяч людей безоговорочно верили и продолжают верить их интуиции. А

коль скоро и твой собственный отец подтвердил эти же факты, то зачем сомневаться?

– Потому и сомневаюсь, что *боюсь*, – прошептала я совершенно искренне. – Может, потому что все это слишком личное... Я имею в виду свою биологическую семью, среду, из которой я вышла... Все это как-то чересчур для меня.

– Надеюсь, что когда-нибудь, Тигги, ты созреешь и сама захочешь рассказать мне о том, что такого Чилли сообщил тебе о твоей родной семье. Но на твоём месте я бы точно туда поехал и увидел бы все своими глазами.

– Да, хорошо тебе говорить! Но я же не могу просто так взять и уехать, бросить свою работу и все остальное тоже... Надо же довести начатое дело до конца, а потом уже бросаться в разные стороны! – досадливо отмахнулась я и глянула на Кэла, который снова отхлебнул вина из своего бокала.

– Запасись терпением, девушка. Лэрд должен скоро появиться здесь.

– Но вот тебе еще одна загадка, которая тревожит меня. Чилли сказал, что в скором будущем я уеду отсюда. Вроде бы, на первый взгляд, все логично. Кошки мои уже вполне освоились на новом месте и чувствуют себя отлично. Резонно, чтобы в такой ситуации Чарли нанял человека, который стал бы тебе хорошим помощником. Одному тебе очень трудно управляться с таким огромным хозяйством.

– Между прочим, я уже в ближайшие пару недель предполагаю привлечь Лочи к работе здесь. Я звонил по этому поводу лэрду и заручился его согласием.

– Вот это действительно замечательная новость, Кэл! По-моему, Лочи – именно такой парень, какой тебе нужен.

– Лэрд согласился принять его на работу только потому, что Лочи как учащийся колледжа подпадает под одну из государственных образовательных программ. Но в любом случае, я рад, что он станет работать вместе со мной. Что ж, время уже позднее, а ты сегодня изрядно устала. Как смотришь, если прямо сейчас мы отправимся баиньки?

– Намекаешь на то, чтобы я как следует выпалась и предстала завтра перед Зедом во всей красе? Ты еще скажи, чтобы я с вечера приготовила самое лучшее белье и накрашила ногти на ногах...

– Как знаешь, девушка. – Кэл поднялся со своего места. – Ты свой выбор сделала, и я всецело на твоей стороне. Пойду, прогуляюсь в господский дом, предупрежу Берил, что завтра ты будешь занята весь день. Ладно?

– Ой, даже не знаю, что делать! С другой стороны, я подставляю Берил. Ведь это же не ее вина, что он ко мне липнет. Ей и так сейчас хватает проблем...

– Не переживай, моя красавица. Я все улажу. – Кэл решительным шагом направился к дверям. – А ты – марш спать!

* * *

К своему удивлению, я проспала всю ночь крепким сном, безо всяких сновидений, а поутру проснулась, чувствуя себя гораздо спокойнее. Покормив своих кошек, я решила не трусить, а заглянуть на обратном пути в Киннаирд-лодж, чтобы пообщаться с Интернетом. И не только для того, чтобы снова слегка реанимировать свои европейские контакты по части разведения оленей вапити, но и посмотреть на картинки с изображением Сакромонте и на фотографии самой Лусии Альбейсин. Только увидев все собственными глазами, я поверю, что Чилли говорил мне правду.

– Ну что? С утра получше? – поинтересовался у меня Кэл, когда я вернулась домой.

– Да. И прости, пожалуйста, за вчерашний вечер. Что-то на меня вчера нашло. Но зато сегодня все в порядке. Спасибо, Кэл, за то, что проявил терпение.

– Не выдумывай! А знаешь, что? Почему бы тебе сегодня не отправиться вместе со мной в обход по территории имения? Я как раз собираюсь заняться подсчетом поголовья оленей в главном ущелье.

– С тем, чтобы уже завтра сократить их численность, да?

– Это уже другой вопрос. А пока я не вижу никаких препятствий для тебя, если ты хочешь поближе познакомиться с повадками этих животных, взглянуть на те места, где они любят прятаться. Так как смотришь? Не говоря уже о том, что такой вариант позволит тебе избежать всяческих неприятностей, если «ихняя» светлость не примет твой отказ из уст Берил.

– Так ты ей уже все рассказал?

– Да. И она со мной согласилась. Через десять минут отправляемся в путь. Заодно прихватим с собой и обед для Чилли. Кстати, в обозримом будущем возиться с нашим дорогим гостем придется, скорее всего, уже мне, а не тебе. Вчера вечером я столкнулся с ним в Киннаирд-лодж, и он попросил меня организовать для него охоту, а заодно и поучить стрелять по мишеням, пока он еще здесь.

Натягивая на себя несколько слоев теплых одежек и готовясь к выходу на улицу, я сосредоточенно обдумывала информацию, которую выдал мне Кэл. Во дворе я тут же окликнула Тистла, и тот, радостно виляя хвостом и всем своим долговязым телом, моментально откликнулся на зов, прибежал и тут же вскарабкался на заднее сиденье нашей «Берил». Вооружившись биноклями, мы тронулись в путь и медленно поехали в сторону главной расселины. Кэл то и дело тормозил машину, показывал мне рощицы, раскинувшиеся по обе стороны долины, в которых, как правило, кучкуются небольшими группами олени, спасаясь от холодов.

– Скоро они покинут свое укрытие, подадутся выше в горы на выпас. Вот почему считать их поголовье лучше всего с самого утра, – обронил Кэл и указал на молодой лесок, раскинувшийся вдоль замерзшего ручья, который тонкой змейкой вился по всей долине. – Ну, и сколько их там, Тиг?

Я тут же навела свой бинокль на рощицу и насчитала семь оленей, плотно сбившихся в одну кучу. Потом я снова глянула в ту сторону. И опять...

– Кэл, скорее!

– Что такое?

– О боже! Кажется, я увидела белого оленя... Вон там, слева...

Кэл припал со своим биноклем к моему окну.

– Видишь? Он стоит между двумя оленями, справа и сзади...

– Ничего не вижу, Тиг. – Кэл опустил свой бинокль и с сомнением покачал головой, глянув на меня. – Так иногда бывает, если очень долго смотреть на снег. Он вдруг начинает как бы двигаться перед твоими глазами, принимая самые разные очертания.

– Нет! Никаких оптических фокусов! Я уверена, что видела его!

Не дожидаясь ответа Кэла, я открыла дверцу и выпрыгнула из машины. Ступила в сторону с узенькой колеи, снег выше колена,

деревянный мостик, перекинутый через ручей, покрыт опасной коркой сплошного льда. Кое-как я перебралась на другую сторону, теперь меня отделяло от рощицы не более сорока метров. Я снова навела бинокль в ту сторону, но олени, видно, заслышав хруст снега под моими ногами и учуяв мое приближение, уже успели скрыться.

– Черт! – выругалась я себе под нос. – Но я же видела тебя! Я знаю, что видела.

Я поплелась назад к машине. Кэл подждал меня, скрестив руки на груди. Он одарил меня недовольным взглядом, давая понять, что я явно спятила.

– Ну что? Видела?

– Нет. Все стадо уже удрало прочь.

– Даже так? – удивился он с издевкой в голосе и тронулся с места. – Вот к чему приводит долгое пребывание в обществе нашего цыганского друга. Так, чего доброго, ты в следующий раз увидишь здесь и единорога, глупышка ты моя!

Спустя несколько минут мы подъехали к домику Чилли. Я уже хотела снова выйти из машины, но Кэл положил мне руку на плечо и остановил.

– Учитывая все обстоятельства, будет лучше, если сегодня обед ему отнесу я. А ты пока посиди в машине.

Кэл ушел, а я, закрыв глаза, снова представила своего белого оленя.

– *Но я же видела его!* – прошептала я сама себе. – *Видела*, и все тут!

Тистл, переполненный сочувствием ко мне, положил голову на плечо, и я рассеянно погладила его.

Кэл вернулся минут через десять, заверил меня, что с Чилли все в порядке, и он мной интересовался. Мы уже возвращались домой, когда вдруг услышали странный шум у себя над головой. Я задрала голову и увидела вертолет, летящий над ущельем.

– Вау! – не удержалась я от изумленного восклицания. – Никогда не видела вертолетов в здешних местах.

– Может, какая-то поисково-спасательная операция, – прокомментировал Кэл. – А может, нужно кого-то срочно доставить в больницу в Инвернесс. Судя по метеорологическим сводкам, сегодня море сильно штормит.

Тем не менее, когда мы приехали домой, то увидели, что вертолет стоит на лужайке прямо перед Киннаирд-лодж.

– Наверное, за «ихним» сиятельством прилетел, – предположил Кэл, пока мы выбирались из машины. – Должно быть, захотел слетать в город, чтобы купить себе бутылку самого лучшего бренди и еще сигар.

Спустя минут пять, когда мы с Кэлом уже сидели на кухне и согревали себя горячим кофе, раздался стук в дверь.

– Вот и неприятности к нам пожаловали собственной персоной, – недовольно пробормотал Кэл и пошел открывать дверь.

– Тигги дома? – услышала я знакомый голос с нахальными интонациями.

– Да, – последовал короткий ответ Кэла. – Тиг, это тебя! Тут к тебе гости. – Он глянул в мою сторону, слегка пожав плечами. – Ну, я пошел в сарай.

– Добрый день, Тигги, – поздоровался со мной Зед, переступая порог прихожей, а Кэл в это время протиснулся мимо него на крыльцо, и это несмотря на то, что я буквально молила его взглядом остаться. – Кажется, вы вернулись как раз вовремя.

– Для чего вовремя?

– Для увеселительной прогулки по здешним живописным местам. После которой я предлагаю отобедать в одном очень уютном ресторанчике в Эвиморе. Это горнолыжный курорт всего лишь в получасе перелета отсюда.

– Я... Спасибо, но, боюсь, у меня слишком много дел запланировано на сегодня.

– Но неужели у вас нет перерыва на обед? Обещаю, к трем часам я вас доставлю обратно в целости и сохранности.

Судя по всему, этот джентльмен остался глух ко всем аргументам, которые сообщила ему Берил касательно того, что на сегодняшний день я для него недоступна.

– Да, и вот это вам сейчас потребуется. – Он вручил мне черный фирменный пакет от Шанель.

– Что это? – с трудом выдавила я.

– Пара вещей, которые я вам прикупил и велел доставить их сюда вертолетом. Я же понимаю, что вряд ли вы привезли с собой в эту

глухомань весь свой гардероб. Так что ступайте к себе, переодевайтесь. И полетели!

Предложение Зеда настолько шокировало меня, что я не нашлась даже, что возразить ему в ответ. Решила, что сейчас мне действительно лучше всего ретироваться к себе в спальню и там хорошенько все обдумать. Плотно закрыв за собой дверь, я опустилась на постель, поставив пакет с вещами между ног.

Однако чисто женское любопытство все же взяло верх. Я открыла пакет и извлекла из него несколько коробок, все красиво упакованы в белую атласную бумагу, к каждой коробке прикреплен цветок белой камелии. В первой коробке, которую я открыла, лежал джемпер кремового цвета, очень похожий по своему фасону на мой старый дырявый свитер из ангорской шерсти, но только из нежнейшего кашемира. В следующей коробке я обнаружила пару идеально сшитых шерстяных брюк черного цвета, из третьей коробки на меня вывалилась необыкновенной красоты стеганая лыжная куртка кремового цвета. Ну а в четвертой коробке меня поджидали черная круглая шапочка с шарфом и варежками.

Я не смогла удержаться и прошлась рукой по мягкой поверхности свитера, почувствовав произвольную тягу к красивой вещи. И ведь эта вещь вполне могла бы стать моей, если только...

«Опомнись, Тигги!»

Я подавила сокрушенный вздох и принялась заново складывать коробки в пакет. Еще раз вздохнула и направилась на встречу с Зедом, который в моих глазах был точной копией красавца Ричарда Гира из знаменитого фильма «Красотка».

– Спасибо за то, что приобрели для меня все эти вещи, но, к сожалению, я не смогу принять от вас столь щедрый подарок.

– Но почему нет?

Миллион ответов вихрем пронеслись в моей голове, и все, как на подбор, один грубее другого. Но надо взять себя в руки и сдержаться, ведь мне же известно, как нуждается Чарли в потенциальной помощи от Зеда. А потому я выбрала самый короткий вариант ответа.

– Потому что не могу.

– Отлично! – воскликнул Зед, к моему удивлению, даже с некоторым ликованием в голосе и весело прихлопнул в ладоши. – Первое испытание вы выдержали! Сейчас я с полным основанием

могу заявить, что вы кардинально отличаетесь от всех женщин, с которыми мне ранее доводилось иметь дело.

– Вот как? – Я почувствовала, как во мне закипает злость. – Рада, что осчастливила вас, выдержав испытание, о котором я даже не подозревала. А сейчас извините, но мне пора заняться работой. – Я повернулась, чтобы уйти, но он сделал шаг навстречу и ласково взял меня за руку.

– Тигги, понимаю, я разозлил вас. Вижу это! И тороплюсь принести вам свои извинения. Теперь я и сам понимаю, что сморозил глупость. Но вы... вы не понимаете, каково это – быть тем, кто я есть.

– Нет, не понимаю и не хочу понимать, – ответила я с нажимом в голосе.

– Я хочу сказать... Те женщины, с которыми я встречался... Может, это вам покажется смешным, скажете, придумал себе проблему первостепенной важности, но я никогда не был уверен, нравлюсь ли им я, или им нравится все то, что я могу предложить им.

«Вот и я тоже не могу с уверенностью сказать, нравишься ли ты мне...»

– Действительно проблема первостепенной важности, – обронила я, не скрывая иронии. – Для них это, наверное, тоже было проблемой.

– Вот мне и захотелось убедиться в том, что вас нельзя купить.

– Что ж, коль скоро вы убедились в том, что купить меня нельзя, позвольте мне все же заняться своими делами. Мне пора на улицу.

– Конечно, конечно. Само собой, я отправлю вертолет обратно. Глупая это была затея. Но мне просто захотелось обозреть Киннаирд с высоты и в вашей компании. Может, все же согласитесь, пока вертолет еще здесь? Короткий такой полет над именем, и все! Никаких дополнительных предложений. Ровно к двум обещаю снова вернуть вас на землю.

«Если честно, то сама идея была великолепной. Действительно, замечательно было бы посмотреть на Киннаирд с воздуха, – мелькнуло у меня. – Но...»

– Нет, спасибо, Зед. К превеликому сожалению, я ненавижу вертолеты. Когда мне в свое время приходилось лететь из Ла Моле в Сент-Тропе, чтобы попасть на яхту отца, это всегда было самым ужасным. Меня тошнило... А потому прошу прощения еще раз, но мне пора за работу.

Я решительно направилась к входным дверям и распахнула их настежь. Кажется, намек наконец был понят, и Зед, склонив голову с недовольной миной обиженного мальчика, вышел на крыльцо.

На следующее утро, распахнув дверь на улицу, я обнаружила на коврике, лежавшем на крыльце, огромный букет цветов и прикрепленный к нему конверт, адресованный мне.

Я достала из конверта листок бумаги, развернула его и прочитала коротенькую записку, написанную чернилами красивым каллиграфическим почерком.

*Киннаирд-лодж
5 января 2008 года*

Дорогая Тигги!

Прошу рассматривать это небольшое подношение как еще одну мою попытку извиниться за свое вчерашнее грубое и к тому же откровенно глупое поведение.

Пожалуйста, прошу Вас, давайте начнем все сначала.

Зед

– Хм! – задумчиво хмыкнула я, обращаясь к Тистлу, и направилась в Киннаирд-лодж.

– Доброе утро, Тигги, – поздоровалась со мной Берил, когда я вошла в кухню. Она жарила бекон, занимаясь приготовлением завтрака. – С вами все в порядке?

– Да, спасибо. Все хорошо. Вот зашла забрать еду для Чилли. Кстати, а кабинет ваш сейчас свободен? Хочу попутно проверить свою электронную почту.

– Пока свободен, но на вашем месте я бы поторопилась. Наш гость, как правило, с девяти утра берет Интернет в свои руки и просиживает за компьютером часами.

– Спасибо. Уже бегу. – Я быстрым шагом направилась по коридору в кабинет экономки, зашла и плотно прикрыла за собой дверь.

– Ну вот! – пробормотала я про себя, набирая в поисковике фамилию «Лусия Альбейсин». На дисплее завертелось колесико, пока машина старательно занималась поисками того, что, возможно, является частью моего прошлого...

Наконец она начала загружать информацию, которую нарыла по искомому объекту. На экране замелькали ссылки на разнообразные тексты. Я нажала на первую и увидела, что это «Википедия». Из чего сам собой напрашивался вывод о том, что Лусия в свое время была довольно известной личностью, и, следовательно, не все в истории, рассказанной мне Чилли, можно отнести к категории небылиц. Впрочем, одно имя еще ничего не значит. Женщина точно с такой же фамилией оказалась тренером по конному спорту из Южной Америки, но...

Внезапно мое внимание привлекла черно-белая фотография, подписанная тем же именем. И в этот момент дверь за моей спиной открылась. Я поспешно нажала на кнопку «Печать» и отключила экран.

– Доброе утро, Тигги. А вы ранняя пташка, как я посмотрю.

Прежде чем я успела отвернуться, на мои плечи уверенно легли две руки. Я невольно содрогнулась.

– У вас озноб? – поинтересовался он у меня.

– Должно быть, немножко простыла, – соврала я, поднимаясь со стула.

– Вы еще долго? Мне нужно срочно отправить одно письмо по электронной почте.

– Нет, я уже заканчиваю. Сейчас вот распечатаю весь материал и уступлю место вам.

– Тогда я, пожалуй, воспользуюсь этой паузой для того, чтобы позавтракать, – сказал Зед и вышел из комнаты.

Я поспешно выхватила из принтера, расположенного под столом, все распечатанные страницы и обнаружила среди них еще одну черно-белую фотографию, обрадовавшись тому, что наконец увидела женщину, про которую мне рассказывал Чилли. Фотография сопровождалась подписью сверху: «Лусия Альбейсин, исполнительница фламенко».

Я с трудом удержалась от того, чтобы не начать читать прямо сейчас.

Но надо было спешить. Я выскочила из кабинета и направилась к черному ходу.

На улице я успела поймать Кэла, который уже был готов сорваться с места на своей «Берил», и поспешно запрыгнула в кабину, усевшись рядом с ним.

– А ты что здесь делаешь? – удивился Кэл.

– Прячусь от Зеда, а заодно ловлю машину, которая подбросила бы меня к Чилли, – ответила я, знаком указав на пластиковый контейнер с едой, который держала в руке. – А еще я тут подумала, а вдруг, если мы будем проезжать мимо той рощицы, я случайно снова увижу...

– Ты прекрасно знаешь, какой дорогой я обычно езжу к Чилли, – тяжело вздохнул Кэл. – Это совсем в другой стороне. А вот ты, девушка, явно вступила на путь всяких нелепых фантазий. Клянусь, если белый олень окажется реальностью, а не твоей выдумкой, то я готов голышом пробежаться по снегу, только прикрыв плавками свое достоинство!

– С нетерпением буду ждать это незабываемое зрелище, – подначила я. – Потому что говорю тебе, Кэл, уже вполне серьезно. Я видела его!

– Наверняка твой белый олень танцевал в той рощице вместе с феями, – весело рассмеялся в ответ Кэл. В этот момент отворилась задняя дверца, и в машину залез Лочи.

– Доброе утро, – поздоровался он с нами, сильно хлопнув за собой дверцей.

– Доброе утро, Лочи. Рада тебя видеть.

– И я тоже рад, Тигги. – Мальчишка добродушно улыбнулся, и мы тронулись в сторону ущелья.

Кэл остановил машину возле той рощицы сам, безо всякого напоминания с моей стороны. Я опрометью выскочила из кабинки, понимая, что дел у него и без меня по горло, а мои пустые, по его мнению, фантазии, никак его не впечатляют.

Я быстро перешла по мостику на другую сторону ручья и стала наводить свой бинокль, разглядывая рощу. Но, судя по всему, олени уже ушли, подались выше в горы: я приехала на место слишком поздно.

– Ну что? Видела? – спросил меня Кэл, когда мы двинулись дальше.

– Нет. Но можно попросить тебя подъехать сюда завтра пораньше, а? – сказала я умоляющим тоном. – Еще до того, как олени поднимутся на горные пастбища.

– Почему ж нельзя? Можно, конечно, – благодушно ответил Кэл. – Хотя бы ради того, чтобы убедить тебя, что все это тебе померещилось. Хорошо! Сейчас быстро смотаемся к Чилли, потому как у нас с Лочи полно работы: надо продолжить подсчет поголовья оленей, а потом еще изгороди починить, которые завалились.

– Знаешь, Кэл, пожалуй, будет лучше, если и сегодня ты сам отнесешь обед Чилли, – предложила я, когда мы подъехали к домику старого цыгана. – Тебя-то он точно не соблазнит никакими разговорами. А ему передай, что я навещу его завтра! – крикнула я Кэлу уже вдогонку, слегка приоткрыв форточку. – Скажи ему, что я его люблю.

* * *

Ближе к вечеру я принялась изучать содержимое наших кухонных шкафчиков в поисках необходимых ингредиентов для приготовления карри, которое я обещала Кэлу уже давным-давно. За последние дни он проявил недюжинную выдержку, общаясь со мной, а потому я посчитала, что мне следует отблагодарить его. Поскольку дома не оказалось практически ничего из того, что мне было нужно, пришлось сесть в запасной лендровер и сгонять в Тейн, чтобы закупиться в тамошних магазинах всем необходимым.

– Привет, Кэл! – радушно встретила я своего соседа, когда он вернулся вечером с работы. – День прошел удачно?

– Даже очень удачно, спасибо. Лочи – парень, что надо! И намного крепче, чем выглядит. И дело свое, по-моему, неплохо знает.

– Вот это здорово! – порадовалась я за Лочи, а Кэл, не вдаваясь в дальнейшие разговоры, напрямик направился в ванную комнату. Вскоре послышался шум воды из кранов. Обычно Кэл, как истинный джентльмен, всегда предоставлял мне право принимать душ первой.

«Может, вляпался в какие-нибудь какашки, которые оставили после себя олени», – мелькнуло у меня, когда я поспешила на кухню проверить, как там мое карри.

Когда минут через пятнадцать Кэл так и не возник еще в нашей столовой, я подошла к ванной комнате и осторожно постучала в дверь, уловив приятный запах лосьона после бритья, просочившийся сквозь закрытую дверь.

– Карри будет готово через десять минут. Поторопись! – окликнула я Кэла. – Вот обещала приготовить тебе карри и свое обещание выполнила.

Дверь отворилась, и на пороге показался свежевыбритый Кэл в банном халате.

– Тиг, я же говорил тебе, сегодня у меня свидание с Кейтлин. Так что я уматываю в Дорноч.

– Ой, господи! А я совсем забыла! Но ничего... На второй день карри бывает даже лучше, чем сразу после приготовления. Сохраню твою порцию на завтра.

– Спасибо, Тиг. Извини, что так получилось.

– Незачем тебе извиняться передо мной, – ответила я и поплелась за ним следом, когда он направился к себе в спальню, чтобы переодеться. – И напоминаю! Ты должен в обозримом будущем привезти к нам на ужин Кейтлин. Я с удовольствием с ней пообщаюсь.

– Обязательно привезу, – пообещал Кэл и захлопнул дверь своей комнаты прямо перед моим носом. А минут через десять снова появился на кухне в свежей клетчатой рубашке и чистых джинсах. И сразу же стал совсем не похожим на самого себя.

– Вернешься на ночь? – поинтересовалась я у него, вдруг почувствовав себя такой старой курицей-наседкой, которая раскудаhtалась вокруг своего драгоценного дитяти.

– Если небо будет чистым, то вернусь. До свидания, Тиг, – попрощался Кэл, натягивая пиджак. – Смотри, не влипни в какие-нибудь неприятности, пока меня не будет дома.

– Какие такие неприятности? Что он там навывдумывал? – пожаловалась я Алисе, когда кормила ее. – Но на всякий случай запушу-ка я Тистла в дом, – добавила я, чувствуя себя предательницей по отношению к хозяину собаки. Я открыла дверь и окликнула пса. Холодный ветер обжег мне лицо. Температура уже явно ушла в минус.

– Иди же сюда, дорогой мой! – приободрила я Тистла.

– Вот это действительно по-настоящему сердечный прием, – услышала я мужской голос, а следом за псом на пороге появился и его обладатель.

– Добрый вечер, Зед, – поздоровалась я, чувствуя, как сердце уходит в пятки. – Вам что-то нужно?

– Да, но скорее мне нужен кто-то, кто составил бы мне компанию в этот морозный зимний вечер по распитию бутылки исключительно хорошего вина под названием «Новый замок Папы» или «Шатонедю-Пап». А у вас тут пахнет чем-то вкусненьким! – Зед принялся к запахам, долетающим из кухни. – Кого-то ждете? Я видел, что Кэл уехал.

– Никого не жду. Просто решила сама себе приготовить карри на ужин, – ответила я, лихорадочно перебирая в голове причины, по которым можно выставить непрошеного гостя за дверь. Ни одной убедительной, как назло, сплошные грубости. Придется впустить. – Проходите, – с явной неохотой пригласила я.

Зед уже готов был переступить порог, но Тистл тут же прыгнул и сел передо мной, шерсть на его загривке встала дыбом, и он издал злобное рычание.

– *Scheibe!* Ах, ты, зараза! Приведите-ка его в чувство! И поживее! – воскликнул Зед, испуганно отпрянув назад.

– Тише, Тистл! Все в порядке! Успокойся! – Я погладила пса по спине. – Сама не знаю, что это на него вдруг нашло. Обычно он такой спокойный и миролюбивый пес...

– Но, судя по всему, абсолютно не приучен к порядку, – недовольно буркнул Зед.

– Тистл, успокойся, прошу тебя, – проговорила я, наклонившись к уху собаки, ибо Тистл продолжал угрожающе рычать. – Иначе я буду вынуждена выставить тебя за дверь.

Чувствуя себя самой настоящей предательницей по отношению к своему верному другу и четвероногому защитнику, но одновременно опасаясь жалоб со стороны Зеда, адресованных Кэлу или даже самому Чарли, по поводу вопиющей невоспитанности псины, я все же выпроводила Тистла обратно на улицу и закрыла за ним дверь, впустив в дом Зеда. Неравноценный обмен, подумала я с досадой, стараясь не

обращать внимания на жалобные повизгивания, раздающиеся со двора.

Зед проследовал за мной на кухню, и я вручила ему старый штопор, весь изогнутый и кривой. Чтобы управиться с ним и открыть бутылку, нужна недюжинная сноровка, решила я, наблюдая за тем, как Зед какое-то время безрезультатно сражался с этой штуковиной. Но, в конце концов, он все же откупорил бутылку и разлил вино по бокалам.

Как обычно, какое-то время принюхивался, вертел свой бокал в руке, потом сделал глоток и, откинув голову назад, некоторое время смаковал вкус вина во рту, после чего отпил еще.

– Хорошее вино, – вынес он наконец свой окончательный вердикт. – Думаю, оно как нельзя лучше подойдет к вашему карри.

– Намек понят! Но сразу же предупреждаю вас, блюдо исключительно вегетарианское. К тому же я уверена, что Берил приготовила вам что-нибудь вкусненькое и уже поджидает вас к ужину.

– Сегодня у Берил выходной, поэтому на подхвате сейчас эта полоумная девчонка. Наварила какой-то бурды под названием суп, – пренебрежительно бросил в ответ Зед. – Думаю, даже ваш постный карри предпочтительнее ее варева.

– Спасибо на добром слове. Тогда я угощаю. Я и сама, если честно, уже умираю с голоду.

– Чем могу помочь вам? – спросил он у меня.

– Пошевелите дрова в камине, – попросила я и, глянув ему в спину, подумала, что вряд ли он вообще знает, как это делается. Наверняка для такой работы у него есть какой-нибудь специальный прихлебатель.

– Где вы учились? – поинтересовалась я у Зеда, пытаюсь нащупать новую тему для разговора, когда мы с ним устроились за столом, чтобы приступить к трапезе.

– В Париже, в Сорбонне. Кстати, пару дней тому назад я наконец вспомнил, почему ваша фамилия мне знакома. Я учился там вместе с вашей сестрой Майей.

– Правда?

– Да. Мы даже встречались с ней некоторое время. Ничего, впрочем, серьезного. Но я отлично помню, как она мне рассказывала о своих пяти сестрах, которых тоже удочерили, как и ее саму. И у всех девочек были очень странные имена. Но потом я закончил

университет, а ей оставался еще год. Словом, мы потеряли друг друга из виду.

– Она никогда не упоминала о вас в разговорах со мной. Впрочем, это на нее похоже. Она у нас очень скрытная.

– О да, что правда, то правда. Но все равно очень милая девушка. И невероятно красивая к тому же.

– Да, из нас шестерых она, безусловно, первая и самая главная красавица.

– А что отличает вас?

– О, я такая же малозаметная, как одна отдельно взятая снежинка, – усмехнулась я в ответ. – Но девочки называют меня «спиритом».

– В том смысле, что вы колдунья, да?

– Если даже и так, то, клянусь, на моей совести нет никаких гадостей. Я чиста, как снег за окном. Кстати, это в какой-то степени моя проблема. Стараюсь не задевать ничьи чувства и не обижать никого, – многозначительно добавила я.

– А напомните мне, Электра тоже из числа сестер Деплеси?

– Да, она у нас младшенькая. С ней вы тоже знакомы?

– Наши пути пересекались несколько раз в Нью-Йорке на всяких благотворительных вечерах. Можно сказать, я ее хорошо знаю.

– О, она постоянно участвует в подобных мероприятиях. А вы?

– Как правило, да. А что? Все это довольно забавно. Так почему бы не поучаствовать?

– А я вот ненавижу светские тусовки. – Я скорчила рожицу. – Огромные залы, забитые до отказа праздной публикой, бесконечные воздушные поцелуи, посылаемые друг другу, улыбки, а все для того, чтобы тебя сфотографировали и поместили твою фотку в каком-нибудь глянцевого журнале.

– Нет, Тигги, здесь вы не правы. – Зед поднял руку. – Да и нельзя мазать всех одной краской.

– Наверное, это исключительно мое видение. В любом случае, у меня такое ощущение, что Электра, несмотря на то что она у нас самая младшая, уже выхолощена до предела своим пустым и бесцельным существованием. А виной всему, полагаю, тот гламурный мир, в котором она постоянно вращается.

– Может, виноват не столько сам мир, сколько те люди, с которыми она общается, – предположил Зед.

– Как бы то ни было, а лично для меня жизнь здесь – это и *есть мой мир* на сегодняшний день. Он для меня главнее тех людей, с которыми можно общаться где-то в другом месте.

– Что ж, у каждого все складывается по-своему. Вы вот говорите, что терпеть не можете всякие светские тусовки, а я, к примеру, никак не могу привыкнуть к той изоляции, в которой очутился здесь. Понимаю, терпения у меня маловато. Но жить в таком затворничестве под силу, пожалуй, лишь святому. Ну а мне далеко до святости. Скорее уж, наоборот... В любом случае, Киннаирд – это бесконечная череда неудобств: плохой доступ к Интернету, многие километры до ближайшего городка, полное отсутствие светской жизни, никаких человеческих контактов, в принципе. Только с вами, Тигги, чему я страшно рад. Потому что мне очень нравится ваше общество.

– Спасибо. Но вас послушать, так Киннаирд – это настоящее божье испытание, ниспосланное вам свыше. Думаю, однако, вы преувеличиваете и в глубине души так не считаете. Киннаирд-лодж – красивый дворец, и здесь даже Интернет имеется, пусть и не круглосуточный.

– Вы, конечно же, правы, – охотно согласился со мной Зед. – А я просто испорченный сноб. Но расскажите же мне о своем отце. Майя всегда говорила о нем с такой любовью.

– К сожалению, в минувшем году он умер. В июне. Да, мы все обожали его. Уход папы – огромная потеря для каждой из нас. – Но тут я оборвала себя, не став далее распространяться о своих переживаниях. В конце концов, не буду же я признаваться Зеду в том, что у меня до сих пор такое чувство, будто папа жив. Едва ли Зед способен понять такие тонкие духовные материи.

– Примите мои соболезнования, Тигги. Между прочим, мой отец тоже умер сравнительно недавно, – негромко обронил Зед. – У него был диагностирован рак, но отец, за всю свою жизнь не проболевший и дня, вскоре после того, как ему озвучили окончательный диагноз, вышел на своей яхте в открытое море и там покончил жизнь самоубийством.

– Ох боже мой, какое горе, Зед! Мне очень жаль.

– Наверное, он посчитал, что так будет лучше для всех. К тому же отец был уже очень старым человеком, за девяносто... Прожил хорошую жизнь. До самых последних дней работал в своем кабинете в Нью-Йорке.

– А что у него был за бизнес?

– Компания «Лайтнинг Коммьюникейшнс». Сейчас ее унаследовал я. Я работал у отца много лет, полагал, что получил хорошую подготовку для самостоятельного ведения дел. Но на практике все оказалось не так просто. Это как в бейсболе. Никогда не знаешь, когда противник окажется у *твоих ворот*.

– А как звали вашего отца?

– Криг, а фамилия наша – Эсзу. Вполне возможно, вы о нем слышали. Его фотографии постоянно мелькали в газетах, то он участвует в каком-то светском мероприятии, то озвучивает свое мнение с экрана телевизора. Он был очень колоритной личностью, мой отец, вне всякого сомнения. К тому же большой жизнелюб. А чем занимался ваш отец?

– Если честно, то толком и не знаю. Когда мы были детьми, он постоянно отсутствовал, колесил по всему свету, но в свои дела предпочитал нас не посвящать. Он говорил, что когда находится в Атлантиде – это наш семейный дом в Женеве, – то всецело принадлежит только нам.

– А вот мой отец притащил меня в свой кабинет, когда я был еще совсем маленьким ребенком. Так, во всяком случае, рассказывала мне мама. С тех самых пор я так и торчу там, практически безвылазно. – Зед невесело усмехнулся. – Особенно в последние месяцы. Столько всего пришлось разгрести.

– Могу себе представить. А ваша мама жива?

– К сожалению, тоже нет, хотя она была лет на тридцать моложе моего отца. Он всегда называл ее «моя девочка-жена». Они развелись, когда я был подростком. Потом долго и шумно судились, решая, с кем я буду жить. Разумеется, эту битву выиграл папа. Он вообще всегда выходил победителем из любых схваток. Правда, я до сих пор так и не пойму, зачем я ему был нужен, коль скоро все его воспитание свелось лишь к одному: он тотчас же отправил меня в закрытую частную школу. Мама погибла в результате несчастного случая, катаясь на лыжах. Ей было тогда едва за сорок. Трагическая смерть, по-иному и

не скажешь. Простите меня, Тигги, что-то я сегодня разболтался, грузу вас своими невеселыми воспоминаниями. Хотя я очень благодарен за то, что вы меня выслушали. – Он накрыл мою руку своей ладонью. – И за ужин тоже большое спасибо. К моему удивлению, карри оказался превосходным. Даже не ожидал.

– Тогда приглашаю вас ко мне трапезничать. Я люблю готовить. Помню, ребенком я часами просиживала на кухне, наблюдала за тем, как работает наша экономка Клавдия. Кстати, именно она научила меня готовить много вкусных вегетарианских блюд.

– Так говорите, ваша экономка? – улыбнулся Зед, а я подумала, что опять меня повело не в ту сторону.

– Пожалуйста, Зед, оставим эту тему на потом, для другого раза, – попросила я.

– Давайте оставим. – Он подался в мою сторону. – О какой работе вы мечтаете, Тигги?

– Мне всегда хотелось поехать в Африку, работать там с крупными животными.

– В качестве кого?

– Главным образом, чтобы защищать этих животных и сохранять их для дикой природы. Собственно, это моя специализация. Я защищалась в университете именно по охране дикой природы. Хотя сравнительно недавно я поняла, что мне нравится и обычный ежедневный уход за животными.

– Вы имеете в виду то, чем занимаются ветврачи?

– Да, наверное, так.

– Как с моей колокольни, так проблема охраны диких животных представляется мне более интересной, гораздо более сексуальной, что ли.

– Вот как раз сексуальность меня совсем не интересует, Зед. Все, что меня интересует, так это как с максимальной пользой для дела распорядиться своими знаниями и своей квалификацией.

Я поднялась со своего места и принялась собирать посуду со стола.

– Но при этом сами вы чертовски сексуальны, – возразил Зед. Он тоже поднялся из-за стола и поплелся вслед за мной на кухню. Внезапно выхватил тарелки из моих рук, поставил их на стол, потом

развернул меня к себе и заключил в объятия. – Можно мне поцеловать вас?

Я не успела ответить, как он уже впился в меня своими губами. Для меня это стало самым настоящим шоком. Я начала барахтаться, пытаюсь вырваться из его цепких рук.

– Всем добрый вечер, – услышала я голос Кэла. Он стоял на пороге, весь с головы до ног запорошенный снегом. Ни дать ни взять, самый настоящий снежный человек. – Надеюсь, я не очень помешал? – поинтересовался он с самым невинным видом.

– Совсем не помешал! – крикнула я, бросаясь к нему навстречу. – Зед как раз уже уходит. Ведь правда же, Зед?

– О, если только из-за меня, то можете не спешить. Извините, если я все же помешал. Из-за это снегопада пришлось бросить машину прямо посреди дороги и тащиться добрых пару миль на своих двоих. Чертовски замерз! Хорошо бы сейчас чашечку горячего шоколада для сугреву. Не хотите составить мне компанию? – спросил Кэл у Зеда, сбрасывая с себя всю верхнюю одежду, с которой уже начало капать на пол.

– Нет, благодарю вас. – Кажется, Зед правильно понял сделанный ему намек. – Я действительно уже собрался уходить. И еще раз спасибо, Тигги, за карри. Доброй ночи.

Он ушел, громко хлопнув за собой дверью.

– Господи! Какое счастье, Кэл, что ты вернулся! И как раз вовремя! – воскликнула я, обессиленно опускаясь на диван. Я все еще не могла опомниться от только что пережитого потрясения и от того, как все благополучно разрешилось в итоге.

– Что ж, я рад, что сорвавшееся любовное свидание с моей дамой обернулось хоть какой-то пользой, – сухо обронил Кэл, подходя к огню, чтобы хоть немного отогреться. – Как я понимаю, его намерение не встретило особого одобрения?

– Конечно нет! Какое одобрение?! – воскликнула я возмущенно. – Он сам меня схватил.

– Явно этот парень на тебя запал.

– Зато я в этот момент почувствовала себя оленем, обреченным на отстрел.

– Но я уже здесь и позабочусь о твоей безопасности. Послушай, Тиг, мне надо пойти переодеться во что-нибудь сухое. Давай отложим

все наши разговоры до утра, ладно?

– Ладно. И еще раз спасибо тебе, Кэл.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Мне мерещился Зед, намеревающийся проникнуть в мою комнату через окно, которое он пытался открыть ломиком, чтобы потом наброситься на меня и довершить свое грязное дело...

– Успокойся, Тигги, – приказала я сама себе утром, с трудом поднявшись с постели. – Все, чего он хотел, просто поцеловать тебя. А уж насиловать он точно не собирался. По всей вероятности, он привык в отношениях с женщинами всегда брать инициативу в свои руки...

«Да, только чем бы все это закончилось, если бы так вовремя не появился Кэл?»

– Вид у тебя убитый, – коротко констатировал Кэл, когда я появилась на кухне, он как раз возился с чайником.

– Я и чувствую себя ужасно, – вздохнула я в ответ. – Прошу тебя, задерни все шторы на окнах. Тогда я буду точно знать, что он за нами не подглядывает.

– Кажется, ты попала в серьезную передрягу. Прямо роковая женщина какая-то...

– Не вижу ничего смешного, Кэл! Честное слово! – снова рассердилась я. – Не знаю почему, но этот человек меня определенно пугает.

– Думаю, что, как только он поймет, что такой лакомый кусочек, как ты, ему не по зубам, он тотчас же от тебя отцепится. Укроется в своей подземной норке, старая ящерица...

Кэл ушел, через какое-то время я тоже подалась на улицу и увидела, что за минувшую ночь снега кругом навалило полным-полно. Я решила отправиться к своим кошкам на нашем лендровере по имени «Берил», справедливо рассудив, что если уж во дворе намело такие сугробы, то внизу в ущелье снег будет точно выше колен. Само собой, кошки в такую погоду предпочли не высовываться из своих нор и остались в укрытии вместо того, чтобы предаваться играм на свежем воздухе. Поэтому я тоже не стала задерживаться, приехала домой, растопила камин и взяла те распечатанные страницы, которые посвящены Лусии Альбейсин, и уселась в кресло возле огня с намерением прочитать, сколько успею. Частично потому, что сегодня я решила посетить Чилли и хотела отправиться к нему уже

подготовленной, а частично потому, что просто захотелось отвлечься от неприятных мыслей о Зеде.

Вне всякого сомнения, материалы, опубликованные в «Википедии» и касающиеся ранней юности Лусии и ее восхождения к вершинам славы, практически полностью совпадали с тем, что рассказал мне Чилли. А поскольку он читать не умеет, да и вряд ли видел когда-либо в своей жизни такую вещь, как компьютер, то едва ли он мог позаимствовать подробности из каких-либо других источников. Я дочитала до того момента, когда Лусия стала выступать в баре «Манкуэт» и решила на этом пока остановиться. Будет лучше, если и продолжение истории я услышу из уст Чилли. Сейчас я по крайней мере знаю, что он ничего не придумал и что мы с Чилли действительно *родня*.

– Получается, – сказала я вслух, глядя на собственное отражение в зеркале, – в тебе и *правда* течет цыганская кровь. И это многое, очень многое, очень многое объясняет в моем характере, подумала я, отправившись в Киннаирд-лодж за едой для Чилли. По пути к нему я снова заскочила в ту рощицу, где пару дней назад увидела белого оленя, но в роще было пусто, все олени разбрелись по окрестностям, и я поехала дальше.

Когда я вошла в дом, то увидела, что Чилли не сидит в своем кресле, по обыкновению. Он лежал на постели, забывшись тяжелым сном. В хижине стоял зверский холод. Я на цыпочках приблизилась к его кровати. Громкие стоны и хрипы свидетельствовали о том, что он по крайней мере жив.

– Чилли, с вами все в порядке? – спросила я, глянув на него.

Он полуоткрыл один глаз, глянул на меня, потом слабо махнул рукой, приказывая, чтобы я удалилась. И тут же зашелся приступом кашля. Кашель глухой, как из бочки, из груди вырвался надрывный хрип. Потом кашель возобновился с новой силой и длился до тех пор, пока Чилли не стал задыхаться.

– Давайте-ка я приподниму вас, Чилли, – предложила я, испугавшись не на шутку. – Вам сразу же полегчает.

Поскольку ответить мне он не мог из-за кашля, я обхватила его руками за плечи и слегка приподняла вместе с подушкой. Вялое тело старика, легкое, словно пушинка, напоминало тряпичную куклу. Я тронула рукой его лоб. Горячий. Судя по всему, у него сильный жар.

«Как у Филипе», – неожиданно мелькнуло у меня.

– Чилли, вы заболели. У вас ужасный кашель. Я сейчас же вызову по радиотелефону доктора.

– *Нет!* – Дрожащим пальцем он указал на комод. – Лучше травы! Возьми там, – выдохнул он с трудом. – Я скажу тебе, какие закипятить.

– Вы так полагаете? А я вот считаю, что наступил момент, когда вам действительно нужна настоящая медицинская помощь.

– Делай, что тебе говорят, или уходи! – Он сердито сверкнул на меня заплывшими кровью глазами. После чего последовал очередной приступ удушливого кашля. Я принесла ему кружку с водой и заставила сделать пару глотков.

Следуя указаниям Чилли, я извлекла из шкафчика сухие травы: бадьян, или анис звездчатый, тмин, тимьян и листья эвкалипта. Зажгла газовую плитку, залила смесь трав водой и поставила кастрюльку на огонь. Потом оставила раствор настаиваться, а сама извлекла из комода чистую тряпицу, смочила ее водой и приложила к горячему лбу Чилли. Так всегда делала Ма, когда я в детстве болела, что со мной случалось довольно часто.

– В детстве у меня была сильная астма, – поделилась я своими воспоминаниями с Чилли. – И она тоже всегда сопровождалась очень сильным кашлем.

– Скоро к тебе прицепится еще одна болезнь, – пробормотал он, и глаза его почти вернулись в свои орбиты после очередного приступа кашля.

Потом Чилли задремал, а я сидела рядом с его постелью и прикидывала, что за болезнь он мне напророчил. Надеюсь, обычную простуду. Потом я стала размышлять о том, что про свою известную бабу я уже знаю много чего. Но моя *мать*? Кто она? А поскольку Лусия Альбейсин стала со временем настоящей звездой фламенко, и, следовательно, была достаточно богата, то значит, отнюдь не затруднительная финансовая ситуация вынудила мою мать отдать меня в чужие руки. Тогда что?

Запах трав и специй, заполнивший помещение, напоминал стойкий запах антисептика. Между тем настой уже приобрел темно-коричневый цвет. Я сняла кастрюльку с плиты и перелила жидкость в железную кружку Чилли.

– Чилли, настой готов. Просыпайтесь. Надо выпить, пока он еще теплый.

Он кое-как приподнялся на постели, а я изловчилась и приладила кружку к его губам. Он пил небольшими глотками, но до тех пор, пока не допил до самого дна.

– Вот теперь все будет хорошо, Хотчивитчи. – Он слабо улыбнулся и легонько погладил мою руку. Я решила подождать часок, посмотреть, как подействует на старика целебный отвар, спадет ли температура. В противном случае буду связываться с Кэлом по рации и просить его вызвать к Чилли врача.

На улице между тем снова начался снегопад. Снежинки хлопьями оседали на маленьких оконцах, скрадывая и без того скудное освещение в комнате. Снова, уже в который раз, я с удивлением подумала, как же выживал здесь Чилли все эти годы, один и в такой глуши. Но, по его словам, он никогда не чувствовал себя одиноким: компанию ему составляли деревья, ветер, птицы, с которыми он разговаривал.

А ведь большинство людей, которых я знаю, физически не могут переносить молчание. Они заполняют тишину громкой музыкой, телевизором, чаще – пустой болтовней. А вот лично мне нравится молчать. Тогда ты явственнее слышишь все звуки, которыми полнится тишина. Потому что никакая это не тишина на самом деле, а самая настоящая какофония звуков окружающей нас природы: пение птиц, шуршание листвы на деревьях, сотрясаемых порывами ветра, сам ветер или дождь... Я закрыла глаза и вслушалась в легкое шуршание снежинок, соприкасающихся с оконной рамой. Кажется, будто они тихонько стучат в окно, пытаясь проникнуть внутрь, словно какие-то волшебные феи...

Должно быть, я тоже задремала, что и немудрено после минувшей бессонной ночи. Я очнулась, почувствовав на своей руке руку Чилли.

– Лихорадка спала, Хотчивитчи. Дай мне еще настоя, а потом можешь уходить к себе.

На дворе уже стало смеркаться. Я пощупала лоб Чилли: действительно, такой же холодный, как и мой собственный. И глаза стали ясными. Он смотрел на меня не просто с теплотой, а я бы даже сказала, с любовью. Но вот Чилли снова закашлялся, и из его груди донеслись те же пугающие хрипы.

– Хорошо, я уйду, Чилли. Но кашель мне ваш категорически не нравится, – сказала я, поднимаясь с места, и снова направилась к комоду. – Вам нужен какой-нибудь ингалятор и, может быть, даже антибиотики.

– Ваша медицина – это все сплошной яд! – снова, наверное, уже в сотый раз, повторил он свое любимое заключение об официальной медицине.

– Пусть так, но врачи спасли многие и многие миллионы жизней! – возразила я Чилли. – Подумайте сами, сколь долог век современного человека. Разве раньше доживали до таких лет, как сегодня?

– А ты взгляни на меня! – Чилли слабо ударил себя в грудь, прямо вылитый Тарзан, только очень старый. – Вот я же дожил! И без всяких этих ваших снадобий!

– Верно. Но, с другой стороны, мы же знаем, что вы не такой, как другие, – возразила я, зажигая газовую конфорку, чтобы вскипятить новую порцию ароматного настоя.

Чилли промолчал в ответ, что показалось мне достаточно необычным. Наконец он заговорил.

– Ты тоже не такая, как все, Хотчивитчи. Сама скоро в этом убедишься.

Я вышла во двор: снег хлопьями летел прямо в лицо. «Интересно, – подумала я, – смогу ли я отыскать в такую метель обратную дорогу домой? Или придется заночевать в хижине Чилли?» Я принесла с улицы дров, заново растопила камин, потом сбегала в машину за рацией. К этому времени травы уже успели настояться. Я снова поднесла чашку ко рту Чилли, и он выпил целебный отвар.

Но на сей раз он отказался от моей помощи, предпочел держать чашку сам, хотя рука его заметно тряслась. Впрочем, и невооруженным глазом было видно, что Чилли заметно полегчало. Особенно в сравнении с тем, каким я его нашла.

– Поезжай домой, – сказал он. – Пока еще окончательно не стемнело.

– Я хочу оставить у вас свою рацию, Чилли. Вы умеете ею пользоваться?

– Нет. Забирай ее с собой. Если пришло мое время, значит, оно пришло.

– Чилли, после таких заявлений я вообще не могу оставить вас одного.

Он улыбнулся, глянув на мое расстроенное лицо, потом покачал головой.

– Нет, Хотчивитчи, мое время еще не пришло. Но когда оно придет... – Внезапно он схватил меня за руку. – Ты узнаешь об этом.

– Перестаньте, Чилли. Прошу вас, не надо больше подобных разговоров. Что ж, если вы уверены, что справитесь без меня, тогда я, пожалуй, поеду, пока окончательно не стемнело. Завтра я первым делом наведаюсь к вам. И все же, вопреки вашим возражениям, я оставляю рацию рядом с вами. Нажмите на любую кнопку, и кто-то, я или Кэл, ответит на ваш звонок. Обещаете?

– Обещаю.

Метель между тем разбушевалась уже вовсю. Я села за руль и почувствовала, как екнуло сердце, когда я покатила на своей «Берил» навстречу пурге. В какой-то момент остановила машину, пытаюсь определить, где тут была дорога. Тщетно! Все, что раньше было разъезженной колеей, сейчас утопало в сугробах снега. Главное – не угодить ненароком в замерзший ручей, тоже заметенный сейчас снегом. Я понимала, что если сойду с пути, то велика опасность провалиться под воду. Речка еще не настолько схвачена льдом, чтобы выдержать вес моего лендровера.

– Только этого еще не хватало! – Сердце бешено заколотилось в груди, и я даже решила, что вот сейчас попробую развернуться и поехать назад к домику Чилли. Пережду у него, пока утихнет метель. Однако, как оказалось, и такой маневр, как разворот, мне сейчас не удастся сделать, потому что, вполне возможно, речка всего лишь в нескольких сантиметрах от меня: начну разворачивать машину и прямиком угожу в воду.

– *А ты, дура набитая*, еще оставила рацию у Чилли! – принялась чихвостить я саму себя, чувствуя, как стучат зубы от холода и страха.

И вот, когда я уже почти смирилась с тем, что скоро замерзну, и приготовилась к медленной смерти в снегу, я вдруг увидела яркий свет встречных фар, вспыхнувших на некотором расстоянии от места моей вынужденной стоянки. А минут через пять рядом с моей машиной остановился новенький, сверкающий ренджровер Зеда. Я

почувствовала и облегчение, и страх, увидев, как водитель выбрался из машины и направился в мою сторону.

– Слава богу! – воскликнули мы с Кэлом в один голос, когда он рывком открыл дверцу моей машины.

– Где твоя рация? Почему ничего не сообщила? – набросился он на меня, затащил, можно сказать, на руках в свою машину и тут же включил отопление на полную мощность.

– Я оставила рацию у Чилли, – стала я объяснять. Кэл сделал разворот в три приема, и мы поехали вперед, а дворники метались, как заведенные, энергично смахивая снег с ветрового стекла. – Он очень болен.

– Господи боже мой! Разве ты не знаешь, Тиг, что правило номер один в здешних местах – это никуда не соваться, не имея при себе радиации? Можешь себе представить, как я разволновался, когда ты перестала выходить на связь? Ведь ты же запросто могла здесь замерзнуть до смерти! Это вообще чудо, что я отыскал тебя в такую пургу!

– Прости меня, – жалобно пробормотала я, чувствуя, как живительное тепло уже побежало по моим рукам и ногам.

– А когда ты так и не объявилась дома, то я смотался к Зеду и слезно попросил одолжить мне на время его новенький лимузин. Думаю, именно эта груда металла и спасла тебе сегодня жизнь.

– Я обязательно загляну к нему завтра и поблагодарю за его любезность. И тебе огромное спасибо, Кэл, – добавила я, когда он помог мне выбраться из машины и завел в дом. – Мне действительно очень стыдно, что все так получилось.

Позже, когда Кэл завалил мою постель одеялами, принес бутылку с горячей водой, а потом еще и кружку с горячим пуншем, я мысленно возблагодарила небеса за то, что рядом со мной сейчас находится Кэл. Конечно, все эти духи-покровители, это все очень хорошо и замечательно, но, к счастью, у меня есть свой покровитель и защитник, и он тут, на земле.

Я мысленно возликовала, считая, что легко отделалась от своего ночного приключения в пургу: всего лишь простуда, к которой, правда,

присовокупился еще и противный кашель.

– И снова Чилли оказался прав, – призналась я Кэлу как-то раз за завтраком спустя несколько дней. – Он говорил мне, что я заболею. Так оно и случилось. А кстати, как он сам?

– Жив-здоров, с ним все в полном порядке. За тебя сильно переживает.

– Со мной тоже все в порядке, – ответила я, чувствуя тем не менее необыкновенную слабость во всем теле. Наверное, это меня так вымотали кашель и насморк. – А у тебя? – поинтересовалась я у Кэла. – Что-то ты в последние пару дней ходишь какой-то непривычно тихий.

– К превеликому сожалению, Тиг, у меня не все в порядке. Лэрд обещал сегодня со мной встретиться и снова, уже в который раз, отменил свой визит в самый последний момент. А у меня к нему накопилась куча вопросов. Пожалуй, их перечень в письменном виде окажется таким же длинным, как и моя рука. И на первом месте в этом перечне, конечно, замена «Берил».

– Надеюсь, ты имеешь в виду не живую Берил, а нашу машину? – пошутила я, слабо улыбнувшись.

– Ха-ха-ха! Но мне, Тиг, ей-богу, не до шуточек. Если бы я в минувшую ночь не обнаружил тебя полужамерзшей, а в нашей старухе «Берил» отсутствует система обогрева, то ты наверняка бы умерла от переохлаждения. Далее, домик наш тоже промерзает насквозь. Кейтлин уже сто раз повторяла мне, что я должен потребовать установить здесь центральное отопление. Увы-увы! Весь наш бюджет, о чем я и сказал ей, целиком ушел на эту помпезную реконструкцию господского дома, все, чтобы потрафить ее светлости и их гостям. А это не вполне справедливо по отношению к тем, кто здесь работает.

– Кэл Маккензи – представитель профсоюзов Киннаирда, – снова попыталась я свести все к шутке.

– Смейся-смейся! Но, в любом случае, я намереваюсь вернуться к своим баранам. Звоню ему немедленно и договариваюсь о встрече. На сей раз Чарли не удастся ускользнуть от меня и снова увернуться от своих прямых обязанностей.

– Может, поинтересуешься у него и на мой счет? Чем мне сейчас заняться? Ведь у меня, кроме походов к моим кошкам, другой работы

пока нет. А уж если посмотреть правде в глаза, то мы-то с тобой хорошо понимаем, что такую работу может вполне выполнять и Лочи.

– Верно, – согласился со мной Кэл. – Но ты не переживай! Работу я тебе тут найду, – пообещал он, собираясь уходить.

Через полчаса я развела огонь в камине и устроилась на диване с книжкой в руке и с Тистлом под боком. Тистл тотчас же громко захрапел. Я прислушалась к его дыханию: оно было более шумным, чем обычно, он даже кашлянул пару раз во сне.

– Неужели моя простуда передалась и тебе? – пожалела я пса, ласково поглаживая его уши.

В этот момент раздался негромкий стук в дверь, Тистл немедленно насторожился, тут же спрыгнул с дивана и начал рычать.

– Успокойся! – приказала я псу, он неохотно подошел ко мне. – Сидеть! – А сама пошла открывать дверь и увидела на крыльце Зеда.

– Добрый день, – поздоровалась я с ним, зная, что должна хотя бы поблагодарить его за машину. – Проходите.

– Он в порядке? Не съест меня? – спросил Зед, потому что Тистл продолжал тихо рычать.

– Сейчас я возьму его на поводок, и он будет как шелковый, – пообещала я, отнюдь не собираясь выпроваживать пса на улицу и сегодня, памятуя о том, что случилось здесь в прошлый раз. Я сняла поводок с крючка в прихожей и пристегнула его к ошейнику Тистла. – Ступай за мной, – скомандовала я ему и поволокла назад к дивану.

– Первым делом, – сказала я, усаживаясь на диван, – хочу поблагодарить вас за то, что вы разрешили Кэлу воспользоваться вашим ренджровером и, по сути, спасти мне жизнь. И, само собой, за цветы тоже. – Я указала на свежий букет цветов, стоящий на подоконнике, этот букет я обнаружила пару дней тому назад на крыльце. – Они мне очень подняли настроение.

– Правда? Тогда я счастлив. Итак, – продолжил Зед, осторожно присаживаясь в кресло рядом с камином и опасно поглядывая на Тистла, – насколько я наслышан, сегодня ваш лэрд не собирается проведать свое родовое гнездо. И это весьма жаль, ибо я с нетерпением ждал встречи с ним.

– И я тоже! – не стала я кривить душой. – Мне надо так многое обсудить с ним. Впрочем, как и Кэлу.

– Да, ничего не скажешь! Могу себе представить, как трудно работать, когда твой босс постоянно отсутствует.

– Все так. Но ведь у Чарли есть и основная работа. Он трудится ведущим кардиохирургом в городской больнице Инвернесса. Так что ему тоже приходится несладко.

– В свое время отец постоянно учил меня не размениваться сразу на множество дел. Главное, говорил он, это умение концентрироваться на каком-то одном проекте, самом важном на данный момент, и всецело вкладывать в него все свои силы и энергию, – задумчиво обронил Зед.

– По-моему, у Чарли сейчас просто нет выбора. Не может же он взять и бросить своих пациентов на произвол судьбы, а сам переехать сюда и начать заниматься исключительно делами имения.

– Ну а как же те, кто на него здесь работают? С самого начала мне бросилось в глаза, что в Киннаирде маловато обслуживающего персонала. А при постоянном отсутствии капитана на мостике вашего судна его швыряет и носит по волнам, как говорится, без руля и без ветрил. Вот взять меня, к примеру. Несмотря на то что я пока физически нахожусь здесь, в Киннаирд-лодж, каждый день я работаю по шесть часов кряду, а иногда и больше, постоянно взаимодействуя со своим персоналом то по телефону, то по электронной почте.

– С трудом представляю себе Чарли, беседующего по телефону в разгар операции на открытом сердце, – достаточно запальчиво возразила я Зеду.

– Согласен. Тогда он должен решать, что для него важнее и чем он хочет заниматься в дальнейшем, и решение это нужно принимать безотлагательно. Я тут просмотрел счета имения за последние месяцы. Сплошные убытки, причем огромные. Если назвать вещи своими именами, то Чарли Киннаирд – полный банкрот.

– Но каким образом вы получили доступ к его счетам? – ужаснулась я подобной осведомленности Зеда.

– О господи! Тоже мне, нашли проблему! Да сейчас в Интернете можно найти все что угодно. Главное знать, где искать. А я знаю, что в регистрационной палате Киннаирд-лодж числится как общество с ограниченной ответственностью.

– Да? – проямлила я с глуповатым выражением лица. Ибо ответ Зеда отнюдь не объяснил мне главного. *Зачем он рылся в счетах*

Чарли?

– На какой срок вы заключили с ним контракт? – спросил у меня Зед.

– На три месяца, но Чарли заверил меня, что контракт будет продлен.

– Понятно. Хотя, просматривая его счета и те суммы задолженности, которые у него образовались после реконструкции дома, остается лишь удивляться, где он изыщет дополнительные средства, чтобы оплатить расходы за электричество, не говоря уже о выплате зарплат своим работникам в следующем месяце. Тигги! – Зед слегка подался вперед. – Собственно, сейчас я перехожу к делу, ради которого и пришел. В моей компании появилась одна свободная вакансия, и я хочу обсудить ее с вами.

– О, но, боюсь, я мало что соображаю в вопросах коммуникации и связи, включая все технологические аспекты вашего бизнеса.

– Я знаю, что вы в этом ничего не смыслите. Более того, я и не хочу, чтобы вы разбирались во всех этих вопросах. Проблемы коммуникации и все, что с ней связано, это моя прерогатива. Но я сейчас занят созданием совершенно новой службы, которая будет субсидироваться из всемирного благотворительного фонда под эгидой «Лайтнинг Коммьюникейшнс».

– И чем конкретно будет заниматься эта служба?

– Наша основная цель – начать отдавать природе и обществу в целом все то, что мы у них когда-то забрали. Скажу вам честно, у моего отца была не очень хорошая деловая репутация. Многие в мире бизнеса называли его не иначе как проходимцем и мошенником. Да и я лично уверен в том, что для того, чтобы стать успешным в бизнесе, начав практически с нуля, без обмана и хитрости никак не обойтись. Но сейчас во главе компании стою я, и, заверяю вас, с прошлым покончено раз и навсегда. Я совсем не похож на своего отца, Тигги. К тому же мне хочется приобрести более благоприятную репутацию во всех этих средствах массовой информации. Хочу, чтобы массмедиа слепили из меня положительный образ. Не скрою, разговоры с вами, да и вы сами, натолкнули меня на определенную идею. Я решил, что самое время заняться созданием благотворительного фонда с самыми широкими возможностями. Ну, а вас, если коротко, я приглашаю

возглавить то подразделение нашего фонда, которое станет заниматься проблемами охраны дикой природы.

– Я... Боже мой! Но...

– Прошу вас, дайте мне закончить, а потом уже начинайте говорить. По заверениям моего главного бухгалтера, свободных денег у меня предостаточно. Ведь, как известно, средства, выделяемые на благотворительность, не облагаются налогами, а это, в свою очередь, благотворно сказывается на бюджете. Собственно, в ваше распоряжение поступят миллионы долларов, а вы уже сами будете решать, как распорядиться этими деньгами с наибольшей эффективностью и пользой. Вы будете сами выбирать те проекты, которые сочтете целесообразными, и, конечно же, вы станете главным лицом этого нового благотворительного фонда, потому что вы – единственная, кто знает предмет и может квалифицированно рассуждать на эту тему. К тому же вы очень фотогеничны, что тоже совсем неплохо.

Зед глянул на меня с улыбкой, потом сложил свои пальцы в некое подобие рамочки и снова посмотрел на меня уже через эту рамку.

– Я уже представляю, какие потрясающие фотографии можно будет подготовить к первой презентации фонда, когда мы запустим проект в дело. Вы стоите где-нибудь посреди африканской саванны и разглядываете жирафа. Блеск! – Зед хлопнул себя по бедру. – Хорошо или нет? Так... все же, Тигги, что вы думаете по этому поводу? Как вам сама идея? Нравится?

«Нравится ли мне сама идея? Миллионы в моем распоряжении, которые я смогу инвестировать по всему миру, защищая будущее существование редких видов, помогая беззащитным и слабым животным и имея в своем распоряжении самую настоящую трибуну, с которой можно будет говорить о тех страданиях, которые выпадают сегодня на их долю. На слонов ведется охота из-за их бивней, норок истребляют ради их меха, тигров отстреливают, чтобы получить драгоценный трофей и сделать из шкуры убитого животного коврик себе под ноги...»

– Тигги, вы меня слышите?

Я очнулась от собственных мыслей и оцепенело уставилась через стол на Зеду.

– Звучит великолепно, – выдохнула я. – Да, именно так!
Великолепно!

– Отлично! Я рад, что вы так думаете.

– Но почему я? Я ведь всего лишь... на данный момент присматриваю за дикими кошками.

– Тайгете Деплеси! – издал он в ответ короткий смешок. – Ваше досье я тоже прошерстил в Интернете. И узнал много чего интересного. Оказывается, вы получили самый высокий балл в Европе за свою дипломную работу по проблемам зоологии. Есть и фотография, опубликованная в свое время в газете «Трибуна Женевы», на которой вы запечатлены вместе с вашим трофеем. После окончания университета вам было предложено множество самых перспективных мест, но вы остановили свой выбор на зоопарке Сервион, а после шести месяцев работы там уехали в Шотландию.

Я почувствовала себя подопытным кроликом в его руках. С другой стороны, мне понятно, почему Зеду нужна была информация про меня.

– Да, это все так, – сказала я. – Что совсем не означает, будто у меня достаточно опыта, чтобы встать во главе такого внушительного предприятия.

– По-моему, ваша главная проблема на сегодняшний день – это недооценка собственных возможностей, и, как следствие, вы пока не реализуете весь свой творческий потенциал в полную силу. Вам двадцать шесть лет, полтора года тому назад вы окончили университет. Последние несколько месяцев у меня лично ушли на то, что я выкорчевывал старые пни, которые оставил после себя отец. Старики явно засиделись на своих местах, многие ведь работали на отца десятилетиями. Зато сейчас вокруг меня одна молодежь, приблизительно вашего возраста, не отягощенная грузом собственного прошлого. Мир вокруг нас стремительно меняется, Тигги. Мне нужны люди, которые могут смело смотреть в будущее, у которых есть энергия, которые обладают особым драйвом и страстью для того, чтобы добиться успеха. Стать такими же, как их босс.

Я глянула на Зеда и подумала, уж не хотел ли он в свое время заделаться каким-нибудь проповедником. Уж больно вдохновенно рассуждает... И почти убедил меня.

– Вы мне признались, что мечтаете об Африке, – продолжил он свой монолог. – Это меня вполне устраивает. Большая игра всегда

сексуальна. Да и, как правило, широко освещается во всех этих массмедиа. Будете постоянно на связи с Манхэттеном, где расположена штаб-квартира нашей компании. Но в ваш обязательный служебный пакет я также включу и постоянные перелеты первым классом. Плюс зарплата шестизначная, плюс масса других бонусов. Да, и служебная машина в вашем распоряжении, замечу, с обогревом. – Зед издал короткий смешок.

– Ах, Зед! Все слишком грандиозно. Я пока даже не могу осмыслить сказанное вами в целом. Нужно какое-то время, чтобы все переварить. И все же, почему именно я?

– Постарайтесь понять меня правильно. Ваши успехи в университете и ваш послужной список в зоопарке Сервион однозначно выводят вас на первое место в списке подходящих кандидатур на эту должность среди молодых. Так что, поверьте мне, Тигги, с моей стороны никакого одолжения, хотя, безусловно, вы мне очень нравитесь. Но! Бизнес есть бизнес. Так что это вполне серьезное деловое предложение, а взамен я буду ждать и соответствующей отдачи.

– Ну, это уж само собой, – ответила я, старательно загоняя вглубь иронию, которая могла бы ненароком прорваться в моем голосе. – Да, возможности просто обалденные, но...

– Вам надо время, чтобы все хорошенько обдумать, да?

– Да.

– Ладно! Думайте! – сказал Зед, поднимаясь с кресла. – Уверен, мы с вами отлично сработаемся. – Он сделал шаг навстречу и сразу же замер на месте, поскольку Тистл тут же угрожающе зарычал. – Ухожу, оставляю вас наедине со своими мыслями. Когда будете готовы, мы сможем продолжить наш разговор и обсудить подробнее некоторые аспекты будущего проекта.

– Хорошо, я обязательно все обдумаю, – пообещала я. – И большое вам спасибо за столь лестное предложение.

– Спокойной ночи, Тигги.

– Спокойной ночи, Зед.

Позднее, уже лежа в постели в своей промерзающей насквозь комнате, я невольно предалась всяческим фантазиям. Конечно, иметь Зеда в качестве своего босса – это не самая приятная перспектива, можно сказать, главное препятствие, но, когда представишь себе

бескрайние африканские равнины, когда вспомнишь, какими деньгами придется ворочать и скольким тысячам и тысячам животных я смогу помочь, имея в своем распоряжении такие деньги, поневоле дух захватывает...

* * *

На следующее утро я проснулась рано и отправилась на кухню. Там Кэл уже запихивал в рот последний кусок тоста, уходя на работу.

– Доброе утро, а я как раз собираюсь идти кормить твоих кошек. Может, хочешь сама на них взглянуть?

– Пожалуй. Кашель у меня почти прошел за последние пару дней. Да и хочется вдохнуть глоток свежего воздуха. Ну, и как там мои кошечки?

– Как всегда, к общению не расположены. Поедем к ним на «Берил». Я еще попутно хочу взглянуть, где прячутся в снегу олени. Завтра у нас здесь намечается большая охота. Твой ухажер тоже будет участвовать. Дай-то бог, чтобы мы получили какое-то дополнительное количество пенсов и смогли сделать шаг навстречу своей мечте: приобретению новой «Берил». У меня сегодня ближе к вечеру должен состояться телефонный разговор с лэрдом. Я уже заказал вызов.

Тистл, который все еще продолжал кашлять, с кряхтением взобрался на заднее сидение машины, и мы двинулись в путь.

К счастью, кошки выбрались из своих укрытий, чтобы поздороваться со мной. Такое впечатление, будто они соскучились по мне.

– Знаешь, – обратилась я к Кэлу, раскладывая пищу по вольерам, – у меня такое чувство, что навряд ли они в этом году станут обзаводиться потомством.

– Не нравится мне твое минорное настроение, Тиг. Слишком много негатива.

– Но должна же я мыслить реалистично, Кэл. И вообще, я задаюсь вопросом, а есть ли тут еще какая-то работа для меня, – вздохнула я, когда мы снова уселись в машину.

– Сейчас я тебе кое-что расскажу. Думаю, это поднимет тебе настроение.

– Что именно?

– Сейчас услышишь. Эта история словно специально для тебя, Тиг. Еще будешь смеяться, что именно я рассказал тебе ее.

– Так не тяни же! Рассказывай! – набросилась я на него. Он остановил машину перед небольшой березовой рощицей и стал внимательно обозревать ее в бинокль.

– Помнишь ту ночь, когда я отправился на твои поиски? Метель была страшная... Я еще такой в жизни своей не видывал. Так вот, я сделал очередную остановку как раз на этом месте, где мы сейчас стоим. Боялся ехать дальше, ведь речка же в двух шагах отсюда. Скажу тебе честно, даже я, который знает эту местность и все здешние дороги как свои пять пальцев, даже я испугался, поняв, что, скорее всего, сбился с пути. Снег все валил и валил, хлопья падали на ветровое стекло, и вдруг – ты сейчас начнешь смеяться, из этой снежной круговерти возникли какие-то неясные очертания. Я пригляделся и увидел... – Кэл сделал глубокий вдох. – Я увидел вон там белого оленя. – Кэл махнул в окно, показывая то самое место, на котором стоял олень. – Он стоял и смотрел на меня. Я видел, как сверкали его глаза в лунном свете. А потом он развернулся и побежал впереди машины. Время от времени он останавливался и оглядывался назад, словно хотел убедиться, что я еду следом. Я ехал, а через пару минут увидел нашу старушку «Берил», всю занесенную снегом. И тебя внутри. Какое-то время олень постоял рядом с машиной, но, когда я стал выбираться из нее, он тотчас же исчез, буквально растворился за снежной завесой. – Кэл продолжил внимательно обозревать рощицу. – Мне тогда показалось, что он специально привел меня к тебе.

– Ты шутишь, да? – выдохнула я, впившись в Кэла немигающим взглядом. – Разыгрываешь меня?

– Хотел бы я, чтобы все это оказалось глупым розыгрышем. Беда в другом. Сегодня я, как и ты, горю неумным желанием отыскать этого парня. Убедиться в том, что белый олень – это не плод моих фантазий. Иначе я начну верить, что в нашем ущелье действительно обитают феи.

Несмотря на шуточный тон Кэла, я поняла, что произошедшее зацепило его за живое. Какая-то часть меня, конечно же, была счастлива, что мне наконец удалось убедить своего самого стойкого и скептически настроенного оппонента. Но одновременно в глубине

души я испытывала смятение и даже некий благоговейный ужас при мысли о том, что, вполне возможно, именно мой мистический белый олень и *спас мне жизнь*.

– Я сразу не стал тебе ничего рассказывать, не до того было. Но, что бы там мне ни померещилось в ту ночь, белый олень или что другое, без него я точно никогда бы не отыскал тебя. Может, давай выйдем из машины и немного прогуляемся, а? – неожиданно предложил Кэл. – Вдруг твой приятель, заведев тебя, выйдет из своего укрытия, чтобы поздороваться со своей дорогой девочкой?

Мы вышли из машины и на полусогнутых ногах, старательно прячась за кустами можжевельника, чтобы олени не смогли нас разглядеть, стали продвигаться вперед. Было еще рано, и стадо оленей еще не покинуло рощицу. Животные жались друг к другу, пытаюсь найти укрытие среди редкого березняка. Минут пятнадцать мы наблюдали за ними. Безрезультатно! Только обычные красные олени. После чего снова побрели к машине, все же там хоть немного, но теплее.

– Как смотришь, если я предложу тебе установить наблюдение за этой рощицей и приезжать сюда на рассвете каждое утро? – спросил у меня Кэл.

– Ты же знаешь, я обеими руками «за»! Он точно прячется где-то здесь, неподалеку.

– Наконец-то, Тиг, я тебе поверил. Точнее, начинаю верить.

* * *

Вечером того же дня я вдруг услышала неожиданный щелчок своего мобильного, извещающий, что пришла эсэмэска, довольно редкое явление. Я тут же ринулась в ванную комнату, где оставила его на подоконнике, припертым к оконному стеклу, в надежде, что хоть так он сумеет уловить сигнал связи. Уловил, и вот я получила сообщение от Стар. Суть ее взволнованной эсэмэски сводилась к следующему: фотография Сиси, запечатленной в Таиланде на пару с каким-то мужчиной, которого разыскивает полиция по обвинению в банковском мошенничестве, появилась во всех ведущих газетах.

– Этого нам еще не хватало! – пробормотала я, прикидывая мысленно, в какую такую неприятную историю могла впутаться Сиси, и одновременно чувствуя себя ужасно виноватой за то, что так редко общаюсь со своими сестрами. Я успела отписать коротенькое письмо Стар, потом отбила эсэмэску Сиси с одним-единственным вопросом, все ли у нее в порядке, и как раз вовремя, потому что сигнал снова пропал.

Чтобы немного отвлечься, я решила смотаться на «Берил» к Чилли, а заодно прихватила с собой и Тистла.

Чилли я снова застала не сидящим, как обычно, в кресле у камина, а лежащим в постели. Глаза у него были закрыты. Неужели у него снова жар, испугалась я. Или что похуже? Я осторожно приблизилась к его кровати. И он тут же открыл глаза.

– Поправилась, голубка моя?

– Да, мне уже гораздо лучше. А вот Тистл кашляет. Может, вы мне дадите каких-нибудь трав, чтобы я приготовила ему целебный настой?

Чилли внимательно осмотрел Тистла, который тут же улегся возле огня.

– Не нужны ему никакие травы, Хотчивитчи. Ты о нем и сама можешь позаботиться. Пускай в ход свои руки. Не забывай, твои руки обладают силой. Я же тебе об этом говорил.

– Но я и понятия не имею, как это делают, – резонно возразила я.

Он протянул вперед свои скрюченные пальцы, взял меня за руку и тут же удивленно вскинул глаза.

– Ты скоро уедешь отсюда. Но ты поедешь домой.

– Хорошо, хорошо, – с досадой отмахнулась я от его слов. – Мне уже пора возвращаться. Почему-то меня вдруг разозлило, что Чилли говорит со мной все время какими-то загадками. А мне ведь нужна была от него самая малость: чтобы он помог Тистлу справиться с кашлем.

– И что он, интересно, имел в виду, когда говорил, что я «скоро уеду»? – пробормотала я, обращаясь к Тистлу, пока мы с ним брели обратно по ледяному насту к машине.

Не успела я приехать домой, как снова повалил снег. Я разожгла камин, уложила Тистла возле огня, а сама, опустившись перед ним на колени, попыталась «пустить в ход свои руки», как посоветовал Чилли. Я положила руки вначале Тистлу на шею, потом на грудь, но пес тут

же решил, что я с ним просто балуюсь, а потому немедленно перевернулся на спину и задрал лапы вверх. Хотя мне и раньше неоднократно говорили о том, что у меня неплохо получается выхаживать больных животных, но одно дело, когда это происходит само собой, и совсем другое, когда ты уже вполне осознанно начинаешь лечить животное с помощью своих рук. Словом, эксперимент не пошел.

Когда Кэл вернулся домой, я умоляла его разрешить мне оставить Тистла на ночь у себя.

– Ты ведь и сам видишь, ему очень нездоровится. И он так сильно кашляет, – убеждала я Кэла. – Пусть поспит хотя бы несколько ночей дома.

– Все с ним будет в порядке, – упорствовал Кэл. – В такое время года все простужаются, и люди, и животные. А вот перебрасывать пса из привычного ему холода в тепло, а потом снова выставлять на холод – вот это точно не пойдет ему на пользу.

– Я сегодня специально ездила к Чилли. Думала, он даст мне какое-нибудь свое зелье для Тистла. Однако вернулась с пустыми руками. – Я не стала рассказывать Кэлу о своих жалких попытках помочь псу с помощью рук. Побоялась, что он решит, будто я окончательно спятила. – Ты не возражаешь, если я приглашу Фийону осмотреть его?

Кэл подошел к Тистлу, почесал у него за ухом, потом все же сдался.

– Пригласи. Думаю, вреда от такого визита не будет. Да и Тистла все равно нужно время от времени показывать ветеринару.

Я налила Кэлу в миску овощной суп, а сама уселась напротив него и приготовилась есть.

– Кэл, мне нужен твой совет.

– Валяй, что там у тебя стряслось. Но заранее предупреждаю, если это по части амурных дел, то я тебе тут не советчик.

– Нет, дело касается моей будущей профессиональной карьеры.

– Тогда я внимательно слушаю тебя.

Я рассказала Кэлу о том предложении, которое мне сделал Зед. Кэл лишь присвистнул, когда я огласила бюджет будущего предприятия.

– Ты сам понимаешь теперь, как велик соблазн принять его предложение, особенно с учетом того, что здесь, в Киннаирде, дела, мягко говоря, пока не очень, чтобы...

– Все так, все так... Но что же Зед? У меня такое чувство, что ты можешь угодить прямоком в его пасть. Сама, по собственной воле, полезешь в клетку со львом. Причем в прямом смысле этого слова, – хмыкнул в ответ Кэл.

– Он говорит, что мое рабочее место будет базироваться в Африке, и именно там я буду проводить большую часть своего времени.

– И что из того? Вопрос в другом. Как часто станет твой босс навещать тебя в эту самую Африку, имея в своем распоряжении личный самолет, который в любую минуту готов к вылету. Хотя, с другой стороны, я тебя вполне понимаю, Тиг. Здесь ты действительно тратишь свое время попусту.

– Знаешь, я все думаю над тем, что мне сказал Чилли, когда я впервые пришла к нему. А сегодня он снова повторил то же самое.

– И что такого он тебе сказал?

– Что я не задержусь в Киннаирде надолго. Что скоро уеду отсюда.

– Ах, это... Меньше прислушивайся ко всем его пророчествам, Тиг. Сердце у него пока работает, как надо, а в остальном... Он слабеет с каждым днем, буквально на глазах. Вот и мелет порой всякую чепуху.

– И это говорит человек, который сам недавно рассказывал мне о том, как из снежной круговерти перед ним вдруг вылепился образ белого оленя!

– Согласен! И все же, когда тебе надо принять какое-то очень важное, можно сказать, судьбоносное решение, все же не стоит в такой момент руководствоваться всякими посторонними вещами, которые могут повлиять на твой окончательный выбор.

– И тут я с тобой абсолютно согласна. Только вот трудно осуществить все это на практике.

– Давай-ка мы перестанем ходить вокруг да около и назовем вещи своими именами. И прежде всего, вот мой вопрос к тебе, Тиг. Как ты сама относишься к Зеду, если при этом, конечно, отбросить в сторону, что он богат, как Крез, и только что предложил тебе работу твоей мечты?

– Честно? Он мне противен. Более того, он вызывает у меня чувство гадливости.

– И это, увы и ах, не самый лучший вариант ответа. Потому что он твой потенциальный босс. Во всяком случае, он всеми правдами и неправдами добивается для себя именно такого статуса. И тогда уж, поверь мне, его никто и ничто не остановит. Каковы бы ни были ваши взаимоотношения на официальном уровне, но он делает все возможное, чтобы ты работала у него под боком. И ты должна быть уверена, что сможешь противостоять его весьма нахрапистому напору, когда станешь работать на него.

– О боже! Я и сама все это прекрасно понимаю! – Я зябко повела плечами. – И почему в этой жизни все так сложно?

– Хочешь мое мнение? Говорю тебе прямо. Зед из тех людей, кто привык получать то, что ему хочется. Всегда! На данном этапе таким предметом вожделения для него стала ты. Думаю, он ни перед чем не остановится. Вот даже придумал создать некий благотворительный фонд по защите дикой природы, и все только для того, чтобы предложить тебе работу. Я все сказал, Тиг. Прости, но это так. А сейчас я намереваюсь принять горячую ванну и напрямик в постель баиньки. – Кэл поднялся из-за стола. – Доброй ночи, Тиг.

* * *

На следующее утро Тистл продолжал кашлять. Тогда я позвонила Фийоне и попросила ее осмотреть пса. Ветврач приехала по вызову в течение часа.

Она внимательно осмотрела Тистла, а потом с улыбкой взглянула на меня.

– Я не нахожу у него ничего серьезного. Просто незначительная инфекция. Пропишу на всякий случай курс антибиотиков, а сейчас сделаю укол преднизолона, чтобы ему стало легче дышать. Иногда это помогает. Если же Тистлу не полегчает, тогда придется привести его к нам в клинику на осмотр, и мы там возьмем у него кое-какие анализы. Но чутье подсказывает мне, что с вашим Тистлом все будет в полном порядке.

– Спасибо вам, Фийона, – прочувствованно поблагодарила я ее. – А если начинать рассуждать о чутье, то...

– Слушаю, – обронила Фийона, всецело сосредоточившись на инъекции.

– Я хочу сказать, что у меня нет соответствующего образования, но у меня тем не менее всегда хорошо получалось выхаживать больных животных. Я даже начинаю подумывать о том, чтобы в будущем сосредоточиться именно на такой работе. В частности, меня особенно привлекают нетрадиционные методы лечения.

– Вы имеете в виду холистические методы лечения больных пациентов?

– Да. В какой-то степени, да. Но существует ли такая практика в отношении животных?

– Определенно существует. Лично я знаю многих ветеринаров, которые используют в своей практике оба способа излечения своих пациентов, как медицину, так и любые другие альтернативные методы. Меня и саму всегда занимало это направление в нашей работе. Я даже мечтала поучиться на каких-нибудь курсах по холистическим методикам лечения. Но, если честно, у меня никогда не было ни минуты свободного времени. Однако если вы всерьез вознамерились заняться этим, то милости просим ко мне. Можете попрактиковаться у нас в клинике, работая вместе со мной.

– Как здорово! Неужели это возможно?

– Очень даже возможно, – улыбнулась в ответ Фийона. – Но отложим наш разговор до другого раза, ладно? – Она принялась складывать свои инструменты в медицинскую сумку. – У меня сейчас срочный вызов. Надо поехать и осмотреть одну больную телку.

Фийона уехала, Тистл пристроился у меня на коленях, а я устала сидеть на огонь в камине.

– Итак, вот альтернатива. С одной стороны – тигры и львы, с другой – ты, овцы и коровы, – обратилась я к Тистлу, зарывшись лицом в собачью шерсть. Как ни жаль мне было отвергать столь заманчивое предложение Зеда, в глубине души я понимала, что иного выбора у меня нет. Но, прежде чем принять окончательное решение, нужно все же связаться по почте с сестрой. Расстраивать Майю воспоминаниями о бывшем бойфренде мне не хотелось, но, если кто и в курсе каких-то подробностей того ее давнего романа с Зедом, так это только Алли. Я

украдкой просочилась в кабинет Берил и быстро отбила по электронной почте коротенькое письмо сестре.

Здравствуй, моя дорогая Алли!

Прости, что так редко выхожу с тобой на связь, но у нас здесь на всех всего лишь один компьютер, который подключен к Интернету. А мобильная связь практически отсутствует! Надеюсь, ты и мой будущий маленький племянник (или племянница, добавила я в своем письме, хотя что-то внутри подсказывало мне, что у Алли обязательно родится мальчик) в полном здравии и чувствуете себя хорошо. Представляешь, кто объявился в наших местах? Зед Эсу. Оказывается, он был знаком с нашей Майей еще по университету. Вроде бы они даже встречались какое-то время. Но с ней я о нем не хочу заводить разговор, боюсь расстроить ее лишней раз. Вот я и подумала, быть может, ты знаешь, что у них там случилось в свое время. Вы ведь с Майей очень близки. Он очень необычный субъект (!). К тому же, по-моему, горит желанием набиться мне в друзья. Он даже предложил мне работу у себя! Представляешь? Вопрос только: почему и зачем?

Заканчиваю, потому что мне пора бежать и считать оленей, пасущихся в ущелье. Но у меня к тебе большая просьба: пожалуйста, не тяни с ответом и поскорее сообщи мне все, что тебе известно об этом человеке.

Крепко обнимаю тебя, твое дитя и твоего недавно обретенного брата-близнеца. (Надеюсь вскоре познакомится с ним лично!)

Тигги

– Итак, посмотрим, – сказала я, поднимаясь со стула, снова направляясь к себе домой в сопровождении верного Тистла и обращаясь уже непосредственно к нему, – что там нам накопает про Зеда моя старшая сестрица. Ну, а мы пока подождем, правда ведь?

– Между прочим, – обронил Кэл на обратном пути из березовой рощицы, где мы провели уже четвертое утро пока безрезультатных бдений, высматривая белого оленя, – Берил вчера вечером сообщила

мне, что жена лэрда собирается приехать в Киннаирд и какое-то время пожить тут. Судя по всему, она не в восторге от того, что наш гость сильно злоупотребил гостеприимством хозяев.

– И в этом она абсолютно права! – воскликнула я с чувством.

– Довольно странное желание с ее стороны. Насколько я помню, за все годы их супружества с лэрдом она задерживалась в Киннаирд-лодж максимум на пару ночей, не более того. Но, думаю, мадам потому и затеяла такую грандиозную реконструкцию дома, чтобы поселиться в нем и жить здесь постоянно.

– Мне кажется, Зед мог бы с удовольствием составить ей компанию. По-моему, Ульрика как раз в его вкусе.

– Может быть, особенно, если его тянет на пожилых красоток, – ворчливо пробурчал Кэл. – Так как насчет завтрашнего утра? Готова уже на рассвете заступить на пост наблюдения?

– Само собой! Нужно просто запастись терпением, и вот увидишь, в один прекрасный день белый олень *объявится сам*. Я это знаю наверняка, Кэл.

Но прошло еще целых три дня, долгие часы дежурства на раннем утреннем морозе, прежде чем наш олень наконец объявился...

В первый момент я даже решила, что у меня начались галлюцинации. Я так долго вглядывалась в заснеженное пространство, а его белая шкура почти идеально сливалась со снежным покровом вокруг, что вполне можно и обознаться. Если бы не огромные шоколадные рога, казавшиеся на расстоянии шелковисто-мягкими на ощупь, они были такого же цвета, как и стволы деревьев, из-за которых он и появился перед нами. Он был один, стоял чуть в стороне от стада красных оленей, наверное, всего лишь в нескольких метрах от меня.

– Пегас! – сорвалось у меня с языка, будто я уже изначально знала, что оленя зовут именно так: Пегас. Кажется, и он это тоже знал, потому что вдруг поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Прошло несколько драгоценных секунд, в течение которых я боялась даже вздохнуть. Но вот Пегас медленно моргнул, и я тоже моргнула в ответ. Наверное, именно в этот момент между нами и установилась незримая связь: мы поняли друг друга.

– Господи Иисусе! – раздался голос Кэла.

Пегас вздрогнул, опрометью бросился назад в рощицу и исчез из виду. Я издала негодующий стон и сверкнула глазами в сторону Кэла,

так некстати спугнувшего оленя. Тот опустил свой бинокль и уставился на меня ошарашенным взглядом, будто и на самом деле *видел только что* самого Иисуса Христа.

– Тиг, так он все же есть! – прошептал Кэл несколько театральным шепотом.

– Да, он есть! А ты его спугнул! – набросилась я на него. – Но он вернется, я знаю. Он обязательно вернется.

– То есть ты его тоже сейчас видела, да? Он тебе не померещился?

– Ничего он мне не померещился. Конечно, видела, – заверила я приятеля.

– О боже! – Кэл нервно сглотнул слюну и быстро-быстро заморгал глазами. Я поняла, что наш здоровяк сейчас на грани слез. – Надо будет рассказать лэрду, какое сокровище обитает на его землях. А заодно и спросить у него, чего он ждет от нас в этой связи. Стоит ведь только просочиться слухам о существовании белого оленя, и на него начнут охотиться всякие разные браконьеры. Это уж как пить дать... Оленю будет нужна постоянная защита. Не могу даже приблизительно назвать цену такого трофея, как голова белого оленя. Думаю, это поистине бесценный трофей. Словом, ставки в игре очень высоки...

– Кэл, что ты такое несешь! – Я невольно содрогнулась, объятая ужасом от одной только мысли, что на моего белого оленя начнется охота. – Давай пока сохраним в секрете все, что мы сегодня видели, ладно?

– Но лэрд же должен об этом знать. В конце концов, это его земля, и олень, получается, тоже его. А он, я уверен в этом, не бросит ни одного из своих животных на произвол судьбы. Надо будет попросить у него разрешения построить какое-нибудь небольшое укрытие возле рощицы, из которого мы могли бы круглосуточно наблюдать за твоим Пегасом. Но для этого мне потребуется дополнительная рабочая сила, что в нашей ситуации не совсем желательно. Немедленно пойдут разговоры. А белый олень, он ведь такой же беззащитный, как и грудной младенец, вынеси его голенького на снег и оставь там. Словом, надо еще будет помозговать, что и как нам делать.

Как бы то ни было, но после телефонного разговора с Чарли Кэл с помощью Лочи и еще одного разнорабочего по имени Бен быстро соорудили из бревен и брезента довольно надежный блиндаж-укрытие,

который хоть как-то укрывал добровольных защитников Пегаса от пронизывающего ветра.

Всю следующую неделю я просыпалась ровно в пять утра и, прихватив с собой термос с кофе, торопилась на свое дежурство, спешила сменить тех, кто нес свою вахту всю ночь. В основном это были многократно проверенные в деле бывшие работники имения, пользующиеся абсолютным доверием. Я заступала на свой пост и начинала ждать появления Пегаса. И он появлялся точно по расписанию, будто чувствовал мое присутствие, возникал из туманной тьмы, и мы вместе с ним терпеливо наблюдали восход солнца. Пурпурно-красные всполохи света озаряли небо, оставляя на его белоснежной шкуре разноцветные пятна, похожие на мазки кистью. А потом олень убегал прочь, прятался в какое-то укромное местечко в глубине рощи.

Естественно, Чарли попросил нас сфотографировать оленя и показать ему потом снимки. И вот однажды, уже в самом конце января нам все же удалось запечатлеть Пегаса на фоне зимней природы, прежде чем он успел раствориться, точнее, слиться с ослепительно белым снежным саваном.

– Я очень доволен, что у нас получились эти фотки, – признался Кэл. – По крайней мере, лэрд не будет думать, что мы что-то нафантазировали. Да и у меня самого теперь есть вещественное доказательство того, что белый олень – это не плод моего воображения, а явь, – добавил он с усмешкой.

Я отправилась вместе с ним в местное крохотное почтовое отделение, при котором, однако, существовала служба, выполняющая все видео- и фотографические операции, начиная от проявления фотопленки и заканчивая вырезкой ненужных видеофрагментов. Пока пленку проявляли, мы с Кэлом выпили по чашке кофе, а потом набросились на свежие, еще слегка клейкие фотографии.

– А он здесь прямо как живой, – заметил Кэл, помахивая самой лучшей фотографией у меня перед носом.

– Действительно, как живой, – согласилась я и бережно прошлась пальцами по контуру туловища оленя, застывшего в элегантной позе посреди снежной равнины. – Настало время напомнить вам, мистер Маккензи, о том обещании, которое вы когда-то мне дали, – шутливо

добавила я. – Пробежаться голышом по имению, прикрыв свое причинное место какой-нибудь тряпицей.

Я вложила в конверт с фотографиями, которые мы намеревались отправить Чарли, еще и заполненную мною заявку на получение гранта, присовокупив к ней коротенькую записку от себя.

– Надеюсь, у вас там все хорошо, – пробормотала я про себя, вручая конверт почтовому клерку для отправки.

Вернувшись домой, я стала размышлять над тем, что мне сейчас делать – по собственной воле отправиться в гнездо врага, и все только для того, чтобы получить доступ к своей электронной почте, или все же дожидаться того момента, когда Зеда точно не будет в Киннаирд-лодж. Ведь я еще до сих пор не получила ответа от Алли на свое письмо. Пока я прикидывала, что да как, я увидела в окно Берил, которая торопливо шла к нашему жилищу.

– Мне только что звонил лэрд. Сообщил, что Зара снова удрала из школы. Она и раньше неоднократно сбежала оттуда, а потом всегда объявлялась здесь. Лэрд решил обождать сутки и лишь по истечении двадцати четырех часов обращаться в полицию. Если Зара вдруг объявится, а меня в это время не будет на месте, пожалуйста, немедленно дайте мне знать.

– Конечно, обязательно сообщу. Но, кажется, этот звонок не сильно вас напугал?

– Вот если и завтра в это время она еще не появится у нас, тогда я начну волноваться, – отмахнулась она от меня. – Да, кстати, Зед попросил сказать, что хотел бы переговорить с вами. Он полагает, что вы всячески избегаете его.

– О господи! Да у меня полно дел! Причем здесь «избегаю»? Выдумывает себе...

– Хорошо! Я свою миссию выполнила и передала вам его просьбу, – ответила мне Берил. – А сейчас остается надеяться на то, что и Зара появится в Киннаирде с минуты на минуту.

* * *

Вечером того же дня Кэл снова отправился на свидание со своей возлюбленной Кейтлин, так как предыдущая встреча несколько недель

тому назад сорвалась по вине непогоды. На ночное наблюдение за Пегасом заступили Лочи и его отец, а я пораньше отправилась в кровать. Должно быть, я сразу же задремала, потому что вдруг проснулась от того, что кто-то осторожно царапался в окно. Сначала я подумала, что это Зед, отчаянно добивающийся встречи со мной, но, когда я сползла с кровати и, превознемогая зверский холод, царивший в комнате, подошла к окну и осторожно отодвинула штору, то увидела сквозь иней, покрывший стекло, лицо Зары.

– Боже мой, Зара! Да ты же совсем замерзла! – воскликнула я сквозь стекло. – Заходи поскорее в дом. – Потом жестами показала ей на входную дверь. – Каким ветром тебя занесло к нам? – спросила я, открывая дверь. – И как ты добралась сюда?

– Поймала такси на вокзале в Тейне. Таксист отвез меня до самого входа в имение, а дальше я уже пошла пешком. Со мной все в порядке, правда, – заверила меня девушка, трясаясь от холода. Я тут же усадила ее в кресло, поближе к огню.

– Хоть бы позвонила! – попеняла я ей, подбрасывая дрова в огонь, потом взяла руки Зары в свои, пытаюсь их согреть своим теплом.

– Но ты же знаешь, Тигги, связь тут отсутствует. К тому же я не хочу, чтобы кто-то узнал, что я здесь. – Она настороженно огляделась по сторонам. – А где Кэл? Уже спит?

– Нет, он уехал в Дорноч на свидание со своей Кейтлин. Зара, твой отец уже звонил Берил. Думаю, я просто обязана сообщить им обоим хотя бы то, что ты нашлась и с тобой все в порядке.

– Нет! Ну, *пожалуйста*, Тигги. Я хочу какое-то время побыть одна. Мне надо кое-что обдумать. Прошу тебя, дай мне хотя бы сутки!

– Но я...

– Если ты откажешься, то я найду себе другое пристанище, какое-нибудь место, где мне можно будет укрыться. Прямо сейчас! – Зара с решительным видом подхватила с кресла.

– Хорошо-хорошо, будь по-твоему. Я пока помолчу, – уступила я. – Но ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Отнюдь! На самом деле я чувствую себя просто отвратительно.

– Чем я могу помочь тебе? – спросила я, направляясь на кухню, чтобы согреть немного молока, а потом сварить ей чашку какао.

Зара побрела за мной и остановилась в дверном проеме.

– Видишь ли, тут такое дело... Короче, ты – единственный взрослый человек, которому я доверяю... Но, пожалуйста, Тигги, пока ни о чем не спрашивай меня. Мне надо немного времени... Хочу обдумать все сама, а уже потом поговорим, ладно?

– Хорошо. Я польщена, конечно, Зара, твоим доверием. Но, с другой стороны, ты ведь меня едва знаешь.

– Спасибо, – коротко поблагодарила она меня, когда я вручила ей чашку с горячим какао, и мы снова вернулись к камину.

– Как я понимаю, – начала я, осторожно подбирая слова и наблюдая за тем, как Зара греет озябшие руки о чашку, – речь идет о мальчике, да?

– Да. Но как ты догадалась?

– Интуиция подсказала, – ответила я, слегка пожав плечами. – Это тот самый Джонни, о котором ты рассказывала мне на Рождество?

– Да, это он! – И тут же из глаз Зары брызнули слезы. – Ты ведь помнишь, я говорила тебе, что я ему нравлюсь. Хотя все девчонки в классе предупреждали меня! Но он мне плел всякую чушь. Говорил, что я особенная, не такая, как все, и я ему верила...

Зара скрючилась в кресле, все ее тело сотрясали рыдания. Я тихонько забрала кружку из ее рук, потом опустилась на пол перед креслом и взяла девочку за руки.

– Чувствую себя самой последней *дурочкой*, – промолвила она, громко всхлипывая. – Такая же жалкая идиотка, как и другие девчонки, над которыми я посмеивалась, когда их бросали их дружки. Дескать, поматросил и бросил... А теперь и сама оказалась в их шкуре и...

– И все же, Зара, расскажи мне, что случилось?

– Ты тоже скажешь, что я дура набитая... Я ведь прекрасно знала, какая у него репутация, но никого и слушать не хотела. Потому что была уверена, что я не такая, как все остальные девчонки. И что *мы с ним* не такие, как все... Я... я ведь любила его, Тигги. И верила в то, что и он меня любит. А когда любишь, тогда все это можно, правда ведь?

– Что можно, Зара? – спросила я у девочки, уже ни минуты не сомневаясь в том, что означает «это можно». Но мне хотелось услышать подтверждение из уст самой Зары.

– Ну, я... понимаешь, он все время настаивал на том, что пока у нас не случится это, нас нельзя назвать настоящей парой. Словом,

мы... *решились*. А потом... а потом...

Слезы градом покатились из глаз Зары.

– Что потом?

– На следующее утро он отбил мне эсэмэску, в которой дал от ворот поворот! Представляешь? Отшвырнул прочь! Идиот! У него даже не хватило смелости сказать мне об этом открыто, в лицо! Оказался точно таким, как про него и говорили другие девчонки. Ему только одно и нужно... Но это еще не все! Он разболтал всем своим дружкам о том, что у нас с ним было. Когда я появилась в столовой, чтобы выпить чаю, все они тыкали в меня пальцем, подсмеивались... И это было так унижительно, Тигги. Вот я и решила, что утром уеду из города. Села на поезд и приехала сюда. Теперь ты понимаешь, почему я не могу вернуться обратно! *Никогда!* – добавила она с особым ударением, видно, на тот случай, если ее предыдущая тирада не очень меня убедила.

– Ах, Зара! Все это действительно ужасно! – воскликнула я с чувством, видя, что девочка все еще испытывает некоторую неловкость от своих откровений. – Неудивительно, что ты взяла и уехала. Я бы на твоём месте поступила точно так же.

– Правда? – Зара глянула на меня.

– Чистая правда, – подтвердила я. – Тем более что ты в этой ситуации ни в чем не виновата, тебе не в чем винить себя. Это *он* совершил подлость, а не ты.

– Тигги, ты такая славная. Честно! Но я тоже поступила плохо. Лишилась девственности, и где! В стенах закрытой католической школы! Нам же сутками напролет вбивают в голову, как опасны грехи плоти. Если бы монахини узнали о моем проступке, то мне пришлось бы до конца своих дней читать миллиарды раз молитву «Аве Мария». А еще наверняка меня бы исключили из школы.

– Это его надо гнать взащей! – мрачно обронила я. – И почему это в подобных ситуациях виноватой всегда оказывается женщина? Ты чувствуешь себя полностью раздавленной, а твой Джонни в это время гарцует как ни в чем не бывало, словно какой-то жеребец... на племенной ферме!

Зара бросила на меня удивленный взгляд. Видно, она не ожидала от меня такой яростной реакции.

– Как же ты права, Тигги! Так оно и есть! Племенной жеребец, это точно про него! Только он совсем не «мой» Джонни. Пусть себе уматывает на все четыре стороны. Даже если бы он сейчас приполз ко мне в Киннаирд на коленях, просил бы, умолял бы, я бы ему показала! Посоветовала бы ему, куда засунуть свою драгоценную... вещицу! Вот!

Мы обе дружно рассмеялись, а я искренне обрадовалась тому, что настроение у Зары заметно улучшилось.

– Зара, а с мамой ты говорила о том, что у тебя случилось? – спросила я. – Уверена, она все поймет правильно. Ведь она тоже когда-то была в твоём возрасте...

– Ты что, Тигги?! Никогда! Я с мамой вообще ни о чем не могу разговаривать, не говоря уже о сексе! Я заранее знаю, что она мне скажет. Во всем обвинит меня, и на этом точка!

– Понятно. Но все же, Зара, я должна сообщить твоему отцу, где ты и что с тобой. Берил сказала мне, что если ты не объявишься к утру, то он будет вынужден обратиться в полицию. А тебе, думаю, меньше всего на свете сейчас нужны дополнительные скандалы в семье.

– Хорошо! Но все же давай отложим все это до утра. Прошу тебя, Тигги! – стала умолять меня девочка.

– Ладно! – снова уступила я после долгого раздумья. – Спать можешь укладываться прямо здесь, на диване.

* * *

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что Зара ушла, оставив для меня на одеяле коротенькую записочку.

Прости меня, Тигги, но мне нужно еще немного побыть одной. Не волнуйся за меня. Я в полном порядке.

Зара

– Черт! – выругалась я вслух, торопливо оделась и побежала в Киннаирд-лодж.

– Слава богу, вы на месте, Берил! – воскликнула я, обнаружив экономку на кухне. От быстрого бега у меня занялось дыхание, сердце

вот-вот готово было выскочить из груди.

– Тигги, дорогая, что случилось?

Я коротко обрисовала ей всю ситуацию.

– Вам не в чем себя винить, Тигги, – принялась успокаивать меня Берил. – Вы поступили так, исходя из самых лучших побуждений, – резонно заключила она.

Такая реакция Берил меня очень удивила.

– Спасибо на добром слове, Берил, – поблагодарила я. – Но все же я думаю, мне надо связаться с Чарли и поставить его в известность. Можно я воспользуюсь домашним телефоном?

– Конечно, дорогая.

Вначале я набрала номер мобильного Чарли, там сразу же сработал автоответчик. Тогда я позвонила ему по домашнему телефону, не надеясь, впрочем, что он снимет трубку. Простая логика подсказывала мне, что Чарли, скорее всего, сейчас на работе в госпитале. Однако через пару секунд трубку сняли, и я услышала незнакомый женский голос. *«Конечно же, это Ульрика»*, – догадалась я, и сердце у меня упало.

Судя по ее голосу, она отнюдь не была расположена разговаривать со мной. Да и я тоже не горела особым желанием. Но, с учетом всех сложившихся обстоятельств, выбора у меня не было, и я известила Ульрику, что Зара приехала в Киннаирд. Пришлось даже отодвинуть трубку подальше от уха, чтобы не слышать душераздирающие рыдания Ульрики на другом конце провода. Разумеется, то были слезы облегчения, потому что через какое-то время она пришла в себя и почти успокоилась.

– Я всю ночь не сомкнула глаз! Сейчас я не в том состоянии, чтобы сесть за руль, но я приеду в Киннаирд в самом скором времени. Незамедлительно! – объявила она мне, прежде чем бросить трубку. Я тяжело вздохнула. Ведь я же не сообщила Ульрике главного: что Зара снова исчезла. Оставалось лишь надеяться на то, что девочка объявится дома еще до того, как сюда нагрянет ее мать.

Уже внутренне трепеща при одной только мысли о скором появлении в Киннаирде воинствующей валькирии, я уныло поплелась на кухню и рассказала Берил о состоявшемся разговоре с Ульрикой.

– Надеюсь, она вас хоть поблагодарила. Вы ведь сделали все, что могли. А теперь пусть сами разбираются со своими семейными

проблемами.

Потягивая крепкий чай, который специально заварила для меня Берил, я невольно задалась вопросом. Как так случилось, что моя новая работа, которая, как я опасалась поначалу, будет чересчур спокойной и скучной, буквально на глазах превратилась в драму поистине чеховского размаха?

– Кстати, раз уж я здесь, кабинет ваш пока свободен? – спросила я у Берил.

– Да. Его светлость ждет в парадной гостиной звонка по городскому телефону и велел, чтобы его никто не беспокоил.

– Вот и замечательно! Большое спасибо.

Я тут же побежала в кабинет Берил и, подключив Интернет, зашла в почтовый ящик. Там меня поджидало два письма. Первое – от моего коллеги, который занимается разведением европейских оленей вапити. Он наконец-то откликнулся на мой запрос и сообщил, что готов в течение предстоящего месяца в любой момент, по согласованию сторон, подъехать в Киннаирд и прямо на месте посмотреть, что и как. Второе письмо было от Алли, и я тут же почувствовала, как в дурном предчувствии защемило сердце.

Дорогая Тигги!

Так приятно было получить от тебя весточку, и я так рада, что ты уже обустроилась на своем новом месте работы. Гляжу в окно и вижу, что все вокруг покрыто снегом, даже фиорд наполовину замерз. Уверена, такая же картина и у вас в Шотландии. Я с каждым днем все толстею и толстею. К счастью, до того момента, как малыш появится на свет, осталось всего лишь несколько недель. Мой отец Феликс навещает меня регулярно, каждый день – (я пью горячий шоколад, а он получает свою порцию водки аквавит, очень популярной в Скандинавии!) А вчера он привез мне колыбельку, в которой когда-то еще спал его отец Пип. Увидев детскую кроватку, я лишний раз поняла, что и мой ребенок тоже готовится к приходу в этот мир.

А сейчас, Тигги, обо всем остальном. Ты спрашиваешь меня, какие отношения связывали нашу Майю и Зеда Эсу. Да, действительно, какое-то время они встречались, пока учились в университете и... Ах, Тигги! Не хочу быть предательницей по отношению к сестре и выдавать ее тайны, но окончилось все это крайне плохо. А еще

сошлюсь на своего покойного Тео. Ему тоже доводилось пару раз сталкиваться с Зедом на различных регатах. Так вот, по его словам, Зед – это законченный идиот, взбалмошный и упрямый. Прости за откровенность. Я также абсолютно уверена в том, что он знаком накоротке и с нашей Электрой... Такое впечатление, что сестры Делеси явно не дают ему покоя...

Скажу тебе и еще одну вещь. Когда минувшим летом я наткнулась на яхту отца неподалеку от острова Делос, то узнала и яхту Крига Эсу. Она стояла пришвартованной в бухте рядом с яхтой Па Солта. Раньше я тебе об этом не рассказывала, потому что до сих пор не могу понять, случайное это совпадение или нечто большее... Однако подумай сама, Тигги. Что отец, что сын... Сплошные совпадения. Не кажется ли тебе это странным?

Ты не написала мне о том, какого рода отношения вас связывают с Зедом. Но если это романтические отношения, то прошу тебя, Тигги, берегись! Я совсем не уверена в том, что он порядочный человек. Впрочем, быть может, тебе лучше самой переговорить с Майей, которая знает его очень хорошо, гораздо лучше меня.

Какой необычный год выдался для всех нас, год, когда мы пытаемся научиться жить без папы. Надо будет нам все же согласовать дату, когда мы, сестры, соберемся все вместе и совершим плавание на то самое место, где я в последний раз видела яхту отца. Возложим венок на воду в память о нем. Думаю, это станет хорошим сеансом терапии для всех сестер: снова собраться вместе и почтить память Па Солта. Пусть покоится с миром.

Тысячи объятий и поцелуев тебе из заснеженной Норвегии!

Твоя Алли

Я быстро распечатала себе копию письма, чтобы лишний раз поразмыслить над ним на досуге. Собственно, Алли не сообщила мне ничего нового, лишь подтвердила то, что я и без нее хорошо знала, но все же подумать стоит. Потом я отключила компьютер и поспешно ретировалась к себе, пока на кухню не заявился Зед в поисках своего завтрака.

Двумя часами позже я услышала скрежет въехавшей во двор машины. А минут через десять, когда я уже приготовилась везти

Чилли его обед, раздавался громкий стук в дверь. Я даже не успела подойти, чтобы открыть ее, как в дом ворвалась Ульрика.

– Тигги! Берил сказала мне, что Зара появилась здесь минувшей ночью! Почему же вы не позвонили мне тотчас же?

– Прошу простить меня, Ульрика, но...

– А сейчас она снова куда-то пропала, – перебила меня хозяйка на полуслове. Я видела, что ее всю трясет от злости. – Я уже отправила несколько срочных эсэмэсок Чарли, но он мне пока еще не перезвонил. Чертовски в его стиле! У него пропала дочь, а он даже не реагирует на мои звонки.

В этот момент в дом вошел Кэл.

– Лендровер исчез, – объявил он прямо с порога. – Ключи от машины в вазочке?

– Понятия не имею. Я не проверяла.

– А вам не кажется, что это Зара взяла машину? – спросила Ульрика, обращаясь к нам обоим.

– Все может быть, – процедил в ответ Кэл и подошел к вазочке, стоявшей на буфете. – Ну вот! Ключей нет! Исчезли...

– Этого еще не хватало! – завопила Ульрика. – Зару никто и никогда не обучал надлежащим правилам вождения. Гоняла здесь по поместью, и на этом все. А что, если она сейчас попадет в аварию? Или ее остановит полиция? Тогда уж неприятностей не оберешься. А ее так и тянет вляпаться в какую-нибудь историю...

В дверь снова постучали. Мы все даже подпрыгнули от неожиданности. Кэл пошел открывать.

– Так вот вы где все кучкуетесь! – На пороге появился высокий мужчина. Кажется, его зовут Фрейзер. Тот самый, с которым я столкнулась в Киннаирд-лодж в ночь накануне Рождества. Он слегка склонил голову, чтобы войти в помещение.

– Думаю, на сей раз ты будешь рад меня видеть, – обратился он к Кэлу и слегка дернул женскую руку, которую держал в своей. Следом через порог перевалилась Зара. – Нашел ее на обочине. Попыталась поменять колесо в вашей развалюхе, которой она, кстати, рулила. Само собой, девчонка и понятия не имеет, как все это делается. Я бы ей помог, но решил, что первым делом нужно доставить ее обратно домой и разморозить. Она бы там умерла от холода, если бы я случайно не наткнулся на нее, – добавил Фрейзер.

– Зара! Слава богу! С тобой все в порядке? – Валькирия бросилась к вошедшим. – Большое вам спасибо, – обронила она, обращаясь к Фрейзеру, и я увидела, как они обменялись молниеносными взглядами и даже слегка улыбнулись друг другу, но потом Ульрика снова сконцентрировала все свое внимание на дочери. – Где ты была, дорогая? Мы тут все переволновались до смерти. – Она обняла Зару, но та стояла неподвижно в материнских объятиях, кол колом, даже не попытавшись прислониться к Ульрике. Вместо этого она бросила на меня умоляющий взгляд поверх плеча матери, словно призывая на помощь. Вопрос лишь в том, как и чем я сейчас могла бы помочь ей.

– Ей нужно принять горячую ванну, и как можно быстрее, – сказала Ульрика, с отсутствующим видом поглаживая руки дочери. – Но в этой хибаре такое удобство мы вряд ли найдем. И к себе нам пока лучше не возвращаться.

– А почему бы вам не заглянуть ко мне? – предложил Фрейзер. – По крайней мере, у меня в доме есть центральное отопление и полно горячей воды.

– О, еще раз большое спасибо. Именно так мы и поступим.

– Мама, но я...

– Ни слова больше, мисс! – рявкнула на нее Ульрика, и Зара тотчас же умолкла.

– Что ж, тогда пошли, – сказал Фрейзер.

Когда они покинули дом, уводя с собой Зару, так и не проронившую больше ни слова, Кэл закрыл за ними дверь и повернулся ко мне.

– Не знаю, как ты, а я сейчас совсем даже не против дерябнуть рюмку виски из той бутылки, что осталась у меня еще с Рождества. После всех треволнений не грех и расслабиться. Составишь мне компанию?

– Да, с удовольствием. Меня всю трясет. Бедная Зара! – воскликнула я с горечью, неожиданно почувствовав сильное сердцебиение, и безвольно опустилась на диван.

– Тогда это тебе, Тиг. – Кэл протянул мне стакан с виски, и мы с ним чокнулись, прежде чем выпить. – За благополучное воссоединение матери и дочери, – предложил он свой тост.

Жидкость обожгла гортань, сердце мое еще больше затрепетало, но, как ни странно, постепенно оно успокоилось, и я почувствовала

себя гораздо лучше.

– А кто этот Фрейзер, Кэл? – спросила я. – Давно уже хотела спросить тебя о нем. Я видела его на Рождество.

– Сын Берил.

– *Сын* Берил? – Я даже взвизгнула от неожиданности. – Но почему же она ни единожды не упомянула о нем в разговорах со мной?

– Видишь ли, Тиг, там... все очень сложно у них. Многое тянется из прошлого. Плохая кровь, если ты понимаешь, о чем я. Но не мое это дело, а потому я не стану посвящать тебя в их семейную историю. Скажу лишь одно: Берил совсем не пришла в восторг, когда Фрейзер вернулся из Канады. Впрочем, по-моему, в Киннаирде никто не обрадовался его появлению в наших краях. Одному богу известно, зачем он приехал. Хотя у меня есть кое-какие мысли на сей счет. – Кэл сосредоточенно почесал переносицу.

– То есть Фрейзер даже не живет вместе с матерью?

– Нет, что ты! После того, что он натворил... Но ты же меня знаешь, не люблю я заниматься сплетнями, а потому давай оставим эту тему, ладно? Фрейзер себе на уме: раз приехал, значит, знает, зачем. А я лично вздохну полной грудью лишь тогда, когда он снова выметется отсюда. Мне пора идти. Хочу засыпать пару рытвин и ям на подъездной дороге. Увидимся позже.

* * *

После обеда я решила немного вздремнуть. Все еще давала знать о себе слабость после недавно перенесенной простуды. Да и ранние утренние бдения в блиндаже, пока я часами наблюдала за Пегасом и его перемещениями, тоже отнимали силы. Но не успела я прилечь, как в дверь снова постучали.

– Добрый день, Чарли. Проходите, – пригласила я, чувствуя, как сердце мое снова забилося при виде столь неожиданного гостя.

– Здравствуйте, Тигги. Берил сказала мне, что Ульрика уже навевывалась к вам. Хотела выяснить, где Зара.

Чарли переступил порог и замер у двери, неловко переминаясь с ноги на ногу. Я мельком глянула на него. Черты лица еще больше

заострились, под глазами залегли темные круги. Мне даже показалось, что он сильно похудел с момента нашей последней встречи.

– С Зарой все в порядке, Чарли, – поспешила я успокоить его. – Они с Ульрикой сейчас отправились, чтобы приготовить Заре горячую ванну. – Потом я коротко рассказала ему о том, что Зара взяла машину, но по дороге у нее спустило колесо.

– И кто же ее нашел?

– Этот человек по имени Фрейзер. Он и привез ее в Киннаирд.

– Хорошо, – кивнул в ответ Чарли, хотя лицо его сделалось еще мрачнее. – И где же они сейчас? Вернулись в Киннаирд-лодж?

– Нет, они поехали домой к Фрейзеру.

– Понятно, – обронил он после долгой паузы. – Тогда, пожалуй, мне тоже стоит податься туда. Надеюсь, там я их и застаю.

– Наверное, – согласилась я с ним. Мне очень хотелось добавить «к большому сожалению», ибо я видела, какая боль отразилась в его глазах, но посчитала, что в сложившихся обстоятельствах мои комментарии будут неуместны.

– Спасибо, что приютили Зару минувшей ночью, – промолвил Чарли, уже переступив порог в обратном направлении.

– О, за Зару можете не волноваться. С ней все в порядке. Думаю, просто нужно дать какое-то время, чтобы девочка остыла.

– Ладно! Еще раз спасибо вам, Тигги, за все, – поблагодарил меня Чарли, слабо улыбнувшись на прощание. И ушел.

19

Я проснулась на рассвете, чувствуя, что меня мутит. Такое состояние, словно после пьянки, сердце бьется неровно, охваченное какими-то паническими страхами, в груди сильно сдавило и заболело, когда я попыталась сделать вдох.

– Не волнуйся, Тигги. Это стресс в чистом виде, – успокаивала я себя, пока одевалась. После чего отправилась на встречу с Пегасом.

Я не стала прятаться в нашем убежище, а, согнувшись в три погибели, укрылась в зарослях папоротника, чтобы подобраться к оленю поближе, если он вдруг будет на месте. Закрыла глаза и почему-то снова вспомнила слова Чилли о том, какая сила таится в моих руках. Не открывая глаз, я вскинула руки вверх и попыталась сфокусировать

всю эту свою мистическую силу на мысленном призыве к Пегасу предстать предо мной.

Чувствуя весь идиотизм ситуации, я снова открыла глаза и ничуть не удивилась, обнаружив, что Пегас никак не отреагировал на мои волшебные чары и не внял моему приказу выйти из рощи. Однако же когда я выпрямилась во весь рост, то внезапно услышала знакомое прерывистое дыхание всего лишь в нескольких сантиметрах от себя.

– Пегас! – прошептала я, поворачивая голову в ту сторону. Губы мои сами собой растянулись в широченной улыбке. Олень негромко фыркнул в ответ, какое-то время что-то поклевал в зарослях папоротника, а потом ленивой поступью направился к остальному стаду.

Вернувшись, я застала Кэла во дворе перед домом. Он о чем-то разговаривал с незнакомым мне мужчиной. Судя по выражению их лиц, разговор был жарким. Я быстро нырнула за дверь и побежала ставить чайник на огонь.

– Кто это был? – поинтересовалась я у Кэла, когда он наконец вошел в дом.

– Ах, Тиг! Ума не приложу, как просочилась информация, – тяжело вздохнул он в ответ.

– Информация о чем?

– О твоём Пегасе, конечно. Этот парень, с которым я только что разговаривал во дворе, он из местной газеты. До него дошли слухи...

– Но ты ведь все отрицал, да?

– Само собой. Однако у меня нет власти прогнать его отсюда. Он имеет полное право бродить по окрестным лесам и долам. Впрочем, как и всякий другой в Шотландии.

– Но он по крайней мере хотя бы не знает, где конкретно искать Пегаса. А так все его поиски... Это все равно что искать иголку в стоге сена.

– Ты права. Но зато опытному браконьеру не составит труда выяснить, в каких именно местах пасутся олени, а потом выследить и свою добычу. Нет уж! Я должен немедленно переговорить с Чарли, посоветоваться с ним, что нам делать. К тому же только он может сделать официальное заявление для прессы. У всех других таких полномочий нет. Все, я побежал в Киннаирд-лодж. До встречи.

– До встречи, – ответила я, откусив кусочек тоста и чувствуя, что голова у меня пошла кругом.

* * *

– Тигги, вы дома? – услышала я знакомый голос через закрытую дверь где-то через час после нашего разговора с Кэлом.

– Только тебя мне и не хватало! – буркнула я в сердцах, досадуя на то, что в последние дни наша хибара вдруг превратилась в некий центр всей деловой и прочей активности в Киннаирде. – Входите! – бросила я, поднимаясь с дивана, чтобы поздороваться с Зедом.

– Доброе утро, Тигги, – одарил он меня своей лучезарной улыбкой. – Давненько я вас не видывал.

– Так уж получилось. Слишком много работы. Вот я и занята целыми днями, – ответила я, стараясь говорить непринужденно, но при этом как можно убедительнее.

– Понятно. А я вот зашел, чтобы поинтересоваться, обдумали ли вы мое предложение. Вы ведь сказали, что вам потребуется какое-то время на раздумья. По-моему, времени уже прошло предостаточно. Во всяком случае, по моим понятиям, – заметил Зед. – Я намерен приступить к реализации своего проекта в максимально сжатые сроки. Не скрою, мне бы очень хотелось, чтобы за штурвал этого корабля встали именно вы. Но если нет, тогда мне нужно срочно подыскивать другую кандидатуру.

– Я вас прекрасно понимаю, Зед. Еще раз приношу свои извинения за то, что несколько затянула с ответом, но я действительно была очень занята все последние дни. А решение, которое я должна принять, оно ведь архисложное. Можно сказать, судьбоносное решение.

– Так оно и есть, – согласился со мной Зед и неожиданно зевнул. Так не похоже на него. – Прошу простить меня, – тут же спохватился он. – Но всю минувшую ночь я глаз не сомкнул. Вчера вечером ко мне заявились лэрд и его жена и попросили разрешения остаться в доме на одну ночь. Потом в спальне у меня за стенкой они устроили такой затянувшийся на всю ночь... спор, если не сказать скандал. Их дочь

тоже выглядела весьма подавленной. Я даже слышал, как она плакала. Как я понимаю, она удрала из школы?

– Да. Но с ней все будет хорошо...

– Так вот, Тигги, в свете всего вышесказанного... – Зед сделал шаг мне навстречу, а я инстинктивно попятилась, тоже на один шаг. – Я ценю, что вы так серьезно отнеслись к принятию этого судьбоносного, по вашим словам, решения. Однако должен заявить со всей определенностью, что мне нужен ответ от вас к концу этой недели. И, боюсь, это крайний срок.

– Простите меня, Зед. Но, честное слово, я так замоталась...

– Понимаю. Но вот вам мой совет, Тигги. С учетом того, что я наслушался через стенку на протяжении всей минувшей ночи, я бы порекомендовал вам отнестись к моему предложению со всей серьезностью. По моему мнению, Киннаирд уже обречен. – Зед кивнул на прощание, одарил еще одной короткой улыбкой и удалился.

И буквально через пару минут после ухода Зеда вернулся Кэл.

– Я поговорил с лэрдом. Он согласен со мной в том, что мы должны как можно дольше держать в тайне информацию о Пегасе. Во всяком случае, до того момента, как будет сделано уже официальное заявление.

– Как ты думаешь, откуда произошла утечка?

– Лочи рассказывал, что недавно был на почте и слышал, как старик Артур, который там работает, рассказывал кому-то о фотографиях белого оленя, которые он якобы сам видел, – мрачно ответил Кэл. – Уверен, ничего плохого старик не имел в виду, но, скорее всего, именно так и пошла гулять молва по округе, пока не докатилась, в конце концов, до местного репортера. Сама понимаешь, в деревне любая сплетня распространяется со скоростью пожара. Однако мне пора.

– Береги себя, дорогой мой, – прошептала я, мысленно обращаясь к Пегасу и невольно содрогаясь от страха, вдруг охватившего меня.

* * *

– Проклятье! – выругался Кэл с нетипичной для него злостью, когда на следующее утро мы увидели, что наш двор заполонило

множество машин. Телевизионщики уже успели вместе со своей техникой выбраться из одной машины и сейчас всю снимали живописные окрестности вокруг горного ущелья.

– Вы здесь главный? – обратился к Кэлу один из прибывших, как только тот вышел на улицу.

– Нет, – отрезал Кэл. – Чем я могу помочь вам?

– Тим Винтер из «Нортен Таймс», – представился мужчина. – Просочились слухи, что на территории вашего имения обитает белый олень. – Журналист полез в карман за блокнотом. – Вы можете подтвердить эту информацию?

– Ничего определенного не могу сказать, поскольку я здесь не начальник. Но сильно сомневаюсь в том, что вам удастся увидеть нечто подобное на землях Киннаирда. Я, во всяком случае, никакого белого оленя в глаза не видел, – уверенно солгал Кэл.

– У меня достаточно надежный источник информации. По словам этого человека, он лично видел фотографии оленя. Обещал переслать мне эти снимки в течение дня по электронной почте.

– Я и сам не против взглянуть на эти фотки, – отреагировал Кэл с непроницаемым выражением лица. Однако он у нас самый настоящий артист, невольно восхитилась я, понимая, какие страсти сейчас бушуют в душе управляющего. Наверняка весь кипит от злости.

Вперед выступил еще один репортер и тоже представился.

– Бен О’Дрисколл, СТВ Норт. Быть может, вы хотя бы скажете нам, где приблизительно пасутся ваши олени? Мы бы могли отправиться туда самостоятельно и понаблюдать за ними.

– А, это пожалуйста, – миролюбиво кивнул головой Кэл в знак согласия. – В это время дня они, главным образом, кучкуются вон там, на холме, где-то на полпути к вершине.

Кэл указал журналистам направление, прямо противоположное тому, где в это время может обитать Пегас. Я с трудом удержалась от смеха, слушая, как он еще выдал им кучу всяких сложных инструкций и указаний, что и как делать.

Они быстро загрузились в свои машины и микроавтобусы и покинули двор.

– По крайней мере, оттянули время, Тиг, – сказал Кэл, когда мы вместе вернулись в дом. – Сейчас я свяжусь по рации с Лочи и попрошу его убрать машину подальше от рожицы, а заодно и

набросать побольше снега на наш блиндаж. Мы же не хотим, чтобы эти парни обнаружили какие-то подсказки, не так ли? – Кэл извлек из кармана свою рацию и, нажав на нужную кнопку, вышел на связь с Лочи. – Будем надеяться, что если они не найдут никаких оленей там, куда я их направил, то скоро им эта беготня по снегу надоест и они уберутся восвояси. Набросятся на чье-либо грязное белье и примутся обмывать его, как это у них водится. Лочи, ты меня слышишь? Хорошо. Мне нужно, чтобы ты перегнал свой минивэн в другое место, подальше с глаз...

Кэл продолжил инструктировать своего помощника, а я, подавив тяжелый вздох, пошла к себе в спальню покормить Алису.

Раздался стук во входную дверь, и все у меня в груди оборвалось, когда я увидела в оконное стекло бледное лицо Чарли. Я поспешила к двери.

– Здравствуйте, – поздоровалась я с Чарли и повела его в гостиную.

– Добрый день, Тигги, – вымученно улыбнулся он в ответ. Вид у него был ужасный. Я всю ночь не сомкнула глаз. Судя по всему, он тоже.

– Как вы тут? – поинтересовался он у меня скорее из вежливости.

– Все в порядке. Сейчас гораздо важнее, как там Зара?

– Пока ничего хорошего. Минувшей ночью она устроила нам самый настоящий скандал, когда мы сказали, что она должна вернуться в школу. Кончилось все тем, что она заперлась в своей спальне и категорически отказывается выходить. В любом случае, – Чарли вздохнул, – Зара – это уже моя головная боль. У вас и своих проблем тут полно. Расскажите мне поподробнее об этом белом олене... Судя по всему, новость о нем уже пошла гулять вовсю. Иначе чем еще объяснить такой наплыв визитеров к нам? Машины и микроавтобусы носятся по всему поместью. Кэл сказал мне, что вы тоже видели оленя воочию.

– Видела. Должна сказать, что в жизни он гораздо красивее, чем на тех фотографиях, которые мы отправили вам.

– То есть белый олень – это не плод вашего с Кэлом воображения, да?

– Нет, Чарли, никакой игры воображения. Но сейчас нам надо сделать все от нас зависящее, чтобы защитить его.

– Что ж, я тут переговорю кое с кем из тех, кому можно доверять. Чтобы помощников у вас прибавилось. Боже мой! – Чарли нервно взъерошил волосы. – Одни сплошные неприятности со всех сторон.

В этот момент он выглядел таким растерянным, что мне вдруг захотелось подойти к нему и заключить в объятия. А потом усадить его рядом с собой, не разжимая рук, и попросить, чтобы он рассказал мне обо всем, что случилось с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз. Но какое право имею я вызывать Чарли на откровенность? Кто я здесь такая? А потому я обошлась универсальным средством, способным успокоить любого или хотя бы снять напряжение, и предложила ему чашечку чая.

– Спасибо, Тигги, но мне пора возвращаться к себе. Буду пытаться как-то выманить Зару из ее заточения. Может, вы что посоветуете? Мы ведь с ее матерью до сих пор не знаем, что там случилось у них в школе. Она стойко держит оборону, молчит, как на допросе. Что-то связанное с мальчиком, да?

– Думаю, это, прежде всего, вопрос уязвленного самолюбия, – ответила я, тщательно выверяя каждое свое слово. В конце концов, секрет Зары – это не мой секрет, чтобы разглашать его. – Пожалуй, на вашем месте я предложила бы Заре несколько дней не ходить в школу. Дать ей какое-то время, чтобы она смогла зализать, так сказать, свои раны. Иногда это помогает. Уверена, ей быстро надоест бесцельно слоняться по дому днями напролет. Снова захочется встретиться со своими подружками и одноклассницами хотя бы для того, чтобы узнать последние школьные новости.

– Да, наверное, вы правы. – Чарли посмотрел на меня с видимым облегчением. – Именно эту стратегию я и опробую. Как жаль, что в такой сложный для себя момент Зара абсолютно не чувствует потребности поделиться своими неприятностями с матерью.

– Может, когда повзрослеет, такая потребность у нее появится.

– Сильно сомневаюсь. Увы-увы! Послушайте, Тигги, – обронил он после некоторой паузы. – Я виноват перед вами, что не был постоянно на связи. И все же прошу вас задержаться в Киннаирде подольше. Очень не хочу терять такого ценного работника, как вы.

«А я вот чувствую, что уже потеряла тебя...»

– Само собой, Чарли. Я и без того кажусь себе самой настоящей бездельницей. Получать зарплату только за то, чтобы дважды в день

покормить пару кошек, и на этом все, – ответила я, слегка поведя плечами.

– Ну какая же вы бездельница, Тигги? Что за глупости! Вы сэкономили мне кучу времени, заполнив вместо меня заявку на получение гранта. Я вам страшно за это благодарен. Вполне возможно, появятся и какие-то новые перспективные проекты, – добавил он не очень уверенно.

– Я, между, прочим, договорилось с тем специалистом, который занимается разведением европейских оленей вапити, чтобы он приехал к нам и посмотрел все на месте, но это дело ближайшего будущего. А потому пока решайте свои неотложные дела, Чарли, а мы здесь постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы спасти Пегаса.

– Спасибо вам, Тигги. Большое спасибо. Вы – чудесный человек, правда.

Я увидела, как он сделал шаг мне навстречу, но, видно, тут же спохватился и отступил назад.

– Ладно! Я свяжусь с вами буквально на днях, – промолвил он. – А сейчас до свидания.

– До свидания, Чарли.

Где-то через час, пока я все еще мечтательно прокручивала в голове фразу Чарли о том, какая я «чудесная», я увидела, как мимо моего окна пронесся его старенький ренджровер. Следом промчался гораздо более элегантный джип Ульрики. Обе машины взяли курс на выезд из поместья.

– Ради всего святого, держись! И не распускай тут нюни! – приказала я себе непреклонным голосом. Но тем не менее продолжала пялиться вслед ренджроверу до тех пор, пока он не превратился в малюсенькую точку на самом горизонте.

* * *

Следующие два дня я тоже всячески избегала встреч с Зедом, так как пока еще не приняла окончательного решения, что мне делать с его предложением о работе. Немного спасало то, что приходилось постоянно дежурить на нашем пункте наблюдения, контролируя перемещения Пегаса.

– Знаешь что, Тигги, – сказала я себе, – по-моему, наступил подходящий момент для того, чтобы поговорить со своей старшей сестрой и спросить у нее совета насчет Зеда Эсзу, а уже потом что-то решать.

Я развела огонь в камине к приходу Кэла, а сама поспешила в Киннаирд-лодж.

И, к своему огромному разочарованию, обнаружила Зеда на кухне. Он о чем-то беседовал с Берил, скрестив руки на груди.

– Что это здесь все вокруг трезвонят, что в Киннаирде появился белый олень? – спросил он у меня.

– И до меня эти слухи тоже докатились, – ответила я как можно равнодушнее. – Сплошные фантазии, да и только.

– Люди хватаются за любую сенсацию, – вступила в разговор Берил. – В январе ведь, как правило, новостей не густо.

– Но обычно дыма без огня не бывает, – возразил Зед. – Впрочем, для меня сейчас гораздо важнее получить ответ от вас, Тигги. Быть может, у вас получится завтра вырваться сюда, чтобы отобедать со мной. Тогда все и обсудим.

– Я... Хорошо, – покорно ответила я, понимая, что тянуть дальше нельзя.

– Вот и отлично. Берил, мне нужно будет сделать звонок в Нью-Йорк через пятнадцать минут. Я позвоню с телефона в гостиной. Просьба меня не беспокоить, ладно?

– Конечно, сэр.

Когда мы услышали, как за Зедом захлопнулась дверь парадной гостиной, Берил издала облегченный вздох.

– И когда только этот зануда соизволит, наконец, уехать отсюда? – пробормотала она вполголоса.

– Надеюсь, уже совсем скоро, – ответила я шепотом. – Берил, прежде чем Зед усядется за телефон, вы позволите мне тоже воспользоваться этой линией связи и позвонить сестре? Мне нужно срочно обсудить с ней кое-что, но она живет в Бразилии. Само собой, я оплачу этот разговор.

– Не выдумывайте, Тигги! Уверена, что тех денег, которые Зед платит за свое пребывание здесь, вполне хватит на то, чтобы вы получили возможность сделать телефонный звонок на другой конец

света и поговорить несколько минут. Но только поторопитесь, чтобы потом Зед не начал жаловаться, что линия занята.

– Спасибо, Берил. Мне действительно нужно лишь пару минут.

Я быстро прошмыгнула по коридору в кабинет Берил, плотно прикрыла за собой дверь и, сняв трубку с рычага, стала мысленно прикидывать, о чем мне следует спросить Майю.

Потом никто долго не подходил к телефону, который все звонил и звонил. Хотя в Рио была уже вторая половина дня, и я надеялась, что Майя уже дома. Наконец трубку сняли.

– *Oi*, – услышала я голос старшей сестры со знакомыми мне мягкими интонациями.

– *Oi*, Майя! – Я невольно улыбнулась в трубку, услышав родной голос. – Это я, Тигги.

– Тигги! Какая приятная неожиданность! Как же я рада слышать тебя! Ну, как ты? Где ты?

– Все еще среди просторов Высокогорной Шотландии. Ухаживаю за своими животными. А как ты?

– Преподаю английский детям из фавелы. Да и Валентина тоже постоянно держит меня в тонусе. Остается лишь удивляться, как это Ма умудрялась справляться со всеми нами, сестрами. А я тут с одной шестилетней малышкой буквально сбиваюсь с ног. У этой девочки точно в груди вечный двигатель. Она никогда не устает, – добавила Майя с нескрываемой нежностью в голосе. – Ну, как ты, Тигги?

– У меня все нормально. Знаешь, это Алли посоветовала мне поговорить с тобой. Об одном человеке по имени Зед Эсзу.

На другом конце провода повисла долгая пауза.

– И что? – спросила наконец Майя.

– Видишь ли, – продолжила я сбивчиво. – Он предложил мне работу. Майя, там открываются просто фантастические возможности.

Я в сжатой форме охарактеризовала суть своей будущей работы и то, какие деньги Зед намерен субсидировать в будущий благотворительный фонд.

– Я уже не говорю о собственной зарплате и прочих льготах и привилегиях. Ну, что скажешь? Какое твое мнение?

– По поводу работы? Или Зеда?

– И того и другого, думаю.

– Ах, Тигги! – Я услышала глубокий вздох на другом конце линии. – Даже не знаю, что тебе сказать...

– Пожалуйста, скажи, как есть, Майя. Очень тебя прошу, – ответила я с мольбой в голосе.

– Но, прежде чем ответить на твой вопрос, я тоже хочу спросить тебя. Ты и Зед... Вас связывают какие-то романтические отношения? Или это сугубо деловые контакты?

– С моей стороны, да. Только деловые. А вот в том, что касается Зеда, сомневаюсь, если честно...

– То есть, он оказывает тебе всяческие знаки внимания?

– Да.

– Пишет письма, дарит приятные мелочи, присылает цветы?

– Да.

– Часто оказывается у твоих дверей без приглашения?

– Да.

– Словом, он за тобой всю ухаживает?

– Да. Мой коллега по работе даже *называет* его моим ухажером.

– Все правильно. Так что ты думаешь сама? Он предлагает тебе столь соблазнительное место работы только потому, что ты именно тот человек, который ему нужен? Или это просто наживка для того, чтобы заманить тебя в свои сети?

– Вот этого я и сама не пойму до конца. Возможно, и то и другое.

– Наверное, Алли сказала тебе, что я отнюдь не испытываю симпатии к этому человеку. А потому не уверена, что могу рассуждать о Зеде Эзу объективно. Но скажу лишь одно. Все, что он сейчас вытворяет вокруг тебя, когда-то он выделывал и вокруг меня. Создавалось такое впечатление, что он ни перед чем не остановится, пока не заполучит меня. Он выслеживал меня, словно добычу. Но когда, в конце концов, он все же *заполучил* меня, когда я уступила его натиску, он очень быстро утратил ко мне всякий интерес.

– Ах, Майя, прости меня! Представляю, как тебе больно говорить об этом сейчас.

– Нет, все это уже давно в прошлом, но тогда... Впрочем, вполне возможно, с тобой у него все по-другому. Прошло столько лет, Зед возмужал, повзрослел, наверное, изменился. Но вот сейчас, оглядываясь в прошлое, я внезапно вспомнила, что и мне он тоже предлагал в свое время работу. Говорил, что в компании его отца

нужны переводчики, и я вполне могла бы получить это место после окончания универа. Но, когда он бросил меня, даже не попрощавшись после окончания Сорбонны, ни о какой работе уже больше не упоминалось.

– Боже мой! – воскликнула я с содроганием. – Знаешь, Алли говорит, что у него какая-то мания в отношении сестер Деплеси. Может, она и права.

– В любом случае, весьма подозрительно, что, по словам Алли, летом прошлого года яхта его отца стояла в бухте одного из греческих островов на приколе рядом с нашим «Титаном». И вдруг его сынок возникает ниоткуда в далекой глубинке Высокогорной Шотландии, именно в том месте, где ты сейчас работаешь.

– О, я уверена, Майя, в том, что касается меня, это случайное совпадение. Он был искренне удивлен, когда узнал, кто я такая.

– Тигги, а тебе самой нравится Зед? Ну, ты понимаешь, *о чем я...*

– Нет. Он мне определенно не нравится. Я нахожу его... – я слегка понизила голос. – Есть в нем что-то зловещее. Такой весь самодовольный... Хотя не скрою, мне его жаль. Вспомни сама, ведь он потерял своего отца практически в одно время с нами, когда и мы потеряли Па Солта.

– Уверена, Тигги, и это обстоятельство он обязательно пустит в ход для того, чтобы покрепче привязать тебя к себе. А мы же все знаем, какое у тебя доброе сердце. Ты и у самого сатаны отыщешь достоинства и найдешь смягчающие обстоятельства в его поступках. А уж тем более у Зеда. – В голосе Майи послышалась горечь. – Однако прости меня, Тигги. И не обращай особого внимания на мои выпады. Сама работа действительно потрясающая. Понимаю, почему тебе так хочется заняться ею. На профессиональном уровне не имею ничего против того, что Зед станет твоим боссом. Во всяком случае, я не буду это комментировать. Во всем же остальном остерегайся, прошу тебя. Он из тех людей, кто не останавливается ни перед чем, чтобы заполучить свое. Судя по твоему рассказу, на данном этапе такой целью для него стала ты.

– Майя, тогда я спрошу тебя напрямую. В душе ты считаешь его порядочным человеком?

Опять последовала душераздирающе долгая пауза, прежде чем Майя собралась с ответом.

– Нет, Тигги. Боюсь, я не смогу назвать его хорошим человеком.

– Ладно! Вот это именно то, что я и хотела услышать. Спасибо, что была со мной откровенна, и еще раз прости за то, что вольно или невольно я напомнила тебе о плохом.

– Все в порядке, Тигги. То уже давняя история. Просто я... Я не хочу, чтобы ты обожглась с ним так же сильно, как в свое время это случилось со мной. Но ты же у нас известна своей особой интуицией. Думаю, ты примешь правильное решение.

– Хорошо. А сейчас мне пора прощаться, потому что я занимаю линию, а наш... общий знакомый желает позвонить в Нью-Йорк.

– Что ж! Было так приятно пообщаться с тобой. Оставайся со мной на связи, ладно?

Я положила трубку на рычаг, искренне надеясь на то, что не сильно огорчила сестру. Но из того, что она мне рассказала, выходит, что Майя не просто встречалась с Зедом какое-то время. Оказывается, все у них было гораздо серьезнее, и он очень ранил ее.

И тут меня осенило. Пока Зед занят предстоящим звонком в Нью-Йорк, а компьютер свободен, поищу-ка я какие-нибудь вакансии, которые имеются для зоолога за рубежом. Ведь если я не приму предложение Зеда, то очень может статься, что в связи с весьма неопределенной ситуацией в самом Киннаирде мне уже в ближайшем будущем потребуется новая работа.

«Гугл» тут же услужливо высветил для меня с десятков вполне приличных вакансий, которые я стала просматривать более подробно.

«Доцент по иммунологии животных и проблемам экологии окружающей среды, Южная Джорджия, США».

«*Не впечатляет*», – подумала я. К тому же у меня еще нет достаточного опыта, чтобы претендовать на должность доцента.

«Помощник зоолога для работы в природных условиях, специализация – тюлени и морские птицы, Антарктика».

«*Ни за что на свете, Тигги! Если в Шотландии такая холодина, то можно себе представить, что творится в Антарктике...*»

«Работник по охране животных в заповеднике диких животных в Малави».

«*Вот это уже действительно интересно...*»

Я быстро набросала коротенькое письмецо, присовокупив к нему и свое резюме, набрала нужный электронный адрес, нажала кнопку

«Отправить» и лишь потом сообразила, что в резюме фигурирует мой прежний адрес в Швейцарии. Надо было поменять на адрес Киннаирда, но, зная скрупулезность Ма в том, что касается наших дел, не приходится сомневаться в том, что любое полученное в Атлантике сообщение она немедленно переправит мне сюда, в Шотландию.

* * *

На следующее утро я проснулась в гораздо более благостном расположении духа. Как-никак, а хотя бы одна приемлемая альтернатива на будущее у меня уже имеется. Покормив кошек, я на какое-то время задержалась на обратном пути, вслушиваясь в звуки, которыми обычно наполнилось ущелье в этот ранний час. Но вокруг царил мертвая тишина, не нарушаемая даже легким порывом ветра. По собственному опыту, приобретенному уже в Шотландии, я знала, что такая нагоняющая мистический страх тишина – это самый верный предвестник скорой снежной бури. По всей видимости, кошки были согласны с моим предчувствием, потому что никто из них не вылез из вольера, чтобы поздороваться со мной. По пути в Киннаирд-лодж, куда мне нужно было заглянуть, чтобы забрать еду для Чилли, я все размышляла над тем, что скажу Зеду за обедом, которого я тоже ожидала с некоторым страхом. Точнее, в какие именно слова я облеку свое «нет».

– Вообразить себя в Нью-Йорке? Никогда! – сказала я себе. – Ты же мгновенно возненавидишь все на свете, Тигги, как только тебя упакуют в какой-нибудь небоскреб из стекла и бетона и вознесут под самое небо. Наверняка по своим размерам Манхэттен не больше имения Киннаирд, но там же яблоку негде упасть от этих высоток, торчащих из земли буквально на каждом метре.

«Но ведь Зед обещал тебе, что ты будешь много путешествовать...»

– Нет, Тигги, и еще раз нет! – твердо приказала я себе. – Что бы там ни было, и как бы он ни соблазнял тебя, ты должна сказать ему «нет». Потому что это не... Потому что так будет *правильно*, и на этом все.

* * *

– Вам опять нездоровится, Чилли? Кого-нибудь позвать на помощь? – спросила я у старика, когда, зайдя в хижину, снова обнаружила его лежащим в постели.

– Мне не хуже, чем было вчера и чем будет завтра. – Чилли открыл глаза, когда я подошла к кровати. – Это ты уходишь, не я.

– Если честно, Чилли, то иногда вы несете такую чушь! – невольно возмутилась я столь безапелляционным заявлением старика.

– Скажешь Ангелине, что это я направил тебя домой, как и обещал когда-то.

Он снова закрыл глаза. Я подошла ближе и взяла его за руку.

– Я никуда не уйду, Чилли, – промолвила я ласково.

– Ты возвращаешься домой. А потом... – он слегка вздохнул, – уйду и я.

Несколько минут я тщетно пыталась выведать у Чилли, что он имел в виду, но он либо притворился спящим, либо действительно уже успел задремать. Я поцеловала его в лоб, он никак не отреагировал на мой поцелуй. Пришлось мне оставить принесенный для него обед рядом с газовой конфоркой, чтобы он разогрел его себе попозже, а самой ретироваться восвояси, бросив на прощание негромкое «до свидания».

* * *

– Добрый день, Берил, – поздоровалась я с экономкой часом позже, заходя на кухню.

– Вы пришли слишком рано, Тигги. Зед сообщил мне, что ждет вас к часу дня.

– И пусть себе ждет! А мне опять нужен компьютер, если он, конечно, свободен.

– Представьте себе, да, свободен. В данный момент наш гость пребывает в парадной гостиной, где ведет свои бесконечные телефонные разговоры с зарубежьем. Утром это был Китай и другие восточные страны, а днем и по вечерам он начинает трезвонить в Нью-Йорк и далее на Запад. Честно говоря, я отказываюсь понимать,

почему он продолжает торчать у нас. Он ведь безвылазно сидит дома, глаз на улицу не кажет... Разве что каждый день ходит в рощу и в течение часа стреляет там по мишеням. Знаете, Тигги, терпение мое на исходе. Еще немного, и я взвою во весь голос.

Берил яростно вонзила нож в морковку и стала кромсать ее на куски.

– Сочувствую вам, Берил, всей душой. Остается лишь надеяться на то, что вскоре он покинет Киннаирд-лодж, и вы снова получите дом в свое полное распоряжение. Хоть проветрите все помещения как следует, – добавила я, пытаюсь придать нашему разговору шуточный тон.

– И что толку? Как только дом освободится, тут же заявится она. Я уже видела их сегодня утром вместе, когда шла сюда... Катались на лыжах... Еще и ухмыльнулись при виде меня, оба наглые до беспредела!

Берил принялась терзать очередную морковку.

– Кто «они», Берил?

– Да так, никто. – Берил сунула руку в карман фартука, извлекла из него носовой платок и громко высморкалась. – Не обращайтесь на меня внимания, Тигги. Зимой на всех часто нападает хандра, не правда ли? Мрачное время года.

– Это правда. Но, Берил... если вам вдруг захочется поговорить со мной, я всегда к вашим услугам. Честное слово!

– Спасибо, милая.

Я проскользнула в кабинет, тихонько прикрыла за собой дверь и тут же бросилась проверять электронную почту. Пришло два письма, одно – от Чарли, второе – от Майи.

Вначале я прочитала письмо Чарли.

Добрый день, Тигги. Заранее прошу прощения за возможные опечатки, так как пишу второпях (как обычно). Во-первых, тут до меня дошло, что я еще не повинился перед вами за то несчастное происшествие, когда вы едва не замерзли в снегу. Если бы наша старушка «Берил» не была в таком ужасном состоянии, такого бы никогда не случилось. А я бы себе никогда не простил, если бы с вами произошло что-то плохое. Приношу также свои извинения за то, что не попрощался с вами, когда уехал из Киннаирда в последний раз.

Огромная Вам благодарность за помощь Заре и за тот совет, который Вы дали мне касательно того, как с ней следует обращаться. Кстати, он сработал безукоризненно: приехав домой, она сама через какое-то время попросилась назад в школу. С тех пор мы не получали от нее никаких известий. Скрещиваю пальцы на удачу в надежде на то, что у нее все там образовалось.

Приятно было встретиться с вами и поговорить, пусть и совсем коротко, но надеюсь, что вскоре мы встретимся снова и я привезу с собой какие-нибудь хорошие новости о будущем имения.

*Берегите себя,
Чарли*

Дружеский тон письма и участие Чарли невольно растрогали меня и обрадовали настолько, что я готова была расцеловать саму себя. Все же мне здесь так одиноко и грустно, а тут такое теплое послание. Я даже распечатала письмо, чтобы потом перечитать его еще раз на досуге.

После чего приступила к чтению письма от Майи.

Дорогая Тигги!

Я много размышляла после нашего с тобой разговора. Признаюсь, начала волноваться за тебя. Как ты там контактируешь с нашим зловецим «ухажером»? Все же, как ни заманчиво его предложение о работе, пожалуйста, подумай хорошенько еще раз, надо ли принимать его.

Я долго сомневалась и колебалась, стоит ли посылать тебе то, что содержится в приложении к моему письму. А потом все же решила отправить. Взгляни, прежде чем давать окончательный ответ. Правда, эта информация уже годичной давности, но все же...

Надеюсь, ты не возненавидишь меня за это!

С нетерпением жду нашей встречи летом.

Перезвоню тебе вскоре.

Майя

Я открыла приложение и увидела на экране фотографию мужчины, который в настоящий момент поджидал меня в большой

гостиной. Он обнимал за плечи мою сестру Электру. Подпись под снимком гласила следующее:

«Зед Эсзу и Электра наслаждаются обществом друг друга на открытии галереи в Манхэттене. Их регулярно видят вместе последние полтора года. Многие задаются вопросом: так все же они официально пара или просто искусно разыгрывают всех нас».

– Что и требовалось доказать, – пробормотала я, нажимая на клавишу «Печать», затем свернула листок со снимком и спрятала его в задний карман своих джинсов.

После чего быстро взяла себя в руки и, сделав глубокий вдох, направилась в парадную залу.

– Тигги! – мгновенно подхватился Зед с кресла, в котором восседал возле камина. Жара в гостиной была просто удушающая. – Как же давно мы с вами не общались. У меня даже появилось подозрение, что вы намеренно избегаете меня, – продолжил он, подходя ближе и целуя в обе щеки.

– Ничего подобного, Зед. Просто очень много работы.

– Вы имеете в виду отслеживание белого оленя, да?

– Я... Все это пустые разговоры, Зед.

– Да будет вам, Тигги! Все мы прекрасно знаем, что вы его видели, а Кэл даже сфотографировал. Собственно, именно благодаря этим фотографиям новость и просочилась в прессу. На месте Чарли Киннаирда я бы раструбил эту новость везде, где только можно. Это же невероятная удача! Стопроцентный шанс превратить Киннаирд в место паломничества туристов. Чего он ждет? Не понимаю!

– Чарли никогда не пойдет на это, Зед. Потому что самое главное сейчас – это сделать все от нас зависящее, чтобы *защитить* оленя. А запустить сюда сотни туристов и превратить имение в некое подобие проходного двора, согласитесь, это не лучший способ уберечь животное. Я уже не говорю о браконьерах, которые тоже немедленно подтянутся в ближние леса. Белый олень – это ведь такая редкость, поистине мистическая фигура. Не забывайте, что основа моей профессии и моя главная обязанность здесь – это сохранение диких животных.

– Конечно! И все же, какая была бы отличная сенсация, если бы мы сумели сфотографировать вас рядом с белым оленем, а потом приурочить эту фотографию к открытию нашего благотворительного фонда, вы не находите? Так что забудьте на время про своих жирафов. – Зед издал короткий смешок. – Им цена, по известному английскому выражению, один пенс за пару в базарный день. В следующий раз, когда вы отправитесь выслеживать своего оленя, можно мне сопровождать вас? Я бы прихватил с собой фотоаппарат на всякий случай. Полагаю, олень был замечен в небольшой березовой рощице на склоне ущелья. Именно там я вчера заметил припаркованный старенький ренджровер, когда совершал объезд территории, пытаюсь выследить белого оленя.

– Зед, нам надо поговорить, – решительно перебила я его. Хотя в глубине души пришла в ужас от того, что, судя по всему, он уже идентифицировал приблизительное местонахождение Пегаса.

– Конечно, надо, – согласился он со мной. – Вас ведь наверняка интересуют некоторые подробности, что включает в себя ваш социальный пакет. У меня имеется на примете одна весьма приличная квартира-лофт в Челси. Думаю, она вас вполне устроит, когда вы станете наезжать в Манхэттен. Не все же время вы будете спасать львов в Африке. А сейчас я предлагаю выпить по бокалу холодного шампанского. – Зед жестом указал на серебряное ведерко со льдом, в котором стояла неоткупоренная бутылка шампанского. – Открыть?

Я уставилась на него изумленным взглядом. Кажется, этот человек абсолютно уверен в том, что я приму его предложение.

– Нет, Зед, потому что...

– У вас все еще остаются какие-то сомнения? – тотчас же уловил он мои интонации. – На этот случай я специально подготовил для вас файл, в котором содержится ваша должностная инструкция, подробный перечень ваших профессиональных обязанностей. Ну и, само собой, оговаривается размер заработной платы. Вот! Ознакомьтесь! – Он протянул мне папку.

– Спасибо, что озаботились всеми этими формальностями. Но, боюсь, я не смогу принять ваше предложение. И мое решение не подлежит дальнейшему обсуждению.

Зед недовольно поморщился и бросил на меня пугающе холодный взгляд.

– Могу я узнать почему?

– Потому что...

Сотни вариантов ответа вихрем пронеслись в моей голове под этим тяжелым, немигающим взглядом. Я выбрала самый простой.

– Потому что мне нравится здесь.

– Не говорите глупостей, Тигги. Я абсолютно уверен в том, что вы способны на гораздо большее, чем торчать в такой беспросветной глуши.

Я увидела, как глаза Зеда вспыхнули стальным блеском, и на меня вдруг повеяло холодом.

– Нет, я по натуре деревенская девочка и потому чувствую себя в Киннаирде как дома.

– Если бы вы изъявили желание хотя бы мельком взглянуть на этот файл, то обнаружили бы там среди прочего и такой пункт: я включил в перечень ваших, так сказать, бонусов ежемесячные посещения любой точки Европы, авиаперелеты первым классом. Вы бы также увидели, что я предусмотрел и возможность того, чтобы ежегодно вы, по меньшей мере, полгода проводили в Африке, особенно в самом начале нашего проекта, когда вам надо будет определиться с тем, как и куда вложить двадцать пять миллионов долларов, которые поступят в ваше распоряжение.

«Двадцать пять миллионов...»

– Все это звучит потрясающе. Но мне ведь всего лишь двадцать шесть лет, и у меня на сегодняшний день нулевой опыт практически во всем, за исключением сохранения и выхаживания животных. Едва ли я сумею совладать с обилием уже чисто деловых задач, которые возникнут перед будущим фондом.

– Именно поэтому вы и получите в свое полное распоряжение команду высокопрофессиональных специалистов. Как я уже говорил ранее, ваша основная задача – это генерирование идей по запуску новых проектов и их последующая презентация. Вы станете лицом нашего фонда. Мы закрепим за вами стилиста, проследим, чтобы у вас появился новый гардероб, с вами будет работать специалист, который научит вас технике и мастерству публичных выступлений...

Я стояла и молча слушала все, что говорил мне Зед... Можно сказать, наблюдала за тем, как он охмуряет меня, как пытается сломать и *всецело подчинить* себе. И буквально на глазах преобразается сам, и

лицом, и телом. Он вдруг стал похож на такую огромную зеленую ящерицу, отвратительную и страшную. Говорит, а сам то и дело высовывает из пасти свой ядовитый клинообразный язык...

Но вот он наконец замолчал и снова трансформировался из рептилии в человека.

– Все это прекрасно. Большое вам спасибо, Зед. Ваше предложение – это большая честь для меня. Но, несмотря на все ваши аргументы, мой ответ прежний: нет.

– И вы говорите, что именно это место, то есть сам Киннаирд, удерживает вас здесь?

– Да, это так, – подтвердила я. – Мне нравится это место.

– Что ж, тогда решено! – Зед громко хлопнул себя по бедру. – Я покупаю это имение. Я как раз и обдумывал эту идею последние несколько дней. Уверен, Чарли охотно продаст мне свое родовое гнездо. Мы же все прекрасно знаем, в каком отчаянно сложном финансовом положении он сейчас находится. Думаю, он будет на седьмом небе от счастья сбавить с себя весь этот груз проблем.

– Вы хотите купить Киннаирд? – прошептала я с ужасом.

– А почему бы и нет? Такого рода имущество ведь не облагается налогом, что уже плюс. И потом, на здешних территориях вполне можно организовать для моего персонала всякого рода тренинги, в том числе и на открытой местности, как формировать команду и как работать в команде. Наверное, какую-то часть земли можно будет выделить для подготовки игроков в гольф. Оборудовать такое небольшое поле, скажем, на восемнадцать лунок, не более того. Сам дом я со временем преобразую в приличный отель, а на месте всех этих старых сараев и навесов прикажу построить небольшие розничные торговые точки, в которых будут продаваться товары и продукты местного производства. Короче, я очень быстро вдохну жизнь в эту развалюху и превращу ее в достойное место, соответствующее новому тысячелетию.

Я была настолько шокирована словами Зеда, что слушала его молча, только беспомощно открывала и закрывала рот, словно рыба, вытасценная из воды.

– Вот и получается, Тигги, – добавил Зед с хитровой улыбкой на устах, – что как бы вы там ни метали свои кости, а все выпадает очко мне! Иными словами, придется вам смириться, в конце концов, и

начать работать уже на меня. За это и предлагаю выпить по бокалу шампанского.

– Простите меня, Зед, но я должна уйти.

– Почему? Или я чем-то обидел вас? Сказал что-то не то?

– Я... то есть нет... Вы были необыкновенно щедры в своих обещаниях, и я вам благодарна за это. Но я не могу работать на вас, ни в Нью-Йорке, ни здесь.

– Но почему снова нет, Тигги? Я был уверен, что мы с вами превосходно поладим.

– Ну, хотя бы вот поэтому... – Я выудила из заднего кармана газетную вырезку. – Я разговаривала со своей сестрой Майей, в том числе и про вас. И она переслала мне вот это. – Я протянула ему листок. Зед молча развернул его, глянул на фотографию, потом снова на меня.

– Это моя сестра Электра, – подсказала я.

– Я прекрасно знаю, кто это, Тигги. Но не понимаю вашей реакции на этот вполне безобидный снимок.

– Вначале вы встречались с Майей, потом перебросились на Электру, а теперь вот обхаживаете меня! Простите, но лично я считаю это... не просто чем-то странным, а в какой-то мере даже неестественным.

– Тигги, но нельзя же быть настолько наивной! Ради всего святого! Вы же знаете, как может желтая пресса преподнести на своих страницах даже самую невинную дружбу и, в случае чего, тут же слепить из нее какой-нибудь роковой роман в духе Ричарда Бартона и Лиз Тейлор. Я же вполне открыто говорил вам о том, что знаком и с Майей, и с Электрой. И да, какое-то время мы встречались с Майей, но что касается Электры, то уверяю вас, это всего лишь чисто дружеское отношения, и только. К тому же вы наверняка в курсе, что на данный момент у нее есть постоянный приятель, да я и не видел ее вот уже много месяцев. И потом, вы все, сестры, красивые женщины и вращаетесь в тех же кругах, что и я. Все очень просто, и все объяснимо.

– Но я-то *никогда не вращалась* в тех же кругах, что и вы. И не собираюсь делать этого в ближайшем будущем. А сейчас... Простите меня, но я ухожу. Думаю, будет лучше, если мы более не увидимся с вами.

– Надеюсь, вы не ревнуете меня к своим сестрам?

– Конечно же, не ревную! – выкрикнула я ему прямо в лицо в полном негодовании от того, что он так и не понял ничего из того, что я пыталась донести ему. – Однако же ваша заикленность на сестрах Деплеси... она кажется мне... Она вызывает у меня чувство гадливости, Зед. Всего вам доброго.

Я вышла из комнаты, вполне искренне опасаясь, что Зед обязательно последует за мной. К счастью для меня, моя защитница Берил была на своем посту на кухне, а Кэл должен был вот-вот вернуться домой к обеду. Я опрометью выбежала на улицу, торопливо пересекла двор, открыла дверь к себе в дом и захлопнула ее за собой с громким стуком.

– Черт! – выругалась я вслух, прикидывая, как бы поближе передвинуть диван к дверям, чтобы выстроить еще одну линию обороны на всякий случай.

– А почему камин не горит? – спросил меня Кэл, выплывая из кухни с огромным куском мясного пирога в руке.

– Ты еще удержишься дома на часок? – поинтересовалась я у него, тяжело дыша.

– Могу, если надо. А что?

– Я только что дала Зеду от ворот поворот. Отклонила его предложение о работе. Само собой, он не пришел от этого в восторг... Мягко говоря... Знаешь, что он мне заявил? Что он хочет купить имение Киннаирд. Говорит, что я все равно буду работать на него. А я... я показала ему фотографию, опубликованную в одном из журналов, на которой он запечатлен в обнимку с одной из моих сестер. Потом я узнаю, что он встречался с другой моей сестрой, и после этого... Честное слово, Кэл, но мне кажется, что он сумасшедший!

– Да, Тиг, ты меня сразила наповал. Так говоришь, он собирается купить Киннаирд?

– Сказал, что собирается. Ах, Кэл! – Слезы сами собой брызнули у меня из глаз. – Он тут планирует открыть школу по обучению игре в гольф, а еще всякие розничные магазины и...

Кэл упал на стул.

– Не верю, что лэрд согласится продать Киннаирд. Тем более такому человеку, как Зед.

– Но мы же с тобой оба догадываемся, в каком ужасном положении сейчас находится сам Чарли и его имение... Даже если нам удастся заполучить максимально возможные суммы по грантам, все равно это капля в море.

– Боже мой! – Кэл подавил тяжелый вздох. – Тогда это воистину станет концом эры для Киннаирда. И в прах развеются все мои мечты жениться на Кейтлин и купить себе где-нибудь поблизости собственный домик.

– А самое ужасное, что для самого Зеда покупка имения – это каприз, пустая блажь, и только. Впрочем, может, он просто хочет лишний раз досадить мне.

– То есть ты на полном серьезе полагаешь, что стоишь несколько миллионов фунтов стерлингов, Тиг? Не слишком ли ты завышаешь ставки? – невесело пошутил в ответ Кэл, и я тут же залилась краской стыда, что хоть немного, но разрядило обстановку.

– Ничего я не завышаю! – обиженно возразила я. – Просто у меня такое чувство, что он хочет заполучить меня любой ценой.

– Да, у него действительно несколько странная зацикленность на тебе, Тиг. Так говоришь, у него были контакты и с другими твоими сестрами?

– Да. И моя старшая сестра Майя слова хорошего про него не сказала. Ах, Кэл! Только что я отвергла возможность распоряжаться бюджетом в двадцать пять миллионов долларов по своему усмотрению, – простонала я с сожалением в голосе. – Но, если он действительно купит Киннаирд, тогда мне нужно будет уехать отсюда. И я уеду!

– Не думаю, что такое случится, – с сомнением покачал головой Кэл. – Может, тебе стоит обсудить этот вопрос с Чарли?

– Может, и стоит, – пожала я плечами в ответ. – Но сегодня после обеда я хочу сгонять в Тейн и встретиться с Маргарет. Хочу поговорить с ней. А на ночь я собираюсь заступить на дежурство, понаблюдать за Пегасом. Кстати, Зед знает, где именно он обитает. Тебе не кажется...

– Господи Иисусе! Подумать только, что это я организовывал для него все эти стрельбища по мишеням, чтобы он попрактиковался перед охотой. Но ты, Тиг, уверена, что тебе нужно сегодня отправляться в ночь? Все говорит о приближении снежного бурана, – спросил Кэл,

внимательно разглядывая в окно безоблачно голубое небо. Полуденное солнце сверкало и искрилось, отражаясь в ледяном насте, который уже успел образоваться на сплошном снежном покрове, толстым слоем укутавшем все вокруг. Дивный по своей красоте пейзаж, прямо как с рождественской открытки.

– Да, уверена. Ты же понимаешь, Кэл, сейчас мы должны быть постоянно начеку.

– А я так думаю, что в пургу и снежный человек не рискнет высунуть нос из своего укрытия.

– Ты же мне сам обещал, что мы будем дежурить постоянно, – напомнила я уже с мольбой в голосе. – Обещаю, на сей раз при мне будет рация, и в случае чего я немедленно свяжусь с тобой.

– Тиг, ты что думаешь, я совсем спятил? Отпустить одну на ночь глядя, да еще в преддверье метели, да еще такую красотку? А что если где-то поблизости вдруг окажется какой-нибудь случайный браконьер? Шныряет тут, высматривая себе добычу... Ну уж нет! Такого я себе ни за что не позволю, – прорычал Кэл в ответ. На его обветренном лице читалось откровенное недовольство моим намерением, но вскоре черты его лица разгладились, что означало знак согласия. – Но только на пару часов, не больше. Имей это в виду! А потом я потащу тебя домой, силком, за волосы, если начнешь сопротивляться. Не хочу брать на себя ответственность за твою очередную простуду. С этим все понятно?

– Спасибо, Кэл, – прочувствованно поблагодарила я его. – Что-то подсказывает мне, что наш Пегас в опасности. Я... я просто знаю это. Нутром чувствую...

* * *

Снег вокруг валил густой пеленой. Брезентовая крыша нашей землянки угрожающе прогнулась под его тяжестью. Я даже начала опасаться, что она сейчас возьмет и обрушится вниз, и мы с Кэлом окажемся погребенными под толстым слоем снега.

– Пора уходить, Тиг. Я уже успел промерзнуть насквозь, а нам еще предстоит добираться назад по этому бездорожью. Метель на какое-то время утихла, пора возвращаться домой. – Кэл сделал последний

глоток из фляжки с едва теплым кофе, после чего протянул фляжку мне. – Допивай. А я тем временем пойду, сгребу снег с машины, ветровое стекло почищу и включу двигатель, чтобы хоть какое-то тепло шло.

– Хорошо, – вздохнула я безропотно, понимая, что спорить бесполезно.

Мы уже отсидели в своем укрытии более двух часов и ничего не увидели, кроме снега, заметающего все вокруг. Кэл вышел из землянки и направился к «Берил», которую он припарковал возле груды камней в лощине за нами. Я потягивала кофе из фляжки и все время поглядывала в крохотное оконце, потом выключила свой фонарь-«молнию» и тоже выползла из землянки на улицу. Собственно, фонарь мне и не был нужен, потому что небо уже стало чистым и сейчас мерцало и переливалось мириадами ярких звезд. Прямо надо мной завис Млечный Путь. Растущая луна, в ближайшие два дня обещавшая достигнуть фазы полнолуния, заливала матовым светом бескрайнее белоснежное покрывало, которое укутало всю землю вокруг.

Тишина, которая наступила после только что завершившегося снегопада, была такой же глубокой, как и сам снег, доходившей мне почти до колен.

«Пегас».

Мысленно позвала я оленя и медленно побрела к березняку. Пусть бы он показался хоть на одно мгновение, взмолилась я про себя, и тогда можно со спокойной душой возвращаться домой, зная, что олень жив и пока в безопасности. Хотя бы на эту ночь.

Олень возник передо мной буквально из ниоткуда. Что-то мистическое было во всем его облике, в том, как он задрал голову, разглядывая луну, как потом развернулся в мою сторону, устремив на меня взгляд своих темно-карих глаз. Вот он двинулся в мою сторону, шел медленно, словно нехотя. Я тоже пошла к нему навстречу.

– Дорогой мой Пегас, – прошептала я едва слышно, и в это самое мгновение чья-то тень мелькнула на снегу между деревьев. И вдруг эта тень вскинула ружье.

– Нет! – Мой истошный вопль разорвал тишину.

Человек уже стоял позади оленя, он прицелился и приготовился выстрелить.

– Остановитесь! Пегас, беги!

Олень отвернул голову и тотчас же увидел источник угрозы, но вместо того, чтобы рвануть в сторону и скрыться среди деревьев, он побежал мне навстречу. Прозвучал выстрел, потом еще два. Я вдруг почувствовала острую боль в груди. Какой-то странный толчок в области сердца, а потом оно заколотилось, как бешеное. В глазах у меня потемнело, и я безвольно рухнула на снег.

И снова наступила мертвая тишина. Я из последних сил пыталась оставаться в сознании, но оно медленно угасало. Все вокруг заволгло тьмой. У меня уже не было сил бороться, даже ради Пегаса.

Через какое-то время я с трудом разлепила глаза и увидела над собой дорогое, такое любимое лицо.

– Тигги, девочка моя, с тобой все будет хорошо. А пока побудь немного со мной, ладно?

– Да, папочка, конечно. С радостью, – прошептала я в ответ, а он в это время ласково гладил мои волосы, как тогда, когда я была еще совсем маленькой девочкой. А я блаженно закрыла глаза, зная, что в его руках я буду в полной безопасности.

Когда я снова очнулась, то почувствовала, как кто-то поднимает меня с земли. Я открыла глаза, надеясь снова увидеть лицо отца. Но надо мной зависло испуганное лицо Кэла, который, выбиваясь из последних сил, тащил меня по снегу в какое-то безопасное место. Я с трудом повернула голову в сторону деревьев и увидела распростертое на земле тело белого оленя. Снег вокруг него был забрызган каплями алой крови.

И я поняла, что моего Пегаса больше нет.

20

– Доброе утро, Тигги. Ну, как вы себя чувствуете?

Я попыталась сконцентрировать свой взгляд на женщине, обратившейся ко мне, но не узнала ее.

– Доброе утро, – ответила я.

Медсестра посмотрела на меня с улыбкой. Я напрягла свою память, чтобы вспомнить. Какие-то обрывочные картины вихрем пронеслись в моем сознании...

– Пегас, – прошептала я, чувствуя, как задрожала нижняя губа, а на глаза навернулись слезы.

– Постарайтесь не волноваться, милая. Вам сейчас нельзя расстраиваться. – Рыжеволосая женщина с добрым участливым лицом, сплошь в веснушках, ласково пожала своей пухлой ручкой мою руку. – Вы перенесли серьезный шок, и это вне всякого сомнения. Можно сказать, вам повезло, что вы вообще остались живы. Вскоре к вам подойдет врач-ординатор. А я сейчас измерю у вас температуру и кровяное давление. Но вот только никакой твердой пищи я сейчас вам дать не могу, пока врач не позволит.

– Все нормально, – поспешила я успокоить ее. – Я не голодна. – События минувшей ночи медленно, но неуклонно стали загружаться в мою память.

– А как насчет чашечки свежесваренного чая?

– Спасибо, не откажусь.

– Сейчас попрошу санитарку, чтобы она принесла вам чаю. Откройте рот, пожалуйста, – попросила медсестра и вставила мне под язык термометр, потом потуже затянула манжетку на моем предплечье, чтобы измерить давление. – Температура у вас в норме, а вот давление все еще немного повышено. Хотя, безусловно, оно намного ниже, чем было минувшей ночью. Но пережить такое... – Она снова глянула на меня с участливой улыбкой. – Ваш друг Кэл ожидает в приемной. Мне пригласить его к вам?

– Да, пожалуйста. – Я вспомнила, как Кэл опять спасал меня минувшей ночью, сколько он при этом проявил заботы и выдержки, и слезы снова сами собой брызнули из моих глаз.

– Доброе утро, Тиг, – поздоровался со мной Кэл, появившись в палате через пару минут. – Приятно видеть, что ты уже проснулась. Ну, как самочувствие?

– Полное помешательство. Пегас... – Я больно прикусила губу. – Его больше нет?

– К великому сожалению, Тиг. Его больше нет. Я знаю, что он значил для тебя. Быть может, тебе полегчает, если ты постараешься представить его себе таким мистическим Пегасом, у которого отросли крылья, и он на этих крыльях взметнулся к небесам.

– Постараюсь, – ответила я, изобразив на лице жалкую улыбку. Подобные лирические фантазии были отнюдь не в характере Кэла, а

потому я была ему особенно благодарна за эту попытку хоть как-то утешить меня. – Мне нравится твоя идея. Но я чувствую свою вину. Он ведь доверял мне, Кэл. Потому и вышел, как он обычно это делал, а его в этот момент застрелили. Выходит, я кругом виновата.

– Тиг, в той ситуации ты сделала все, что смогла. Поверь мне, никто из нас не сумел бы помочь ему.

– Ты ничего не понимаешь, Кэл! Ведь я кричала ему, чтобы он убежал прочь. А он вместо этого побежал *ко мне*. Если бы он не встал между мной и браконьером, то *убили бы* меня. Он спас мне жизнь, Кэл. Именно так! Спас.

– Тогда я ему безмерно благодарен за такое самопожертвование. Конечно, это ужасная потеря для всех нас, для всей природы, в конце концов, но уж пусть лучше он, чем ты. Доктор у тебя уже был?

– Пока еще нет. Но сестра сказала, что он появится здесь с минуты на минуту. Надеюсь, он позволит снять с меня всю эту амуницию. – Я указала на многочисленные трубочки и какой-то плачущий аппарат, к которому я была подсоединена. – И тогда я смогу вернуться домой.

– Мы иногда горазды обвинять наше здравоохранение во всех смертных грехах, но вот в твоём случае... Вертолет скорой помощи приземлился в ущелье буквально через полчаса, как я позвонил.

– А я все думала, что это вокруг так лязгает и все время кружится. Решила, что это мне померещилось.

– Нет, все так и было. Тебя увезли вертолетом. А я погнался на машине следом. По-моему, в минувшую ночь медики просветили буквально каждую клеточку твоего тела: КТ, рентген, всевозможные анализы. Врач сказал, что к утру все результаты обследования уже будут готовы.

– Если честно, то я мало что помню... Разве что много шума и постоянное мелькание яркого света. Но никакой боли нигде я не чувствую.

– Это меня совсем не удивляет, если вспомнить, сколько всяких лекарств они в тебя вшили. А теперь я еще должен предупредить тебя, что с тобой хочет встретиться детектив. Но это когда ты немного окрепнешь. Я уже рассказал ему все, что знал, но, может, ты вспомнишь еще кое-какие подробности. Ведь меня в момент выстрела не было рядом.

– Детектив? Но причем здесь детектив? Ничего не понимаю! И о чем он собирается беседовать со мной?

– Дело в том, что кто-то целился именно в тебя. Этой ночью ты, Тиг, сама превратилась в мишень. Ты же сама только что сказала мне, что кто-то явно намеревался убить тебя.

– Но это только по ошибке, и никак иначе, Кэл. Мы же с тобой понимаем, что главной целью для этого человека был Пегас.

– Тем не менее полиция видит в случившемся много подозрительного.

– Глупости! Хотя, конечно, я очень хочу, чтобы они нашли того браконьера, который застрелил Пегаса. Незаконная охота – это ведь тоже преступление, тем более когда речь идет о таком редком животном!

– Ты видела того человека, Тиг?

– Нет. А ты?

– Тоже нет. К тому моменту, когда я прибежал, негодяй уже исчез... Скрылся.

Мы замолчали, каждый, видно, обдумывал наш вчерашний разговор про Зеда, однако ни у кого из нас не хватило духа озвучить свои мысли вслух.

– Хорошо! Теперь вот еще что! Может, хочешь, чтобы я связался с кем-то из твоих сестер? Или с кем-то еще? Например, с той женщиной, которую ты зовешь Ма, – спросил у меня Кэл.

– О боже! Ни за что на свете! Только если доктор сказал тебе, что я умираю.

– Ничего такого он мне не говорил. Не выдумывай! Хотя сказал, что ты очень счастливая и тебе чертовски повезло.

В палату вошел мужчина приблизительно одного возраста со мной. Он слегка раздвинул занавески.

– Здравствуйте, Тигги. Я – доктор Кемп. Как ваше самочувствие сегодня?

– Отличное самочувствие, доктор. – Я энергично кивнула головой, и в ту же минуту сердце подпрыгнуло в груди, будто тоже приготовилось к предстоящему разговору с врачом. Я увидела, как доктор мельком глянул на монитор, а потом всецело переключил свое внимание на меня.

– Начну с хорошей новости. Рентгеновские снимки показали, что все чисто, и подтвердили наши предположения. Пуля прошла чуть наискосок через вашу лыжную куртку, продырявила три джемпера, которые были на вас, но задела вас лишь по касательной. Поцарапала кожу, словом, наружная рана, и только. Мы даже не будем накладывать швы. Думаю, вполне обойдемся большим куском пластыря, которым залепим место ранения.

– И после этого мне уже будет можно домой?

– Боюсь, что пока еще рано. Врачи, которые привезли вас сюда на вертолете скорой помощи, сказали, что у вас было аномальное сердцебиение, и давление зашкаливало. Мы сразу же решили, что у вас случился сильнейший сердечный приступ. Потому-то и подключили вас к монитору. ЭКГ выявила, что у вас случилось то, что называется приступом аритмии – это когда сердце не может биться ровно. К тому же выявлены признаки тахикардии – это когда сердце бьется учащенно, быстрее, чем положено. Вы замечали за собой в последнее время трепетание сердца в груди, когда оно вдруг начинает биться сильнее обычного?

– Я... да... Изредка, – призналась я, понимая, что должна быть откровенна с врачом.

– И как часто такое случается?

– Не помню. Право же, я чувствую себя вполне нормально. Даже хорошо.

– Но всегда неплохо провериться досконально на предмет выявления каких-либо потенциальных отклонений, Тигги. Именно такое развернутое обследование мы и хотим провести.

– Я уверена, доктор, что с моим сердцем все в порядке, – твердо возразила я. – В детстве у меня были сильные приступы астмы, я постоянно болела бронхитами. И всякий раз, когда я попадала в больницу, мне делали кучу всевозможных анализов и обязательно проверяли сердце.

– Это обнадеживает. Но наши кардиологи хотят сделать вам еще и ангиографию, просто для того, чтобы подстраховаться от любых неожиданностей. Вскоре за вами придет санитар и отвезет вас на процедуру. Вы сможете сидеть в инвалидном кресле?

– Смогу, – ответила я с несчастным видом. Как же я ненавижу все эти больницы, уныло размышляла я, пока санитар, появившийся в

палате минут через десять после разговора с врачом, катил мое кресло по длинному коридору. Пожалуй, тут я солидарна с Чилли: я тоже предпочла бы уйти в мир иной у себя дома и без помощи врачей.

Сама процедура оказалась совершенно безболезненной, хотя и малоприятной, где-то через полчаса меня доставили обратно в палату, и, уже лежа в кровати, я получила миску какой-то водянистой похлебки, которая, как мне объяснили, была единственным вегетарианским блюдом в обеденном меню.

– Ты не против, Тиг, переговорить сейчас с детективом? – поинтересовался у меня Кэл. – Бедолага торчит здесь с самого утра.

Я согласилась на встречу, и детектива пригласили в палату. Он представился как сержант уголовной полиции Макклейн. Одет он был цивильно и производил впечатление расторопного и внимательного человека. Он уселся возле моей кровати и извлек из кармана блокнот.

– Еще раз добрый день, мисс Деппеси. Мистер Маккензи уже дал свои показания и изложил свою точку зрения на инцидент, произошедший минувшей ночью. Ваша одежда, куртки и свитера взяты для проведения криминалистической экспертизы. В настоящий момент на месте преступления ведется поиск гильз. Пока специалисты квалифицируют выстрел как промах. Уже извлекли пулю из тела оленя, а теперь мы занимаемся поиском улик, способных пролить свет на саму картину преступления. Нам еще предстоит идентифицировать тип ружья, из которого был произведен выстрел. А сейчас я бы хотел выслушать вас. К величайшему сожалению, вы оказались единственным свидетелем самого выстрела. Сразу же предупреждаю. Как только вы почувствуете какую-то слабость, пожалуйста, немедленно, сию же минуту прерывайте наш разговор.

Я сделала глубокий вдох. Придется потерпеть, чтобы разом покончить со всеми этими докучливыми формальностями. И тогда, быть может, меня отпустят восвояси, и уже сегодняшнюю ночь я проведу в собственной постели в Киннаирде. Я пустилась в подробнейший рассказ обо всем, что случилось. Время от времени детектив задавал мне наводящие вопросы, проясняя для себя ту или иную деталь.

– Так говорите, вы не видели стрелявшего? – уточнил он.

– Нет. Я успела заметить только тень на снегу.

– Вы полагаете, это был мужчина?

– Да. Тень была высокой, хотя, наверное, человеческая тень никак не связана с реальным ростом того или иного человека. Я права? Может, это покажется странным, но мне почему-то кажется, что на мужчине была такая старомодная фетровая шляпа. Так, во всяком случае, это смотрелось на тени. Но тут я увидела, что Пегас бросился бежать в мою сторону...

– Пегас?

– Ну да. Это белый олень. Я его так звала. Пегас...

– У Тиг и этого оленя была особая связь друг с другом, сержант, – подал голос Кэл, проясняя ситуацию и видя, как мои глаза наполнились слезами.

– Лучше бы этой связи не было. Потому что тогда Пегас был бы еще жив...

– Хорошо. Пожалуй, тут мы прервемся, мисс Деплеси. На сегодня достаточно. Вы нам очень помогли.

– Вы сможете предъявить этому человеку обвинение в браконьерстве? – спросила я у полицейского.

– Конечно. За это можете не беспокоиться. Если нам удастся задержать злоумышленника, который сотворил все это с вами и с оленем, то уверяю вас, Королевская прокурорская служба предъявит ему обвинение по всем статьям, которые мы сумеем вменить ему. У меня складывается такое впечатление, что олень принял пулю, которая предназначалась вам, так что дело очень пахнет покушением на преднамеренное убийство. Должен предупредить вас, что газетчики уже в курсе случившегося. – Сержант Макклейн вздохнул. – Плохие новости распространяются быстро, особенно с учетом того, что история про существование белого оленя уже и так успела просочиться в массмедиа. Пара репортеров отирается у входа в госпиталь. Поэтому советую, когда врачи отпустят вас домой, воспользоваться запасным или служебным выходом. В противном случае, на все их вопросы отвечайте коротко: «Без комментариев». Договорились?

– Да, спасибо.

– А сейчас ознакомьтесь, пожалуйста, с текстом нашего разговора. Все ли я изложил правильно с ваших слов? И если да, то поставьте на каждой странице свои инициалы и распишитесь.

Я так и сделала. После чего вручила все листки сержанту, стараясь унять дрожание рук. Надо сказать, разговор с полицейским вымотал меня сверх всяких сил.

– Вот вам моя визитка на тот случай, если вы вдруг вспомните в ближайшие дни еще какие-нибудь подробности. У меня есть все контактные телефоны для связи с вами, а потому оставляю вас сейчас в покое. Поправляйтесь! Мы обязательно сообщим вам, если найдем гильзы от пуля. Наша служба оказания помощи жертвам насилия тоже в скором будущем выйдет с вами на связь. Но вас, мисс Деплеси, прошу лишь об одном. Постарайтесь напрячь свою память по максимуму. Любая мелочь, которую вам удастся вспомнить, поможет нам засудить этого идиота по полной. А пока же я желаю вам скорейшего выздоровления и еще раз благодарю за помощь следствию.

Сержант ушел, я почувствовала, как отяжелели мои веки. Но только я закрыла глаза, как шторы снова раздвинулись.

– Ну, как самочувствие?

Я снова открыла глаза и увидела перед собой молодого ординатора, доктора Кемпа.

– Отлично! – Я постаралась из последних сил убедить его в этом. – Так мне можно домой?

– К сожалению, пока еще нет. Главврач кардиологического отделения, мистер Киннаирд хочет навестить вас. Результаты ангиографии мы получим только завтра утром. Мистер Киннаирд заглянет к вам попозже, так как в данный момент он в операционной. Пока же он передает вам свои наилучшие пожелания, – добавил доктор Кемп. – Судя по всему, вы с ним знакомы.

– Да, – выдохнула я, чувствуя, как сердце в моей груди сделало очередной кульбит. – Я работаю у него. Я имею в виду, в его имени.

– Понятно, – немного смутился ординатор, и я поняла, что, скорее всего, молодой человек и понятия не имеет о личной жизни Чарли и о том, чем тот еще занимается, помимо своей клиники.

Я глянула в окно. Уже смеркалось.

– Так все же, могу я уехать домой сегодня вечером?

– Нет. Доктор Киннаирд тоже желает ознакомиться с результатами ангиографии. Вполне возможно, он назначит вам еще какие-то дополнительные обследования. И вот еще что, Тигги. Последнее. Кэл сказал мне, что вы не гражданка Великобритании, а швейцарка.

– Да. Так оно и есть.

– Все замечательно, потому что граждане Швейцарии могут пользоваться теми же услугами нашего здравоохранения, которые предусмотрены и для наших граждан. Однако у меня такое подозрение, что вы еще не внесены в наш медицинский реестр. Вы до этого обращались здесь за помощью к кому-нибудь из врачей Национальной службы здравоохранения?

– Нет.

– Тогда нам потребуется ваш паспорт и номер вашего национального страхового полиса. А также придется заполнить пару бланков на тот случай, если потребуется дополнительное лечение. Если у вас нет под рукой страхового полиса, то сам номер наверняка фигурирует во всяких квитанциях или платежных ведомостях.

– Да, наверняка. – Я бросила быстрый взгляд на Кэла. – К сожалению, мой паспорт дома, лежит в одном из ящиков прикроватной тумбочки. Там же и расчетные листки по зарплате.

– Это срочно, доктор? – спросил Кэл. – Дорога туда и обратно займет у меня как минимум три часа.

– Веский аргумент, – нахмурился врач. – Но вы же знаете, какова наша бюрократия в системе здравоохранения. А кто-нибудь еще мог бы подвезти эти бумаги вместо вас?

– Нет, только я. Если ты, Тиг, не попросишь о таком одолжении Зеда. Вдруг ты захочешь увидеть его в качестве визитера. – Кэл скорчил веселую рожицу.

Я глянула на его уставшее лицо, потом на часы, показывающие уже половину пятого. Почти два часа у меня ушло на разговоры с детективом. Я быстро приняла решение.

– Кэл, почему бы тебе сейчас не отправиться домой и хоть немного не поспать? Раз меня не выпишут из больницы до утра, то ты тогда снова вернешься за мной. Заберешь меня, а заодно привезешь и мой паспорт, и расчетные листки.

– Но ты уверена, что сможешь продержаться одна?

– Со мной все будет нормально, не беспокойся. Поверь мне, в данную минуту видок у тебя еще хуже, чем у меня.

– Спасибо за комплимент, Тиг, но ты абсолютно права. Мне нужно как следует отмокнуть в ванной. Соскрести с себя всю грязь...

– Тогда я тоже пошел, – сказал доктор. – Увидимся завтра, Тигги. Хорошего вам сна.

– Прости меня, Кэл, за то, что я тебя так напрягаю. У тебя и без меня дел в Киннаирде по горло.

– И уж меньше всего на свете мне хотелось, чтобы *ты получила* пулевое ранение, пусть и по касательной. Ладно, Тиг. Тогда я поехал. По крайней мере, хоть одно удовольствие – сидеть за рулем шикарного новенького ренджровера. Зед отдал мне свою машину, когда узнал, что тебя вертолетом доставили в больницу.

– Очень любезно с его стороны. – Я недовольно нахмурилась, вспомнив все, что произошло между нами вчера.

– Может, чувствует свою вину? Как думаешь? – Кэл тоже нахмурился. – Мы же все прекрасно знаем, что от любви до ненависти, как говорится, один только шаг. А вчера ты ему дала от ворот поворот. К тому же голова белого оленя – желанный трофей, чтобы выставить его на всеобщее обозрение, повесив дома на стене. Особенно для такого типа, как Зед. Но ты ведь не думаешь, что это именно он стрелял в тебя? Так, Тиг?

– Господи боже мой! – взмолилась я, чувствуя глухие удары сердца. – Я ничего не знаю, Кэл. Честно!

– Извини, что расстраиваю тебя, но из того, что ты мне рассказывала о нем и что я сам успел заметить, этот тип из тех, кто ни перед чем не остановится, чтобы заполучить свое. По крайней мере, здесь ты хоть в относительной безопасности.

– Надеюсь, – вздохнула я в ответ. – Кэл, ты не можешь завтра прихватить с собой еще кое-что из моих вещей? Мой рюкзак и сумка, по-моему, я оставила их на кровати. Мне нужны джинсы, рубашка, свитер и... чистое белье, прости уж за такую просьбу. Мою одежду изъяла полиция для проведения своих следственных мероприятий, а меня вряд ли выпустят из больницы в этом больничном халате.

– Конечно, привезу все, что надо, – пообещал мне Кэл. – Ты тут смотри, не вляпайся снова в какую-нибудь историю, пока меня не будет рядом. Договорились?

– По-моему, сейчас такое невозможно даже для меня.

– О, моя дорогая Тиг, для тебя-то как раз нет ничего невозможного, – улыбнулся Кэл, целуя меня в лоб. – Приеду завтра

утром. Если вспомнишь что-то еще из того, что тебе нужно, позвони Берил. Она все передаст мне.

– Спасибо, Кэл. Еще один вопрос, последний... – Я сглотнула слюну, стараясь внутренне успокоиться в ожидании ответа. – Куда они забрали Пегаса?

– Насколько я знаю, он пока лежит там же, где и лежал. Он же является важной уликой на месте преступления.

– Я... я просто хотела попрощаться с ним.

– Я всю выясню и расскажу тебе. До свидания, Тиг. – Прощальный взмах рукой, и Кэл ушел, а я сразу же почувствовала себя страшно одинокой. Все же в Кэле есть что-то такое надежное, что немедленно вызывает у тебя чувство защищенности и полной безопасности. Да разве только это одно? А как он может рассмешить, и как смешил меня, и не раз. Нет, что ни говори, а между мной и Кэлом сформировалась какая-то особая духовная близость. Может, в той, другой жизни мы были с ним родней?

– Здравствуйте, Тигги! – К моей постели приблизилась уже новенькая медсестра. – Меня зовут Джейн. Немного побеспокою вас, но мне нужно снова измерить температуру. – Она вставила термометр мне в рот. – Вот так, чудесно. Какие-нибудь боли ощущаете? – поинтересовалась она, беря в руки файл красного цвета с моими текущими показателями, прикрепленный в ногах к спинке кровати.

– Нет, ничего не болит.

– Отлично. Тогда мы сможем чуть позднее отключить вас от капельницы. А пока к вам еще один посетитель. Готовы принять?

– Все зависит от того, кто это, – ответила я, а сердце мое снова пошло куролесить, как только я нарисовала в своем воображении Зеда, прячущегося за шторой.

– Девушка назвалась Зарой. Сказала, что она ваш близкий друг.

– О да! Я с радостью приму ее.

Через несколько секунд сквозь штору просунулось хорошенькое личико Зары.

– Тигги! Бедняжка моя! И Пегас... О боже! Но почему ты ничего не рассказала мне о нем?

– Прости, Зара. Но информацию о нем мы должны были хранить в секрете.

– Зато сейчас этот секрет известен всем. Сама слышала по местному радио, пока ехала в машине. Они рассказывали о том, что оленя застрелили. Но как ты все же себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке. Не могу дождаться, пока меня отпустят домой.

– Как ты думаешь, кто это сделал?

– Честное слово, понятия не имею, Зара. Я видела только тень, – откликнулась я без особого желания в голосе. Мне не хотелось даже в мыслях снова возвращаться к этой истории. – А как ты? Отец говорил, ты вернулась в школу.

– Да. Сейчас нас отпустили на выходные. За мной приехала мама, и я попросила ее отвезти меня прямо сюда, к тебе в больницу.

– В школе все нормально?

– Да, все в порядке... Джонни прислал мне пару эсмэсок, предлагает встретиться... Пишет, что сожалеет и все такое. Но я его отправила куда подальше. Пусть себе катится колбаской! – Девочка весело хихикнула.

– Молодец! – Я положила свою ладонь на ее руку и слабо пожала ее всей пятерней.

– Так тебе действительно лучше, Тигги?

– Говорю же, у меня все отлично. Завтра меня отсюда выпишут, – заверила я Зару, не сказав о том, что держат меня здесь исключительно по воле ее отца. – А как дома?

– О, дома все очень плохо. Ужасно, я бы сказала. Уж лучше в школе быть, чем торчать дома с мамой. Папа либо пропадает днями в больнице, либо запирается у себя в кабинете и о чем-то совещается там со своим нотариусом.

– Нотариусом?

– Да. Думаю, речь идет об имении. – Зара слегка сморщила свой носик. – Но, как бы то ни было, а у папы сейчас такой вид, будто он тот Атлант, который держит на своих плечах всю землю. Ладно, мне пора. Мама ждет меня внизу. Мы на выходные собираемся в Киннаирд. Здорово, правда? Только вот этот Зед Эсу... мутный он какой-то. Надеюсь, он скоро уедет. Пока, Тигги. – Девочка приблизилась ко мне вплотную и порывисто обняла. – Спасибо тебе за все. Ты – чудесный человек. – Она подхватила со своего места и исчезла за шторкой.

Я откинулась на спину, чувствуя боль в боку. Видно, действие обезболивающих уже закончилось. Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором замелькали события двух минувших дней.

– Добрый день, Тигги. Как самочувствие?

Я открыла глаза и увидела Ульрику. Она придвигала стул поближе к кровати.

– Спасибо, все нормально.

Вот она уселась на стул и наклонилась ближе ко мне.

– Вот и прекрасно. Жаль, что все так вышло. Надеюсь, этого стрелка скоро поймают.

– Я тоже очень на это надеюсь.

– Может, я и не вовремя со своими разговорами, простите, если что не так, но я хочу перекинуться с вами парой слов, Тигги.

Сердце у меня снова екнуло, ибо я мгновенно уловила, какая буря чувств, яростных чувств, сейчас бушует в груди Ульрики за ее внешне спокойным обликом.

– О чем именно?

– Во-первых, о том влиянии, которое вы имеете на мою дочь. Она ведь буквально ловит каждое ваше слово. Пожалуйста, не забывайте, ее мать – я.

– Да, конечно... простите меня, если я...

– А во-вторых, о своем муже. Мне с самого начала стало ясно, что вы вцепились в него обеими руками. Так сказать, мертвой хваткой. Впрочем, как и многие другие до вас...

– Неправда! – выкрикнула я в ужасе. – Мы с Чарли всего лишь коллеги по работе. К тому же он – мой босс!

– Только не думайте, что я не в курсе этих ваших ранних утренних прогулок на пару с моим мужем. Или всяких милых тет-а-тет, которые у вас случались при встречах на улице после Рождества. Так вот, позвольте мне со всей ответственностью заявить вам, что вы вступили на путь, ведущий в никуда. Чарли меня никогда не бросит, никогда.

– Да нет же, Ульрика, – пробормотала я в полной растерянности. – Вы все истолковали неправильно.

– Я так не думаю. По-моему, уже всем очевидно, что вы им увлечены.

– Ничего подобного! Я...

– Я прошу вас, Тигги, лишь об одном. Оставьте мою семью в покое. Можете думать все, что вам угодно, и о моем браке, и о моих отношениях с дочерью, но делайте это подальше от нас троих.

Мне потребовалась лишь пара секунд, чтобы понять, чего она от меня добивается.

– То есть вы хотите, чтобы я бросила свою работу здесь и уехала из Киннаирда?

– Думаю, так будет лучше для всех нас. Вы этого не находите?

Она впиалась в меня стальным взглядом своих прекрасных голубых глаз, и я невольно опустила ресницы.

– Оставляю вас подумать обо всем, что я вам только что сказала. Уверена, со временем вы поймете сами, что так будет лучше для каждого из нас. А пока поправляйтесь поскорее, – натянуто пожелала она, потом поднялась со стула и исчезла за шторой.

Я откинулась на подушки, чувствуя еще один удар, обрушившийся на меня рикошетом. Неудивительно, что сердце мое снова расходилось в разные стороны, подумала я с несчастным видом. Такой шок кого угодно выведет из строя. Однако сил на то, чтобы начинать обдумывать прямо сейчас, что делать, у меня не было. Я закрыла глаза и постаралась заснуть, потому что сердце снова *начало колотиться*, как бешеное. И я действительно очень скоро погрузилась в какую-то полудрему, из которой меня периодически выводила медсестра, заходявшая в палату проверить мое состояние. Кажется, я уже в сотый раз начинала снова погружаться в дрему, как вдруг услышала рядом с собой знакомый мужской голос.

– Тигги, это я, Чарли.

Ни в коем случае нельзя открывать глаза и реагировать на его появление, мысленно приказала я себе и притворилась спящей.

– По-моему, она вырубилась, – услышала я шепот Чарли, обратившегося к медсестре. – Что ж, сон для нее сейчас – это лучшее средство. Передайте ей, что я навещу ее завтра утром, как только смогу. В данный момент все показатели у нее вроде в норме, но, если ночью возникнут какие-то проблемы, немедленно звоните мне. Я прописал ей аденозин, это в том числе и успокаивающий препарат. Дадите ей в следующий раз, когда будете измерять температуру.

– Хорошо, доктор Киннаирд. Не волнуйтесь, я присмотрю за ней, как положено, – ответила медсестра, и шторка задвинулась за ними

обоими, а потом я уже услышала звук удаляющихся шагов.

«Почему он выписал мне какой-то новый препарат?» – подумала я. Наверное, чтобы привести в норму мускулатуру тела в том месте, где прошла пуля. Дышать пока еще действительно больно, но там ведь, судя по всему, всего лишь поверхностное повреждение, обычный синяк, и только...

Я снова задремала, и меня снова разбудила медсестра, которая пришла, чтобы сделать последние на сегодня замеры.

– Хорошо, что мы не удалили трубку для инъекций, потому что врач прописал вам еще один препарат, – сказала она, тонкой струйкой набирая в шприц какую-то жидкость, после чего приладила его к иглодержателю. – Вот сейчас я оставляю вас в покое. Отдыхайте и набирайтесь сил. Если вам что понадобится, немедленно нажимайте на кнопку вызова. Договорились?

– Обязательно. Спасибо.

* * *

Утром меня после беспорядочного и тревожного ночного сна снова разбудила очередная медсестра, заступившая на дежурство. Она пришла, чтобы сделать новую порцию замеров.

– Должна вас порадовать, сегодня все показатели выглядят гораздо лучше, – обронила она, занося данные в медицинскую карту. – Скоро вам подадут чай, – добавила она, уходя из палаты.

Я уселась на постели, прислушалась к себе и решила, что сегодня мне действительно *полегчало*. Сердце перестало трепетать, голова тоже ясная, во всяком случае, достаточно ясная для того, чтобы обдумать хорошенько весь вчерашний разговор с Ульрикой.

«Как она только могла заявить, что я бегаю за ее мужем? И как она посмела упрекать меня в том, что я якобы пытаюсь влиять на Зару? Да я просто хотела помочь девочке, и больше ничего! И какое право она имеет прогонять меня с работы?!»

Итак, каковы мои ответные действия? Первое, что пришло на ум, рассказать все Чарли, но я прекрасно понимала, у меня духу не хватит признаться ему, что Ульрика подозревает меня в том, что будто бы я

«подбиваю под него клинья», а проще говоря, пытаюсь отбить его у законной жены.

«*А может, она все же в чем-то права?..*» – услышала я свой внутренний голос, задавший мне этот крайне неудобный вопрос.

Ведь в глубине души я точно знала, что Чарли произвел на меня впечатление с самого первого момента нашей встречи. И мне нравилось проводить с ним время, и меня определенно тянуло к нему...

И вот Ульрика своим радаром точно все высветила и зафиксировала.

– Она права, – обронила я со стоном. Мне подали поднос с чаем, и, пока я пила тепловатую безвкусную жидкость под названием «чай», я продолжала размышлять над тем, что мне делать дальше.

Я вспомнила про Зеда, который все еще торчит в Киннаирде. Но ведь кто-то же стрелял в меня, и это факт. А в довершение всего, новости, которые поведали мне Зед и Зара о будущем Киннаирда, тоже не очень вдохновляли. Будущее у имения такое же неустойчивое, как и мое сердцебиение...

– Вполне возможно, через неделю-другую, я вообще лишусь работы, – обронила я вслух. – Уж лучше я сама уволюсь и уеду прочь, пока все еще держится на плаву.

«*Ты уедешь...*» – вспомнила я слова Чилли.

И они оказались решающими.

К тому моменту, как я осушила свою чашку до дна, я уже точно знала, что у меня в запасе имеется один-единственный выход. Поступить так, как попросила меня о том Ульрика, то есть уехать из Киннаирда. Когда в палату вернулась медсестра, чтобы снять капельницу и удалить трубки, я попросила ее принести мне пару листов чистой бумаги. Я написала коротенькую записку Кэлу, а на втором листе – официальное заявление об увольнении, адресованное Чарли. Поскольку конверта у меня не было, я просто свернула оба листка вместе и на обороте большими буквами написала имя Кэла. После чего спрятала бумаги под подушку.

Кэл приехал ровно в девять и выглядел он гораздо свежее вчерашнего.

– Доброе утро, Тиг. Привез тебе все, что ты просила. Ты же понимаешь, забавно мне было рыться во всех этих твоих... дамских

шмотках! – фыркнул он весело. – Ну, как ты тут сегодня?

– Гораздо лучше, спасибо, – жизнерадостно ответила я. – Уверена, сегодня они меня выпишут. И медсестра сказала, что все показатели у меня хорошие.

– Вот эта прекрасная новость! Лучшая из всех! Ты меня сильно порадовала. Киннаирд кишит журналистами. Все жаждут заполучить фотографию нашего дорогого Пегаса.

– О боже! Неужели он все еще лежит там, где... упал?

– Нет. И вот здесь начинается самое странное. После того, как полиция извлекла из его тела пулю, Лочи и Бен помогли криминалистам соорудить над ним тент, чтобы защитить и сохранить все улики. Парни дежурили всю ночь, и, представляешь, когда сегодня утром они вошли под тент, то увидели, что тело оленя исчезло. Нет, и все тут! – Кэл прищелкнул пальцами. – Чудеса да и только.

– Боже, только не говори мне, что кто-то выкрал тело Пегаса, чтобы сделать из него трофей! – воскликнула я со стоном.

– Такое возможно, только если парням подсыпали снотворное в их фляжки с кофе. Вот они и продряхли всю ночь, как сурки. Даже не слышали, как к месту подъехала большая грузовая машина, как массивную тушу оленя выволокли из тента. В противном случае все это представляется маловероятным. И вот еще что! – Кэл помахал передо мной пальцем. – Еще одна странность, довожу ее до твоего сведения. То место, где лежал олень, все было забрызгано кровью. Но, по словам полиции, сегодня утром они не обнаружили не только самого оленя, но и пятен крови, снег на том месте, где он лежал, был безукоризненно чистым.

– Как будто его никогда и не было в природе... – прошептала я едва слышно.

– Именно! Сплошная мистика. Ты не находишь?

– Да тут все сегодня полнится этой мистикой, – вяло откликнулась я. – Надеюсь, ты не придумал эту историю специально для того, чтобы поднять мне настроение? Нет?

– Как будто я мастер сочинять всякие небылицы, Тиг! Вот вернешься в Киннаирд и сама все увидишь, если не веришь мне. Кстати, тебе тут передача от Берил. – Кэл вручил мне пластмассовый контейнер, полный вкуснейшей выпечки под названием «Печенье миллионера». – Она сказала, что тебе очень нравится этот десерт.

Берил шлет тебе свои наилучшие пожелания. И, конечно, все остальные тоже.

– И Зед?

– Про него ничего не могу сказать. Я его попросту не видел. – Кэл неопределенно пожал плечами. – Отдал ключи от его ренджровера Берил и тут же поспешил к себе.

– Все в Киннаирде пошло вверх дном с того самого дня, как он там появился. – Я подавила тяжелый вздох. – Когда же наконец до него дойдет, что ему пора выметаться? Кэл, прости меня великодушно, если я уйду тебя на полчаса выпить чашечку кофе, а сама за это время умоюсь, приведу себя в порядок и переоденусь в свою одежду. И сразу же почувствую себя совсем другим человеком.

– Никаких возражений! Заодно и позавтракаю в кафе. С утра завозился дома и не успел позавтракать.

– Тогда ступай себе на здоровье, – сказала я, сползая с кровати. – Кэл!

– Что, Тиг?

– Спасибо тебе за все. И... и прости меня.

– Не говори ерунды! – Кэл улыбнулся. – Я пошел. До скорого.

Я понимала, что страшно виновата перед Кэлом. Ведь, по сути, я готовлю ему еще один шок. Но, поскольку иного выбора у меня не было, я приступила к реализации намеченного плана. Сама отлепила от груди липкие пластинки, которые подсоединяли меня к монитору ЭКГ, потом взяла свой рюкзак и поставила его на кровать, чтобы проверить содержимое. К счастью, паспорт и бумажник были на месте. Не было только мобильного. *«Не велика беда, – подумала я. – Куплю себе новый, когда приеду на место...»*

Записку для Кэла я оставила прямо на подушке. Затем схватила рюкзак и прошмыгнула в ближайший от меня туалет. Плотнo закрыв дверь кабинки, быстро переделалась в джинсы и свитерок, который привез мне Кэл, волосы собрала в один пучок и закрутила их тугим узлом на затылке.

Приоткрыв дверь туалета, глянула в коридор. Мне ведь для того, чтобы вырваться на волю, еще предстояло миновать пост дежурной медсестры, расположенный буквально в нескольких метрах от туалета. К счастью, сестра на данный момент отсутствовала. Я распахнула дверь пошире и нагло двинулась вперед по коридору к выходу из

отделения. Вспомнила, как детектив предупреждал меня о нежелательной встрече с представителями медиа, дежурившими на входе в больницу, и стала искать боковой выход. И, к счастью, скоро нашла.

На улице я тут же уселась в первое свободное такси.

– Пожалуйста, в аэропорт, – скомандовала я водителю.

– Как скажете, мисс. – Шофер включил двигатель, и мы тронулись с места.

Женщина, сидевшая за окошком крохотной билетной кассы, поинтересовалась, куда мне надо.

– Женева! – выпалила я, не раздумывая. В самом деле, больше всего на свете мне сейчас нужна была забота Ма и вкуснейшее фасолевого рагу, которое специально готовила для меня Клавдия, зная, что это мое самое любимое блюдо. Кассирша принялась набирать что-то на компьютере, и вдруг перед моим мысленным взором возник белоснежный потолок в пещере...

«Скажешь Ангелине, что это я направил тебя домой...»

– Одну минутку! – спохватилась я, обращаясь к кассирше. – Простите меня. Это все мой плохой английский, – соврала я на ходу, чтобы не выглядеть в ее глазах полнейшей идиоткой. – Я хочу не в Женеву, а в Гранаду... в Испанию!

– Хорошо! – устало вздохнула женщина. – С этим будет посложнее...

* * *

Через один час и сорок пять минут наш самолет разбежался по взлетной полосе и взял курс на лондонский аэропорт Гатвик. Я почувствовала, как сильно сдавило в груди. Самолет уже приготовился нырнуть в густые облака, но я успела глянуть сверху на серый городок под названием Инвернесс и на заснеженные пейзажи вокруг. И послала им прощальный воздушный поцелуй.

– Ты был абсолютно прав, дорогой Чилли. И я обязательно расскажу им, что это ты направил меня домой.

И вот мой самолет коснулся взлетной полосы в аэропорту Гранады. К счастью для себя, я благополучно проспала все три часа перелета из Гатвика сюда. Словом, выспалась на славу. Не успела я ступить на бетонированное покрытие взлетно-посадочной полосы, как меня тут же окутало теплом, запахло цитрусами и плодородной землей. Несмотря на то что было еще только начало февраля, температура даже в такое позднее ночное время превышала десять градусов, что после шотландских минусовых температур показалось мне самыми настоящими тропиками. Пройдя паспортный контроль и получив на руки свой багаж, я навела справки в информационном киоске для туристов о наличии отеля в Сакромонте.

Женщина тотчас же вручила мне рекламный проспект.

– *Gracias*. Но не могли бы вы позвонить туда и справиться о наличии свободных номеров?

– К сожалению, сеньорита, в этом отеле нет телефонов. Но вы не беспокойтесь. Свободный номер там всегда найдется.

– Спасибо.

Я вышла на привокзальную площадь и направилась к ближайшему банкомату, чтобы получить немного наличных евро. А затем отправилась на стоянку такси.

– Куда вам, сеньорита? – поинтересовался у меня водитель.

– Пожалуйста, в Сакромонте, *por favor*, сеньор, – ответила я, лихорадочно пытаюсь освежить в памяти свой скудный запас школьных знаний по испанскому языку.

– Приехали на фламенко-шоу?

– Нет. Мне нужно в тамошнюю гостиницу. Отель «Кувас эль Абанико». – Я показала водителю рекламный проспект, который вручила мне женщина из справочно-информационной службы в аэропорту.

– *Ah, si, comprendo!*

Мы ринулись вперед на головокружительной скорости. Я невольно пожалела, что уже темно и нельзя разглядеть те места, мимо которых мы проезжаем. Одно не вызывало сомнения: снега не было нигде. Я сбросила с головы капюшон и расстегнула куртку, вдыхая полной грудью влажный воздух. Минут через двадцать мы уже въехали в сам город. В центре Гранады царило оживление, судя по количеству прохожих на улицах, и это несмотря на то, что было уже

одиннадцать часов вечера. Такси свернуло влево, и мы поехали по какой-то узенькой дорожке, скорее по тропинке, чем по обычной асфальтированной дороге, неуклонно поднимаясь все выше и выше в гору.

– Вот здесь мы останавливаемся. Дальше, сеньорита, пойдете пешком. Ступайте прямо! – Водитель показал мне на открытые ворота в толстой стене. – До отеля пять минут ходьбы.

– *Muchas gracias*, сеньор, – поблагодарила я шофера, расплатилась за такси и, закинув свой рюкзачок на спину, глянула на извивающуюся дорожку, которая стелилась передо мной. Ее освещали редкие фонари старомодной конструкции. С одной стороны дорожка упиралась в низкую каменную стену. Я услышала, как машина за моей спиной развернулась и исчезла в темноте, покотив вниз с горы. Я двинулась в путь, чувствуя неприятную боль в боку, в том месте, куда меня ранили.

Я свернула за угол и глянула вверх. Прямо надо мной по другую сторону ущелья взметнулась ввысь крепость Альгамбра, подсвеченная сотнями огней, оттеняющих ее древнюю красоту.

У меня даже слезы на глаза навернулись от такого зрелища. Но самое главное, я знала, я *точно знала*, что я уже здесь бывала. Какое-то время я стояла, замороженно созерцая открывшуюся панораму поистине неземной красоты. Все вокруг утопало в кромешной тьме, и от этого казалось, что сам дворец как бы парит в воздухе.

– Лусия танцевала в Альгамбре, – пробормотала я вполголоса, мысленно поражаясь тому, что я наконец воочию вижу все то, что ранее существовало лишь в моем воображении.

Я проследовала далее по узенькой тропке, огибающей гору. То там, то сям из горы выступали, выстроившись в один ряд, каменные дома, выкрашенные в белый цвет. Разноцветные ставни на всех окнах были закрыты на ночь. Лишь в редких домиках сквозь них пробивался свет. Оставалось только молиться, чтобы та женщина из информационной службы в аэропорту не ошиблась и отправила меня по нужному адресу. И что отель работает и в зимнее время года.

– В противном случае придется мне ночевать под открытым небом, – сказала я себе, немного запыхавшись от быстрой ходьбы и чувствуя, как мое сердце уже начинает протестовать против таких избыточных нагрузок.

К счастью, свернув за угол, я увидела свет и небольшую табличку, оповещающую прохожих, что это именно тот отель, который и был мне нужен. Я открыла изъеденные ржавчиной чугунные ворота и вошла во двор.

– *Le puedo ayudar?*

Я повернулась влево и увидела женщину, сидевшую за одним из столиков на небольшой террасе. Женщина курила сигарету и смотрела на меня вопросительным взглядом.

– Видите ли, мне нужна комната. У вас есть свободная комната?

– *Si*, сеньорита. – Женщина поднялась со своего места и поманила меня за собой к дверям. – Вы англичанка? – спросила она у меня по-английски.

– Нет, я из Швейцарии. Я говорю и на французском.

– Но мы давайте сойдемся на английском, ладно? Меня зовут Марселла, я владелица этой гостиницы. – Она приветливо улыбнулась и сразу же еще глубже обозначились морщинки на ее лице. Она ввела меня в вестибюль, где размещалась стойка администратора, и я поняла, что сам отель состоит из множества белокаменных пещер. Она достала связку ключей и повела меня за собой по этому пещерному лабиринту. Наконец мы вошли в комнату, в которой стояло несколько диванов, застеленных покрывалами с разноцветным узором. Марселла открыла еще одну дверь в задней стенке комнаты, и мы вошли в пещеру, в центре которой стояла очень симпатичная небольшая деревянная кровать.

– Ванная там. – Хозяйка махнула в сторону узкого прохода, отгороженного занавеской, за которой располагались туалет и крохотная душевая кабинка.

– Превосходно! – одарила я хозяйку благодарной улыбкой. – *Gracias*.

Я проследовала за хозяйкой обратно на ресепшн и вручила ей свой паспорт, получив взамен ключи от номера.

– Вы не голодны? – поинтересовалась она у меня.

– Нет, спасибо. Нас покормили в самолете. Вот стакан воды – это было бы замечательно.

Женщина исчезла в соседней комнате, судя по всему, там размещалась небольшая кухонька, и вскоре вернулась назад со стаканом и пластиковой бутылкой воды.

– Доброго сна, – пожелала мне хозяйка, когда я направилась к себе в номер.

– *Gracias.*

Совершив быстрое омовение, которое Ма обычно называла не иначе как «вылизать себя по-кошачьи» (на более тщательную помывку я не рискнула, боялась, что вода может попасть на рану), я с удовольствием вскарабкалась на кровать, которая, на удивление, оказалась очень удобной. Улегшись на спину, я какое-то время разглядывала потолок над собой. Он был точь-в-точь таким, каким я его мысленно видела много раз.

– И вот я здесь! – прошептала я, объятая неким душевным трепетом, но вскоре сон сморил меня, и я уснула.

* * *

Проснувшись, я с удивлением обнаружила, что уже одиннадцатый час дня. Я глянула на фосфоресцирующие стрелки будильника, стоявшего на комодe рядом с моей кроватью. Однако в комнате было темно. Ни единый лучик света не проникал сюда с улицы.

Я откашлялась, сразу же уловив запах застоявшейся пыли, витавшей в воздухе. И звук тотчас же эхом разнесся по всей комнате. Можно представить себе, какой шум сотворял бедняга Филипе, когда заходился приступами кашля, умирая в одной из таких же вот пещер, как эта...

Первым делом я извлекла из своей сумки набор средств для оказания первой медицинской помощи, который купила в аэропорту. Скривившись от боли, я отлепила пластырь от раны. Она слегка кровоточила, но не сильно, особенно, если учесть, какую нагрузку я задала ей вчера. С помощью нескольких стерильных тампонов я очистила рану, смазала ее противовоспалительным гелем, а потом снова заклеила новым куском пластыря. Успокоившись, что я уже на пути к выздоровлению и мне не грозит смерть от заражения крови у себя на родине, в том самом месте, где я появилась на свет, я омыла остальные части своего тела и переоделась в хлопчатобумажное платье, которое предусмотрительно купила себе в магазинчике «дьюти фри». Сверху набросила свитерок, на ноги напялила туфли-лодочки, их

я приобрела там же, растранив кучу денег на покупки. С другой стороны, не ходить же мне здесь в тяжелых лыжных ботинках, которые были на мне в ту ночь, когда погиб Пегас.

– Что ж, Тигги, – усмехнулась я, разглядывая цветочный узор платья, – в таком наряде ты полностью вписалась в окружающую тебя обстановку. Как-никак родные места.

Я направилась на выход. Из крохотной кухоньки по соседству со стойкой администратора доносился соблазнительный запах крепкого свежемолотого кофе.

– *Buenos dias*, сеньорита. Как спалось?

– Отлично спалось, – ответила я, прикидывая мысленно, не цыганка ли сама Марселла, с ее густой копной иссиня-черных волос и оливковой кожей.

– Думаю, сегодня на улице достаточно тепло, чтобы позавтракать на свежем воздухе, – предложила мне Марселла.

– *Si!* – немедленно согласилась я и вышла вслед за хозяйкой на террасу, зажмурившись на мгновение от яркого солнца, пока мои глаза адаптировались к свету.

– Присаживайтесь, – пригласила меня Марселла. – А я сейчас подам завтрак.

Но я даже не обратила внимания на ее слова, ибо мое внимание тотчас же привлекло все то, что простиралось за проржавелыми чугунными воротами, отделявшими террасу от остальной улицы. Я подошла к воротам, распахнула их, пересекла узкую тропку перед гостиницей и, опершись о каменную ограду, принялась любоваться буйной зеленью долины, раскинувшейся подо мною, и величественной Альгамброй, возвышающейся над всем ущельем. При свете дня стали видны бледно-оранжевые стены крепости, обильно завитые изумрудной листвой.

– Вот теперь я вполне понимаю Марию, ведь она говорила, что отсюда открывается самый прекрасный вид на свете, – выдохнула я в восхищении. – И я тоже так думаю.

За завтраком, на который мне подали свежеспеченный хлеб с вкуснейшим джемом плюс стакан свежего апельсинового сока, я снова перечитала письмо Па Солта, адресованное мне.

– Тебе нужно отыскать голубую дверь, не забывай! – напомнила я себе вполголоса.

– Вы туристка? Приехали взглянуть на Альгамбру? – спросила Марселла, ставя передо мной чашку с кофе.

– Не совсем так. Я приехала сюда, чтобы отыскать своих родных.

– Здесь, в Сакромонте? Или в Гранаде?

– В Сакромонте. Я даже точно знаю ту дверь, в которую мне надлежит постучать.

– Так вы цыганка?

– Думаю, да.

Марселла слегка прищурилась и окинула меня внимательным взглядом.

– В вас, безусловно, есть испанская кровь, но и цыганская, наверное, тоже.

– Вы знаете семью по фамилии Альбейсин?

– Конечно! Семейство Альбейсин было одним из самых больших в Сакромонте еще в те дни, когда мы все тут жили.

– То есть цыга... *gitanos* здесь больше не живут?

– Кое-кто живет, но таких немного. Большинство пещер теперь пустует. Наши в основном переехали в современные городские квартиры. Сегодня цыгане уже не живут так, как раньше. Печально, но это факт. Современный Сакромонте превратился в городок-призрак.

– А вы цыганка?

– *Si*. Наша семья жила здесь более трех столетий, – ответила Марселла с явной гордостью.

– А как вам пришла в голову идея открыть здесь гостиницу?

– Большинство моих постояльцев – это туристы. Они приезжают специально на фламенко-шоу, которые проводят в Лос-Тарантас, или для того, чтобы посетить музей и своими глазами увидеть, как мы жили в здешних пещерах, которых полно в горах вокруг нас. А еще я подумала, что с нашей улицы открывается самая красивая панорама в мире. Грех не воспользоваться такой возможностью. – Марселла улыбнулась. – К тому же я сама уроженка здешних мест.

– Вы хорошо говорите на английском. Где изучали?

– Вначале в школе, потом в университете. Когда мои родители умерли, я продала их квартиру, а за вырученные деньги выкупила наш прежний семейный дом и превратила его в некое подобие того, что сегодня называют «отель-бутик».

– И получилось просто здорово. А насчет здешних видов вы абсолютно правы. Дух захватывает от всей этой красоты. И давно вы работаете?

– Мы открылись только год тому назад. Пока бизнес развивается довольно медленно, но на все нужно время. Во всяком случае, на летний сезон у меня уже много заказов на бронирование.

– Мне здесь очень нравится, – улыбнулась я.

– Так все же, где ваша семья?

– Мне сказали, что я должна найти дом с голубой дверью на Корцио дель Айре и там спросить женщину по имени Ангелина. Слышали про такую?

– Слышала ли я? – Марселла уставилась на меня изумленным взглядом. – Конечно! Она ведь последняя ворожея в Сакромонте. Так вы с ней родственницы?

– Скорее всего, да.

– Сейчас она уже очень старая женщина, но я помню времена, еще в своем детстве, когда к ее дому постоянно клубились очереди из желающих погадать или приобрести ее снадобья из трав. Причем приходили не только цыгане, но и испанцы. Сегодня к ней приходит уже гораздо меньше людей. Но если вы захотите погадать у нее, Ангелина расскажет, что вас ждет в будущем.

– А она живет далеко отсюда?

– Сеньорита, она живет по соседству со мной!

Холодок пробежал по моей спине при этих словах Марселлы, а она махнула рукой, указывая на пещеру слева от нас.

– И там голубая дверь?

– *Si*, голубая. Многие мои постояльцы навещают Ангелину, когда я рассказываю им обо всех ее дарованиях. Она помогает нашему бизнесу, а мы помогаем ей.

– Я и подумать не могла, что так быстро отыщу ее. И так просто...

– Если что-то предназначено самой судьбой, тогда действительно все происходит *очень просто*. – Марселла окинула меня внимательным взглядом своих карих глаз. – Наверное, самое трудное в вашем случае – это решиться приехать сюда.

– Вы правы, – согласилась я, невольно поразившись ее интуиции. – Так оно и было. – В этот момент что-то вдруг щелкнуло в моей голове, и я посмотрела на нее. – Мне рассказывали, что мои

предки жили по соседству с мужчиной по имени Рамон. Получается, что это его пещера?

– Именно так! – Марселла радостно прихлопнула в ладоши. – Моя прапрабабушка была его родной сестрой! Я его, конечно, никогда не видела, но зато слышала множество историй о том, как маленькая Лусия Альбейсин практиковалась прямо здесь в искусстве фламенко. – Марселла жестом указала на тропинку перед воротами. – Моя бабушка тоже хорошо помнит это. Ведь Лусия была когда-то самой известной исполнительницей фламенко во всем мире! Вы слышали про нее?

– Да, и если тот человек, с которым я разговаривала, сказал мне правду, то она была моей бабушкой.

– *Dios mio!* – выдохнула Марселла с неким благоговейным страхом. – И вы тоже танцуете? У вас и фигура такая, как у нее.

– В детстве я посещала занятия в балетной студии, но профессия у меня другая. Я... я думаю, мне стоит сейчас навеститься к Ангелине. Как считаете?

– Потерпите еще часок-другой. Ангелина, как и все цыгане, ночная птичка. Обычно она встает с постели где-то ближе к полудню. – Марселла осторожно погладила мою руку. – Вы смелая девушка, сеньорита. Взять и приехать сюда. Многие цыгане вашего возраста сегодня хотят начисто забыть о своих корнях. Некоторые даже стыдятся своего цыганского происхождения.

При этих словах Марселла выразительно вскинула брови и исчезла в доме. А я осталась сидеть на солнышке, размышляя обо всем том, что мне только что поведала Марселла. «Просто невероятно, – думала я. – Ведь я предполагала, что поиски Ангелины отнимут у меня кучу времени, что я вообще *могу не отыскать* ее, а тут все так просто». Ангелина живет по соседству с тем домом, на террасе которого я сейчас сижу.

«Может быть, это все от того, что в последнее время твоя жизнь, Тигги, и так изобиловала всякими осложнениями, и ты заслужила небольшую передышку...»

Я снова встала и направилась к воротам, открыла их, потом повернула влево и сделала несколько шагов вниз по петляющей тропинке. Остановилась перед входной дверью в соседнюю пещеру. Она действительно была выкрашена в пронзительно голубой цвет. Дрожь прошла по моему телу.

– *Здесь началась твоя жизнь...* – подсказал мне мой внутренний голос. И тут же в моем воображении возник образ Марии. Вот они с Лусией сидят на ступеньках крыльца и плетут корзины, а вокруг них деревня продолжает жить своей жизнью, шумит и полнится какофонией самых разнообразных звуков. Зато сейчас здесь тихо. Только птички щебечут, укрывшись в тени оливковых рощ, которые каскадами спускаются вниз по склону горы, что за мной.

– Город-призрак, – сказала я вслух. Мне стало грустно, что жизнь покинула эти места. Впрочем, не стоит романтизировать прежнюю жизнь здешних цыган. Можно только представить себе, как они обитали тут в Сакромонте целыми семьями, не имея даже самых элементарных удобств. И вот, по иронии судьбы, новый век наладил быт людей, но полностью разрушил пульсирующую жизнь здешней коммуны.

Я уселась на стенку и стала любоваться видом Альгамбры. Вспомнила, как изумилась Марселла, когда узнала, что я приехала к ним в поисках своих корней. А ведь до сего момента мне и в голову не приходило, что люди могут стыдиться того, что в их жилах течет цыганская кровь. Чилли высоко ставил культуру своего народа, который, со всей очевидностью, является и моим народом. А потому я даже испытывала некую гордость при мысли о том, что являюсь составляющей частью этой культуры. Но сейчас все вдруг предстало передо мной в совершенно ином свете. За всю свою жизнь я ни разу не сталкивалась с тем, что называется расовыми предрассудками. Возможно, потому что у меня стандартная западноевропейская внешность плюс швейцарский паспорт на руках. А вот тем, кто когда-то обитал в этих пещерах, даже въезд в город был запрещен, их преследовали повсюду, и они могли возвращаться только в своей среде. Общество отказывалось иметь с ними дело.

– Но почему? – пробормотала я с недоумением.

«Потому что мы не такие, как другие люди, они не понимают нас и потому боятся...»

Я поднялась с ограды и прошла чуть дальше вниз, увидела на стене вывеску музея, к которому вел ряд узеньких ступенек. Я уже стала подниматься по ним вверх, но тут что-то сильно сдавило мне грудь, будто кто-то крепко обхватил меня рукой. Видно, полученная

рана все еще давала о себе знать, и я медленно побрела назад к отелю, а там, усевшись на солнышке, стала поджидать, пока боль пройдет.

– У Ангелины уже открыта дверь, – объявила мне Марселла минут через двадцать, миновав ворота с корзинкой, полной яиц. – Значит, она уже встала. Вот! – Марселла достала из корзинки три яйца и сунула их мне в руки. – Скажете ей, что это от меня, – пояснила она.

– Хорошо.

Я заглянула к себе в комнату, быстро причесалась и приняла пару таблеток ибупрофена, чтобы унять боль и в боку, и в груди.

– Ну вот! – обратилась я к себе, забирая яйца. – *Courage, mon brave...* Смелость и еще раз смелость, – пробормотала я, широко распахнув ворота ногой, и направилась к голубым дверям. Дверь действительно была открыта, а поскольку руки мои были заняты, то я не смогла объявить о своем приходе, постучав.

– Здравствуйте! *Hola!* Есть кто? – крикнула я в темноту.

Через какое-то время на пороге появился мужчина с лихо закрученными вверх усами. Никогда еще я не видела таких шикарных усов. Под стать усам была и густая шевелюра седых волос на голове. Мужчина был хорошо сложен, а его смуглая кожа, испещренная глубокими морщинами и прожаренная насквозь горячим андалузским солнцем, хорошо гармонировала с парой глаз цвета темного шоколада. Он держал в руке метелку, слегка выставив ее вперед, словно намеревался использовать в качестве оружия.

– Ангелина дома? – спросила я у него.

– Никаких гаданий до семи вечера, – ответил он на английском, но с сильным акцентом.

– Нет, сеньор. Я пришла не гадать. Меня направили сюда, чтобы я могла встретиться с Ангелиной. Судя по всему, я ее родственница.

Мужчина глянул на меня, потом слегка подался назад.

– *No comprendo*, сеньорита. – С этими словами он захлопнул дверь у меня под носом.

Я осторожно положила яйца на ступеньку крыльца и постучала в дверь.

– У меня для вас яйца, – кое-как вымолвила я по-испански и торопливо добавила: – От Марселлы.

Дверь снова отворилась. Мужчина нагнулся к ступенькам и взял яйца.

– *Gracias*, сеньорита.

– Так все же можно мне войти? Пожалуйста! – В конце концов, не для того я проделала такой долгий путь сюда, чтобы меня встретил на пороге какой-то старик с метлой и не пустил в дом.

– Нет, сеньорита, – отрезал он и попытался снова захлопнуть дверь, но я успела просунуть туда ногу.

– Ангелина! – громко позвала я. – Меня зовут Тигги. Меня Чилли прислал к вам, – прокричала я во весь голос, потому как мужчина с метлой все же выиграл схватку и снова стукнул дверью мне в лицо. Я подавила тяжелый вздох и поплелась назад в гостиницу, чтобы поговорить о случившемся с Марселлой.

– Ее что, нет дома? – страшно удивилась она.

– Скорее всего, она дома, но меня не пустил к ней какой-то мужчина.

– А... Это Пепе... Всегда стоит на страже. Между прочим, он приходится Ангелине дядей, – пояснила Марселла. – Может, стоит попытаться сходить туда еще раз?

Но не успела я дойти до ворот, как из-за угла прямо на меня выскочил Пепе. Не говоря ни слова, он схватил меня за руку своей огромной ручищей и улыбнулся, глянув сверху вниз.

– Так это ты... совсем уже взрослой женщиной стала, – добавил он, и я увидела, как его карие глаза наполнились слезами.

– Простите м-меня, но я не... – проговорила я, слегка запинаясь.

– Я – Пепе, твой *Tío*, твой двоюродный дед, – пояснил старик, прежде чем обнять меня. Потом он повел меня по тропинке вниз в сторону пещеры с голубыми дверями на входе. – *Perdon*, моя сеньорита, – и добавил что-то непонятное на испанском. – Я не признал тебя с самого начала!

– Вы говорите по-английски?

– Конечно. Это я притворился, что '*no comprendo*'. Я всегда так поступаю, если туристы начинают барабанить в дверь слишком рано. – Он издал короткий смешок. – А сейчас я отведу тебя к Ангелине, твоей кухне.

Прямо в дверях меня поджидала небольшая женщина с копной золотистых волос, уже поседевших у самых корней. Она была такая же миниатюрная, как и я, одета в длинное, до самого пола, платье-кафтан в красных и голубых тонах. На ногах – удобные кожаные сандалии. Ее

ярко-голубые глаза сверкали, разглядывая меня из-под длинных черных ресниц, жирно подведенных черным карандашом, таких же густых, как и ее брови.

– *Hola*, – поздоровалась я, глядя на женщину.

– *Hola*, Эризо. – Она улыбнулась мне, слезы выступили на ее глазах. – И вот ты здесь, – добавила она на ломанном английском. – Вернулась наконец домой. – Она распахнула свои руки мне навстречу, и я с готовностью упала в ее объятия.

Ангелина тотчас же разрыдалась на моем плече, и я последовала ее примеру. Через какое-то время мы дружно отерли глаза. Я услышала, как Пепе громко высморкался у нас за спиной, повернулась в его сторону, и он с готовностью обнял нас обеих. Сердце в груди стучало быстро-быстро, я чувствовала легкое головокружение, то и дело переводя взгляд со своего двоюродного дедушки на ту женщину, которую мне было велено отыскать. Наконец мы разжали объятия, и меня провели в небольшой закрытый дворик, вымощенный камнем, расположенный прямо за пещерой. Дворик был сплошь уставлен горшками с самыми разными растениями. Я сразу же уловила запах мяты, шалфея, фенхеля и лаванды. Пепе жестом пригласил меня к расшатанному деревянному столу, вокруг которого стояли четыре таких же ветхих стула. Мы уселись за стол, а я попутно отметила про себя, как легко двигаются и Ангелина, и Пепе, несмотря на свой почтенный возраст.

Ангелина взяла меня за руку и крепко стиснула ее.

– Я понимаю по-английски, – сказала она. – Но только прошу, говори помедленнее. Как ты нас нашла?

Я постаралась как можно подробнее рассказать ей о письме Па Солта, потом о своем переезде в Киннаирд и о моем знакомстве с Чилли.

Оба, и Ангелина, и Пепе, радостно всплеснули руками и затараторили о чем-то своем на испанском.

– Как же мне сейчас легко на душе от того, что старые предсказания все же сбываются, – обронила Ангелина.

– Так вы знали Чилли? – спросила я у нее.

– Нет, только по имени. Микаэла предсказала Чилли, что он направит тебя к нам домой. Она присматривала за мной, когда я была еще ребенком. Как я понимаю, Чилли сейчас очень стар. И сильно

болен. Судя по всему, доживает свои последние дни, – добавила она мрачно. – *Si?*

– *Si*, – прошептала я в ответ, ненавидя себя за то, что и сама думаю так же. Но я сразу поняла, что нет смысла скрывать свои мысли от Ангелины. Судя по всему, эта женщина обладала гораздо более сильным даром ясновидения, чем сам Чилли. Она буквально источала из себя электричество, будоража меня саму и те скрытые силы, которые дремали во мне.

– Конечно, твоя кровь разбавлена испанской кровью по линии отца, но... – Ангелина внимательно оглядела меня, – я чувствую, что у тебя тоже есть дар. Я научу тебя, как научила меня в свое время Микаэла.

Ангелина взглянула на меня с улыбкой, и в этом взгляде было столько теплоты и участия, что у меня комок подступил к горлу. Все в этой женщине было полно... *жизни*. Она принялась снова изучающе разглядывать меня, потом взяла своей мягкой ладонью мою руку и задержала ее.

– Ты больна, Эризо. Что с тобой случилось?

Я предельно лаконично изложила ей события той ночи, когда был убит Пегас.

Я увидела, как глаза Ангелины слегка округлились. Не выпуская моей руки из своих ладоней, она вдруг замолчала, прислушиваясь к чему-то далекому и непонятному.

– Это существо было послано специально, чтобы защитить тебя. Он – твой дух-спаситель, который на протяжении всей твоей жизни может принимать самые разные формы и обличья. Понимаешь меня?

– Думаю, да, понимаю.

– Ничто в этом мире не совершается без причины, Эризо. В нашей жизни нет случайностей. Смерть – это ведь не конец, а лишь начало... – Ангелина принялась внимательно разглядывать мою ладонь. – Пепе, – обратилась она к старику, – мне нужен *la posion*. – Потом быстро добавила на испанском, какие именно ингредиенты ей нужны для приготовления снадобья, пересчитав их на пальцах. – Принеси все это ей.

Пепе исчез, а Ангелина продолжала неотрывно смотреть на меня.

– *Pequeno Erizo*... маленький ежик...

– Чилли тоже так называл меня! – удивленно воскликнула я. – Правда, он говорил это на своем языке: хотчивитчи, – добавила я с улыбкой.

Через какое-то время вернулся Пепе, неся в руке стакан, наполненный какой-то жидкостью ядовитого цвета.

– Это исцелит и твое сердце, и твою душу, – обронила Ангелина, когда Пепе поставил стакан передо мной.

– А что это? – спросила я.

– Не важно, – ответил мне Пепе. – Ангелина сказала, что ты должна выпить это.

– Хорошо, – согласилась я, с осторожностью поднося стакан к губам. В нос ударил какой-то странный и очень сильный запах.

– Пей же! – поторопила меня Ангелина.

– Как долго собираешься у нас погостить? – поинтересовался у меня Пепе, когда я наконец осилила последний глоток довольно противной на вкус жидкости.

– Еще не задумывалась над этим. Я ведь к вам прямо с самолета, можно сказать. Не думала, что так быстро отыщу вас.

– Но раз ты уже здесь, то, думаю, тебе следует задержаться на какое-то время, потому что Ангелина может многому научить тебя.

Я взглянула на своего двоюродного деда, потом перевела взгляд на кузину.

– Кто-нибудь из вас встречался с моей матерью?

– Конечно, мы ее прекрасно знаем. Ведь мы жили по соседству много лет. Мы присутствовали при твоём рождении. – Пепе указал на наружную стену пещеры. – Ты же появилась на свет здесь.

– А как звали мою мать?

– Айседора, – угрюмо ответил Пепе, а Ангелина лишь молча опустила голову.

– Айседора, – повторила я незнакомое имя, словно пробуя его на вкус.

– Что ты знаешь о своем прошлом, Эризо? – спросила у меня Ангелина.

– Чилли рассказал мне многое из того, что случилось в моей семье до того, как Лусия переехала в Барселону. Он рассказал мне и о том, как Мария направилась туда на поиски мужа и дочери. Расскажите мне, пожалуйста, что произошло со всеми ними потом, – взмолилась я.

– Обязательно расскажем, – пообещала мне Ангелина. – Но вначале нам все же стоит вернуться к тому месту, на котором оборвал свой рассказ Чилли. Ты должна знать всю свою семейную историю во всех ее подробностях. Но на это потребуется много времени.

– О, у меня в запасе куча времени! – воскликнула я с улыбкой, впервые осознав, что теперь действительно мне принадлежит все мое время.

– Ты должна знать, откуда ты пришла, чтобы понимать, куда тебе идти дальше, Эризо. Что ж, если у тебя есть силы слушать, то тогда я начинаю. – Ангелина взяла мою руку и пощупала пульс. Потом с удовлетворением кивнула. – Гораздо лучше.

– Все хорошо, – откликнулась я, действительно *чувствуя себя* гораздо лучше. Сердце мое перестало трепетать, и на меня вдруг снизошло какое-то странное спокойствие, я бы даже сказала, умиротворение.

– Значит, ты знаешь, что Лусия жила с отцом и танцевала в Барселоне после того, как ее мать вернулась домой в Сакромонте?

– Да.

– Лусия провела вдали от Сакромонте более десяти лет, совершенствуя свое мастерство. Она выступала во многих городах, но они с Хозе всегда снова возвращались в Барселону. Тогда я, пожалуй, начну с того самого момента, когда Лусии исполнился двадцать один год. Это было... Дай-ка подумать... Да, это было в 1933 году...

Часть II

Лусия

Барселона, Испания

Август 1933 года

*Веер фламенко
(abanico)*

Использовался во время исполнения фламенко и в качестве приспособления для тайного языка во время флирта

22

– Нам пора, Лусия. Тебе скоро выступать.

– Я устала, папа. Может, пусть кто-нибудь заменит меня сегодня вечером?

Хозе глянул на дочь. Она лежала на старом матрасе в своей крохотной комнатке и курила.

– Мы все устали, *chiquita*, но деньги же надо зарабатывать.

– Это ты мне твердишь изо дня в день всю мою жизнь. Но может, сегодня как раз выпал такой день, когда я *не буду работать*. – Лусия стряхнула пепел с сигареты, и он упал на пол. – Что мне дала вся эта работа, папа? Я выступала в Кадисе, в Севилье, проехала по всем провинциям. Я даже танцевала на концертах самой великой Ракель

Миллер в Париже, но мы по-прежнему продолжаем ютиться в этих трущобах!

– Но сейчас у нас уже имеется своя кухня, – тут же напомнил ей Хозе.

– А зачем она нам? Ведь мы же все равно никогда не готовим. – Лусия поднялась с матраса, подошла к открытому окну и вышвырнула окурок на улицу.

– А я думал, ты, Лусия, живешь только ради того, чтобы танцевать.

– Так оно и есть, папа. Но ведь эти владельцы баров, они выжимают из меня все соки, будто я какой-то портовый грузчик. Случаются дни, когда я даю по три представления за один вечер, и все ради того, чтобы набить *их карманы* денежками! К тому же с каждым вечером зрителей становится все меньше и меньше. Я уже всем надоела. Мне ведь двадцать один год. Я больше не ребенок, а взрослая женщина с телом подростка. – Лусия выразительно прошлась руками по телу в подтверждение своих слов. Тонюсенькая талия, плоская грудь, стройные ножки, а рост, как у ребенка, не более четырех футов.

– Ты не права, Лусия. Твои зрители тебя обожают.

– Папа, мужчинам, которые приходят по вечерам в кафе, подавай пышную грудь и крутые бедра. А меня вполне можно принять за мальчишку.

– И в этом тоже состоит часть твоего очарования, которая делает тебя не похожей ни на кого другого! Тем, кто приходит посмотреть, как ты танцуешь, не интересно, какая у тебя грудь. Им важно увидеть, как ты работаешь ногами и сколько страсти вкладываешь в свой танец. Так что перестань заниматься самоедством. Вставай, одевайся и пошли в бар. Я хочу познакомить тебя сегодня с одним человеком.

– Что за человек? Еще один импресарио, который станет клясться, что сделает меня знаменитой?

– Нет, Лусия. Известный певец, который недавно выпустил собственный альбом. Увидимся в баре.

Хозе с громким стуком закрыл за собой дверь, а Лусия раздраженно стукнула кулачком по стене. Потом повернулась к открытому окну и уставилась на заполненные народом улицы внизу. Она провела в этом городе уже целых одиннадцать лет и все эти годы выворачивала свою душу наизнанку, когда танцевала...

– Семьи нет, личной жизни тоже нет...

Она глянула вниз и увидела молодую пару, слившуюся в страстном поцелуе прямо под ее окном.

– И парня у меня тоже нет, – добавила Лусия, закуривая очередную сигарету. – Отцу бы это пришлось не по вкусу, верно ведь? – Она глянула на свои ножки, такие крохотные, что и сегодня она могла ходить в детских башмачках. – Вы – мои приятели и ухажеры.

Потом она сбросила с себя ночную сорочку и взяла свое платье фламенко, выдержанное в красно-белых тонах. На нем отчетливо проступили разводы от пота, который всегда лился с нее ручьями во время танца. На гофрированных белых рукавах виднелись желтые пятна, шлейф тоже весь в грязи, а кое-где еще и порван. Однако денег у них хватает лишь на то, чтобы отдавать платье в стирку только раз в неделю – по понедельникам, а сегодня еще только суббота. Лусия ненавидела выходные дни – к концу недели от нее воняло и несло смрадом, как от дешевой портовой проститутки.

– Как плохо, что нет рядом мамы, – вздохнула она, встав перед треснувшим зеркалом, чтобы собрать в охапку и свернуть кольцом тяжелую гриву своих длинных волос, черных как вороново крыло. И вспомнила, как когда-то мама сидела вот на этом же самом матрасе подле нее и бережно расчесывала ей волосы гребешком.

– Я так скучаю по тебе, мамочка, – пробормотала Лусия, подводя глаза углем, потом добавила немного румян на щеки и губы. – Наверное, я все же скажу папе, что нам надо вернуться в Гранаду, потому что мне нужен отдых. Впрочем, он, как всегда, найдет отговорку. Скажет, что у нас нет денег на такую дальнюю дорогу.

Какое-то время она внимательно разглядывала свое отражение в зеркале, потом подхватила шлейф и встала в позу.

– А сейчас я похожа на одну из тех кукол, что продаются в сувенирных лавках! Может быть, какой-нибудь богатенький *рауо* удочерит меня, возьмет к себе в качестве своей игрушки!

Она вышла из дома и пошла вниз по узенькой улочке в сторону оживленной городской улицы Баррио-Чино. Ее узнавали продавцы местных лавочек, бармены, посетители. Они махали ей рукой в знак приветствия.

«Что совсем даже не удивительно, ведь я, должно быть, перетанцевала во всех барах на этой улице», – подумала Лусия.

Однако всеобщее внимание, как и вскинутые вверх бокалы в руках посетителей, приветствующих ее возгласами «Ла Кандела! Королева!», немного подняли ей настроение. Она знала, здесь любой с готовностью предложит ей пропустить стаканчик или присесть за столик рядом с собой.

– *Hola, chiquita*, – услышала она у себя за спиной. Повернулась и увидела Чилли, который пробирался к ней через толпу. Он уже был в черных брюках и нарядной жилетке, готовый к выступлению. Белоснежная рубашка, расшитая рюшами, была расстегнута на груди, чтобы хоть как-то охладить тело в этом августовском пекле.

За последние несколько лет они с Чилли крепко сдружились, а сам Чилли стал частью труппы Хозе или его *cuadro*, то есть того коллектива артистов и исполнителей фламенко, которые выступали вместе с ним в многочисленных барах на Баррио-Чино. Чили и Хозе аккомпанировали на гитарах, а кузина отца Хуана Ла Фараона танцевала на пару с Лусией, удачно контрастируя своими формами уже зрелой женщины и неспешной манерой танца с юностью и огненным темпераментом самой Лусии. Кстати, где-то год тому назад Хуана предложила взять в их маленький коллектив еще одну танцовщицу.

– Нам не нужны дополнительные танцовщицы, – тут же воспротивилась Лусия. – Разве я одна не справляюсь? Или приношу для всех вас слишком мало песен?

Однако, несмотря на сопротивление дочери, Хозе занял сторону Хуаны. Он тоже считал, что им нужна еще одна, более молодая и более чувственная танцовщица, способная придать их коллективу более товарный вид. Розальба Хименес, рыжеволосая, зеленоглазая, своей манерой танца являла полную противоположность страстным *bulerias* Лусии, но ее *alegrias* были элегантны и исполнены особой чувственности. Наслышанная о взрывчато-импульсивном характере Лусии, девушка с самого начала стала тяготеть к более уравновешенному и спокойному Чилли, что вызвало у Лусии новый приступ ревности, так как она быстро поняла, что Розальба медленно, но неуклонно уводит от нее друга детства.

Однако Чилли был уже взрослым и вполне самостоятельным мужчиной и не обращал никакого внимания на все выпады Лусии. Более того, месяц тому назад они с Розальбой поженились. Вся улица Баррио-Чино отмечала их свадьбу целых два дня.

– Ты сегодня, Лусия, выглядишь лучше, чем вчера, – обронил он, наконец поравнявшись с ней. – Ты выпила тот настой, что я приготовил для тебя?

В их маленькой труппе Чилли исполнял еще и обязанности знахаря, обеспечивая своими целебными снадобьями всех членов коллектива. К тому же он обладал и даром ясновидения, и Лусия полностью доверяла всем его предсказаниям.

– Выпила, Чилли, выпила. Думаю, твоё лекарство мне помогло. Сегодня я чувствую в себе немного больше энергии.

– Вот и хорошо! – обрадовался Чилли. – Хотя для тебя самое главное лекарство – это перестать истязать себя. Ты слишком много работаешь. – Он уставился на нее долгим пронзительным взглядом. Лусии даже показалось, что в этот момент он словно читает, что у нее на душе. Она отвела глаза в сторону и ничего не ответила. Тогда он продолжил: – Ты ведь сейчас направляешься в бар «Манкуэт»?

– Да. Мы там встречаемся с отцом.

– Тогда я с тобой.

Чилли пошел рядом с ней под испепеляющими солнечными лучами. Конец недели, бары уже битком забиты портовыми докерами и прочим рабочим людом, которые с готовностью спускали свои денежки на пиво и бренди.

– Что с тобой, Лусия? – осторожно поинтересовался Чилли.

– Со мной все в полном порядке, – тут же отрезала Лусия. Еще не хватало, чтобы разговоры о ее неприятностях и бедах дошли до ушей Розальбы.

– Нет, это не так! Я же вижу, что на сердце у тебя пустота.

– *Si*, Чилли. Ты прав, – сдалась наконец Лусия. – Сердце мое... устало. И мне так одиноко.

– Я понимаю тебя, но... – Чилли внезапно остановился и схватил ее за руки. Потом задрал голову вверх, словно считывая что-то с небес. И Лусия поняла: он действительно что-то там увидел. – Тебя ждет встреча. О да! Именно так! Он придет... и очень скоро.

– Фи! Ты мне это и раньше говорил, и не раз.

– Все так, говорил... Это правда. Но на сей раз, клянусь тебе, Лусия, пробил твой час. – Они подошли к бару «Манкуэт», и Чилли расцеловал ее в обе щеки. – Удачи тебе, *chiquita*. Она тебе очень нужна. – Чилли весело подмигнул ей и пошел дальше.

Бар «Манкуэт» уже кишел посетителями, впрочем, как всегда. Лусия протиснулась сквозь толпу под взрывы аплодисментов и направилась к столику для артистов в самом дальнем конце зала рядом со сценой. Отец уже сидел за столиком, сосредоточенно склонив голову, беседуя с каким-то мужчиной, сидевшим к Лусии спиной.

– Тебе как обычно, Лусия? – поинтересовался бармен Джейми.

– *Si, gracias. Hola*, отец. Вот, кое-как доплелась сюда, как видишь. *Salud!* – Она вскинула вверх небольшую рюмку анисовой водки, которую подал ей Джейми, и залпом осушила ее.

– А вот и наша королева! – приветствовал отец появление дочери. – Ты только взгляни, кто явился к твоему трону сегодня вечером.

– Ла Кандела! Наконец-то мы встретились! – Мужчина поднялся из-за стола и отвесил ей легкий поклон. – Меня зовут Августин Кампос.

Первое, что бросилось в глаза Лусии, так это то, что мужчина не возвышается над ней, словно пожарная каланча, как большинство других мужчин. Его небольшая, но элегантная стать была упакована в дорогой костюм безупречного покроя, черные волосы аккуратно зачесаны назад, открывая высокий чистый лоб. Цвет кожи бледнее, чем у большинства цыган. Лусия даже готова была поспорить на свои новенькие кастаньеты, что наверняка в его жилах течет и испанская кровь. Правда, вот уши слегка торчат, зато желтовато-коричневые глаза смотрят на нее с неподдельным теплом и участием.

– *Hola*, сеньор Кампос. Слышала, что пластинки с записями вашей игры на гитаре сегодня известны во всей Испании.

– Пожалуйста, зовите меня просто Менике. Меня все так зовут.

– Менике? – переспросила Лусия с улыбкой. – Это что? Мизинец?

– Да. Так меня прозвали еще в детстве. Как видите, я с тех пор не сильно подрос. Так что это прозвище подходит мне идеально. А вы как думаете?

– Да вы взгляните *на меня!* Я тоже не больно подросла, – рассмеялась в ответ Лусия. Ей пришлись по душе его искренность, простота и отсутствие высокомерия. Ведь большинство гитаристов, особенно успешных, просто несносны в общении. – Что привело вас в Барселону?

– Я тут записываю новую пластинку для компании «Парлофон». Вот и решил воспользоваться случаем, пока я здесь, и заглянуть на Баррио-Чино. Повидаться со старыми друзьями, обзавестись новыми... – ответил он, скользнув взглядом по ее фигуре. – Вижу, что Ла Кандела горит ярко.

– Увы-увы, но свеча горит не так ярко, как раньше. Ла Кандела уже устала танцевать одни и те же танцы перед одними и теми же зрителями. Зато ваши пластинки, Менике, звучат из всех граммофонов.

– Давайте закажем еще по рюмочке, – предложил Менике и щелкнул пальцами бармену. А Хозе, видя, как буквально на глазах поднялось настроение у дочери и от ее прежнего уныния не осталось и следа, лишь мысленно вознес благодарственную молитву Всевышнему.

К их столику подошел владелец бара «Манкуэт» Эстебан Кортес. Он поздоровался с Лусией, расцеловав ее в обе щеки, потом повернулся к Менике.

– Пришло время явить всем нам чудо своего таланта, *hombre*. Покажи барселонцам, чего они лишились!

Публика встретила появление Менике на сцене громкими возгласами и аплодисментами, а потом все замерли в предвкушении его выступления. Лусия сидела за столиком, поглаживая рукой бокал с белым вином мансанилья, а второй рукой обмахивая себя веером, спасаясь от духоты.

Она смотрела, как Менике настраивает свою гитару, но вот его длинные тонкие пальцы тронули струны и извлекли первые аккорды мелодии гуахира фламенко. Лусия мысленно усмехнулась; гуахира считается самым зрелищным и одновременно самым сложным стилем романсов фламенко, даже у ее отца случались сбои, когда он исполнял эту музыку. Играть гуахиру решаются только самые опытные и уверенные в себе гитаристы.

Барабанщик начал отбивать такт на своем барабане кахон, и в этот момент Менике запел сладким низким баритоном. Лусия смотрела на него и не могла отвести глаз. Он виртуозно быстро перебирал пальцами струны, легко касаясь их, словно лаская. Но вот он поднял глаза и выхватил ее из толпы. Их взгляды встретились, и она почувствовала, как дрогнуло ее тело, а сердце забилося в такт музыке, тоненькая струйка пота покатила по шее.

Он триумфально закончил свою игру виртуозным пассажем, легкая улыбка блуждала на его устах. Лусия почувствовала, что и сама улыбается, глядя на него, а в голове ее созрела вполне определенная и четкая мысль.

«Чилли был прав. Я завоюю тебя, Менике. Ты будешь моим».

* * *

Поздно вечером, когда публика в баре уже успела пресытиться выступлениями артистов, исполнители фламенко поднялись наверх в отдельную комнату, чтобы устроить там импровизированную пирушку для своих.

– *Dios mio!* – воскликнул Менике, входя в помещение вместе с Лусией и видя, что там уже полно народа.

– Сегодня у всех нас, кто выступает на Баррио-Чино, день полочки, – пояснила она ему. – Вот мы и собираемся по таким дням все вместе, танцуем, поем друг для друга.

– О, да здесь и сам Эль Пелуко. – Менике уважительно указал пальцем на старика, царственно восседавшего на стуле и прижимавшего к груди гитару. – Я и подумать не мог, что он все еще продолжает выступать. Ведь он сильно пьет.

– Я с ним раньше не встречалась, – слегка пожала плечами в ответ Лусия. – Вполне возможно, он был в гостях в баре «Вилла Роза», что через улицу. Налейте мне, пожалуйста, немного бренди, – попросила она.

Между тем Эль Пелуко начал свое выступление. Он запел, аккомпанируя себе на гитаре, одну из старинных цыганских песен, которую когда-то в детстве Лусия слышала в исполнении своего дедушки.

– Он же живая легенда, – прошептал ей на ухо Менике. – Нужно обязательно познакомить вас, – добавил он, наблюдая за тем, как собравшиеся громкими аплодисментами приветствовали выступление Эль Пелуко, а на его стул уже уселся другой гитарист. – Эль Пелуко! – громко окликнул Менике, махнув старику рукой.

– А, мой протеже из Памплоны, – откликнулся старик и тоже приветственно помахал рукой, подходя к ним ближе.

– Рюмочку бренди, сеньор? – предложил ему Менике, протягивая стакан. Они чокнулись. Потом Менике повернулся к Лусии. – А это Ла Кандела! Еще одно молодое дарование.

Лусия почувствовала на себе изучающий взгляд Эль Пелуко.

– А, так это та девчушка, о которой я столько слышал. Да ты же совсем как птенчик! – Старик рассмеялся, затем залпом осушил бренди и наклонился к Менике. – В этой девочке нет ничего от женщины. А для надлежащего исполнения фламенко нужна взрослая женщина. Может, она просто маленькая мошенница, а? – промолвил он громким шепотом и смачно отрыгнул.

Вот и этот старик, подумала Лусия, позволяет себе вслух говорить то же самое, что и она сама знает, без него. Она почувствовала, как внутри нее закипает злость. И есть один-единственный способ дать ей выход. Лусия замерла на месте, а потом ее босые ножки – она так и не успела еще обуться после выступления – сами собой стали отбивать такт. Вот она медленным движением вскинула руки вверх, сложив их в форме розы, как когда-то учила ее мама. И все это время не сводила глаз со старика, посмеявшегося назвать ее мошенницей.

Как только собравшиеся поняли, что происходит, вокруг Лусии мгновенно образовался круг, а выступавшего певца попросили на время замолчать. Менике на пару с Хозе стали отбивать ритм на своих гитарах, а Менике стал еще и напевать какую-то старинную песенку-солеа в такт движениям Лусии. Она по-прежнему продолжала буравить взглядом старика, который посмел прилюдно оскорбить ее. Мысленно призвала себе на помощь своего духа *duende* и продолжала танцевать только для него.

Наконец Лусия в изнеможении опустилась на пол. Молча кивнула зрителям, которые стали бурно выражать криками свой восторг, потом так же молча поднялась с пола и подошла к стулу рядом с Эль Пелуко. Залезла на стул и посмотрела ему прямо в глаза.

– Больше никогда не смейте называть меня мошенницей, – строго приказала она ему и угрожающе помахала пальцем перед его носом, очень похожим по своей форме на луковицу. – С этим понятно, сеньор?

– Клянусь своей жизнью, сеньорита, я никогда более не повторю своих слов. Вы... вы *великолепны!*

– Так кто я? – Лусия снова придвинула палец к его носу.

Эль Пелуко задрал голову кверху, словно ища подмоги на небесах, потом отвесил поклон и воскликнул:

– Вы – королева!

Снова раздался хор одобрительных восклицаний, а Лусия молча протянула старику руку для поцелуя.

– Вот теперь, – промолвила она, когда Менике помогал ей спрыгнуть со стула, – можно и расслабиться.

* * *

На следующее утро Лусия проснулась с привычной для себя головной болью, что и понятно: слишком мало спала и выпила слишком много бренди. Она принялась машинально шарить пальцами возле матраса в поисках сигарет. Нашла, тут же закурила, сделала глубокую затяжку и принялась наблюдать за тем, как кольца дыма устремились к потолку.

«*Но что-то сегодня изменилось...*» – подумала она. Во всяком случае, она не испытывает той депрессии, которая обычно бывает у нее с похмелья. Нет этого привычного чувства уныния при мысли о том, что занимается еще один зряшный день.

«*Менике!*»

Лусия блаженно потянулась всем телом, закинув руку с сигаретой за голову. И вдруг представила себе, каково это, если бы вдруг его чувственные, нежные пальцы коснулись *ее тела*.

И тут же села, выпрямившись на матрасе, стараясь сохранять здравомыслие.

– Не будь идиоткой! – приказала она себе. – Менике – звезда, покоритель стольких сердец. Его слава гремит по всей Испании. Он может заполучить любую женщину, стоит лишь поманить ее пальцем.

Но может, он и *поманил ее* вчера вечером, а она охотно сдалась бы на милость победителя, если бы не ее отец, который весь вечер околачивался рядом с ней, словно заботливая курица-наседка, вкочущая над своими цыплятами.

– Мы увидимся завтра, Лусия? – спросил у нее Менике, прощаясь, когда отец уже недвусмысленно дал ей понять, что пора возвращаться домой.

– Завтра вечером ей предстоят выступления сразу в трех кафе, Менике, – поспешил он напомнить молодому человеку.

– Тогда, может, я подойду в «Вилла Роза», чтобы подыграть ей? – предложил тот свои услуги.

Но вопрос его так и остался висеть в воздухе без ответа. Хозе молча увлек дочь за собой.

* * *

Когда вечером Лусия появилась в баре «Вилла Роза», где ей предстояло выступать, она не обнаружила там Менике.

– Ну что ж, может, это и к лучшему, – разочарованно пробормотала она, выходя на сцену. – От моего платья сегодня воняет еще сильнее, чем вчера.

Завершив выступление в «Вилла Роза», они с отцом зашагали по улице в сторону бара «Манкуэт», как всегда, в сопровождении толпы возбужденных поклонников Лусии. И там, уже у самого входа в кафе, увидели поджидавшего их Менике.

– *Buenas noches*, сеньорита, сеньор, – поздоровался он с ними. – Меня сегодня задержали, и потому я не успел в «Вилла Роза», но я, как и обещал, готов сегодня вечером играть для Лусии, – продолжил он, входя вслед за ними в кафе. – Я уже переговорил с управляющим, и он не против, если вы сами не возражаете, конечно.

– *Si*, отец! Я не возражаю! Буду только рада. – Лусия бросила выразительный взгляд на отца.

– Я... конечно, если и управляющий, и моя дочь хотят этого, – согласился Хозе, но Лусия увидела, как в глазах отца засверкали молнии.

В этот вечер Менике устроил Лусии самый настоящий экзамен. Начал играть нарочито медленно, потом вдруг громко стукнул ногой об пол, воскликнул «*Ole!*» и задал такой бешеный темп, что ноги Лусии едва успевали за ним. Публика горячо аплодировала, кричала «Браво!» и тоже отбивала такт ногами, стараясь не отставать от своих любимцев, один из которых работал руками, а другая – ногами. Эти двое словно сошлись в непримиримой схватке, пытаясь перещеголять друг друга. Лусия была огонь и пламень. Вот завершающее

головокружительное вращение, исполненное какой-то дьявольской страсти, а Менике в последний раз касается струн своей гитары, потом медленно качает головой, поднимается со стула и кланяется Лусии. Толпа замирает в немом восхищении, а когда они покидают сцену, тотчас же устремляется к стойке бара, чтобы заказать себе новые порции бренди и промочить горло стаканом воды.

– Неужели тебе всегда нужно одерживать победу? – шепотом поинтересовался у Лусии Менике, пока они направлялись к своему столику возле сцены.

– Всегда! – сверкнула глазами в ответ Лусия.

– Давай встретимся завтра за ленчем? Скажем, в «Кафе де Опера», но только без провожатого, ладно? – Менике бросил выразительный взгляд на Хозе, который уже сидел за стойкой бара в окружении других завсегдатаев.

– Он никогда раньше трех не встает с постели.

– Вот и отлично. А сейчас мне пора уходить. Я обещал еще выступить сегодня в «Вилла Роза». – Менике взял руку Лусии и поцеловал ее. – *Buenas noches*, Лусия.

* * *

Когда на следующий день Лусия явилась в кафе, Менике уже поджидал ее за столиком на открытой террасе.

– Прости меня, – виновато проговорила она, закуривая сигарету. – Пропала, как обычно, – добавила она, слегка пожав плечами.

На самом же деле весь последний час она занималась тем, что примеряла все свои наряды – платья, юбки, блузки, хотя большая часть ее гардероба за последние десять лет уже изрядно поизносилась да и успела выйти из моды. Наконец она остановила свой выбор на практичных брючках черного цвета и красной блузке, дополнив туалет изысканным алым шарфом, который завязала вокруг шеи.

– Потрясающе выглядишь! – констатировал Менике, поднявшись ей навстречу и расцеловав в обе щеки.

– Не лги мне, Менике, не надо. Я родилась с телом мальчика и лицом уродливой бабушки, и с этим уже ничего не поделаешь. Но, во всяком случае, я могу танцевать.

– Уверяю, у тебя отнюдь не мальчишье тело, Лусия, – ответил Менике, быстро скользнув взглядом по ее маленьким, соблазнительно торчащим грудкам. – Как смотришь, если мы закажем себе немного сангрии? Сегодня очень жарко, а это вино приятно освежает.

– Это вино пьют испанцы, – слегка нахмурилась Лусия. – Но если ты говоришь, что у него хороший вкус, то почему бы и нет?

Менике заказал кувшин сангрии, налил немного в бокал Лусии. Она сделала глоток, какое-то время пробовала вино на вкус, смакуя во рту, а потом выплюнула все прямо на асфальт.

– Оно же такое сладкое! – Лусия щелкнула пальцами в сторону официанта. – Принесите мне черный кофе, чтобы немедленно убрать изо рта этот противный сладкий привкус.

– Вижу, что твой взрывной темперамент под стать той страсти, с которой ты танцуешь.

– *Si*, этот дух дает мне мой *duende*.

– Вы, из Андалусии, все такие буйные. Абсолютно неуправляемые, – широко улыбнулся Менике.

– Зато ты настоящий сеньор из Памплоны и светлый, как испанец. Готова поспорить, что твоя мать испанка, так?

– Испанка, ты права. И благодаря ей я пошел в школу, научился читать и писать.

– А сегодня испанцы платят тебе деньги за то, что ты играешь им цыганскую музыку. Получается, что ты тоже испанец?

– Нет, Лусия. Впрочем, я не вижу ничего дурного в том, чтобы пропагандировать нашу культуру фламенко и за пределами цыганского сообщества. Но ты права в другом. Испанцы – это люди, у которых есть деньги. Мир вокруг нас стремительно меняется. И мир танца тоже. Все эти... – Менике жестом указал на многочисленные бары и кафе, выстроившиеся вдоль улицы, – все эти заведения сегодня выглядят страшно допотопными. Люди хотят зрелища. Им подавай шоу! Огни рампы, богатые сценические костюмы... оркестр, декорации, большая сцена театра.

– Думаешь, я не понимаю? Четыре года тому назад я была в Париже, выступала в шоу Ракель Миллер в парижском Дворце конгрессов.

– Мне рассказывали, что твои выступления имели огромный успех. Так что случилось?

– Госпоже Миллер, видите ли, не понравилось, что наше «Трио Альбейсин» – я, Фараона и мой отец – пользуется у публики большей популярностью, чем она сама. Не поверишь, но она даже стукнула Фараону по носу. Представляешь? – Лусия весело хихикнула. – Кричала, что та специально пытается затмить ее на сцене.

– Это очень похоже на Миллер. У нее сомнения гораздо больше, чем таланта.

– *Si*, вот мы и ушли от нее, какое-то время работали в маленьких кафе на Монмартре. Там было очень весело. И сам образ тамошней жизни мне понравился, но мы практически ничего не зарабатывали, вот и пришлось вернуться назад в Барселону. И это так похоже на все, что происходит в моей жизни, Менике. Вроде удача поворачивается ко мне лицом. Вот он, мой шанс, думаю я, да! Сейчас у меня все получится! А потом все проходит, утекает, словно песок сквозь пальцы, и я снова возвращаюсь на то место, с которого когда-то начинала.

– Не скромничай, Лусия. Ты знаменита... Можно сказать, в мире фламенко тебе нет равных.

– А за пределами этого мира? – Лусия обвела рукой вокруг себя. – Разве у меня есть такая слава, как у тебя? Или как у Аргентиниты?

– Которая, позволю тебе напомнить, гораздо старше тебя, – добродушно улыбнулся в ответ Менике.

– Согласна! Она уже почти бабушка. И тем не менее только что снялась в новом фильме!

– Наступит день, *requena*, и ты тоже станешь кинозвездой. Обещаю!

– Ты что, тоже можешь предсказывать будущее, как и мой приятель Чилли? – спросила она с вызовом.

– Нет. Но я хорошо вижу твои амбиции. Жажда славы и успеха полыхает в тебе огнем. Так что будем заказывать?

– Мне как обычно, – царственно приказала она официанту, топтавшемуся у столика. – Знаешь, я ведь танцую почти столько же лет, сколько и Аргентинита. И что? Она разъезжает по Европе в мехах и каретах, а я вот сижу в это время здесь и лопаю сардины на обед в твоём обществе.

– *Gracias* за комплимент. – Менике иронично вскинул брови. – И что собираешься делать в ближайшее время?

– Карселлес организует для нас гастролы по провинции.

– Карселлес? А кто это такой?

– Еще один жирный и толстый импресарио, который зарабатывает себе денежки на нашем тяжелом труде, – пожалала плечами Лусия. – Стану выступать в деревенских барах перед тамошней скотиной, а Аргентинита в это самое время будет блистать на лучших сценах перед тысячами зрителей.

– Лусия, ты еще слишком молода, чтобы предаваться такому мрачному унынию, – мягко пожурил ее Менике. – Так ты поедешь на эти гастролы?

– У меня нет иного выбора. Если я задержусь на Баррио-Чино еще на какое-то время, то просто умру от тоски, – воскликнула она экзальтированно и тотчас же закурила очередную сигарету. – Знаешь, что меня особенно напрягает?

– Что?

– Помнишь такого танцовщика по имени Висенте Эскудеро? Так вот, он в свое время рекомендовал меня прославленному импресарио Солу Юроку. Тому самому, который работал и с Аргентинитой. *Он хотел* забрать меня к себе в Нью-Йорк! Ты только представь себе!

– Так почему же ты не поехала к нему?

– Отец сказал, что цыгане никогда не смогут пересечь океан. Что цыгане вообще не лезут в воду. Словом, он отказал. Поверишь ли, он отверг предложение самого Юрока! – Лусия со всего размаха громко стукнула кулаком по столу с такой силой, что даже задрезжали кубики льда в стаканах с водой. – Я после этого целый месяц с ним не разговаривала.

Менике, уже успевший оценить темперамент своей собеседницы, решил, что она ни капельки не преувеличивает.

– Ты сказала мне, что тебе уже двадцать один год. В принципе, ты уже совершеннолетняя и сама можешь распоряжаться своей судьбой. Хотя насчет Нью-Йорка, я думаю, твой отец был прав.

– Прав в том, что из-за каких-то глупых цыганских суеверий побоялся пересечь океан?

– Нет, в том, что полагает, что ты должна совершенствовать свой талант здесь, у себя на родине. На Баррио-Чино выступают лучшие в мире исполнители фламенко. Наблюдай за ними, учись, моя дорогая

Лусия. Твой талант только расцветет, если рядом с тобой будут хорошие педагоги, которые могут многому тебя научить.

– Мне не нужны никакие учителя! Каждый вечер я импровизирую! И перестань разговаривать со мной покровительственным тоном, как мой отец. Ты ведь почти мой ровесник!

Им подали еду. Менике молча наблюдал за тем, как Лусия с жадностью умяла свои сардины, чтобы поскорее закурить очередную сигарету. Он понимал, что его замечания не по душе девушке. Да, думал он, у девчухи огромный потенциал... Со временем из нее может получиться настоящая дива... И одновременно что-то притягивало его в этом хрупком создании, волновало, как мужчину. Короче, он хотел ее, и все тут!

– Приезжай в Мадрид, если сможешь вырваться. Там и публики больше... И я там живу...

Он с улыбкой протянул свою руку к ней. Она удивленно замерла, вдруг почувствовав какой-то внутренний страх.

Вот его пальцы коснулись ее руки и слегка сжали ее, и Менике тут же ощутил, как легкая дрожь пронзила все тело Лусии, но она быстро взяла себя в руки.

– Я... Где я там буду танцевать, в Мадриде? – спросила она у него, решив сконцентрировать все свое внимание на разговоре.

– В Мадриде много больших театров, они ставят спектакли в сопровождении оркестра. Набирают исполнителей для каждого нового представления. Я замолвлю за тебя словечко нужным людям. Но пока же, моя дорогая Лусия, я хочу, чтобы ты усвоила одну очень важную вещь. Наша главная цель – это не богатство и не слава. Главное для нас – это само искусство.

– Хорошо, постараюсь запомнить. Но можно сказать, что я и сейчас тружусь только ради искусства...

Лусия грустно вздохнула. Нежное касание руки Менике словно пролило бальзам на ее душу. Она попыталась изобразить виноватую улыбку.

– Плохая из меня компания, *si*? Сижу тут, ною, жалуюсь тебе.

– Я все понимаю, Лусия. Ты похожа на меня, когда я беру в руки свою гитару. Ты тоже вкладываешь всю себя без остатка в свое выступление. Согласен, пока в твоей карьере наблюдается явный

простой. И ты, и твой талант заслуживаете того, чтобы тебя узнал весь мир. Клянусь, я сделаю все от себя зависящее, чтобы помочь тебе. А пока прошу лишь об одном. Запасись терпением и доверься мне. Ладно?

– Ладно, – проронила Лусия, а Менике бережно поднес ее руку к своим губам и поцеловал ее.

* * *

Весь следующий месяц Лусия и другие члены их маленького коллектива тряслись в фургоне, колеся по провинциям Испании; они проехали вдоль побережья, заглядывая во все небольшие деревушки вокруг такого большого города, как Валенсия. Потом подались в Мурсию с ее главной достопримечательностью – величественным готическим собором, взметнувшимся высоко в небо. И двинулись дальше, на юг, туда, где на горизонте показались горы Сьерра-Невада, и откуда было совсем уж близко до ее родного дома.

Каждый вечер Лусия танцевала перед восторженной, но немногочисленной публикой. Потом они все вместе возвращались к себе, усаживались у костра, пили бренди или вино и слушали таинственные истории Чилли о других мирах. Иногда ночами, лежа в своем фургоне без сна, Лусия с отчаянием думала о том, что только обещания Менике помочь и поддержать ее дадут ей силы жить дальше.

«Я должна учиться, должна совершенствовать свое мастерство», – повторяла она сама себе. А потому после своего выступления не торопилась уходить из бара, усаживалась рядом со сценой с неизменной сигаретой в руке и внимательно наблюдала за тем, как танцует Хуана Ла Фараона, восхищаясь ее безукоризненной техникой и грацией.

– Да, я огонь и пламень, дух дышит во мне, но мне нужно научиться быть женственной, – мысленно говорила себе Лусия, внимательно следя за тем, как элегантно движутся руки Фараоны, как грациозно она подхватывает шлейф платья, как чувственно надует губки. – Быть может, тогда Менике полюбит меня...

* * *

– Папа, Хуана сказала, что на следующей неделе мы будем выступать в Гранаде, – обратилась Лусия к отцу, когда они возвращались к себе на стоянку после очередного ночного шоу в Альмерии. – Нужно будет обязательно навестить наших – маму, Карлоса, Эдуардо. *Si?*

Хозе промолчал в ответ. Лусия больно ткнула его пальцем в бок.

– Ты слышишь, что я говорю, папа?

– Пожалуй, будет лучше, если ты наведишь их одна, – обронил он наконец. – Я больше в Сакромонте не желанный гость.

– Что ты говоришь такое! Конечно, все будут рады тебе! – возмутилась в ответ Лусия. – Ведь там живет твоя жена, там твои дети, там у нас столько родни. И все будут счастливы видеть нас.

– Лусия, я...

Хозе остановился прямо посреди дороги, которая вела через небольшую апельсиновую рощицу.

– Что, папа?

– Видишь ли, мы с твоей матерью уже давно женаты только формально. Понимаешь меня?

Лусия подбоченилась.

– Еще бы мне не понимать, папа! Уж я-то вдоволь насмотрелась на всех твоих «тетушек» за все те годы, что мы прожили в Барселоне. Что я, *идиотка* какая-то? Но я решила, что вы с мамой обо всем договорились.

– Беда в том, Лусия, что твоя мать не захотела ни о чем договариваться со мной. Она ненавидит меня. Вполне возможно, Карлос и Эдуардо тоже. Наверняка они думают, что я предал их, бросил, а сам уехал с тобой в Барселону, чтобы дать тебе шанс в жизни.

Лусия округлила глаза, в ужасе уставившись на отца.

– То есть, по-твоему, это я во всем виновата?

– Нет, разумеется, нет. Ты ведь тогда была ребенком. Я сам принимал решение.

Лусия вдруг вспомнила, как они встретились с матерью в последний раз, когда та приезжала в Барселону. С той встречи минуло уже одиннадцать лет. Она вспомнила, как мама уселась рядом с ней на матрас и принялась бережно расчесывать ее волосы. Вечером того же дня Мария побывала на выступлении дочери в «Вилла Роза», и уже

после концерта они попрощались на улице. Помнится, мама тогда горько плакала.

– Что бы там у вас ни произошло между собой, но я должна навестить маму, отец, – сказала Лусия непреклонным тоном.

– Конечно, – согласился Хозе и, отвернувшись от нее, понуро побрел к своему фургону.

* * *

А неделей позже Лусия миновала ворота, ведущие в Сакромонте. Ее встретило безоблачно голубое небо, белые струйки дыма, вырывающиеся из пещер по всему склону горы, тотчас же устремлялись пышными воланами вверх, к небу. И долина внизу радовала глаз в эти последние летние дни своей буйной зеленью, точно такой Лусия и запомнила ее с детства.

Потом она задрала голову вверх и посмотрела на Альгамбру. Вспомнила, как пробиралась тайком на сцену, словно мелкий воришка, чтобы поучаствовать наравне со взрослыми в грандиозном смотре-конкурсе *Cante Jondo*. И ведь танцевала же перед тысячами зрителей.

– А все это организовал и устроил для меня отец, – лишней раз напомнила она себе, поднимаясь вверх по пыльной, петляющей тропинке к дому своего детства. Приветливо улыбнулась какому-то старику, курившему сигарку на пороге своего дома. Тот окинул ее презрительным взглядом, видно, приняв за *рауо*, испанку из Гранады. Всю дорогу Лусия продолжала размышлять над недавним признанием Хозе. Оказывается, много лет тому назад он попросту бросил свою жену и сыновей. И она совершенно искренне ненавидела отца за то, что он лгал ей все эти годы, но одновременно не могла вычеркнуть из памяти и то, что он сделал для нее когда-то в тот далекий вечер в Альгамбре. Да, все последние одиннадцать лет отец был всецело предан становлению ее карьеры, об этом тоже нельзя забывать.

– В конце концов, их супружеские отношения – это их личное дело, и меня оно не касается, – решительно сказала она себе, глянув вверх и увидев тонкую струйку дыма из трубы над маминой пещерой. Но вот она подошла ближе и даже издала негромкий вздох восхищения, увидев сверкающую на солнце ярко-голубую дверь на

входе, вставленную в грубо сколоченный дверной проем. К тому же в пещере появились целых два застекленных окошка, под которыми расположились ящики с какими-то красными цветами.

Лусия замерла в нерешительности на пороге, прикидывая, стоит ли ей соблюсти все формальности и постучать в дверь, как положено чужаку.

– Но ведь это же твой родной дом! – тут же напомнила она себе, решительно взялась за ручку и широко распахнула дверь.

Мама сидела на кухне за старым деревянным столом, покрытым красивой кружевной салфеткой. Мария ничуть не изменилась за те годы, что они не виделись, разве что появилось несколько седых прядей в густых черных волосах. Рядом с ней сидел мальчуган лет десяти, тоже весь в черных кудряшках, он весело улыбался матери, которая шутливо щекотала его.

Но вот Мария глянула на неожиданную гостью, замерла на какую-то долю секунды в немом узнавании, потом порывисто вздохнула, прижимая руку к губам.

– Не может быть! Лусия? Я... Это ты?

– Да, мама, это я, – смущенно кивнула в ответ Лусия. – А это кто?

– А это Пепе. Ступай во двор, милый, поиграй пока на гитаре, – попросила Мария мальчика, и тот с готовностью подхватился со своего места, с улыбкой глянув на Лусию.

– *Dios mio!* Какой сюрприз! – воскликнула Мария, распахивая руки навстречу дочери. – Моя Лусия вернулась наконец домой! Апельсиновый сок будешь пить? Я только что выжала свежую порцию.

Мария подошла к новым деревянным шкафчикам, выстроившимся вдоль стены. Прямо по центру возвышалась чугунная раковина, рядом стоял кувшин с водой.

– *Gracias,* – поблагодарила Лусия. От нее не ускользнула растерянность матери, но одновременно она подумала, что с тех пор, как она в последний раз была в этом доме, все здесь изменилось в лучшую сторону. Яркий солнечный свет потоками вливался в кухню через окна, освещая недавно побеленные стены.

– Ну, так расскажи мне, как ты? И почему ты здесь? Рассказывай мне все! – Мария радостно рассмеялась, придвигая к дочери красивый резной стул-качалку. – Присаживайся!

– Наша труппа гастролирует в здешних краях. Вчера мы выступали в Гранаде, в кафе «Плаза де лас Пасигас». Народу собралось очень много.

– Почему же мне никто ничего не сказал? – недовольно нахмурилась Мария. – Я бы отдала все на свете, голубка моя, чтобы только взглянуть, как ты танцуешь.

Само собой, Лусия догадалась, почему друзья и родственники матери ни словом не обмолвились о том, что муж и дочь Марии объявились в их родных местах, но она решила не заострять внимания на столь щекотливой теме.

– Понятия не имею, мама, почему тебе ничего не сказали. Но я так рада снова приехать сюда!

– А я безмерно рада снова увидеть тебя.

– Эдуардо и Карлос дома?

– Сегодня фиеста, и они празднуют вместе с остальными жителями Сакромонте. Но если ты останешься на ночь, то утром обязательно увидишь их.

– Я не могу задерживаться надолго, мама. Вечером мы снова трогаемся в путь.

Лицо у Марии сразу же вытянулось.

– Что ж, раз так, – расстроено промолвила она. – Но ничего! Главное – ты *сейчас здесь!* – Она придвинула табуретку поближе к дочери и тоже села. – Ты выросла, Лусия... Стала совсем взрослой...

– Не сильно я подросла, мама, как видишь. Но тут уж ничего не поделаешь! – Лусия равнодушно пожала плечами.

– Я другое хотела сказать. Ты стала взрослой женщиной. Красивой женщиной.

– Мамочка, я прекрасно понимаю, что любая мать станет твердить, что дочь у нее красавица. Но я же знаю, что я далеко не красавица. Однако такова жизнь. А у тебя, – Лусия окинула взглядом комнату, – все хорошо? Здесь стало намного уютнее с тех пор, как я видела нашу пещеру в последний раз.

– Да, у меня, слава богу, все хорошо. Хотя должна сказать тебе, что летом у нас тут случилась вспышка тифа. Болезнь унесла твоих бабушку и дедушку.

– Печальная новость, – промолвила Лусия, хотя, по правде говоря, она едва помнила и деда, и бабушку.

– Утешает лишь то, что бизнес твоего деда уцелел, сумел пережить тяжелые времена, и все благодаря помощи твоих братьев. Они очень добры ко мне, заботятся о своей матери. А вот вся новая мебель на кухне – это дело рук Карлоса, между прочим. Помнишь, он еще в детстве вечно возился со всякими деревяшками?

Лусия молча кивнула в знак согласия, хотя, конечно, ничего такого она не помнила.

– Признаюсь тебе, – продолжила свой рассказ Мария, – поначалу твой дедушка был просто в отчаянии от того, что у Карлоса ничего не получается на кузнице и изделия у него выходят какие-то кривобокие... Но потом дед обратил внимание на то, что внука тянет к работе по дереву. Он дал Карлосу несколько досок и попросил его смастерить стол. И так вот выяснилось, что твой брат очень способный столяр. Сегодня его мебель пользуется спросом не только у цыган, но и у испанцев. Ты не поверишь, но уже в ближайшем будущем Карлос собирается открыть в городе собственный магазин с небольшим выставочным залом, где станет показывать свои изделия. А магазином будет заправлять его жена Сюзанна.

– Понятно, – обронила Лусия, едва успевая переваривать весь тот ворох новостей, которые обрушила на нее мать. – А где они живут?

– Они обустроили себе дом в пещере по соседству с той пещерой, где жили когда-то дедушка и бабушка. Строились почти одновременно с Эдуардо и Еленой. У Эдуардо и его жены уже двое деток, дочка Кристина и ее старший братик Матео. А скоро я стану бабушкой в третий раз...

– Мамочка, чуть помедленнее! – взмолилась Лусия. – У меня уже голова пошла кругом от обилия всех этих новых для меня имен!

– Прости меня, Лусия! Но я так растерялась, увидев тебя. Вот и мелю языком без остановки. И потом...

– Я все понимаю, мамочка. Мы обе волнуемся. Ведь мы так давно не виделись. – Лусия положила свою ладонь на руку матери. Черты лица ее разгладились. – И я так рада нашей встрече. И счастлива, что после того, как мы уехали, все в вашей жизни сложилось хорошо, и у тебя, и у моих братьев.

– Поначалу было очень трудно. Первые несколько лет мы сильно бедствовали. Однако хватит об этом. – Мария одарила дочь лучезарной улыбкой. – Лучше расскажи мне о себе, Лусия.

– Мамочка, первым делом я признаюсь, что наконец узнала всю правду о том, что произошло между тобой и отцом. – Лусия почувствовала, что ее прежняя решимость не касаться запретной темы, связанной с взаимоотношениями родителей, безвозвратно улетучилась. – Отец сам признался мне, что бросил тебя и увез меня в Барселону против твоей воли.

– Лусия, мы тогда оба были виноваты.

– Я так не думаю, мама. Более того, я страшно зла на отца за все минувшие годы, за то, что скрывал от меня правду, а я-то думала, что тебе все равно, что со мной и как я живу, и потому ты и не приезжала ко мне. Но сейчас я все понимаю.

– Лусия, – прошептала Мария срывающимся от волнения голосом, – я так тосковала по тебе! Поверь мне, я молилась за тебя каждый Божий день с тех самых пор, как уехала из Барселоны. Каждый год на день твоего рождения я посылала твоему отцу небольшие посылочки для тебя. Надеюсь, ты получала эти скромные подарки от меня?

– Нет, ничего я не получала, – нарочито ровным голосом ответила матери Лусия. – Отец никогда не передавал мне подарки от тебя.

Мария увидела, каким недобрым блеском сверкнули мгновенно сузившиеся глаза дочери, а потому поспешила тотчас же разрядить обстановку.

– Знаешь, очень может быть, что все эти посылки просто терялись по пути. Дорога ведь не близкая. А твой отец всегда поступал так, как считал правильным. Он все делал для тебя.

– И для *себя самого* тоже! – презрительно фыркнула в ответ Лусия. – А что тогда, мама, произошло на самом деле? Я смутно помню то время и все то, что было потом, после конкурса. Помню... папа кричал на Карлоса, а тот плакал, скрючившись на полу, прямо вот здесь. – Она показала на то самое место. – А потом мы с отцом уехали в Барселону. Через пару месяцев ты приехала к нам. Ты мне еще тогда сказала, что мой брат Филипе теперь на небесах вместе с ангелами.

Мария закрыла глаза. Горькие воспоминания о былом снова нахлынули на нее. Запинаясь, с трудом роняя каждое слово, она поведала дочери о всех тех трагических обстоятельствах, которые привели к смерти Филипе.

– Это все эти чужаки, *rayos*... Их тюрьма убила его, Лусия. Он умер на следующий день после того, как его отпустили на свободу. А через какое-то время я отправилась в Барселону, чтобы сообщить вам с отцом эту страшную новость.

Лусия взяла мать за обе руки, натруженные, загрубевшие от постоянной тяжелой работы и выжженные солнцем дочерна руки. Зарылась в них лицом и расплакалась. В этот момент она оплакивала и свое уже безвозвратно ушедшее детство, и умершего брата, всю горечь утраты которого она ощутила в полной мере только сейчас.

– Мамочка, – услышала она детский голосок.

Лусия удивленно подняла голову, утирая слезы с лица. Это Пепе снова возник на кухне, прижимая к себе гитару.

– А почему вы обе плачете? – спросил он, подходя к ним ближе.

Лусия бросила внимательный взгляд на его лицо. Огромные карие глаза, красиво очерченные скулы, копна густых черных кудрей на голове.

– Мама, он что? М-мой... – спросила Лусия, запинаясь.

– Да, Лусия, – ответила мать и величаво кивнула головой, тоже смахивая слезы с лица. – Он – твой брат. Пепе, поздоровайся со своей *hermana*.

– *Hola*, – стеснительно поздоровался мальчуган и улыбнулся Лусии. Точная копия отца, заметила она.

– Я очень рада познакомиться с тобой, Пепе, – тоже улыбнулась Лусия в ответ, но довольно вымученной улыбкой.

– А ты еще меньше, чем мама рассказывала. Я-то думал, что ты моя старшая сестра, а ты вон какая маленькая. Я даже выше тебя!

– Ты прав! Выше! И гораздо щекастее. – Лусия не удержалась от смеха.

– Папа тоже приехал с тобой? Мама говорит, он играет на гитаре. Я тоже играю, – признался мальчик. – Я бы с удовольствием сыграл для папы новую песенку, которую недавно разучил.

– Я...

Лусия бросила нерешительный взгляд на мать и продолжила:

– К сожалению, папа не смог приехать со мной.

– Пепе, ступай, покорми курочек, а потом будем обедать, – обратилась Мария к сыну. Пепе неохотно поплелся к дверям, а Лусия продолжала разглядывать мальчика в немом изумлении.

– Но как... – начала она.

– После того, как я навестила вас с отцом в Барселоне, я вернулась к себе домой в Гранаду. Чувствовала я тогда себя ужасно. Но наверное, прошло еще пару месяцев, прежде чем я поняла, что мои недомогания отнюдь не связаны с тем, что я продолжала оплакивать Филипе. Оказывается, это всего лишь такой прощальный подарок от твоего отца. Но скажу тебе честно, Лусия, Пепе для меня все – и мое утешение, и моя радость. А ты бы послушала, как он играет на гитаре. Со временем он затмит Хозе, вот увидишь.

– А папа знает?

– Нет. Мы с ним простились в Барселоне, и я отпустила его на все четыре стороны. Он сейчас свободен.

– Ну да! Свободен! Свободен, чтобы размахивать своим *picha* направо и налево и вставлять его в каждую дырку! – раздраженно пробормотала Лусия, чувствуя, как в ней снова нарастает злость на отца.

– Некоторые мужчины не могут без этого. Такая у них уж натура.

– Он до сих пор, мама, ничему не научился.

И обе женщины дружно рассмеялись. А что им еще оставалось делать?

– Но при всем том твой отец, Лусия, неплохой человек. Ты это знаешь, как никто. Он счастлив?

– Понятия не имею. Бренчит на своей гитаре, пьет...

– Пусть так! – оборвала Мария свою дочь на полуслове. – Хозе – это Хозе, его уже не переделаешь. Впрочем, как и никого из нас. К тому же какая-то часть меня всегда будет любить его.

Мария подавила вздох, и Лусия, глянув на мать, поняла, что та сказала правду.

– Во всяком случае, постарайся не возненавидеть его, доченька, – умоляюще обратилась к ней Мария. – Он действительно хотел дать тебе шанс в жизни.

– Да, и получить свой! – возразила Лусия. – Но я постараюсь выполнить твою просьбу. Только ради тебя.

– У меня на обед свежий суп. Пообедаешь с нами?

– С удовольствием, мамочка.

Лусия с аппетитом вылебала целую миску супа и попросила добавку, громко объявив, что ничего вкуснее она не ела за последние

одиннадцать лет, с тех самых пор как в последний раз трапезничала на этой же самой кухне. Мария вся светилась от счастья, глядя на Пепе и Лусию, сидящих рядом за столом. Все вместе обедают, как одна семья. Позже они обе вышли на улицу.

– Помнишь, как ты пыталась приобщить меня к плетению корзин, чтобы помочь тебе? – спросила Лусия у матери.

– Помню. Но тебя хватало буквально на пару минут, а потом ты всегда находила благовидный предлог и убегала прочь.

– Здесь так покойно, так красиво, – задумчиво обронила Лусия, разглядывая долину внизу. – Я уже и забыла о том, как у нас хорошо. Наверное, ребенком я просто не ценила всего того, что имела.

– Мы все, милая, одинаковы. Начинаем ценить что-то только тогда, когда теряем. С возрастом я поняла, что секрет счастья прост. Нужно научиться жить сегодняшним днем и уметь ему радоваться.

– Мне будет трудно этому научиться, мамочка. Я привыкла жить будущим!

– Мы с тобой разные, доченька. Ты всегда стремилась реализовать свой талант, строила всякие головокружительные планы. У меня же никогда такого не было. Все, чего я хотела в жизни, это иметь свой дом, свою семью, мужа. – Мария грустно улыбнулась. – Что ж по крайней мере два моих желания из трех исполнились.

– Мамочка, а ты еще танцуешь? Ведь ты же когда-то так хорошо танцевала.

– Иногда танцую, для собственного удовольствия. Но я уже старая. Я ведь уже бабушка с двумя внуками.

– Не говори ерунды! Тебе ведь лишь чуть больше сорока, мама. Многие исполнительницы фламенко в Барселоне продолжают выступать и в пятьдесят, и даже в шестьдесят лет. То есть ты счастлива, что осталась жить здесь? – задала Лусия прямой вопрос.

– Да, думаю, я счастлива.

Часом позже, когда Лусия слушала, как Пепе играет на гитаре, сидя в гостиной, которую, по словам матери, братья обустроили на месте старой конюшни, она вдруг услышала мужской голос.

– *Hola, mon amor*, я принес тут кое-что вкусенькое нам на десерт после ужина.

Лусия услышала, как мать шикнула на гостя. Лусия вошла в кухню и увидела Рамона, их соседа. Он стоял рядом с матерью,

полуобняв ее за плечи. При виде дочери Мария покраснела и тут же отступила от него прочь.

– *Hola*, сеньор, – сдержанно поприветствовала его Лусия. – Как поживаете?

– Спасибо, все хорошо, – ответил Рамон деревянным голосом, тоже изрядно смутившись. Глядя на эту смущенную парочку, Лусия испытала произвольное желание весело рассмеяться.

– Как поживают ваши дочери, Рамон?

– О, у них все хорошо. Очень хорошо.

– Две девочки уже замужем, а всего лишь неделю тому назад мы отпраздновали помолвку Магдалены. Правда, Рамон? – подбодрила соседа Мария.

– Да, отпраздновали, – поспешно подтвердил Рамон, кивнув в знак согласия.

– А как ваши апельсины?

– С ними тоже все в порядке. Спасибо, Лусия.

– У Рамона сейчас есть своя небольшая апельсиновая рощица, – пояснила дочери Мария. – Его родители умерли один за другим, буквально в течение нескольких месяцев, а после их похорон Рамон обнаружил какое-то количество монет, припрятанных в печной трубе. Одному богу известно, как долго пролежали там эти деньги. И удивительно, что монеты вообще не расплавились за столько лет. Рамон думает, что это святая Дева Мария преподнесла ему такой чудный дар. Вот на эти самые деньги он и купил себе апельсиновую рощу.

– Да, именно так! – с готовностью подтвердил сосед, бросив испуганный взгляд на Лусию в ожидании ее ответной реакции.

– *Gracias*, Рамон, за то, что заботились о моей матери все эти годы, пока меня здесь не было. Уверена, вы стали ей надежным помощником и опорой. – Лусия ласково пожала руку Рамона.

– Мне это было совсем не трудно, сеньорита. Я помогал Марии с удовольствием, – улыбнулся в ответ Рамон, переведя дыхание.

Когда Рамон ушел к себе, Мария повернулась к дочери, старательно размахивая руками перед лицом, чтобы согнать краску смущения со своих щек.

– Что ты, должно быть, подумаешь обо мне сейчас?

– Мама, я уже давно поняла, как трудна жизнь. Ты нашла свое утешение там, где его тебе предложили. И поступила правильно. В этом нет ничего дурного.

– Я... Мы... то есть Рамон и я, мы сильно не распространяемся... о нашей дружбе. Поверь мне, доченька, я никогда не опущусь до того, чтобы опозорить твоего отца перед людьми.

– Мамочка, на Баррио-Чино я насмотрелась на всякое. Меня уже мало что может удивить или даже шокировать. И конечно, меньше всего – желание обрести хоть какое-то утешение в жизни.

– *Gracias*, Лусия. – Мария взяла дочь за обе руки и благодарно пожалала их. – Ты выросла замечательной девушкой.

– Мамочка, надеюсь, мне по наследству от тебя достался здравый смысл, а от отца я унаследовала страстную натуру. Вот такой компот у нас получился. А сейчас... – Она глянула, как солнце постепенно скатывается за башни Альгамбры, озаряя все вокруг последними всполохами уходящего дня. – А сейчас мне пора возвращаться в город. Поздно вечером мы отбываем в Кадис.

– Неужели ты не можешь задержаться и погостить у нас еще хотя бы пару деньков, голубка моя?

– Не могу, мамочка. Но теперь, когда мы снова встретились, обещаю, я буду чаще навещать тебя. Возможно, даже приеду к тебе на весь отпуск.

– Но только, пожалуйста, в следующий раз предупреди меня заранее. Чтобы я могла устроить дома застолье и познакомить тебя со всей нашей семьей. Двери моего дома всегда открыты, и я всегда дома.

– Мамочка, что сказать отцу... о его сыне?

– Если сможешь, постарайся пока ничего ему не говорить, ладно? Надеюсь, что когда-нибудь я смогу сказать ему об этом лично.

– Конечно, мамочка. Ты права. *Adios*, родная моя. – Лусия порывисто обняла мать, чувствуя подступившие к глазам слезы. Боясь расплакаться, она поспешно вышла из пещеры и, не оглядываясь, зашагала вниз по пыльной тропинке своего детства.

– У меня для тебя новость, – объявил Лусии Карселлес, когда они сидели вместе за столиком на улице в одном из его любимых баров на

Баррио-Чино. Лусия недоверчиво глянула на импресарио, который недавно организовал для них гастроль по провинции. Лицо его покраснелось от слишком большого количества выпитого бренди, толстый живот перевесился через туго затянутый ремень брюк.

– И что за новость такая?

Карселлес подлил им в стаканы еще немного бренди.

– Театр Фонтальба в Мадриде организует бенефис актрисы Люизиты Эстецо. Я вставил твой номер между двумя актами. Пришла пора тебе покорять своим талантом столицу.

Лусия, уже давно привыкшая к экстравагантным, но, по большей части, пустым обещаниям Карселлеса, который готов был пообещать горы золотые, лишь бы только подзадорить ее, недоверчиво уставилась на собеседника.

– Вы собираетесь взять меня в Мадрид?

– *Si*, Лусия. Ты идеально впишешься в программу представления. Сам великий Менике согласился аккомпанировать тебе. Что скажешь?

– *Dios mio!* – Лусия подскочила со своего стула и порывисто обняла Карселлеса, чуть не опрокинув при этом столик и расплескав спиртное. – Какая замечательная новость!

– Я рад, что она пришлась тебе, Лусия, по душе. Правда, это всего лишь на один вечер, и время твоего выступления ограничено в программе только пятью минутами, но это точно *твои пять минут*, и ты должна выложиться по полной и показать столичной публике, публике, которая хорошо во всем разбирается, все, на что ты способна.

– И я покажу! Обязательно покажу. Обещаю! *Gracias*, сеньор.

– Ты слышал, отец? – Лусия ворвалась в спальню отца. Он лежал на кровати, курил.

– Про Мадрид? Да, слышал. Само собой, платить они тебе не собираются. Это ты понимаешь, да?

– А причем здесь деньги? Я получу возможность выступить перед тысячами зрителей. Разве это не прекрасная новость?

– Слышал, что Менике собирается аккомпанировать тебе.

– Да. А потому тебе не нужно будет ехать вместе со мной. В поезде меня будет сопровождать Карселлес, а там обо мне позаботится Менике.

– Вот как раз это меня и беспокоит, – мрачно обронил Хозе, засовывая окурок в пивную бутылку, еще наполовину полную.

– Я уже большая девочка, папа. Не забывай, мне недавно исполнился двадцать один год. Да ты не успеешь и глазом моргнуть, как я вернусь назад.

Лусия пошла в свою комнату, решив не портить себе настроение из-за того, что отец явно не в восторге от предстоящей поездки в Мадрид. Она сбросила с себя платье-фламенко и улеглась на матрас голышом, раскинув руки и ноги в разные стороны. И принялась раздумывать над предложением Карселлеса. Постепенно в ее голове начала выкристаллизовываться сама идея предстоящего выступления.

– Да! – воскликнула она, подхватываясь с постели, и опрометью бросилась в тот угол, где были сложены все ее одежды. Стала перебирать их, уже точно зная, что именно она наденет, когда будет танцевать в Мадриде. Ведь ее танец, как и она сама, должны стать незабываемыми.

– Мадрид... – выдохнула она, найдя наконец ту самую вещь, которую искала. – И Менике!

* * *

– Ну, как ты? В порядке? – прошептал ей на ухо Менике, когда две недели спустя они вместе стояли в кулисах перед огромной сценой, вслушиваясь в громовые аплодисменты, которыми публика встретила выступление Эль Ботато: он исполнил свою знаменитую *farruca*, сопроводив ее многочисленными акробатическими трюками.

– *Si*, но я все же нервничаю, Менике. А раньше я никогда не нервничала перед своими выступлениями.

– Все к лучшему. Волнение вызовет прилив адреналина, что сделает твой танец еще более глубоким и ярким.

– Но меня же здесь никто не знает. – Лусия больно прикусила нижнюю губу. – Что, если меня сейчас освищут и с позором прогонят со сцены?

– Не переживай! После сегодняшнего выступления тебя узнают все. Выше голову. – Менике легонько подтолкнул ее к сцене. – Ступай.

Лусия выбежала на сцену под жидкие аплодисменты зрителей. Яркие огни ramпы слепили глаза. Лусии вдруг стало жарко, и все тело зачесалось под тяжелой накидкой, которая была на ней. Через пару

секунд на сцене появился Менике, которого встретили приветственными возгласами и гораздо более энергичными аплодисментами.

– Мамочка! – прошептала Лусия, став в начальную позу. – Сегодня я танцую для тебя.

Устроившись сбоку, Менике наблюдал за хрупкой фигуркой, приготовившейся к танцу посреди огромной сцены. Вот он тронул струны гитары, прозвучали первые аккорды. Менике увидел, как раздулись ноздри Лусии, как гордо вскинула она подбородок. И как только он начал задавать темп, она плавным движением сбросила с себя накидку и отшвырнула ее в сторону. Раздались удивленные возгласы. Перед публикой предстала маленькая хрупкая девушка, облаченная в черные брюки с завышенной талией и накрахмаленную белоснежную рубашку – типичный костюм для мужчин, танцующих фламенко. Волосы гладко зачесаны назад и собраны на затылке, аккуратный пробор посередине. Выразительные глаза, подведенные углем, смотрели на публику с откровенным вызовом.

Но начался танец. И уже спустя несколько секунд утихли недовольные возгласы в зале, а публика, почти полторы тысячи зрителей, тут же попала под фантастическое обаяние этой женщины-ребенка, волшебные ножки которой творили поистине чудеса, поспевая за бешеным ритмом гитары. Пожалуй, даже самые напрактикованные руки клакеров не сумели бы хлопать в такт стремительной музыке. А когда до зрителей наконец дошло, что Лусия исполняет ту же *farruca*, которую только что танцевал Эль Ботато, то есть фламенко для мужчин, то они попросту сошли с ума. В зале раздались восхищенные вопли, публика свистела и визжала от восторга при виде столь необычного по своей красоте действия. Менике был сам настолько захвачен происходящим, что, когда Лусия закружилась в очередном головокружительном вращении, наполняя все вокруг какой-то дьявольской энергетикой, он даже забыл пропеть очередной куплет своей песни.

«Какая чистота, – размышлял Менике. – Да, она есть истинное воплощение фламенко».

К этому моменту весь зал уже стоял на ногах. Все дружно хлопали в такт движениям Лусии, ножки которой продолжали неустанно отбивать такт. В какой-то момент Менике даже испугался,

что сейчас девушка просто рухнет на пол в изнеможении. Как этому худенькому, тщедушному тельцу удавалось так долго изыскивать в себе столько энергии, чтобы не сбавлять темп, оставалось для него загадкой.

– *Ole!* – прокричала Лусия в зал, в последний раз стукнула об пол ножкой и склонилась в низком поклоне.

Публика неистовствовала, снова и снова вызывая Лусию на поклоны. Менике тоже вышел на авансцену, чтобы получить свою порцию аплодисментов, и встал рядом с ней.

– Ты сделала это, *requena*, ты сделала это! – шептал он Лусии, снова и снова выводя ее на сцену.

– Правда? – спросила у него Лусия, когда они наконец ушли за кулисы, где уже тоже собралась толпа, желающая приветствовать ее.

– Твой дебют в Мадриде превзошел все ожидания. Он выше всяких похвал.

– А я ничего не помню.

Менике увидел, что у Лусии действительно несколько заторможенный взгляд, будто она во сне. Вот она безвольно оперлась о его руку. Он осторожно провел ее сквозь толпу в свою гримерку и, как только они вошли, плотно прикрыл за собой дверь.

– Все! Переведи дыхание, приди в себя! – Менике усадил Лусию в кресло и протянул ей стакан с изрядной порцией бренди.

– *Gracias*, – поблагодарила его Лусия и залпом осушила стакан до дна. – Я ведь никогда не помню, как я танцую. Сегодня было хорошо?

Менике понял, что Лусия не лукавит и не ждет от него комплиментов. Вопрос ее был бесхитростным и чистосердечным в своей наивности.

– Это было не просто хорошо, Лусия. Ты... ты сотворила самое настоящее чудо! – Он вскинул руку, салютуя ей.

Раздался громкий стук в дверь. Из коридора долетали возбужденные голоса собравшихся.

– Готова ли Ла Кандела принять обожающих ее зрителей?

– Готова, – откликнулась Лусия.

Она поднялась с кресла, подошла к зеркалу и, взяв салфетку, стала вытирать пот со своего лица.

– Но прежде, чем ты...

Менике заключил Лусию в свои объятия и поцеловал ее.

– Ты хочешь сказать, что папа приезжает сегодня в Мадрид? – Лусия уселась на постели рядом с Менике в его комфортабельной спальне. Разговор этот случился спустя несколько дней после ее триумфального дебюта. – Но ведь он должен был приехать только на следующей неделе! Мне и без него в Мадриде живется просто замечательно.

– Лусия, отец выстраивал твою артистическую карьеру с самого раннего детства. Почему же ты отказываешь ему хотя бы в одной минуте славы? К тому же он – твой гитарист. И, как никто другой, знает, как нужно тебе аккомпанировать.

– Нет! – Лусия схватила пальцы Менике и поцеловала их. – *Вот эти пальцы* знают еще лучше. И они умеют играть не только на гитаре...

Менике почувствовал приятное волнение в крови, когда Лусия, лежа рядом с ним нагишом, сладко потянулась всем телом.

– Согласен, дорогая. Но, как ты знаешь, у меня в ближайшие два месяца контракты на выступления по всей стране.

– Ну, так и расторгни их! – отрезала она, а ее рука между тем шаловливо залезла под простыню. – Я хочу, чтобы ты играл для меня в «Колизее».

– Подожди! – Менике схватил Лусию за оба локтя. – Ты у нас, конечно, восходящая звезда, кто бы с этим спорил. Но пока ты еще не дива в полном смысле этого слова. А потому не начинай вести себя так, будто ты уже примадонна. Отец привезет с собой всю вашу маленькую труппу. Всегда и во всех отношениях лучше иметь собственных гитаристов и певцов, которые могли бы в случае чего поддержать тебя на концертах. Ведь это люди, которых ты хорошо знаешь, кому доверяешь... А не просто какие-то случайные исполнители, которых приставят к тебе в приказном порядке.

– А я уже решила, что наконец-то освободилась от отца. Без него мне было так хорошо, – пожаловалась Луиза. – Тем более рядом с тобой... Наконец-то я почувствовала себя настоящей взрослой женщиной. А папа все эти годы обращался со мной как с ребенком.

– Ты действительно стала настоящей женщиной, Лусия. – Менике стал ласкать рукой ее грудь, но на сей раз уже она оттолкнула его от

себя.

– Если папа приедет, я все равно останусь жить здесь?

– Пока я в Мадриде, можешь и дальше жить у меня. Однако сейчас ты уже стала зарабатывать хорошие деньги по тому контракту, который заключила на выступления в «Колизее». Поэтому, думаю, вполне можешь снять себе приличные апартаменты, в которых поселятся и другие артисты из вашей труппы. – Менике слез с кровати и стал одеваться.

– То есть ты больше не хочешь, чтобы я жила у тебя?

– Хочу. Но повторяю еще раз, я не могу постоянно быть рядом с тобой.

– То есть для тебя твоя карьера важнее меня, да?

– Моя карьера для меня важна *так же, как и твоя карьера* для тебя, – пристыдил ее Менике. – А сейчас, прости, но я должен идти. У меня встреча по поводу новых записей. Увидимся позже.

Лусия молча откинулась на подушки. Она была в полнейшем бешенстве от того, что все ее планы так неожиданно спутал любовник на пару с ее отцом. После триумфального дебюта на сцене театра Фонталба Лусия впервые почувствовала вкус настоящей свободы, а потому сейчас не собиралась сдаваться так просто. Она еще поборется за право быть собой. Особенно с учетом тех новых радостей, которые она нашла в спальне Менике.

– Я люблю его! – прокричала она громко в пустой квартире и стукнула кулаком по матрасу. – Но почему же он бросает меня здесь одну?

Она сползла с кровати, взяла свои сигареты и, усевшись на подоконник, закурила. Внизу под окнами простиралась широкая улица, окаймленная с двух сторон деревьями. На улице было полно людей и машин. Но сюда, на четвертый этаж, городской шум проникал лишь тогда, когда открывалось окно. И Лусия его открыла, выпустив тоненькую струйку табачного дыма в утреннее небо, уже залитое солнцем.

– Мне здесь нравится! – прокричала она, обращаясь к улице. – И я не хочу отсюда уезжать! И как только Менике посмел предложить мне поискать другое место жительства?

Выбросив окурок за окно, Лусия прошла голышом по квартире и направилась на кухню, чтобы сварить себе крепкий кофе. Комнаты в

квартире Менике чем-то напоминали его самого: такие же небольшие, везде царил безупречный порядок, все лежало на своих местах.

– Он даже умеет готовить! – пробормотала Лусия, снимая чашку с полки. – Я хочу его!

С чашкой кофе Лусия вернулась в гостиную и свернулась калачиком в кресле, приготовившись пить свой кофе и попутно разглядывая гитары, выстроенные в ряд вдоль одной из стен комнаты. Конечно, Менике сильно отличается от других мужчин-цыган, которых она знает. Что и понятно. У него мать *рауо*, то есть не цыганка, он вырос в Памплоне, на самом севере Испании. Его семья жила в доме, в собственном доме! – подумать только... А сам он рос и вырос среди испанцев. Иногда Лусия казалась самой себе диким необузданным зверем в сравнении с его спокойным и рассудительным нравом. В отличие от нее Менике не видел во всех этих *рауос* врагов, как ее учили с самого детства. Просто эти люди не цыгане, у них другое воспитание.

– А я, Лусия, впитал в себя обе культуры, и испанскую, и цыганскую, – повторял он ей не раз. – И потом, не забывай, именно испанская публика обеспечит нам тот успех, которого мы с тобой так жаждем, – сказал он ей как-то вечером, когда она принялась насмехаться над ним за то, что он читает испанскую газету. – У испанцев все – и власть, и деньги.

– Эти *рауос* убили моего брата! – крикнула ему в ответ Лусия. – Я им никогда не прощу этого!

– Цыгане тоже убивают цыган, как и испанцы убивают друг друга, и что с того? – слегка пожал плечами Менике. – Мне очень жаль твоего брата, поверь мне. Но случилась трагедия. А злость и предрассудки не приведут ни к чему хорошему в этой жизни, Лусия. Ты должна уметь прощать, как учит нас Библия.

– А, так ты еще и священник по совместительству, да?! – с яростью набросилась она на него. – Советуешь мне читать Библию? Пытаешься поучать меня? Ты же прекрасно знаешь, что я не умею читать.

– Я научу тебя.

– Мне это без надобности! – Она сбросила с плеч его руку, которая обняла ее. – Мне нужны только мое тело и моя душа.

Однако в глубине души Лусия понимала, что Менике прав. Толпы зрителей, которые заранее покупали билеты на ее выступления, все эти люди ведь не были цыганами. Это испанцы выплачивали ей те большие деньги, которые она сейчас получала каждую неделю.

Лусия поднялась со своего места.

– Он обращается со мной точно так же, как и мой отец! – крикнула она, обращаясь к гитарам. – Будто я маленькая глупая цыганка, которая ничего не понимает. И тем не менее каждую ночь он как минимум трижды удовлетворяет со мной свою похоть. Мама права. Все мужчины одинаковы. Ну, я покажу ему!

Она подняла ногу и пнула первую гитару, стоявшую в шеренге. Жалобно звякнули струны, и гитара тут же повалилась на бок. Потом Лусия глянула на безукоризненно ровные ряды книг, выстроившиеся на книжных полках, и решительным движением руки смела их на пол. После чего вернулась в спальню и впервые за много дней надела на себя платье фламенко, которое когда-то Менике с таким нетерпением срывал с ее тела. Подхватила в руки туфли и направилась к дверям. Открыла их и была такова.

* * *

Вернувшись к себе, Менике застал в доме полнейший разгром. Он тяжело вздохнул, обозрев кавардак, царящий в квартире, и поехал в театр «Колизей», где у Лусии была назначена репетиция на вторую половину дня.

В театре он встретил Хозе. Тот нервно курил, стоя возле дверей, ведущих на сцену. Там уже собралась вся его труппа.

– Лусия приехала? – поинтересовался Менике у Хозе.

– Нет. Я думал, она с тобой, – ответил тот. – Здесь ее никто не видел.

– *Mierda!* – тихо выругался Менике. – Утром я оставил ее у себя в квартире... Куда же она подевалась?

– Тебе лучше знать, – ответил Хозе, с трудом сдерживая себя. – Предполагалось, что ты станешь присматривать за ней.

– Вам, сеньор, не хуже моего известно, что за вашей дочерью, в принципе, невозможно «присматривать», особенно, если она впадает в

ярость.

– Ведь у нее же концерты на следующей неделе! Вот мы и явились сюда на репетицию! И после стольких усилий и трудов, неужели она упустит свой счастливый случай?

Менике лихорадочно перебирал в уме все последствия выходки Лусии.

– Ступайте за мной, – бросил он Хозе. – Думаю, я знаю, где она сейчас может быть.

Спустя полчаса они прибыли на площадь де Олавиде, сосредоточие всевозможных баров и кафе. Лусию они обнаружили в центре площади в окружении толпы народа, собравшейся поглазеть на ее танец. Ей аккомпанировали каких-то два случайных гитариста. Менике с трудом протиснулся сквозь толпу. До его слуха долетел звон монет, которые швыряли зрители на землю рядом с ней. Он стоял, молча скрестив руки на груди, наблюдая за тем, как она танцует. Когда Лусия окончила свое выступление, раздались дружные аплодисменты, и они с Хозе тоже с готовностью присоединились к ним.

Потом Лусия принялась собирать монетки с земли, давая понять собравшимся, что представление окончено.

– *Hola*, Лусия, – поздоровался с ней Менике, подходя ближе. – Что ты здесь делаешь?

Лусия закончила собирать деньги, выпрямилась и посмотрела на него с вызовом.

– Я проголодалась. А денег на обед у меня не было. Вот я и пришла сюда, чтобы немного заработать. А сейчас, если ты не против, идем обедать.

* * *

Несмотря на нежелание Лусии видеть отца в Мадриде, встрече с другими членами его группы она искренне обрадовалась.

– Чилли, ты привез мне свой тонизирующий напиток? – спросила она у приятеля, намеренно игнорируя присутствие его жены Розальбы, стоявшей рядом с ним.

– Глядя на тебя, Лусия, могу сказать, что столичная жизнь пошла тебе на пользу, – улыбнулся в ответ Чилли. – Ты счастлива?

– Я никогда не чувствую себя вполне счастливой, хотя, да! Жизнь в Мадриде имеет свои преимущества, – согласилась с ним Лусия.

В течение нескольких следующих дней артисты труппы Хозе нашли себе подходящее жилье в городе, а Хозе даже начал прослушивание: желая увеличить состав своей труппы, он пригласил несколько гитаристов, певцов и танцоров со стороны. Спустя пару-тройку длинных вечеров, в течение которых длился отбор, труппа наконец пополнилась новыми членами.

Гитарист по имени Себастьян охотно угощал всех выпивкой и сигаретами, хотя очень скоро выяснилось, что его пальцы не только искусно перебирают струны гитары, но так же ловко чистят карманы всех этих *рауос*. Он клятвенно заверил Хозе, что никогда больше, но странным образом, вопреки всем обещаниям и заверениям, в его карманах всегда водились свободные песеты, которыми он, впрочем, щедро делился с остальными своими коллегами.

Брат Себастьяна Марио по кличке «Тигр», гибкий, мускулистый, каждый свой танец исполнял так, будто он тореадор, вышедший на арену, чтобы победить быка. Он единственный из всех танцоров мог посоперничать с Люсией неистовой энергией, бьющей из него ключом. Две молоденькие девушки, исполнявшие фламенко, были отобраны самой Лусией не в последнюю очередь потому, что их танец был зауряден и не мог соперничать с ее исполнением.

– Итак, дочка, – обронил Хозе, поднимая стакан с выпивкой после того, как была завершена их первая генеральная репетиция в сопровождении оркестра, – завтра труппа Альбейсин дебютирует в стенах «Колизея».

– И я вместе с вами, – прошептала в ответ Лусия, чокаясь с отцом.

* * *

В течение последующих нескольких месяцев слава Лусии росла и крепла. В билетные кассы театра «Колизей» выстраивались длинные очереди. Всем хотелось увидеть молодую очаровательную цыганку, которая танцевала в мужском костюме.

Наконец-то Лусия Амайя Альбейсин стала звездой.

Хотя в столице ей не хватало моря и того свободолобивого духа Барселоны, который как нельзя лучше подходил ее взрывному цыганскому темпераменту, Мадрид Лусии нравился. Она влюбилась в его величественные белокаменные дворцы, в широкие улицы и проспекты. В самом воздухе этого города постоянно витали напряжение и страсть: бесконечные ежедневные баталии различных политических партий, каждая из которых добивалась поддержки у своих избирателей. Борьба еще более обострилась после того, как в ноябре республиканцы одержали победу на всеобщих выборах. Хотя Менике не раз пытался объяснить своей возлюбленной, из-за чего так разоряются все эти мужчины, крича друг на друга, Лусия лишь смеялась в ответ, закрывая ему рот поцелуем. Дескать, хватит с меня этих пустых разговоров.

– Я уже устала наблюдать за тем, как все эти *rajos* воюют друг с другом, – говорила она ему. – Пойдем лучше на корриду, посмотрим, как испанец управляется с быком!

– Да у вас тут самый настоящий свинарник! – объявил ей прямо с порога Менике, когда впервые побывал у них на квартире, в которой разместились вся труппа. Горы невымытой посуды громоздились в раковине, кости от сардин и остатки другой еды были свалены в кучу. Грязная одежда валялась на том же самом месте, где Лусия бросила ее несколько дней тому назад.

– И пусть себе! Это мой свинарник, и мне здесь хорошо, – тут же возразила ему Лусия, пока он целовал ее.

Порой Менике чувствовал себя таким дрессировщиком, пытающимся обуздать дикого зверя. Зато бывали моменты, когда ему хотелось защитить хрупкую маленькую девочку, в которую легко могла превратиться Лусия. Но в какой ипостаси она бы ни представала перед ним, Менике был очарован и по-настоящему увлечен этой юной женщиной.

Проблема была в том, что ею был очарован не только он один, но и весь Мадрид. Сейчас, когда они появлялись в городе вместе, в центре внимания все чаще оказывался не Менике, прославленный гитарист и певец, а именно Лусия, пообщаться с которой жаждали все, кто ее видел.

– Ну, и каково это – чувствовать себя самой известной танцовщицей-цыганкой во всей Испании? – поинтересовался он как-то

раз у своей возлюбленной, когда они лежали в кровати в его спальне.

– Я всегда хотела известности, – ответила она неожиданно безразличным тоном, закуривая очередную сигарету. – И я так долго ждала этого признания.

– Некоторые ждут всю жизнь, Лусия, но признание так и не приходит к ним.

– Я заработала свою славу! – сказала, как отрезала, Лусия. – И сполна отработала каждую ее секунду.

– Значит, сейчас ты счастлива?

– Конечно нет! – Она прижалась головой к его плечу, и он уловил легкий аромат масла, которым она обычно умащает свои волосы. – Аргентинита покорила весь мир! А я пока только одну Испанию. Впереди у меня еще много работы.

– Уверен, ты со всем справишься, дорогая, – вздохнул Менике.

– Я говорила тебе, что меня пригласили сняться в одном фильме? Какой-то испанский кинорежиссер, кажется, его зовут Луис Бунюэль. Говорят, он хороший режиссер. Как думаешь, мне стоит принять его предложение?

– Конечно! Что за вопрос! Ведь тогда твой талант будет запечатлен навсегда! Даже после твоей смерти люди смогут наслаждаться тем, как ты танцуешь.

– Я никогда не умру! – тут же возразила Лусия. – Я буду жить вечно! А сейчас, дорогой, нам пора вставать и одеваться. Нас пригласили на обед новые друзья-испанцы в один из своих дорогих ресторанов. Я у них там почетный гость! Представляешь?

– Я могу представить тебя, Лусия, в любом качестве. Честное слово! – пошутил Менике, когда Лусия принялась стаскивать его с кровати.

Мадрид

Июль 1936 года, два года спустя

24

– Что случилось? – Лусия закурила и откинулась на подушки. Солнечный свет потоками вливался в окно ее спальни.

– В Марокко переворот, – отозвался Менике, не отрываясь от чтения газеты. – Ходят разговоры, что и здесь очень скоро начнутся беспорядки. Может, лучше все же уехать из Испании, пока еще есть такая возможность?

– Какие беспорядки? Против чего бунтуют все эти люди? – нахмурилась Лусия.

Менике подавил тяжелый вздох. Он уже сто раз пытался объяснить Лусии весь драматизм ситуации в нынешней Испании, но ее совершенно не интересовала политика, и она ничего не смыслила в том, что творится в современном мире. Ее дни были заполнены танцами и сигаретами, она с упоением занималась любовью и уплетала свои любимые сардины. Вот именно в таком порядке располагались самые важные приоритеты в ее жизни.

– Франко хочет захватить власть в стране с помощью армии, – в сто первый раз стал он терпеливо объяснять подруге суть происходящего. – Он мечтает построить в Испании государство фашистского толка. Такое, какое создали у себя в Германии нацисты.

– Боже, как же мне надоела вся эта твоя политика, Менике! Нам-то что за дело до их планов? – Она сладко зевнула и потянулась на постели, потом легонько ударила кулачком в лицо возлюбленного.

– Зато *мне есть дело*, дорогая. Да и тебе тоже стоит озаботиться. Ведь случись переворот, и это сразу же коснется того, чем мы занимаемся. Может, уже прямо сейчас податься в Португалию? Ведь у тебя же там вскоре запланированы гастроли. Боюсь, что основная борьба развернется именно в Мадриде, и столица наверняка превратится в главный центр противостояния. И тогда насилия уже точно не избежать.

– Я не могу ехать в Португалию прямо сейчас. У меня еще выступления в «Колизее». Люди штурмуют кассы в надежде заполучить билеты. Я не могу подводить своих зрителей.

– Хорошо! Согласен! Но мы уедем сразу же по завершении твоих представлений, если, конечно, к тому времени ничего не изменится. Остается лишь надеяться, что мы успеем унести отсюда ноги, пока не будет слишком поздно, – обронил Менике, поднимаясь с кровати.

– Меня никто не посмеет тронуть или тем более причинить мне вред. Меня обожают вся Испания, – крикнула ему вслед Лусия. – Может, они *меня даже коронуют*. Сделают своей королевой!

Менике только слегка поморщился, обнаружив свои брюки и рубашку в куче хлама, валявшегося посреди комнаты. К сожалению, насчет славы Лусии с ней не поспоришь. Она имела не только оглушительный успех в Мадриде, но после выхода на экраны самого дорогого испанского кинофильма, снятого Бунюэлем, упрочила свой статус уже и в качестве звезды общенационального масштаба. Ее имя было известно в каждом испанском доме.

– Возвращаюсь к себе. Мне нужны покой и тишина, – пошутил он, целуя ее. – Увидимся позже.

Менике вышел из комнаты Лусии в общий коридор и побрел к выходу. По пути зацепился за чашку со вчерашним кофе, которую Лусия оставила прямо на полу посреди коридора.

– Безобразие! – пробормотал он раздраженно, извлекая из кармана чистый носовой платок, чтобы промокнуть разлившуюся по полу жидкость.

Вселенский хаос царил не только в комнате самой Лусии, но и во всей квартире, где постоянно толклись какие-то люди, что ни день новые: друзья, родственники, просто случайные знакомые, которые вечно отирались вокруг нее. Вполне возможно, для Лусии это была привычная среда: она ведь выросла в большей семье в Сакромонте, долгие годы прожила в тесном общежитии с другими обитателями Баррио-Чино в Барселоне. По всей вероятности, ей просто было жизненно необходимо, чтобы вокруг нее вечно толпились люди.

– Боюсь оставаться одна, – как-то раз призналась она ему в порыве откровенности. – Меня пугает тишина.

Зато тишина никак не пугала Менике. Более того, за последние два с половиной года, что длились его отношения с Лусией, он

научился буквально наслаждаться этими редкими мгновениями полной тишины и покоя.

Переступив порог своей тихой квартиры, он тут же издал облегченный вздох и уже, наверное, в сотый раз подумал о том, что же, в конце концов, уготовано им с Лусией в будущем. Не вызывало сомнения, что вся Испания, не говоря уже о самой Лусии, с нетерпением ожидают того момента, когда он наконец поведет ее к венцу. Однако для самого Менике сей вопрос все еще оставался открытым. Несколько раз они с Лусией даже расходились в разные стороны после того, как она в очередной раз закатывала ему скандал по поводу его нежелания делать ей предложение. И всякий раз он с легкой душой уходил от нее, искренне радуясь тому, что благополучно соскочил с этих американских горок, в которые превратились его отношения с Лусией и все, что связано с ее карьерой и ее безумным образом жизни.

– Она несносна! – повторял он себе в такие минуты. – С ней не совладает и святой!

Но вот проходило несколько часов в тишине и покое, он успокаивался, приходил в себя и снова начинал скучать по Лусии и желать ее всеми фибрами своей души. А кончалось все тем, что он чуть ли не на коленях приползал к ней и слезно вымаливал у нее прощение.

– Да, обещаю, я куплю тебе обручальное кольцо, – клялся он в такие минуты, а Лусия в ответ только пожирала его горящими глазами, и они тут же набрасывались друг на друга, с ненасытной жадностью занимались любовью, оба испытывая страшное облегчение от того, что их временная разлука наконец подошла к своему концу. Между ними снова воцарялись мир и гармония, и так продолжалось до тех пор, пока терпение Лусии не иссякало, и тогда она закатывала очередной скандал. И все начиналось сначала...

Менике и сам не понимал, почему он никак не может решиться на этот последний и самый важный шаг в своей жизни. Загадкой для него оставалось и другое: в глубине души он знал, что никогда не бросит Лусию. Почему его так тянет к ней, недоумевал он порой. Чисто сексуальное влечение? Или виной всему несравненный талант Лусии, который он имел возможность лицезреть воочию во время ее выступлений? Неужели это талант действует так возбуждающе, как

сильнейший афродизиак, разжигая в крови сладострастие? Да *она сама была* этим самым возбудителем, что тут говорить, размышлял Менике. *Она просто... Лусия*, и этим все сказано. Порой ему казалось, что они с Лусией попали в какую-то ловушку, которую подстроила им судьба, и теперь обречены вечно танцевать свой пасодобль на пару друг с другом.

– Это совсем не любовь, а какое-то наваждение сродни наркомании, – бормотал про себя Менике, пытаюсь сконцентрироваться на той мелодии, которую сейчас сочинял. Но внимание постоянно рассеивалось, и это, по его мнению, было еще одной проблемой в его взаимоотношениях с Лусией. Ибо, работая с ней целыми днями напролет, он практически не имел времени для того, чтобы заниматься собственным творчеством, не говоря уже о самостоятельной карьере исполнителя. Так, когда ее пригласили на гастроли в Лиссабон, она даже не соизволила поинтересоваться у него, а хочет ли он ехать туда вместе с ней, ибо уже изначально все решила: он поедет, и на этом точка.

– Возможно, мне лучше остаться и никуда не ездить, – промолвил он, обращаясь к своей гитаре. – Пусть отправляется в Потругалию одна.

Потом глянул в окно и увидел пугающее зрелище: прямо по улице перед его домом маршируют вооруженные солдаты. Опасно расставаться в такой момент, когда Испания, судя по всему, уже на пороге гражданской войны. А Лусия продолжает жить в своем мире фламенко, и вся эта шушера, которая крутится вокруг нее, все эти музыканты и танцоры так же, как и она сама, мало что смыслят в том, что творится в реальном мире. Все они вполне могут окончить свои дни в тюрьме, а то и вовсе рискуют быть расстрелянными за одно неверно сказанное слово.

Но разве это *его проблема*? Или он сам постарался сделать ее своей проблемой?

Менике зевнул. Вчера они вернулись с вечеринки, устроенной по поводу успешного завершения ее шоу, под самое утро. Он осторожно положил гитару на стол, потом вытянулся на кушетке и закрыл глаза. Однако, несмотря на усталость, сон не шел. Мрачные предчувствия терзали душу.

– Что там за шум на улице? – поинтересовалась у него Лусия, когда на следующий вечер он зашел в ее примерную в театре «Колизей».

– Это работает тяжелая артиллерия, Лусия. – Менике прислушался к грохоту, долетавшему извне, и почувствовал, как страх сковал сердце. – Боюсь, волнения уже начались.

– Театр все еще пуст, хотя уже пора начинать представление. А мне сказали, что на мое сегодняшнее выступление все билеты проданы.

– На улицах сейчас очень небезопасно, Лусия. А потому многие люди благоразумно решили остаться дома. А те, кто все же рискнул и пришел в театр, уже поспешили уйти обратно. Надо решать, что делать. Возможно, стоит отменить представление и тоже поторопиться домой, пока туда еще можно добраться. В конце концов, это наше последнее представление на сцене «Колизей», а с учетом того, что завтра мы отправляемся на гастроли в Лиссабон...

– За всю свою жизнь я еще ни разу не отменила ни одного своего выступления. И сегодня тоже не отменю! Я буду танцевать, даже если в зале останутся одни уборщицы. – Лусия поднялась со стула уже в полном сценическом гриме: лицо ее светилось изнутри каким-то необычным светом. – Никакие *rayos* из числа военных не помешают мне танцевать! – воскликнула она с вызовом.

В этот момент где-то неподалеку прогремел мощнейший взрыв, от которого содрогнулись даже массивные стены театра. С потолка на иссиня-черные волосы Лусии посыпалась побелка. Она в испуге схватила Менике за руку.

– *Ay, Dios mio!* Что там творится?

– Полагаю, националисты хотят взять штурмом центр города. А неподалеку от театра расквартирован военный гарнизон... Послушай, Лусия! Все же нам лучше уйти отсюда прямо сейчас. И надо как можно скорее прорываться в Лиссабон.

В примерку начали заглядывать другие члены их труппы, у всех на лицах читался откровенный ужас.

– Возможно, уходить уже поздно, Менике, – сказал Хозе, расслышав его последние слова. – Я тут попробовал высунуть нос на

улицу: нигде ни единой души. В городе полнейший хаос! – Хозе суеверно перекрестился.

К Лусии подбежал взволнованный Чилли и схватил ее за руку. Лицо его было искажено страхом.

– Лусия, Розальба сегодня осталась дома одна. Ты же знаешь, она снова подвернула лодыжку! Я должен немедленно бежать к ней. Представляю, в какой она сейчас опасности!

– Ты куда? – схватил его за руку Себастьян, пытаясь образумить Чилли. – Сейчас нельзя выходить на улицу! А твоя Розальба – разумная женщина, побудет в квартире одна, и ничего с ней не случится. Ты же оставайся здесь. Пойдешь к ней утром.

– Нет, я должен бежать к ней прямо сейчас! А вы берегите себя. Даст бог, свидимся еще в этой жизни. – Чилли порывисто расцеловал Лусию в обе щеки и опрометью выбежал из гримерной.

Остальные члены труппы растерянно переминались с ноги на ногу. Внезапный порыв Чилли, видно, вызвал у всех шок.

Менике слегка откашлялся.

– Нам тоже следует поискать укрытие. Кто знает, есть ли в этом театре подвал?

В этот момент на пороге гримерной показалась женщина с метлой в руках. Лицо ее было напряжено. Менике повернулся к ней.

– Быть может, вы, сеньора, сумеете помочь нам?

– *Si*, сеньор. Я покажу вам вход в подвал. Мы все можем там укрыться.

– Именно! – воскликнул Менике, и в этот момент совсем близко раздалась автоматная очередь, повергшая всех присутствующих в еще больший ужас. – Каждый из вас, – обратился Менике к артистам, – сейчас быстро возьмет с собой самое необходимое. После чего мы готовы следовать за вами, сеньора.

Артисты торопливо собрали свои пожитки, и все двинулись вслед за уборщицей к дверям, ведущим в подвал. В коридоре женщина остановилась возле одного из шкафов, достала оттуда две коробки со свечами и несколько коробок спичек.

– Все в сборе? – спросил Менике, глядя в темноту.

– А где папа? – крикнула Лусия, в смятении пытаясь найти глазами отца.

– Я здесь, милая, – раздался голос со ступенек, ведущих из зрительного зала. Хозе нес в руках целую охапку бутылок. – Вот заскочил по пути в бар, разжился кое-какими припасами.

– Поторопись! – скомандовал ему Менике. Еще один сильнейший взрыв сотряс стены театра. Огни в коридоре стали мигать, а потом и вовсе погасли. Тут же зажгли свечи и раздали их каждому.

– Начинаем наш спуск в ад, – невесело пошутил Хозе, приложившись к бутылке, когда они стали спускаться по ступенькам.

– Как может тут царить такая зверская холодина, когда наверху так тепло? – спросила Лусия, не обращаясь ни к кому конкретно, пока все поудобнее обустроивались в сыром подвале.

– По крайней мере, здесь мы в безопасности, – сказал Менике.

– А как же Чилли? – взволнованно спросил Тигр, нервно расхаживая по помещению, все еще не в силах успокоиться. – Вот вышел на улицу и, вполне возможно, обрек себя на верную смерть!

– Чилли – провидец, – возразила Хуана. – Его шестое чувство поможет ему остаться в живых.

– Ау, возможно. Но что будет с нами? Если это здание рухнет, оно погребет нас заживо под своими обломками! – взвыл Себастьян.

– Да и бренди для всех маловато, – добавил Хозе, брэнча бутылками и раскладывая их на полу.

– Похоже, к тому и идет, – мрачно покачал головой Тигр. – Сдохнем здесь, и никто про нас не вспомнит.

– *Никогда!* – выкрикнула Лусия, ее всю трясло, то ли от страха, то ли от холода. – Меня никогда не забудут.

– Возьмите, сеньорита. Вам надо согреться. – Уборщица сняла с себя холщовый передник и набросила его, как шаль, на обнаженные плечи Лусии.

– *Gracias*, сеньора, – поблагодарила ее Лусия. – Но я знаю способ лучше...

Остаток ее фразы накрыл новый взрыв, который, судя по всему, раздался прямо у них над головами.

– *Senores y senoras!* – прокричала Лусия так, чтобы ее услышали все, и вскинула руки над головой. – Пока эти глупые испанцы будут взрывать свой прекрасный город, мы, цыгане, будем танцевать!

Пожалуй, из всех воспоминаний о Лусии, которые сохранились в его памяти, наиболее живо Менике помнил те часы, которые они все вместе провели в подвале театра «Колизей», спасаясь от обстрелов в самом начале гражданской войны, которая охватила всю Испанию.

Лусия заставила всех перепуганных до смерти артистов подняться с пола, мужчинам приказала играть на гитарах, а женщинам – танцевать. Пока националисты штурмовали армейский гарнизон, расположенный поблизости от театра, дюжина цыган всеми силами старалась заглушить шум от рвущихся снарядов, демонстрируя свое древнее искусство перед одним-единственным зрителем – уборщицей с метлой в руке.

В четыре утра наконец все стихло, и в городе наступила внезапная тишина. Члены труппы, утомившись от всех пережитых страхов, которые они, впрочем, исправно глушили спиртным, добытым Хозе в баре, и изрядно наплясавшись, тоже утомились и, попадав на пол, крепко уснули.

Первым проснулся Менике, чувствуя, как кружится у него голова – слишком много бренди выпито за минувшую ночь. Потребовалось какое-то время, прежде чем он сумел сориентироваться в кромешной тьме, царящей вокруг. Но вот он полностью пришел в себя, нащупал на полу свечки, которые вчера сложил себе под голову, прикрыв сверху пиджаком. Зажег одну свечу и увидел, что все еще крепко спят. Голова Лусии покоилась у него на плече. Он осторожно переложил ее голову на свой пиджак и, взяв в руки свечу, стал искать в потемках ступеньки, ведущие к дверям на выход. Ему потребовалось все мужество, чтобы распахнуть эту дверь, но он хорошо понимал, что если не сделает этого, то все они тут обречены быть похороненными заживо, под теми горами обломков, в которые, вполне возможно, превратилось здание театра.

К счастью, дверь отворилась без особых усилий. Менике поднялся в коридор и пошел в направлении гримерных. О ночных баталиях напоминали лишь куски штукатурки, отвалившиеся с потолков. Менике мысленно вознес благодарственную молитву и пошел дальше в сторону служебного входа в театр. Тихонько отворил дверь и выглянул на улицу.

В воздухе все еще витала густая пыль, не успевшая осесть на землю после многочисленных взрывов. Непривычная тишина обычно

бурлящего города, каким был Мадрид в любое время дня и ночи, резала слух. Менике глянул на здание, расположенное на противоположной стороне улицы. Все стены его были изрешечены пулями и гранатами, окна разбиты вдребезги. Вот оно, начало конца его любимой Испании, подумал он с грустью.

Потом снова вернулся в подвал, слегка пошатываясь от избытка впечатлений, глянул на мирно спящих товарищей.

– Пить хочу, – промолвила Лусия, не открывая глаз, когда он принялся осторожно будить ее. – Где мы?

– С нами все в порядке, дорогая. Мы живы, и это – главное. Пойду поднимусь в бар. Может, отыщу там немного воды.

– Не бросай меня! – Лусия прильнула к нему всем телом, больно вонзившись длинными ногтями в кожу.

– Тогда идем вместе. Поможешь мне.

Они вскарабкались по ступенькам в театр, освещая себе путь свечами, нашли пустой зрительный зал, а оттуда выбрались к бару.

Менике стал складывать бутылки с водой в коробки, а Лусия в это время догружала коробки шоколадками и шоколадными конфетами.

– Подумать только! И все это задаром! – воскликнула она, не скрывая радости и отправляя в рот очередную конфету, и это вопреки всем тем мрачным обстоятельствам, в которых они оказались.

– По-моему, ты сейчас зарабатываешь достаточно денег, чтобы купить себе горы шоколада. Или я не прав?

– Прав! Но это же совсем другое! – недовольно пожала она плечами в ответ.

В подвале уже проснулись и остальные члены труппы. Все строили догадки, на каком свете они встречают наступившее утро и что будет с Испанией.

– Нужно немедленно отправляться в Лиссабон, – безапелляционно заявила Лусия. – Вот только как туда добраться?

– Еще проблематичнее другое: как нам *получить документы* на выезд, чтобы мы могли пересечь границу? – задал встречный вопрос Менике.

– А как мне попасть к себе в квартиру, чтобы забрать деньги, которые я спрятал под одной из половиц? – с тяжким стоном спросил Хозе, обращаясь ко всем присутствующим.

В конце концов решили следующее: Менике и Хозе попытаются выйти на улицу и добраться до своих квартир, чтобы забрать оттуда самое необходимое. Все же члены труппы будут ждать их здесь, в относительной безопасности.

– Я пойду с тобой, – объявила Лусия отцу. – Я не могу приехать в Лиссабон без своего гардероба.

– У нас не найдется места для твоего гардероба, – резонно возразил ей Менике. – Нет, ты останешься здесь и будешь вести себя как положено. Уходим только мы с Хозе. Все ясно?

– Ясно, – хором откликнулись собравшиеся.

Кое-как Менике и Хозе выбрались на улицу. Глазам Хозе предстало все то, что Менике увидел еще рано утром.

– Что они натворили? – в ужасе вопрошал Хозе, пока они торопливо шагали по улице, изредка встречая таких же перепуганных прохожих, как и они сами. – А на какой мы стороне? – спросил он у Менике.

– На нашей собственной, Хозе. Только так. А сейчас расходимся по своим квартирам.

К счастью, они жили в относительной близости друг от друга, буквально через пару улиц. Хозе заторопился к себе, чтобы забрать все документы на труппу, свои песеты и пару платьев для Лусии. Менике тоже поспешил спасти свое имущество.

Он торопливо собрал все, что смог, и выглянул в окно. Улицы были по-прежнему пустынные. Поддавшись неожиданному порыву, он схватил ключи от своей машины и поехал на квартиру Чилли и Розальбы, в десяти минутах езды от его дома. Но не проехал он и трехсот метров, как впереди замаячил военный патруль. Менике охватило отчаяние при мысли о том, что он не сумеет лично удостовериться в том, что с его друзьями все в порядке, но тут он вспомнил, что в театре его ждет Лусия. Мгновенно сделал крутой разворот и покатил в сторону квартиры Хозе, моля бога лишь об одном: только бы проскочить туда без каких-либо препятствий. Когда он подъехал к дому, то увидел, что Хозе уже спускается по лестнице и волочит с собой все, что смог унести. Они быстро загрузили вещи на заднее сидение машины.

– Все самое ценное упрячь в одежду, – посоветовал ему Менике. – Так будет надежнее, особенно если нас остановят военные.

Хозе послушно сделал так, как посоветовал Менике. Вот только большой мешок с песетами поставил у своих ног на переднем сидении.

– При всем своем желании засунуть это в брюки я не смогу, – сказал он, озираясь по сторонам.

Они тронулись в путь, но проехали всего лишь несколько метров, как откуда-то сбоку им наперерез выехал армейский грузовик. Офицер, облаченный в военную форму, махнул рукой, и Менике тут же притормозил.

– *Buenos dias, compadre*. Куда держите путь? – поинтересовался офицер, потом прыгнул с грузовика и подошел к их машине.

– В театр, чтобы забрать оттуда свою семью, которая провела там всю ночь из-за тех беспорядков, что случились в городе, – ответил ему Менике.

Военный заглянул в салон автомобиля. От его острого взгляда не укрылся мешок с песетами у ног Хозе.

– Выходите из машины! Быстро!

Менике и Хозе послушно вышли из машины. Офицер навел на них пистолет.

– Ключи от машины! Ваша машина конфискована для нужд армии. А теперь проваливайте прочь!

– Но... Моя дочь – Лусия Альбейсин! – воскликнул Хозе. – Ей нужны наряды для сегодняшнего представления.

– Сегодня вечером не будет никаких представлений, – ответил военный. – В городе вводится комендантский час.

– Но машина... моя мать... Она стара, очень больна и...

Военный ткнул в грудь Хозе дуло своего пистолета.

– Заткнись, цыганское отродье! У меня нет времени на то, чтобы препираться с тобой. Убирайся, или я сейчас же пристрелю тебя.

– Пошли, Хозе, – обратился к нему Менике. – *Gracias, capitan, i viva la republica*.

Он схватил Хозе под руку и поволок его прочь от машины, не смея оглянуться назад до тех пор, пока они не свернули за угол. Только там Хозе опустился на колени и жалобно заплакал.

– Все, что у нас было! Все пошло прахом!

– Чепуха все это! Главное – мы пока живы.

– Двадцать тысяч песет, двадцать тысяч...

– Заработаешь снова свои песеты, может, в сто раз больше. А сейчас поспешим в театр. Надо обмозговать хорошенько, как станем выбираться из Испании.

Когда они снова очутились в подвальном помещении театра, их мгновенно окружили члены труппы. Хозе между тем продолжал безутешно рыдать, оплакивая свои деньги.

– Нужно было оставить их там, где они лежали, – причитал он жалобно. – Или положить в какой-нибудь банк...

– Да стоит ли переживать из-за этих денег? – рассудительно заметил Тигр. – Думаю, уже завтра все твои песеты превратятся в кучу хлама. И цена их будет не больше, чем цена песка на пляже.

Лусия схватила Менике за руку.

– Ты привез мои платья?

Тот лишь нахмурился в ответ.

– Нет. Зато я попытался прорваться к Чилли, чтобы узнать, как он там.

Лусия мгновенно спохватилась.

– Ты нашел его?

– Невозможно было подъехать к его квартире. На улицах полно солдат. Сейчас нам надо хорошенько подумать над тем, как мы станем выбираться из Испании. Будем надеяться, что Чилли подъедет в Лиссабон попозже.

– А поезда еще ходят? – спросила она у него.

– Даже если и ходят, у нас ведь нет денег, чтобы заплатить за билеты до Португалии.

– Наверняка в театре есть сейф. В каком-нибудь из служебных помещений, – подал голос Себастьян. – В кабинетах всегда стоят сейфы.

– А тебе откуда это известно, мил человек? – спросила у него Лусия, бросив подозрительный взгляд в его сторону.

– Да просто интуиция подсказывает, – ответил Себастьян с самым невинным выражением лица.

– И что нам из того, если мы найдем это сейф? Как нам его вскрыть?

– И снова, сеньорита, прошу вас, положитесь на мою интуицию. Думаю, она подскажет нам.

Себастьян подался наверх в сопровождении уборщицы. Женщину звали Фернанда и, по ее словам, она точно знала, где именно находится сейф. Пока они отсутствовали, остальные принялись обсуждать всевозможные варианты бегства из охваченной беспорядками столицы.

– А что будет с теми, кто останется здесь? – Лусия задумчиво покачала головой. – *Ау!* Наша страна сама разрушает себя. Что будет с мамой? С моими братьями и их семьями?

– Если нам удастся выбраться отсюда живыми, то, возможно, в будущем, мы сумеем вытащить и их.

Вскоре появилась Фернанда в сопровождении довольного Себастьяна. Он принес тяжелую пачку банкнот, а из карманов высыпал пригоршни монет.

– К сожалению, вчера утром они успели отвезти часть выручки в банк, но здесь по крайней мере нам должно хватить на билеты, – сказал Себастьян.

– Вопрос: где их купить, эти самые билеты? И как?

Фернанда что-то тихо пробормотала на ухо Лусии.

– Она говорит, что брат у нее работает водителем автобуса. И у него имеется при себе полный комплект ключей, потому что сегодня рано утром он должен был заступить на смену. А в такую рань он обычно на автобазе бывает один.

Все с надеждой уставились на Фернанду. Та кивком головы подтвердила слова Лусии.

– А где он живет? – спросил у нее Менике.

– Здесь, по соседству. Хотите, я сбегаю к нему и попрошу, чтобы он подогнал свой автобус прямо сюда?

– Боюсь, сеньора, сделать это будет не так просто, – тяжело вздохнул в ответ Менике. – В городе царит полнейший хаос. Вполне возможно, военные уже взяли под свой контроль и ту автобазу, на которой трудится ваш брат.

– Нет-нет, сеньор! Его автобус и сейчас стоит возле автобусной остановки прямо за углом.

– Тогда позвольте, сеньора, мне пойти вместе с вами. Я хочу спросить у вашего брата, готов ли он подвезти нас на своем автобусе до границы.

– Но за это он потребует плату, – ответила женщина, глянув на груды монет и на бумажные банкноты, валявшиеся на полу.

– Как вы сами видите, деньги у нас есть.

– Тогда пошли, – кивнула она. – Я отведу вас напрямиком к своему брату.

Менике и Фернанда ушли и буквально в течение получаса вернулись назад.

– Он согласен, – оповестил Менике своих товарищей. – Более того, он подгонит автобус прямо к служебному входу, чтобы забрать всех нас.

Послышались радостные восклицания, потом все бросились обнимать и целовать Фернанду.

– Кто-то свыше покровительствует нам, – улыбнулась Лусия, глянув на Менике.

– Пока да, но впереди нас еще ждет длинная дорога.

Фернанда подала им условный знак, когда автобус подъехал к служебному входу. Артисты быстро вскарабкались по ступенькам в салон автобуса. Но на смену радостному возбуждению, охватившему всех при мысли о том, что найден спасительный путь, пришли скорбь и отчаяние при виде того, во что превратилась их любимая столица всего лишь за одну ночь. Можно сказать, город уже перешел на осадное положение.

– А вы знаете дорогу, ведущую к границе? – спросил Менике у брата Фернанды, которого звали Бернардо.

– Можете не сомневаться в этом, сеньор. Я доставлю вас туда и с закрытыми глазами.

– Но если Бернардо живет тут рядом, то почему же его сестра не пошла к нему минувшей ночью? Почему осталась вместе с нами? – пробормотал Менике, усаживаясь рядом с Лусией.

– Возможно, ночь, когда начался обстрел Мадрида, оказалась самой веселой в жизни Фернанды, – улыбнулась в ответ Лусия.

Вскоре пассажиры автобуса притихли, молча наблюдая за тем, как Бернардо, представительный мужчина с длинной седой бородой и такими же седыми кудрями, выбивающимися из-под форменной шоферской фуражки, уверенно вел свой автобус вперед, ловко маневрируя среди гор щебня и мусора, глубоких воронок и рытвин, которые в изобилии появились на всех городских шоссе.

– Мадрид, такой элегантный и красивый город, поставила на колени кучка насильников, – мрачно покачал головой Менике. – Пусть

даже какая-то часть меня, та, которая симпатизирует социалистам, согласна с тем, что националисты должны быть побеждены, но разве можно было вообразить себе подобное безобразие?

– А что это такое – «социалисты»? – спросила у него Лусия. Она свернулась калачиком на своем сидении, положила голову на колени Менике и закрыла глаза. Сил не было смотреть на всю ту разруху, которая мелькала за окнами автобуса.

– О, дорогая, это чрезвычайно сложный вопрос. В любом случае в той войне, которую сейчас развязали, участвуют две стороны, – ответил Менике, ласково поглаживая ее волосы. – С одной стороны, это – социалисты, такие же люди, как мы с тобой. Они тоже много работают и хотят, чтобы в нашей стране все делалось по-честному. А им противостоят националисты, которые хотят вернуть в Испанию короля...

– А мне король понравился. Ты же знаешь, я однажды выступала перед ним.

– Знаю, дорогая, знаю. Так вот, националистов возглавляет человек по имени Франко. Он дружит и с Гитлером в Германии, и с Муссолини в Италии... Как мне рассказывали, Франко хочет контролировать все и вся: каким богам мы поклоняемся, как мы работаем, как живем.

– Ну, уж я-то никому не позволю командовать мною и указывать, что делать, – возмущенно прошептала Лусия.

– Боюсь, дорогая, что если этот человек по имени Франциско Франко возьмет контроль над армией, как он это уже сделал в Марокко, то даже ты не сумеешь совладать с ним, – вяло пошутил в ответ Менике и тяжело вздохнул. – А теперь постарайся уснуть.

В умелых руках Бернардо автобус двигался вперед, показывая чудеса скорости. Судя по всему, Бернардо действительно знал город как свои пять пальцев. Менике оставалось только гадать, какой ангел позаботился о них, послав на помощь этих брата и сестру. Ведь они и мечтать не могли о том, чтобы добраться до границы на таком удобном и во всех отношениях безобидном транспорте. Вскоре они миновали городскую черту и поехали уже по открытой автостраде. Бернардо сознательно объезжал стороной все небольшие городки и деревушки, встречавшиеся им на пути, стараясь на всякий случай держаться безлюдных мест – сельскохозяйственных угодий и лесных массивов.

Уже вечерело, когда они наконец въехали в небольшой пограничный городок под названием Бадайоз. Все городские улочки были запружены машинами всевозможных марок и размеров, очередь к контрольно-пропускному пункту на границе змеилась по главной улице, растянувшись на многие сотни метров. Было полно и повозок, груженных домашним скарбом, которые тянули выбившиеся из сил мулы. Многие люди и вовсе пришли сюда пешком: женщины несли на руках маленьких детей, мужчины тащили на себе самое ценное из домашнего хозяйства.

– И сколько это будет продолжаться? – нетерпеливо спросила Лусия. – Неужели они не видят, что нам надо проехать вперед? – Она подошла к водителю и нажала на клаксон. Резкий звук сигнала оглушил окрестности, люди, шедшие впереди, даже вздрогнули от неожиданности.

– Дорогая, прошу тебя, – взмолился Менике, – прояви хоть капельку терпения. Нам не стоит привлекать к себе чрезмерного внимания. – С этими словами он оттащил Лусию от водителя и снова усадил ее в кресло.

Было уже далеко за полночь, когда они подъехали к пропускному пункту. Бернардо спокойно вручил пограничникам все необходимые документы на своих пассажиров. После чего пограничники поднялись в салон автобуса.

– Зачем вы стремитесь попасть в Португалию? – спросил офицер, обращаясь к пассажирам.

– Как зачем? – страшно удивилась Лусия, выступая вперед. – Чтобы танцевать!

– Прошу прощения, сеньора, но у нас приказ пропускать сегодня через границу только граждан Португалии.

– Тогда мне придется в срочном порядке выйти замуж за португальца. – Лусия кокетливо улыбнулась офицеру. – Возможно, вы, сеньор, согласитесь стать моим мужем?

– Мы приехали сюда потому, что труппа Лусии Альбейсин имеет контракт на выступления в Лиссабоне, – поспешил вступить в разговор Менике и кивнул Хозе, который немедленно предъявил пограничнику контракт. Молодой человек уставился на Лусию во все глаза. Он наконец узнал ее.

– Я видел фильм с вашим участием, – тут же признался он и даже слегка покраснел, взглянув на нее.

– *Gracias*, сеньор, – поблагодарила его Лусия, присев в изысканном реверансе.

– Вас я, конечно, пропущу. Но вот остальных мне придется повернуть назад.

– Но, сеньор, как вы себе это представляете? Разве я смогу выступать одна, не имея рядом своих гитаристов, танцовщиц и певцов? – Лусия хлопнула в ладоши, призывая артистов к вниманию. – Ну-ка, живее! Покажите сеньору, как мы можем играть и петь!

Хозе, Себастьян и Менике немедленно выхватили из-под своих сидений гитары и начали играть на них, а Хуана запела.

– Убедились? – Лусия снова повернулась к пограничнику. – Театр «Тринидад» в Лиссабоне ждет нас! Как я могу разочаровать своих поклонников в этом прекрасном городе? – Лусия сокрушенно покачала головой. – Получается, что мне придется вернуться в Испанию вместе со своими товарищами. Без них я не могу поехать дальше. Водитель, разворачивай автобус назад!

Бернардо тут же включил двигатель, а Лусия решительно направилась к своему месту.

– Хорошо, хорошо! Я пропущу вас! – Офицер смахнул пот со лба. – Но в своих бумагах я укажу, что вы пересекли границу вчера. Не хочу неприятностей от своего начальства.

– Ах, сеньор! – Лусия снова повернулась к нему лицом и ослепительно улыбнулась, потом подошла к молодому человеку поближе и запечатлела поцелуй на его щеке. – Вы так добры, так добры... Мы все благодарим вас! Португалия тоже благодарит вас. Обязательно подойдите к служебному входу в театр в течение этой недели, чтобы забрать билеты на один из моих концертов.

– А можно мне пригласить на концерт свою мать? – немедленно поинтересовался у нее пограничник. – Маме очень понравился ваш кинофильм.

– *Si!* Приводите с собой хоть всю свою семью, – расщедрилась Лусия.

Молодой человек торопливо покинул автобус, полыхая краской смущения, словно маков цвет. Бернардо закрыл двери автобуса.

– *Вперед*, Бернардо! – скомандовал Менике шоферу, увидев, как еще один пограничник в фуражке с хохолком направился в сторону их нового приятеля, пока тот делал взмах рукой, разрешая им проезд. Они отъехали от границы километров на шесть. Вокруг до самого горизонта тянулись поля. Внезапно Бернардо резко свернул влево и съехал на обочину, остановившись прямо перед небольшим фермерским домиком. Он безвольно опустил голову на руль. Фернанда подхватила со своего места и бросилась к брату.

– Бернардо говорит, что очень устал и ехать дальше не может. Нам придется заночевать здесь.

– Он заболел? – встревожился Менике.

– Нет. Но говорит, что уже слишком стар для подобных приключений, – ответила Фернанда.

– А где это мы? – спросила Лусия сонным голосом, усевшись на своем сидении и глянув в окно.

– Это домик нашего кузена, – пояснила ей Фернанда.

Все вышли из автобуса. Навстречу им показался полусонный мужчина среднего возраста в сопровождении жены и детей, высыпавших на крыльцо и с изумлением разглядывавших женщин в платьях фламенко. Бернардо коротко посвятил кузена во все перипетии их бегства из Испании. И очень скоро, несмотря на позднее время, вся компания была усажена за стол на заднем дворе фермы, и гостям была предложена скромная деревенская трапеза – свежий хлеб, сыр, оливки, недавно снятые с дерева.

– Шикарная у нас вечеринка получилась, хотя я понимаю, что никакая это не вечеринка, – пробормотала Лусия вслух, не обращаясь ни к кому конкретно. И сразу же закурила, пока остальные еще налегали на еду. Хозе тоже был необычно тих; вне всякого сомнения, все еще переживал утрату своих драгоценных песет.

После ужина артисты устроились на одеялах прямо под открытым небом вокруг небольшого костра. Лусия лежала в объятиях Менике и глядела на огромные яркие звезды, которыми было усыпано ночное небо над ними.

– Здесь, в этой тишине и покое, с трудом верится, что все, что случилось в Мадриде минувшей ночью, это не дурной сон, а правда, – вздохнула она. – Все вокруг дышит таким спокойствием.

– Что ж, остается лишь молиться, чтобы Господь помог нам вернуться когда-нибудь к себе на родину.

– А если не получится, то можно, в конце концов, поселиться здесь, на ферме, вместе с родственниками Фернанды. Буду убирать оливы и танцевать. Как-нибудь приспособимся, я думаю. В конце концов, добрались же мы сюда.

– Добрались, – подтвердил Менике кивком головы.

– Только вот Чилли нет с нами. – Лусия больно прикусила губу. – Увидимся ли мы с ним снова?

– Вот этого тебе никто не сможет сказать наверняка. Нам остается лишь молиться за них с Розальбой.

– А что будет с Испанией? Как думаешь, Менике?

– Одному богу известно, *requena*.

– Вдруг эти беспорядки охватят всю страну? Если такое случится, то мне надо будет подумать, как вывезти оттуда маму и братьев. Я не могу оставить их там, посреди этого хаоса.

– Давай подумаем об этом завтра, ладно? На сегодня у нас и без того хватило проблем. – Менике ласково погладил Лусию по голове и поцеловал в макушку. – *Buenas noches*, Лусия.

* * *

На следующий день они прибыли в Лиссабон, грязные и смертельно уставшие от длинной и изнурительной дороги.

– Нам нужно где-то остановиться и привести себя в порядок. Я не могу отправиться на встречу с сеньором Геральдо такой грязной и вонючей, словно свинья какая-то, – заявила Лусия. – Какой отель в Лиссабоне считается лучшим? – повернулась она к Бернардо, который оказался настоящим кладезем знаний во всем том, что касается Португалии. Что и неудивительно, ведь его мать была португалкой.

– «Дворец Авенида», – ответил тот, не раздумывая.

– Вот там мы и остановимся.

– Но у нас нет денег, Лусия, – напомнил ей Хозе.

– Именно поэтому я должна привести себя в порядок, чтобы предстать перед человеком, который пригласил нас сюда, в должном

виде. И тогда он наверняка выдаст нам какой-то аванс в счет наших будущих заработков.

Хозе только сверкнул глазами в ответ, а уже минут через десять их автобус остановился возле величественного здания отеля с роскошным парадным входом, который охраняли два швейцара в нарядных ливреях красного цвета.

– Посидите пока здесь, а я пойду, узнаю, что и как. – Лусия вышла из автобуса, Менике поспешил за нею. Она величаво проплыла мимо швейцаров и вошла в вестибюль с мраморным полом, направившись прямым ходом к стойке администратора.

– Меня зовут Лусия Альбейсин, – объявила она с ходу ошарашенной администраторше. – Меня вместе с моей труппой пригласили выступить в вашем театре «Тринидад». Нам нужны номера.

Женщина молча окинула взглядом уличную оборванку, облаченную в грязное платье фламенко, и немедленно обратилась за помощью к управляющему.

– У нас возле стойки возникли какие-то цыгане, – сообщила она ему вполголоса.

Управляющий сразу же подошел к Лусии, уже заранее настроившись на неприятный разговор, глянул на нее и тут же расплылся в приветливой улыбке.

– Лусия Альбейсин, я полагаю?

– *Si*, сеньор. Какое счастье, что хоть кто-то узнает меня в этой благословенной стране.

– Для нас большая честь видеть вас у себя. Лично я трижды посмотрел фильм с вашим участием, – добавил управляющий. – Чем могу быть полезен вам, сеньора?

Через пятнадцать минут все члены труппы были заселены в роскошные номера. Сама Лусия поселилась в номере люкс. Весело пританцовывая, она обежала все помещения своего номера, схватила по пути пару яблок и апельсин из фруктовой вазы, а еще пару пепельниц и кусок мыла из ванной комнаты. Спрятала все это в комод с намерением забрать с собой, когда покинет это пристанище.

– Нам надо поесть, – объявила она всем остальным артистам, которые собрались в ее номере. – Закажите мне сардины, если вы

сумеете отыскать их в меню на португальском языке, а я тем временем приму ванну.

– Надеюсь, Геральдо выдаст нам небольшой аванс. Ведь эти номера стоят баснословных денег. Поистине, королевские покои, – пробормотал про себя Хозе, сделав пару глотков из бутылки бренди, которую он обнаружил в баре.

Когда в номер подали еду, все уселись на пол и жадно набросились на съестное. Ели прямо руками. После чего отправили Фернанду и ее брата в город, поскольку они оба разговаривали на португальском. Нужно было срочно найти что-нибудь подходящее для Лусии, чтобы ей было в чем отправиться на встречу с импресарио, поскольку ее собственное платье фламенко в данный момент отмокало в ванной.

– Ну, как я выгляжу? – поинтересовалась она у Менике через час с небольшим, крутанувшись перед ним в обновке – платье в красную клетку, которое Фернанда отыскала в отделе детской одежды местного универмага.

– Великолепно! – улыбнулся в ответ Менике и поцеловал Лусию. – Мне пойти с тобой?

– Нет. Будет лучше, если я отправлюсь на эту встречу одна, – ответила она, направляясь к дверям.

Прихватив с собой Бернардо в качестве сопровождающего и переводчика, Лусия довольно быстро отыскала офис импресарио. Правда, секретарша попыталась остановить ее, говорила, что шефа нет на месте, но Лусия направилась напрямиком в кабинет.

– Геральдо, – обратилась она к мужчине, сидевшему за внушительным письменным столом, – я уже приехала!

Тучный мужчина с усами оторвал свой взгляд от каких-то бумаг и уставился на Лусию. В конце концов он узнал ее и жестом приказал взволнованной секретарше покинуть кабинет.

– Сеньорита Альбейсин, как я рад встретиться с вами лично, – проговорил он на ломаном испанском.

– И я тоже, сеньор.

– Пожалуйста, присаживайтесь! И прошу прощения за свой скверный испанский. Это ваш отец? – Геральдо кивнул на Бернардо, который застыл рядом с Лусией, словно часовой на посту.

– Нет. Я прихватила его с собой на всякий случай в качестве переводчика. – Лусия величаво махнула рукой в сторону шофера. – Спасибо, Бернардо. А сейчас ступай, подожди меня в приемной. Итак, где находится тот театр, в котором я должна выступать?

– Я... – Импресарио ошарашенно уставился на нее во все глаза, словно увидел перед собой привидение. – Должен признаться, я крайне удивлен, увидев вас здесь.

– Но разве мы могли подвести вас, сеньор? – улыбнулась в ответ Лусия, усаживаясь в кресло напротив него. – Чему же тут удивляться?

– Но Мадрид... Атаки националистов... Я был уверен, что вы не сможете приехать к нам. Ведь ваше первое выступление должно было состояться еще вчера.

– Я помню об этом, сеньор. Но вы же понимаете, возникли некоторые трудности с выездом из страны. Но, слава богу, мы здесь, и это главное. Хотя, если честно, мы приехали сюда, в чем стояли. Наши деньги конфисковали по дороге военные, а потому я сразу же прошу вас выдать нам небольшой аванс в счет наших будущих заработков, чтобы нам было на что жить.

– Видите ли... – Импресарио сосредоточенно нахмурил брови. – Когда несколько дней тому назад я услышал о том, что творится в Испании, при этом не имея никаких известий от вас, я решил, что вы вообще не приедете. И потому я был вынужден... – Он слегка откашлялся. – Ангажировать другой коллектив, который оказался на тот момент, можно сказать, под рукой. Вчера у них состоялась премьера, и, по слухам, они имели успех.

– Я рада за них. Но сейчас, я полагаю, вы расторгнете с ними договор, *si*? Ведь мы же приехали, как и обещали.

– Я все понимаю, сеньорита. Но, к сожалению, вы опоздали. И я был вынужден... расторгнуть наш контракт.

Лусия недовольно нахмурилась.

– Сеньор, может, я вас не совсем правильно поняла, и мне действительно нужен переводчик? Или это правда, что вы разорвали свой контракт с нами?

– Боюсь, что так, сеньорита Альбейсин. Мы не могли допустить, чтобы вчера вечером театр пустовал. Мне жаль, что вам пришлось проделать такой длинный путь сюда, но, согласно условиям контракта, вы должны были своевременно прибыть к началу генеральной

репетиции, а вы этого не сделали. – Импресарио поднялся из-за стола, подошел к стойке с документами и, порывшись на одной из полок, извлек искомую бумагу. – Вот! Взгляните сами! – Он протянул ей бумагу.

Лусия глянула на лист, заполненный словами, которые она не могла прочитать, а потому они для нее ничего не значили. Затем она сделала глубокий вдох: так всегда учил ее Менике – вначале глубоко вдохнуть в себя, а потом уже начинать говорить.

– Сеньор, вы знаете, кто я такая?

– Знаю, сеньорита. Поверьте, это ужасное недоразумение, но...

– Вы называете это «ужасным недоразумением»? По-моему, это катастрофа. Вы хоть понимаете, чего нам стоило добратся до Лиссабона, чтобы выступать в вашем театре?

– Могу лишь представить себе, сеньорита, и то весьма отдаленно и в самых общих чертах. И потому отдаю дань восхищения вашему мужеству.

– Сеньор! – Лусия поднялась со стула, положив свои крохотные кулачки на кожаную поверхность стола и слегка подавшись вперед, так, что ее глаза оказались всего лишь на расстоянии нескольких сантиметров от глаз импресарио. – Чтобы выполнить свои обязательства, мы рисковали собственной жизнью. Военные забрали у нас все, что мы имели, а вы, вальяжно развалившись в своем удобном кресле, вдруг заявляете мне, что аннулировали наш контракт! Так?!

– Мне очень жаль, сеньорита, что все так вышло. Пожалуйста, поймите меня правильно. Новости, поступавшие из Испании, не вселяли надежды.

– Поймите же и вы меня, сеньор! Вы оставили нас без гроша за душой и без работы! И это в чужой стране!

Импресарио бросил на нее затравленный взгляд и лишь слегка пожал плечами.

– Я ничего не могу сделать.

Лусия громко стукнула своими кулачками по столу.

– Отлично! Так тому и быть! – После чего развернулась с такой скоростью, что пряди ее длинных волос упали импресарио на лицо. Она направилась к дверям, но на пороге вдруг остановилась и снова повернулась к нему лицом.

– Ты еще горько пожалеешь о том, что сделал со мной сегодня, – угрожающе промолвила она и указала на него пальцем. – Я вас проклинаяю, сеньор! Я тебя проклинаяю!

Когда Лусия вышла из кабинета, импресарио непроизвольно поежился, а потом протянул руку к графину с бренди, который стоял перед ним на столе.

* * *

Вернувшись назад в отель, Лусия первым делом приказала Себастьяну выпотрошить все свои карманы и предъявить все до единой песеты, которые он выкрал из сейфа, за вычетом той суммы, какая полагалась Бернардо за то, что он привез их сюда.

– Сколько стоит каждый номер? – поинтересовался у нее Менике.

– Откуда мне знать? Управляющий не стал посвящать меня в такие подробности. В его глазах я ведь кинозвезда и богата настолько, что могу себе позволить роскошь не интересоваться расценками. Ха-ха-ха!

Менике отправили к стойке администратора, чтобы выяснить тарифы на проживание в номерах отеля. Через какое-то время он вернулся назад, уныло покачивая головой.

– наших денег хватит лишь на то, чтобы заплатить за один самый маленький номер. И то только на одну ночь.

– Тогда нам нужно срочно изыскать способ заработать остальные деньги, – отрезала в ответ Лусия. – Менике, срочно отведи меня в бар.

– Лусия, у нас нет денег на то, чтобы заказывать себе выпивку в таком дорогом заведении.

– Не волнуйся! Платить не придется. Только подожди минутку. Я сейчас освежу свой макияж, и пойдем.

Огромный роскошный бар внизу был до отказа забит людьми. Лусия окинула помещение внимательным взглядом, а Менике нехотя заказал им по порции бренди, после чего оба уселись на высокие табуреты возле стойки бара.

– За нас, *артистов*, и за наше чудесное спасение. – Лусия чокнулась с Менике и процедила сквозь зубы: – Постарайся

расслабиться. Веди себя так, будто все здесь доставляет тебе несказанное удовольствие.

– Опомнись, Лусия! Что мы здесь делаем? У нас нет денег на подобные экстравагантности. И потом...

– Как ты не понимаешь? В этом баре отираются все сливки Лиссабона. Не может быть, чтобы кто-то из этих богатых и знаменитых не узнал меня. А если найдется человек, который меня узнает, то он мне и поможет.

И, словно по мановению волшебной палочки, за спиной Лусии раздался глубокий мужской голос.

– Сеньорита Лусия Альбейсин! Глазам своим не верю! Неужели это вы?

Лусия повернулась и посмотрела прямо в глаза мужчине, чей облик показался ей смутно знакомым.

– *Si*, сеньор, это действительно я, – небрежно бросила она в ответ с поистине царским величием. – Мы с вами встречались?

– Нет. Меня зовут Манюэль Матос, а вот мой брат Антонио Триана, насколько мне известно, знаком с вами.

– Антонио! Ну конечно! Он замечательный танцовщик. Я однажды выступала вместе с ним в Барселоне. Ну, как он?

– Вот жду от него новостей. В Испании, судя по всему, сейчас очень непросто.

– Все так. Но, как видите, никакие трудности не помешали нам добраться к вам в целостности и сохранности.

– Да, верно. И ваше присутствие среди нас вселяет в меня надежду, что с моим братом все тоже хорошо. Вы собираетесь выступать в Лиссабоне?

– Да, у нас даже был контракт с одним импресарио. Но, ознакомившись на месте с той площадкой, которую нам предложили для выступлений, мы ее забраковали.

– Вот как? Значит, вы поедете дальше? Куда? Может, в Париж?

– Возможно. Хотя лично мне Лиссабон очень понравился. Да и члены моей труппы тоже в восторге от города. И отель превосходный, выше всяких похвал. – Лусия обвела своей маленькой ручкой помещение бара. – Нас здесь чудесно разместили.

– Я обязательно должен познакомить вас со своими друзьями из кафе «Аркадио». Уверен, многие из завсегдатаев кафе мечтают увидеть

ваши выступления.

– О, если у нас получится по времени, сеньор, то я с удовольствием станцюю для них.

– Я готов отвезти вас туда прямо завтра. Семь часов вечера вас устроит?

– Как у нас там с графиком? – Лусия вопросительно уставилась на Менике.

– График у нас очень напряженный, но, если вы желаете, сеньор, мы можем выкроить для вас один вечер, – натянуто ответил Менике.

– Мы должны, Августин, – твердо ответила Лусия, сознательно употребив его настоящее, а не сценическое имя. – Это будет нашей данью уважения старому другу. Итак, завтра ровно в семь. Договорились?

– Я немедленно извещу всех своих друзей.

– А сейчас простите меня, сеньор, но мы приглашены на обед. Нам пора! – Лусия осушила свой стакан до дна и поднялась с табуретки.

– Конечно-конечно. Тогда до завтра. – Манюэль отвесил им вежливый поклон, а Менике поплелся следом за Лусией на выход из бара.

– Куда мы идем? – спросил он у нее, когда они вышли из отеля и пошли вдоль улицы.

– Как – куда? На тот обед, куда нас пригласили, – отмахнулась от него Лусия и, дойдя до конца здания, свернула за угол в узенький переулок. – Уверена, где-то здесь имеется черный ход, которым пользуется обслуживающий персонал отеля. Вот мы им сейчас и воспользуемся. Незаметно проникнем в здание и поднимемся к себе в номера, – пояснила она свой дальнейший план действий.

Менике схватил ее за руку и рывком остановил на месте, потом прислонил к каменной стенке.

– Лусия Альбейсин! Вы – невероятная женщина!

И с этими словами он припал к ее устам.

На следующий вечер артисты труппы Альбейсин, перестирав свои грязные сценические костюмы в ванной комнате номера Лусии и

приведя себя в относительный порядок, отправились в полном составе в кафе «Аркадио». Они шли по улицам Лиссабона, восхищаясь величавой красотой этого города, способного на равных соперничать с Мадридом. А уж внешний вид кафе «Аркадио» с роскошным фасадом, выдержанным в стиле модерн, однозначно указывал на богатство тех, кто посещает сие заведение. Манюэль поджидал их, стоя у входа. На нем был вечерний костюм – черный смокинг и бабочка.

– Вы все-таки сумели вырваться! – Манюэль порывисто обнял Лусию.

– *Si*, сеньор, но мы не можем задерживаться тут надолго, так как у нас сегодня должен состояться еще один концерт. Можно проходить?

– Да, но...

– Какие-то проблемы, сеньор? – Менике мгновенно уловил некоторое смущение в голосе Манюэля.

– Видите ли, дело в том... Управляющий... Он, оказывается, не поклонник... фламенко.

– Вы хотите сказать, он не любит цыган? – без обиняков спросила у него Лусия. – Позвольте мне перекинуться с ним парой слов.

Уверенной походкой Лусия прошла мимо Манюэля и распахнула дверь в кафе. Внутри стоял гул голосов, витали клубы табачного дыма. Но все разговоры мгновенно стихли, когда Лусия, ловко лавируя между столиками, устремилась к бару у дальней стены зала.

– Где ваш управляющий? – поинтересовалась она у бармена, разливающего напитки за стойкой.

– Я... – Бармен растерянно глянул на толпу цыган, сгрудившихся вокруг Лусии. – Сейчас поищу его.

– Лусия, не делай этого! – взмолился Менике, обращаясь к ней. – Разве мало других мест, где ты можешь танцевать? Мы не выступаем перед публикой, которая не хочет на нас смотреть.

– Оглянись по сторонам, Менике! – прошептала сквозь зубы Лусия, выразительно показав глазами на посетителей, сидящих за столиками позади них. – Все это богатенькие *raуos*, а нам сегодня позарез нужны их деньги.

В этот момент перед ними возник управляющий, воинственно скрестив руки на груди, он, казалось, уже приготовился к жаркой схватке.

– Сеньор, меня зовут Лусия Альбейсин. Я приехала к вам в сопровождении своей труппы, чтобы выступить в вашем кафе. Сеньор Матос, – Лусия махнула рукой в сторону Манюэля, – сказал мне, что среди ваших гостей много тех, кто разбирается в настоящем искусстве и может по достоинству оценить наше мастерство.

– Возможно, так оно и есть, но цыгане еще никогда не выступали в моем кафе. К тому же у меня нет денег, чтобы заплатить вам за концерт.

– То есть вы хотите сказать, сеньор, что не желаете платить нам? Потому что, если судить по вашему костюму и по тому, как одеты ваши гости, вполне очевидно, что все вы состоятельные люди.

– Сеньора Альбейсин, мой ответ – нет. А сейчас, прошу вас, покиньте помещение без дальнейших эксцессов. В противном случае я буду вынужден вызвать полицию.

– Судя по вашему прекрасному испанскому, сеньор, я могу смело утверждать, что вы один из нас. *Si?*

– Это правда. Я из Мадрида.

– А вы знаете, что сейчас творится в нашей стране? И чего нам всем стоило приехать сюда в Лиссабон, чтобы выступить перед вами?

– Я, конечно, наслышан обо всех тех проблемах, но лично я вас не просил приезжать...

– Тогда я обращусь к вашим гостям и спрошу у них напрямую, хотят ли они посмотреть, как я танцую. И расскажу им, как мы очутились здесь, как оказались в ссылке помимо нашей воли! И что? Здесь нас встречает соотечественник, который готов с ходу вышвырнуть нас вон! – Лусия отвернулась от управляющего и схватила первый попавший ей под руку стул, стоявший за ближайшим столиком. Опершись на плечо Менике, она вскарабкалась на стул и, громко хлопнув в ладоши, стала отбивать такт. И ноги ее тут же принялись бить чечетку прямо на сидении стула. А она продолжала хлопать самой себе и танцевать. В зале стало тихо. Но вот она легкой пушинкой перелетела со стула на стол. Люди, сидевшие за этим столиком, мгновенно подхватили свои бокалы, чтобы они не попадали на пол под непрерывный стук ее проворных ножек.

– *Ole!* – прокричала она, обращаясь к залу.

– *Ole!* – дружно откликнулись ее артисты. Этот призыв поддержали и пара гостей из зала.

– Итак, *senores y senoras*, управляющий этого заведения не хочет, чтобы я танцевала для вас. Мы только что из Испании, добирались к вам, рискуя собственными жизнями, покинули свою любимую родину с пустыми руками.

Уехали, в чем стояли.

Манюэль перевел слова Лусии на португальский.

– Так вы хотите, чтобы я и мои товарищи выступили для вас?

Она окинула собравшихся внимательным взглядом.

– *Sim!* – раздался возглас от дальнего столика.

– *Sim!* – поддержали гости за другим столом, и вот уже весь бар скандировал: да, хотим.

– *Gracias*. Тогда мы начинаем.

Быстро сдвинули столики в сторону, освобождая место для артистов. Управляющий оттащил Лусию в сторону.

– Я не стану платить вам, сеньорита.

– Сегодня мы выступаем здесь бесплатно, сеньор, но завтра... – Лусия больно ткнула пальцами в его худые ребра. – Но завтра ты будешь сам умолять меня взять с тебя деньги.

* * *

Менике молча наблюдал за тем, как Лусия уплетает за обе щеки хлеб и холодное мясо – единственное, что смогли найти для них на кухне работники отеля в три часа ночи. Сам он буквально валился с ног от усталости, и не только после сегодняшнего выступления. Сказались все переживания последних нескольких дней. Зато Лусия буквально источала из себя энергию. Усевшись прямо на полу, она весело потчевала остальных членов труппы, поздравляя всех с сегодняшним выступлением.

«*Как это у нее получается?*» – снова и снова спрашивал он сам себя. Внешне такая хрупкая, казалось, ее субтильное тело просто не в состоянии вынести все те бешеные нагрузки, которые она сама же ему и задавала. Однако при этом ее сознание продолжало работать четко и действовало, словно стальной нож, отсекая прочь все ненужные переживания и горестные эмоции. И это позволяло ей всегда

оставаться свежей и бодрой, с оптимизмом встречая каждый новый день.

– Вот сейчас мы можем расположиться здесь наверняка! – Лусия радостно хлопнула в ладоши, словно маленький ребенок. – Мы можем даже приобрести себе новые сценические костюмы. Завтра же надо будет подыскать подходящую ткань, а потом закажем пошив в ателье.

– Может, стоит подыскать себе гостиницу подешевле? Или даже снять квартиру на всех... – неуверенно предложил Хозе.

– Папа, перестань изводить себя напрасными страхами. Еще вчера владельцы отеля вполне могли упечь нас в тюрьму за то, что у нас нет денег, чтобы заплатить за свое проживание здесь. А сегодня сотни людей бурно приветствовали наше выступление. Уверяю тебя, уже завтра молва об этом концерте разнесется по всему городу. – Лусия подошла к отцу и обняла его. – Хочешь еще бренди, папа?

– Вы как хотите, можете продолжать веселиться, а я, пожалуй, иду спать, – обронил Менике, подходя к Лусии и нежно целуя ее в блестящие черные волосы.

* * *

Судя по всему, уверенность Лусии в том, что она сумеет покорить сердца португальцев, не подвела ее. Шли неделя за неделей, а толпы поклонников продолжали осаждать кафе «Аркадио», пытаясь попасть в помещение бара, чтобы своими глазами увидеть необычное явление, имя которому Ла Кандела. У тех, кто находился рядом с Лусией, было такое чувство, что в ответ на все превратности судьбы она лишь удвоила неистовство и страсть своего танца. В свою очередь, зрители под впечатлением всего того, что творилось в соседней стране, свергнутой в пучину гражданской войны, тоже вдруг воспылали такой же неистойвой страстью к самому фламенко. Однако если артистическая репутация Лусии очень скоро достигла своего апогея, тех вершин славы, о которых она всегда и мечтала, то в личной жизни она чем дальше, тем сильнее ощущала собственное одиночество, доводившее ее до отчаяния. Каждое утро, лежа в постели в своем номере, она слушала, как Менике зачитывает ей последние новости из

Испании, а потом еще и пересказывает ей все те слухи, которые шепотом передаются из уст в уста во всех барах Лиссабона.

– Они убили в Гранаде Гарсиа Лорку, нашего величайшего поэта, – сокрушенно сообщил ей самую последнюю новость Менике. – Эти люди ни перед чем не остановятся, чтобы разрушить страну.

– *Dios mio!* Так говоришь, они уже в Гранаде? Что же там будет с мамой? С моими братьями? Я тут устроилась, живу себе, как королева, а они там, может быть, умирают с голоду. Или даже их нет в живых! Пожалуй, мне стоит снова связаться с Бернардо, переговорить с ним... Попросить его отвезти меня на своем автобусе в Гранаду...

– Лусия, Испания погрузилась в полнейший хаос. Тебе нельзя туда возвращаться, – уже, наверное, в сотый раз возразил ей Менике.

– Но я не могу бросить их там на произвол судьбы! Моя мама пожертвовала всем на свете ради своих детей! Может, у вас в Памплоне все иначе, но у нас в Сакромонте семья – это все.

– Однако позволю тебе напомнить, дорогая, что ответственность за свою мать несешь не ты. За нее отвечает твой отец.

– Ты не хуже меня знаешь, что папу интересуют только деньги и бутылка бренди. Он никогда и ни за кого не отвечал, ни за маму, ни за меня, ни за моих братьев. И все же что реально мы можем для них сделать? – Лусия горестно всплеснула своими крохотными ручками, слезы выступили у нее на глазах. – У тебя же столько важных друзей среди этих *paços*. Помоги!

– Это раньше они *были важными*, Лусия. Бог его знает, где они сейчас и куда упали со своих прежних высот.

– Ну, так напиши им! Разузнай, что и как. Пусть скажут, какие нам нужны бумаги, чтобы вывезти мою семью сюда. Прошу тебя. Мне нужна твоя помощь. А если ты откажешься, тогда я должна сама вернуться в Испанию и заняться их спасением.

– Ни в коем случае! Это слишком опасно, дорогая. Салазар поддерживает политику Франко в Испании. Здесь тоже полно шпионов Франко. Если нас случайно застигнут за подобными разговорами даже шепотом...

– А кто такой этот Салазар? И как он смеет шпионить за мной? – воскликнула Лусия с негодованием в голосе.

– Лусия, этот человек является премьер-министром Португалии. Почему ты никогда не слушаешь того, что я говорю тебе?

– Зато я очень внимательно прислушиваюсь к тому, как ты мне аккомпанируешь на гитаре, *mi amor*; – честно призналась она.

* * *

В следующее воскресенье у них выдался свободный вечер. Менике, которого Лусия уже достала своими бесконечными мольбами о помощи, позаимствовал у Манюэля Матоса машину и снова отправился к испанской границе. Прошло чуть больше месяца с тех пор, как они приехали в Португалию, и Менике надеялся, что еще не успел забыть то место, где находится фермерский дом, хозяева которого приютили их тогда на ночлег. Бернардо и его сестра уже уехали из Лиссабона, но перед своим отъездом Бернардо рассказал Менике, что они с Фернандой не собираются возвращаться в Испанию. Решили переждать гражданскую войну на ферме у своих родственников. Они, как прозрачно намекнул в разговоре Бернардо, были его надежными партнерами, помогали доставлять контрабандные товары во время мировой войны.

– Предложи ему любые деньги, только бы он согласился поехать на родину и подкупить там нужных чиновников. Я заплачу за все, – пообещала Лусия, провожая Менике в дорогу.

Через несколько часов езды по дороге сплошь в ухабах и рытвинах, с неизбежными в таких случаях объездами, Менике наконец подъехал к небольшому фермерскому домику. Он очень обрадовался тому, что сразу же узнал его.

– Теперь остается только молиться Всевышнему, чтобы Фернанда и ее брат все еще были на ферме, – пробормотал про себя Менике, выходя из машины. Направился к дому и постучал в дверь. На пороге появилась знакомая фигура.

– Фернанда! Слава богу! – выдохнул обрадованный Менике.

– Что случилось? Лусия заболела?

– Нет, нет, все пока живы и здоровы. А Бернардо дома?

– Да. Мы как раз лакомимся тортом. Проходите, сеньор.

Менике усадили за стол, и он стал слушать невеселые новости, которые ему рассказывали Бернардо и его кузен, а они, в свою очередь, почерпнули все эти истории у тех людей, кто бежал из объятий

гражданской войной Испании и пересекал границу с Португалией в поисках убежища.

– Там сейчас творится форменный кошмар. Я не был на родине с тех самых пор, как националисты взяли контроль над пограничным городом Бадайоз. Появляться там сейчас просто опасно для жизни.

– Получается, что тогда вы вряд ли сможете помочь нам.

– А что вам нужно? – Фернанда осторожно толкнула брата локтем в бок. – Или ты забыл, брат, что только благодаря этим людям из театра мы в свое время благополучно унесли ноги из Мадрида?

– Лусия сказала мне, что если я не найду способ, как помочь ее семье выбраться из Испании, то тогда она сама отправится на поиски своих близких. А все мы знаем характер Лусии. Она просто так не станет бросаться словами. К тому же она согласна заплатить, сколько бы это ни стоило.

Бернардо бросил выразительный взгляд на своего кузена Рикардо, но тот лишь отрицательно покачал головой.

– Даже нам сейчас рискованно появляться там.

– Но наверняка же у вас сохранились какие-то старые связи в Испании. Разве не так? – спросила Фернанда у брата. – Вспомни нашу маму, Бернардо. Ведь для того чтобы помочь ей, ты бы согласился на все.

– О, женщина! – недовольно воскликнул тот. – Порой мне кажется, сестра, что тебе не терпится увидеть меня покойничком.

– Ну, еще бумаги мы им сможем как-то выправить, – подал голос Рикардо. – Но главная трудность – это сама Гранада. Воюя между собой, республиканцы и чернорубашечники сотнями убивают мирных граждан. Им ничего не стоит схватить человека прямо на улице, поставить его к стенке и расстрелять тут же, на глазах у детей. Городская тюрьма переполнена, и там никто не чувствует себя в безопасности, сеньор.

– Но откуда у вас такие подробности о том, что сейчас происходит в Гранаде? – Менике бросил на него внимательный взгляд.

– Один наш родственник вырвался из этого ада и приехал к нам на ферму всего лишь неделю тому назад.

– Но как ему удалось бежать, если граница закрыта на замок?

– Он спрятался в каком-то грузовике, перевозившем товар, и пересек границу на машине возле Фаро.

– Так, значит, какая-то дорога все же имеется, – не преминул заметить Менике.

– Всегда имеется какая-то дорога, сеньор, – откликнулся Рикардо. – Вопрос в другом. Заранее прошу прощения за грубую прямоту. Предположим, мы сумеем добраться до Гранады, но где гарантия, что мы сумеем отыскать там сеньору Альбейсин и ее семью? Да и живы ли они вообще? Вы же прекрасно понимаете, что цыгане, а именно они обитают в Сакромонте, подвергаются еще большим притеснениям, чем обычные испанцы.

– Я всю это понимаю, сеньор. Отлично понимаю! Но скажу, что цыгане уже давно привыкли к такому обращению с собой. Лусия уверена, что ее мать жива, а интуиция еще никогда не подводила ее. Может, вы пока займетесь наведением справок, какие именно бумаги потребуются семье Альбейсин для того, чтобы пересечь границу, а заодно и подумаете над тем, возьметесь ли вы помочь нам. – Менике достал из кармана увесистый мешочек с эскудо, который Лусия выкрала накануне из тайника своего отца. – Надеюсь услышать от вас положительный ответ, надеюсь, что вы сможете организовать такую поездку в Испанию. – Менике положил на деньги свою визитку. – Отправьте мне телеграмму с ответом вот по этому адресу.

– Постараемся, сеньор, сделать все от нас зависящее, – сказал Бернардо, глянув на внушительную сумму денег, оставленную Менике. Потом он переглянулся с сестрой и кузенком. – Ждите нашего ответа.

Через три дня Менике получил телеграмму следующего содержания:

МЫ ЕДЕМ ТОЧКА ПОСТАРАЙТЕСЬ НАВЕСТИТЬ НАС ДО
НАШЕГО ОТЪЕЗДА ТОЧКА БЕРНАРДО ТОЧКА

* * *

Лусия держалась из всех сил, ничем не выдавая своих душевных мук ни перед остальными членами труппы, ни тем более перед зрителями. И лишь ночами, оставаясь наедине с Менике, она, свернувшись калачиком в его объятиях, припадала к его груди, словно

маленький ребенок, который нуждается в защите. Летели дни, а от Бернардо по-прежнему не было никаких известий.

– Когда же все это прояснится? С каждым днем мои надежды тают, и я уже готова к самому худшему, – вопрошала она с отчаянием в голосе.

– Разве ты забыла, дорогая, – говорил ей в ответ Менике, осторожно брал ее за подбородок и разворачивал лицом к себе. – В трудной жизни, которую все мы ведем на этой земле, наше единственное утешение и упование – это надежда.

– Да, я это знаю. Я все понимаю. И я должна верить. По крайней мере, *te amo*, мой дорогой.

Менике ласково гладил ее волосы, и она засыпала в его объятиях. А он лежал без сна и размышлял о том, что еще никогда ранее не видел Лусию такой незащитной. Пожалуй, и в этом тоже можно было усмотреть какую-то особую Божью милость: ведь впервые за все время их отношений у них появилась общая тайна, которую они не могли доверить никому из посторонних, и это еще больше сближало их. Сейчас, когда она лежала вот так в его руках, такая хрупкая и ранимая, он особенно остро ощущал эту близость, понимая, что в эти минуты Лусия всецело принадлежит ему и только ему. И за это он тоже был благодарен небесам.

* * *

Минуло шесть недель после отъезда Бернардо. И вот в один ненастный осенний день 1936 года в дверь их номера постучал портье.

– Сеньор, к вам посетители... Ждут внизу. Управляющий предложил провести их прямо к вам. – Портье нерешительно замаялся на пороге, вид у него был несколько смущенный.

– Конечно, проводите их сюда, – ответил Менике, вручая портье чаевые за хлопоты. – Мы ждем их.

Он закрыл дверь и пошел будить Лусию, которая еще крепко спала, несмотря на третий час дня. Минувшей ночью на концерте публика заставила их бисировать четырежды, а потому домой они вернулись только в пятом часу утра.

– Дорогая, к нам посетители.

Лусия мгновенно проснулась и уставилась на Менике, пытаясь определить все остальное по выражению его лица.

– Это они?

– Пока не знаю. Портье не сообщил их имен, но...

– *Dios mio!* Боже, пусть это будет мама. Только не Бернардо с дурными новостями о том, что ее уже нет в живых...

Лусия торопливо натянула на себя брюки и блузку. Вошла в гостиную, и в эту же минуту в дверь постучали.

– Сама откроешь? Или это сделать мне? – спросил у нее Менике.

– Ты... нет, я сама... да! – кивнула она в ответ, от нетерпения сжала свои маленькие ручки в кулачки и поспешила к дверям.

Менике увидел, как, уже стоя у самых дверей, она перекрестилась и сделала глубокий вдох, а потом распахнула дверь. И в следующую секунду с ее уст сорвался радостный крик. Лусия впустила в комнату исхудавшую женщину, скорее похожую на скелет, и молодого человека с гитарой в руке. После чего плотно прикрыла за ними дверь.

– Моя мамочка здесь! Она здесь! И мой братик Пепе тоже!

– Добро пожаловать! – Менике поднялся со своего места и подошел к гостям. – Сеньора Альбейсин, не хотите выпить чего-нибудь освежающего?

Менике видел, что Мария едва стоит на ногах. Мальчик выглядел немного бодрее. Он лишь стеснительно улыбнулся, глянув на Менике.

– Мы сейчас закатим тут пир горой! Мама говорит, что вот уже много месяцев она практически ничего не ела. – Лусия подвела мать к креслу и осторожно усадила ее. – Что бы ты хотела заказать, мамочка? – Лусия опустилась перед матерью на колени и взяла ее высохшие руки, похожие на крохотные птичьи лапки, в свои ладони.

Менике видел, что женщина находится в полуобморочном состоянии. Она нервно окинула взглядом роскошную комнату.

– Все равно что, – проговорила она хриловатым голосом, предварительно откашлявшись. – Все пойдет, Лусия. Может, хлеба? И воды.

– Я велю им принести сюда все, что у них есть в меню! – безапелляционно объявила Лусия.

– Ничего не надо, только немного хлеба.

Лусия вызвала к себе коридорного и стала диктовать ему список всего, что она желает получить на обед. А Менике тем временем

рассматривал исподтишка ее мать и мальчика, судя по всему, младшего брата Лусии. Вне всяких сомнений, мальчонка был сыном Хозе, ибо являл собой точную копию своего отца. Он бережно прижимал к груди гитару, словно какую-то драгоценность, словно это его единственное сокровище, все, что у него осталось. А ведь, наверное, так оно и было.

Усевшись в кресло, Мария тотчас же закрыла глаза, словно хотела отгородиться от всех тех ужасов, на которые эти глаза насмотрелись за последние месяцы.

– Ну вот! Еду я заказала, – объявила Лусия, возвращаясь в комнату. Подошла к креслу и увидела, что мать крепко спит. – Пепе, дорога была ужасной, да?

– Нет, – ответил мальчик. – Я ведь никогда раньше не катался на машине. Это было даже здорово.

– А какие-нибудь непредвиденные трудности были по пути сюда? – поинтересовался у него Менике.

– Нас остановили только один раз, но наш шофер Бернардо дал полицейским много песет, и они нас пропустили. – Пепе улыбнулся. – Но у них было ружье, и они даже готовы были открыть огонь.

– Бернардо или полиция?

– По-моему, и те, и другие, – обронил мальчик. Его огромные глаза казались особенно большими на худеньком личике.

– Пепе, – Лусия подошла к брату и опустилась перед ним на колени, стараясь говорить шепотом, чтобы не разбудить мать, – а где Эдуардо и Карлос? Почему они не приехали вместе с вами?

– Я даже не знаю, где теперь мои братья. Несколько недель тому назад Карлос пошел в город в свой мебельный магазин, и с тех пор мы его не видели. Тогда Эдуардо отправился на его поиски и тоже пропал. – Пепе обреченно повел плечами.

– А как же их жены? Дети? Почему они не поехали с вами?

– Никто из них не двинулся бы со своего места, не зная, что случилось с их мужьями и с отцами их детей, – услышали они голос Марии.

Лусия повернулась и увидела, что мать уже снова открыла глаза.

– Я пыталась их убедить, – добавила она, – но они отказались наотрез.

– Может, они смогут потом последовать за вами, уже после того как отыщутся Эдуардо и Карлос.

– Если только они отыщутся когда-нибудь. – Мария тяжело вздохнула. – В Гранаде бесследно исчезли сотни людей, Лусия. Пропадают и испанцы, и цыгане. – Мария прижала к сердцу дрожащую руку. – Этот город забрал у меня троих моих сыновей... – Голос у Марии сорвался, словно у нее уже не было ни сил, ни смелости для того, чтобы озвучить свою мысль до конца. – Рамон тоже пропал. Пошел к себе в апельсиновый сад и не вернулся...

– *Dios mio!* – сокрушенно прошептал Менике и перекрестился. Услышать из первых уст о той трагедии, которая разворачивалась сейчас в Испании, увидеть людей, переживших все эти ужасы, это все равно что самому побывать на родине. Никакого сравнения с теми газетными статьями, которые он постоянно читал. Лусия, та уже плакала в открытую, не пряча своих слез.

– Мамочка! – Она подошла к матери и обвила руками ее худенькие плечики. – Но, слава богу, хоть вы с Пепе спаслись и теперь вместе с нами.

– А мама ведь вначале не хотела никуда ехать, – подал голос Пепе. – Но тогда я сказал, что не оставлю ее там одну, и она согласилась... ради меня.

– Не хочу иметь на своей совести еще один грех, – вздохнула Мария. – Век бы себе не простила, что не сумела спасти от смерти и Пепе. Ведь он наверняка бы умер от голода в Сакромонте. Там не было еды... вообще ничего не было, Лусия.

– Зато здесь, мама, полно еды. Скоро сама увидишь. Еды будет много, и вы сможете наесться вдоволь.

– *Gracias*, Лусия. Но можно ли мне вначале прилечь где-нибудь?

– Ложись на мою кровать. Пойдем, я помогу тебе.

Менике проводил взглядом Лусию, которая повела мать к себе в спальню. Потом он глянул на Пепе.

– Пожалуй, я налью себе немного бренди. А ты что скажешь?

– Нет, сеньор. В нашем доме мама запрещает всякое спиртное. К тому же мне только тринадцать лет.

– Прости, Пепе. А я решил, что ты постарше. – Менике доброжелательно улыбнулся мальчику и налил себе немного бренди из графина. – Судя по всему, ты – храбрый парень, – заметил он и опрокинул рюмку.

– Нет, это не я храбрый. Когда у нас на улице появились гвардейцы, искали молодых парней, чтобы увести их силой, мама спрятала меня в хлеву под соломой. Меня они так и не нашли, зато увели нашего мула.

– Понятно.

Менике почувствовал, что снова непроизвольно улыбается. Ему определенно нравился этот мальчик, по сути, еще совсем ребенок. Однако он держится с таким достоинством, сохраняет спокойствие, и даже чувство юмора у него еще осталось, несмотря на все пережитые тяготы и лишения последних нескольких месяцев.

– Получается, ты у нас счастливчик.

– Мама тогда сказала, что есть хоть одно хорошее в том, что мы цыгане. Ведь у меня нет даже официальной метрики. Никто не знает, что я вообще появился на свет.

– Это правда, – согласился с ним Менике. – Играешь немного? – Он жестом показал на гитару, которую Пепе продолжал прижимать к себе.

– Да, сеньор. Но мне пока далеко до вас – я ведь слышал ваши записи. И до папы далеко. Мама рассказывала мне, что он превосходный гитарист. А он здесь? Я ведь еще никогда не видел папу. А очень хотел бы увидеть.

– Полагаю, он где-то здесь, в отеле, но вчера мы выступали допоздна. Наверное, он еще спит, – обтекаемо ответил Менике. Ему надо было выиграть хоть немного времени до тех пор, пока он не переговорит с Лусией. Несмотря на то что Хозе в свое время бросил семью, Мария воспитала своего младшего сына в любви и уважении к отцу. И уже одного этого было достаточно для того, чтобы Менике почувствовал, как невольно увлажняются его глаза при мысли о благородстве этой женщины. Он снова поднялся со стула и налил себе вторую порцию бренди. В этот момент в дверь постучали, и официант вкатил в комнату две тележки, уставленные едой.

– *Dios mio!* – воскликнул Пепе, у которого глаза полезли на лоб при виде этого изобилия. – Да это же трапеза для самого короля Испании!

В комнату вошла Лусия. У нее даже ноздри затрепетали от вкуснейших ароматов, которые поплыли в воздухе.

– Мама уснула. Мы оставим ей что-нибудь на потом. А я пойду, разбужу всех наших и сообщу им такую замечательную новость.

– И в первую очередь, скажи отцу, что его дорогой сын Пепе тоже с нами и горит желанием побыстрее познакомиться с ним. – Менике бросил на Лусию многозначительный взгляд, и она поняла все правильно.

– Конечно, скажу. Уверена, он очень обрадуется встрече с тобой, Пепе.

Лусия вышла из своего номера и направилась по коридору, устланному толстой ковровой дорожкой, в комнату своего отца. Стучать в дверь она не стала, открыла и вошла в номер. Комната утопала в клубах табачного дыма и алкогольных паров. Хозе крепко спал, громко похрапывая во сне, словно поросенок.

– Просыпайся, папа. У меня для тебя сюрприз, – прокричала она ему на ухо. – Папа! – Лусия энергично потрясла его за плечо, но он лишь промычал в ответ что-то нечленораздельное. Тогда она подошла к раковине, набрала в кувшин воды и плеснула ему водой на лицо.

Хозе изрыгнул проклятье, но быстро пришел в себя.

– Что случилось? – спросил он, пытаясь приподняться и сесть на постели.

– Папа, у меня к тебе есть разговор. – Лусия присела на край матраса и взяла отца за руки. – Я отправила Бернардо вместе с его кузеном в Испанию, чтобы они вывезли из Гранады маму. И вот она наконец здесь! В настоящий момент у меня в номере! Сейчас она спит, отдыхает после дороги. Увы, она привезла с собой плохие новости и...

– Подожди! – Хозе поднял руку, призывая дочь замолчать. – Ты говоришь, твоя мать находится здесь, в Лиссабоне?

– Да.

– Но почему?

– Потому что, если бы она и дальше осталась в Испании, она бы погибла! Должен же был кто-то из нас сделать хоть что-то для ее спасения. Эдуардо и Карлос пропали без вести, как и многие другие в Гранаде. Прости, папа, но мне, чтобы оплатить все расходы по их спасению, пришлось воспользоваться теми деньгами, что ты прячешь в своем тайнике под полом.

Хозе уставился на дочь во все глаза, изо всех сил пытаясь прогнать вчерашний хмель. Кажется, мало-помалу до него стал

доходить смысл того, о чем говорила ему дочь.

– Эдуардо и Карлос погибли?

– Будем надеяться, что нет. Но мама сказала, что не видела их все последние недели. Послушай, папа. Есть еще кое-что, что ты должен знать, прежде чем я поведу тебя на встречу с мамой.

– Лусия! – Хозе снова вскинул руку вверх, давая знак дочери замолчать. – Неужели ты не понимаешь, что она ненавидит меня? Я ведь бросил ее и уехал с тобой в Барселону. Еще чего доброго, увидев меня, набросится с кулаками. Нет уж! Лучше я останусь у себя. – Хозе натянул простыню до самого подбородка, словно хотел спрятаться от всего и всех.

– Ничего подобного, папа. Не станет она набрасываться на тебя с кулаками. И ненависти к тебе у нее тоже нет. Более того, она тебя по-прежнему любит, хотя, убей меня на месте, я до сих пор не могу понять, за что. Однако, – заторопилась Лусия, переходя к главному, – не об этом сейчас речь.

– Неужели есть еще новости пострашнее той, что твоя мать приехала в Лиссабон?

Лусия с трудом удержалась, чтобы не влечь отцу затрещину. Несмотря на все, что он сделал для нее, Лусию приводило в ярость его категорическое нежелание нести ответственность за свою семью, как это и положено главе семейства.

– Папа, мама приехала вместе с Пепе.

– А кто такой этот Пепе?

– Твой младший сын. Когда мы уехали с тобой в Барселону, мама была уже беременна им.

Хозе бросил на дочь недоверчивый взгляд.

– Я все еще сплю? Или мне снится какой-то страшный сон? Когда твоя мать приезжала к нам в Барселону, она ни словом не обмолвилась о своей беременности.

– Она на тот момент и не догадывалась о...

– Или, скорее всего, ребенок не от меня.

На сей раз в комнате просвистел звук громкой пощечины, потому что Лусия все же потеряла терпение.

– Как *ты смеешь* говорить такое, папа? Как ты можешь унижать эту женщину после того, как бросил ее, оставил семью и своих детей? Ты – самое настоящее позорище для всей нашей семьи! – Лусию

просто затрясло от злобы. Да, цыганке не позволительно говорить такое о своем отце. Цыганские дочери обязаны уважать своих отцов, какими бы они ни были. Однако с нее более чем достаточно! – Ты... – Она угрожающе поднесла указательный палец к его носу. – Сейчас ты молча выслушаешь все, что я тебе скажу. Так вот, мама воспитала своего сына в любви и уважении к отцу, которого он никогда не видел. Он понятия не имеет о той длинной веренице «тетушек», которые делили постель с его отцом. Он не догадывается о твоём пристрастии к бутылке. Зато он знает, что его отец – известный гитарист и что он должен был в свое время уехать из Сакромонте, чтобы содержать свою семью.

– *Mierda!* Так она приехала сюда ради денег, да?

– Ты хоть слышишь, что я тебе говорю? Или ты совсем дурак? – взвизгнула Лусия. – Если в твоей голове гнездятся только черные мысли, а в сердце полно змей, так это вовсе не значит, что и мама такая же. Мальчонка, который дожидается встречи с тобой в моем номере, искренне верит в то, что ты тоже обрадуешься встрече с ним.

– Но ты забыла одну вещь, Лусия. Никто и никогда словом не обмолвился мне о том, что у меня есть сын. Что, и это тоже моя вина?

– Почему ты никогда не хочешь признавать своей вины? У тебя всегда виноват *кто-то другой*. Разве не так? – Лусия бросала обидные слова ему в лицо. – Ты же прекрасно знаешь, что это ты бросил свою семью, можно сказать, отнял у меня мать... Ты даже не отдавал мне те подарки, которые она посылала на мои дни рождения! Я не видела маму больше десяти лет. А когда мы наконец встретились, она заставила меня поклясться, что я не скажу тебе о Пепе. В любом случае я умываю руки. – Она в отчаянии потрянула головой. – Мне больше нечего тебе сказать. Поступай, как знаешь. Но имей в виду, мама и Пепе останутся здесь, вместе со мной.

Лусия выскочила из номера отца в полной ярости. Кровь бурлила в ее венах. Она подошла к окну в коридоре, широко распахнула его и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Наконец она немного пришла в себя и побрела в свой номер. Открыла дверь и услышала звуки двух гитар. Менике играл на пару с Пепе, и оба, судя по их отрешенным лицам, всецело отдались музыке, витая каждый в своем мире, где-то далеко отсюда. Почему-то эта картина сразу же успокоила Лусию, и она даже улыбнулась. Что ж, если ее отец не

сможет стать надлежащим отцом и для ее младшего брата, тогда, быть может, эту брешь заполнит присутствие Менике.

– *Dios mio!* – негромко промолвил Менике, когда они закончили играть. – Лусия, Пепе унаследовал талант своего отца! У нас появилось отличное пополнение в труппу!

– Но ведь ему только тринадцать, Менике, – резонно напомнила ему Лусия.

– Но ты сама начала танцевать в еще более раннем возрасте. Разве не так, Лусия?

– *Gracias*, сеньор. – Пепе бросил застенчивый взгляд на Менике. – Но я пока выступал только перед своими домашними и соседями. Играл на праздниках и на свадьбах.

– Мы все когда-то начинали с этого, – подбодрил мальчонку Менике. – Я обязательно помогу тебе. Думаю, и твой отец тоже.

– Папа еще не проснулся, Лусия? – с надеждой в голосе спросил у сестры мальчик.

– Уже проснулся. Сейчас одевается и приводит себя в порядок. Скоро появится тут. Он тоже очень рад предстоящей встрече с тобой. Может, пока мы ждем его, давай воспользуемся паузой и ты примешь ванну? – предложила брату Лусия. Кисловатый запах немытого тела уже явственно чувствовался в комнате.

– Ванну? У вас тут есть бочка с водой, да? – Пепе в полном недоумении обвел глазами роскошную гостиную.

– Нет, у нас нет бочки. Зато есть отдельная комната, где стоит ванна, куда мы наливаем воду из кранов. Там же находится и туалет.

– Не может быть! – воскликнул мальчонка, бросив недоверчивый взгляд на сестру. – А можно мне взглянуть на все это?

– Конечно, можно. – Лусия протянула Пепе руку. – Пошли со мной, и я все тебе покажу.

Менике глянул им вслед, а про себя подумал, сколь все же многогранна личность Лусии. Вот сейчас она обращается с Пепе, как мать со своим ребенком. А если вспомнить, какую кучу денег она потратила на то, чтобы выволить на свободу мать и брата...

Следующие двадцать минут Менике бесцельно слонялся по комнате.

– Семья – это все, – повторил он слова Лусии и вздохнул. Что, если появление матери и младшего брата каким-то образом пагубно

скажется на их спаянном союзе? Но вот раздался осторожный стук в дверь.

– Это я, Хозе, – послышался голос из-за двери.

– Да я уже и так догадался, – пробормотал в ответ Менике и пошел открывать дверь. – *Hola*, Хозе. Смотришься настоящим красавцем.

– Вот пришел познакомиться с сыном, о существовании которого я даже и не подозревал, – ответил тот хрипловатым шепотом, замывшись на пороге и окидывая комнату напряженным взглядом.

– Да, так иногда бывает в этой жизни.

– А моя жена? Где она?

– Она все еще спит. Их путешествие сюда было долгим и тяжелым, она очень устала. Проходи, Хозе. Лусия повела Пепе принимать первую в его жизни ванну.

– Какой он?

– Очень славный мальчуган. Отлично воспитан матерью, к тому же талантливый гитарист.

– Ты думаешь, он точно от меня? – прошептал Хозе, присаживаясь на стул, но тут же снова вскочил и стал нервно рассказывать по комнате.

– Сам скоро увидишь.

– Мои старшие сыновья – Эдуардо, Карлос... Лусия сказала мне, что они пропали без вести. – Хозе прижал руку ко лбу. – Ну и утречко выдалось сегодня! Сплошные потрясения. Пожалуй, я налью себе немного бренди.

– Лучше воздержись, – посоветовал ему Менике. – В ближайшие пару часов ты должен быть в надлежащей форме.

– Ты прав, но...

В этот момент из ванной комнаты показались Лусия и Пепе. Мальчик был одет в чистую рубашку и свежие брюки.

– Мы позаимствовали у тебя кое-что из одежды, Менике. Правда, брюки ему явно коротковаты, – объявила Лусия, глянув на брата с насмешливой улыбкой. – Ну, да ты весь в отца. Такой же высокий! А вот, кстати, и он сам! – Лусия глянула на Хозе. – Папа, ступай сюда. Поздоровайся с сыном, с которым ты всегда мечтал встретиться.

– Я... – Хозе обвел мальчика взглядом с головы до ног и мгновенно понял, что Лусия сказала ему правду. Его глаза тут же

наполнились слезами. – Мой сын! Точная копия меня, когда я был в твоём возрасте. Ступай сюда, *hijo*, дай мне обнять тебя, сынок.

– Папа... – Пепе нерешительно приблизился к отцу, а тот распахнул ему руки навстречу и прижал к себе. И тут же расплакался навзрыд.

– Все эти годы я и мечтать не мог ни о чем подобном! Не мог!

Лусия подошла к Менике. Ей вдруг тоже захотелось, чтобы ее обняли. Судя по всему, Хозе искренне обрадовался появлению в своей жизни младшего сына, и это несколько смягчило гнев Лусии на отца.

Но вот отворилась дверь, ведущая в спальню Лусии, и оттуда появилась Мария. Она молча наблюдала глазами полными слез за тем, как обнимаются ее муж и сын. Лусия перехватила ее взгляд и слегка кивнула.

– Папа, взгляни, кто тут у нас, – обратилась она к Хозе.

Хозе повернулся и увидел жену, в ее огромных глазах, казавшихся особенно большими на исхудалом лице, застыл страх.

– Мария, это ты!

– Да, Хозе, это я. Надеюсь, ты уже знаешь, что наша дочь спасла нам с Пепе жизнь, вызволив из Гранады.

– Знаю. – Оробевший Хозе медленно приблизился к жене, низко опустив голову. Вид у него в этот момент был как у побитой собаки, испуганно поджимающей хвост в ожидании очередной взбучки. Он остановился где-то в полуметре от Марии. Поднял на нее глаза, полные смятения. Явно искал подходящие слова, чтобы начать разговор. Но слова не находились. Затянувшаяся пауза казалась бесконечной. Молчание нарушил Менике.

– Думаю, вам двоим есть о чем поговорить. Оставляем вас наедине друг с другом, а сами пока пойдем знакомить Пепе с другими членами нашей труппы. Как считаешь, Лусия?

– Здорово! – Лусия тут же ухватилась за предложение Менике. – Пошли, Пепе. Первым делом я познакомлю тебя с твоей тетушкой Хуаной. Вот она удивится, когда увидит, какой ты у нас вымахал, под самое небо.

Лусия взяла брата за руку, а тот все не сводил глаз с родителей – ведь он впервые в жизни увидел их вместе. Однако Лусия твердой рукой потащила Пепе к дверям. Менике последовал за ними.

– С вами увидимся позже, – бросила она родителям. – А потом все вместе отпразднуем наше чудесное воссоединение. – Она бросила еще один выразительный взгляд на Хозе и с этими словами вышла из комнаты в сопровождении Менике и Пепе.

* * *

– Ну, и что он тебе тут плел, мама? – шепотом поинтересовалась Лусия у матери, когда они обе, устроившись прямо на полу гостиничного номера, доедали все то, что заказала Лусия.

– Говорил, что сожалеет. – Мария слегка пожала плечами и отломил кусочек хлеба.

– А ты что ему ответила?

– Приняла его извинения. А что мне остается делать? В жизни Пепе и так было много плохого. Многим его мечтам уже никогда не суждено сбыться. Так вот, я не стану своими руками рушить еще одну его мечту. Так я и сказала Хозе. И потом... – Мария еще понизила голос. – Сама знаешь, я тоже не невинная овечка.

– Нет, мама, ты не права. Твой муж бросил тебя и детей и не появлялся дома целых четырнадцать лет! Зато Рамон был рядом с тобой и помогал тебе.

– Все так, Лусия. Но не забывай, я все же замужняя женщина и оставалась ею все эти годы. Наверное, мне нужно было проявить больше стойкости...

– Нет, мама, и еще раз нет! Рамон помог тебе выжить, когда мы с папой уехали. Ты не должна чувствовать себя виноватой.

– Рамон относился к Пепе как к родному сыну. Он очень его любил и воспитывал как свое родное дитя, – вздохнула Мария.

– И ты точно так же воспитывала его дочерей, когда они лишились матери. Помнишь? – Лусия со всего размаха стукнула кулаком по полу. – И почему это плохие люди никогда не считают себя виноватыми? Почему не отвечают за свои поступки, когда тяжело ранят других? Зато хорошие люди вечно мучаются угрызениями совести за то, что они сделали не так и не то, хотя на самом деле они не сделали ничего плохого?

– Лусия, твой отец вовсе не плохой человек. Просто он такой... слабохарактерный.

– Вечно ты ему находишь оправдания!

– Нет. Просто я понимаю его натуру, только и всего. Видно, одной меня ему было мало, вот и все.

Лусия поняла, что продолжать и далее спорить с матерью об отце бессмысленно.

– То есть вы с папой сейчас друзья, да?

– Получается, да, – согласно кивнула Мария. – Твой отец спросил у меня, сможем ли мы забыть прошлое и начать все сначала.

– И что ты ему ответила?

– Я сказала, что прошлое мы можем забыть, но у меня уже больше нет сил «начинать все сначала». Есть такие вещи, которые не забываются. Никогда!

– Что именно?

Мария откусила небольшой кусочек хлеба и стала тщательно пережевывать его.

– Я никогда больше не лягу с ним в одну постель. Для него «супружеское ложе» означает нечто совсем иное, чем для меня. А зная его характер, уверена, его благих намерений не хватит надолго, хотя он и уверен сейчас, что все у нас пойдет иначе. Но я больше не смогу терпеть те унижения и боль, через которые мне пришлось пройти в прошлом. Понимаешь меня?

– Да, мама.

– Ты вот представь себе, как твой Менике твердит тебе, что любит только тебя одну, что ты для него – свет очей, а потом ты узнаешь, что точно такие же слова он повторял и многим другим, всем, кто удовлетворял его похоть. – Мария сделала усилие, чтобы проглотить кусок, но было видно, что это давалось ей с большим усилием.

– Да я бы ему все кишки ночью выпустила, – с вызовом заявила Лусия.

– Наверное, ты бы так и поступила, милая. Но ты другая, не такая, как я. А мне приходилось лишь снова и снова сносить все эти унижения.

– Но может, отец переменялся. Мужчины ведь с возрастом утихомириваются. И скажу тебе честно, с тех самых пор как я

побывала у вас в Сакромонте, я больше не видела, чтобы вокруг него крутились женщины.

– Что ж. – Мария слегка скривилась и отложила хлеб в сторону. – Это уже кое-что. Особенно для него. Но ты не переживай, Лусия. Мы с твоим отцом договорились, что снова соединимся, хотя бы ради Пепе. Он, как никто, должен верить в то, что мы с Хозе по-прежнему любим друг друга.

– А ты все еще любишь его, мама?

– Хозе – это любовь всей моей жизни, и так будет всегда, до самого смертного часа, но это вовсе не значит, что я снова позволю ему делать из себя дурочку. Я уже достаточно долго прожила на этом свете и хорошо знаю, что может вынести человеческое сердце. И чего оно вынести не может. А потому спать я буду с Хуаной.

– Нет, мама! Ни в коем случае! Я сейчас же спущусь вниз и оформлю у администратора отдельную комнату для тебя.

– *Gracias*, Лусия. – Мария положила свои руки на руки дочери. – Понимаю, как искренне ты хочешь, чтобы мы с твоим отцом снова зажили как муж с женой, но такое – увы! – невозможно.

– Я понимаю, мама. Я все понимаю. Может, в будущем, а?

– Меня с юности научили никогда не говорить «никогда», дорогая моя. – Мария слабо улыбнулась. – А сейчас я счастлива уже тем, что пока еще жива и что Пепе наконец встретился со своим отцом. Мне, Лусия, никогда не отблагодарить тебя за то, что ты для нас сделала.

– Мамочка, а сегодня вечером ты впервые за столько лет увидишь, как я танцую!

– Конечно! С удовольствием! Но пока я, пожалуй, пойду и прилягу. Мне нужно немного отдохнуть, чтобы оценить твоё выступление по достоинству.

– А я собиралась отвести тебя в магазин! Купить тебе новое платье.

– Завтра, – едва слышно обронила Мария. – Завтра купим мне новое платье.

* * *

– Боюсь, мама больна, – пожаловалась Лусия Менике, когда они наконец остались одни в номере с остатками пиршества на столах.

– Лусия, ты, по-моему, ждешь слишком много. Твоя мать не больна, она смертельно устала, ослабла от постоянного недоедания в течение многих месяцев. Да и вообще, для нее это сильное потрясение – оказаться здесь, в чужой стране, увидеть мужа впервые за столько лет разлуки.

– Что ж, будем надеяться, что ты прав. А мы со своей стороны должны сделать все возможное, чтобы она окрепла. Я вообще не уверена, что ей здесь нравится.

– Лусия... – Менике неторопливо отхлебнул глоток горького кофе. – Никто из нас не знает, как ей далось это решение уехать из Гранады. Ведь, по сути, она выбирала между двумя твоими старшими братьями, которых ты любишь, и младшим братом, которого нужно было спасать. А тех пришлось бросить на произвол судьбы. Ведь она приехала сюда только ради Пепе. Не себя она спасала.

– *Si*, но все равно так хочется, чтобы ей тут понравилось, хотя бы самую чуточку. Хорошо! Сейчас мне нужно пройтись по магазинам, купить маме платье для сегодняшнего концерта. Хочу, чтобы она выглядела красивой. Пойдешь со мной?

Менике безропотно согласился. Он всегда соглашался, хотя в глубине души понимал, что ему так нужна эта долгожданная сиеста, чтобы хоть немного передохнуть перед вечерним выступлением. И вот о сиесте приходится забыть.

Когда они выходили из номера, Менике невольно отметил про себя, как повзрослела Лусия за последние недели, как научилась она контролировать свои эмоции. Конечно, она страстно желает, чтобы ее родители снова сошлись, но нет ли в этом желании робкой попытки загладить каким-то образом свою давнюю вину перед матерью? Ведь как ни верти, а в том, что они с отцом в свое время уехали в Барселону, виновата в первую очередь она сама.

* * *

Мария рассеянно вслушивалась в непрерывное жужжание разговоров вокруг себя. Кафе «Аркадио», как всегда, было заполнено

самой элегантной публикой. Хотя Мария и не понимала ни слова из того, о чем говорят все эти *rauos*, но уже по их внешнему виду было видно, что все они люди очень богатые: об этом свидетельствовали и их наряды, и дорогой алкоголь, который они заказывали. Никогда раньше она не видела столько *rauos* в одном месте. Раньше ей лишь изредка приходилось сталкиваться на улице с человеком нецыганского происхождения. А вот как все переменялось! Она сидит среди всей этой важной публики, и платье у нее такое же элегантное, как и у других присутствующих дам, и волосы у нее на голове уложены в изысканно красивую прическу – это уже Хуана постаралась.

А все эти важные господа, собравшиеся здесь, пришли посмотреть на выступление ее дочери Лусии Альбейсин, маленькой цыганочки из Сакромонте. Подумать только! Ее дочери удалось покорить сердца всех этих *rauos*, да еще в чужой стране. Мария просто отказывалась верить своим глазам.

– Мне кажется, что все это сон! – эхом повторил ее мысли Пепе, глотнув немного пива, которое ему купили, и бросив стеснительный взгляд вокруг себя, осматривая кафе. – Там на входе такая очередь собралась из желающих попасть сюда. Неужели это мы с тобой, мамочка, сидим сейчас среди всех этих португальцев-*rauos*? Возможно ли такое?

– Возможно, дорогой мой. А все благодаря твоей сестре, которая спасла нас, – ответила Мария.

– И благодаря папе, – поспешил уточнить Пепе. – Папа сказал мне, что это он дал денег на то, чтобы подкупить чиновников в Испании и получить все нужные бумаги на выезд.

– Конечно, и ему мы тоже очень благодарны, – согласилась Мария, слегка усмехнувшись.

И тут же, словно по заказу, перед ними возник и сам Хозе.

– Мы начинаем через пять минут, – сообщил он им и окинул Марию внимательным взглядом. – Ты сегодня очень красивая. Совсем не изменилась с тех пор, когда тебе было пятнадцать.

– *Gracias*, – сдержанно поблагодарила его Мария, опустив глаза в пол и твердо решив не покупаться на комплименты мужа.

– Что ж, я пошел. Мне еще надо настроиться, – сказал Хозе, отвесив им легкий поклон.

– Но я не вижу Лусии.

– Не волнуйся, Мария, она уже здесь. Лусия взяла себе за правило перед каждым выступлением выходить на улицу и беседовать с теми, кто не может попасть в кафе, – пояснил он и заторопился к своим товарищам, остальным членам труппы, которые уже поджидали его в дальнем углу зала.

– Наша Лусия очень знаменитая, *si*, мамочка?

– Очень, – подтвердила Мария с тем же нескрываемым изумлением в голосе, что и у сына.

Но вот артисты заняли свои места. Публика встретила их появление приветственными возгласами и громкими аплодисментами. Хозе и Менике начали настраивать свои инструменты. Мария увидела, как Пепе мгновенно расплылся в довольной улыбке.

– Наш папа очень талантливый, правда? Пожалуй, он даже лучше Менике.

Мария глянула на сына и увидела в его глазах нескрываемое обожание, с которым он смотрел на отца. И в эту минуту ей снова захотелось заплакать.

– Да, сынок, он такой же талантливый, как и ты.

Пепе сделал еще один глоток пива, и в ту же минуту Мария твердой рукой забрала у него бутылку.

– Нет, *querida*, спиртное плохо влияет на пальцы.

– Правда? Но я сам видел, как папа выпивал за обедом.

– Папа уже отточил свое мастерство за столько лет, а тебе еще надо учиться. А теперь давай смотреть представление.

На разогреве выступали Хозе и Менике. В течение нескольких минут они искусно импровизировали на своих гитарах. Но вот пальцы Хозе внезапно повисли в воздухе.

– А где же Ла Кандела? – воскликнул он, обводя глазами помещение. Публика замерла. – Я не вижу ее, а мы не можем начать свое выступление без нее.

– Я здесь, – послышался голос от самого входа в кафе.

Все присутствующие повернулись на голос Лусии и сразу же начали громко хлопать и восторженно кричать. Она успокоила публику легким взмахом руки и величаво проследовала сквозь толпу. Длинный шлейф ее платья фламенко, вполне сопоставимый по своей длине с парадным платьем королевы, плавно струился за нею, извиваясь,

словно змея. Лусия поднялась на сцену и мастерски крутанула талией, заставив шлейф полностью подчиниться ее воле.

– *Arriba!*

– *Ole!* – слышались ответные приветственные крики.

– Вот сейчас мы можем начинать! – Хозе тронул струны своей гитары, выдав замысловатый пассаж, и Лусия задвигалась в такт музыке.

Мария, как и все остальные зрители в зале, сидела как замороженная. Столько страсти и огня было в этом хрупком создании, что она с трудом узнавала в нем собственную дочь.

«*Какой же ты стала искусницей, доченька моя, –* размышляла она про себя, вслушиваясь в громовые аплодисменты, которыми разразилась экзальтированная публика в конце выступления. И она тоже присоединилась к ним и тоже поднялась со своего места вместе с остальными зрителями, устроившими Лусии самую настоящую овацию. – *Ты неподражаема и великолепна*».

Хозе сегодня тоже был в ударе. Казалось, он впервые открывал для себя всю значимость шоу, в котором участвовал. Ритм, заданный им изначально, идеально совпадал с движением ножек Лусии. Такое впечатление, что он уже заранее знал, какое следующее па сделают эти ноги.

– Моя сестра, она неподражаема! – восторженно прошептал Пепе на ухо матери, когда Лусия наконец завершила свои *alegrias* и весь зал, стоя, стал требовать ее на бис.

Лусия снова успокоила публику с помощью рук.

– *Si*, я повторю свое выступление, но вначале представлю вам своего особого гостя. Хочу, чтобы он тоже поднялся ко мне на сцену. Пепе, ступай ко мне, – обратилась она к брату, и взоры всех присутствующих тут же устремились на мальчика.

– Я не могу, мама! – страшно испугался Пепе. – Я еще ничего не умею!

Мария молча взяла его гитару и протянула сыну. А ведь Лусия не случайно настояла на том, чтобы он принес с собой гитару на ее выступление.

– Ступай, сынок, как о том просит тебя твоя сестра.

Перепуганный Пепе робко пошел к сцене. Менике тут же подхватился со своего стула и галантно предложил его мальчику. Пепе

уселся рядом с отцом, тот что-то негромко прошептал ему на ухо.

– *Senores y senoras!* Я рада представить вам Хозе и Пепе, отца и сына, которые впервые выступают вместе! – объявила Лусия и, махнув своим шлейфом, отступила в бок сцены.

Вот Пепе поставил свою гитару в нужное положение, Хозе слегка тронул мальчика за плечо, потом кивнул ему и начал играть. Спустя пару секунд Пепе осторожно присоединился к нему, внимательно наблюдая за пальцами отца и вслушиваясь в заданный им ритм. Мария затаила дыхание, понимая, каких трудов стоит Пепе побороть свое волнение. Но вот мало-помалу плечи его расслабились, и он даже закрыл глаза. Мария тоже немного успокоилась. Она увидела, как Хозе внезапно замолчал: значит, он уверен, что сын дальше справится и один, без него. А мальчик, всецело погруженный в свой мир, как это бывает и с Лусией, когда она начинает танцевать, проворно перебирал своими тонкими пальчиками струны гитары, которые, казалось, порхали, словно мотыльки. Его соло заслужило бурю аплодисментов. После чего к нему присоединились Менике, Хозе и Лусия, завершив шоу блистательным крещендо, которое снова взорвало всех и привело публику в неистовство. Собравшиеся еще долго скандировали, требуя продолжения.

Хозе поднялся со стула, потом поднял на ноги своего сына и крепко обнял его. Мария почувствовала, как слезы градом покатались по ее лицу, но она даже не сделала над собой усилия, чтобы остановить их.

Лиссабон

Август 1938 года, два года спустя

26

– Я получил приглашение из Буэнос-Айреса. Нас зовут туда на гастроль, – объявил Хозе, сидя вместе с Лусией и Менике в их номере.

– Это там, где родилась Аргентинита? – на всякий случай уточнила Лусия у отца.

– Да, она действительно родилась в Аргентине.

– А где эта Аргентина находится? В Соединенных Штатах Америки?

– Нет, она расположена в *Южной Америке*, в испаноязычной части континента, если быть точнее. – Менике только ресницами похлопал в ответ на такое вопиющее незнание географии со стороны своей подруги.

– Так они там разговаривают на испанском?

– Да. Но думаю, нам надо отклонить это предложение, – сказал Хозе.

– Почему? – Лусия сузила глаза. – С какой такой стати? Мы провели в Португалии целых два года, и, сказать по правде, я уже изрядно устала жить на чужбине, в стране, где все говорят на другом языке. В Буэнос-Айресе я буду хотя бы понимать то, что говорят мне люди! Отец, я хочу туда!

– Однако мы туда не поедem, – твердо возразил Хозе.

– Почему?

– Ведь туда можно добраться только по воде. Надо много дней плыть на корабле. А ты же не хуже меня знаешь, дорогая моя, цыганам нельзя пересекать воду. Это для нас верная гибель, как утверждают предания, – торжественно изрек Хозе.

– Господи! Да забудь ты наконец про все эти глупые предрассудки! Я что, по-твоему, погибла, когда пересекла по мосту реку Дарро, чтобы попасть из Сакромонте в Альгамбру? И таких как я, были сотни, папа. И никто из нас не утонул. И не умер...

«Один человек умер», – подумала Мария. Она тихонько сидела в уголке, не вмешиваясь в их разговоры, пришивала оборки к новому платью фламенко Лусии.

– Река Дарро знакома нам, цыганам, сотни лет. К тому же она не широкая. В том месте, где расположен мост, не больше нескольких футов в ширину. А здесь надо будет пересечь океан. Плыть по воде многие недели! К тому же...

– К тому же что, отец? – спросила Лусия.

– К тому же, здесь, в Лиссабоне, мы пользуемся успехом. У нас есть все, что мы захотим. Как говорится, от добра добра не ищут. Кто его знает, Лусия, как там все сложится в этом Буэнос-Айресе. В любом случае нам придется все начинать сначала.

– Но именно этим мы и занимаемся, папа, всю нашу жизнь. Разве не так?

– Там правит бал Аргентинита, она истинная королева тех мест.

– Так ты ее боишься? А я вот ни капельки! Мне здесь уже надоело. Что из того, что мы зарабатываем кучу денег? В мире полно и других стран, которые тоже должны увидеть, что я могу делать. – Лусия повернулась к Менике. – Согласен со мной? – спросила она у него.

– Думаю, предложение действительно весьма перспективное, – откликнулся Менике в присущей ему обтекаемой манере, как самый заправский дипломат.

– Более чем перспективное! – Лусия бросила на него испепеляющий взгляд и поднялась со стула. – И в любом случае я намерена воспользоваться представившейся мне возможностью. Можешь телеграфировать, что я согласна. Я поеду к ним. Что же до остальной части труппы, то вам самим уже решать, последуете вы за мной или нет.

Лусия демонстративно вышла из комнаты, а ее родители и Менике лишь испуганно переглянулись.

– Безумие бросать все и срываться с места, когда здесь нам так хорошо, – тяжело вздохнул Хозе. – Коль скоро у нас нет пока возможности вернуться к себе на родину, в Испанию, то хоть порадуемся тому, что живем себе припеваючи совсем рядом, по соседству, в Португалии.

– Все так, – согласился с ним Менике. – Но меня тревожит общая политическая ситуация в Европе. Все очень зыбко и ненадежно, Хозе. Конечно, я приложил максимум усилий для того, чтобы защитить всех нас от всяких соглядатаев и шпииков, но слава Лусии очень велика, а потому вся наша труппа, так или иначе, постоянно находится под прицелом сотен посторонних глаз. В один прекрасный день полицейским Салазара надоеет терпеть этих цыган, и они быстренько отправят всех нас назад, в Испанию, обрекая на верную смерть. Да и Адольф Гитлер все время провоцирует Францию и Британию. Их противостояние тоже может в любую минуту обернуться новой мировой войной...

– Ты читаешь слишком много газет, дружище, и проводишь много времени в разговорах со своими друзьями-*rayos*, – недовольно бросил в ответ Хозе. – Отсюда все твои страхи. А я вот думаю, что нет ничего опаснее, чем отправиться в путь через океан. Ты соблазняешь всех нас на верную смерть!

– Хозе, я безмерно уважаю тебя и совершенно искренне пытаюсь сделать так, чтобы всем нам было только лучше. Вот и сейчас я абсолютно убежден в том, что нам надо покинуть Португалию, пока все здесь более или менее спокойно и границы открыты. – Менике повернулся к Марии. – А вы что думаете?

Мария признательно улыбнулась. Не так-то часто интересуются ее мнением. Какое-то время она молчала, видно, подбирая нужные слова. Потом заговорила.

– Думаю, моя дочь всегда будет жаждать явить свой талант миру, демонстрируя его в самых разных местах. Она еще молода, и, естественно, ей хочется покорять все новые и новые вершины. Всем нам в молодости хотелось того же – все выше и выше. – Мария бросила многозначительный взгляд на Хозе. – К тому же публика желает видеть в первую очередь *именно Лусию*, это она зарабатывает всем нам насущный хлеб. А потому, какие бы сомнения нас ни терзали, мы должны предоставить ей шанс завоевывать своим талантом новые страны. Так я думаю. – Мария стеснительно пожала плечами и снова сконцентрировалась на своем шитье.

– В твоих словах, жена, есть здравый смысл, – обронил Хозе после некоторого молчания. – А ты как думаешь, Августин?

– Согласен, – откликнулся Менике, довольный тем, что Мария приняла его сторону. Правда, его немного задели правдивые, но все же немного обидные слова женщины о том, что именно Лусию жаждут увидеть все эти толпы зрителей, которые собираются на их выступления. – А если вдруг окажется, что я был неправ, что ж, пароходы ходят регулярно, и мы всегда сможем вернуться назад, в Португалию. А если сильно повезет, то, быть может, и в Испанию.

– Значит, я остаюсь в меньшинстве, – вздохнул Хозе. – Хотя я не уверен, что остальные члены нашей труппы последуют за нами.

– Конечно, последуют, а как иначе? – Иголка, которой орудовала Мария, на мгновение повисла в воздухе, а сама она снова оторвала глаза от рукоделия и посмотрела на них. – Они же все прекрасно понимают, что без Лусии ничего собой не представляют. Ровным счетом ничего...

«Вот только понимает ли сама Лусия, что без нас она тоже мало что представляет?» – подумал про себя Менике.

* * *

– *Dios mio!* И когда же это все закончится? – простонала Лусия, свесив голову вниз, чтобы ее вытошнило в ведро, которое услужливо подставил ей Менике. – И почему в этом океане столько воды?

– Думаю, дорогая, скоро ты пообвыкнешься, и тебе станет лучше.

– Нет. – Лусия кое-как оттащила свое тело от края постели и тут же обеими руками ухватилась за деревянную раму койки, потому что в этот момент пароход вдруг сильно накренило вправо. – Я умру раньше, чем мы пристанем к берегу. Уверена, так оно и будет. А потом акулы с жадностью сожрут мое тело. И поделом мне! За то, что захотела ехать в эту Аргентину.

– Думаю, что если ты и далее будешь морить себя голодом, то бедным акулам достанется весьма скудный ужин, – пошутил Менике. Он единственный из всей труппы не страдал приступами морской болезни. Ни единого приступа за всю ту неделю, что прошла после отплытия их парохода «Монте-Паскоаль» из морской гавани Лиссабона. – Пойду, поищу стюарда. Пусть приберется здесь. Тебе что-нибудь принести? – спросил он, уже открывая дверь.

– Обручальное кольцо мне бы очень подошло, – крикнула она ему вслед, но дверь уже захлопнулась.

* * *

– Мы сегодня ужинаем в каюте капитана, – объявила Лусия спустя три дня, закалывая волосы на голове. Потом нанесла немного румян на бледное личико, явно выдававшее ее недавнее недомогание.

– Хорошо ли ты себя чувствуешь, дорогая, чтобы идти на этот ужин? – поинтересовался у нее Менике.

– Отлично чувствую! Капитан специально устраивает этот ужин в мою честь. Не могу же я его подвести. Еще чего доброго расстроится и посадит наш корабль на мель, – добавила она на полном серьезе. – Идем же! Нас уже ждут.

Ужин в каюте капитана внес приятное разнообразие в их довольно серые будни. Капитан угощал их отменным вином, официанты не успевали подавать все новые и новые блюда, но ел за столом один Менике. Хозе, сидя рядом с ним, оживленно беседовал с капитаном, который оказался большим поклонником музыки фламенко.

– Слышали последние новости из Англии? – спросил у них капитан. – Премьер-министр Великобритании господин Чемберлен пообещал своим гражданам «мир на все времена». Кажется, ему все же удалось обуздать Гитлера.

– Вот видишь, *hombre*. – Хозе энергично хлопнул Менике по плечу. – Что я тебе говорил? Мир! И зачем нас только понесло в это открытое море? Боже, как же я хочу снова в Испанию...

– Ах, мой друг! – доверительно начал капитан и, слегка подавшись к Хозе, налил ему в стакан еще немного бренди. – Как только вы своими глазами увидите все красоты Аргентины и Буэнос-Айреса, то вам никуда уже не захочется уезжать из этой страны.

* * *

– Я заглянула в каюту мамы, а она пуста! – взволнованно сообщила Лусия Менике на следующее утро.

– И что такого? Пошла прогуляться по палубе.

– В шесть утра? Не выдумывай! Что за прогулки в столь ранний час. Тогда я на цыпочках прокралась в каюту отца. Угадай, что я там увидела?

– Что?

– Я слегка приоткрыла дверь и увидела их обоих на постели в объятиях друг друга. Разве это не замечательно? – Она тут же отбила зажигательную чечетку вокруг их постели. – Я знала, что так будет! Я всегда знала!

– Да, это действительно хорошая новость. Наконец-то они перевернули эту страницу, оставив свое прошлое в прошлом. Хотя бы на время.

– Менике! – Лусия уставилась на него с вызовом, руки в боки. – Настоящая любовь, она ведь навсегда! Понятно? *Si?*

– Конечно, навсегда, дорогая. А сейчас я пойду к Пепе, мы с ним разучиваем новую песню.

Менике успел ретироваться из каюты, прежде чем заявление Лусии приобрело явственные очертания персональной угрозы для него. Ведь могла же она, чего доброго, и ведром запустить в него, тем самым, что все еще стояло у изголовья ее постели на случай очередного приступа морской болезни.

* * *

Пароход «Монте-Паскоаль» медленно плыл вдоль берегов Бразилии. Настроение пассажирам поднимала отличная погода, установившаяся в последние дни. Члены труппы Хозе тоже выползли на палубу, нежась в тепле и на солнышке, подобно тем акулам, которых они так боялись. Сейчас все их силы были брошены на подготовку к предстоящему прибытию в Аргентину. Даже Лусия, прекратившая любые занятия из-за постоянных приступов морской болезни, объявила, что будет репетировать вместе с ними.

– Менике, – обратилась она ночью накануне их прибытия в Буэнос-Айрес.

– Да, дорогая.

– Как ты думаешь, нас ждет успех в Аргентине?

– Уверен, что тебя, Лусия, там ждет успех.
Она обвила своей маленькой ручкой его руку.
– Я смогу превзойти Аргентиниту?
– Не могу ничего утверждать наверняка. Ведь она же выступает у себя на родине.
– А я ее перетанцую! – воскликнула Лусия с вызовом в голосе. – *Buenas noches*, дорогой. – Она поцеловала его в щеку и перевернулась на другой бок.

* * *

На следующее утро пароход на всех парах устремился к пристани Буэнос-Айреса. Все артисты высыпали на палубу. По такому случаю члены труппы нарядились в самые лучшие свои одежды, обильно смазав волосы маслом.

– Даже если нас никто не придет встречать, мы должны вести себя так, будто нас тут ждут, – прошептала Лусия на ухо Менике, наблюдая за тем, как спускают трап. Она поднялась на цыпочки и, перегнувшись через перила, стала вглядываться в толпы народа, собравшегося на пристани.

– Они же точно такие, как мы! И говорят на нашем языке! – счастливо воскликнула она.

– Лусия! Ла Кандела! – прокричал кто-то снизу.

– Ты слышишь? – радостно воскликнула Лусия, повернувшись к Менике. – Кто-то уже назвал мое имя. – Лусия повернулась в ту сторону и стала энергично махать рукой. – Я здесь! – крикнула она во всю мощь своих легких, но голос ее тут же утонул в криках чаек, устроивших самое настоящее хоровое представление.

Члены труппы Альбейсин медленно спустились по трапу, волоча за собой свои картонные чемоданы, украшенные букетами сухих трав, привязанных к ручкам в качестве оберегов и защищающих от всяческих напастей в пути.

– *Hola, Buenos Aires!* – ликующе выкрикнула Лусия, едва ступив на землю Аргентины. – Я не умерла! – Она бросилась обнимать своих товарищей. И тут же их ослепили вспышки десятков кинокамер, а навстречу к ним поспешил высокий мужчина в шелковом костюме.

– Где здесь Лусия Альбейсин? – спросил он зычным голосом.

– Я здесь, – откликнулась Лусия, проталкиваясь сквозь толпу.

– Так это вы? – Мужчина оглядел крохотную женщину, едва достающую ему до плеча.

– *Si*, а вы кто?

– Меня зовут Сантьяго Родригес. Я тот самый импресарио, который пригласил вас, сеньорита, к нам в Аргентину.

– *Вуено*, платите, и мы с удовольствием спляшем для вас в Буэнос-Айресе!

В толпе раздался взрыв смеха.

– Ну, и как вам у нас, на аргентинской земле?

– Замечательно! Мои родители, мой брат, кажется, даже мой саквояж – все переболели морской болезнью, пока плыли к вам через океан! – улыбнулась Лусия и добавила: – Но все же мы выжили. И вот мы здесь!

Снова засверкали вспышки фотоаппаратов, а сеньор Родригес сердечно обнял хрупкую фигурку Лусии, что вызвало новый взрыв восторженных криков в толпе собравшихся зевак.

– Итак, – пробормотал про себя Менике, – новое цирковое представление начинается...

Сакромонте, Гранада, Испания

Февраль 2008 года

*Евразийский бурый медведь
(Ursus arctos arctos)*

– А сейчас я хочу спать, – внезапно объявила Ангелина, вернув меня в день сегодняшний. – Больше никаких разговоров, пока я чуток не передохну.

Я взглянула на Ангелину и увидела, что она уже закрыла глаза. Устала. Что и понятно. Ведь она рассказывала добрых часа полтора.

Больше всего мне сейчас захотелось опрометью броситься к себе в гостиницу, схватить там первый попавший под руку листок чистой бумаги и ручку и записать все, что я только что услышала из уст Ангелины. Главное – ничего не забыть. У большинства детей все обстоит иначе. Им повезло, что их прошлое прочно и неразрывно связано с их настоящим и будущим: ведь они росли и выросли в той среде, которую видели вокруг себя с самого раннего детства, где все

понятно и привычно. У меня же все сложилось по-другому. Мне пришлось пройти, как говорится, ускоренный курс изучения своей родословной. Да и сама родословная, как и среда обитания, разительно отличаются от той жизни, которой я жила все годы после того, как отец увез меня отсюда к себе в Атлантис. Ничего общего! И вот теперь мне предстоит склеить двух совершенно разных Тигги в единое целое, на что понадобится время. Вполне возможно, много времени. Но первым делом я должна сама начать привыкать к этой новой *настоящей Тигги*, которую сама для себя недавно открыла.

– Пора обедать. – Пепе поднялся со стула и направился к входу в пещеру.

– Вам помочь? – спросила я, переступая порог и оказываясь в старомодной кухне.

– *Si*, Эризо. Тарелки вон там. – Он показал на резной деревянный буфет, похоже, что его много лет тому назад смастерил своими руками сын Марии Карлос.

Я достала тарелки и поставила их на стол, а Пепе в это время стал вынимать еду из старенького холодильника, который отчаянно дребезжал и шумел.

– Можно, я пока пройдусь по дому? Хочу посмотреть, где я появилась на свет.

– *Si*, ступай туда. – Пепе махнул вглубь пещеры. – Ангелина сейчас спит. Выключатель слева.

Я миновала кухню и отдернула в сторону ветхую занавеску. И сразу же очутилась в кромешной тьме. Нащупала рукой выключатель и нажала на него. Комнату осветила одна тусклая лампочка без абажура. Я увидела проржавелую железную кровать, покрытую пестрым вязаным одеялом. Глянула вверх и увидела овальный потолок, выкрашенный в белый цвет, и невольно издала вздох удивления. Как такое могло быть? Ведь я же была тогда еще грудным младенцем, но вот, поди ж ты! До сих пор живо помню, как чьи-то сильные крепкие руки поднимают меня под самый потолок.

Выйдя из спальни, я почувствовала легкое головокружение и попросила у Пепе стакан воды.

– Иди, посиди рядом с Ангелиной, – сказал мне Пепе, подавая стакан с водой. Я послушно поплелась к Ангелине, взяла стул и поставила его в тени какого-то душистого кустарника.

Вскоре появился и Пепе с подносом, уставленным снедью. Как только Ангелина слегка пошевелилась, мы с ним начали накрывать на стол.

– У нас здесь еда простая, – отрывисто бросил мне Пепе. Видно, решил предупредить на всякий случай, если я вдруг начну воротить нос от свежего хлеба, миски с оливковым маслом и блюда со спелыми помидорами.

– Это мне отлично подходит. Я ведь вегетарианка.

– А что это такое? – спросил у меня Пепе.

– Я не ем мяса, рыбы, яиц, молока, масла и сыра.

– *Dios mio!* – Пепе окинул меня взглядом. – То-то ты такая худющая, кожа да кости!

Несмотря на всю простоту трапезы, я очень скоро поняла, что уже никогда не забуду вкус свежее испеченного хлеба, которым меня потчевали, особенно когда макаешь кусочек хлеба в ароматное оливковое масло домашней выжимки и заедаешь его спелыми, сладкими помидорами. Отродясь таких вкусных не пробовала. Сидя за столом, я разглядывала Ангелину и Пепе, сидящих напротив, и мысленно удивлялась, какие они разные. А ведь приходится друг другу дядей и племянницей. Впрочем, если кто и усомнился бы в их родстве, то стоит лишь взглянуть, с какой свободной грацией они оба двигаются, да и сама их речь, интонации голоса – все сразу же выдает в них родню. Интересно, а что передалось по наследству мне?

– Скоро мы здесь организуем для тебя встречу со всей остальной нашей родней из Сакромонте, – пообещала Ангелина.

– А я тогда поиграю тебе на гитаре, – сказал Пепе и прищелкнул пальцами, а потом лихо подкрутил ими свои пышные усы.

– Я думала, что все уже разъехались из здешних мест, – немного удивилась я.

– Да, в Сакромонте наши родственники больше не живут, в основном обитают в городе. Но это же совсем рядом. Словом, мы закатим пир на весь мир! – Ангелина радостно хлопнула в ладоши. – А сейчас у меня начинается сиеста. Да и тебе, Эризо, не мешает немного отдохнуть. Ступай к себе, поспи пару часиков, а к шести вечера снова приходи к нам. Еще немного потолкуем.

– А я приготовлю ужин посытнее. Мы должны постараться откормить тебя, *querida*, пока ты гостишь у нас, – подал голос Пепе.

Мы с ним быстро собрали посуду на поднос, потом я отнесла на кухню кувшин с водой и стаканы. Ангелина сделала прощальный взмах рукой и исчезла за занавеской.

– Поспи, Эризо, – снова повторила Ангелина свое напутствие. Я попрощалась кивком головы с Пепе и пошла к себе в гостиницу.

* * *

Я спала как убитая и проснулась только без десяти шесть. Быстро ополоснула лицо холодной водой, чтобы окончательно прогнать сон, и снова заторопилась по узенькой тропке к голубым дверям.

– *Hola*, Эризо, – приветствовала Ангелина, уже поджидая меня на улице. Она взяла меня за запястье, прощупала мой пульс и через какое-то время удовлетворенно кивнула головой. – Гораздо лучше, но перед уходом снова выпьешь моего снадобья. Пойдем! – Она поманила меня пальцем и сама стала спускаться по наклонной тропинке вниз, миновав свою пещеру.

Так мы шли какое-то время рядом в сгущающихся сумерках. Задрав голову вверх, я увидела тонкие струйки дыма, выплывающие из четырех или пяти печных труб. Мы прошли мимо какой-то старухи, курившей сигарету на пороге своего дома. Старуха окликнула Ангелину, и та остановилась, чтобы немного поболтать с нею. Получается, что Сакромонте еще не совсем опустел и кое-кто продолжает обитать в этих пещерах, подумала я. Потом мы пошли дальше, миновали деревню. Прямо за околицей начинался густой лес.

Ангелина показала пальцем на луну, повисшую в небе прямо над нами.

– Луна растет. Растущая луна приносит новые рассветы, она знаменует собой приход весны, время, когда нужно отринуть от себя прошлое и начать все сначала.

– Странно, но я всегда плохо сплю в пору полнолуния. Долго засыпаю, а потом всю ночь мне снятся какие-то странные сны, – призналась я.

– Это свойственно многим женщинам, особенно, тем, кто обладает особым даром. У цыган принято считать, что солнце – это бог мужчин, а луна – богиня женщин.

– Правда? – искренне удивилась я.

– *Si*, – улыбнулась в ответ Ангелина, явно забавляясь моим изумлением. – А как может быть иначе? Без солнца и луны не будет и людей. Луна и солнце наделяют нас жизненной энергией. Для того чтобы на свет появилась новая жизнь, нужны двое – мужчина и женщина. А для того чтобы на земле жили люди, нужны солнце и луна. Понятно? Мы, и мужчины, и женщины, в равной мере обладаем силой, но у каждого из нас свои особые дарования и свое особое предназначение во вселенной. Идем же дальше!

Ангелина уверенной походкой петляла между деревьями, пока мы с ней не вышли на поляну. Я пригляделась и увидела множество могильных холмиков, у изголовий – грубо отесанные деревянные кресты. Ангелина молча повела меня вдоль могил, остановившись лишь тогда, когда нашла то, что искала.

Она поочередно указала мне на три креста.

– Мария, твоя *bisabuela*, твоя прабабушка, Лусия, твоя бабушка, и наконец, Айседора, твоя *madre*.

Я опустилась на колени перед могилой матери, стараясь отыскать дату ее смерти. Но на простеньком кресте было только выцарапано ее имя. Ангелина терпеливо ожидала в сторонке.

– Как она умерла? – спросила я у нее.

– Как-нибудь в другой раз расскажу, Эризо. А сейчас просто поздоровайся со своей матерью.

– Здравствуй, – прошептала я, обращаясь к могильному холмику, обильно заросшему травой. – Как бы мне хотелось знать тебя.

– Она была слишком хороша для этого света, – вздохнула Ангелина. – Такая же нежная и добрая, как ты.

Какое-то время я постояла у могилы молча; подумала, что должна была сильнее прочувствовать столь эмоциональный момент. Но наверное, мои мозги были все еще заняты переработкой той информации, которой днем загрузила меня Ангелина, а потому все, что я почувствовала, – это каким-то странным образом полное отсутствие всяких чувств.

Наконец я поднялась с земли, и мы проследовали далее вдоль длинной вереницы крестов. Я увидела имена тех младенцев, которых потеряла Мария, потом увидела могилы трех ее сыновей и внуков.

– Тела Эдуардо и Карлоса здесь не покоятся, – пояснила мне Ангелина. – Но Рамон все равно поставил кресты в память о них.

Потом Ангелина провела меня еще по нескольким рядам, все время повторяя:

– Амайя, Амайя, Амайя...

Казалось, кресты никогда не закончатся: ведь здесь упокоились все мои предки со стороны прабабушки, огромная семья, в память о которых и были установлены все эти кресты.

Потом мы переместились в ту часть кладбища, где были похоронены уже мои родственники со стороны прадедушки Хозе Альбейсина. Там могил было ничуть не меньше. Я невольно подумала, сколь же глубоки мои корни, ушедшие на пять, а то и больше веков. И тут вдруг что-то шевельнулось в моем сердце, словно какая-то невидимая игла принялась сшивать нас всех вместе одной неразрывной нитью.

Ангелина продолжила свой путь в море крестов, пока наконец не вывела меня опять к лесу.

Она глянула вниз, потом потрогала ногой землю и удовлетворенно кивнула.

– Хорошо! Сейчас у нас с тобой будет первый урок. Ложись на землю, Эризо.

Я оглянулась, чтобы посмотреть на Ангелину, и увидела, что она уже стоит на коленях. А потом она улеглась на спину, прямо на голую землю, жирную, пахнущую травой, распростершись на ней всем телом. Я последовала ее примеру.

– А теперь слушай, Эризо. – Ангелина намеренно приложила руку к одному уху, видно, чтобы лучше слышать, потом кивнула мне.

Но вот она заложила свои маленькие ручки себе под голову вместо подушки, закрыла глаза. Я сделала то же самое, хотя и не понимала толком, что именно я должна была услышать.

– Почувствуй землю, – прошептала мне Ангелина, хотя ее совет не очень-то помог мне. Но я закрыла глаза и принялась медленно вдыхать и выдыхать – вдох и снова выдох – в надежде расслышать в конце концов все то, что должна была расслышать. Так мы лежали долго, но я слышала лишь пение птиц, весело щебечущих друг с другом. Наверняка желают доброй ночи друг другу, подумала я. К этим звукам присовокупилось жужжание насекомых, легкие шорохи

маленьких зверьков, снующих в лесной чаще. Я постаралась сосредоточиться на всех этих привычных звуках дикой природы, постепенно шум стал нарастать, и вот уже в моих ушах зазвучала самая настоящая какофония звуков. И вдруг меня охватило какое-то необычное чувство, такое странное состояние, будто земля подо мной стала пульсировать. Вначале совсем слабо, но постепенно этот ритм стал усиливаться и делаться все громче и громче. И наконец наступил момент, когда ритм земли полностью совпал с моим сердечным ритмом, и в эту минуту я ощутила полную гармонию с землей.

Не знаю, как долго я пролежала на земле, всецело растворяясь в этом потоке звуков и ритмов. Нет, мне было совсем не страшно. Напротив! Чем больше звуков я слышала, тем больше видела и ощущала: тихое журчание реки, протекавшей внизу, она словно омывала меня своей живительной водой. Мне даже показалось, что я разглядела красочное оперение рыб, плещущихся в ее чистых водах. Я открыла глаза: дерево надо мной вдруг каким-то таинственным образом преобразилось в старика, крючковатые руки-ветви которого медленно колыхались под порывами легкого ветерка; его длинные седые волосы и борода, сотканые из тонких нитей паутины, которую сплели тысячи и тысячи невидимых паучков, рассыпались по всему телу – могучему стволу, поросшему мхом. Старик обхватил руками более мелкие ветки, те, что пониже, а со стороны кажется, что так человек-дерево защищает своих детей.

А еще звезды... Я никогда не видела такое обилие звезд и не знала, что они могут быть такими яркими... Когда я стала вглядываться в небо, оно вдруг стало плавно колыхаться и смещаться из стороны в сторону. И тут до меня дошло, что небесный свод состоит из миллиардов крошечных духов, и каждый из этих духов обладает своей энергией. Самым настоящим потрясением для меня стало открытие, что, оказывается, небеса заселены гораздо плотнее, чем земля...

А потом я увидела звезду, вначале мне даже показалось, что она падает, но, приглядевшись, я увидела, что она не падает, а просто зависла над кронами деревьев. Но уже через каких-то пару секунд она вдруг резко *взметнулась вверх* и остановилась прямо у меня над головой, словно определилась наконец со своим местом на небе.

И в ту же самую секунду я перенеслась в хижину Чилли, увидела его лежащим на постели. Скорее всего, там уже лежало его тело, из которого утекла жизнь, оставив после себя лишь кожу да кости, ошметки сброшенной плоти, похожей на кучу старого тряпья, забытого кем-то в промерзшей насквозь хижине. Я сразу же догадалась, что именно означает это видение.

– Наш кузен Чилли... – услышала я голос Ангелины. Вздрыгнула от неожиданности, села и посмотрела ей в глаза.

– Он умер, Ангелина.

– Да, только что перенесся в Верхний мир.

Слеза покатилась по моей щеке. Ангелина наклонилась ко мне и осторожно смахнула ее рукой.

– Нет-нет-нет! Не надо плакать, Эризо. – Она показала на небо. – Чилли счастлив. Ты же и сама чувствуешь это. Вот здесь. – Она приложила руку к моему сердцу, а потом крепко обняла меня за плечи и привлекла к себе.

– Я видела, как его душа, его... энергия устремилась вверх, – промолвила я, все еще под впечатлением от того, что увидела и прочувствовала, заглянув в совершенно иной мир.

– А мы шлем ему свою любовь. Помолимся за его душу прямо сейчас.

Вслед за Ангелиной я тоже опустила голову. «Как удивительно, – подумала я, – что испанские цыгане являются такими ревностными католиками, сохранив при этом все свои духовные верования». Наверное, это стало возможным потому, что, по сути своей, религия никоим образом не противоречит духовным практикам цыган, а лишь дополняет и обогащает их. И там и тут в основе лежит вера в высшие силы, в то, что во вселенной существует более могущественная сила, чем мы, обычные смертные. А люди уже интерпретируют эту силу, опираясь на собственную культуру и на исторические традиции. Цыгане живут среди природы, а потому духи, которых они обожествляют, тоже являются частью природы. Индусы, те, к примеру, обожествляют коров и слонов, а в христианстве символом поклонения стало божество, принявшее человеческий облик...

Ангелина сделала мне знак. Я поднялась с земли, чувствуя себя так, будто меня только что омыли живой водой: все чувства обострились, все вокруг воспринималось так, словно я видела

окружающий мир впервые. Ангелина взяла меня за руку и уверенно повела в темноте, петляя между деревьями. Наконец мы увидели тусклые огоньки в окнах деревенских домов, раскинувшихся по склону горы. Я все еще пребывала в состоянии эйфории, только что пережив момент полного слияния с вселенной, почувствовав себя частью этого огромного мироздания, в котором все мы обитаем. И тут я вспомнила слова Па Солта.

«Пусть твои ноги всегда опираются на чистый ковер земли, но при этом не забывай время от времени приподнимать свой разум над землей и заглядывать в окна вселенной...»

Уже стоя возле голубой двери, ведущей в ее пещеру, Ангелина снова измерила мой пульс.

– Все лучше и лучше. Сейчас я дам тебе выпить своего отвара, и скоро тебе будет совсем хорошо.

Пришлось выпить противный на вкус отвар под бдительным оком Ангелины. Когда я допила снадобье, она ласково прошлась рукой по моей щеке.

– Ты – моя родная кровь. И я счастлива. *Buenos noches.*

* * *

Лежа на кровати у себя в номере, я почувствовала, как сердце мое действительно успокаивается, будто это ровный пульс земли медленно, но неуклонно, настроил мое сердцебиение на свой ритм. Потом я снова перенеслась мыслями в то мгновение, когда душа Чилли воспарила над землей, уносясь ввысь. И я послала ему еще одно молчаливое приветствие. То обстоятельство, что Ангелина тоже стала свидетелем переселения его души, красноречивее всяких слов доказывало, что, когда ранее я испытывала сходные переживания, как бы наблюдая за вознесением человеческой души на небеса, все это не было пустым плодом моего чрезмерно активного воображения. А это значит, что та, «другая часть меня», не менее реальна, чем каменные стены пещеры, в которой я сейчас лежу.

Уже хотя бы это одно открытие стоило того, чтобы решиться и совершить путешествие в собственное прошлое. И я бесконечно рада тому, что отправилась в это путешествие.

Спустя неделю мне уже стало казаться, что я прожила в Сакромонте целую жизнь. Ангелина не покривила душой и действительно стала обучать меня всем своим знаниям и умениям, когда у нас с ней выпадала свободная минута. Правда, перед началом наших занятий она взяла с меня клятвенное слово, что я никогда не буду переносить на компьютер все то, о чем она станет рассказывать.

– Наши тайные практики должны и впредь оставаться в тайне, чтобы плохие люди через эту вашу машину не смогли воспользоваться ими в своих целях...

Поэтому пришлось мне спуститься с горы на другой конец села в небольшой магазинчик, в котором торговали всем чем угодно – от кошачьего корма до новейшей электроники, и купить себе там толстенный блокнот и несколько шариковых ручек. На сегодняшний день блокнот был уже исписан на две трети. Я не переставала поражаться тому, какое огромное множество рецептов хранит память Ангелины – самые разнообразные составы лекарственных трав, помогающих при самых разных заболеваниях, правда, сколько именно той или иной травы нужно для приготовления того или иного снадобья, я пока не знала, да это и не столь уж важно. И снова я ударными темпами постигала науку врачевания, которую Ангелина постигала, можно сказать, из колыбели. Ведь ее наставницей была знаменитая ворожея по имени Микаэла. Постепенно Ангелина стала обучать меня и тому, как исцелять больного с помощью собственных рук.

– Чилли говорил мне, что в моих руках есть особая сила. Но моя страсть – это животные. Можно ли будет исцелять их тоже с помощью своих рук? – спросила я у Ангелины.

– А почему нет? Всякая тварь, обитающая на земле, состоит из плоти и крови. Так что мы, в принципе, ничем не отличаемся от животных.

Хотя порой мною овладевало отчаяние, потому что мне казалось, что у меня ничего не получается, но мало-помалу под чутким руководством Ангелины я все же научилась тому, как надо «чувствовать» энергию каждого живого существа и как использовать свои руки с их вечным покалыванием в ладонях в качестве такого

своеобразного магнита. Накладываешь руки на больное место и высвобождаешь оттуда плохую энергию, а потом рассеиваешь ее. Ангелина предложила мне поупражняться на старом коте Пепе, явно страдающим артритом. Иногда, прогуливаясь по Сакромонте, я останавливалась прямо на дороге, если мне навстречу вдруг попадалось какое-то животное, будь то собака или курица, и начинала экспериментировать уже над ними. Склонившись над животным и делая свои пассы руками, я лишь надеялась, что случайный прохожий не сочтет меня полоумной и не подумает, что я пытаюсь сбагрить ему по дешевке курицу.

Шло время, и постепенно мое ухо привыкало к тому испанскому, на котором разговаривали между собой Пепе и Ангелина, с каждым днем я узнавала все больше и больше новых слов.

«Если я проведу здесь еще неделю, то, пожалуй, начну свободно болтать на испанском, во всяком случае, буду знать все испанские названия лекарственных трав», – пошутила я сама с собой, направляясь в очередной раз к заветным голубым дверям. Еще один чудесный солнечный день. Я уже заранее знала, что, как всегда, найду Ангелину сидящей на улице с неизменной чашкой кофе в руке. Увы, меня же ждет очередная порция отвратительного травяного настоя, которым меня лечит Ангелина, поскольку кофе для моего организма не подходит.

– Ну, как ты себя сегодня чувствуешь? – встретила она меня вопросом.

– Очень хорошо, *gracias*.

Я взяла кружку со своим напитком – сегодня он неприятно «благоухал» смешанным запахом семян аниса и овечьего навоза, но делать нечего, я неохотно начала пить. Я знала, что Ангелина не отстанет от меня, пока я не допью это пойло до конца.

После мы с ней позанимались пару часиков, затем был наш простой по обыкновению ленч, после которого Ангелина и Пепе отправились на отдых, а я вернулась к себе в отель, уселась на террасе и стала разбирать в блокноте свои каракули, пока все еще было свежо в памяти. Покончив с этим занятием, я тоже пошла немного вздремнуть. Я уже успела понять, что пик умственной работоспособности Ангелины приходится на ночное время, а следовательно, и у меня

голова должна быть ясной, чтобы запомнить и успеть записать новую порцию информации, которую она обрушит на меня уже вечером.

Однако сегодня сон бежал от меня: я поняла, мне не спится, потому что пора уже выйти на связь с внешним миром. Неделя промелькнула, как один день, но наверняка ведь те, кто меня знает, беспокоятся, где я и что со мной. А потому, как бы мне ни хотелось продлить еще на какое-то время свое существование в той параллельной вселенной, которую я сама для себя создала, это нечестно по отношению к близким. Я должна хотя бы сообщить им, что жива-здора и нахожусь в полной безопасности.

– Марселла, у вас есть телефон, с которого я могла бы позвонить к себе домой? – спросила я у хозяйки отеля.

– Здесь? Вы шутите, сеньорита. Здесь даже мобильная связь плохо работает: слишком слабый сигнал. Ближайший стационарный телефон в магазине, который расположен прямо за городской стеной. Хозяин позволяет нам пользоваться им, за определенную плату, конечно. У него же находится и мой факс, по которому я принимаю заказы на бронирование мест в своей гостинице. Каждый день хожу в магазин и забираю очередную порцию заказов. Вот и сейчас как раз собралась туда. Можете составить мне компанию.

– Большое спасибо, Марселла.

В крохотном магазинчике Марселла быстро объяснила хозяину, что именно мне нужно, меня отвели в какое-то складское помещение в самом дальнем конце магазина и показали на старый телефон. Не аппарат, а сплошной антиквариат.

Оставшись наедине с телефоном, я стала прикидывать, кому позвонить первому. Решила, что первый звонок я сделаю на мобильник Кэла. Учитывая, что он редко пользуется своим мобильником по причине плохой связи в Киннаирде, а потому вряд ли сразу же ответит на мой звонок, то я вполне могу избежать допроса «с пристрастием». Авось обойдется простым сообщением, которое я скину на его голосовую почту.

Я набрала номер мобильного Кэла, и через минуту-другую включился автоответчик, как я и предполагала.

– Привет, Кэл. Это я, Тигги. Хочу сообщить тебе, что со мной все в полном порядке. Извини, что тогда убежала от тебя, но я... мне нужно было срочно уехать из Киннаирда. В ближайшее время

обязательно снова выйду с тобой на связь. Пожалуйста, не волнуйся за меня. Там, где я сейчас нахожусь, мне действительно очень хорошо. Сердечный привет всем нашим. Пока.

Я положила трубку на рычаг, почувствовав некоторое удовлетворение от того, что решилась пойти на контакт. Потом снова сняла трубку с намерением сделать еще один звонок, на сей раз Ма. Какой мне вред, если она будет знать о моем местонахождении? Я набрала номер телефона в Атлантисе и услышала в трубке автоответчик. Он по-прежнему говорил голосом Па Солта. Я сразу же почувствовала комок в горле. Надо будет не забыть потом попросить Ма записать другой голос.

– Привет, Ма. Это Тигги. Со мной все хорошо, я сейчас нахожусь в Испании. Захотелось немного тепла после всех холодов, пережитых в Шотландии. Я забыла свой мобильник в Киннаирде, но постараюсь в ближайшие дни снова выйти с тобой на связь. Пожалуйста, не волнуйся за меня. Я тебя люблю. До свидания.

Я опустила трубку. На какое-то мгновение рука моя зависла в нерешительности. Уж очень был велик соблазн отправить коротенькое сообщение и на мобильник Чарли.

– Нет, Тигги! Только без глупостей! Он ведь был твоим работодателем. Или забыла? – твердо приказала я себе.

«Но ведь тебе хочется поговорить с ним, разве не так? Потому что этот человек тебе небезразличен...»

– Нет, это неправда! – сказала я вслух.

«Это правда, Тигги...»

Я тяжело вздохнула. Надо сказать, один из побочных эффектов моих интенсивных занятий с Ангелиной – это стремительное усиление роли моей интуиции. Ну, или моего внутреннего голоса, если уж обозначить интуицию другими словами. Внутренний голос, в буквальном смысле слова, стал моим Санчо Пансой, только в женском обличье. Вот и в последние дни он болтает без умолку и при любой возможности тут же тычет мне в лицо любой, даже самой невинной ложью, которую я изобретаю для самой себя.

«Ладно, будь по-твоему», – мысленно согласилась я с ним и, расплатившись за звонки, вышла из магазина. У Марселлы были еще кое-какие дела в городе, а потому домой я возвращалась одна.

– Да, он был мне... То есть я хочу сказать, он и сейчас далеко не безразличен мне, – принялась я размышлять вслух. – Но он женатый человек, у него взрослая дочь, на его руках огромное имение, которым надо как-то управлять при полном отсутствии средств. Да и вообще, его жизнь – это сплошной кошмар! Так что, что бы *ты сейчас мне ни нашептывал*, – обратилась я к своему Санчо Панса, – я отмету напрочь все твои аргументы!

Мимо меня прошли какие-то две женщины. Они удивленно глянули на меня. А как еще можно смотреть на человека, разговаривающего с самим собой?

– У меня есть друг-невидимка! – выкрикнула я на английском языке, потом помахала им рукой и стала карабкаться вверх, поднимаясь по склону горы в сторону Сакромонте.

* * *

Вечером того же дня Ангелина объявила, что я уже готова к поступлению в «университет», как она обозначила завершающий этап наших с ней занятий. Когда я пришла к ней, Пепе как раз собирался уходить. Он занимался организацией фиесты в мою честь, которая должна была состояться через пару дней.

– Придут все! – объявил он мне, уходя. Я поняла, что предстоящее событие очень волнует его. – Будет все, как в старые добрые времена!

Мы уселись с Ангелиной рядом, и она начала делиться со мной своими самыми сокровенными знаниями о том, как творить чудеса: всякие разные талисманы и обереги, приворотные зелья и заклинания, различные амулеты в форме монет и прочее, и прочее. При тусклом пламени одной оплившей свечи – Ангелина настояла, чтобы это была именно свеча, а не резкий свет электрической лампочки, – она показывала мне всяческие сакральные предметы, принадлежавшие когда-то моим предкам. Я брала их в руки, чувствуя уже ставшее привычным покалывание в ладонях, а она рассказывала мне, как именно можно попасть в тот «другой мир», который населен духами. Это же они шепчут мне на ухо, и это благодаря им я получаю свои необычные знания о вещах.

Наконец дело дошло до проклятий, и тут я впервые сказала решительное «нет».

– Я полагала, что мы – целительницы, знахарки, которые лечат людей и животных, – сказала я. – Так как же мы можем проклинать кого-то? Или желать кому-то зла?

Ангелина бросила на меня грустный взгляд.

– Эризо, в этом мире есть место не только свету, но и тьме. За свою жизнь я видела много темного. – Она закрыла глаза, и я поняла, что мыслями она снова в прошлом, в том страшном и трагичном прошлом, которое до сих пор довлеет и над ней, и над этой красивой страной. – Когда наступает время тьмы, то всегда делаешь все, чтобы выжить, чтобы защитить себя и тех, кого ты любишь. Сейчас мы пойдем с тобой в лес, и я научу тебя словам самого сильного проклятия.

Минут через пятнадцать она остановила меня посреди лесной поляны и заставила выучить наизусть слова, которые прошептала на испанском, предварительно повесив мне на шею защитный талисман. Наверное, хорошо, что я не понимала значения этих слов. Я никогда не должна была произносить эти слова вслух или тем более записывать их. Только хранить их в памяти и мысленно повторять время от времени, пока они не станут неотъемлемой частью моего подсознания и не запечатаются навечно в моей душе.

– Сколько раз ты сама произносила это проклятие? – спросила я у Ангелины, когда мы возвращались домой.

– Только дважды. Один раз, чтобы спастись самой, а второй – чтобы помочь человеку, который отчаянно нуждался в моей помощи.

– И что случилось с теми людьми, которых ты прокляла?

– Они умерли, – ответила она коротко.

– Понятно, – выдохнула я, поражаясь и одновременно ужасаясь той сверхъестественной силе, которой наделена эта женщина. Оставалось лишь надеяться на то, что я не унаследовала этого ее дара, единственного в своем роде, которым бы и не хотела владеть.

* * *

– Все у тебя получилось хорошо, Эризо, – подвела черту под нашими занятиями Ангелина спустя два дня. – У нас с Пепе для тебя сюрприз. Сейчас ступай к Марселле. – Она быстро выдворила меня вон, чтобы отправиться на свой послеобеденный сон-сиесту, а я вернулась к себе в отель. Отыскала Марселлу, которая улыбнулась понимающей улыбкой.

– Пойдем со мной, Тигги, – пригласила она меня в свои приватные покои, тоже расположенные в пещере. Все помещения были украшены традиционными рукоделиями и покрывалами. В одной из комнат в углу стоял огромный телевизор устаревшего образца.

– Вот! – Марселла показала мне на диван.

На нем лежало красивое платье фламенко белого цвета с пурпурно-красными воланами, плавно переходящими в длинный шлейф.

– Примерь, – предложила она мне. – Это мое старое платье, которое я храню с детства, но тебе, по-моему, оно должно быть впору. К сегодняшнему празднику мы должны сделать из тебя настоящую *bailoara*, исполнительницу фламенко.

– Я должна буду явиться на фиесту в этом? – совершенно искренне удивилась я.

– Конечно. Ведь это же праздник!

Она швырнула мне на руки охапку мягкой ткани и проводила в небольшую гардеробную. Там я сняла с себя свое платье и облачилась в наряд фламенко. После чего вышла к Марселле, чтобы та помогла мне справиться с многочисленными пуговичками на спине. Разгладила руками юбку, слегка поправила глубокое V-образное декольте.

– А сейчас взгляни на себя в зеркало, Тигги. – Марселла развернула меня лицом к зеркалу.

Я с удивлением обозрела женщину, которая глядела на меня из зеркала. Какая-то совершенно новая Тигги из зазеркалья, смуглая, успевшая загореть под горячим испанским солнцем, глаза блестят, платье удачно подчеркивает мою тонкую талию и нежную, гладкую кожу в области декольте.

– *Linda!* – воскликнула Марселла. – Прекрасно! А теперь тебе еще нужны туфельки. Ангелина приготовила их для тебя. Я поначалу сильно сомневалась, что ты сможешь втиснуть в них ноги, но, увидев, какие у тебя крохотные ножки, поняла, что они будут в самый раз. –

Она протянула мне пару туфель из красной кожи с тонкой перепонкой спереди, застегивающейся на пряжку. Устойчивый, прямой, так называемый «кубинский каблук» высотой не более пяти сантиметров. Но поскольку я привыкла к обуви вообще без каблуков, то такой высоты мне было более чем достаточно. Я взяла туфельки из рук Марселлы и принялась примерять их, почувствовав себя в этот момент самой настоящей Золушкой. Туфли подошли мне просто идеально, от возбуждения я даже почувствовала легкое покалывание в области шеи.

– Марселла, а чьи это туфельки?

– Как чьи? Твоей бабушки Лусии, само собой, – ответила она.

* * *

В девять часов вечера мы с Марселлой направились к одной из больших пещер, расположенных внизу. Пожалуй, я легко бы нашла туда дорогу и без помощи Марселлы, потому что музыка уже гремела по всему Сакромонте. Даже сам воздух вибрировал в такт зажигательным ритмам. Перед входом в пещеру, где уже было полно народа, я лишний раз пригладила свои волосы. Марселла обильно смазала мои локоны маслом, чтобы сделать их послушными, а потом приладила один локон прямо по центру лба, точь-в-точь, как на тех фотографиях Лусии, которые мне доводилось видеть.

При моем появлении народ радостно зашумел, раздались приветственные крики и аплодисменты. Сияющие от счастья Ангелина и Пепе, тоже облаченные в костюмы фламенко, потащили меня по кругу знакомить с родней. Все собравшиеся тоже были одеты в национальные костюмы.

– Эризо, это внучка кухни твоей матери. Ее зовут Пилар. А это – Висенте и Гаэл... Камилла... Луис...

От обилия новых лиц и имен у меня голова пошла кругом. Я безропотно позволяла вести себя в этой толпе, поражаясь тому, как тепло и сердечно меня обнимают и целуют все эти незнакомые люди. Вот Висенте, а может, и Гаэл, подал мне бокал с белым вином мансанилья, а я краешком глаза увидела, как Пепе устраивается на стуле в дальнем конце пещеры с гитарой на коленях, рядом с каким-то мужчиной, который уселся на обычный ящик.

– *Emprezamos!* – крикнул он, обращаясь к собравшимся. – Начинаем!

– *Ole!* – с воодушевлением прокричал в ответ народ, и вот уже две молоденькие танцовщицы выплыли в центр площадки. Они стали танцевать *chufra bulerias* – «простой танец», как охарактеризовала его Ангелина. Но, наблюдая за тем, как ловко работают обе девушки ножками, все более и более ускоряя ритм своих телодвижений, как красиво они манипулируют своими разноцветными юбками, наполняя всю пещеру вокруг пиршеством ярких красок, как синхронно вскидывают вверх они свои подбородки, я не могла не восхититься их мастерством.

А ведь я тоже часть этой культуры, цыганка плоть от плоти и чувствую себя таковой не только в силу кровного родства, но и духовной общности. А потому, когда ко мне подошел какой-то молодой человек и подал руку, приглашая на танец, я не стала сопротивляться. Напротив! Расслабившись всем телом, я с наслаждением подчинилась ритму гитары Пепе, ведомая каким-то духом внутри себя, которого все местные называют *duende*.

Не знаю, как долго я танцевала. Казалось, туфельки Лусии сами несли меня в пляс, и я танцевала самозабвенно, не задумываясь над тем, что со стороны могу показаться смешной или нелепой, старательно повторяла все движения своего партнера, лихо отбивая чечетку на старой танцевальной площадке, оборудованной в пещере, вместе со всеми своими новоявленными родственниками, окружившими меня со всех сторон. Пол вибрировал под нашими ногами, потому что все, и мужчины, и женщины, и дети, танцевали с истинным наслаждением, всецело отдаваясь музыке.

– *Ole!* – время от времени подбадривал танцоров Пепе.

– *Ole!* – кричала я в ответ вместе с остальными. Потом отпустила своего партнера, чтобы тот принес мне воды.

– Тигги!

Я почувствовала чью-то твердую руку на своем плече. Наверняка выпитое вино ударило мне в голову, тут же подумала я. Да еще от всех этих вращений голова пошла кругом. Однако я повернулась на голос, который показался мне очень знакомым, прямо как у Чарли Киннаирда.

– Привет, Тигги, – поздоровался со мной живой Чарли, схватил за руку и бесцеремонно поволок меня к выходу, пробираясь через толпу танцующих пар, не переставая хлопать в ладоши и отбивать ритм ногами.

– Что вы делаете? – возмутилась я, пытаюсь перекричать невероятный шум и гам, царившие вокруг. – Отпустите меня!

Однако Чарли и не подумал ослабить хватку, и, несмотря на все свои протесты и извинения мне пришлось тащиться за ним, пока он не соизволит наконец отпустить мою руку.

Однако никто вокруг даже глазом не повел в нашу сторону. Впрочем, наблюдая за тем, как эмоционально раскованно ведут себя цыгане, как шумно они выражают свою радость, я поняла, что, скорее всего, для них наше поведение кажется вполне нормальным.

– Я должен был вывести вас на улицу, потому что здесь, среди этой какофонии звуков, я вообще ничего не замечаю, – сказал мне Чарли, снял с себя джемпер и набросил его мне на голые плечи.

Потом огляделся по сторонам, увидел невысокую стену напротив пещеры и повел меня к ней. И только там отпустил мою руку, а потом, обхватив меня обеими руками за талию, приподнял и усадил на стенку.

– Чарли, ради бога! Что вы здесь делаете?!

– Пожалуйста, сядьте как следует, Тигги. – Он снял руку с моей талии и взял меня за запястье, стал прощупывать пульс.

– Хватит, Чарли! – Я легонько хлопнула второй рукой по его пальцам.

– У вас повышенный пульс, Тигги! Типичная тахикардия...

– Да, потому что весь последний час я танцевала до упаду, – довольно резко бросила я в ответ. – И все же, почему вы здесь?

– Да потому что я и все остальные только то и делаем, что гоняемся за вами по всему свету.

– Что значит «все остальные»? – слегка нахмурилась я.

– Кэл обнаружил у вас в спальне мобильник, и мы с ним обзвонили всех, кто числится в вашей адресной книге, чтобы узнать, где вы и что с вами. Но никто ничего не знал. И только после того как вы отправили сообщения на телефон Кэла и Ма, мы все узнали, что вы сейчас в Испании.

– Простите, Чарли. – Я тяжело вздохнула. – Пожалуйста, говорите помедленнее, ладно? Что случилось? У кого-то неприятности?

– Нет, Тигги, у всех все в порядке, – ответил Чарли. – Но все мы волнуемся за вас.

– Что значит – «за меня»?

– В то утро, когда вы сбежали из больницы, я получил на руки результаты ваших обследований, проанализировал все и вот что могу сказать вам. Если вкратце, Тигги, то я подозреваю у вас серьезное сердечное заболевание под названием миокардит. Вам необходимо срочное лечение.

– У меня проблемы с сердцем? – спросила я слабым голосом. – Не может быть!

– Увы, да. И эти проблемы представляют собой потенциальную угрозу для вашего здоровья, особенно если их не лечить.

– Но я себя прекрасно чувствую, – возразила я. – А с тех самых пор как я приехала сюда, прекратились, как мне кажется, и мои сердцебиения. – Впервые я посмотрела Чарли прямо в глаза. – И вы прилетели сюда только за тем, чтобы сказать мне все это?

– Конечно. А как иначе я мог поступить? Поскольку связаться с вами я не мог, то у меня просто не оставалось иного выбора. Нет, я говорю вполне серьезно, Тигги. Мало того что вы едва не погибли, работая у меня в имении, так тут еще и это. Не хочу, чтобы ваша болезнь тоже легла на мою совесть.

– Но вы же ни в чем не виноваты, Чарли. Я ведь сама, по собственной воле, «сбежала», как вы изволили выразиться, из больницы.

– Все верно. Но, помимо своего профессионального долга, я несу за вас ответственность и как ваш работодатель. А я ведь и понятия не имел, как все неблагоприятно сложилось для вас в Киннаирде. Сейчас-то я вполне понимаю, почему вы вынуждены были уехать.

Я затаила дыхание. Неужели ему стало известно о моем разговоре с его женой?

– Берил и Кэл рассказали мне о том, как повел себя с вами Зед Эсзу. Оба они уверены в том, что вы уехали именно по его вине. Мне жаль, Тигги, что все так получилось. И я очень сожалею, что вы ни словом не обмолвились об этом со мной. Такое поведение, оно... просто недопустимо.

– Но вашей вины в том нет, Чарли.

– Еще как есть! Мне следовало самому заниматься вопросами управления именем, чаще бывать в Киннаирде, тогда бы наверняка не случилось ничего подобного. Это ведь самое настоящее сексуальное домогательство, откровенное и наглое. Клянусь, если он мне снова попадется когда-нибудь на глаза, я собственноручно сверну ему шею.

– Но, надеюсь, никто не сказал Зеду, где я? – спросила я, заметно нервничая.

– Конечно нет. Как только Кэл сообщил мне о том, что произошло, я тут же примчался в Киннаирд и велел Зеду немедленно покинуть дом. Он быстро упаковал вещи и уже во второй половине дня вымелся на своем ренджровере прочь. Он уехал, Тигги. Навсегда! Это я вам обещаю, – промолвил Чарли, видно, почувствовав мой страх. Он осторожно положил свою руку на мою ладонь, и в ту же минуту легкая дрожь пронзила все мое тело. – Надеюсь, сейчас ничто не помешает вам снова вернуться в Киннаирд.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я Чарли, довольная тем, что он считает Зеда единственной причиной, побудившей меня уехать из Киннаирда. Что ж, пусть пока так и думает.

– А еще хочу сообщить вам, что полиция тоже пытается выйти с вами на связь по поводу расследования всех обстоятельств той стрельбы. Им удалось найти гильзу, и сейчас они проводят судебно-медицинскую экспертизу.

– Им удалось найти стрелка? – спросила я, вспомнив о судьбе несчастного Пегаса.

– На этот счет я не владею никакой определенной информацией, но они хотят переговорить с вами, чтобы прояснить для себя кое-какие моменты. Поскольку у вас есть определенные проблемы со здоровьем, то я записал вас на прием в местную больницу здесь, в Гранаде, на завтра. Надо сделать еще пару тестов, чтобы убедиться в том, что вы можете вернуться домой самолетом.

Я бросила на Чарли удивленный взгляд. Хоть он и старается изо всех сил помочь мне, но, однако же, в эту самую минуту он стал сильно напоминать мне Зеда. Еще один мужчина, который хочет контролировать мою жизнь.

– Простите, Чарли, но я себя прекрасно чувствую и ни в какую Гранаду я уж точно не поеду.

– Вполне возможно, что на данный момент вы себя действительно чувствуете превосходно, но результаты вашего обследования показывают, что все у вас обстоит не так уж благостно. Я говорю серьезно, Тигги. Ваша болезнь... Она может в конце концов убить вас.

– Чарли, пока я росла, мое сердце проверяли и перепроверяли сто тысяч раз. И не нашли ничего плохого. Так почему же с ним стало плохо сейчас?

– Ладно! – Чарли подавил вздох и прислонился к стене рядом со мной. – Выслушайте меня, хорошо? И не перебивайте. А для начала ответьте мне на пару вопросов.

– Задавайте, – неохотно согласилась я, прислушиваясь к барабанной дробу и веселым крикам «*Ole!*», доносившимся из пещеры. Меньше всего на свете мне сейчас хотелось сидеть на этой стенке и обсуждать какие-то гипотетические проблемы с моим сердцем.

– Когда вы впервые заметили у себя сильное сердцебиение?

– Хм... Время от времени у меня действительно случались приступы учащенного сердцебиения, но я относила это ко всяким простудным недугам. Когда у меня случался бронхит или что-то в этом роде. А недавно я сильно простудилась и долго потом кашляла.

– Хорошо. А теперь вспомните, когда вы в последний раз сильно переболели и лежали в постели с высокой температурой?

– О, это совсем не трудно вспомнить. Мне было тогда семнадцать. Я училась в выпускном классе школы. У меня вдруг поднялась высокая температура, и меня тут же поместили в изолятор. Доктор диагностировал острый фарингит, мне даже прописали курс антибиотиков. Но постепенно все нормализовалось, хотя на это ушло какое-то время. Это случилось десять лет тому назад, Чарли, но с тех пор я чувствую себя хорошо.

– А за все эти годы вы хоть однажды делали кардиограмму? Я имею в виду, до того как попали к нам в больницу в Инвернесе.

– Нет.

– Тигги! – Чарли подавил очередной вздох. – Миокардит – это заболевание довольно редкое, и причины, по которым оно возникает, не всегда ясны и еще до конца не изучены, но, как правило, провоцирует его чаще всего вирусная инфекция. Судя по всему,

именно это и случилось с вами в семнадцать лет, но диагноз поставили не совсем точно, свалив все на острый фарингит.

– Понятно, – промолвила я, уже превратившись в слух.

– Каким-то образом, – продолжил Чарли, – еще не до конца понятным и нам, специалистам, вирус вызывает воспаление сердечной мышцы. Всякие же другие заболевания еще больше увеличивают нагрузку на сердце. Вот почему вы и сами стали замечать, что стоит вам простудиться, как у вас тут же учащается сердцебиение. Так случилось и после недавней простуды. Плюс на все это, конечно, наложил свой отпечаток и шок, пережитый вами после того ночного происшествия со стрельбой.

Я слушала молча, постепенно трезвея от свежего воздуха. Кажется, до меня наконец дошло, почему Чарли примчался сюда.

– То есть я могу... даже умереть?

– Без надлежащего лечения, да, Тигги, можете. Как видите, это все серьезно.

– А с помощью каких-то лекарств это можно вылечить?

– Наверное, но строить какие-то прогнозы заранее не стоит. Иногда сердце само приводит себя в норму, иногда помогают бета-блокаторы или ингибиторы АПФ. А иногда... не помогает ничто, и тогда исход более чем мрачный.

Я почувствовала дрожь во всем теле, частично, наверное, от страха, но поскольку я уже немного успокоилась и пришла в себя, то, возможно, и от того, что ночь все же выдалась достаточно прохладной.

– Пойдемте отсюда, Тигги. Вам нужно в тепло. – Чарли протянул руки, чтобы снять меня со стены, но я спрыгнула сама.

– Вы и все эти люди выглядите, кстати, очень достоверно в своих самобытных нарядах, – прокомментировал Чарли мой внешний вид. – У вас тут что-то вроде карнавала, да?

– Нет. – Его вопрос невольно вызвал у меня улыбку. – Все эти люди в пещере – настоящие цыгане. Более того, они все, как один, приходятся мне родней! А сейчас... – Я глянула на ошарашенное лицо Чарли. – Хоть танцев на сегодня для меня и достаточно, в любом случае мне надо вернуться обратно в пещеру и попрощаться, как положено, со своей новой семьей.

– Конечно, конечно. Я подожду вас здесь.

Я вернулась в пещеру. Народ самозабвенно продолжал отплясывать, хлопать в ладоши и петь с прежним упоением, несмотря на поздний час. Веселье лишь набирало обороты, будто завтра никогда не наступит.

«Но ведь завтра может не наступить и для тебя, Тигги».

Я отыскала в толпе Ангелину. Она сидела рядом с Пепе: тот отложил в сторону свою гитару и отирал с лица пот большим носовым платком.

– Я иду к себе, – объявила я им. – Хочу уже лечь. Что-то я чувствую себя уставшей. *Muchas gracias* за такой грандиозный праздник, который вы устроили для меня.

Они по очереди обняли меня, прижав к своим разгоряченным, потным телам, потом расцеловали в обе щеки.

– Вот сейчас, Эризо, ты стала действительно одной из нас. А теперь ступай к своему парню, – добавила Ангелина с улыбкой.

– Он мой босс, а не парень, – поспешила я тут же все уточнить.

Но Ангелина лишь понимающе закатила глаза и слегка пожала плечами.

– *Buenos noches*, Эризо.

– А что это за место такое? – поинтересовался у меня Чарли, когда мы стали карабкаться вверх по узенькой извилистой тропинке. – Когда я вышел из такси, мне оно показалось совершенно безлюдным. Такое впечатление, что здесь никто не живет.

– Тем не менее люди здесь живут, хотя и не так много, как в былые времена. Раньше все эти люди обитали в здешних пещерах, разбросанных по склону горы, но сейчас большинство перебралось в город, в современные благоустроенные квартиры.

– Как все интересно и необычно! – воскликнул Чарли, слегка запыхавшись, пока мы с ним преодолевали ступеньки, ведущие в гору. – Как я понимаю, все здесь сохранилось в своем первозданном виде, таким, каким было сотни лет тому назад. – Он глянул на меня, увидел, как устало я тащусь по ступенькам вслед за ним. – Не торопитесь, Тигги! Пожалуйста, идите медленно. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не разберемся со всеми вашими анализами, бегать вприпрыжку вам категорически не рекомендуется.

– Но, если серьезно, я чувствую себя очень даже хорошо. Наверное, здешний воздух пошел мне на пользу. Пока я весь вечер

танцевала, сердце мое совсем не прыгало, – призналась я. Наконец мы взобрались на самый верх и пошли по дорожке, петляющей между пещер. – И все же, как вы меня отыскивали тут?

– Все просто. Вы же сообщили Ма, что улетели в Испанию. Кэл прошерстил все бумаги в вашей комнате в поисках наводки, куда именно в Испании вы могли направиться. Нашел несколько распечаток из Википедии о какой-то испанской танцовщице. Там, в частности, упоминались Гранада и Сакромонте. Вот мы и решили, что, скорее всего, стоит искать вас именно здесь. Вы только взгляните, Тигги! – Чарли замер, как вкопанный. Мы обогнули гору, и нашему взору предстала Альгамбра во всем своем величии, взметнувшаяся в ночное небо. – Какая красота! Необыкновенный вид!

– Да, от этой красоты дух захватывает.

– Вы уже там бывали?

– Пока еще нет. Я была слишком занята здесь. Кстати, а где вы остановились?

– В отеле, он здесь единственный. Во всяком случае, так нам сообщили в справочном бюро в аэропорту. Отель «Кувас Эль Альбанико». Там мы и остановились.

– Мы?

– Да, мы, – ответил он, когда мы подошли к нашей гостинице. – Видите ли, я посчитал, что будет... не совсем правильно, если я нагрюну к вам один, а потому приехал сюда в сопровождении. Сейчас сами увидите, кого, – добавил он, распахивая передо мной калитку. – Впрочем, она может быть уже в постели, хотя...

Едва я переступила порог, как мне навстречу метнулась фигура, облаченная в пижаму в клеточку, и тут же обвила меня обеими руками.

– Тигги! Как же я рада видеть тебя!

– И я тебя, Алли, тоже! – изумленно воскликнула я. Потом слегка отстранилась от сестры и окинула ее внимательным взглядом. – Потрясающе выглядишь! – ни капельки не покривила я душой, любуясь ее сверкающими голубыми глазами, роскошной золотистой с рыжеватым отливом гривой и огромным животом, выпирающим из пижамы. – Боже мой! Какая же ты большая! По-моему, ты вот-вот должна родить. Разве можно было в таком состоянии летать самолетами?

– Я прекрасно себя чувствую. А до родов мне еще целый месяц. И что мне там делать, в этом Бергене, одной? Потихоньку сходить с ума? Вот мой брат-близнец Том сжалился надо мной и решил прихватить с собой в Лондон, где у него сейчас концерты. А я убедила своего врача, что его приглашение мне очень кстати и что мне просто необходимо срочно сменить обстановку. Но тут мне позвонил Чарли. Когда я услышала, что случилось с тобой и где ты сейчас, по его мнению, скрываешься, я тут же поменяла свой билет на Гранаду и прилетела сюда вместе с ним.

– Ах, Алли! На самом деле со мной все в полном порядке, – простила я в ответ. – А вот тебе лучше было бы сидеть в тепле и уюте в своем Бергене, а не носиться по всей Европе в поисках меня.

– Тигги, мы все были страшно обеспокоены, где вы и что с вами. А сейчас, дамы, прошу простить меня, оставляю вас наедине друг с другом, – промолвил Чарли и снова принялся измерять мой пульс. Через пару минут удовлетворенно кивнул головой. – Гораздо спокойнее сейчас.

– Чарли уже объяснил тебе, насколько серьезно твое состояние? – спросила у меня Алли.

– Объяснил, – ответил ей сам Чарли. – Надеюсь, мне не придется тащить вас завтра на аркане в больницу и вы пойдете туда на своих ногах. Договорились, Тигги?

– Она пойдет, – с жаром заверила его Алли, поспешив ответить вместо меня.

– Если возникнут какие-то проблемы ночью, вы знаете, где я.

– Да. Спокойной ночи, Чарли. И спасибо вам за все, – крикнула ему вдогонку Алли, глядя, как он шагает к себе в номер в дальнем крыле гостиницы. Мы обе замолчали и молчали до тех пор, пока не услышали, как он, войдя к себе в комнату, захлопнул дверь.

– Хочешь пойти прилечь, Тигги? – спросила у меня сестра.

– Нет. Я сейчас слишком возбуждена и совсем не хочу спать. Зато с удовольствием выслушаю все твои последние новости. Давай присядем вон там. – Я указала рукой на небольшую гостиную, в которой стояло несколько удобных кожаных диванов.

– Но только ненадолго. Доктору Чарли это явно не понравится, – прошептала мне Алли, идя вслед за мной в гостиную, где с удовольствием опустилась на один из диванов.

– Итак, как вы меня разыскивали?

– Когда Чарли позвонил мне по твоему мобильнику, он был вне себя. Очень сильно переживал. Какой он все же славный! – Алли улыбнулась. – И, по-моему, влюблен в тебя до потери пульса.

– Мне очень жаль, что я доставила вам двоим столько хлопот.

– Если честно, Тигги, то я страшно обрадовалась, когда подвернулся предлог не возвращаться из Лондона назад, в Берген. Ты же меня знаешь! Люблю действовать! Движение для меня – это жизнь! – Она снова улыбнулась. – К тому же я тоже очень озаботилась тем, что с тобой стряслось. Мы все страшно волновались. Хотя должна сказать, ты выглядишь намного лучше, чем я ожидала.

– Да я и чувствую себя гораздо лучше. Когда я только прилетела сюда, сердце у меня действительно трепыхалось в разные стороны, а сейчас оно успокоилось, и все нормально.

– Это радует. Так вот, твой коллега Кэл перерыл в ящиках твоего стола все бумаги и отыскал распечатку о какой-то танцовщице фламенко. – Алли жестом указала на мое платье. – Как я понимаю, именно поэтому ты сюда и приехала. Захотела отыскать свою настоящую семью, да?

– Да.

– Ладно, с этим все понятно. Но зачем надо было убегать из больницы? Уезжать, не предупредив никого о том, куда именно ты направляешься?

– Я... Видишь ли, тут все очень сложно, Алли. Скажу лишь одно. Мне нужно было уехать, причем срочно.

– О, мне хорошо знакомо это состояние. Насколько я могу судить, Чарли уверен, что, помимо этого досадного инцидента со стрельбой, тут еще замешан не только белый олень, но и Зед Эсзу.

– Да, частично так оно и есть.

– Майя сказала мне, что ты ей звонила.

– Да. И она полностью подтвердила мои самые худшие опасения. Естественно, я ответила отказом на его предложение о работе.

– Тео говорит, он самый настоящий подонок, – грустно улыбнулась в ответ Алли.

У меня комок в горле застрял, когда я услышала, как моя сестра говорит об отце своего ребенка, словно о все еще живом человеке. Я невольно бросила на нее восхищенный взгляд. Ведь я с раннего

детства привыкла всегда восхищаться своей старшей сестрой. Помню, как часто, коротая дни в одиночестве во время какой-нибудь моей очередной болезни, когда меня запирали в отдельной комнате на верхнем этаже, я часами сидела у окна, любуясь тем, как Алли носится по Женевскому озеру на своем «Лазере». Вот в какой-то момент ее лодка опрокидывается, и Алли с головой уходит под воду, и тут же снова выныривает на поверхность, и начинает все сначала. Я, как никто другой, знаю, какая у меня храбрая и целеустремленная сестра. Она всегда добивалась того, к чему стремилась. Такой она, вне всякого сомнения, осталась и по сей день, сильной, смелой, решительной. В детстве я очень хотела быть похожей на свою старшую сестру. Да вот хотя бы взять ее присутствие рядом со мной сегодня вечером. Разве можно было рисковать в ее-то положении, когда младенец вот-вот должен появиться на свет, и лететь очертя голову бог знает куда? Нет, что ни говори, а приезд Алли растрогал меня до невероятности.

– Знаешь, Алли, мне кажется, этот Зед... Он немного гипнотизер. Или какой-то злой волшебник... В его присутствии... – я запнулась в поисках нужных слов, – такое чувство, будто ты в комнате одна. Он всецело фиксирует на тебе все свое внимание, и ты начинаешь чувствовать себя таким подопытным кроликом. И вот он начинает... гипнотизировать тебя и уже заранее дает понять, что не примет твое «нет» в качестве ответа.

– Иными словами, этот человек ни перед чем не остановится, чтобы заполучить свое. И вот поди ж ты! По каким-то причинам, нам совершенно не понятным, он вдруг «запал» на сестер Деплеси. Конечно, вполне возможно, это простое совпадение, но все же очень странно, что в тот день, когда хоронили папу, я увидела яхту Крига Эсзу рядом с нашей яхтой. Что-то во всем этом есть нечистое... Вот ты, Тигги. У тебя же такая обостренная интуиция. Что ты думаешь?

– Если честно, Алли, то даже не знаю, что и сказать.

– Если помнишь, в прошлом я не раз подшучивала над тобой на предмет твоей веры в сверхъестественное, но... – Алли больно прикусила нижнюю губу. – Ты не поверишь, но я готова поклясться, что слышу, как иногда Тео разговаривает со мной. О чем-то рассказывает или говорит что-то смешное, чтобы заставить меня рассмеяться, особенно когда на меня вдруг нападает хандра и я начинаю тосковать по нему с удвоенной силой.

Глаза сестры заискрились от выступивших слез.

– Лично я верю, что так оно и есть, Алли, – обронила я и тут же почувствовала, как холодок пробежал по моей спине. И даже волоски на руках стали дыбом. Раньше я всегда недоумевала, что бы это значило. Но Ангелина объяснила мне, что так духи обозначают свое присутствие. И я не смогла сдержать улыбки, когда Тео вдруг задал мне вопрос для Алли.

– Вот и сейчас он хотел бы знать, почему ты не носишь свой кулон, – обратилась я к сестре.

Краска тут же сбежала с лица Алли, и она инстинктивно схватилась рукой за шею.

– Я... Тигги, как ты узнала? Это такой простенький кулон на цепочке. Тео купил мне его в тот самый день, когда сделал предложение. Совсем дешевая вещица, но несколько недель тому назад порвалась цепочка. А я все никак не могу дойти до мастерской, чтобы... починить ее. О боже, Тигги! Боже мой!

Алли выглядела очень испуганной, и я уже пожалела о том, что завела с ней этот разговор о всяких потусторонних чудесах. Однако, с другой стороны, я сижу сейчас в одной из священных пещер Сакромонте, напитанной за столько столетий силой моих предков, обитавших когда-то здесь. Как же я могу перестать слышать все то, что духи хотят сообщить мне?

– Он также сказал, что ему нравится имя Бэр.

– Да, мы однажды обсуждали с Тео, как назовем наших детишек. Я сказала, что для мальчика мне нравится имя Тедди, Мишутка, а он улыбнулся в ответ и сказал... Он сказал... – Алли даже задохнулась от волнения, – что пусть уж лучше будет не Мишутка, а Медведь... Бэр.

– Он любит тебя, Алли. А еще он говорит... – Я напряженно вслушалась в энергию, слабеющую с каждой секундой. – Что «тебе нужно быть готовой».

Она глянула на меня в полнейшем смятении.

– Что это может значить?

– По правде говоря, Алли, понятия не имею. Прости, но это так.

– Я... – Алли смахнула слезы с глаз тыльной стороной ладоней. – Я настолько... потрясена тем, что ты мне сказала. Боже мой, Тигги! Каким уникальным даром ты владеешь! Ведь ты же не могла знать заранее ничего из того, о чем поведала мне. Ты точно ничего не знала!

– Что-то случилось со мной по приезде сюда, – ответила я тихо. – Это трудно объяснить словами, но, судя по всему, я происхожу из цыганской семьи, в роду которой были медиумы и до меня. Я ведь всегда чувствовала вещи не так, как другие. Только не могла объяснить, почему это со мной происходит. А когда я познакомилась с Ангелиной, да еще после всех тех занятий, которые у нас ней были, многое стало для меня проясняться и обретать свой смысл.

– Итак, ты познакомилась здесь со своей родственницей? – спросила у меня Алли, немного успокоившись и придя в себя.

– О да. И не с одной родственницей. Чарли видел своими глазами, что я здесь обрела кучу родни. И все они явились на сегодняшний праздник. Хотя большую часть времени я провела с Ангелиной и ее дядей Пепе, которому прихожусь двоюродной внучкой.

– Да, сейчас и для меня многое, как ни удивительно, тоже начинает приобретать свой смысл. Получается, что твои предки цыгане, а мы же все наслышаны о том, какие они хорошие предсказатели. – Алли глянула на меня с улыбкой.

– Ну, знаешь, я до сего момента еще ни разу не практиковала с хрустальными шарами или охапками вереска, – возразила я, вдруг почувствовав себя немного уязвленной. – Да и Ангелина, по-моему, этим не балуется. Она – то, что называется «знахарка». На местном языке: *bruja*. Такие женщины хорошо разбираются во всяких лекарственных травах и растениях, знают все их целебные свойства. Таких широких познаний в этой области, как у нее, я еще ни у кого не встречала. Всю свою жизнь она занималась тем, что лечила людей: и цыган, и *payos*, так цыгане называют всех нецыган. Она обладает положительной энергетикой и нацелена только на добро. И все ее дела и поступки свидетельствуют об этом. К тому же они вполне реальны. Думаю, ты сама, Алли, скоро сможешь убедиться в этом.

– После тех откровений, которые я услышала от тебя про своего Тео, я готова поверить во что угодно, – воскликнула Алли и зябко повела плечами. – Однако, прежде чем ты ошарашишь меня новой порцией своих откровений, хочу заметить, что нам с тобой обеим уже давно пора в постель. Помоги мне, пожалуйста, подняться с дивана.

Алли протянула мне руку, и я помогла ей встать.

Она слегка поморгала и обхватила руками свой объемный живот, потом глянула на меня.

– Хочешь почувствовать, как шевелится твой маленький племянник или племянница?

– О, с удовольствием! – воскликнула я.

Алли тотчас же приложила мою руку к нижней левой части живота, и я в ту же минуту ощутила своей ладонью, как брыкается младенец во чреве матери. И настолько умилилась, что слезы сами собой навернулись на глаза.

Мы с сестрой еще раз обнялись и побрели по узкому коридору к своим номерам.

– Спокойной ночи, моя дорогая Тигги. И сладких тебе снов.

– И тебе тоже, Алли. И, пожалуйста, прости меня, если я что не так...

– Тсс! – Алли приложила палец к губам. – Когда до меня наконец дойдет в полном объеме все то, что случилось сегодня, наверняка это событие станет одним из самых сильных потрясений в моей жизни. Ах...

– Что?

– Ты же знаешь, он сам сказал, что ему нравится имя Бэр.

– Да.

– Но для девочки-то это не совсем подходящее имя, правда ведь?

– Правда, – ответила я и хитровато подмигнула сестре. – Спокойной ночи, Алли.

* * *

Когда на следующий день я выбралась из темноты своей кельи на яркий солнечный свет, то поняла, что день уже в разгаре. За одним из столиков в саду восседала пестрая компания, состоящая из моего прежнего босса, моей сестры и моей новой цыганской родни.

– Привет, Спящая красавица ты наша! – слегка подначила меня Алли. – Я уже собралась идти и будить тебя. Ведь скоро уже полдень.

– Простите меня! – тут же покаялась я. – Честное слово, я еще ни разу в жизни не спала до полудня.

Ангелина пробормотала что-то нечленораздельное и выразительно вскинула плечи.

– Она говорит, что сон вам полезен, – сказал мне Чарли.

– Вы говорите по-испански? – удивилась я.

– Я брал академку в университете и провел целый год в Севилье. Мы тут с Ангелиной очень интересно побеседовали. Она сообщила мне, что тоже лечит людей. Настоящий практикующий доктор.

– Так оно и есть.

– Она сказала мне, что с тех пор, как вы приехали сюда, она лечит вас от сердечного недомогания.

– Правда? – Я бросила вопросительный взгляд на Ангелину. – Так значит, то снадобье, которое вы заставляли меня пить...

– *Si*, – пожала плечами в ответ Ангелина и что-то быстро затараторила на испанском, обращаясь к Чарли и жестикулируя в мою сторону. Я невольно почувствовала приступ раздражения, тем более что не могла понять, о чем это они так оживленно толкуют.

– Она говорит, что когда сводила вас в лес, то на помощь к вам пришли все ваши «предки». Они и сейчас продолжают помогать вам.

– Правда? Помогают? Что ж, я очень рада, если это так. Особенно если тогда мне не понадобится тащиться в больницу...

– Простите, Тигги. Несмотря на то что в целом я позитивно отношусь к тем методикам лечения, которые используются в нетрадиционной медицине, все же анализы мы с вами обязаны сделать. Более того, нам уже пора ехать в больницу, если вы не возражаете.

– Хорошо! – вздохнула я, понимая, что сопротивляться бесполезно.

– Марселла пообещала отвезти нас туда на своей машине. Я сейчас вернусь.

Чарли поспешил к себе в номер, а мы остались втроем: я, Алли и Ангелина. Я полакомилась теплым свежим хлебом с повидлом, а потом вынуждена была выпить очередную порцию снадобья, приготовленного Ангелиной.

– Наверное, этот настой действительно помог мне, – обронила я, слегка скосив глаза в сторону Ангелины и с трудом допив через соломинку последние пару глотков. – Ангелина, а почему вы ничего не сказали мне о том, что разглядели мою болезнь?

– Всякая болезнь нагоняет страх, а страх, в свою очередь, уже сам превращается в болезнь. Вот я и решила, что лучше тебе ничего не знать. Быстрее поправишься.

– И ты действительно хорошо выглядишь, – констатировала Алли. – Я тут поделилась с Ангелиной и Чарли нашим с тобой вчерашним разговором. О том, как ты сообщила мне то, чего никак не могла знать. Честное слово, Тигги, – Алли слегка пожала мою руку, – но я все еще нахожусь под громадным впечатлением от услышанного.

– О господи! – Я почувствовала, что покраснела до кончиков волос. – Получается, и Чарли теперь все про меня знает?

– Да. Но тебе нечего стесняться своего дара, Тигги. Твои способности лично мне кажутся просто поразительными. Они вызывают восхищение.

– *Si*. – Ангелина самодовольно погладила себя по груди. – Моя кровь.

– Нам пора, – поторопил нас Чарли, снова возникнув на террасе.

Марселла повезла нас по узким улочкам Сакромонте и далее в Гранаду. Вот уж воистину, подумала я, сидя в машине, если что сейчас и спровоцирует у меня новый сердечный приступ, так это ее манера вождения. Иначе, чем лихачеством, такое и не назовешь. Она гнала свой крохотный автомобиль «пунто», не сбавляя скорости на поворотах, едва не лишившись одного из боковых зеркал при попытке втиснуться на полном ходу в какой-то узенький проулок. И Чарли, и Алли, и я, все трое мы вздохнули с облегчением, когда, спустившись с горы и миновав городские ворота, мы наконец влились в более или менее безопасный поток транспорта, запрудившего улицы Гранады.

Я глянула на свои часы и увидела, что время близится уже к часу дня.

– Представляю, сколько нам сейчас еще придется отсидеть в очереди, чтобы попасть на прием, – тяжело вздохнула я.

– Никаких очередей! – тут же возразил Чарли. – Я созвонился с одним своим приятелем, у которого, к счастью, имеется подруга, работающая в кардиологическом отделении местной больницы. Мне нужно только позвонить ей и дать знать о том, что мы уже приехали.

Минут через пять мы вышли из машины, потом со всеми предосторожностями извлекли Алли с переднего сиденья. Едва мы переступили порог клиники, как навстречу к Чарли тут же поспешила очень красивая молодая женщина с копной блестящих черных кудрей на голове. Они оживленно перекинулись друг с другом парой слов,

пока мы с Алли вежливо стояли в сторонке, переминаясь с ноги на ногу.

– Вот это Тигги, – представил меня наконец Чарли уже на английском языке. – Тигги, познакомьтесь с Розой. Роза любезно вызвалась помочь нам вне очереди.

– *Hola*, Тигги. – Роза протянула мне руку для рукопожатия и энергично пожала мою ладонь. – Что ж, ступайте за мной.

Роза и Чарли пошли впереди, продолжая о чем-то беседовать между собой. Мы с Алли плелись сзади, при этом я чувствовала себя ребенком, которого силком тащат на прием к дантисту. Мы поднялись на лифте куда-то наверх и очутились в небольшом приемном покое. Роза сразу же подошла к женщине, дежурившей на посту.

– А вы пока, пожалуйста, присядьте, – обратилась она уже к нам.

Мы сели, и я повернулась к Чарли.

– Что именно мне собираются делать?

– Первым делом еще одну ЭКГ, затем эхокардиограмму и анализ крови. Между прочим, Ангелина согласилась со мной, что такие анализы отнюдь не будут лишними.

– То есть она за меня сильно беспокоится?

– Скорее наоборот. Она полагает, что вы уже на пути к полному выздоровлению, и все эти анализы помогут ей убедить в этом и меня. В любом случае такое обследование не принесет вам никакого вреда.

В этот момент появилась медсестра с планшетом в руках и пригласила меня проследовать за ней. Я почти физически ощутила ту неприязнь, с которой меня проводили остальные пациенты, терпеливо дожидавшиеся своей очереди в приемной, поди, не один час. Наверняка у многих из них состояние гораздо хуже моего, подумала я с угрызениями совести.

Спустя три часа все процедуры были завершены: взяты анализы, сделаны кардиограммы. Я оделась и снова вышла в приемный покой, где меня поджидала Алли.

– А что, Чарли уже уехал?

– Нет. Он куда-то исчез вместе с этой роскошной брюнеткой Розой, и с тех пор я их не видела. – Алли издала короткий смешок. – Может, она его соблазняет в какой-нибудь пустой лаборатории. Во всяком случае, она его буквально пожирала глазами во время разговора.

– Правда?

– А ты разве не обратила внимания? Впрочем, чему удивляться? Он ведь очень привлекательный мужчина.

– Но он же уже старый, Алли. – На всякий случай я принялась теревить свой нос, чтобы скрыть краску смущения, если она все же проступит на лице.

– Что значит – «старый»? Ты меня просто убиваешь, Тигги. Ему еще только тридцать восемь. А люди, которым за тридцать, скажем, как мне, они еще полны жизни, уверяю тебя...

– Прости, но я постоянно забываю о том, что между нами разница в семь лет. Но как бы то ни было, а вот и он. Благополучно пережил сеанс совращения, как мне кажется.

Чарли держал в руках пухлый конверт.

– Как вы, Тигги? – поинтересовался он у меня, присаживаясь рядом. – В порядке?

– Да, все нормально. Никогда не чувствовала себя лучше.

– Судя по всему, так и есть. – Чарли слегка похлопал пальцами по конверту. – Вам действительно стало много лучше. Мне еще надо будет более пристально ознакомиться с кардиограммами, но такое впечатление, что мускулатура сердца восстановила свою нормальную деятельность. ЭКГ тоже в норме. Хотя, когда вы вернетесь в Шотландию, я все же на пару дней подсоединю вас к черному ящику, чтобы окончательно убедиться в том, что все стабилизировалось.

– А что это за черный ящик?

– Это такие датчики, которые крепятся на теле и регистрируют работу сердца в постоянном режиме.

– То есть вы, Чарли, определенно полагаете, что улучшения есть? – подала голос Алли. Она с присущей ей прямолинейностью всегда любит задавать вопросы строго, по существу.

– Осмелюсь ответить утвердительно. Конечно, тут положительную роль сыграло и то обстоятельство, что Тигги сейчас на отдыхе. А может, и то, что сердце само взялось лечить себя...

– Что? Неужели серьезный сердечный недуг можно побороть за какие-то десять дней? – страшно удивилась Алли.

– Как правило, нет. Но...

– Говорила же я вам, что чувствую себя гораздо лучше, – самодовольно заявила я.

– А может, это снадобья Ангелины на нее так подействовали, как думаете? – спросила Алли у Чарли.

– Вполне допустимо, – согласился тот. – Однако вы не слишком хорохорьтесь, мисс, – тут же пригрозил он мне пальцем. – Кое-какие побочные явления все еще налицо. Но я счастлив, что вы можете лететь домой хоть завтра, а там мы вас обстоятельно перепроверим еще раз.

– Мне очень жаль, Чарли, но в Шотландию я не вернусь. Хочу побыть еще немного в Гранаде. Тут рядом со мной Пепе, Ангелина. В случае чего они присмотрят за мной. К тому же здесь тепло, и я расслабилась по-настоящему, как никогда за много-много лет. А если что, то я ведь всегда могу подъехать в больницу и обратиться к вашей Розе за помощью.

Алли и Чарли обменялись многозначительными взглядами, точь-в-точь как это делали Ма и старый доктор Гербер, когда я болела в детстве. В девяти случаях из десяти такой обмен взглядами не сулил мне ничего хорошего.

– Тигги, мы с Чарли абсолютно убеждены в том, что тебе нужно немедленно вернуться домой. Я со своим пузом не могу, как ты понимаешь, составить тебе компанию здесь, – Алли выразительно похлопала себя рукой по животу, – а Чарли убежден, что сейчас тебе нужен отдых и только отдых.

– Тигги, миокардит... он... – Чарли запнулся в поисках подходящего слова. – Он такой непредсказуемый. А потому я хочу, чтобы на какое-то время вы сбавили темп своей жизни. Перестали бы гоняться по лесам, да еще в ночное время, перестали бы общаться с умершими...

– Не надо говорить так, Чарли! Пожалуйста! – возразила я с упреком. – Мне здесь действительно стало гораздо лучше, вы и сами признаете это.

– Тигги, Чарли вовсе не хотел тебя обидеть, – тут же ринулась ему на помощь Алли. – Но мы с ним оба не очень верим в то, что ты сможешь полноценно отдыхать, если останешься здесь одна.

– Именно так. Не верим! – эхом повторил за ней Чарли. – А Берил говорит, что будет счастлива присмотреть за вами в Киннаирд-лодж. И со мной она будет постоянно на связи. В случае чего, немедленно вызовет для вас вертолет «скорой помощи». В любом случае пока вот

что. Вы двое, возвращайтесь к себе в отель, а я задержусь еще на какое-то время в больнице. Роза хочет показать мне какую-то новейшую лабораторию в их клинике, оборудованную по самому последнему слову техники.

– Еще как хочет! – пробормотала себе под нос Алли и добавила вслух: – Тогда мы пошли, Чарли. – Алли с видимым усилием поднялась со стула. – Не знаю, как ты, Тигги, а я просто умираю с голоду. Пойдем, где-нибудь пообедаем в городе, а уже потом вернемся к себе.

Раздосадованная тем, что Чарли бросил нас с сестрой ради общества этой красотки Розы, я безропотно подчинилась предложению Алли. Мы спросили у прохожих, как добраться до Новой площади, и направили туда свои стопы. Жизнь в городе была ключом. На площади тоже царил оживление. С каждым шагом я все больше и больше проникалась запутанной и противоречивой историей Гранады: высеченные повсюду изображения гранатов напоминали о том, что мы в Испании, разноцветная мозаичная плитка указывала на мавританские корни здешней культуры. Площадь была окружена со всех сторон помпезными зданиями из песчаника со множеством кафе и магазинчиков на первых этажах. Неподалеку собралась небольшая толпа народа, окружившая двух танцовщиц, исполняющих фламенко прямо на улице, под палящими лучами солнца. Над нашими головами нависли крепостные стены Альгамбры, окруженные со всех сторон ровными рядами деревьев. Получается, что старинная крепость и сегодня продолжает охранять город, как и тысячу лет тому назад.

Мы отыскивали уютный погребок на одной из боковых улочек, мощенной булыжником, в двух шагах от самой площади: крохотное помещение с разномастными столами и стульями, с трудом втиснутыми в это небольшое пространство. Устроившись за одним из столиков, мы тут же почувствовали, как несет жаром из кухни. Внимательно обзрев обширный ассортимент предлагаемых закусок, Алли остановила свой выбор на колбасках чоризо с пирожками эмпандильяс. Я же довольствовалась пататас-бравас, картошкой, зажаренной с паприкой и томатным соусом, и запеченными артишоками. Собственно, других вегетарианских блюд в меню и не значилось.

– Итак, Тигги. – Алли оторвалась от своей чашки с кофе и бросила на меня пристальный взгляд. – Надеюсь, ты прислушаешься к рекомендациям доктора и завтра же улетишь в Шотландию.

– Я не вернусь в Киннаирд ни под каким предлогом! И на этом все.

– Тигги, в чем дело? Это же я, Алли. А ты ведь меня знаешь: я – могила в том, что касается чужих секретов. Обещаю, я никому ничего не скажу.

– Я... Видишь ли, Алли. С одной стороны, между мной и Чарли как бы ничего не происходит, но с другой стороны...

– Я так и думала. То есть я хочу сказать, что с самого первого звонка Чарли я сразу же догадалась о его чувствах к тебе.

– Алли, мы с Чарли всего лишь друзья, уверяю тебя. К тому же он мой босс...

– Ну и что? Тео тоже был моим боссом. Что из того?

– Но даже если бы он и не был... Ах, Алли! Ты не представляешь, как все сложно и запутанно в его жизни. Начнем с того, что он женат... Женат на одной ужасной особе. Высоченная такая дама, как каланча.

– Ладно, с этим все ясно. А теперь признайся мне, как на духу, Тигги. У вас с Чарли Киннаирдом что-то было?

– Нет! – выкрикнула я, как ужаленная. – Я... Такое в принципе невозможно, но... Обещай мне, что никому не расскажешь то, о чем я тебе сейчас скажу. Чтобы ни одна живая душа об этом не знала.

– Тигги, опомнись! Кому в Бергене интересно знать про твои любовные похождения?

– В Бергене – это понятно. Но я не хочу, чтобы об этом узнали Ма и другие мои сестры. Валькирия – это я так мысленно окрестила жену Чарли – тоже решила, что между нами что-то есть. И вот она явилась ко мне в больницу и, не особенно церемонясь, потребовала, чтобы я больше никогда не переступала порог ее дома. Ну, дома Чарли, разумеется...

– Понятно. Наверняка Чарли ничего не знает об этом визите?

– Конечно, не знает. Откуда ему знать?

– Но ты сама... Ведь он же тебе нравится, Тигги, не так ли? Я это вижу по твоим глазам.

– Конечно, нравится! Вот поэтому я и удрала из Киннаирда. Хотя, в сущности, не сделала ничего такого, за что мне могло бы быть

стыдно. Хотя... я... – Я почувствовала, как краска прилила к моему лицу. – Да, я не скрываю от тебя, Алли. Мне хотелось бы завести с ним роман. А это неправильно. Чарли – женатый человек, и я не собираюсь разрушать его семью. К тому же, у них уже шестнадцатилетняя дочь! Да и потом... Вспомни, как на него отреагировала Роза. Не хочу быть одной из тех бесчисленных женщин, которые готовы ради него на все. Вот такая довольно грустная история у нас вырисовывается.

– Тигги, а у тебя было много парней?

– Парочка кавалеров была, но ничего серьезного.

– И у тебя с ними... Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Было, – ответила я, смущенно опустив глаза. – Но тоже только пару раз. Боюсь, я – очень старомодная девушка, из тех, для кого секс без любви невозможен.

– И я тебя прекрасно понимаю, кстати. Так что не надо стыдиться этой своей старомодности.

– Ты так считаешь? А мне вот порой кажется, что я уж слишком преувеличиваю роль любви в жизни человека. Несовременно все это как-то. Все мои подружки в универе не сильно заморачивались на сей счет. Переспать с парнем, с которым только что познакомилась на вечеринке? А почему бы и нет? И почему это, спрашивается, они не могут получать от секса такое же удовольствие, как и мужчины?

– То есть они сожалеют, что не мужчины? – Алли удивленно округлила глаза. – Честное слово, не понимаю я всех этих феминисток, которые, по-моему, пытаются смоделировать из себя мужеподобные создания вместо того, чтобы воспользоваться всеми преимуществами женского естества, которыми наделила нас природа. Уверяю тебя, Тигги, если бы женщины пустили в ход все свои возможности, вместо того чтобы по-обезьяньи копировать мужчин, мы в течение двух десятилетий максимум заняли бы лидирующие позиции во всех областях и правили бы миром. Однако я отвлеклась от нашей с тобой темы. Получается, что ты не обладаешь обширным опытом в том, что касается мужчин, так?

– Да.

– Так вот, моя дорогая сестра, я нахожусь здесь в том числе и для того, чтобы сказать тебе, что мужчина, которого мы оставили в больнице пару часов тому назад, не только порядочный, добрый и страшно привлекательный субъект. – Алли весело подмигнула мне. –

Докладываю: он от тебя без ума. Впрочем, как и ты сама. Иначе с чего бы он затеял всю эту суету?

– Но он же врач, Алли. Профессиональные соображения, я думаю. Так он сам, во всяком случае, сказал мне.

– Глупости! Чарли сорвался с места и прилетел сюда, потому что ему важна ты. Очень важна! Наверняка он влюблен в тебя по уши...

– Пожалуйста, не надо, Алли! – взмолилась я. – Иначе я окончательно запутаюсь.

– Прости, сестренка. Но если вспомнить, через что мне самой пришлось пройти в последние несколько месяцев... Зато с другой стороны, пережитое позволило мне понять одну простую истину: момент – это все, чем мы располагаем во времени. Жизнь слишком коротка, Тигги. И что бы ты там ни думала, к какому бы решению ни пришла, в итоге хочу повторить тебе еще раз: чувства, которые он питает к тебе, буквально пропечатаны на его лице, а потому я совсем не удивляюсь тому, что его жена почувствовала опасность. Почва под ней действительно зашаталась.

– Вот и хорошо, что я оттуда уехала. Все только к лучшему, не правда ли? Иначе мы все только усложнили бы себе жизнь.

– Жизнь всегда сложна, особенно если мы ведем речь о каких-то значимых вещах. Но если снова вернуться к тебе, то повторяю еще раз: ты не можешь и далее оставаться здесь одна. Не хочешь возвращаться в Шотландию? Как знаешь. А что насчет Атлантиды? Ма будет счастлива увидеться с тобой, да и больницы в Женеве из лучших в мире. Что скажешь?

– Я просто не понимаю, что мешает мне остаться здесь?

– Тигги, ты начинаешь вести себя как капризный ребенок, – вздохнула Алли. – Это хорошо, что ты доверяешь Ангелине. И я высоко ценю это. Но поверь мне, если случится внезапный сердечный приступ, даже она не сможет спасти тебя. А просить Марселлу присматривать за тобой тоже будет не совсем правильно. Да, наш отель – чудесное место, но, поскольку тебе нужен постоянный отдых, согласишься, лежать целыми днями в темноте – не самое приятное занятие. Наверняка это подействует угнетающе. Так почему бы не отправиться в Женеву? Позволь наконец Ма излить на тебя все свои нереализованные материнские чувства.

Я взглянула на Алли, еще раз подумала над тем, что она только что сказала, потом подавила тяжелый вздох.

– Ладно! Но учти, я делаю это только ради тебя, Алли.

– Мне без разницы, Тигги, для кого ты это делаешь. Главное – чтобы с тобой все было в порядке.

– Ах, Алли... – Я почувствовала, как глаза мои сами собой наполнились слезами.

– Ну, что случилось? – Алли протянула через стол руку.

– Просто... Просто в детстве я так часто болела, и провела столько времени, наблюдая в окно своей комнаты в Атлантиде за тем, как идет жизнь, и думала, что все это в прошлом, что такое со мной больше никогда не повторится... Ведь у меня было столько планов, столько всяких идей... Но все они требуют того, чтобы я была абсолютно здорова. А если эту штуковину, – я приложила руку к сердцу, – не удастся привести в норму, тогда «прости-прощай» все мои планы и идеи. А ведь мне всего лишь двадцать шесть лет. Господи, неужели мне суждено стать инвалидом уже в таком молодом возрасте?

– Будем надеяться, что никакая инвалидность тебе не грозит в обозримом будущем. А что же до всех твоих планов, то думаю, что ради укрепления собственного здоровья можно и пожертвовать парой-тройкой недель, а потом уже приступить к их реализации с новыми силами. К тому же у тебя будет достаточно времени для того, чтобы поразмыслить над тем, хочешь ты все же вернуться в Шотландию или нет.

– Я не собираюсь возвращаться в Шотландию, Алли. Я не могу.

– Хорошо, – вздохнула она и сделала официанту знак, чтобы тот принес счет. – Но хоть какой-то план наших дальнейших действий мы с тобой все же обсудили. Сейчас отправляемся в билетные кассы, чтобы зарезервировать тебе билет до Женевы. А потом наведемся в главный кафедральный собор Гранады. Там ведь покоится прах моей самой любимой героини всех времен и народов – испанской королевы Изабеллы Первой.

– Ее там похоронили?

– Да, рядом с ее любимым мужем Фердинандом. Ну, что? В путь?

– В путь.

Дежурная в турагентстве сосредоточенно проверила базу данных по своему компьютеру.

– Добираться до Женевы из Гранады будет совсем непросто, сеньорита.

– Как долго? – спросила я у нее.

– По меньшей мере, часов двенадцать или даже больше, в зависимости от того, сколько времени вы потратите на пересадку из Барселоны или из Мадрида.

– Вот как? Я даже не представляла себе...

– Нет, Тигги! – решительно вмешалась в наш разговор Алли. – Ты сейчас не в том состоянии, чтобы отпрапляться в такой длительный перелет.

– Но ты же сама прилетела сюда из Лондона! И это на восьмом месяце беременности! – возразила я сестре.

– Это совсем другое, Тигги! Беременность – это не болезнь, тем более когда мы ведем речь о сердечных недомоганиях, – тут же напомнила мне Алли. – Первым делом я позвоню Ма. Жди меня здесь! – С этими словами Алли в своей решительной манере вышла из билетных касс, попутно достав из сумочки свой мобильник.

Я бросила виноватый взгляд на сотрудницу турагентства и принялась листать рекламные проспекты, разложенные на стойке, чтобы таким образом скрыть свое смущение, а заодно и скоротать время в ожидании сестры.

Алли вернулась минут через пять, сияя улыбкой.

– Ма пообещала незамедлительно связаться с Георгом Гофманом, чтобы тот организовал частный самолет, который мог бы доставить тебя в Женеву уже завтра к вечеру. Подробности она сообщит мне эсэмэской чуть позже.

– Что за бред, Алли! В этом нет никакой необходимости, не говоря уже о том, что у меня попросту нет денег, чтобы заплатить за такую услугу. И близко нет ничего подобного!

– Но Ма категорически настаивает именно на таком варианте. Она хочет заполучить тебя под свое крыло как можно скорее. А что же касается стоимости... Пожалуйста, не забывай, что мы являемся дочерьми очень богатого человека, который все свое состояние оставил нам. Изредка это наследство действительно приходится кстати, особенно когда речь идет о жизни и смерти, – добавила она

грустно. – И на этом все, пожалуйста! Больше не хочу слышать от тебя никаких возражений на эту тему. Идем же в кафедральный собор.

В Королевской часовне было темно и прохладно. Я принялась рассматривать высокие готические своды. «Интересно, – подумала я, – жила ли здесь *моя семья* во времена королевы Изабеллы?» Алли взяла меня за руку и подвела к скульптурам из белого мрамора, запечатлевшим образы Изабеллы и Фердинанда, их лица выражали покой и умиротворение. Я повернулась к Алли, ожидая увидеть ее, сосредоточенно разглядывающей лик королевы и преисполненной особого душевного трепета и восторга, но сестра уже направлялась по проходу к лестнице, ведущей вниз. Я торопливо догнала ее, и мы вместе спустились в усыпальницу, помещение с низким потолком, расположенное прямо под собором. Здесь было еще прохладнее, от стен тут же повеяло сыростью. Прямо перед нами расположилось множество свинцовых гробов, каждый под колпаком из толстого защитного стекла.

– Вот здесь она покоится, рядом с Фердинандом на веки вечные, – прошептала Алли, обращаясь ко мне. – А рядом с ними лежит ее дочь Иоанна Безумная, тоже вместе со своим мужем. Здесь же упокоился и маленький внук Изабеллы... Он умер на ее руках, когда ему было всего лишь два годика.

Я слегка пожала руку Алли.

– Расскажи мне о ней. Коль скоро выяснилось, что у меня *испанские корни*, должна же я знать хоть что-то об истории своей родины.

– Помню, я увидела портрет королевы Изабеллы в школьном учебнике по истории и решила, что чем-то похожа на нее. Я стала читать книги, описывающие ее жизнь, и очень скоро увлеклась этой личностью уже по-настоящему. По сути, она была одной из первых феминисток в мировой истории – участвовала в сражениях наравне со своим мужем, и это притом что у нее было пятеро детей. В годы ее правления на Испанию буквально пролился золотой дождь. Если бы не Изабелла, Христофор Колумб никогда бы не смог совершить своего путешествия и открыть Новый Свет. Но когда он привез с собой рабов из числа аборигенов, она приказала немедленно освободить их. Она, кстати, основала и испанскую инквизицию, но это уже другая история. А сейчас, – Алли слегка поморщилась и схватилась рукой за свой

живот, – думаю, нам следует поскорее вернуться к себе в отель, чтобы я могла прилечь. Прости, но что-то я сегодня совсем расклеилась. Наверное, избыток впечатлений плюс поздняя беременность, как ни верти.

На улице мы поспешно пересекли площадь, шурясь от яркого солнечного света, и тут я услышала чей-то строгий голос, окликнувший меня.

– Эризо!

Я удивленно оглянулась и увидела старую цыганку, смотревшую прямо на меня.

– Эризо, – снова повторила она.

– *Si*, – выдохнула я. – Откуда вы меня знаете?

Не говоря ни слова, старуха достала из цветочной корзины букет розмарина, перехваченный бечевкой, и протянула его мне.

Я благодарно улыбнулась, взяла букет и дала ей пять евро.

Она взяла мою руку, положила ее на свою шершавую ладонь, пробормотала что-то на испанском, после чего выпустила мою руку и поковыляла прочь.

– Что это было? – удивилась Алли. – Ты ее знаешь?

– Нет, – ответила я, растирая между пальцами цветов розмарина. Запах свежей травы тут же ударил мне в ноздри. – Но кажется, она *знает меня*...

Мы вернулись в Сакромонте уже под вечер и застали Чарли, Пепе и Ангелину коротающими время на небольшой террасе в саду.

– Какой здесь дивный запах, – заметила Алли, вдыхая ароматы разнотравья.

– Вы тут выращиваете травы, которыми потом пользуетесь в своей работе? – поинтересовался Чарли у Ангелины.

– *Si*, – последовал короткий ответ.

Я же обратила внимание на то, что Алли непрерывно гладит свой объемный живот и вид у нее какой-то возбужденный.

– С тобой все в порядке, дорогая? – спросила я у нее шепотом.

– Думаю, да. Я... мне просто срочно нужно в ванную.

Я помогла сестре подняться со стула. Ангелина глянула на нас, слегка прищурившись.

– Все в порядке?

– Да, все хорошо, – ответила я. – Вот помогу Алли дойти до ванной комнаты.

Мы вошли в пещеру, но вдруг Алли остановилась и поморщилась от боли, схватившись одной рукой за поясницу, а другую прижимая к животу.

И в этот же момент на каменном полу между ее ног образовалась лужица из прозрачной жидкости.

– Алли! О Боже! Кажется, у тебя отошли воды!

Я быстро усадила сестру на стул, стоявший в углу, а сама стала истощенным голосом звать Ангелину. Через пару секунд она была уже на кухне в сопровождении Чарли.

– Младенец торопится появиться на свет раньше срока. Я приняла сотни малышей, *querida*, так что не переживай. У нас все получится. – Ангелина возбужденно блеснула глазами. – К тому же рядом с нами хороший британский доктор. Чего еще желать? – Она улыбнулась Алли, и я увидела, как у той разгладилось лицо.

– Но я принимал роды в последний раз очень давно, имейте это в виду! – громким шепотом сказал Чарли. – Может, я сейчас сбегая и вызову «скорую помощь»?

– Никакая «скорая помощь» сюда не доедет, но... Давай-ка я тебя осмотрю, *querida*, на сколько пальцев у тебя раскрылись пути...

– Младенец должен был появиться на свет не раньше, чем через месяц... А что, если... – Внезапно Алли замолчала, тело ее содрогнулось в новом приступе схваток, и она судорожно уцепилась за мою руку.

Ангелина подхватила с места и с усилием поставила Алли на ноги. Потом обхватила ее лицо своими ладонями и строго посмотрела прямо ей в глаза, наполненные невыразимой болью.

– Сейчас не время раскисать! – сказала она как отрезала. – Никаких страхов! Ты должна собрать в кулак все свои силы, чтобы помочь младенцу. Сейчас мы отведем тебя ко мне в спальню. Там тебе будет удобнее. – Придерживая Алли, она проследовала в дальний конец пещеры, в свою комнату.

– Матка уже раскрыта на четыре пальца! – объявила нам Ангелина через какое-то время, выпроводив всех нас из комнаты, чтобы дать Алли возможность хотя бы какое-то время побыть одной. – Везти ее в больницу уже слишком поздно, но ты, Чарли, на всякий

случай все же вызови «скорую». Вдруг возникнут какие-то проблемы? А ты, Эризо, ступай за мной. Поможешь мне поднять твою сестру с постели и будешь водить ее по комнате. Это самый лучший способ подготовки к родам.

Я безропотно проследовала за Ангелиной в спальню, в которой и сама когда-то появилась на свет. Мы подняли Алли с постели, и я стала водить сестру по ограниченному пространству комнаты туда и обратно, придерживая ее рукой. Вскоре я почувствовала, как занемела моя рука, вот-вот отвалится. Чарли и Ангелина то и дело заглядывали к нам через занавеску: Чарли измерял у Алли давление, проверял, как работает сердце у нее и у младенца. Ангелина принесла ей какой-то настой, сказала, что он придает силы. И постоянно проверяла, как протекает процесс раскрытия матки.

– Мне хочется его вытолкнуть! – вдруг крикнула Алли спустя какое-то время, которое показалось мне вечностью, хотя на самом деле с начала родов не прошло еще и двух часов.

Мы снова уложили Алли в постель. Я обложила ее со всех сторон подушками, а Ангелина принялась осматривать роженицу.

– Малыш вот-вот должен появиться на свет. И это хорошо, мистер Чарли, не так ли? – крикнула Ангелина. – Матка почти полностью раскрыта. Все прекрасно, *querida*, скоро все закончится. Совсем скоро. Минут через десять можешь начинать тужиться.

– Но я хочу *сейчас*! – диким голосом выкрикнула Алли.

Ну, а мне оставалось лишь одно: сидеть рядом с сестрой, держать ее за руку, гладить спутавшиеся волосы, ставшие влажными от пота, и ждать, пока истекнут последние минуты перед началом новых схваток.

Ангелина снова проверила у Алли шейку матки и удовлетворенно кивнула.

– Все хорошо! Вот теперь никаких слез. Сделай глубокий вдох и сильно сожми руку сестры. Как только начнутся схватки, тужься.

Через пару минут Алли, намертво вцепившаяся в мою руку, издала дикий крик. Несколько толчков, и наконец она произвела на свет свое дитя.

Естественно, слезы у всех, взаимные поздравления, улыбки во весь рот. Все мы сгрудились вокруг Алли, а Ангелина в это время подхватила пищавшего младенца, лежавшего между ног Алли, и

слегка приподняла его, чтобы мать смогла увидеть то крохотное чудо, которому она только что дала жизнь.

– Мальчик! – объявила Ангелина. – Крупный малыш.

Тут же из-за занавески появился Чарли, встал рядом с Ангелиной и быстро провел первичный осмотр новорожденного.

– Судя по первому впечатлению, малыш абсолютно здоров, хотя и изъявил желание появиться на свет немного раньше назначенного срока. – Чарли весело улыбнулся, глянув на всех нас. – «скорая помощь» уже ждет у городских ворот.

На глаза Алли навернулись слезы, когда она попросила дать ей сына.

– Минуточку терпения, Алли, – пообещал Чарли, подходя к изголовью кровати, чтобы проверить у Алли пульс. – Нам нужно еще убрать послед и перерезать пуповину. И тогда малыш будет полностью в вашем распоряжении.

Но не успел он договорить, как Ангелина тут же спокойно разрешила ситуацию: взяла и перегрызла пуповину собственными зубами. Капельки крови показались на их белой эмали, когда она, улыбнувшись во весь рот, принялась уверенно пеленать младенца в одеяло. Странно, но никто из нас в этот момент не счел ее поступок чем-то безобразным или варварским: все произошло так естественно, как будто так и надо было.

Затем она вручила хныкающий сверток матери. И малыш тут же открыл свой ротик, словно собирался снова заплакать, но потом вдруг передумал и издал негромкий звук, похожий на довольное урчание. Ангелина рассмеялась и сказала что-то на испанском.

– Она говорит, что мальчишка – самый настоящий *oso*, – перевел нам ее слова Чарли.

– *Oso*? – переспросила у него Алли, прижимая младенца к груди. – А что это значит?

– Медведь, – ответила вместо Чарли сама Ангелина.

– Как это точно! – невольно восхитилась моя сестра. – С этими темными кудряшками на голове он действительно похож на маленького медвежонка.

Слезы навернулись у меня на глаза, когда я смотрела на эту трогательную сцену, разворачивающуюся на моих глазах. И снова я почувствовала, как встали дыбом волоски на моих руках, и тут же *все*

поняла: значит, Тео тоже здесь, и он тоже наблюдал за тем, как его сын появился на свет.

– Хочешь подержать своего племянника на руках? – спросила у меня Алли.

– Буду счастлива. – Я осторожно взяла протянутый мне сверток и вдруг инстинктивно подняла крохотного человечка, которого держала на своих руках, вверх, к белоснежному потолку пещеры, и сама взглянула на потолок, мысленно вознося благодарности всем силам свыше, без разницы, кто они и как их называть, за этот волшебный круговорот жизни, которая никогда не кончается.

После того, как Алли выпила немного воды, а Ангелина слегка обмыла мать и дитя, чтобы привести их в относительный порядок, я присела на кровать рядом с сестрой.

– Я горжусь тобой, дорогая, – обронила я негромко. – Думаю, Тео тоже гордится.

– Спасибо, – откликнулась она, и глаза ее тотчас же наполнились слезами. – Все действительно прошло хорошо, намного легче, чем я думала.

И как тут не восхищаться моей удивительно мужественной сестрой? Вот и преждевременные роды она перенесла, достойно выдержав и это испытание.

– Насколько я могу судить, малыш – сплошное совершенство. Жаль только, что нельзя его взвесить прямо сейчас, – сказал Чарли. – Думаю, он потянет килограмма на три.

– А мы сейчас проверим! Весы на кухне, – откликнулась Ангелина.

Через пару минут маленького Бэра самым бесцеремонным образом водрузили на большие, покрытые ржавчиной, весы, на которых обычно взвешивали муку, картошку или морковь.

– Три кило и сто грамм, – объявила окончательный результат Ангелина. – Алли, ты желаешь ехать с врачами «скорой» в больницу? – спросила она у моей сестры, пока та прилаживала сынишку к своей груди.

– Нет, не хочу! Если вы не возражаете, я хочу остаться здесь. Пожалуйста!

– Ладно! Мистер Чарли, вы довольны?

– Целиком и полностью, – с готовностью подтвердил Чарли. Он еще раз осмотрел Алли и сказал, что с ней, как и с малышом, все в полном порядке. – Сейчас спущусь к ним и скажу, чтобы уезжали.

Устроив Алли поудобнее, мы оставили ее на какое-то время одну. Пусть немного отдохнет, а заодно и привыкнет к своему маленькому медвежонку. А сами, несмотря на прохладный вечер, устроились на террасе и отпраздновали рождение нового человека бокалом белого вина мансанилья.

– Тигги, будьте предельно осторожны, – не преминул предупредить меня Чарли. – Разрешаю вам только слегка пригубить бокал по такому особому случаю.

– Спасибо, доктор, – делано замахала я ресницами в знак благодарности.

Решили, что Ангелина перейдет спать в комнату Пепе и будет всю ночь присматривать за Алли, а сам Пепе переночует в номере Алли в гостинице.

– Пожалуйста, позвони завтра Тому от моего имени, – попросила меня сестра. – В пещере ведь нет сигнала связи. А номер его мобильного здесь. – Она указала на свой мобильник, лежавший на кровати. – И Ма, конечно, тоже позвони. Нам нужно получить метрику малышу, чтобы забрать его домой. Скажи Тому, что моя метрика находится в коробке, на крышке которой значится «Документы», а сама коробка лежит в картотечном ящике.

– Я позвоню прямо сейчас. Немедленно! – пообещала я Алли, потом нежно расцеловала мать и дитя. – Сладких вам снов. Обоим. – Я уже приготовилась выйти из спальни, но на пороге вдруг остановилась и с улыбкой посмотрела на Алли. – Думаю, сейчас мы обе понимаем, что имел в виду Тео, когда предупреждал тебя, что нужно быть готовой. Спокойной ночи, дорогая.

Возвращаясь к себе в гостиницу, я немного замешкалась по пути, чтобы полюбоваться Альгамброй. Уже почти тысячу лет она незыблемо стоит на этом месте и кажется такой же вечной, как и земля, на которой когда-то воздвигли эту крепость. Она была свидетелем многих испытаний и невзгод, выпавших на долю простых смертных, начиная от владычества мавров, правивших здесь десять веков тому назад, а потом любимой героини моей сестры, испанской королевы Изабеллы. И вот наконец в этой длинной цепочке появилась

я. «А ведь права Алли, – уже в который раз подумала я. – Наша жизнь так мимолетна, так стремительна, особенно в сопоставлении с тем, что идет от земли». Взять хотя бы вот эту долину, раскинувшуюся подо мной. Деревьям, которые здесь растут, уже наверняка не одна сотня лет. Но даже те из них, которые в свое время были выкорчеваны и срублены, они ведь тоже не пропали втуне. Из их стволов смастерили мебель, которая давным-давно пережила тех людей, которые сидели на этих стульях и креслах.

Конечно, грустно осознавать собственную незначительность на фоне вечности. Реальность – увы! – опровергает наши завышенные представления о том, сколь велика сила и роль человека на этой земле. Получается, не такие уж мы и всесильные, люди. Иное дело – земля, она не только кормит и держит нас, она еще и переживет всех и каждого и пребудет вечно. А мне остается лишь смириться и принять как должное то место, которое отведено на этой земле мне самой. Лишь на короткий миг я ворвалась в этот мир, и вся моя жизнь – это ослепительный стоп-кадр, красивый, яркий, неповторимый, особенно если я сумею разумно распорядиться тем временем, которое мне дано.

«Как же много я узнала за то время, что пробыла здесь», – подумала я, входя в гостиницу.

Вообще-то я намеревалась сразу же улечься спать, но грандиозность события, случившегося только что, продолжала будоражить мое сознание. Поэтому, пожелав доброй ночи Марселле, я снова вышла на улицу, устроилась на террасе и стала смотреть на звезды.

Не знаю, сколь долго я просидела там, погруженная в собственные мысли и потерявшая счет времени. Я даже вздрогнула от неожиданности, когда кто-то легонько потрепал меня по плечу. Я повернулась и увидела Чарли, который стоял совсем рядом со мной, сжимая в одной руке стакан с бренди.

– Добрый вам ночи, – обронил он негромко. – Вообще-то предполагалось, что вы уже спите.

– Я не чувствую ни грана усталости, – откликнулась я, вдруг особенно остро ощутив его близость ко мне. – Как замечательно, что именно среди всей этой красоты мы присутствовали при появлении на свет новой жизни, правда ведь?

– Да, все *было потрясающе*. Это замечательное событие дает всем нам надежду на то, что новые начала возможны в жизни любого человека. Всегда можно что-то начать сначала, тем или иным образом...

Не успела я осознать, что происходит, как Чарли вдруг наклонился и коснулся губами моих губ. Это прикосновение стало для меня подобием электрического разряда, волна блаженства накрыла меня с головой, а его поцелуй все длился и длился, и мое тело продолжало сладостно таять в его объятиях. Но в этот самый момент в моей голове прозвучал сигнал тревоги.

«Он ведь женатый человек! Его жена и так подозревает что-то неладное... Опомнись, Тигги! Что ты делаешь?!»

Резким движением я вырвалась из его объятий.

– Чарли, это... неправильно... Это плохо... Ваша жена... ваша дочь...

Я... Нет, я не могу так.

С видимым усилием Чарли тоже взял себя в руки, явно раздосадованный своим неожиданным порывом чувств.

– Простите меня, Тигги. Я не должен был вести себя подобным образом. Но, пожалуйста, не уходите прямо сейчас. Поговорите еще со мной...

– Нет! Мне надо идти. Доброй ночи, Чарли.

И с этими словами я проворно сбежала с террасы. Скорее к себе в комнату. Там надежно и безопасно.

* * *

Я проснулась рано утром и в первую минуту решила, что мне приснился сон и все, что было вчера, случилось не наяву. Однако же я до сих пор явственно ощущала вкус губ Чарли на своих губах...

Я даже застонала от досады, быстро сползла с постели и стала одеваться, всячески отгоняя прочь мысли о вчерашнем. Снова подалась на улицу в поисках подходящего места, где можно было бы поймать сигнал связи и включить мобильник Алли, чтобы позвонить Тому и Ма. Я медленно побрела вниз, по направлению к городским воротам, вдыхая полной грудью ароматы первых весенних цветов,

распустившихся на деревьях и кактусах, и уныло размышляя о том, какая картина меня ждет в засыпанной снегом Женеве.

Наконец появился сигнал, и я тотчас же позвонила Тому, брату-близнецу Алли. И невольно улыбнулась, слушая его: точь-в-точь как и его сестра, такой же решительный и практичный.

– Хорошо. Вылетаю ближайшим рейсом, – радостно объявил он. – Маленький Бэр, точнее, Бьерн, если уже на норвежский манер, должен незамедлительно обзавестись собственной метрикой, чтобы улететь домой. Я помогу Алли с урегулированием всех этих формальностей. К тому же нам надо зарегистрировать сам факт его рождения. Немедленно займусь поисками норвежского консульства здесь, чтобы они прояснили мне всю ситуацию, что и как делать.

– И обязательно прихватите с собой детские одежки, – посоветовала я ему, а потом подробно описала, где именно лежит метрика самой Алли и как ему следует добираться до Сакромонте. Потом я позвонила Ма, естественно, она очень разволновалась, услышав новость. Что и понятно. Ведь это же, по сути, ее первый внук.

– Господи, не могу дождаться, когда увижу малыша и саму Алли, – воскликнула она в трубку. – Пожалуйста, передай ей мои самые горячие поздравления и всю мою любовь.

– Обязательно передам. Ма, но ты по-прежнему уверена, что мне надо обязательно вернуться в Атлантис?

– Конечно, уверена, Тигги. Я буду счастлива поухаживать за тобой. Только бы у тебя хватило сил перенести дорогу. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, Ма. Со мной все нормально. И дорогу я тоже перенесу нормально.

– Ровно в четыре тридцать ты должна быть в аэропорту Гранады, в той его части, откуда осуществляются вылеты частных самолетов. Надеюсь, вечером будешь уже дома. Счастливого пути, милая.

Я направилась по тропинке обратно в гостиницу. Ярко светило солнце. А меня по-прежнему грызло чувство вины за то, что я полечу домой частным рейсом. И одновременно я не переставала размышлять над тем, как причудливо сошлись воедино мое прошлое и мое настоящее в этом благословенном месте.

– Воистину, Старый Свет и Новый Свет оказались рядом, – пробормотала я вполголоса, приближаясь к своей гостинице. То обстоятельство, что младенец Алли появился на свет на той же самой кровати, на которой когда-то родилась и я, придало особую остроту и значимость произошедшему. А потом еще и Чарли...

– Тигги, можно обменяться с вами парой слов прежде, чем я уеду?
«Как говорится, легок на помине...»

– Конечно, – сдержанно ответила я и слегка кивнула в знак согласия, остановившись у железных ворот. Неподалеку топталась Марселла, с явным любопытством поглядывая в нашу сторону.

Чарли поднялся из-за стола на террасе, за которым завтракал.

– А не прогуляться ли нам к крепостной стене? Хочу в последний раз насладиться потрясающе красивым видом, который открывается оттуда, – предложил он мне.

Он миновал ворота и повел меня по узенькой тропинке более короткой дорогой в гору, подальше от посторонних глаз.

Я вскарабкалась на стену и уселась, болтая ногами, словно ребенок, а Чарли уселся на стену, как на стул, твердо упираясь ногами в землю.

– Через десять минут мне надо уезжать, но прежде... – Он подавил вздох. – Но прежде хочу выяснить с вами все начистоту, Тигги.

– Насчет чего?

– Насчет будущего. Вашего будущего, моего... Будущего Киннаирда. Было бы несправедливо оставлять вас в неизвестности. Вы со своей интуицией и без меня уже наверняка догадались о том, что в Киннаирде все пошло не так, как надо.

– Да, это верно. Помнится, еще на Рождество вы были полны таких заманчивых планов. А потом уехали и... Если честно, Чарли, у меня даже возникло подозрение, что по каким-то необъяснимым причинам вы избегаете меня.

– Так оно и было, Тигги. Точнее, я не столько избегал вас, сколько пытался дистанцироваться от всей сложившейся ситуации. Я попросту не знал, что сказать. Зато знал другое: стоит вернуться в Киннаирд, и мне предстоит трудный разговор с Кэлом и всеми другими людьми, которые трудятся сейчас в имении. Вот я и тянул время, медлил,

лихорадочно искал какие-то новые способы и средства. Но кажется, на сегодняшний день таких способов нет.

– То есть вы хотите сказать, что имение полностью разорено? Вы банкрот, так? – спросила я напрямую.

– Я бы не стал квалифицировать наш случай как банкротство. Это, по-моему, слишком сильно сказано. – Он вымученно улыбнулся. – То есть я хочу сказать, да, в моих сундуках нет ни пенса наличности... Но сорок пять тысяч акров земли плюс заново отреставрированный дом, хотя на сам ремонт было угрохана колоссальная куча средств, и я даже вынужден был влезть в долги, но в любом случае вся эта недвижимость чего-то да стоит.

– Прошу прощения, Чарли, если я сболтнула лишнее. Просто Зед уверял меня, что имение – полный банкрот.

– И мне он сказал то же самое, когда позвонил и предложил выкупить Киннаирд у меня.

– Боже мой! Он и мне толковал, что у него есть такие планы. Но вы ведь отказались, правда? То есть это, конечно, не мое дело, но... – добавила я с горячностью.

– Разумеется, я сказал ему «нет». – Чарли издал короткий смешок. – Хотя его предложение, надо сказать, было более чем щедрым. Сказать по правде, я даже пожалел, что пока не имею возможности рассматривать вопрос, связанный с куплей-продажей имения. И в этом вся беда. Пока я не могу ничего решать.

– Почему?

– О, это слишком длинная история. В двух словах, мои права на наследование Киннаирда на данный момент оспариваются в судебном порядке. То есть, пока все эти наследственные дрызги не будут урегулированы в соответствии с законом, я не имею права продавать имение.

– *Что?* Какие дрызги? Вы же законный наследник, к тому же единственный наследник...

– Я тоже так думал до недавнего времени, но, выходит, ошибался.

Чарли бросил задумчивый взгляд на мирную долину, раскинувшуюся внизу, потом перевел глаза вверх, на Альгамбру. Потом издал еще один тяжелый вздох, и в этом вздохе непроизвольно прорвалась вся степень отчаяния, которое он переживал сейчас.

– И кто же оспаривает у вас ваши права? – спросила я его.

– Не хочется вдаваться в детали, если вы не возражаете. Как я уже сказал, история длинная, а мне через пять минут уже пора в аэропорт. Я рассказал вам все это только для того, чтобы вы знали, что, пока ситуация так или иначе не разрешится, руки у меня связаны. Все, что я могу сейчас, это не дать окончательно умереть Киннаирду. А это автоматически означает приостановку всех наших планов касательно будущего развития имения. Зная же не понаслышке, как долго решаются всяческие наследственные споры в судах, можно уже сейчас с большой долей уверенности предположить, что потребуются годы, чтобы мы получили на руки окончательный вердикт. Пожалуйста, Тигги, не думайте, что таким образом я хочу сообщить вам о вашем увольнении. Вовсе нет! – добавил он торопливо. – Для вас в Киннаирде всегда найдется работа, пока вы сами пожелаете работать у нас. И я был бы счастлив и безмерно рад, чтобы вы остались и продолжили свою работу. Но, с другой стороны, я отлично понимаю, специалисту такого уровня, как вы, этого явно мало. Да и трудно сказать, как все обернется уже в ближайшем будущем. Тем более что вы способны на гораздо большее, чем быть нянькой при четырех диких кошках. Разве затем было потрачено пять лет учебы в университете? Разве для этого вас готовили? Словом, я хочу сказать вам, Тигги, следующее, – заторопился Чарли, видно, желая поскорее закончить разговор. – Как мне ни больно это говорить, но, как только вы почувствуете себя лучше, вы наверняка займетесь поисками новой работы. А я никогда не простил бы себе, если бы стал силой удерживать вас в Киннаирде и тем самым мешать становлению вашей блестящей карьеры.

Я глянула на его точеный профиль, и мне стоило большого усилия воли не поддаться соблазну и не схватить Чарли за руку.

– Как мне жаль, Чарли, что все так вышло. Просто сплошной кошмар.

– На самом деле все не так уж и безнадежно. И себя в этой ситуации я вовсе не собираюсь жалеть. Пока никто еще не умер, все, слава богу, живы, и я, и моя семья... Никто из нас не голодает. Да и сама история Киннаирда насчитывает всего лишь каких-то триста лет. – Чарли развернулся ко мне лицом и грустно улыбнулся. – В любом случае сейчас мне пора. Марселла пообещала подбросить меня в аэропорт. И самое главное на данный момент: пообещайте мне, что

вы устройте себе полноценный отдых, когда вернетесь в Атлантис. Я же буду постоянно оставаться на связи с вашей Ма, буду выдавать ей свои рекомендации касательно ухода за вами.

– Обещаю, Чарли. И, пожалуйста, не тревожьтесь за меня. У вас и без того забот хватает.

– Я буду тревожиться, Тигги. Но, что бы ни случилось, надеюсь, вы вскоре появитесь в Киннаирде хотя бы для того, чтобы попрощаться с ним.

Вот он поднялся со своего места, а я почувствовала, как у меня от этих последних слов Чарли на глаза навернулись слезы.

– Я приеду, – ответила я коротко.

– И простите меня за вчерашнее. Это вообще-то не мой стиль поведения. Если честно, то за последние семнадцать лет я не целовал других женщин, кроме своей жены. А потому считаю свое поведение крайне неподобающим. Надеюсь, я не обидел вас, особенно если вспомнить, что я сам говорил про Зеда и про его повадки.

– Вы ничуть меня не обидели, Чарли, – поспешила я успокоить его. Будет ведь ужасно, подумала я, если он решит, что его ухаживания мне совсем не нужны. Еще как нужны!

Мы вернулись в отель молча. Чарли подхватил сумку со своими вещами, стоявшую на террасе.

И в этот же момент перед нами возникла Ангелина, материализовавшись буквально из воздуха.

– Вот пришла попрощаться с вами, мистер Чарли. Приезжайте к нам снова, поговорим еще. – Она слегка подалась вперед и расцеловала Чарли в обе щеки.

– Обязательно приеду!

– Да, и вот еще что! Хочу, чтобы вы знали, что она, – Ангелина указала на меня, – это ответ на все ваши проблемы. Пока-пока!

Мы с Чарли озадаченно переглянулись, а Ангелина уже сошла с террасы и исчезла так же стремительно, как и появилась.

– Хорошо. Тогда еще раз прошу вас, будьте со мной на связи, чтобы я знал о вашем самочувствии, ладно?

– Буду держать вас в курсе, – завершила я его, а к нам уже спешила Марселла.

– Ну что, готовы, Чарли? Сейчас я прокачу вас с ветерком! – пообещала она, издав при этом короткий смешок.

– Жду с нетерпением, – пошутил в ответ Чарли, бросив выразительный взгляд в мою сторону, и заторопился за хозяйкой гостиницы. – До свидания, Тигги.

Когда они уехали, я налила себе воды и с жадностью выпила ее, размышляя о том, что бедняжка Ульрика, как ни странно, имеет все основания не сильно доверять своему мужу. Все же Чарли обладает каким-то особым магнетизмом, который моментально притягивает к себе всех женщин, оказывающихся рядом с ним. Но сам он, судя по всему, даже и не догадывается о своих смертоносных чарах.

– И наверное, в этом заключается все обаяние его личности, – промолвила я негромко, обращаясь к самой себе, и, выйдя из отеля, направилась по дорожке вниз проведать молодую маму и ее дитя.

Алли я застала на улице. Она сидела на стуле возле пещеры Пепе и Ангелины, держа на руках спящего Бэра. Легкие круги под глазами явно выдавали бессонную ночь, первую ночь рядом с малышом, наполненную непрерывной чередой кормлений, но при этом глаза сестры светились счастьем, и вся она источала удовлетворение и покой.

– Как чувствуешь себя? – поинтересовалась я.

– Немножко устала, но в остальном все замечательно!

– И *выглядишь ты*, Алли, тоже просто замечательно. Ах, я так рада за тебя! Кстати, я позвонила Тому, и он буквально во время нашего разговора стал организовывать свой визит в норвежское консульство.

– О, это так похоже на моего брата, – широко улыбнулась в ответ Алли.

– Однако я сильно сомневаюсь, что он сумеет добраться до Сакромонте уже сегодня. Может, мне стоит остаться с тобой еще на одну ночь? Хотя бы до завтрашнего утра, пока он не прилетит сюда?

– В этом нет никакой необходимости, Тигги. Мне здесь, правда, очень хорошо. И потом, не забывай, рядом со мной люди, которые всегда позаботятся обо мне. Так что смело отправляйся в Атлантис, и пусть там Ма поноситя вокруг тебя какое-то время. Кстати, ты ей позвонила?

– Да. Как ты догадываешься, она на седьмом небе от счастья. Шлет тебе наилучшие свои пожелания.

– Скажи ей, что в самом скором времени я привезу Бэра в Атлантик, чтобы она смогла увидеть малыша своими глазами.

– Обязательно скажу. А сейчас, пожалуй, мне надо вернуться к себе и разбудить Пепе.

– Хорошо, ступай. А я тем временем прилягу и немного отдохну, пока маленький спит.

– Попозже я зайду с тобой попрощаться, моя дорогая Алли.

Я вернулась в отель и постучала в комнату Пепе.

– Который час? – сонным голосом поинтересовался у меня Пепе, открывая дверь. Судя по всему, он только что проснулся. При виде моей физиономии он тотчас же заключил меня в свои объятия. – Все в порядке, *querida*. Уже бегу к себе. Надо же приготовить вам с Ангелиной завтрак. Да и самому не мешало бы что-то перекусить...

Пепе торопливо оделся, и мы с ним снова направились к голубым дверям его пещеры. Там он усадил меня в маленьком палисаднике, а сам занялся готовкой на кухне. И вскоре вернулся в сопровождении Ангелины, неся перед собой поднос с теплым хлебом и свежесваренным кофе.

– Итак, ты возвращаешься домой, – обронила Ангелина.

Я кивнула в знак согласия.

– Да, улетаю уже через несколько часов. Но я вскоре вернусь, как только мне позволят, – поспешно пообещала я. – Мне еще нужно так многому научиться у вас...

– *Si*, и мы тебя обязательно дождемся, милая. Несмотря на то что Пепе старый и толстый... Зато я еще здоровая, как вол. – Ангелина весело подмигнула мне.

– Я хотела остаться с вами, но Алли и Чарли считают, что будет лучше, если я сейчас вернусь к себе в Женеву...

– Что ж, иногда стоит доверять мнению других, особенно тех, кто желает тебе только добра. Они полагают, что так тебе будет лучше. Кстати, и им тоже! – хохотнула в ответ Ангелина. – Не мешай заботиться о себе тем людям, которые тебя действительно любят. Поняла?

– Думаю, да. Но мне и правда не хочется уезжать от вас.

– Знаю. Ведь это место навеки запечатлено в твоём сердце. Но мы всегда будем рады видеть тебя здесь, в любое время, когда захочешь.

– Спасибо. – Я медленно жевала вкуснейший хлеб, стараясь запечатлеть в своей памяти все драгоценные мгновения этой моей прощальной трапезы с вновь обретенной семьей. Набравшись храбрости, я наконец решилась спросить у них о том, разговор о чем они наверняка специально откладывали на потом все то время, что я провела в Гранаде. Думаю, откладывали сознательно, не желая ворошить печальные страницы истории нашей семьи. – Но прежде, чем я уеду, – начала я, осторожно подбирая слова, – не могли бы вы... пожалуйста, расскажите мне о моей матери и о моем отце. У меня так много вопросов, и я не могу уехать отсюда, не узнав...

– Да, Эризо. Конечно, мы должны рассказать тебе все, – перебила меня Ангелина и тяжело вздохнула. – Несчастливая история, очень несчастливая. Наверное, мы тоже проявили эгоизм, не став посвящать тебя во все ее подробности. Но мы с Пепе и сами не любим вспоминать все то, что тогда случилось...

Пепе взял Ангелину за руку, и какое-то время мы все трое сидели молча. Наконец Пепе собрался с силами и устремил взгляд своих карих глаз на меня.

– Что ж, тогда я, пожалуй, начну первым, потому что я там был. Это случилось в 1944 году. В мире еще бушевала война, Лусия на тот момент находилась в Южной Америке и была в зените своей славы...

Лусия

Мендоса, Аргентина

Сентябрь 1944 года

*Платье фламенко со шлейфом
(bata de cola)*

Концертное платье с длинной, широкой и пышной юбкой, требующей особого мастерства от танцовщицы, чтобы манипулировать этой юбкой.

29

Менике вышел на террасу, залитую ярким сентябрьским солнцем. Оперся о балюстраду, глянул вниз, на виноградники, раскинувшиеся в долине, потом перевел глаза вверх, туда, где белели заснеженные вершины Анд. Еще никогда в своей жизни он не вдыхал такой чистый воздух, не наслаждался таким мягким солнцем, которое нежно ласкало кожу, не испепеляя ее даже на такой высоте. Нет, определенно, это место ему очень нравится.

Стыдно признаваться самому себе, но недавняя неприятность, случившаяся с Лусией, обернулась для него истинным благом. Их труппа провела несколько лет в бесконечных гастролях по всей Южной Америке. Тур завершился выступлением в переполненном театре Буэнос-Айреса. И вот, выполняя особо зажигательную *farruca*, Лусия так энергично топнула ножкой, что треснули даже половицы на сцене.

А в результате Лусия сильно растянула лодыжку, и доктор самым серьезным образом предупредил ее, что она не сможет больше выступать на сцене, если не побережет свою ногу и не даст ей достаточно времени для полного восстановления. Короче, Лусию буквально силой вынудили сделать перерыв в гастролях и дать себе отдых хотя бы на один сезон. Остальную часть труппы распустили, и артисты разъехались кто куда, по всей Аргентине и Чили с собственными выступлениями.

Впервые за долгие годы совместной жизни с Лусией Менике получил ее полностью в свое распоряжение, и это было действительно чудесное во всех отношениях время.

Вполне возможно, сделали свое доброе дело обезболивающие препараты, которые прописали Лусии врачи, или причиной тому был страшный стресс, которому она подвергала свое тело все эти годы, но как бы то ни было, а молодую женщину было просто не узнать. Еще никогда Менике не видел ее такой спокойной и уравновешенной. Пожалуй, он был даже готов жениться на ней хоть завтра, если бы только был уверен, что их идиллия продлится вечно.

– Телеграмма, сеньор.

На террасе появилась служанка по имени Рената и вручила ему телеграмму.

– *Gracias*.

Телеграмма была адресована Лусии, которая мирно дремала в своем кресле-качалке, нежась на солнышке. Он вскрыл телеграмму, все равно ведь она попросила бы его прочитать ей текст.

Текст был на английском. Менике присел к столу и стал разбираться, о чем речь.

**ВСЕ УСЛОВИЯ ПРИНЯТЫ ТОЧКА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНЫ
БИЛЕТЫ НА РЕЙС ИЗ БУЭНОС-АЙРИСА В НЬЮ-ЙОРК НА 11**

СЕНТЯБРЯ ТОЧКА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ВСТРЕЧИ СО ВСЕМИ ВАМИ ЗДЕСЬ ТОЧКА СОЛ

– Проклятье! – негромко выругался Менике, чувствуя, как в нем закипает злость. Он поднялся из-за стола и направился к Лусии.

– Тебе телеграмма! – крикнул он нарочито громко, видя, как она даже вздрогнула от неожиданности и тут же проснулась. Он швырнул ей телеграмму. Легкий ветерок подхватил бумажку и понес ее по террасе, выложенной плиткой.

– Правда? – Лусия моментально села и подняла телеграмму с пола. Увидев, что она на английском, протянула ее Менике, но тот не взял. – А что в ней?

– Думаю, ты прекрасно знаешь, Лусия, что в ней.

– Да? – Она снова глянула на текст, пытаюсь отыскать в нем хотя бы одно знакомое слово. – О, это от Сола.

– Да, от Сола. От Сола Юрока. Судя по всему, ты собираешься в Нью-Йорк.

– Нет, *это мы с тобой* собираемся в Нью-Йорк. Как будто я брошу тебя здесь одного! Ты будешь мной гордиться, потому что я провела очень успешные переговоры.

Менике сделал глубокий вдох, прежде чем заговорить.

– Тебе не кажется, что было бы совсем даже неплохо, если бы ты хоть изредка держала меня в курсе своих планов?

– Я и собиралась тебе все рассказать, но лишь после того, как он примет мои условия. Ведь раньше было как? Он звал только меня одну, а тебя и всех остальных артистов нашей труппы – побоку. Зато сейчас, – Лусия широко улыбнулась и обвила его руками за шею, – я *могу сообщить* тебе все.

Поскольку Лусия не могла прочитать телеграмму сама, Менике тут же прикинул, что «условия были приняты» в ходе нескольких ночных телефонных разговоров, которые Лусия вела с Солом, думая, что Менике в это время крепко спит.

Он медленно опустился в кресло. От его прежнего благодушного настроения не осталось и следа, и причин тому тьма. Еще следует хорошенько поразмыслить над каждой из них.

– Скажи, ты рад за меня, Менике? – приставала к нему Лусия. – Ты же знаешь, это моя давняя мечта. – Она порывисто вскочила с

кресла-качалки, явно взволнованная полученной новостью. Ее маленькие ножки стали сами собой отбивать ритм на полу террасы. – Ты только представь себе! Наконец мы в Северной Америке! Южная Америка уже покорилась нам, а сейчас мы отнимем у Аргентиниты и ее главный приз!

– Так это ты ради нее так стараешься? – насмешливо спросил Менике, стараясь не встречаться с Лусией взглядом.

– Ни ради кого я не стараюсь! Просто хочу перемены мест. Пусть все эти *rayos* и в Нью-Йорке увидят, как я танцую. А ведь там живут все богатеи мира! – Лусия порывисто обняла Менике за плечи. – Неужели это тебя ни капельки не волнует? – прошептала она ему на ухо. – Сеньор Юрок пообещал снять для моих выступлений Карнеги-холл! Ты только представь себе все это! Маленькая горстка испанских цыган покоряет сцену самого знаменитого концертного зала в мире!

– А мне нравится здесь, в Мендосе, Лусия. Я бы с удовольствием остался в Южной Америке до конца своих дней.

– Но мы же здесь уже посмотрели все, что только можно! И переделали все, что можно! – Лусия разжала кольцо своих рук и принялась нервно расхаживать по террасе, заставленной огромными горшками с ярко-красными цветами в тон шарфу, который болтался у нее на шее. – Мы уже побывали в Уругвае, Бразилии, Чили, Колумбии... – Она принялась методично загибать свои пальцы, перечисляя страны, в которых они гастролировали. – Потом еще в Эквадоре, Венесуэле, Мексике, Перу, на Кубе...

– В следующий раз, Лусия, когда ты станешь строить свои планы на будущее, учитывая и мою скромную персону, изволь, пожалуйста, ставить меня в известность о своих намерениях.

– Но я же хотела устроить тебе сюрприз! Большой сюрприз! Думала, ты обрадуешься, как и я! – У Лусии был такой растерянный вид, что гнев Менике куда-то улетучился сам собой. Очевидно, она действительно вполне искренне верила в то, что он будет счастлив узнать о предстоящем контракте.

– Просто мне было здесь так хорошо вместе с тобой. Вот я и думаю... – Менике слегка тряхнул головой. – А сможем ли мы наконец найти где-нибудь пристанище, где будем отдыхать уже по-настоящему? И где мы заживем наконец вдвоем и вместе...

– Но пока не до отдыха. Мы *живем полной жизнью*, разве это тебя не будоражит? А скоро я буду зарабатывать четырнадцать тысяч долларов в неделю! Представляешь?

– Зачем нам деньги, Лусия? Их у нас более чем достаточно.

– Денег никогда не может быть достаточно. И потом, мы же с тобой цыгане. Для нас жизнь – это постоянные странствия, мы нигде не можем задерживаться надолго. Ты же понимаешь это не хуже меня. – Лусия окинула Менике внимательным взглядом. – Наверное, ты просто стареешь, друг мой.

– Скорее всего, я просто устал колесить по свету. Хочу собственный дом. Наш с тобой дом, Лусия... И детей хочу. А почему бы и нет?

– Все это у нас с тобой будет... Но вначале давай доведем до успешного финала наши приключения. Едем в Нью-Йорк! – Лусия подскочила к Менике и, опустившись перед ним на колени, порывисто схватила его за руки. – Прошу тебя! Я должна покорить Америку! Не отказывай мне в этом моем желании.

– *Requena*, голубка моя. – Менике снова сделал глубокий вдох. – Скажи, когда и в чем я тебе отказывал?

* * *

На этот раз их плавание до Нью-Йорка проходило при спокойной погоде. Море не штормило, а потому никого из членов труппы, которая за шесть лет пребывания в Южной Америке разрослась аж до шестнадцати человек, морская болезнь не донимала. Само собой, Лусии предоставили лучшую каюту на пароходе. Другие пассажиры, встречаясь с ней на палубе, вежливо раскланивались или радостно махали рукой, приветствуя ее появление на публике.

– Как настроение? – поинтересовалась как-то раз Мария у Менике, отыскав его на палубе, где он, опершись о поручни, грустно вглядывался в океанскую гладь. Он был одет в теплое пальто, закутан шарфом, все эти теплые вещи ему совершенно бескорыстно передал один из пассажиров, заметивший как-то раз, как Менике, стоя на палубе, трясется от холода под порывами прохладного осеннего бриза.

– Да вот грущу, что оставляем позади Южную Америку. Там так тепло, столько красок...

– Понимаю тебя. Мне тоже грустно. Но что мы можем поделать?

– Ничего не можем, Мария, вы правы. – Менике слегка обнял Марию за плечи. За минувшие годы они очень сблизились, черпая в общении друг с другом не только удовольствие, но и силы, столь необходимые им обоим. Ведь иметь дело с Лусией или с Хозе было ой как сложно.

– Я хочу... – начал Менике и оборвал себя на полуслове.

– Чего ты хочешь?

– Дождаться конца и начала, – прошептал он едва слышно. – Чтобы это путешествие поскорее подошло к своему концу. Чтобы у меня был дом.

– *Si*, я понимаю тебя. Говорят, война в Европе скоро закончится. Страшно хочу узнать, что случилось с моими сыновьями. И тоже очень хочу домой.

Мария сочувственно пожала руку Менике и побрела прочь, оставив одинокую фигуру и далее торчать на холодном ветру.

* * *

– Знаешь, что сеньору Юроку меня порекомендовал сам Антонио Триана? – обронила Лусия, собираясь на ужин в каюту капитана и застегивая в ушах тяжелые серьги с бриллиантами, потом она набросила на плечи меховой палантин.

– Правда? Ты ни разу не говорила мне об этом. Я думал, он выступает в паре с Аргентинитой?

– Выступает. Но говорят, у нее проблемы со здоровьем. А потому он ищет себе новую партнершу. И представь себе, он выбрал меня! – Лусия самодовольно хихикнула и подкрутила пальцем черный локон посреди лба.

Менике уставился на нее долгим немигающим взглядом.

– А я полагал, что тебе больше нравится танцевать одной. Или нет?

– Нравится, ты прав. Но когда я в последний раз выступала вместе с Триана в Буэнос-Айресе, мне показалось это очень впечатляющим.

Дуэт – это ведь больше, чем соло. К тому же он уже знаменитость в Америке.

– Лусия, пожалуйста, скажи мне правду. Мы ведь проделываем весь этот долгий путь до Нью-Йорка вовсе не за тем, чтобы увести у Аргентиниты ее партнера?

– Конечно нет! Но я могу многому научиться у Триана. Он ведь гений.

– Даже так? – Менике подошел к Лусии и, встав у нее за спиной, посмотрел на ее отражение в зеркале. – И это говорит мне женщина, которая все эти годы не переставала утверждать, что каждый танец приходит к ней, как вдохновение, как порыв души.

– Не забывай, я ведь стала старше, однако по-прежнему хочу совершенствоваться в своем искусстве. Если Триана сможет научить меня чему-то такому, что сделало Аргентиниту столь знаменитой в Америке, то почему бы мне и не прислушаться к его советам? Времена ведь меняются. Сегодня уже мало просто отплясывать на сцене в сопровождении оркестра. Публике подавай шоу! Зрелищные представления и все такое...

– Но разве не этим мы занимались все те годы, пока гастролировали по Южной Америке? – устало откликнулся Менике. – Однако я уже изрядно проголодался. Ты готова? Или я пойду в столовую один?

Лусия застегнула бриллиантовый браслет на запястье и с готовностью протянула руку Менике.

– Я готова! И тоже умираю, хочу сардин.

* * *

Спустя два дня труппа Альбейсин прибыла в Нью-Йорк. Еще никогда Менике не видел Лусию в таком приподнятом состоянии. Она с восторгом разглядывала высоченные небоскребы, верхние этажи которых терялись среди облаков. Когда они приблизились к небольшому острову в устье широкой реки, то увидели главный символ Америки – статую Свободы: женщина, облаченная в античную тогу, успевшую уже покрыться от времени и сырости зеленью, держит в руке факел свободы.

Когда они наконец прибыли в Эллис-Айленд, конечный пункт их плавания, то Лусия, спускаясь по трапу на берег, приготовилась к тому, что ее будут встречать толпы поклонников. Однако вместо фанатов их встретили служащие миграционного ведомства, которые пригласили всех членов труппы проследовать за ними в помещение, чтобы заполнить необходимые бланки.

– Я не умею писать! И моя мама тоже не умеет! И мой отец... – затараторила Лусия на испанском, бросая возмущенные взгляды на чиновников. – Или вы не знаете, кто я?

– Нет, мэм, мы не знаем, кто вы, – отозвался кто-то из служащих после того, как Менике неохотно перевел для них слова Лусии на английский язык. – Все, что нам известно, так это то, что вы испанская иммигрантка. А потому вам надлежит заполнить все необходимые бумаги, прежде чем вы сможете вступить на территорию Соединенных Штатов Америки.

Несмотря на бурные протесты Лусии, всем им в категорической форме было отказано во въезде. Последовали переговоры с Солом Юроком: тот посоветовал сделать некоторую паузу и отплыть в Гавану. Еще один долгий морской переход, во время которого Менике и другие члены труппы, кто умел читать и писать, обучали Лусию и остальных своих товарищей грамоте. Теперь они хотя бы научились выводить свое имя и расписываться на всяких бланках.

Когда спустя двадцать дней они снова прибыли в Нью-Йорк, Менике был несказанно счастлив уже хотя бы тому, что ступил наконец на твердую сушу.

На сей раз все формальности в Эллис-Айленд были осуществлены без каких-либо проволочек, и труппа в полном составе направилась на Манхэттен, вначале на пароме, потом загрузились в несколько желто-черных машин такси. По дороге Менике восхищенно разглядывал громады небоскребов, сверкающих сотнями окон на неярком зимнем солнце. Выйдя из машины, он выдохнул и увидел, как тут же его дыхание превратилось на морозе в тонкую струйку пара. Он постарался скрыть свое удрученное состояние от Лусии, которая в отличие от него пребывала в самом приподнятом настроении, восхищенно разглядывая огромные витрины, заставленные манекенами, демонстрирующими роскошные меха и бриллианты.

Они остановились в отеле «Вальдорф Астория», где Сол Юрок забронировал номера для всех членов труппы. В вестибюле на стойке администратора Лусия поставила какую-то неразборчивую закорючку, расписавшись в регистрационной книге. Остальные артисты во главе с отцом составляли ее свиту. Служащие отеля и другие постояльцы гостиницы с некоторой оторопью поглядывали издалека на шумную толпу цыган, весело болтающих о чем-то между собой.

Дежурный администратор вручил Лусии ключи от ее номера, и она величественной походкой истинной королевы проследовала к лифту.

Когда мальчишка-лифтер нажал на кнопку нужного этажа, Лусия вдруг развернулась лицом к вестибюлю.

– *Hola*, Нью-Йорк! Скоро все в этом городе будут знать мое имя!

* * *

– Итак, ваш американский дебют состоится в «Бичкомбер»! – объявил ей Антонио Триана.

– А что это такое? – Лусия с нескрываемым подозрением глянула на стройного темноглазого мужчину, сидевшего у нее в номере. Безукоризненный покрой пиджака и брюк сразу же выдавал руку очень дорогого мастера.

– Это клуб, очень рафинированный клуб, который часто посещают всякие голливудские звезды. Я там тоже выступал в паре с Аргентинитой, – пояснил Триана.

– Но это точно не какая-то там забегаловка в порту?

– Уверяю вас, сеньорита Альбейсин, ничего подобного! Достаточно сказать, что билеты на ваше первое выступление продаются по двадцать долларов! А сейчас я должен покинуть вас, но уже с завтрашнего дня мы приступаем к репетициям. Ровно в девять утра.

Лусия глянула на него в полном смятении.

– Сеньор Триана, мы никогда не просыпаемся раньше полудня!

– Но вы сейчас в Нью-Йорке, сеньорита Альбейсин. А здесь правила совсем другие. Итак, завтра я жду вас и остальных членов вашей труппы в фойе ровно в девять и сразу же веду вас в

репетиционную комнату. – Отвесив элегантный поклон, Антонио вышел из номера.

– Девять утра? – Лусия повернулась к Менике. – С ума можно сойти! Это же еще ночь!

– Но мы должны делать так, как он велел. Он ведь знает здешние правила, Лусия.

– Конечно, ты прав, – вздохнула она в ответ. – Но ничего! Зато сегодня вечером мы устроим себе праздник! Будем пить вино и веселиться!

* * *

– Вы готовы к нью-йоркскому дебюту? – прошептал Антонио Триана на ухо Лусии, когда две недели спустя они стояли в кулисах в ожидании своего выхода. Сквозь щелочку она видела разноцветные огни, скользящие по залу, слышала шумную разноголосицу посетителей, заполнивших до отказа зал элитарного ночного клуба, который простирался перед ними. Ночная жизнь в клубе «Бичкомбер» была ключом. По дороге к дверям, ведущим на сцену, Лусия, к своему удовольствию, смогла убедиться, что у входа в клуб толпится огромное количество людей, жаждущих попасть внутрь.

– После всех этих репетиций по утрам, да еще в такую несусветную рань, я чувствую себя готовой, как никогда, – объявила она Антонио.

– Вот и отлично! Ибо я должен сообщить вам, что сегодня в зале присутствуют Фрэнк Синатра, Борис Карлофф и Дороти Ламур.

– Борис Карлофф? Этот тот человек-чудовище? А он зачем пришел сюда? Чтобы напугать меня?

– Чтобы посмотреть, как вы танцуете, Лусия, – улыбнулся в ответ Антонио. – Уверю вас, в жизни он совсем не похож на чудовище. Просто он играет всяких монстров в фильмах ужасов. А сейчас, – он взял ее за руку, – покажем всем этим богатым американским знаменитостям, что такое настоящая Испания. Удачи, Ла Кандела. – Антонио легонько поцеловал кончики ее пальцев. – Идем!

Менике, сидя на стуле сбоку от сцены, увидел, как Лусия выпорхнула из-за кулис и в сопровождении Антонио прошла на

середины сцены. Как и на всех своих дебютных выступлениях, она была облачена в идеально сшитые брючки из черного атласа, тугой корсет, обхватывающий ее узкие бедра, и пиджак-болеро с острыми плечиками. Антонио отвесил ей поклон и удалился со сцены, послав на прощание воздушный поцелуй. Менике почувствовал неожиданный укол ревности, но тут же подавил в себе это мстительное чувство, чтобы оно ненароком не перекинулось на его пальцы.

Он коротко кивнул Пепе, и три гитариста тронули струны, а Лусия встала в начальную позицию *farruca*, высоко вскинув руки над головой и вывернув наружу пальцы.

– Удачи тебе, моя любовь, – прошептал Менике, понимая, что еще никогда в своей жизни Лусия не выступала перед такой искушенной и такой требовательной публикой.

Часом позже Менике издал на гитаре уставшими от напряжения пальцами последний аккорд, глядя на то, как Лусия завершает свои вращения, танцуя уже в роскошном платье фламенко насыщенного фиолетового цвета. Мысленно он усмехнулся тому, что, несмотря на все старания Антонио во время репетиций, Лусия в ходе своего выступления отмела прочь большую часть его указаний, заменив их, по своему обыкновению, чистейшей импровизацией.

«И в этом и состоит главная сила твоих чар, *mi amor*. Ты, как всегда, непредсказуема, и я должен постараться любить тебя за это».

Менике поднялся со своего места, чтобы вместе с Хозе и Пепе получить свою порцию аплодисментов. Ему было видно, как вскочил на ноги Фрэнк Синатра, аплодируя Лусии, а она все выходила и выходила на поклоны. И в этот момент слезы выступили у Менике на глазах, и он даже забыл, что вообще-то был настроен категорически против их приезда в Нью-Йорк.

«Какой невиданный успех, – подумал он. – Остается лишь молиться, чтобы ты наконец остановилась в этом своем неумном стремлении вверх, все выше и выше...»

* * *

Дебют Лусии сопровождался ворохом восторженных рецензий в прессе, а впереди уже маячил концерт в Карнеги-холл. Каждое утро

Лусия просыпалась ровно в восемь, и еще никогда Менике не видел ее такой собранной и энергичной. Вся труппа репетировала каждый день. Антонио руководил артистами профессионально, проявляя завидное терпение и такт. Менике с удивлением видел, что все критические замечания своего наставника Лусия воспринимает с покорностью овечки.

– Я же тебе говорила, что хочу усовершенствоваться в своем мастерстве. Должна же я научиться всему тому, чего они хотят здесь, в Америке.

Однажды ночью, выйдя из спальни, чтобы налить себе стакан воды, Менике увидел, что Мария все еще сидит в гостиной их номера и шьет костюмы для следующих выступлений.

– Два часа ночи, Мария. Почему вы до сих пор не спите?

– А ты почему не спишь?

– Не могу уснуть.

– Вот и я не могу. – Иголка на какое-то мгновение зависла в воздухе. – Хозе до сих пор еще не вернулся.

– Понимаю.

– Не думаю, что ты понимаешь до конца. Зато я *точно знаю*, что он снова пустился в загул. Всю прошлую неделю он приходил домой на рассвете, спустя много часов после того, как все вы возвращались к себе после репетиций.

– Он говорил мне, что задерживается, чтобы порепетировать еще немного с некоторыми новыми членами нашей труппы, – совершенно искренне ответил Менике.

– И кто ж такие они будут?

– Несколько молоденьких танцовщиц, которых мы приняли в свой коллектив уже здесь, в Нью-Йорке.

– В частности, Лола Монтез, верно? – Мария опустила глаза на шитье. – И еще некая Мартина. Хорошенькие, да?

– Мария, я понимаю ваше беспокойство, но сразу же говорю вам, что на предмет Лолы не стоит волноваться. Невооруженным глазом видно, что она по уши влюблена в Антонио.

– Тогда остается Мартина...

– Честное слово, я не думаю, что...

– Зато я думаю! – отрезала Мария. – Уж ты поверь мне, все признаки налицо. А я не могу, *не могу!* – понимаешь? – снова терпеть

весь этот кошмар. Ведь он же обещал мне, Менике, когда я согласилась принять его обратно. Клялся жизнью наших детей... Если все это правда, тогда мне придется бросить все и уехать. Возможно, я вернусь домой, в Испанию.

– Вам пока нельзя домой, Мария. Вся Европа еще объята войной, там царит хаос. Может, вы все преувеличиваете? С учетом вашего прошлого негативного опыта...

– Дай-то бог, чтобы ты оказался прав. Но я торчу здесь, в гостинице, целыми днями напролет и не знаю, чем он там занимается на стороне. Может, ты станешь моими глазами и ушами, а? По сути, ты – единственный человек, которому я всецело доверяю.

– То есть вы предлагаете мне начать шпионить за Хозе?

– Получается, да. А сейчас пойду, пожалуй, к себе, немного посплю в своей пустой постели. Спокойной ночи, Менике.

Менике молча проводил Марию взглядом: красивое, стройное тело, исполненная особого достоинства женская стать. Какая жалость, что все так вышло, подумал он с грустью.

«Впрочем, – тут же мелькнуло у него, – любовь всех нас превращает в дураков».

* * *

– Я им не нравлюсь! – Лусия бросилась на диван и громко разрыдалась. Менике молча переждал, пока Лусия выплечется, а потом попросит его почитать вслух статью-обзор, появившуюся на страницах «Нью-Йорк таймс».

Их вчерашнее выступление в Карнеги-холл имело грандиозный успех. Публика проводила артистов бурными овациями, лично у него не было ни капли сомнения в том, что и критическая статья будет изобиловать положительными откликами.

– Ты не права, дорогая, – попытался он переубедить свою подругу, выискивая в статье комплиментарные предложения, которых, надо сказать, было много.

«Удивительно гибкое и хрупкое тело, доведенное до высшей степени накала чувств, при этом полностью контролируемое исполнительницей».

«Головокружительные вращения, бешеный темп, чисто физическое возбуждение, в котором пребывает танцовщица, но при этом каждое ее движение исполнено необыкновенного артистизма и полностью подчинено строгим канонам танца».

«В своих *alegrias*, которые она исполняет с особой виртуозностью, каждая частичка ее тела – это одновременно и движение, и законченность линии, и объем», – перевел Менике очередной пассаж.

– Да, но они назвали мое вчерашнее выступление «заурядным». Сказали, что не надо мне было танцевать под аккомпанемент гитар кордоба. И это белое кружевное платье! Я его ненавижу! У меня был вчера дурацкий вид.

– Дорогая, весь их негатив свелся лишь к тому, что твоя исполнительская манера соответствует более камерной обстановке, а не таким громадным залам, как Карнеги-холл, где публика просто физически не имеет возможности разглядеть твой танец во всех его подробностях и насладиться той страстью, которую ты вкладываешь в каждое движение.

– Да, а еще они в оскорбительной манере отзываются о моих размерах. Дескать, с галерки или с балкона я смотрюсь на сцене крохотной точкой. Представляешь? Лолу Монтез они так не оскорбляли за ее *bulerias*. Ее даже папа поздравлял больше, чем меня, – с новой силой разрыдалась Лусия.

– Публика любит тебя, Лусия, – устало отозвался Менике. – А это – главное.

– На следующей неделе мы отправляемся на гастроли, и я обязательно настою на том, что буду открывать шоу исполнением *soleares*. Это было ошибкой Антонио, что он не позволил мне это здесь, потому что меня нельзя загнать в какую-то одну определенную форму. Я такая, какая есть, и должна танцевать, как чувствую сама. – Она вскочила с дивана и стала нервно расхаживать по комнате.

– Знаю, Лусия, знаю. – Менике приблизился к ней и обнял за плечи. – Ты действительно такая, какая есть. За это тебя и обожают зрители.

– Ты еще увидишь, когда мы проедемся по всей Америке и выступим перед настоящей публикой! Никто не преминет попасть на мои концерты! Публика будет ломиться на них в каждом городе.

Детройт, Чикаго, Сиэтл... Я покорю все эти города, до единого! – Лусия вырвалась из его объятий и снова принялась возбужденно мерить комнату шагами. – Клянусь, я найду проклятья на эту газетенку! А сейчас я иду к маме.

Лусия с такой силой хлопнула за собой дверью, что содрогнулись даже стены их номера.

Они провели в Нью-Йорке уже больше четырех месяцев, и если Лусия буквально источала из себя энергию, то Менике, напротив, чувствовал себя так, будто этот неистовый, безумный город высосал из него все жизненные силы. Менике терзали постоянные простуды, морозная погода позволяла лишь изредка выбираться на прогулку в Центральный парк, чтобы полюбоваться в оранжереях окультуренным буйством цветов и красок, так напоминающих ему незабвенные пейзажи любимой Мендосы.

Он снова взял в руки газету, чтобы дочитать статью до конца. Последний абзац – всего лишь каких-то пять слов, моментально поднял ему настроение.

– *«Выступление Менике было очень успешным»*, – повторил он эти слова про себя.

Что ж, на данный момент слова утешения и поддержки были нужны, как никогда.

* * *

Спустя месяц они отправились в гастрольный тур. Менике потерял счет дням, неделям и месяцам, которые они проводили в поездах, пересекая страну из одного конца в другой, и в каждом отдельном уголке все-все-все – и еда, и люди, и даже язык, на котором они разговаривали, все ласкало слух и радовало глаз. Лусия осталась верна своему слову. Раздосадованная отрицательной рецензией на свое выступление в Карнеги-холл, она на каждом представлении танцевала, как говорится, не на жизнь, а на смерть.

Пепе тоже расцвел буквально на глазах, его игра стала более уверенной и профессиональной. Часто они вдвоем с Менике засиживались далеко за полночь, вместе рылись в газетах, выискивая в

них последние новости о войне. Попутно Менике обучал Пепе английскому языку.

После еще одного успешного выступления в Сан-Франциско, в городе, где Менике чувствовал себя так, будто вечный туман, висевший здесь с утра и до позднего вечера, уже проник в его кости и напитал их своей сыростью, вся труппа в полном составе завалилась в небольшой ночной ресторанчик, заняв сразу все кабинки.

– Советы уже на подступах к Берлину, – обронил Менике, глянув на первую полосу газеты, оставленной кем-то из посетителей на их столике.

Пепе тут же пристроился рядом и, вытянув шею, стал читать статью.

– Значит, война скоро закончится, да? – спросил он. – Я сегодня вечером столкнулся в баре с одним моряком. Говорит, они собираются отплыть на Окинаву. Судя по всему, в Японии сейчас тоже жарко.

– Нам остается лишь молиться, чтобы все это побыстрее закончилось, – ответил Менике, и они оба заказали еще по одному безвкусному гамбургеру.

Менике искоса глянул на Пепе, погруженного в чтение газеты, и подумал, что природа в очередной раз сыграла злую шутку, наделив Пепе спокойным и уравновешенным характером матери и броской красотой отца. Впрочем, несмотря на восторженные взгляды многочисленных зрительниц, Пепе, казалось, вовсе не замечал все эти знаки внимания. Чего никак нельзя было сказать о Хозе...

К их столику подошла Мария.

– Пепе, мальчик мой, Хуана хочет переговорить с тобой, еще раз уточнить, сколько вступительных аккордов ты сделаешь, прежде чем она начнет исполнять свои *bulerias*.

– *Si*, мама. – Пепе с готовностью подхватился со своего места и исчез, а Мария вошла в кабинку и уселась напротив Менике.

– Ты сегодня прекрасно играл, – улыбнулась Мария. – И соло у тебя было дольше обычного.

– Пришлось выпрашивать, чтобы они позволили, – ответил Менике, закуривая сигарету.

– А я и не знала, что ты куришь.

– Обычно не курю. Еще одна плохая привычка, которой я научился у Лусии. Та смолит минимум по две пачки в день.

Менике увидел, как Мария, откинувшись на спинку банкетки из красного пластика, шарит взглядом по ресторану, пытаясь отыскать мужа. Ему же самому было видно, что Хозе сидит в соседней кабинке рядом с Мартиной, вальяжно положив руку на сидение за ее спиной.

– Знаете, Мария, скажу вам честно. За все то время, что длятся наши гастроли, у них, по-моему, дальше разговоров и выпивки дело не пошло.

– Возможно, – грустно улыбнулась в ответ Мария. – Но всего ведь не увидишь. Да и уловки всякие имеются. Как бы то ни было, а все последние месяцы я сплю одна. Хозе теперь богатый человек. К тому же известный, талантливый.

– А вы, Мария, по-прежнему очень красивая женщина. Уверен, Хозе любит вас.

– Но не так сильно, как люблю его я. Не надо меня утешать, Менике. Разве ты не видишь, как я измучилась? Быть рядом с ним и одновременно знать наверняка, что одной меня ему мало.

– Да все я вижу. Мне и самому эти гастроли кажутся уже бесконечными. Как нам было хорошо в Южной Америке. Там такие красивые места, такая вкусная еда, отличное вино. Они говорят на нашем языке, понимают нас, а здесь! – Менике с несчастным видом уставился в крошечную темень за окном. – Самое лучшее, что они могут нам тут предложить, это их хваленый хот-дог, сосиску в тесте.

– Согласна с тобой. Я тоже скучаю по Южной Америке. Зато Лусия, по-моему, здесь счастлива. Она покорила Америку. Победила Аргентиниту на ее собственной территории. Может, сейчас Лусия хоть немножко сбавит обороты и расслабится.

– Нет, Мария. – Менике покачал головой. – Мы с вами оба знаем, что такое никогда не случится. На ее горизонте возникнет еще какая-нибудь очередная Аргентинита... Еще одна страна, которую нужно покорить... Хочу поделиться с вами одним секретом.

– Слушаю тебя.

– Меня пригласили в Мехико выступить соло в одном очень известном кафе фламенко. Они ознакомились с рецензиями на наши выступления, которые были опубликованы в «Нью-Йорк таймс» и в других газетах.

– Понятно. И что ты решил?

– Пока еще не определился окончательно. Ведь до конца гастролей еще несколько недель. Кто знает, что будет потом? Наверное, я предложу Лусии поехать вместе со мной.

– А как же остальные члены труппы?

– Их не приглашают. – Менике взял со стола свою кружку с пивом и отхлебнул глоток.

– Лусия не поедет с тобой, Менике. Ты же знаешь это. Она не может просто взять и бросить все, оставить остальных.

– Что ж. – Менике залпом осушил кружку до дна. – Это ее выбор.

– Но и твой тоже, – возразила ему Мария.

* * *

По возвращении в Нью-Йорк артистам труппы Альбейсин был предложен контракт на выступления в известном театре «46-я улица». Но, когда они приехали в отель «Вальдорф Астория», им сказали, что свободных номеров нет и все места забронированы.

– Как забронированы?! – воскликнула Лусия в полном негодовании, пока портье сопровождал их по шикарному, отделанному мрамором, вестибюлю к выходу. – *Ау!* Да у них половина номеров стоят пустыми. Они должны быть счастливы заполучить нас снова в качестве своих постояльцев.

Они стояли на остановке в ожидании такси, спасаясь от весеннего ливня под каким-то жалким зонтиком; Менике обнял Лусию за плечи, пытаясь хоть как-то успокоить ее.

– Лусия, наверное, они не пришли в восторг от того, что ты сотворила с их дорожкой деревянной мебелью, со всеми этими горками и буфетами, когда мы тут останавливались в последний раз.

– А на чем мне было разогревать сардины? – совершенно искренне удивилась в ответ Лусия. – Нужны же мне были какие-то дрова для разведения огня.

В итоге вся труппа разместилась в больших комфортабельных квартирах на Пятой авеню Манхэттена.

– Я рада, что снова в Нью-Йорке. Чувствую себя здесь как дома. А ты? – спросила Лусия у Менике, распаковывая свои многочисленные чемоданы и вываливая их содержимое охапками прямо на пол.

– Нет, у меня такого чувства нет. Ненавижу Нью-Йорк. Это не мой город.

– Но тебя же здесь так любят!

– Лусия, мне надо поговорить с тобой.

– *Si*, конечно. Сочинил что-нибудь новенькое для нашего шоу? Я видела, как ты что-то писал на бумажке, пока мы ехали в поезде. – Лусия встала перед зеркалом, небрежно набросив на себя роскошное манто из белого меха, которое она только что извлекла из чемодана. – Как тебе эта вещица?

– Думаю, за те деньги, что она стоит, можно было бы кормить целый месяц всю Австралию, но в целом смотрится очень мило, *mi amor*. Пожалуйста! – Менике почувствовал, что его терпение уже на исходе и он вот-вот взорвется. – Пожалуйста, присядь на минутку.

Лусия мгновенно уловила напряжение в его голосе, сбросила с плеч манто и уселась рядом.

– Что случилось?

– Мне предложили контракт в одном очень знаменитом фламенко-клубе в Мехико. Как сольному исполнителю.

– И как долго ты будешь отсутствовать?

– Пока не знаю. Может, месяц... А может, уеду на год... Или даже навсегда...

Менике поднялся с дивана и подошел к окну, глянув вниз на бесконечный поток машин, запрудивших всю проезжую часть Пятой авеню. Даже на их тридцатом этаже было слышно, как громко сигналият клаксоны автомобилей.

– Лусия, я просто... Я больше не могу так.

– Чего ты не можешь?

– Таскаться за тобой таким хвостиком. У меня тоже есть талант, какие-то способности... Я хочу реализовать все это, пока не станет слишком поздно.

– Конечно! Что за разговор! Предусмотрим больше твоих сольных выступлений в наших концертах. Поговорю с папой, внесем нужные изменения в репертуар. Не вижу в этом никаких проблем, – сказала Лусия, закуривая сигарету.

– Нет, Лусия. Боюсь, ты меня не поняла.

– Чего я не поняла? Говорю же тебе, я могу дать тебе все, что тебе нужно.

– А я говорю тебе, что все то, что ты мне можешь дать, мне больше не нужно. И я не хочу этого. Речь идет о моей музыкальной карьере. В сущности, речь *о нашем с тобой* будущем.

– *Si*, я тоже постоянно думаю о нашем будущем. Ты же знаешь, как давно я мечтаю стать твоей женой, однако даже спустя столько лет, что мы вместе, ты так и не оказал мне этой чести. Почему ты не женишься на мне?

– Я много раз размышлял на эту тему. – Менике повернулся лицом к Лусии. – Кажется, наконец я нашел ответ.

– И что же это за ответ? У тебя появилась другая женщина? – Лусия сверкнула на него глазами.

– Нет, другой женщины у меня нет. Хотя в каком-то смысле я был бы рад, чтобы причина была именно в этом. Лусия! – Менике опустил перед ней на колени и взял ее за руки. – Разве ты не понимаешь, что я хочу жениться на тебе? Но я не хочу жениться и на всей твоей труппе, на твоей семье, на твоей карьере, наконец.

– Я тебя не понимаю, Менике, – растерянно посмотрела на него она. – Тебе не нравятся мои родственники? В этом вся проблема?

– Напротив! Я считаю твоих близких очень хорошими людьми. Беда в другом. Я, как был, так и останусь для всех вас посторонним человеком, даже когда стану твоим мужем. Твой отец распоряжается финансами, организует гастрели... По сути, он распоряжается твоей жизнью. Впрочем, это было бы не так уж и важно, если бы не многое другое. Мне уже тридцать пять. Все, чего я хочу для нас с тобой, – это маленький домик где-нибудь в Южной Америке. Вполне возможно, и в нашей любимой Испании, когда мы сможем туда вернуться. Я хочу, чтобы после того, как мы закроем дверь своего дома, никто бы к нам не врвался в любое время дня и ночи, независимо от того, хотим мы видеть этого человека или нет. Я хочу иметь детей, но растить и воспитывать их не в поездах, а как положено, чтобы они смогли стать достойными членами общества. Во всяком случае, так растили и воспитывали меня самого. Да и тебя тоже первые десять лет твоей жизни... Я хочу, чтобы мы смогли *выступать вместе*, найти такое место, которое было бы рядом с нашим домом, чтобы мы каждый вечер могли уходить из дома, а потом снова возвращаться к себе и спать в собственной постели. Лусия, я хочу, чтобы ты стала моей женой в полном смысле этого слова. Я хочу иметь свою семью, свою

настоящую семью... Хочу, чтобы все мы... сбавили обороты и начали получать удовольствие от того, что у нас есть, наслаждаться тем успехом, который мы уже заработали, а не очертя голову нестись навстречу новым авантюрам. Ты понимаешь меня, *mi amor*?

Лусия, сверлившая Менике взглядом своих черных глаз все то время, пока он говорил, отвернулась от него. Потом тоже поднялась со своего места и скрестила руки на груди.

– Нет, я тебя не понимаю. Все, что я поняла, так это то, что ты просишь меня порвать со своей семьей и отправиться за тобой, чтобы стать твоей женой.

– В каком-то смысле, да. Именно об этом я и прошу тебя.

– Но как я могу?! Что станет с нашей труппой без меня?

– Но там ведь есть еще Мартина, Антонио, Хуана, Лола, твой отец, твой брат, наконец...

– То есть ты хочешь сказать мне, что они вполне могут обойтись и без меня, да? По-твоему, я им не нужна?

– Ничего подобного, Лусия, я не хочу сказать. С чего ты взяла? – Менике тяжело вздохнул. – Я просто стараюсь объяснить тебе, что в жизни каждого человека наступает такой момент, когда он достигает некой определенной точки в своем развитии и понимает, что двигаться так и дальше нельзя. Фигурально говоря, нужно пересечь мост, чтобы идти уже новым путем. Вот такой момент наступил и в моей жизни. – Он подошел к ней и обнял за плечи. – Лусия, поехали со мной. Давай начнем новую жизнь вместе. И обещаю тебе, как только ты скажешь мне «да», я тут же беру тебя за руку и веду в ближайшую церковь. И уже завтра мы поженимся. Станем наконец мужем и женой.

– Да ты меня просто шантажируешь! Сколько раз ты говорил мне то же самое, но до свадьбы дело так и не доходило. – Лусия сбросила его руки со своих плеч. – Я не такая уж наивная дурочка, как ты это себе вообразил! А что же моя карьера? Ты хочешь, чтобы я бросила танцевать?

– Конечно же, нет! Повторяю, больше всего на свете я хочу и впредь выступать вместе с тобой. Но зачем нам все эти большие подмости? Зачем такие огромные залы?

– То есть ты попросту хочешь спрятать меня от публики? Заставить уйти в полуизоляцию?

– Нет, Лусия, вовсе нет. И, поверь мне, я буду счастлив, если время от времени ты захочешь вместе со своей обновленной труппой выступать на больших сценах. Но не каждый же день, и не все недели подряд. Говорю же тебе, я хочу иметь свой дом.

– Что лишний раз подтверждает, что в тебе больше от всех этих *rayos*, чем от цыган. Что с тобой случилось? Что не так?

– Много чего случилось. – Менике устало пожал плечами. – Да, мы с тобой такие, какие мы есть, это правда. Но прошу тебя, заклинаю от всего сердца, хорошенько подумай над тем, что я тебе сказал. Я вовсе не жажду славы или успеха так, как жаждешь всего этого ты. Однако и у меня есть какое-то самолюбие. И оно подсказывает мне, что пора мне наконец получить свою порцию признания отдельно от клана Альбейсин. Надеюсь, тебе не в чем меня винить, правда?

– Ты, как всегда, безупречен, а источник всех зол – это я. Но я ведь дива! Разве ты не понимаешь, что это *благодаря мне* мы сейчас имеем то, что имеем? Благодаря мне! – Лусия с силой постучала кулаком в грудь. – Это я, а не кто-то другой, спасла маму и Пепе от всех ужасов гражданской войны. И я никогда не предаю! Никогда...

– Хотелось бы надеяться, что ты помнишь, что я тоже, в некоторой степени, причастен к тем событиям и тоже помогал тебе, – вполголоса пробормотал Менике.

– То есть ты ставишь меня перед выбором, *si*? Я должна выбрать между своей карьерой, своей семьей и тобой.

– Да, Лусия, после стольких лет я действительно прошу тебя определиться со своим выбором. Если ты любишь меня, то поедешь вместе со мной, мы поженимся и начнем новую жизнь уже вместе.

Лусия погрузилась в затяжное молчание, столь не привычное для нее. Видно, обдумывала еще и еще раз все, что только что сказал ей Менике.

– А ты? Ты любишь меня настолько сильно, чтобы остаться? – спросила она наконец.

Невыразимая боль отразилась в его глазах, и она все поняла.

Мария вихрем ворвалась в номер Лусии. Та лежала, свернувшись калачиком на диване, в полной темноте. Мария подскочила к окну и раздвинула шторы. Яркий солнечный свет хлынул в комнату.

– Девочка моя, весь город собрался на Таймс-сквер. Все празднуют победу. Наши все тоже побежали туда. А ты почему не пошла с ними?

Ответа не последовало. Тарелка с едой, которую Мария принесла дочери вчера вечером, стояла нетронутой, рядом с пепельницей, полной окурков.

– От него по-прежнему ни слова? – спросила Мария, подходя к Лусии.

– Нет.

– Я уверена, он вернется.

– Нет, мама. На сей раз он не вернется. Он сказал, что не любит меня столь сильно, чтобы и дальше оставаться здесь. Просил, чтобы я порвала с семьей, оставила свою карьеру. Но как я могу? – Лусия села на диване и залпом выпила холодный кофе, который стоял на полу уже много часов. И сразу же снова закурила очередную сигарету.

– Не забывай, милая, это твоя жизнь. Думаю, все бы поняли тебя правильно, если бы ты согласилась поехать с Менике. Ради любви многие из нас готовы сделать то, чего им не сильно хочется.

– Это ты про себя и про папу, что ли? И про его новую шлюху? – выпалила Лусия с ненавистью в голосе. – *Ненавижу* любовь. Я больше в нее не верю.

Мария подавленно молчала, все еще приходя в себя после откровений дочери. Хотя она и сама уже много месяцев кряду догадывалась об очередной интрижке мужа, горькие слова Лусии, подтвердившие сей факт, вонзились в сердце, словно нож.

Так они и сидели молча какое-то время, каждая погруженная в свое собственное горе.

– Я знаю, как ты тоскуешь по Менике. – Мария заговорила первой. – С тех пор как он уехал, ты ведь почти ничего не ешь.

– У меня желудок расстроен. Болит сильно, есть ничего не могу! В этом все дело.

– Так себя можно до смерти уморить, милая. Не позволяй ему так над тобой издеваться.

– Ничего он не издевается, мама! Просто Менике сделал свой выбор и уехал. И на этом точка. Он *выбрал себя*, а не меня. Впрочем, так поступают все мужчины, в конце концов.

– Съешь хотя бы пару кусочков. – Мария наколола на вилку пару сардинок и протянула их Лусии.

– Не могу. Я, как только взгляну на сардины, сразу же вспоминаю Менике и тут же чувствую, что меня вот-вот стошнит.

– Хорошо, пусть так, доченька. Сейчас я оставлю тебя одну, но если что, знай, я рядом. На Таймс-сквер я не пойду. – Мария направилась к дверям.

Она вышла из комнаты, оставив Лусию в одиночестве. Лусия поднялась с дивана и глянула на замочную скважину в дверях с торчащим в ней ключом. Какое-то время она бесцельно поиграла с ключом, а потом резким движением повернула его в скважине, прислушиваясь к тому, как лязгнул металлический замок, язычок плавно скользнул в паз.

После чего Лусия отступила на несколько шагов и гневно ткнула в дверь пальцем, словно увидела перед собой ядовитую змею.

– *Вот это* он и хотел сотворить со мной! Запереть на ключ, отгородить меня от моей семьи, раз и навсегда захлопнуть перед ними парадную дверь нашего дома, поставить крест на всей моей карьере. Ну и прекрасно! Пусть себе уматывает на все четыре стороны! – выкрикнула она с пафосом, обращаясь к дивану и двум креслам. – Мне без него даже лучше! Да, лучше!

Никто не ответил ей, никто не возразил. Она прошлась по огромной пустой комнате, размышляя о том, как здорово, что больше не надо будет слушать это вечное брнчание гитары Менике или видеть разбросанными по столу и по полу его любимые газетки, которые печатают его дружки *rayos*.

Все еще не в силах успокоиться, она подошла к окну и глянула вниз на ликующие толпы народа, запрудившие всю Пятую авеню вплоть до Таймс-сквер. Транспорт не ходит, улицы всецело отданы в распоряжение горожан. Она открыла окно, и ее тотчас же оглушил вой сирен, громогласные звуки горнов и рожков, веселые крики, свист. Такое впечатление, что отмечать окончание войны вышел весь город, все радуются, все счастливы... Она слегка поморщилась, увидев, как пары целуются и обнимаются прямо на улице.

Лусия с громким стуком захлопнула окно и задвинула шторы. Плотнo зажмурила глаза и обеими руками обхватила свое худенькое тельце. Тишина в комнате давила своей тяжестью, была невыносимой. Лусия снова рухнула на диван и зарылась лицом в подушку, чувствуя подступившие к горлу слезы.

– Я не буду плакать! Я не должна лить по нему слезы! – Лусия со всего размаха стукнула кулаком по подушке, пытаясь побороть слезы. Еще никогда в своей жизни Лусия не чувствовала себя такой одинокой и никому не нужной.

«Может, он все же вернется. Ведь раньше возвращался...»

«Нет, не вернется. Он предложил тебе выбор...»

«Он тебя любит...»

«Он тебя никогда не любил так сильно, как...»

«Я люблю его...»

– НЕТ! – громко выдохнула она, снова села и сделала глубокий вдох. – Всю свою жизнь я работала, как каторжная, чтобы получить все это! Если ему этого мало, тогда...

Она в отчаянии затрясла головой.

– Я тоскую без него, – прошептала Лусия. – Он нужен мне. Я люблю его...

Она снова зарылась лицом в подушку и наконец дала выход своему горю, залившись безутешными слезами.

* * *

– Что с ней творится? – поинтересовался Хозе у жены, когда вся труппа собралась за ужином в квартире Лусии после еще одного успешного концерта, который они дали в театре «46-я улица».

Мария помолчала. Она подумала, что до сих пор Хозе так и не соизволил спросить у нее, почему она больше не спит в его спальне.

– Ты и сам все прекрасно понимаешь, Хозе. Она тоскует без Менике.

– И как нам его вернуть обратно?

– В этой жизни не все так просто. Думаю, на сей раз он ушел навсегда.

– Никто навсегда не уходит, Мария. Ты и сама это прекрасно знаешь. – Хозе сделал несколько глотков прямо из бутылки с бренди.

В эту минуту Марии страстно захотелось залепить пощечину по его покрасневшейся пьяной физиономии. Или схватить нож и вонзить его прямо в предательское сердце мужа. С трудом сдерживая себя, Мария поднялась из-за стола.

– Некоторые люди все же уходят, Хозе. Вот и Менике... Его нет с нами уже больше двух месяцев. Устала я что-то сегодня. Пойду, прилягу. Спокойной ночи.

Она покинула комнату, понимая, что бессмысленно вести дальнейшие разговоры с Хозе, особенно когда он пьян. На следующее утро он ведь все равно не вспомнит ни слова из того, что говорил накануне. Мария вошла в свою крохотную спальню и закрыла дверь на ключ. Не включая свет, сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять расходившееся сердце. Потом направилась к кровати.

– Мама, это ты? – услышала она голос из-под одеяла.

– Лусия? Ты что здесь делаешь? – Мария включила свет и увидела дочь, свернувшуюся на ее постели в позе эмбриона. Вот в такой позе она когда-то спала еще совсем маленькой девочкой на соломенной подстилке рядом с родительской кроватью в пещере. – Уж не заболела ли ты, *querida*?

– Да, то есть нет... Ах, мама, что мне делать?

– По поводу Менике?

– Нет, на сей раз *речь не о нем!* Он принял решение и уехал. Бросил меня, потому что не любил достаточно сильно. И я больше никогда не желаю слышать о нем. Даже дышать с ним одним воздухом не хочу.

– Тогда в чем дело?

– Дело в том... – Лусия перевернулась на спину, ее огромные темные глаза, казалось, заполнили все ее худенькое личико. Они смотрели на мать с невыразимой тоской. Вот Лусия сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами для того, чтобы сказать что-то очень важное. – Дело в том, что он оставил меня с подарком.

– С «подарком»? Я тебя не понимаю, доченька.

– Вот с этим! – Лусия откинула в сторону одеяло и показала на свой живот. Возможно, кто-то и не обратил бы внимание на крохотную выпуклость, почти незаметную со стороны, но Мария-то хорошо

знала, что у ее дочери нет на теле ни унции лишнего жира или даже лишней кожи. И никогда не было. Обычно, когда она находилась в лежачем состоянии, ее живот и вовсе втягивался конусом между ее худенькими бедрами.

– *Dios mio!* – Мария инстинктивно перекрестилась. – То есть ты с ребеночком?

– *Si*, ношу под сердцем дьявольское отродье!

– Не говори так, Лусия. Не смей! Это дитя такое же невинное, как и любой другой младенец, и не столь уж важно, кто его родители и что они натворили. И какой срок?

– Понятия не имею. – Лусия тяжело вздохнула. – У меня ведь часто месячные вообще отсутствуют. Может, месяца три... Может, четыре... Не помню точно.

– Так почему ты ему ничего не сказала? Почему не сказала нам?! Боже мой, Лусия! Тебе же нужен отдых, ты должна хорошо питаться, побольше спать...

– Во-первых, мама, я сама ничего не знала. – Лусия выпрямилась на постели, подложив под голову подушки, потом снова ткнула пальцем в живот. – А пару недель тому назад обратила внимание на этот бугорок, так похожий на половинку луны.

– И все это время тебя не тошнило? Не было приступов слабости?

– *Si*, все было. Но какое-то время тому назад тошнота прекратилась.

– Но ты ведь ничего не ешь. Даже твой отец наконец озаботился тем, что с тобой творится. Спрашивал меня сегодня за ужином, что с тобой не так... – Мария пристальным взглядом посмотрела на бугорок. – Можно, я потрогаю его, Лусия? Хочу почувствовать, насколько уже велик малыш.

– Да я уже его и сама чувствую. Мне кажется, будто внутри у меня шар, который с каждым днем надувается и делается все больше и больше. Я хочу от него избавиться! Ах, мама! Ну как такое могло случиться со мной? – Голос Лусии сорвался на крик, а Мария в это время осторожно ощупала живот дочери.

– Вот он! Я чувствую, как он шевелится! Слава богу, ребенок жив! *Gracias a Dios!*

– Еще как жив! Бывает, по ночам так толкается, сил нет.

– Да, срок, пожалуй, не меньше четырех месяцев! Ну-ка, поднимись с постели, Лусия, встань ровно и расслабь свои железные мускулы. Хочу взглянуть на тебя в профиль.

Лусия послушно выполнила приказ матери. Мария сосредоточенно разглядывала ее какое-то время, не в силах скрыть своего изумления.

– Пожалуй, ему уже месяцев пять. Поражаюсь, как ты умудрилась сохранить все это в тайне от меня.

– Но ты уже, наверное, обратила внимание на то, что я больше не ношу брюки. Молния не сходится на талии. Зато корсет платья помогает втянуть живот, как надо.

– Нет! – Мария в ужасе затрясла головой. – Больше никаких корсетов, Лусия! Малышу нужно пространство, чтобы расти и развиваться. И конечно, ты должна немедленно прекратить танцевать.

– О чем ты говоришь, мама? У нас на носу очередные гастроли. И потом...

– Я немедленно сообщу все твоему отцу. Он аннулирует контракт.

– Не надо! Я надеюсь, что если буду и дальше танцевать, то у меня случится выкидыш. Я вообще удивляюсь, как он еще жив до сих пор. Ведь все последние месяцы я живу только за счет кофе и сигарет...

– *Хватит!* – Мария снова перекрестилась. – Не смей больше говорить такие ужасные вещи, Лусия! Иначе ты навлечешь на себя проклятье. Ведь дитя – это самый драгоценный дар, посылаемый нам свыше!

– Но мне не нужен этот дар! Я хочу отправить его обратно, туда, откуда он на меня свалился. Я...

Мария подошла к дочери и зажала ей рот рукой, физически не давая возможности продолжить говорить.

– Лусия, хотя бы один-единственный раз в своей жизни, но ты выслушай меня. Нравится тебе это или нет, но сейчас главное – это ты и твое дитя. Как ты не понимаешь, что не только ребенок может родиться больным? Его мать тоже будет болеть. Неужели это не ясно? – Мария отпустила руку в надежде на то, что, быть может, страх за свою собственную жизнь немного образумит дочь.

– То есть ты хочешь сказать, что я могу умереть во время родов, да?

– Но есть и более счастливый исход, особенно если ты прямо с этого момента начнешь заботиться о себе.

Лусия медленно устремила свой взгляд на мать, а потом упала в ее распростертые объятия.

– Что с нами будет, мамочка, если я не смогу танцевать? – прошептала она едва слышно.

– Рождение ребенка – это вовсе не смертный приговор. Пройдет всего лишь каких-то пару месяцев, и ты снова начнешь бить свою чечетку, и еще быстрее, чем раньше. Поверь мне!

– А что мы скажем отцу? – Лусия безвольно опустилась на постель. – Представляю, каким шоком станет для него эта новость. Ведь это же такой позор – родить ребенка вне брака.

– Лусия! – Мария присела на кровать рядом с дочерью и обняла ее за плечи. – Мы же с тобой обе прекрасно понимаем, что у нас совсем не тот случай. Ты должна сообщить Менике о своей беременности и...

– Никогда! Я ни за что на свете не скажу ему! И ты тоже не смей этого делать! – Лусия вырвалась из материнских объятий и угрожающе уставилась на Марию. – Ты должна пообещать мне! Обещай мне прямо сейчас! Поклянись жизнью Пепе!

– Я не понимаю тебя. Отказываюсь понимать! Ведь ты же любишь его, он любит тебя. И он сам говорил мне, что хочет детей...

– Если бы хотел, то никуда бы не уехал, остался бы со мной! Я проклинаяю его, мама. Я не хочу видеть его до конца своих дней. Никогда!

– В тебе говорят обида и оскорбленное самолюбие. Если бы он знал про это, – Мария показала на живот Лусии, – уверена, он тут же вернулся бы назад.

– *Я не хочу*, чтобы он возвращался! Клянусь, – Лусия подхватила с постели, – если ты только проговоришься ему, я убегу прочь и никогда не вернусь. Слышишь меня?

– Слышу, слышу, – тяжело вздохнула в ответ Мария. – Хотя и заклинаю еще раз, подумай хорошенько. Не понимаю, ведь все может счастливо закончиться для вас обоих, а ты категорически отказываешься от такой возможности.

– Может, ты, мама, и можешь жить с мужчиной, который всю вашу совместную жизнь третировал тебя и ни во что не ставил, но я так жить не смогу. Я ненавижу его, мама. Это ты хоть понимаешь?

Мария поняла, что спорить с дочерью и дальше бесполезно. Характер у нее такой же упертый, как и у Хозе. К тому же гордость никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволит Лусии просить Менике о том, чтобы он снова вернулся к ней.

– Так чего же ты хочешь? То есть я хочу сказать, – Мария попыталась переформулировать свой вопрос, – куда ты хочешь сейчас уехать, чтобы там спокойно родить свое дитя?

– Пока не знаю. Нужно все как следует обдумать. Может, останусь здесь. Запрусь в своей квартире и буду ждать.

– Если ты хочешь, чтобы твоя беременность осталась в секрете, то, на мой взгляд, все же разумнее уехать из Нью-Йорка.

– Потому что какой-нибудь журналюга из «Нью-Йорк таймс» разглядит мой живот, увидев меня где-нибудь на прогулке, и станет порицать мой моральный облик, а заодно и критиковать то, как я танцую. Ты это имеешь в виду? – с горечью спросила Лусия у матери.

– А если об этом напечатают в газетах, то, не сомневаюсь, Менике сразу же обо всем узнает. Если ты действительно настроена ничего ему не говорить, тогда...

Лусия начала медленно прохаживаться по комнате.

– Дай-ка мне подумать... Я должна все обмозговать как следует. Куда бы я хотела поехать? А ты куда бы хотела?

– Обратю в Испанию. – Слова сорвались с уст Марии сами собой, она даже не успела подумать над своим ответом.

– О, мама, тогда нам предстоит долгий путь, – улыбнулась Лусия. – Но там хоть все говорят на нашем языке. – Она подошла к окну, уперлась своими маленькими ручками в подоконник и прижалась носом к стеклу.

– Давай отложим наш разговор до завтра, – предложила ей Мария. – Как известно, утро вечера мудренее. – Она тоже поднялась с кровати. – Ложись, поспи, – обратилась она к дочери. Ей не хотелось, чтобы Лусия и дальше продолжала изводить себя своими эгоистичными желаниями и потребностями. – Слава богу, война закончилась, и мы теперь вольны ехать, куда угодно. Спокойной ночи, милая.

– Я все решила, мама. Думаю, ты одобришь мой выбор.

Мария взглянула на дочь, свесившую голову с кровати. Сама же она устроилась прямо на полу рядом. Лусия была в том же, в чем Мария застала ее вчера вечером. Получается, легла спать, не раздеваясь. Под глазами залегли синюшные круги.

– Я поеду за тобой, *querida*, куда скажешь.

– Думаю, наилучший вариант – отправиться домой.

– Домой? – Мария впиалась в дочь пристальным взглядом, пытаясь угадать, что именно она понимает под словом «дом». В конце концов, ее ребенок с десяти лет колесит по всему миру.

– Ну да! Домой! В Гранаду. Куда же еще? Ты абсолютно права, мама. Нам нужно вернуться в Испанию. Мое сердце всегда было и есть с Испанией. – Лусия подняла глаза к потолку. – Хочу просыпаться по утрам и видеть над собой Альгамбру, хочу вдыхать в себя полной грудью запах оливковых рощ и цветов, кушать на завтрак, обед и ужин твои вкуснейшие *magdalenas* и с каждым днем становиться все толще и толще... – Лусия издала короткий смешок, глянув на свой едва заметный животик. – Разве не этого хотят все будущие мамочки?

Сердце Марии забилось от радости, но она тут же спохватилась. А не идеализирует ли сейчас ее дочь свое детство? Не приукрашивает ли свои давние воспоминания о нем флером ностальгии?

– Дорогая моя, надеюсь, ты хорошо понимаешь, что в сегодняшней Испании все по-другому. Гражданская война, диктатура Франко разрушили и уничтожили многое из того, что было раньше. Я даже не уверена, что мы найдем в Сакромонте кого-то из наших. Живы ли твои братья? Уцелели ли их семьи? Я...

У Марии сорвался голос от переизбытка чувств.

– Полноте, мама. – Лусия подошла к матери. – Сейчас, когда война окончена, мы приедем и все узнаем прямо на месте. Не забывай, я буду рядом с тобой. И потом, почему нам обязательно жить в Сакромонте? Уверена, мы сумеем найти себе небольшой приличный домик где-нибудь на природе, подальше от людских глаз. Надеюсь, в Андалусии никто не станет за мной шпионить. К тому же я хочу, чтобы мой ребенок появился на свет у себя на родине.

– Лусия, ты точно не хочешь ничего сообщать Менике?

– Не хочу, мама! Повторяю еще раз, не хочу! С этим все понятно?! Все, чего я сейчас хочу, так это отъехать от него как можно дальше!

Надеюсь, ему и в голову не придет разыскивать меня в Гранаде. Может, мне и танцевать больше не захочется. – Лусия вздохнула. – Может, вся эта моя теперешняя жизнь подошла к концу одновременно с отъездом Менике. Наверное, мне следует начать все сначала. Возможно, материнство поможет мне стать другой, утомит мои ноги, не знающие ни минуты покоя. Вот ведь тебя же материнство изменило, разве не так, мама? Ты ведь после того, как родила моих братьев и меня, практически перестала танцевать.

– На то у меня были свои причины, совершенно иные, чем у тебя, Лусия, – откликнулась Мария. Наконец-то она со всей очевидностью поняла, что спонтанное решение дочери вернуться домой в Гранаду – это не что иное, как желание убежать от Менике куда подальше, забыть и его, и то, что она посчитала предательством с его стороны. Ведь он уехал и бросил ее. – Не забывай, я – это не ты, прославленная танцовщица с тысячами поклонников и восторженных зрителей. А что я? Простая цыганка, которая любила танцевать для собственного удовольствия.

– Я тоже, мамочка, танцую ради собственного удовольствия. А может, со временем я научу танцевать и своего ребеночка, как научила меня когда-то ты. И даже больше того! Вполне возможно, я научусь готовить, выпекать такие же вкуснейшие *magdalenas* или стряпать овощное рагу с колбасками, как это умеешь ты. Итак? Нам нужно поскорее уехать из Нью-Йорка. Не хочу рожать на воде, пока мы будем плыть домой, – воскликнула Лусия, и ее даже передернуло от страха. – Ты сама скажешь отцу?

– Скажу, Лусия, – ответила Мария, почувствовав укол раскаяния и даже неприязни к себе самой. Ведь она испытала самое настоящее удовольствие от одной только мысли, как отреагирует Хозе на ее неожиданное известие, внутренне забавляясь, представляя себе растерянное лицо мужа.

– Только не говори ему, куда мы собрались. Скажи, едем в Буэнос-Айрес или в Колумбию... Словом, куда угодно... Я не доверяю отцу. Он сразу же проболтается обо всем Менике.

– Но, если ты не возражаешь, Пепе я скажу правду. Должен же хоть кто-то из семьи знать, где мы будем, если вдруг возникнет необходимость связаться с нами.

– Пепе можно. Ему я доверяю целиком и полностью, – согласилась с матерью Лусия и неожиданно улыбнулась во весь рот. – Испания! Ты только представь себе, мама! Невозможно поверить, что мы наконец возвращаемся домой.

– Я пока точно не верю, Лусия.

Лусия взяла мать за руку.

– Мамочка, что бы нас ни ожидало впереди, мы ведь будем вместе. *Si?*

– *Si.* – Мария схватила руку дочери и крепко сжала ее.

* * *

Однако прежде, чем покинуть Нью-Йорк, Лусия в сопровождении Марии направила свои стопы в знаменитый универмаг «Блумингдейл», что на пересечении 59-й улицы и Лексингтон-авеню, где они накупили горы игрушек, материи, из которой можно будет потом смастерить одежды для младенца, модельную прогулочную коляску марки «Сильвер Крос» и многое другое, чего никогда не было у детей Марии. Лусия настояла на том, чтобы они заглянули еще и в отдел дамской одежды, где обе приобрели себе по несколько элегантных костюмов и два платья для вечерних выходов. А Лусия купила себе еще и широкополую шляпу с длинной лентой, повязанной вокруг тульи.

– Отлично подойдет для того, чтобы уберечься от горячего андалузского солнца! – прокомментировала она эту свою последнюю покупку.

Лусия швыряла долларовые банкноты направо и налево, извлекая их из своего объемного портмоне, и тут же договорилась с ошарашенной кассиршей, чтобы все их покупки были немедленно упакованы в чемоданы и доставлены на борт судна в их каюту.

– Зачем давать папе еще какие-то дополнительные подсказки? Я права? А сейчас, мамочка, у нас с тобой осталось еще одно важное мероприятие на пути нашего полного преображения. И тогда мы будем полностью готовы!

Тем не менее Мария пришла в ужас, когда Лусия буквально силком затащила ее в дамский салон парикмахерской и велела мастеру коротко остричь волосы им обеим, после чего сделать на голове

модный перманент «Победа локонов», названный так потому, что сверху прическа напоминала букву «V», которая в те дни ассоциировалась с одним лишь словом – «победа». Мария даже перекрестилась, когда ее длинные черные кудри остригли до плеч. А Лусия, у которой волосы были ниже пояса, приказала остричь себя еще короче.

– Не хочу, чтобы меня узнавали во время нашего путешествия на пароходе, да и в Гранаде тоже, – пояснила она матери. – Давай притворимся, мамочка, что мы не какие-то там цыганки, а богатенькие дамы из числа *payos. Si?*

– *Si*, Лусия. Как скажешь, – безропотно вздохнула в ответ Мария.

31

Мария и Лусия прибыли в Гранаду ярким солнечным днем в конце мая, пробыв перед этим почти неделю на океанском побережье. Они остановились в отеле «Дворец Альгамбра», зарегистрировавшись под девичьей фамилией Марии. Лусия старательно маскировала себя, скрывая лицо за огромными солнцезащитными очками и новой широкополой шляпой. Когда они шествовали по роскошному вестибюлю, украшенному разноцветной плиткой в мавританском стиле, с обилием бархатных диванов, с роскошными пальмами в огромных кадках, Мария почувствовала, будто перенеслась в другое время, где еще ничто не тронут войной, нет следов разрушений и прочих признаков военного лихолетья: все утопает в роскоши, будто реальная жизнь не имеет никакого отношения к этому райскому уголку.

А ведь когда они сошли на берег в Барселоне, увиденное стало настоящим потрясением для Марии. Нищета и разруха осязаемо витали в воздухе. Да и потом, пока они добирались поездом до Гранады, – тяжелая, изматывающая поездка, продлившаяся несколько дней, с постоянными остановками, задержками, пересадками с одного состава на другой из-за неисправностей путей, картина была столь же удручающей и безрадостной.

Мария искренне обрадовалась, увидев, что Гранада практически не пострадала от бомбежек – все красивые дворцы и здания уцелели. Из новостных хроник, которые она видела в Нью-Йорке, следовало,

что вся Европа превратилась в сплошное пепелище, и Мария уже заранее настроилась увидеть горы пепла и на месте Гранады. Однако, вопреки ее ожиданиям, Гранада встретила их, словно оживленная строительная площадка. Повсюду возводились новые дома, рабочие таскали кирпичи под испепеляющим солнцем, сверкая своими худыми ребрами, просвечивающими сквозь лохмотья, в которые они были облачены. Когда Мария обратила на это внимание таксиста, который их вез, тот лишь картинно вскинул бровь и назидательно промолвил:

– Это же заключенные, сеньора. Возвращают свои долги Франко и стране.

Устраиваясь в отеле, Лусия не стала настаивать на роскошном номере люкс: во-первых, ей не хотелось лишний раз привлекать внимание к своей персоне, а во-вторых, транжирить деньги, которые она с большим трудом выцарапала у Хозе перед отъездом в Европу, тоже не стоило. Вначале отец предложил им такую сумму, что Лусия взвилась от негодования и пригрозила Хозе, что навсегда отстранит его от управления финансами. Тогда он пошел на уступки, хоть и весьма неохотно, и учетверил предлагаемую сумму, но все равно Лусии пришлось прибегнуть к элементарному воровству, и в день отплытия, перед тем как покинуть квартиру и отправиться в порт, она украла из тайника отца точно такую же сумму денег. К тому же она продала два своих роскошных манта и несколько бриллиантовых безделушек, которые ей в свое время подарил один богатый аргентинский поклонник.

– Меня тошнит от одной только мысли, что мне пришлось воровать то, что по праву принадлежит мне, и торговать своими вещами, – кипела Лусия от негодования, пока они с матерью обустроивались в своей каюте. – Неужели отец не понимает, что эти деньги нужны на содержание его жены, дочери и будущего внука или внучки? Безмозглый чурбан!

Марии оставалось лишь гадать, сумеет ли Лусия когда-нибудь простить нанесенную отцом обиду. Уж слишком она была болезненной, эта рана. Впрочем, чем дальше они отплывали от берегов Америки в сторону родного дома, тем реже Мария вспоминала все, что так или иначе было связано с ее мужем. Какая разница, что будет потом, думала она. Главное – сейчас она свободна, и радостное

ощущение этой свободы увеличивалось с каждым днем по мере приближения к Испании.

– Что бы там ни решила Лусия в будущем, одно я знаю точно, – обратилась она вслух к дельфинам, весело плещущимся за бортом парохода в водах Атлантического океана. – Я никогда и ни за что больше не вернусь к нему.

Никогда! – добавила она с особым выражением в голосе.

Несмотря на то что Мария прекрасно понимала, что их всех ждет на родном берегу, сам вояж на сей раз доставлял ей огромное удовольствие. Почти все пассажиры на судне тоже были испанцами, возвращающимися на родину, а потому на борту царила праздничная атмосфера в предвкушении долгожданной встречи с домом.

В своих новых нарядах, с такой же прической на голове, как и у большинства других пассажирок, Мария ничем не выделялась на их фоне. Она осмелела настолько, что даже вступала в разговоры с другими дамами за ужином, когда они вместе сидели за красиво сервированными круглыми столами. Но если Мария стала потихоньку выползать из своей раковины, в которой она обычно пребывала, то Лусия, наоборот, все больше и больше замыкалась в себе. Большую часть времени она проводила в каюте, спала или курила, категорически отказывалась появляться за общим ужином, ссылаясь на постоянные приступы морской болезни, на самом деле из-за страха, что ее узнают. Мало-помалу ее врожденный оптимизм и всегдашняя жизнерадостность уступили место унынию, граничащему с отчаянием.

Даже вступив на испанскую землю, она не воспряла духом, как на то очень надеялась Мария. По-прежнему бесцельно валялась в постели и курила сигарету за сигаретой, а мать в это время хлопотала в их номере, состоящие из двух комнат, распаковывая багаж и раскладывая вещи по местам.

– Ну вот! Я уже успела проголодаться, – объявила Мария. – Составь мне компанию. Пошли, спустимся в ресторан, и ты впервые после стольких лет снова отведаешь испанских сардин.

– Я не голодна, мама, – наотрез отказалась Лусия.

Однако Мария все же заказала им еду в номер. Заставить дочь проглотить хотя бы кусочек съестного с каждым днем превращалось для нее во все более непосильную задачу. Мария жила в постоянной тревоге за здоровье дочери и ее будущего ребенка.

На следующее утро Мария спустилась в гостиничный холл и отыскала там консьержа.

– Сеньор, мы с дочерью недавно прибыли из Нью-Йорка и хотели бы снять на время небольшой дом где-нибудь в окрестностях Гранады. Может, вы посоветуете мне компанию, которая занимается подобными услугами?

– Не уверен, сеньора, в том, что такие фирмы вообще сейчас тут есть. За минувшие десять лет народ в основном бежал из Гранады. А потому желающих арендовать себе жилье в наших краях практически не было.

– Но ведь тогда наверняка многие дома просто пустуют, – настойчиво продолжила гнуть свою линию Мария. Ее даже охватило нечто, похожее на эйфорию: ведь впервые за столько лет она смело и свободно разговаривает с незнакомым человеком.

– *Si*, сеньора. Полагаю, что таких домов даже очень много. Правда, трудно сказать, в каком состоянии они сейчас находятся. – Консьерж окинул ее внимательным взглядом, словно прикидывая что-то. – На сколько человек вы хотите снять дом?

– Только я и моя дочь. Мы обе вдовы, недавно приехали из Нью-Йорка, – бодро солгала Мария. – У нас есть доллары, чтобы за все заплатить.

– Примите мои соболезнования, сеньора. Сегодня многие находятся в таком же положении, как и вы. Мне надо хорошенько подумать, может, я и сумею чем-то помочь вам.

– *Gracias*, сеньор, – прочувствованно поблагодарила она его.

На следующий день Алехандро, как он сам попросил Марию называть его, принес кое-какую информацию.

– У меня есть одно конкретное предложение для вас. Но надо, чтобы вы взглянули на дом. Я сам отвезу вас туда, – добавил он на всякий случай.

– Не хочешь поехать со мной, взглянуть на дом, который мне тут присмотрели? – спросила Мария у дочери, которая практически не поднималась с кровати с тех самых пор, как они приехали в Гранаду.

– Нет, мама, не хочу. Поезжай без меня. Не сомневаюсь, ты обязательно выберешь что-нибудь славное.

Мария вместе с Алехандро отправилась в путь по улицам Гранады. На проезжей части почти не было машин, народ

передвигался главным образом пешком, какие-то босоногие люди толкали и понукали своих мулов, впряженных в повозки со всяким скарбом. Чем дальше они отъезжали от отеля, тем затрапезнее становились и сами улочки, и дома, стоящие на них, уже успевшие превратиться в самые настоящие развалюхи. Там, где когда-то сияли огнями рестораны и бары фламенко, теперь тишь да гладь: окна заколочены, на ступеньках пустующих зданий толпятся нищие, жадным взглядом провожавшие машину Алехандро. Отъехав три или четыре километра от города, они выехали на проселочную дорогу, петляющую по широкой зеленой равнине с торчащими кое-где оливами.

– Может, этот вариант и не подойдет вам, сеньора, поскольку место пустынное. Да и транспорт нужен, чтобы добираться до города, – обронил Алехандро, свернув на пыльную гравийку, проложенную прямо через оливковую рощицу. И уже через пару секунд они затормозили перед крепким одноэтажным зданием из кирпича. Все окна в доме были заколочены, видно, на случай внезапного вторжения всяких нежелательных элементов.

– Это вилла «Эльза», дом принадлежал когда-то моим дедушке и бабушке. Оба они погибли в годы гражданской войны. Мы с сестрой пытались продать виллу, но вы же понимаете, покупателей сейчас нет, – принялся пояснять Алехандро, помогая Марии подняться по прогнившим ступенькам крыльца на густо заплетенную виноградом террасу, отгораживающую фасад дома от ярких солнечных лучей заходящего солнца.

Внутри все пропахло плесенью, на стенах проступила сырость. В доме царил темнота, поскольку все окна были заколочены. Консьерж зажег свечу и повел Марию в гостиную, заставленную тяжелой деревянной мебелью. Небольшая кухонька, но вполне функциональная, три спальни, расположенные в дальней части дома, поближе к живительной прохладе гор Сьерра-Невада.

– Вполне возможно, людям, привыкшим жить в таком богатом городе, как Нью-Йорк, этот дом покажется слишком уж затрапезным, но...

– Сеньор, мне ваш дом очень нравится, хотя, конечно, тут нужно будет приложить руки, чтобы все отмыть, отдраить и привести в божеский вид. А еще мне придется научиться водить машину! –

рассмеялась в ответ Мария. – Но и то и другое вполне нам по силам, верно? – Она энергично тряхнула головой, снова направилась на террасу и краешком глаза увидела знакомые очертания над своей головой. Слегка вытянула шею влево и задрала голову вверх. Вдалеке явственно просматривались контуры величественной Альгамбры. И Мария сразу же почувствовала себя как дома. Решение принято!

– Мы берем этот дом. Сколько стоит аренда?

* * *

– Лусия, дом просто великолепен! Правда, там нужен кое-какой ремонт, дом ведь столько лет простоял пустым. Но, судя по всему, Алехандро отчаянно нужны деньги, а потому мне этот дом достался практически задаром! Завтра поедем вместе, и ты все увидишь своими глазами.

– Может, и съездим, – вздохнула в ответ Лусия. Она лежала, свернувшись, лицом к стене.

– Оттуда даже видна Альгамбра, если только повернуть шею влево. Представляешь, Лусия? – Мария пребывала в необычайно воодушевленном состоянии. Еще бы! Она ведь сама, самостоятельно, нашла им с дочерью дом и даже сама, без какой-либо посторонней помощи, провернула всю сделку. – Алехандро отнесся ко мне с таким уважением. Он, наверное, и не догадывается, что я цыганка, – с гордостью добавила Мария, разглядывая свое отражение в зеркале. – Подумать только, как все перевернулось с ног на голову! *Rayos* нужны наши деньги!

– Я очень рада за тебя, мама.

– Надеюсь, ты будешь рада и за себя, когда увидишь этот дом. А научиться водить машину – это ведь тоже совсем нетрудно, правда ведь? Тем более дороги все пустые, бензин-то в дефиците. Алехандро пообещал мне достать недорогой автомобиль через одного своего приятеля, у которого есть собственный гараж.

– Уж не завелся ли у тебя, мама, новый воздыхатель? – Лусия скользнула взглядом по матери. Карие глаза блестят, летнее платье эффектно подчеркивает соблазнительно роскошные формы, но при этом все округлости и выпуклости строго на своих местах. Как

уверенно и свободно она держится, мелькнуло у Лусии. Неужели это следствие того, что мать наконец окончательно порвала с отцом? Как бы ей самой хотелось чувствовать себя тоже такой же свободной и уверенной при мысли о том, что она порвала с Менике. Впрочем, у нее ведь другая история. Это *Менике порвал с нею...*

– Ты шутишь, Лусия! Алехандро – женатый человек, и у него пятеро детей. Просто он рад возможности заработать немного денег для себя и своей сестры. Он сказал мне, что апельсинами мы можем лакомиться сколько нашей душе угодно. Столько, сколько сможем съесть, пока не наступит сбор урожая. Правда, здорово? У нас будет своя апельсиновая роща! А сейчас, – Мария закончила пересчитывать долларовые купюры, сложила их в одну пачку и спрятала деньги в сумочку, – спущусь вниз, отдам деньги Алехандро, пока он не передумал. Он сказал, что у него есть друг-кассир, который пообещал ему хороший обменный курс. Здесь доллары, оказывается, на вес золота! – Мария одарила дочь лучезарной улыбкой и удалилась из комнаты.

А Лусия была только рада тому, что мать ушла. Хотя она и корила себя мысленно за собственный эгоизм и дурной нрав, но приподнятое настроение Марии лишь еще более усугубляло самое плачевное расположение духа, в котором Лусия пребывала все последние недели.

– Что со мной происходит? – прошептала она, разглядывая большого паука, притаившегося в самом углу потолка. – К чему я пришла в итоге? Вскоре я вообще исчезну, как и этот паук, который сплел свою паутину... Останется одна шелуха.

Лусия сильно зажмурила глаза, из-за закрытых век покатались крупные слезы. Ей было невыразимо жалко саму себя.

«Где ты сейчас, Менике? Думаешь ли ты обо мне, как я все время думаю о тебе? Скучаешь ли ты без меня?»

«Забудь про свою гордость и расскажи ему все, как есть... Расскажи, что случилось... А еще скажи ему, что раньше ты и не подозревала, как много он значит в твоей жизни, что он для тебя важнее всего... Скажи ему, что ты без него ничто...»

Лусия порывисто уселась на постели. Она уже сотни раз проделывала это упражнение с тех пор, как уехал Менике. Рука ее непроизвольно потянулась к телефону, стоявшему рядом с кроватью. Лусия уже была почти готова взяться за трубку.

«Ты ведь прекрасно знаешь, где он. Тебе известен номер телефона в том баре, где он выступает... Так позвони, скажи ему, что он нужен тебе, что он нужен его будущему ребенку. Скажи, что ты любишь его...»

– Да, да, да! – вырвалось из ее груди.

Лусия схватила трубку. Вот сейчас она продиктует нужный номер телефонистке на коммутаторе и через несколько минут услышит его голос на другом конце провода, и с этим бесконечно дрящимся кошмаром будет покончено раз и навсегда.

«Он же тебя бросил!» Дьявольский голос снова начал будоражить ненависть к Менике, которой наполнилась ее душа. Ненависть вздымалась все выше и выше, словно песок, который выносит на свой гребень волна в штормящем море. *«Он тебя никогда не любил по-настоящему... Ты ему вообще не нравилась... Он постоянно критиковал тебя, называл глупышкой...»*

Лусия тут же швырнула трубку обратно на рычаг.

– Никогда! – прошипела она вполголоса. – Никогда я не поползу к нему на коленях, чтобы умолять его снова вернуться ко мне. Мы ему больше не нужны. Иначе он бы нас не бросил.

Лусия снова откинулась на подушки, явно утомившись от той карусели мыслей, которые вихрем кружили в ее голове.

– Он даже вас украл у меня, уходя, – промолвила Лусия, глянув на свои крохотные ножки. Но теперь это были просто никчемные конечности, ни на что не годные. И ведь еще совсем недавно эти ножки возносили ее к небесам блаженства, а сейчас они повисли, словно две крохотные дохлые сардинки. – Я даже танцевать больше не хочу! Он забрал у меня все. Все! А взамен оставил вот это. – Она глянула на свой живот.

Нагнулась, чтобы дотянуться до прикроватной тумбочки, открыла и достала оттуда полупустую пачку таблеток. И тут же проглотила одну из них, запив стаканом воды. Американский доктор, у которого она побывала на приеме перед тем, как покинуть Нью-Йорк, прописал ей это снадобье, когда она пожаловалась ему, что не спит по ночам.

И уже спустя каких-то десять минут ее сознание отключилось и она погрузилась в благословенную дрему.

– Лусия, тебе нужно встать! – умоляющим тоном обратилась Мария к дочери. – Ты лежишь здесь взаперти уже больше двух недель! Взгляни на себя: кожа да кости. Такая же худоба, каким был когда-то наш старый мул. И выглядишь так, словно уже переселилась на небеса к нашим предкам! Ты этого добиваешься? Хочешь умереть?

Мария прислушалась к собственному голосу, сорвавшемуся на крик. Но, судя по всему, ее терпению пришел конец. Что бы она ни делала, что бы ни говорила, все было тщетно: ей так и не удалось вытащить дочь из постели. Сама она днями напролет мыла и выскребала грязь из их нового дома, уничтожая многолетние следы запустения, а Лусия тем временем валялась у себя в номере, и ничто вокруг ее не трогало. Казалось, с каждым днем угасает ее интерес к жизни. Она становилась все более неразговорчивой и замкнутой.

– Сейчас я снова отправляюсь в наш новый дом, но к тому времени как я вернусь назад, изволь вылезти из кровати. Ты не мылась с тех пор, как мы заселились в гостиницу, и вся твоя комната провоняла потом. А потому, если ты наконец не поднимешься на ноги и не оденешься, ты не оставишь мне иного выбора. Я немедленно позвоню Менике, сообщу ему, где мы, и расскажу, что случилось.

– Нет! Мама, нет! – Лусия вытаращила на нее глаза, полные страха и отчаяния. – Ты не посмеешь!

– Очень даже посмею! Я не позволю тебе больше валяться в постели днями напролет. Должна же я, в конце концов, позаботиться о своем будущем дорогом внуке или внучке. – Мария схватила свою сумочку и направилась к дверям. – Подумай, Лусия, о том, скольких я уже потеряла за свою жизнь. И я не допущу еще одной бессмысленной смерти, тем более прямо у себя под носом. Вернусь после обеда. Ладно?

Ответа не последовало. В сердцах Мария громко хлопнула дверью, радуясь хотя бы тому, насколько чище и приятнее воздух в коридоре, чем у них в номере. Ведь она ничуть не преувеличила, когда сказала дочери, что та уже вся провоняла потом. Направляясь к лифту, Мария невольно обратила внимание на то, как трясутся у нее руки. Дай-то бог, подумала она, чтобы ее угроза возымела свое действие.

Мария вернулась в гостиницу к обеду и, к своему превеликому облегчению, застала Лусию сидящей на постели, с баннным полотенцем на голове.

– Как видишь, я встала и помылась, как ты того пожелала. И даже попросила горничную прийти и поменять постельное белье. Ты довольна?

– Для начала да. А сейчас давай поищем тебе что-нибудь подходящее из одежды. – Мария быстро прошлась рукой по вешалкам в гардеробе дочери, внутренне ощущая некоторое разочарование. Все же жаль, что ей не удалось реализовать свою угрозу. Может, это было бы самым лучшим выходом из сложившейся ситуации – сообщить Менике всю правду.

– На улице очень жарко. Надень вот это. – Мария швырнула на руки дочери хлопчатобумажное платье. – Хочу, чтобы после обеда ты проехала вместе со мной в наше имение. Посмотришь хоть своими глазами на тот дом, в котором появится на свет твой ребенок. А еще я хочу, чтобы ты, Лусия, взглянула на Альгамбру и вспомнила, кто ты и откуда.

– Как я понимаю, выбора у меня нет?

– Ты права. Выбора у тебя нет. Пора начинать отвечать за себя и за свои поступки. А если будешь и дальше продолжать вести себя как ребенок, что ж, тогда я тоже начну обращаться с тобой соответственно, как с ребенком.

После обеда Мария усадила дочь рядом с собой, на пассажирское место в старенький туристский автомобиль марки «Ланча», который помог ей приобрести Алехандро через своего приятеля. Элегантная и стильная модель мощного двухдверного автомобиля превратилась за годы недосмотра практически в старую развалюху со следами ржавчины, проступившими на когда-то шикарном капоте насыщенного синего цвета. Судя по всему, и двигатель тоже был далеко не в лучшем состоянии, в чем мать с дочерью имели возможность убедиться на собственном опыте, пока машина, переваливаясь из стороны в сторону и постоянно останавливаясь, дотащила их кое-как до виллы.

– Посмотрел бы на тебя сейчас отец! – насмешливо воскликнула Лусия, когда Мария нажала на тормоза вместо того, чтобы переключить сцепление, и в результате они благополучно съехали в кювет.

– Ну и что тут смешного? – неожиданно для себя вспылила в ответ Мария, почувствовав себя уязвленной и попытавшись снова

вырулить на проезжую часть. – Твой отец в свое время с мулом толком не мог управиться, не мог повернуть его в нужную сторону.

Машина затарахтела дальше, а Мария мысленно взмолилась, чтобы Лусия одобрила все ее тяжкие труды, которые она затратила на то, чтобы превратить заброшенную виллу в самый настоящий уютный дом для них обоих.

– А вот и она! Наша вилла «Эльза». Ее так называли в честь прабабушки Алехандро. Красивая, правда?

– Ну, положим, не такая красивая, каким был мой дом в Мендосе, но да, ничего, – констатировала Лусия, поспешно добавив в свою оценку немного позитива, понимая, что мама больше не будет терпеть ее вселенское отрицание всего на свете.

Мария тут же устроила для дочери самую настоящую экскурсию по дому. Ее переполняло чувство гордости за то, что уже сделано. Во всех комнатах пахло свежестью, все помещения были залиты ярким солнечным светом, поскольку с окон наконец убрали защитную обрешетку.

– А вот здесь, Лусия, будет детская, – объявила Мария, остановившись на пороге небольшой комнатки, расположенной как раз между ее спальней и комнатой Лусии. – Вспомни, как ты сама спала на соломенном тюфяке рядом с нашей с отцом кроватью, когда была еще маленькой. Как же далеко мы ушли с тех пор, и все благодаря тебе и твоему удивительному таланту. Правда, хорошая комнатка?

Лусия уже открыла рот, чтобы сказать, что вилла, несмотря на все восторги матери, едва ли напоминает отель «Вальдорф Астория», но тут же немедленно закрыла его, испугавшись, что Мария возьмет и приведет в действие свою угрозу – позвонит Менике.

– Взгляни сюда! – Мария распахнула еще одну дверь и с гордостью продемонстрировала дочери туалет и небольшую ванную. – Все подсоединено к колодцу, который заполняется водой, стекающей с гор. Алехандро сказал мне, что за все сорок лет, что он помнит этот дом, колодец еще никогда не пересыхал. Хочешь апельсинового сока? – предложила она Лусии, когда обе направились на кухню. – Я сегодня утром выжала немного свежего.

– Спасибо, – поблагодарила Лусия.

Мария налила себе и дочери по стакану сока, и они вышли на затененную террасу перед домом.

– Взгляни вон туда! – Мария показала влево, вскинув палец над головой. – Видишь вдалеке Альгамбру? Помнишь ту первую ночь конкурса? Ведь именно там все для тебя и началось, родная моя.

– Да, началось. Не знаю только, к лучшему или к худшему, – грустно согласилась с ней Лусия.

– Знаешь, я так рада, что мы купили все необходимое для себя и ребеночка еще в Нью-Йорке. В Гранаде же невозможно ничего достать. Только на черном рынке. А уж какие там цены... – Мария сокрушенно покачала головой и сделала очередной глоток из своего стакана. – Ты только представь себе, что через каких-то три месяца у нас здесь появится ребеночек! Невероятно!

– Нет, я пока не представляю, мама. Но чувствую, что за последние несколько месяцев все в моей жизни изменилось самым кардинальным образом.

– Знаешь, Лусия, беременность – это самая большая перемена в жизни любой женщины. Для меня, например, все мои дети стали самым главным достижением в жизни. Я так горжусь... всеми вами.

Наступил черед Марии бороться со слезами.

– Ты... ты уже наводила какие-нибудь справки о судьбе Карлоса и Эдуардо? – осторожно поинтересовалась у матери Лусия.

– Я спросила у Алехандро, с чего мне начинать свои поиски. Он сказал, что... – Мария замолчала, оборвав себя на полуслове. Ей только что удалось ценой невероятных усилий вывести дочь из состояния затяжной депрессии. Не хотелось, чтобы невеселые новости снова погрузили ее в прежнее состояние.

– Говори, мама, не бойся. Я в порядке.

– По словам Алехандро, очень трудно... узнать о судьбе тех, кто пропал без вести. Вокруг города... – Мария нервно сглотнула комочек, подступивший к горлу, – полно могил с массовыми захоронениями. В разгар гражданской войны гвардейцы хоронили в них без разбора всех подряд – и мужчин, и женщин, и детей. Алехандро говорит, что официальных сведений очень мало. Я тут подумала...

– Что?

– Я тут подумала, а не сходить ли мне самой в Сакромонте, поспрашивать тех, кто там остался в живых. Вдруг кто-то что-то знает. Собственно, я думаю об этом каждый день... С тех самых пор, как мы приехали в Гранаду, но в глубине души я откровенно боюсь всего того,

что могу там узнать. Или, напротив, боюсь ничего не узнать. – Мария приложила руку ко лбу. – Ведь все минувшие годы во мне продолжала теплиться надежда, что когда-нибудь я найду и своих дорогих сыновей, и своих внуков живыми и здоровыми. И вот мы уже находимся в Гранаде больше двух недель, а я все никак не решаюсь отправиться в Сакромонте.

– Я тоже поеду с тобой, мамочка. – Лусия положила свою руку на руку матери. – Мы ведь обещали друг другу, что вместе встретим все, что нас ждет впереди. *Si?*

– *Gracias*, доченька.

Лусия подумала, что это спокойное, красивое место, этот очаровательный дом, в обустройство которого мать вложила столько сил, чтобы превратить его в их новый дом, – наверное, все это и держало ее в тонусе, поднимая настроение и придавая бодрость духа. А если хорошенько подумать уже про саму себя? Ведь, несмотря на все ужасы и невзгоды, которые принесла война здесь, в Испании, Лусия тем не менее еще жива. И даже более того, в ней самой зреет новая жизнь. В то время как ее братья и их семьи...

– Мама!

– *Si*, Лусия.

– Прости меня за то, что я была... такой трудной с тех пор, как мы сюда приехали.

– Ты всегда была трудным ребенком, *querida*, но я все понимаю, доченька. Ты просто горюешь о том, что было.

– Ты права, мама. Я горевала. Тосковала о том, кем я была, обо всем, что было в моей жизни. Но, как мы с тобой и говорили раньше, всегда можно начать новую жизнь. Я должна постараться и справиться со своим настроением. Ведь у стольких людей такой возможности больше нет.

* * *

Спустя несколько дней Мария с дочерью переехали на виллу «Эльза». Мария извлекла из чемодана швейную машинку «Зингер», которую она привезла с собой из Америки, и, устроившись на террасе за грубым деревянным столом, целыми днями шила занавески,

скатерти, салфетки из красивой хлопчатобумажной ткани с цветочным узором, которую она тоже купила в Нью-Йорке. Лусия же развлекала себя тем, что носилась на их стареньком автомобиле по пыльной дорожке, ведущей к шоссе, туда и обратно, и очень скоро она научилась управлять машиной гораздо лучше матери. Мария смастерила ей несколько простеньких, но просторных нарядов для беременных, и Лусия, нацепив на голову огромную шляпу и гордо неся перед собой свой объемный живот, обтянутый пестрым ситцевым платьем, осмелела настолько, что даже самостоятельно отправлялась в город за продуктами. Тем более что в городе вокруг нее толклись люди, ничем не отличающиеся от нее самой. А уж вкусная еда, приготовленная мамой, и вовсе пробудила в Лусии зверский аппетит. Она стала есть и, самое главное, постепенно научилась засыпать без помощи таблеток.

– Мама.

– Что, доченька? – откликнулась Мария. Они с Лусией как раз завтракали, лакомились свежим хлебом и пробовали на вкус апельсиновый мармелад, над которым Мария колдовала накануне.

– Я думаю, нам все же надо будет съездить в Сакромонте еще до того, как я растолстею настолько, что с трудом смогу передвигаться по террасе. Ты готова?

– Вряд ли я когда-нибудь буду готова к такой поездке, но ты права, – кивнула Мария. – Мы должны съездить туда.

– Тогда зачем откладывать? Поехали прямо сейчас. – Лусия положила свою руку на руку матери. – Пойду, проверю, сколько у нас бензина.

Спустя полчаса Лусия, прижав свой живот к рулю, лихо домчала их до Гранады, а там, петляя по узеньким городским улочкам, выехала наконец на дорогу, ведущую в Сакромонте. Они оставили машину возле городских ворот, а сами, взявшись за руки, отправились в тот мир, который когда-то был средоточием всей их жизни.

– По-моему, чисто внешне все так же, как и было, – промолвила Лусия с явным облегчением в голосе, пока они медленно брели по главной дороге. – Разве что старая пещера, принадлежавшая Хорроджумо, заколочена досками. Должно быть, его семья съехала отсюда.

– Или была убита, – мрачно заметила Мария, ласково сжав руку дочери, словно успокаивая ее. – Ты только оглянись вокруг, Лусия. Нигде не видно и струйки дыма из трубы. Место кажется совершенно пустынным.

– Мамочка, ты взгляни, солнце высоко в небе. Кто в такую пору станет топить печь? Отсутствие дыма еще ни о чем не говорит.

– Говорит, и о многом, Лусия. Помнится, даже в самые жаркие летние дни, когда от духоты было не продохнуть, я всегда поддерживала огонь в камине, чтобы быстро приготовить что-то горячее для своей семьи. Ты хоть слышишь? – прошептала Мария, резко остановившись.

– Что?

– Тишину, Лусия. А ведь в Сакромонте никогда не было тихо. И днем, и ночью отовсюду слышались смех, крики... Кто-то ругался, кто-то спорил... – Мария грустно улыбнулась. – Неудивительно, что здесь все про всех знали. Пещерное эхо тут же выдавало все наши семейные тайны. Ни о каких секретах в Сакромонте и мечтать не приходилось. – Мария сделала глубокий вдох. – Думаю, первым делом нам надо пойти в пещеру твоих деда и бабушки.

Они стали медленно подниматься по извилистой горной дорожке, пока не подошли к пещерам, расположенным рядом с рекой Дарро. Когда-то именно здесь отец Марии наладил свой успешный кузнечный бизнес. Мария боязливо заглянула в пещеру. Красивый дом, который когда-то обустроила ее мать, упокой Господь ее душу, исчез. На его месте ничего не было. Остались только голые стены. Застекленные оконные рамы, разноцветные шторы и гардины, мебель – все куда-то подевалось и пропало бесследно.

– Радует лишь то, что родители не дожили до этих лихих времен и не увидели, что сделали с их любимой Испанией, – вполголоса пробормотала Мария, стоя посреди пещеры, которая когда-то была в их доме гостиной. А сейчас пустое грязное помещение превратилось почти что в отхожее место: пахло гнилью, весь пол был усыпан каким-то рваньем и мусором, пачками от сигарет и пустыми пивными бутылками.

– Что ж... – Мария нервно сглотнула слюну. – А сейчас пойдём к пещерам твоих братьев.

Они продолжили карабкаться вверх по горному склону. Через какое-то время отыскали дома Карлоса и Эдуардо. Когда-то красивые и ухоженные, они теперь являли такое же жалкое зрелище, что и пещера родителей Марии.

– Ничего не осталось... – Мария смахнула слезы с лица. – Такое впечатление, что они здесь никогда и не жили, – добавила она шепотом. Голос ее срывался от переизбытка чувств. – И прошлого тоже не было. Но где же тогда Сюзанна, Элена? Где мои красивые внуки?

– Может, их, мама, всех интернировали. Ты же знаешь, в годы войны многих цыган держали в лагерях. Так рассказывал мне Менике, который вычитал все это в своих газетах для *rayos*.

– Да, судя по всему, здесь мы ничего не найдем. Пошли назад, Лусия.

Пора ехать домой. Я...

– Мамочка, я понимаю, как тебе сейчас трудно, но, коль скоро мы здесь, нужно все же попытаться отыскать хоть кого-то, с кем можно поговорить. А вдруг этот человек что-то знает о судьбе Эдуардо и Карлоса? Уверена, такой человек обязательно найдется. Клянусь! А потому давай поднимемся к нашей пещере, посмотрим, остался ли кто в живых из наших соседей.

– Ты права. Если мы сейчас туда не сходим, то у меня никогда больше не хватит мужества снова вернуться на это место.

– Мамочка, неужели мы каждый день проделывали весь этот путь, таская домой воду? – проговорила Лусия, пыхтя от напряжения, пока они брели в гору.

– Ты ведь сейчас в положении, Лусия, потому тебе и тяжело.

– И ты была в положении, когда мы тут жили, мама! Причем много раз, – возразила ей Лусия. – Остается только удивляться, как тебе это удавалось.

– Да все мы делаем то, что нужно, если у нас нет иного выбора, – спокойно ответила Мария. – И потом, знаешь, дочка? Мы ведь начинаем осознавать, какой беспросветно трудной была наша жизнь, лишь тогда, когда *видим что-то лучшее*. – Мария вдруг непроизвольно схватила дочь за руку, когда прямо за поворотом взору вдруг предстала их старая пещера. – Ты только взгляни, Лусия! – Мария указала на крышу. – Из трубы идет дым. *Dios mio!* Там кто-то живет! Я...

– Успокойся, мама! Возьми себя в руки, – сказала Лусия, увидев, как мать пошатнулась и в испуге закрыла рот рукой. Она подвела мать к каменной изгороди, надежной защите для оливковой рощицы, раскинувшейся внизу, и осторожно усадила ее на эту ограду. – Посиди здесь пока. Переведи дыхание. Вот, выпей немного воды. Сегодня очень жарко. – Лусия достала из корзинки, которую несла в руке, фляжку с водой и протянула ее матери. Та жадно припала к воде и долго пила.

– Кто бы это мог быть? Кого мы найдем в нашем доме, за этими закрытыми дверями?

– Вполне возможно, это совсем чужие люди. Поселенцы, занявшие пустующий дом и не имеющие никакого отношения к нашей семье, – пожала плечами Лусия. – Однако мы не должны терять надежды.

– Знаю... Я все понимаю, но...

– Мама, может, посидишь пока здесь, а я сама схожу и посмотрю, кто там живет?

– Нет. Кто бы сейчас ни жил в нашей пещере, я должна увидеть этого человека своими глазами. – Мария принялась энергично махать веером себе в лицо. – Так чего же мы ждем? Пошли!

Спустя пару секунд они уже стояли перед закрытой дверью своего старого дома. Голубая краска, в которую когда-то была выкрашена входная дверь, поблекла, потрескалась, а кое-где и вовсе облупилась.

– Я постучу? Или ты, мама?

– Я сама.

Мария постаралась успокоиться и взять себя в руки. Она понимала, что за этой крепкой дверью из цельного куска дерева, быть может, лежат ответы на те вопросы, которые она задавала себе тысячи раз с тех самых пор, как покинула Сакромонте. Трясущейся рукой она постучала в дверь.

– Стучи сильнее, мама, – подбодрила ее Лусия. – Такой тихий стук, как у тебя, не расслышит даже пес, специально наостривший уши.

Мария постучала громче, а потом, затаив дыхание, прислушалась в надежде услышать шаги за дверью. Но никаких шагов не было.

– Может, дома никого нет? – предположила Лусия.

– Нет-нет-нет! Какой же цыган или цыганка оставит огонь в очаге, уходя из дома? – резонно спросила Мария. – Наверняка в пещере кто-то есть. Я точно знаю, что есть. – Она снова принялась барабанить в дверь. Безрезультатно. Тогда она направилась к небольшому оконцу в надежде разглядеть через стекло, что делается в доме. Но на всех окнах висели кружевные занавески с густым рисунком, которые она сама когда-то и шила. Через такие гардины ни один любопытный глаз ничего не увидит.

– *Hola!* – крикнула она, слегка постучав по оконной раме. – Меня зовут Мария Амайя Альбейсин. Я здесь когда-то жила. Вот вернулась, чтобы разузнать про судьбу своих близких. Пожалуйста, откройте мне! И здравствуйте!

– А меня зовут Лусия, я – дочь Марии. Мы явились сюда без всякого злого умысла, – поспешила добавить Лусия. – Пожалуйста, откройте нам.

Судя по всему, последние слова Лусии возымели свое действие. За дверью послышались чьи-то тяжелые шаги, потом лязгнул засов, и дверь слегка приоткрылась, образовав узкую щель.

В эту щель уставился один зеленый глаз и принялся пристально рассматривать Лусию. Та стойко выдержала этот взгляд.

– Я – Лусия, – слегка хлопнула она себя в грудь, затем взяла за руку Марию и подвела ее к щели. – А это моя мать. А вы кто?

Наконец дверь распахнулась, и они увидели перед собой знакомое лицо. Правда, все испещренное старческими морщинами. Да и волосы стали седыми как лунь, напоминая белоснежные шапки на вершинах гор Сьерра-Невада. А вот фигура стала еще более грузной, заполнив собой весь дверной проем.

– *Dios mio!* – прошептала изумленная женщина, взглянув на Марию и ее дочь, не в силах оправиться от потрясения. – Мария... И маленькая Лусия, которой я когда-то помогла появиться на свет в ту самую ночь, когда выдавали замуж внуку Хорроджумо! Не верю своим глазам! Просто не верю!

– Микаэла! Неужели это вы? – воскликнула Мария, а деревенская ворожея уже распахнула свои объятия навстречу двум гостям и, обняв их, крепко прижала к своим массивным грудям.

– Проходите же в дом! Входите! – пригласила их Микаэла, с опаской глянув на пыльную дорогу, а потом слегка отступила в

сторону, чтобы впустить гостей в дом. И тут же снова заперла дверь на засов. Марии бросилось в глаза кресло-качалка из соснового дерева, которое когда-то смастерил для нее Карлос. И сразу же на глаза навернулись слезы. Но одновременно в них затеплилась и надежда.

– Вот уж никогда и подумать не могла, что снова увижу вас обоих! Даже и представить себе не могла такое... – Микаэла издала короткий смешок, и ее смех тут же отозвался гулким эхом в стенах пещеры. – Что вы здесь делаете?

– Мы вернулись домой частично из-за Лусии, – Мария многозначительно кивнула на живот дочери, – а частично потому, что я хочу узнать, что стало с моими сыновьями и их семьями.

– А у тебя, – Микаэла положила руку на живот Лусии, – будет девочка. Настоящее сокровище и бесстрашный борец... Она будет такой, как ты, Мария, – добавила она как бы между прочим. – И кто же счастливый отец?

Поскольку обе гостьи промолчали в ответ, ворожея понимающе кивнула головой.

– Все понятно! Что ж, будем радоваться уже тому, что в этот страшный мир, в котором мы сейчас живем, приходит новое поколение цыган. Ведь за минувшие годы столько наших погибло...

– Может, вам что-нибудь известно о судьбе моих сыновей, Микаэла? – Мария инстинктивно схватилась за руку Лусии.

– Не могу сказать, что знаю много. Насколько я помню, ты, Мария, была еще в Сакромонте, когда они оба исчезли в городе.

– Да, это правда. И что, с тех пор их никто не видел?

– К превеликому сожалению, нет, Мария, никто их больше не видел. Знаешь, немногие из наших мужчин, которых вот так хватились среди бела дня прямо посреди улицы, потом вернулись домой живыми...

Микаэла взяла Марию за руку.

Лусия с интересом наблюдала за тем, как у Микаэлы вдруг расширились глаза, точь-в-точь как это бывало с Чилли, когда ему являлись видения из высших миров.

– Они говорят мне, – обронила Микаэла, – что они уже там. И сейчас смотрят на нас с небес. У них там все хорошо.

– Я... – Мария почувствовала, как у нее мгновенно пересохло в горле, и она с трудом продолжила: – Я и сама об этом догадывалась.

Чувствовала вот здесь. – Она постучала по сердцу. – Но все же надеялась...

– А что мы, люди, можем без надежды? – тяжело вздохнула в ответ Микаэла. – В Сакромонте, да и в самой Гранаде, пожалуй, не осталось ни одной семьи, кто не потерял бы своих близких. Целые поколения были сметены с земли... Мужчины, женщины, дети... Всех их убили за преступления, которых они не совершали. Убивали всех, и цыган, и *raуos*, без разбора. Да ты сама, Мария, многое успела увидеть до того, как уехала. А потом стало еще хуже.

– Но... – с трудом вымолвила Мария, ком в горле по-прежнему мешал ей говорить. – Но что стало с их семьями? Где жены Эдуардо и Карлоса? Где их дети?

– Вскоре после того, как ты уехала, к нам сюда нагрянули гвардейцы, чтобы ликвидировать здешнее цыганское сообщество. Мария, мне очень горько сообщать тебе такие невеселые новости, но Сюзанну и Элену тоже схватили, вместе с их детьми...

– Нет! – Мария громко всхлипнула. – Получается, что их тоже уже нет в живых? Боже, как мне вынести все это! А я их бросила, обрекла на верную гибель, спасая собственную шкуру...

– Не говори так, мама! Это неправда! – перебила ее Лусия. – Ты спасала Пепе. И спасла его. Дала хотя бы одному из своих сыновей шанс жить дальше. Вспомни, ты же предлагала женам Эдуардо и Карлоса, умоляла их уехать вместе с тобой.

– Тебе не в чем себя винить, Мария. Ты действительно предоставила им выбор. Помню, Елена сама рассказывала мне об этом незадолго до того, как их схватили, – поддержала Лусию Микаэла.

– Елена тогда была беременна... Это жена Эдуардо, Лусия. Трудно представить себе более славную девушку. Успела ли она родить до того, как... – Мария умолкла, не в силах произнести остальные слова.

– *Si*, Мария. Она родила. – Впервые за все время их разговора слабая улыбка тронула губы Микаэлы. – *И это есть не что иное, как чудо.*

– Что вы имеете в виду? – спросила у нее Лусия.

Микаэла усадила свое грузное тело за стол и жестом предложила матери и дочери последовать ее примеру.

– Видишь ли, в жизни всегда существует баланс добра и зла. И пусть кругом царят мрак и насилие, но даже в такие страшные времена творятся добрые и красивые дела, помогающие сохранять естественную гармонию в этом мире. Елена родила девочку буквально за несколько недель до того, как их всех забрали. Я принимала роды у нее, как когда-то принимала роды и у твоей матери, Лусия, когда на свет появилась ты. Сдается мне, Мария, что Господь благословил тебя не только собственной дочерью, ведь Лусия – совершенно особое, не похожее ни на кого создание, но Он благословил тебя и вторично, ибо твоя внучка, дочь Эдуардо... Я поняла это с самой первой минуты, как только увидела ее.

– Что поняли? – спросила Лусия.

– Что она унаследовала пророческий дар твоей прабабки. Всевышние духи сообщили мне, что она станет нашей следующей прорицательницей и что я обязана защитить ее.

– Дочь Эдуардо наделена даром предвидения? – прошептала Мария в полном изумлении.

– Да. Исполнилось пророчество: в то утро, незадолго до того как Элену и всех остальных забрали, она прибежала ко мне вместе со своей малышкой – она назвала ее Ангелиной, потому что у девочки было просто ангельское личико, и попросила меня присмотреть за ней пару часов, пока она сходит на рынок. Я была только рада помочь Элене, ведь мы с ней обе хорошо знали, что в будущем я стану частью жизни Ангелины. Словом, я привязала младенца к груди и отправилась вместе с ней в лес собирать травы и ягоды. Мы пробыли в лесу много времени, несколько часов, пожалуй, потому что в тот самый день я стала учить Ангелину вслушиваться в ритм вселенной, начинать отличать звуки земли, рек, звезд. Я и подумать не могла, что, пока мы отсутствовали, в Сакромонте нагрянули военные. Они хватали всех подряд. Забрали и Элену, и Сюзанну, и их детей, они как раз шли на рынок.

Лусия вдруг поймала себя на мысли, что слушает рассказ старой ворожеи так, будто она повествует одну из своих многочисленных историй о событиях далекого прошлого. Но ведь все это было в реальности и... Лусия даже боялась подумать, чем закончилась эта история.

– Увели почти всех деревенских. Спаслись только те, кого не было в пещерах на тот момент, когда к ним заявились гвардейцы. – Микаэла снова вздохнула. – Я точно знаю, это высшие силы направили меня в лес, чтобы я смогла убереечь Ангелину. Вот с тех самых пор, Мария, я воспитываю твою внучку, как свое собственное дитя.

В пещере повисла тишина. Было видно, что Мария и ее дочь пытаются осмыслить все, что только что рассказала им Микаэла.

– Я... То есть, по вашим словам, девочка жива? – прошептала Мария, замирая от страха. А вдруг она просто ослышалась?

– Да, жива и здорова, дай бог каждому. А уж какая умница у тебя внучка... И красавица. Замечательное дитя, Мария. Своими способностями она уже намного превзошла меня.

– И где же она сейчас?

– В лесу, как обычно. Собирает всякие лечебные травы, как я ее учила.

– Я... не могу поверить! Дочь Эдуардо пережила все трагедии, случившиеся здесь, и осталась в живых! Это же самое настоящее чудо. Правда, Лусия?

– Ау, мама. Это действительно чудо!

– Много раз мне казалось, что еще немного, и нас тоже обнаружат, – продолжила свой рассказ Микаэла. – Но всегда внутренний голос подсказывал Ангелине, что надо делать, чтобы спастись, и мы, хоть на один шаг, но опережали гвардейцев. Она говорила мне, что сейчас следует быстро покинуть пещеру, спрятаться в лесу и переждать, пока это «дьявольское отродье», как она называла гвардейцев, не покинет деревню. И никогда не ошибалась. Вот тогда я поняла, что ее инстинкты гораздо лучше и совершеннее, чем мои.

– И вы бросили свой дом и перебрались сюда? – спросила у нее Мария.

– Для всех нас было лучше, чтобы моя пещера оставалась пустой. Она ведь расположена почти рядом с городскими воротами. К тому же я не из тех, кто в случае чего может легко спрятаться. – Микаэла окинула взглядом свои пышные тела и негромко рассмеялась. – А поскольку твоя пещера далеко от городских ворот и совсем рядом с лесом, мы и перебрались сюда. Отсюда проще убежать и укрыться в лесу.

Мария глянула на старую ворожею и подумала, что с такими габаритами действительно очень трудно оставаться невидимкой. Но вот как-то же она умудрялась прятаться все эти годы. А главное – она спасла дочь Эдуардо, Ангелину. Ее внучку...

– А когда она вернется? – спросила Лусия у Микаэлы. – Мне уже не терпится познакомиться со своей племянницей!

– Вернется после того, как побеседует с деревьями, после того как они сообщат ей, где именно нужно собирать те целебные травы, которые она потом использует для приготовления своих снадобий. Ангелина, она похожа на дуновение ветерка. Порхает вокруг, словно дух, и прислушивается только к своим инстинктам, которые никогда ее не подводят.

– Как мне отблагодарить вас, Микаэла? За все то, что вы сделали для меня, для моей семьи...

– За что тебе благодарить меня? Я не сделала ничего такого. Я ведь и сама в живых осталась только благодаря Ангелине. Это она меня спасла, я знаю.

– А сейчас люди возвращаются в Сакромонте? В свои старые дома? – спросила Лусия.

– Той цыганской общины, которая жила здесь раньше, больше нет. Кого убили, кто уехал прочь... Люди рассеялись по всему свету. Сакромонте уже никогда не станет прежним, – мрачно обронила Микаэла.

– Но может, со временем все наладится, – робко возразила Мария.

– Что ж, коль скоро вы приехали, то думаю, свою часть работы я выполнила. – Микаэла переменяла тему разговора. – По правде говоря, я очень рада вашему приезду, потому что в последнее время стала уже волноваться, что будет с Ангелиной, когда меня не станет. Но духи сообщили мне, что в нужное время за ней придут хорошие люди. Мое сердце слабеет с каждым днем. Судя по всему, долго я не протяну. – Она с трудом поднялась из-за стола, лицо ее побагровело от напряжения. – У меня суп готов к обеду. Вы голодны?

Мария и Лусия с благодарностью приняли приглашение Микаэлы отобедать вместе с ней, и не столько потому, что были голодны, сколько для того, чтобы просто отвлечься в ожидании маленькой девочки-волшебницы. За обедом Мария в общих чертах поведала Микаэле о своей жизни в последние девять лет, что минули после ее

отъезда из Сакромонте. Потом сообщила ей, что сейчас они с дочерью живут на небольшой вилле, расположенной прямо в апельсиновой роще у подножья гор Сьерра-Невада.

– *Hola, Maestra*, – раздался звонкий детский голосок, и распахнулась дверь. В кухню впорхнула маленькая оборванка с корзинкой в руке, полной всяческих семян и кореньев.

У Марии перехватило дыхание. Она увидела перед собой девочку, совершенно не похожую на цыганку. Скорее уж, ангел во плоти, в честь которого ее и назвали. Ангелина со своими рыже-золотистыми волосами и голубыми глазами выглядела как самая настоящая *рауо*. Ничего общего со своими соплеменниками.

Девочка скользнула внимательным взглядом своих умных глаз по двум женщинам, сидевшим за столом.

– А вы как-то со мной связаны, – тихо обронила она, подходя к ним ближе. – Вы – моя родня?

– Да, – ответила Мария, с трудом сдерживая слезы. – Я – твоя бабушка. А это – твоя тетя Лусия.

– Духи сказали мне, что сегодня произойдет что-то необычное, – кивнула в ответ Ангелина. Кажется, она совсем не удивилась появлению гостей в их доме. – Это те люди, с которыми мне предстоит жить, когда ты отправишься в путешествие на небеса, *Maestra*?

– Да, – без заминки ответила Микаэла, ничуть не смутившись, когда встретила глазами с удивленным взглядом Марии. – Я рассказала твоим бабушке и тете все про тебя.

Ангелина поставила свою корзинку на пол, потом широко распахнула руки и обняла вначале Марию, потом Лусию.

– Я очень рада, что вы приехали. *Maestra*, моя наставница, очень беспокоилась, что ее время истекает. А сейчас она может спокойно и без всяких страхов подготовиться к своему путешествию. Это что у тебя? Суп? – спросила она у Микаэлы.

– *Si*, – подтвердила та и попыталась подняться из-за стола, но Ангелина не позволила.

– Я сама себе налью. Вечно старается все сделать для меня, а я постоянно твержу ей, чтобы она побольше отдыхала. У тебя будет девочка, и мы с ней очень подружимся, – кивнула она Лусии, влив пару поварешек супа в железную миску.

– Микаэла уже сказала ей об этом, – ответила за дочь Мария, ибо Лусия совершенно неожиданно для себя растерялась и промолчала при виде столь необычной маленькой девочки. Мария тоже не сводила с нее глаз в немом восхищении. Какое чудо!

«*Передо мной стоит ребенок Эдуардо... И эту девочку отдадут мне...*»

Ангелина уселась за стол и принялась хлебать свой суп, попутно засыпая Марию и Лусию вопросами о них самих и об остальных членах семьи.

– Получается, что у меня есть не только тетя, но еще и дядя. *Si?*

– Ты права, Ангелина. Твоего дядю зовут Пепе. Быть может, в один прекрасный день он навестит нас здесь.

– Да, нам с ним еще предстоит долгая жизнь вместе. Пророчества сбываются, *Maestra*, – радостно обратилась Ангелина к Микаэле. – Я всегда помню о том, что пророчества никогда не обманывают.

– Она ходит в школу? – спросила Мария у Микаэлы.

– А зачем мне школа? – ответила Ангелина вопросом на вопрос. – Все, что мне нужно, я узнаю от своей наставницы. Или в лесу.

– Но научиться читать и писать совсем не помешает, – обронила Лусия и полезла в свою корзинку за пачкой сигарет. Достала сигарету и тут же закурила. – Я вот сейчас очень жалею о том, что в свое время не научилась.

– О, этому я могу научиться в два счета, Лусия. К моей наставнице приходит один *рауо*, он меня обучает грамоте. – Девочка посмотрела на Лусию, сделавшую глубокую затяжку. – Зачем ты так делаешь? – спросила Ангелина. – Ты же знаешь, это плохо для твоего сердца. В один прекрасный день сигареты тебя убьют. Ты должна бросить курить.

– Я сама решу, что и как я должна делать, – ответила Лусия, заметно нервничая. Этот ангелоподобный ребенок, который, кажется, знает ответы на все вопросы, уже стал немного раздражать ее.

– Ты права, каждый из нас сам решает свою судьбу. Иногда, – рассмеялась в ответ Ангелина и бросила на Микаэлу многозначительный взгляд. – А когда мне можно будет навестить вас? – обратилась она уже к Марии. – Судя по вашим рассказам, у вас красивый дом.

– Ты должна приехать к нам как можно скорее, – ответила Мария, чувствуя, как на нее вдруг навалилась внезапная усталость. Столько всего она узнала, и все это предстоит еще осмыслить и принять. А этот ребенок... Жизненная энергия бьет из девочки ключом, подавляя все вокруг себя. А ведь Мария еще не успела вполне свыкнуться с известием о том, что оба ее сына и их семьи погибли. – Мы с Микаэлой обо всем договоримся и заберем тебя к нам на машине.

– Спасибо, – вежливо кивнула девочка. – А сейчас мне надо заняться приготовлением настойки, пока в собранных мною травах еще остается жизненная сила. Это снадобье для *maestra*. Я потом приготовлю напиток и для твоего ребеночка, – пообещала она Лусии и, подхватив корзинку с пола, высыпала ее содержимое на кухонный стол и взяла в руки разделочную доску и большой нож.

Потом последовали эмоциональные прощания; женщины договорились между собой, что они заберут Ангелину к себе на виллу через пару дней.

– Спасибо вам, бабушка, тетя, что навестили нас, – поблагодарила Ангелина, обнимая Марию и Лусию. – Я сейчас такая счастливая. До свидания.

К машине Мария и Лусия возвращались молча.

– Она... очень необычная, – прошептала Мария, обращаясь скорее к самой себе, чем к дочери.

– Ты права. Очень необычный ребенок. Хотя, признаюсь, меня немного разозлило, когда девятилетний ребенок стал указывать мне, что надо бросать курить. – Лусия скорчила недовольную рожицу и включила двигатель. – Зато сейчас мы точно знаем, какого цвета должно быть одеяльце для будущего младенца, – добавила она с хрипловатым смешком. – Ангелина мне очень напомнила Чилли в детстве. Он тоже все и всегда предвидел наперед. Боже мой, как же я скучаю по Чилли! Наверняка это еще один наш близкий и любимый человек, которого забрала у нас эта грязная гражданская война.

– Как ты полагаешь, надо ли мне отправить телеграмму твоему отцу, чтобы сообщить ему о гибели его сыновей и о внучке, которую мы отыскали? Наверное, он все же должен об этом узнать.

– Почему нет? Конечно, отправь. Быть может, его теперешняя шлюха сможет прочитать ему текст телеграммы, – презрительно

фыркнула в ответ Лусия, осторожно маневрируя на спуске по узеньким, мощенным булыжником улочкам.

– Пожалуйста, Лусия. Прошу тебя, – вздохнула в ответ Мария. – С нас обеих на сегодня хватит ненависти. Слишком много утрат для одного дня. Каким бы человеком ни был Хозе, не забывай, он все же твой отец и мой муж.

– А ты хоть знаешь, где он теперь, этот твой муж?

– Пепе прислал мне телеграмму, сообщил, что на следующей неделе они отправляются в очередное турне по Штатам.

– А как ты прочитала, мама?

– Алехандро прочитал мне, – стеснительно призналась Мария. – Кстати, он предложил мне свою помощь в обучении грамоте.

– Я же говорила, что у тебя появился воздыхатель, – весело хихикнула Лусия. – Не то что я! У меня ведь никого нет. – Она мельком глянула на свой живот. – И вряд ли кто-то появится.

– Ты еще так молода, Лусия! У тебя еще вся жизнь впереди.

– Нет, мамочка. Это у тебя еще много чего хорошего будет впереди. Кстати, – Лусия замолчала на мгновение, – а Алехандро знает, что мы с тобой цыганки?

– Нет.

– Как думаешь, он бы изменил свое отношение к тебе, если бы узнал?

– Не знаю. Но, думаю, и для тебя, и для твоего ребеночка будет лучше, если он ничего не будет знать.

– Да, пожалуй, так будет лучше и для тебя, – натянуто улыбнулась в ответ Лусия. – Многие наверняка упрекнули бы нас за то, что мы предаем свою культуру, свои традиции... Живем, как самые настоящие *rayos*, ведем такой же образ жизни, обитаем в таких же домах, как они...

– Наверное, ты права, – вздохнула Мария. – Но я сейчас вспоминаю то давнее время, когда мы жили тут, в Сакромонте... Господи боже мой, да с нами ведь обращались хуже, чем с собаками. Вот я и думаю, насколько проще и приятнее жить без всех этих предрассудков. Ведь все мы, люди, внутри одинаковы, и не столь уже важно, длинные у нас волосы или коротко подстриженные и в каких нарядах мы щеголяем, в каких домах живем... Такая жизнь, она гораздо проще, что ли, – завершила свои раздумья Мария.

– То есть возвращаться в свою пещеру ты больше не хочешь, мама?

– Едва ли я бы посмела выставить Микаэлу на улицу после всего, что она сделала для Ангелины. Думаю, то, как все сложилось, в итоге подходит нам всем.

– Ты права, мама. На сегодня это действительно идеальный вариант.

32

На следующей неделе Ангелина приехала к ним на виллу «Эльза». С чисто детской непосредственностью она отреагировала многочисленными охами и ахами на все те современные удобства, которые имелись в доме. Собственно, и сама Лусия когда-то, будучи ребенком, точно так же воспринимала подобные новшества в домах испанцев, где им с отцом доводилось выступать. Особенно неизгладимое впечатление на девочку произвели туалет в доме и ванна. Лусия даже подсмотрела, как Ангелина, дернув за ручку, чтобы смыть содержимое унитаза, с интересом разглядывала сам унитаз.

– Хочешь принять ванну? – спросила у нее Лусия. – Вода очень теплая.

– Наверное, я сильно испугаюсь! Посмотри, какая она глубокая. А я ведь не умею плавать, могу и утонуть...

– Так я же буду рядом. Подстрахую тебя, чтобы ничего не случилось. Взгляни! – Лусия протянула девочке бутылочку с пеной для ванн, которую она украдала из своего номера, когда они жили в гостинице «Вальдорф Астория». – Сейчас на воде появится множество волшебных пузырьков.

Девочка удивленно хихикала, наблюдая за тем, как на поверхности воды стали появляться большие мыльные пузыри кремового цвета.

– Кто же творит эту алхимию? – поинтересовалась она у Лусии, когда та все же уговорила ее забраться в ванну и капнуть себе на нос несколько капель пены.

– Эту алхимию творят американцы, – пояснила Лусия. – А ты когда-нибудь видела кино, Ангелина?

– Нет. А что это такое?

– На большом экране движутся картинки. Между прочим, меня тоже снимали в одном кинофильме. Может быть, когда-нибудь я покажу тебе это кино.

* * *

– Ангелина – такая необычная девочка. В ней столько всего намешано, – заметила Лусия, вернувшись из Сакромонте. Она отвозила девочку домой, в пещеру. – Мудрая не по годам и одновременно совсем еще ребенок. Причем выросший на природе. Она так трогательна в своей наивности.

– Ты тоже росла на природе, Лусия. И в той же самой пещере, что и Ангелина.

– Но меня не прятали от окружающего мира, мама. Я научилась понимать все как есть с очень раннего возраста. Я у нее спросила, не хочет ли она пожить у нас подольше, но она отказалась. Сказала, что не может оставлять Микаэлу одну, та, по ее словам, очень больна. К тому же Ангелина скучает без своих ежедневных походов в лес.

– Однако рано или поздно ей все же придется перебраться к нам, – ответила Мария. – Судя по тому, что они обе говорят, долго Микаэла не протянет.

– Знаешь, такое впечатление, будто чья-то невидимая рука все так чудодейственно распланировала в нашей жизни, – задумчиво бросила Лусия. – Ведь если бы мы не вернулись, что стало бы с этим ребенком?

– О, я почему-то не сомневаюсь, что Ангелина бы выжила, – улыбнулась Мария. – Такая у нее судьба.

Лусия поднялась из-за стола, за которым они ужинали, и сладко зевнула.

– Мама, я иду укладываться спать. Что-то я сегодня устала.

– Сладкого тебе сна, *querida*.

– Спасибо. И тебе доброй ночи, мама.

Мария еще на какое-то время задержалась на кухне, перемыла посуду, прибралась. И все время она размышляла над тем, как переменилась ее дочь за последние пару месяцев. Ведь на часах еще нет и десяти. В старые добрые времена прежняя Лусия в это время еще только-только начинала оживать перед сотнями, иногда тысячами

своих зрителей. Зато сейчас она укладывалась спать очень рано и безмятежно спала всю ночь. Мария с ужасом вспоминала, как Лусия из года в год буквально изнуряла себя бесконечными выступлениями, она всерьез опасалась, что в один прекрасный день ее дочь не выдержит и умрет прямо на сцене. Зато с теперешней Лусией, спокойной и уравновешенной, было одно удовольствие находиться рядом. Вот только надолго ли?

* * *

Недели три спустя, уже на заходе солнца Мария увидела одинокую фигурку, бредущую по тропинке к их дому.

Но вот угасающий луч солнца выхватил золотисто-рыжую головку.

– Лусия, – крикнула Мария. – По-моему, к нам идет Ангелина.

Она выбежала на крыльцо, чтобы встретить девочку, и уже приготовилась обнять ее, но тут увидела, что Ангелина вот-вот лишится чувств.

– Пожалуйста, воды, – прошептала она через силу, пока Мария помогла ей подняться по ступенькам крыльца на террасу. – Я так долго шла к вам.

– Что случилось, милая? – испугалась Мария. Она усадила девочку на стул и налила ей немного воды из кувшина, стоявшего на столе.

– Микаэла ушла на небеса, *Abuela*, – ответила девочка. – Она покинула наш мир сегодня утром, на рассвете. Но перед этим велела мне идти напрямик к вам и все рассказать.

– Ты хочешь сказать...

– Да, – подтвердила Ангелина. – Ее больше нет вместе с нами на земле.

– Боже мой, дитя мое! Если бы мы только знали, то тут же примчались бы к тебе. Неудивительно, что ты так устала. Ведь до нас так далеко идти.

– Меня немного подвез какой-то мужчина на своей повозке. Но потом он стал задавать мне всякие странные вопросы. Я спрыгнула с его повозки и пошла пешком. – Ангелина с жадностью выпила всю

воду. – И вот я пришла к вам. Но нам надо будет снова вернуться в пещеру. Мы должны как можно скорее похоронить мою наставницу. Иначе душа *maestra* никогда не обретет покоя.

– Конечно. Завтра утром мы упокоим ее. Где она?

– Я оставила ее на кровати.

– Сильно горюешь? – спросила у племянницы Лусия, появляясь на террасе.

– Да. Я буду очень сильно скучать по ней, хотя и знаю, что пришло ее время уйти, и радуюсь за нее. Ей уже было тяжело в своем теле, понимаете меня? Тела ведь тоже изнашиваются со временем, и тогда душе нужно двигаться дальше, чтобы быть свободной.

– Мне тоже очень жаль, Ангелина. – Лусия обняла девочку. – Но здесь, вместе с нами, ты сейчас в полной безопасности.

– *Gracias*, но мне ведь нужно ходить в лес, чтобы встречаться со своими друзьями, чтобы собирать лечебные травы. Как я буду теперь? – В голубых глазах девочки отразилась тревога.

– Мы все понимаем и что-нибудь обязательно придумаем. А сейчас я приготовлю тебе кое-что перекусить.

– Нет. Я не буду есть, пока *Maestra* не упокоится в земле.

– Завтра с самого утра мы отправляемся в Сакромонте, – пообещала ей Мария.

– Спасибо. А сейчас я, пожалуй, посплю немного.

– Я положу тебя в детской. Там как раз есть небольшая кроватка, и все готово ко сну, – сказала Мария, наблюдая за тем, как внучка с трудом поднимается со стула. На ее личике отразилась безмерная усталость от всего, что произошло с ней за минувший день. – Пойдем, я провожу тебя.

– Ну что? Улеглась? – спросила Лусия у матери, когда та через какое-то время снова появилась на террасе.

– Залезла под одеяло, а через двадцать секунд уже спала как убитая. Бедное дитя! Внешне она держится спокойно, но на самом деле она пережила самый настоящий шок. Ведь Микаэла была для Ангелины всем, что она знала в этой жизни.

– Глядя на нее, не скажешь, что она пережила потрясение, – заметила Лусия. – Все же она самый необычный ребенок из всех, кого я видела. – Лусия затушила окурок и тут же закурила следующую сигарету. – Я вот о чем думаю. Как мы трое, ты, я и Ангелина, сумеем

выкопать достаточно просторную могилу для Микаэлы? И как нам ее отвезти на кладбище?

– Ты права, – согласилась с дочерью Мария. – Мы сами этого точно не сможем сделать. Что ж, поищем каких-то мужчин, чтобы они помогли нам. Вот видишь, Лусия. Иногда от мужчин все же бывает какой-то прок, да? – добавила она с легкой усмешкой.

* * *

Ангелина разбудила их еще на рассвете. Она выглядела отдохнувшей и посвежевшей, яркая и солнечная, словно цветок подсолнуха.

– Нам пора. *Maestra* уже торопится начать свое восхождение на небеса.

Солнце едва осветило верхушки крыш Альгамбры, когда они все трое остановились у своей пещеры.

«*Микаэла умерла на той же самой постели, на которой она когда-то принимала у меня роды*», – мелькнуло у Марии, пока Ангелина отпирала входную дверь. Внутри уже явственно чувствовался сладковатый запах разлагающейся плоти. Лусия покачала головой.

– Простите, но я, пожалуй, не буду заходить. Иначе меня стошнит. – Она повернулась к ним спиной и направилась к выходу. – Ангелина, ты знаешь кого-нибудь из тех, кто остался жить здесь и в чьих семьях есть молодые мужчины, которые могли бы помочь нам похоронить твою наставницу?

– *Si*, Лусия. Один человек живет с нами по соседству.

Мария увидела, как Ангелина уверенной походкой направилась по склону к пещере, расположенной чуть выше. Когда-то в ней обитала семья Рамона.

– Но ведь там никого нет? – крикнула Мария вдогонку девочке. – Рамон, он погиб в годы гражданской войны, еще десять лет тому назад...

Но девочка постучала в дверь и через какое-то время исчезла в пещере.

– Рамон вернулся три недели тому назад, – ответила она, не оборачиваясь. – Рамон, вы где? – крикнула она вглубь пещеры, туда, где находилась спальня. Все трое вошли и замерли на кухне, точном подобии кухоньки в их собственной пещере. – Это я, Ангелина. Нам нужна ваша помощь.

Из-за занавески послышалось громкое сопение и храп, а потом появился ужасно истощенный мужчина с длинной седой бородой.

– *Dios mio!* – воскликнула потрясенная Мария, прижимая руку к губам. Слезы тут же брызнули из ее глаз. – Рамон, неужели это ты?

– Я... Мария! Ты вернулась! Как? Зачем?

– А я думала, ты погиб. Гвардейцы... Они же пришли тогда...

– Да, и бросили меня в тюрьму умирать. Но, как видишь, я все же выжил. – Рамон зашелся тяжелым приступом кашля, и Мария тотчас же вспомнила, что и ее дорогой мальчик Филипе так же кашлял перед своей смертью. – А потом я много месяцев провалялся в этих госпиталях у *rayos*. Впрочем, они ничуть не лучше их тюрем. Но ты, Мария... Ты стала еще красивее, чем была!

– Рамон, я не верю своим глазам. Ты жив! Я...

– Ступай же ко мне. Дай мне обнять тебя, *querida*.

У Лусии комок подступил к горлу, когда она увидела, как Рамон обнял ее мать своими тощими, похожими на две палки руками.

– Они что, были хорошо знакомы друг с другом? – спросила у Лусии Ангелина, удивленно наблюдая за происходящим.

– Да, когда-то они хорошо знали друг друга.

– Они любят друг друга, – авторитетно заявила девочка. – Любовь – это ведь красиво, правда?

– Правда, – кивнула головой в ответ Лусия.

Взволнованного встречей Рамона осторожно усадили на единственную табуретку, чтобы он – не дай бог! – не рухнул от переизбытка чувств на пол.

– А куда подевалась вся твоя мебель? – поинтересовалась у него Мария.

– Давным-давно все унесли грабители, – вздохнул в ответ Рамон. – Сейчас у меня из мебели остался только соломенный тюфяк, но я не жалуясь. Главное – я свободен, а свобода – это все. Однако что вас привело ко мне?

– Микаэла отправилась в свое последнее путешествие на небеса, и нам надо похоронить ее. Ты не знаешь, остались ли еще в Сакромонте мужчины, которые могли бы помочь нам? – спросила у него Мария.

– Не знаю, но это можно будет выяснить. Я... не могу поверить, что ты вернулась домой, Мария. – Рамон смотрел на нее в немом обожании.

– Еще одно чудо, – тихонько прошептала Ангелина, обращаясь к Лусии.

* * *

Две женщины, ребенок и мужчина, такой изможденный, что больше походил на восьмидесятилетнего старика, побрели по пыльным дорожкам Сакромонте на поиски людей, способных помочь им упокоить с миром знахарку и прорицательницу, пользовавшуюся когда-то безмерным авторитетом и уважением во всей их общине. Некоторые обитатели пещер даже не сразу распахивали перед ними двери своих домов, настолько был еще силен страх людей, который тяжелой пеленой накрыл это изрядно поредевшее, можно сказать, почти уничтоженное сообщество цыган. Многие дома и вовсе стояли пустыми. В тех же пещерах, где еще теплилась какая-то жизнь, хозяйева, узнав о том, что случилось, немедленно откликнулись на просьбу, предлагая свою помощь. Несколько крепкого вида мужчин, вооружившись лопатами, отправились на кладбище, чтобы выкопать могилу для Микаэлы, а женщины, объединив свои скудные запасы, тут же принялись стряпать угощение для поминального стола.

Одна из женщин одолжила своего мула, у второго соседа нашлась повозка, которую впрягли в мула. На повозку возложили тело Микаэлы, и разношерстная вереница жителей Сакромонте, похожая скорее на толпу оборванцев, направилась в лес, на местное кладбище, на котором и упокоили известную ворожею.

Поминальный стол накрыли в пещере Марии. Один старый цыган, который в прошлом содержал незаконный питейный бизнес, оборудовав под это дело пустующие пещеры, принес на поминки немного бренди, чтобы собравшиеся смогли выпить за упокой души Микаэлы. Из общины, которая когда-то насчитывала более четырехсот

человек, в живых осталось человек тридцать, и все они сейчас собрались за поминальным столом. Над Марией и Лусией много подшучивали по поводу их новых причесок, и по всему чувствовалось, что, несмотря на все ужасы и разрушения последних десяти лет, жизнь в этой цыганской общине еще не угасла окончательно. И вот впервые за все эти годы в Сакромонте слышались звуки фламенко.

– Лусия! Ты должна станцевать для нас, – крикнул кто-то из мужчин, кому от постоянного недоедания бренди, видно, уже ударило в голову.

– Да вы только взгляните на меня! – удивленно округлила глаза Лусия. – У меня же целое пушечное ядро на месте живота. Может, мама станцует? Ведь это же она научила меня всему, что я знаю.

– Господь с вами, нет! – тут же залилась краской смущения Мария, а остальные женщины стали настойчиво подталкивать ее вперед.

– *Si! Si! Si!* – дружно принялись скандировать собравшиеся и тут же стали хлопать в ладоши, отбивая ритм. Выбора у Марии не оставалось: она со страхом вышла на середину круга. А вдруг ее руки и ноги за столько лет уже забыли, что надо делать? Ведь это же первое ее *alegrias por rosas* за минувшие двадцать лет. Постепенно к ней присоединились и другие танцоры, во всяком случае, те, у кого еще были силы двигать ногами. Маленькая Ангелина смотрела как замороженная на разворачивающемся на ее глазах действо.

– Ты никогда не была на наших фиестах? – спросила Лусия, склонившись к ней.

– Нет. Но это так красиво! В жизни не видела ничего красивее, – ответила девочка, глаза ее вспыхнули от удовольствия. – Лусия, ведь это же не конец, правда? Это только новое начало!

И Лусия, глядя на то, как Мария, подбадривая Рамона, тоже вывела его в круг, подумала про себя, что, наверное, так оно и есть.

* * *

– Лусия, я хочу попросить тебя кое о чем, – обратилась Мария к дочери, подходя к самодельному гамаку, который они вдвоем

смастерили, а потом привязали между двумя апельсиновыми деревьями, чтобы Лусия могла отдыхать там в послеобеденное время.

– О чем именно, мама?

– Ты не будешь возражать, если я приглашу Рамона пожить какое-то время вместе с нами? Он ведь очень болен, и у него ничего нет. Он нуждается в постоянном уходе.

– Конечно, я не возражаю. Вот и Ангелина уже переехала к нам, а вскоре у нас появится ребеночек. Так что в обозримом будущем мы здесь организуем собственную цыганскую коммуны. – Лусия негромко рассмеялась.

– Спасибо тебе, *querida*. Ангелина считает, что, несмотря на свою болезнь, Рамон вскоре полностью оправится, и тогда он нам может быть даже полезен.

– Будет от него польза или не будет, мама, это пока не столь важно. Но ты хочешь, чтобы он приехал сюда, и это замечательно, – сказала Лусия и добавила с самым невинным выражением лица: – Думаю, спать он может на кушетке в гостиной.

– Я... нет... То есть мне кажется, что будет проще, если он...

– Мамочка, да я же просто подшучиваю над тобой. Я и так знаю, где он будет спать: в твоих объятиях. Могу себе представить, что вообразит Алехандро, когда узнает, что его подружка нашла себе другого воздыхателя. Вот расстроится, поди! – Не дожидаясь ответа матери, Лусия поднялась из гамака и направилась в дом, чтобы попить воды.

– *Dios mio!* – обратилась она к своему малышу, слегка поглаживая живот. – Ну, разве это не прискорбно, что у моей мамы такая бурная любовная жизнь в отличие от меня?

* * *

Седьмого сентября Лусия проснулась посреди ночи: ей было нехорошо, она вся покрылась испариной. Уже пятый раз за ночь она поднималась с постели, чтобы опорожнить свой мочевого пузырь. Но едва она сделала пару шагов, как почувствовала, что между ног потекла теплая жидкость.

– На помощь! Мамочка! У меня кровь пошла! – не своим голосом закричала Лусия в темноту. На крик немедленно прибежали Мария и Ангелина, спавшие в своих комнатах. Включили свет.

Мария глянула на лужицу чистой жидкости, которая растеклась между ног дочери, и перевела облегченный вздох.

– Лусия, это не кровь! Это у тебя только что отошли воды. Значит, твой ребеночек уже готовится к тому, чтобы появиться на свет.

– Я иду на кухню. Надо приготовить целебный отвар, – обронила Ангелина. – Ребеночек родится на рассвете, с восходом солнца, – добавила она, уходя.

Несмотря на душераздирающие крики Лусии, гулким эхом разносившиеся по всем комнатам и способные напугать своей громкостью стаю волков, рыскающих высоко в горах, все же многолетние занятия танцами не прошли для нее даром: сильная мускулатура живота сейчас, во время родов, сослужила ей отличную службу. Ангелина дежурила при ней неотлучно, кажется, она инстинктивно догадывалась, что именно нужно сейчас Лусии. Она водила ее по комнате, потом усаживала на стол, растирала ей спину и все время бормотала слова утешения, говорила, что ребеночек здоровый и вот-вот появится на свет.

Когда Лусия объявила, что уже готова вытолкнуть дитя из себя, Мария с внучкой осторожно уложили ее в постель, и в пять часов утра, на рассвете, малышка появилась на свет.

– Больше ни за что на свете! – выдохнула Лусия с облегчением в голосе. – Это самое трудное *bulerias* из всех, что мне пришлось исполнять. Где мое дитя?

– Твоя дочка здесь, – ответила Ангелина, перегрызая пуповину точно так же, как когда-то это делала Микаэла, у которой она и подсмотрела, что и как надо делать. – Она у тебя крепенькая и здоровая.

– Как ты ее назовешь? – спросила Мария у дочери, разглядывая чудо, появившееся перед ней. Ведь это уже вторая ее внучка с тех самых пор, как она вернулась в Испанию.

– Айседора, в честь одной американской танцовщицы.

– Необычное имя, – коротко отозвалась Мария.

– Да, – так же коротко ответила Лусия, не вдаваясь в подробности и прижимая к себе новорожденную дочь. Но услужливая память тотчас

же напомнила, как в день ее тридцатилетия Менике повел ее на выставку фотографий знаменитой танцовщицы по имени Айседора Дункан. Помнится, Лусия долго тогда сопротивлялась, не хотела идти, но когда в конце концов оказалась на выставке, то невольно увлеклась разглядыванием фотографий. Да и сама история жизни Айседоры Дункан тоже сильно впечатлила ее.

– Она была пионером в своем деле. Как и ты, она тоже раздвигала границы танца. В этом вы с ней схожи, *requena*, – сказал ей тогда Менике.

– По-моему, она очень похожа на свою бабушку, – заметила Ангелина.

– И слава богу! – воскликнула Лусия. – Я просто счастлива, потому что не хотела, чтобы ребеночек был похож на меня. Привет, малышка! – Она глянула на крохотное личико дочери. – Да ты действительно у меня красавица. Не то что твоя мама. Я...

Малышка распахнула свои глазки и посмотрела на нее, а у Лусии в этот момент даже дыхание перехватило: она вдруг увидела перед собой до боли знакомые черты лица, только в миниатюре. Впрочем, она *ни за что на свете* никому не признается, на кого похожа ее дочь.

* * *

На смену осени пришла зима, их маленькое дружное семейство, которое собрали вокруг себя Мария и Лусия, коротало время, сидя у небольшого камина в гостиной. Мария использовала этот очаг еще и для приготовления пищи, потому что ей больше нравился вкус еды, приготовленной на живом огне, чем на той огромной чугунной печке, которая стояла у них на кухне. Айседора росла и крепла под неусыпным присмотром Марии и Ангелины, хотя Лусия после первой же попытки наотрез отказалась кормить дочь грудью.

– Зачем я буду напрягаться, если мы трое можем превосходно покормить ее и из бутылочки? Она мне чуть соски не оторвала, когда я ее в первый раз приложила к груди. С такой силой впилась в них. Жуткая была боль!

В глубине души Мария догадывалась, что отказ Лусии кормить дочь грудью связан скорее с тем, что ей просто нравится спать по

ночам, чтобы ее никто не тревожил, а тут как раз подвернулась пара свободных рук, всегда готовых прийти ей на помощь. Грех не воспользоваться! Уже одно то, что малышка спала в детской вместе с Ангелиной, говорило о многом. Однако Мария предпочитала помалкивать и даже умилялась, наблюдая за тем, как старшая внучка ловко меняет малышке пеленки или кормит ее из бутылочки, а укладывая Айседору спать и качая колыбельку, распевает ей песенки. Что ж, вздыхала про себя Мария, некоторые женщины просто не созданы для материнства, и Лусия как раз из их числа.

Пока Ангелина хлопотала вокруг Айседоры, сама Мария использовала свою пару рук для того, чтобы выхаживать Рамона. Целебные снадобья, которые готовила для него Ангелина, очень помогали: с каждым днем у Рамона прибывали силы. Почти исчез противный затяжной кашель, напоминавший о том времени, что он провел в тюрьме с ее ужасающими условиями для выживания. Вскоре Рамон уже оправился настолько, что смог даже выходить на улицу и прогуливаться по апельсиновой роще, пеняя хозяевам усадьбы на запущенность сада.

– Хочешь, я поговорю с Алехандро, чтобы он нанял тебя присматривать за деревьями? – предложила ему однажды Мария, когда холодным вечером они оба грелись у огня.

– Ау, Мария, я согласен выполнять эту работу и бесплатно, потому что это то дело, которое я люблю и которое знаю, – отмахнулся от ее предложения Рамон. – Этот дом, ты сама, вы спасли меня от верной смерти. Чем я могу отблагодарить за все это? Лишь самой малостью – надлежащим уходом за деревьями, которые растут на этой земле.

А вскоре к ним зачастили посетители из Сакромонте. Всем нравилось попить кофейку с Марией, да еще в доме для самого настоящего *рауо*, а заодно разжиться снадобьями у маленькой знахарки или попросить ее заглянуть в их будущее. Мария радовалась всем сердцем, узнавая от бывших соседей, что после долгих странствий по всему миру многие снова потянулись в родную деревню и Сакромонте мало-помалу тоже стал оживать. Продукты были по-прежнему очень дороги, а что-нибудь вкусненькое и вовсе можно было раздобыть только на черном рынке. Но изредка Ангелина получала за свои услуги то плитку шоколада, то бутылку бренди, впрочем, весьма неопределенного происхождения, которую они сберегали для Рамона.

На Рождество Мария совершила паломничество в Аббатство Сакромонте, на коленях возблагодарила бога за благополучные роды у Лусии, за обретение сразу двух внучек и за то, что в ее родную деревню, пусть и медленно, но возвращается жизнь. Чудесная новая жизнь началась и у нее самой. Правда, внутренний голос подсказывал ей, что это не больше чем временная передышка, на что косвенно указывало и другое. Раздражающие ее звуки чечетки, которую она не слышала уже многие месяцы, снова зазвучали в доме. В последнее время Лусия непрерывно отбивала чечетку, тренируя свои ножки на изразцовом полу террасы.

– Мама, я готова снова вернуться на сцену, – объявила Лусия однажды утром. – Пепе прислал мне телеграмму, пишет, что нашей труппе предложили контракт на следующий сезон в театре «46-я улица». И в случае моего возвращения они обещают утроить сумму гонорара. По-моему, замечательный повод для того, чтобы вернуться, мама.

– Так скоро? Ведь твоей малышке всего лишь четыре месяца.

– Если я не вернусь сейчас, то потеряю все, что наработала за минувшие годы.

– Но это же не так, Лусия. Ты – самая знаменитая исполнительница фламенко не только в Южной, но и в Северной Америке. К чему такая спешка, *querida*?

– Мамочка, у зрителя короткая память. К тому же сейчас, после ухода из жизни Аргентиниты, что ни день будут появляться молодые танцовщицы, которые обязательно бросят мне вызов и постараются отобрать у меня корону. Да и потом, я уже успела соскучиться, – вздохнула в ответ Лусия.

– По чему именно ты соскучилась?

– По танцам, разумеется! Ведь я прежде всего танцовщица.

– Но теперь ты еще и мать, – осторожно напомнила Мария, глянув на Айседору, безмятежно спавшую в своей коляске «Сильвер Крос», которую они специально поставили в тень.

– Да, и я не могу совмещать и то и другое.

– Все ты можешь, отлично можешь... То есть ты хочешь, чтобы мы снова вернулись в Нью-Йорк?

– Мамочка! – Лусия уселась в плетеное кресло напротив матери. – Я хорошо помню, каково мне было ребенком постоянно находиться в

дороге, переезжать с отцом из одного города в другой, спать в повозках, а то и просто на земле, не получать образования и не иметь места, которое я могла бы назвать своим домом.

– А я думала, Лусия, что тебе нравится жить жизнью вечного странника. Ты ведь всегда повторяла, что больше всего тебя радует то, что ты не знаешь, что принесет тебе грядущий день.

– Да, я так говорила, это правда. Но у меня не было иного выбора. Зато он есть у Айседоры. – Лусия замолчала на какое-то время, потом снова взглянула на мать. – Я знаю, тебе здесь нравится, мама. И я знаю, как ты любишь Айседору. А потому, – она снова замолчала и продолжила после короткой паузы, – как смотришь, если ты останешься здесь вместе с ней?

Мария постаралась ничем не выдать свою радость. В конце концов, главное для нее сейчас – это потребности ее маленькой внучки.

– То есть ты собираешься уехать в Нью-Йорк одна?

– *Si*, но я стану часто навещать вас, как только смогу.

– Но, Лусия, твоя дочка еще такая крошка. Ей нужна мать. Разве я смогу заменить Айседоре родную мать?

– Еще как сможешь, мама. Ты ведь создана для материнства. В тебе столько терпения и нежности, сколько у меня и в помине нет. Ты же знаешь, как меня раздражает ее плач. Но главное – деньги на исходе. Вот что важно. Надо возвращаться в Америку и снова начинать зарабатывать. Или хотя бы встретиться с отцом и вытребовать у него еще какую-то сумму денег.

– И на какой срок ты предполагаешь уехать?

– Контракт на шесть месяцев. Думаю, за это время я сумею заработать достаточно денег для того, чтобы *выкупить* этот дом, – рассмеялась в ответ Лусия. – И тогда у нас появится уже собственная крыша над головой. Навсегда! Ты только представь себе, мамочка, такое!

– Да, Лусия, это было бы очень хорошо, – согласилась с дочерью Мария, понимая, что дальнейшие споры бесполезны. Тем более пререкания по поводу будущей судьбы Айседоры. Уж коль скоро Лусия втемяшила себе что-то в голову, то переубедить ее не смогут все силы земные и небесные.

– Поступай, как знаешь, *querida*.

– Вот и хорошо. Значит, все решено.

Лусия поднялась с кресла, и Мария прочитала в глазах дочери нескрываемое облегчение от того, что разговор закончен.

* * *

– Как я могу требовать от нее, чтобы она забросила свои танцы? Ведь это же смысл ее жизни, – попыталась Мария ночью объяснить Рамону, пересказывая ему свой разговор с дочерью.

– Но она ведь мать, Мария. Она нужна своей малышке.

– Твои дочери хорошо выросли и без матери, – напомнила ему Мария. – Главное, чтобы рядом с ребенком был человек, который бы его любил, а кто он – это уже не столь важно.

– Да. И где мои дорогие девочки сейчас? – вздохнул Рамон, и его лицо исказилось от душевной боли. – Лежат где-то в городе в общей могиле вместе со всеми остальными безвинно убиенными.

– Вместе с моими мальчиками, их женами и моими внуками, – добавила Мария, беря Рамона за руку.

– Зачем мы выжили, а? Ведь это же им надо было жить. Жить и покорять этот мир.

Вот вопрос, который каждый из них задавал сам себе каждый день.

– Не знаю, Рамон, не знаю. И наверняка никто из нас не узнает, пока не наступит наша очередь отправляться на небеса. Но мы, во всяком случае, хотя бы сможем защитить будущее поколение.

– Да, вот так оно и получается. Мы оплакиваем наших погибших детей и внуков, а иная мамаша с легкостью бросает собственное чадо. – Рамон укоризненно покачал головой. – Как только Лусия не понимает, какой бесценный дар она получила от небес?

Мария знала, Рамон порицал Лусию за ее эгоизм и частенько конфликтовал с ней на этой почве.

– У каждого человека есть свои слабые и сильные стороны. Все, что мы можем, это принимать людей такими, какие они есть. К тому же, Лусия права: хоть кому-то в этом доме надо подумать о поиске работы, пока мы окончательно не остались без денег.

– Надеюсь, с наступлением лета я смогу вернуться к себе и устроиться где-нибудь батраком, – отозвался Рамон. – Сейчас я обязан зарабатывать деньги и приносить их в дом.

– Рамон, ты не хуже меня знаешь, что в Испанию вернулись тысячи людей, и все они отчаянно нуждаются в работе. Почему бы тебе не попробовать предъявить права на свою апельсиновую рощу? Ведь это же твоя собственность. – Уже в который раз Мария напомнила Рамону о том, что было. – Ведь это же несправедливо. Ты честно заплатил за свою покупку. Роща твоя, и по праву.

– А какие у меня на руках есть доказательства того, что она моя? Какой-то клочок бумаги, на котором продавец обозначил сумму, которую я должен был заплатить ему, и все. Сделка ведь не была оформлена по всем юридическим правилам, Мария. И что? Мне сейчас судится с правительством Франко, которое и забрало когда-то у меня эту рощу? – Рамон с сомнением покачал головой и глухо рассмеялся. – Не думаю, что у меня есть шанс выиграть это дело.

– Но если не бороться, то тогда ничего не изменится.

– Мария, думаю, мы уже с тобой достаточно поборолись для того, чтобы просто выжить. Наверное, пока ты странствовала по дальним странам, ты уже успела подзабыть, кто мы такие. А мы – цыгане, низшие из низших. Нас никто и слушать не станет.

– Потому что мы никогда *не говорим!* – возмутилась в ответ Мария. – Прости меня, Рамон, но в Америке, там все по-другому. Взгляни, чего добилась Лусия, будучи цыганкой. Куда бы она ни приезжала, ее везде встречали и чествовали, как звезду.

– Да, за ее талант. Но Лусия – это редкостное создание, ни на кого не похожее. А кто я такой? Простой батрак, да и только.

– Пусть батрак, – тихо промолвила Мария и взяла Рамона за руку. – Но ты – человек, которого я люблю всем сердцем.

* * *

– Итак, на ближайшие полгода у вас должно хватить денег на все: заплатить за жилье, за продукты, плюс расходы на все эти молочные смеси для Айседоры. – Лусия с улыбкой глянула на голенькое тельце дочурки, которая подталкивала ножкой свою пеленку на пол. Лусия

подошла к малышке, склонилась перед ней на колени и перецеловала по очереди ее ножки и ручки, потом расцеловала в обе щеки. – До свидания, любовь моя, *mi requeena*. Будь паинькой, и до встречи.

– Приехало такси, Лусия, – крикнул ей Рамон.

– Уже иду. До свидания, Рамон. Ангелина... – Лусия расцеловала и ее в обе щеки. – Пока. Mamочка, береги себя и мою ненаглядную Айседору.

– Обещаю, доченька. Господь с тобою, *querida*. Счастливого пути и до скорой встречи.

Лусия послала всем воздушный поцелуй, а ее крохотные ножки, обутые в новые кожаные туфли-лодочки, весело застучали по изразцам на террасе. Прощальный взмах рукой, она садится в машину, и такси трогается с места.

Ангелина осталась на террасе в одиночестве. Глаза ее были полны слез.

«Они ведь больше никогда не увидятся», – подумала она с горечью.

33

Прошло несколько месяцев. Несмотря на боль разлуки, вызванную отъездом Лусии, в отсутствие дочери с ее беспокойным нравом и взрывным темпераментом жизнь в доме стала гораздо спокойнее. Да и Рамон почувствовал себя свободнее: ему всегда было неловко перед Лусией из-за Хозе. Зато сейчас он расслабился, изливая все оставшиеся у него отцовские чувства на малышку Айседору.

Между тем молва делала свое дело, и поток посетителей к Ангелине увеличивался с каждым днем: всем хотелось посоветоваться с девочкой, похожей на ангела, которая уже успела приобрести репутацию самой искусной прорицательницы и знахарки, появившейся среди цыган за многие поколения. К ней стали приезжать даже издалека, например из Барселоны.

Однажды вечером Ангелина уселась рядом с Рамоном и Марией.

– Хочу посоветоваться с вами, – начала она тихим голосом, скромно сложив свои ручки на коленях. – Мне ведь еще так мало лет, и я все еще продолжаю учиться, а потому не беру плату за свои услуги.

Правда, люди часто оставляют мне, как вы знаете, кто что может: кто-то – немного козьего молока, кто-то – яйца. Вот я и подумала...

– Стоит ли тебе установить таксу на свои услуги и на те снадобья, которые ты готовишь, – закончил за девочку Рамон. – А ты как думаешь, Мария? В конце концов, мы тратим бензин на то, чтобы отвозить ее в Сакромонте три раза в неделю, чтобы она могла там сходить в лес и насобирать нужные ей травы. Хотя бы расходы на бензин надо как-то покрыть.

– А ты знаешь, *Abuela*, сколько брала за свои услуги Микаэла? – спросила девочка у Марии.

– Точно не знаю, нет. Знаю лишь, что она никогда не отказывала человеку в помощи, если у него не было денег, чтобы заплатить. Но она брала деньги. Особенно у всех этих богатых *rayos*, которые к ней постоянно навевывались.

– Ну, к нашей Ангелине *rayos* едва ли зачестят. Она ведь еще совсем ребенок, – рассмеялся Рамон.

– Пока, конечно, нет, – согласилась с ним Мария. – Но со временем... Во всяком случае, у них Микаэла всегда зарабатывала хорошие деньги.

– Уж не хочешь ли ты предложить нам выпроводить Ангелину на Плаза де Лас Пасигас рядом с кафедральным собором? – недовольно вскинул брови Рамон. – Торговала бы там розмарином, гадала бы по руке за несколько песет.

– Знаешь, – продолжила начатый разговор Мария уже позже, когда они с Рамоном остались одни и она достала из-под половицы жестянку, в которой хранилась вся их наличность, открыла ее и пересчитала деньги, – хоть ты и шутил на предмет того, чтобы отправить нашу Ангелину на площадь перед собором, где она смогла бы подцепить какого-то богатого клиента из числа *rayos*, но вскоре такое может очень даже понадобиться. Денег у нас осталось только на ближайшие три месяца.

– Но ведь Лусия обещала прислать немного денег, разве не так?

– Обещала, но пока ничего не пришло. Что, если денежный перевод попросту украли по дороге? Ведь от Америки до Испании такой путь. В скольких руках за это время могут побывать наши денежки... А представь, сколько голодных клерков сидит в почтовом отделении Гранады.

– Лусия у нас не дурочка, *querida*. Уверен, она все обмозгует как должно. Но что с тобой, Мария? Ты сегодня сама не своя.

– Я, конечно, не ворожея, – вздохнула в ответ Мария, – но у меня какое-то дурное предчувствие. Нутром чую, должно произойти что-то нехорошее.

– Это на тебя совсем не похоже, – нахмурился Рамон и взял Марию за руки. – Вспомни, сколько всего плохого мы уже с тобой пережили. Вместе как-нибудь справимся и с новым лихом. Обещаю.

– Надеюсь, Рамон. Очень надеюсь, что так оно и будет.

* * *

Спустя неделю с небольшим на подъездной дорожке к дому показалась чья-то незнакомая машина. Машина припарковалась прямо напротив дома, и из нее вышла дама с короткой стрижкой и в огромных солнцезащитных очках.

– *Hola*, сеньора, – приветствовала ее Мария с улыбкой на устах, пока та поднималась по ступенькам на террасу. – Чем я могу быть полезна вам?

– Вы сеньора Альбейсин? – спросила у нее незнакомка.

– *Si*, это я. А вы кто?

– Сеньора Велес.

– А, сестра Алехандро! Пожалуйста, проходите. Очень рада познакомиться с вами. Что-нибудь выпить?

– Нет, благодарю вас. К сожалению, я была вынуждена приехать к вам, потому что на вас и на вашу семью стали поступать жалобы от соседей.

– Жалобы? – Мария удивленно огляделась вокруг себя. По обе стороны дома, куда ни кинь, раскинулись оливковая и апельсиновая рощи. – Но ведь у нас нет соседей.

– Мне сообщили, что один из членов вашей семьи использует дом для того, чтобы здесь работать.

– Простите, сеньора, но я не совсем понимаю, что именно вы имеете в виду?

– Она занимается гаданием, варит какие-то снадобья из трав, а потом продает их. Это правда?

– Я... то есть да. Это моя десятилетняя внучка, она помогает тем, кто болен, дает какие-то советы. Она – предсказательница и знахарка, сеньора.

– То есть вы хотите сказать, что этим бизнесом у вас заведует ребенок? – Женщина сняла очки и глянула на Марию в упор крайне недоброжелательным взглядом сильно подведенных зеленых глаз.

– Да, это так. И вы правы, в последние время многие прослышали о ее чудодейственных способностях и зачастили к нам.

– Разве вы не знаете, сеньора, что противозаконно заставлять детей работать?

– Но это ведь не работа. Моя внучка не берет денег за свои услуги. И потом...

– Сеньора Альбейсин, надеюсь, вы понимаете, что мы с братом сдали вам в аренду наш дом из самых лучших побуждений. Брат уверил меня, что вы и ваша дочь – уважаемые дамы. Он и подумать не мог, что вы будете водиться с людьми, которые сейчас постоянно бывают у вас. И уж тем более брат никак не предполагал, что вы станете использовать нашу виллу для организации на ней своего бизнеса, да еще начнете зарабатывать на ребенке.

– Сеньора, повторяю вам еще раз. Моя внучка не берет денег за свои услуги, а люди, которые приходят к ней, это...

– Цыгане! Полагаю, мы с братом должны быть счастливы, что вы не перетасили сюда весь свой табор!

В этот момент на террасе появилась Ангелина с малышкой Айседорой на руках.

– *Hola*, сеньора, – приветливо улыбнулась Ангелина. – Чем мы можем помочь вам?

– Так это она занимается предсказаниями?

– *Si*, сеньора, – ответила Ангелина. – Вам предсказать ваше будущее?

– Нет! – выкрикнула женщина. Ее даже передернуло от возмущения. Но тут на террасу вышел Рамон. Тоже решил узнать, что за визитер к ним пожаловал.

– А это *кто такой*?!

– Меня зовут Рамон, сеньора. Добро пожаловать к нам в дом, – улыбнулся Рамон, протягивая руку для приветствия.

– К вашему сведению, милейший, это пока еще *мой дом!* Получается, он тоже живет здесь?

– Да, сеньора, – подтвердила Мария.

– Но Алехандро до сего дня ни разу не упомянул мне ни о девочке, ни о нем. Получается, что вы с дочерью самовольно нарушили условия аренды. И скольких еще вы здесь скрываете?

– Пожалуйста, поверьте мне, больше в доме никто не живет. Моя дочь сейчас вернулась в Америку и...

Мария заторопилась вслед за женщиной, которая вихрем ворвалась в дом и принялась с великой предосторожностью открывать все двери подряд, словно опасаясь, что сейчас на нее нападут нежеланные постояльцы, тайно поселившиеся в ее доме. Не обнаружив ни в одной из комнат никаких зловредных элементов и слегка успокоившись, она окинула взглядом кухню и гостиную.

– Как видите, сеньора, я навела в вашем доме уют, – заметила Мария.

Женщина раздраженно смахнула с кухонного стола какую-то букашку.

– Да, если не считать того, что вы, в чем я только что убедилась собственными глазами, поселили здесь и других членов своей семьи, не имея на то разрешения от хозяев, а девочка еще и зарабатывает на этом доме. Так вот, я приехала к вам в том числе и потому, что хочу поставить вас в известность: со следующего месяца мы повышаем арендную плату. Мой брат всегда отличался мягкотелостью, но даже он сейчас понимает, что цена, которую он вам назначил, слишком невысокая для такого дома.

– А какую цену вы устанавливаете со следующего месяца, сеньора?

Женщина озвучила цифру. Рамон и Мария в ужасе переглянулись.

– Но, сеньора, это ведь в четыре раза больше той суммы, которую мы платим сейчас! Мы не можем позволить себе таких расходов и...

– А вы заставьте внучку поднять расценки на свои услуги. – Женщина глянула на Ангелину.

– Но ведь мы с вами заключили соглашение...

– Да, *на двух человек*. А вас сейчас здесь четверо. К тому же, я уверена, полиция придет нам на помощь, если мы сообщим им, что виллу наших дорогих дедушки и бабушки заняла толпа каких-то

цыган. Что ж, коль скоро вы не можете платить столько, сколько мы просим, вы должны до конца месяца освободить дом. Напоминаю, в вашем распоряжении осталось всего лишь три дня. – Женщина развернулась к ним спиной и, опять нацепив на нос солнцезащитные очки, величавой походкой двинулась вниз с террасы. Уже стоя на дорожке, она снова повернулась к ним лицом. – Да, и не вздумайте прихватить с собой что-нибудь из дома. Мы точно знаем, где и что тут у нас есть. До свидания, сеньора.

Женщина направилась к своей машине, а Ангелина спустилась с террасы и ткнула пальцем ей в спину.

– Я проклиная тебя, сеньора, – пробормотала она себе под нос. – Чтоб ты сгнила на самом дне ада!

– Тише! – прикрикнула на внучку Мария, когда сестра Алехандро, включив двигатель, бросила последний взгляд в их сторону, а потом быстро вырулила с подъездной дорожки и скрылась из виду. – Проклятьями делу не поможешь.

– Мы должны съехать отсюда? – спросила у нее Ангелина.

– Должны. – Мария забрала Айседору из маленьких ручек Ангелины и бросила беспомощный взгляд на Рамона. – И куда нам сейчас податься? Одному богу известно.

– Думаю, мы должны вернуться в Сакромонте.

– Здорово! – хлопнула в ладоши Ангелина. – Я точно счастлива! Ведь рядом лес. Вот только ванны мне будет не хватать.

– Ну, ванна-то как раз наша собственная, так что никто не потребует вернуть ее обратно, – сказала Мария и добавила: – Я ведь нутром чувствовала, что должно что-то случиться. Уж слишком все у нас было хорошо.

– Да, и предчувствие тебя не обмануло. – Рамон протянул ей руку. – Но вспомни, *querida*, как мы были счастливы когда-то в Сакромонте. Надеюсь, мы снова обретем там свое счастье.

– А что, если Лусия уже отправила деньги, и они придут, когда нас здесь уже не будет? – в панике воскликнула Мария.

– Нам надо срочно отправить телеграмму Пепе, поставить его в известность о том, что случилось. А когда будем на почте, заодно попросим их задерживать у себя всю корреспонденцию, которая будет приходить по старому адресу. Вот видишь, Мария? – Рамон осторожно

пожал ее руку. – Безвыходных ситуаций не бывает. Всегда найдется какое-то решение.

– И откуда в тебе столько оптимизма?

– А что еще нам остается делать? Только быть оптимистами.

* * *

Спустя три дня они одолжили у соседей мула, впрягли в него повозку Рамона, на которую сгрузили весь свой скарб, и мул не спеша потащил их пожитки в Сакромонте. Сзади на своей машине ехала Мария; машину она предполагала продать в обозримом будущем, так как высоко в горах она была им без надобности. Будучи цыганкой, Мария с раннего детства хорошо усвоила главный принцип цыганской жизни: любой дом – это лишь временное пристанище. Но в глубине души она тем не менее очень горевала по своей любимой вилле «Эльза». Впрочем, как и о том времени, когда она жила на ней, как самая настоящая *рауо*.

Рамон постарался на славу, приводя пещеру в порядок. Побелил все стены, соорудил небольшой дворик, в котором можно будет коротать время долгими жаркими днями. Он даже предложил Марии переоборудовать старую кладовку в хлеву в некое подобие ванной комнаты.

– Воду провести сюда я не смогу, – пояснил он Марии и Ангелине, когда после очередной вылазки в город привез на своей повозке помятую железную ванну и комод, которые подобрал на какой-то свалке. – Но это вполне может нам пригодиться.

– *Gracias*, Рамон. – Ангелина обняла его за шею. – Хорошие вещи.

Сидя вечерами на улице и наблюдая за заходом солнца над Альгамброй вместе с остальными своими домочадцами, Мария размышляла о том, что, как ни странно, переезд в Сакромонте прошел менее болезненно, чем она того опасалась. Старый дом с готовностью принял их обратно, а уж находиться среди друзей и вообще было великое благо.

Пепе была отправлена телеграмма; каждое утро Рамон исправно ходил на городскую почту в ожидании посылки из Америки, но никаких посылок не было.

– Хорошо, что у нас остались какие-то деньги после продажи машины. А я тоже постараюсь найти себе где-нибудь работу, хотя бы поденщика, – успокаивал Рамон Марию.

Мария глянула на изможденное тело Рамона, которое еще только-только начало приходить в себя и обретать какую-то силу после всех тех невзгод, которые выпали на его долю, пока он сидел в тюрьме.

– Будем надеяться, что в ближайшие пару недель посылка все же придет, – со вздохом ответила она.

* * *

Прошло еще четыре месяца, но никаких посылок или денежных переводов из Америки они так и не получили. И от Пепе тоже не было весточки. Мария снова взялась за плетение корзин, но в городе немногие имели деньги, а потому товар продавался плохо.

– Можно я пойду с тобой, *Abuela*? – спросила как-то раз Ангелина, наблюдая за тем, как Мария нанизывает корзинки на длинную палку, чтобы нести их на центральную площадь Гранады. – Пару часов Рамон побудет с Айседорой, а я помогу в это время тебе. У тебя уставший вид.

– Спасибо, милая, – расплылась в благодарной улыбке Мария. – Пожалуй, я не откажусь от твоей помощи. Тем более такое хорошенькое личико наверняка привлечет ко мне дополнительных покупателей.

Они отправились в долгий путь. Мария радовалась тому, что на дворе лето. Весна в этом году выдалась холодной и дождливой: потоки мутной воды и грязи устремились с гор вниз, превратив все вокруг себя в сплошное вязкое месиво: картина, до боли знакомая ей с детских лет. Однако сегодня над ними светило яркое июльское солнышко, Ангелина весело болтала о чем-то своем, вышагивая с ней рядом, и Мария заметно повеселела.

– Ты не переживай, *Abuela*, денежки обязательно придут, я обещаю, – обнадеживающе улыбнулась Ангелина, когда они наконец добрались до Плаза де Лас Пасигас и остановились прямо напротив главного кафедрального собора Гранады.

– Ну вот! – обронила Ангелина, осмотревшись по сторонам, потом указала на местечко прямо возле ступеней, ведущих в храм. – Пошли туда. Скоро закончится месса, – добавила она, прочитав объявление на парадной двери. – Люди начнут выходить из церкви. Вдруг среди них окажутся и те, кто захотят купить у тебя корзинку. Сеньорита, – окликнула она молодую даму, – эти красивые корзинки моя бабушка сплела собственными руками. Не хотите купить себе такую? Они очень прочные, – добавила она на всякий случай.

Но женщина лишь покачала головой и прошла мимо. Ангелина последовала за ней.

– А хотите, я вам погадаю?

Женщина лишь ускорила шаг и снова покачала головой.

– Но вам же, наверное, интересно узнать, что в скором будущем ваша дочь выйдет замуж за богатого молодого человека, который сейчас за ней ухаживает? – крикнула ей вдогонку Ангелина. – А ваш муж вот-вот получит продвижение по службе, которого он так добивается.

Женщина остановилась и повернулась к Ангелине. На ее лице читалось явное удивление.

– Откуда ты все это знаешь?

– Сеньора, за одну песету я расскажу вам еще много чего. Дайте-ка мне взглянуть на вашу руку...

Мария слегка отступила назад и стала со стороны наблюдать за тем, как Ангелина водит своими тоненькими пальчиками по ладони женщины и что-то шепчет ей на ухо, для чего девочке приходится подниматься на цыпочки. Спустя минут десять женщина удовлетворенно кивнула головой в знак согласия и полезла в свою сумочку за кошельком. Достала оттуда банкноту в пять песет.

– У тебя есть сдача? – спросила она у Ангелины.

– К сожалению, нет, сеньора. Но может, вместо сдачи вы возьмете одну из корзинок моей бабушки?

Женщина автоматически кивнула, явно еще под впечатлением от услышанных откровений, а Ангелина вихрем метнулась к Марии, чтобы взять у нее корзинку.

– *Gracias*, сеньора. Желаю долгой и счастливой жизни вам и вашим близким. Вот видишь? – обратилась она к Марии, когда женщина ушла, и с видом триумфатора помахала у нее перед носом

банкнотой. – Я же говорила тебе, что не стоит волноваться. Деньги у нас будут.

Домой Мария возвращалась с пустыми руками, распродав все свои корзинки. Зато, петляя по узеньким улочкам Сакромонте, она ощущала приятную тяжесть в кармане юбки, полном банкнот и мелких монет.

– Никогда не видела ничего подобного, – делилась она за ужином своими впечатлениями с Рамоном, лакомясь вкуснейшими кровяными колбасками, которые купила в городе. – Она завлекала ко мне покупателя за покупателем, гадая им по руке. И представь себе, даже розмарина никому не давала в руки, – улыбнулась она, вспомнив о магических свойствах розмарина, который обычно используют гадалки во время своих сеансов.

– Может, помогло то, что рядом с тобой был ребенок? К тому же она ведь очень похожа на *рауо*, – предположил в ответ Рамон.

– Да, наверное, это сыграло свою роль, – согласилась с ним Мария. – Но при этом она каждому сообщала какие-то небольшие секреты, касающиеся их жизни, и все это оказывалось правдой. Вот они и попадались к ней на крючок. – Мария слегка покачала головой. – Ее дар вселяет страх, Рамон. Мне даже со стороны было страшно наблюдать за ней. Ангелина уже сказала, что снова отправится со мной в город на следующей неделе, а я вот нахожусь в полной растерянности. Сама не знаю, хорошо ли это – использовать ее дар для привлечения денег. Ведь такое же в свое время случилось и с Лусией.

– Да, но у Ангелины, как и у Лусии, своя голова на плечах. Поверь мне, эта юная особа никогда не будет делать того, чего не захочет делать. К тому же...

– Что?

– Сегодня Ангелина пустила в ход свои способности только для того, чтобы *утешить тебя*. Ей захотелось лишний раз показать, что тебе не о чем беспокоится, потому что она любит тебя. А что в этом плохого?

– Плохо то, – вздохнула в ответ Мария, – что я всегда чувствую собственную зависимость от других.

– Нет, Мария, ты не права. Это мы все зависим от тебя. – Рамон ласково погладил ее по руке. – Что ж, пора спать.

Айседора

Июнь 1951 года, пять лет спустя

34

– Ты уже проснулась, Айседора?

– Нет, – отвечала девочка, еще глубже зарываясь в подушку. – Я еще сплю.

– Я прекрасно знаю, что ты уже не спишь, раз разговариваешь со мной. А если ты не хочешь подниматься с постели, что ж, тогда я начну щекотать тебя и буду щекотать до тех пор, пока ты...

Ангелина осторожно просунула руку под одеяло и нащупала животик малышки, то самое место, где ей всегда щекотно. Она стала перебирать пальчиками по коже живота и перебирала до тех пор, пока Айседора не начала хихикать.

– Хватит! Хватит! – залилась она веселым смехом, потом сбросила с себя одеяло и поднялась со своей кровати. – Вот! Я уже встала! Чего ты хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты пошла со мной в город, пока бабуля и Рамон еще не проснулись.

– Но они же постоянно твердят, чтобы ты не ходила в город и не гадала там всем этим *rauos*, – резонно возразила Ангелине малышка и принялась энергично тереть своими маленькими ручками глаза, чтобы окончательно проснуться.

– Да я заглянула сейчас в жестянку, где они хранят деньги. И я тебе так скажу: если я не пойду сегодня в город, то скоро они сообщат нам, что у нас нет никакой еды к ужину, – ответила Ангелина. – Так ты идешь со мной или нет? Ну, пожалуйста! – взмолилась она. – Я уже давно заметила: когда ты рядом со мной, у меня всегда от клиентов нет отбоя.

– Ладно, – со вздохом согласилась Айседора. – И что, мне снова надевать это дурацкое платье? Оно же мне мало и к тому же такое кусачее.

– Пожалуйста, его. Ты в нем просто картинка. – Ангелина взяла в руки платице из цветастого ситца с рукавами-фонариками. Айседора позволила ей снять с себя ночную сорочку и натянуть платье.

– Это платье для малышни, – недовольно заявила девочка. – И потом, я уже тебе сто раз говорила, что я больше похожа на мальчишку-сорванца. Ой! Больно! – пожаловалась она, когда кузина стала расчесывать густым гребнем ее длинные темные кудри.

– Зато после всего я куплю тебе мороженое, обещаю! – стала задабривать Ангелина малышку, завязывая розовую ленту в ее кудрях. – А сейчас надевай свои башмачки, и идем.

Они на цыпочках прошли мимо завешенной шторой двери спальни бабушки и Рамона, на кухне Ангелина задержалась на какое-то мгновение, чтобы наполнить фляжку водой из кувшина. Едва они вышли на улицу, как Айседора почувствовала, что ее обдало волной жара, хотя было только начало девятого.

– Ты такая хорошенькая в этом платье, – восхитилась она, глянув на свою кузину. В глубине души Айседора считала Ангелину самым красивым созданием на земле. Впрочем, такого же мнения придерживалось и большинство мальчишек в Сакромонте, о чем она тоже хорошо знала. Длинные золотистые кудри, огромные голубые глаза, нежная кожа, никогда не темнеющая на солнце. С такой внешностью ее двоюродная сестра была похожа на принцессу из волшебной сказки, одной из тех, что они с Рамоном прочитали в книжке, по которой он учил ее читать. – Когда же ты выйдешь замуж? Ведь тебе уже почти шестнадцать.

– Я никогда не выйду замуж, *requena*. – Ангелина качнула головой. – Мне это на роду не написано.

– Как ты можешь так говорить?! – возмутилась в ответ Айседора. – Все красивые принцессы рано или поздно находят своих принцев. Вон, даже у нашей бабули есть Рамон. – Девочка слегка хихикнула.

– Говорю, потому что знаю, – отмахнулась от нее Ангелина. – Некогда мне думать о замужестве. У меня полно другой работы. Зато ты... – Она взяла девочку за руку. – Ты уже своего принца встретила.

– Надеюсь, ты ошибаешься. Все мальчишки, которых я знаю, грубияны. И они же все некрасивые. Ты уверена?

– Да, уверена.

– И откуда ты все это знаешь? Как у тебя получается? – спросила Айседора у кузины, когда они уже миновали городские ворота и зашагали по узеньким, мощенным булыжником улочкам, направляясь к центру.

– Сама не понимаю, как все это получается. Знаю, и все тут. Хотя порой лучше бы и не знать. Особенно если это касается чего-то ужасного.

– Всякие чудища, да? Большие длинные змеи?

– И это тоже, – улыбнулась в ответ Ангелина.

– А я вот хотела бы иметь такой дар, как у тебя. Тогда бы я могла заранее знать, собирается ли сегодня бабуля испечь мои любимые «магдалены» к чаю, когда я вернусь из школы.

– Прибавь шаг, *requena*, и перестань глазеть во все стороны!

Айседора оторвалась от созерцания зеленой улитки, которая медленно ползла по каменной стене, и заторопилась вниз с холма, догоняя Ангелину.

На площади она стояла рядом с кузиной, приветливо улыбаясь прохожим, а Ангелина в это время уже обхаживала свою первую клиентку, гадая ей по руке. Айседора знала, что бы ни говорила Ангелина своим клиентам, этот разговор не предназначен для посторонних ушей, а потому подслушивать нельзя. Девочка забавляла себя тем, что разглядывала узенькие улочки, разбегающиеся от площади в разные стороны. Больше всего ей нравилось созерцать открытое кафе, где торговали мороженым. Мороженое было самых разнообразных цветов и оттенков. Надо сказать, что Айседора уже успела перепробовать большинство сортов.

– Сегодня я закажу зелененькое с крошками шоколада внутри, – пообещала она себе, бросив еще один вожделенный взгляд в сторону кафе. – Ну и жарища сегодня! – воскликнула она, вытирая пот со лба, и глянула украдкой за прилавок. Интересно, есть ли сегодня в кафе ее приятель Андре? Андре – это сын владельца кафе, очень сердитого сеньора. Мальчику уже исполнилось семь лет, то есть он на целый год старше нее самой. В конце недели и во время школьных каникул Андре приходит в кафе, чтобы помочь родителям, но пока у него плохо получается. Он вечно роняет тарелки на пол и не может красиво заполнить рожок мороженым. А потому очень часто родители

попросту выставляют его вон из кафе, и он отправляется скитаться по площади.

Так они и познакомились: столкнулись друг с другом в одном из переулков, примыкающем к кафе, где оба прятались от испепеляющего полуденного солнца. Андре тут же любезно предложил ей глоток лимонада из своей бутылки, и ее рот сразу же наполнился шипучкой. Вот с того самого момента Айседора одинаково сильно полюбила и Андре, и шипучку.

Конечно, Андре был *рауо*, а потому, когда Ангелина сказала, что она уже встретила своего принца, Айседора даже и не помыслила об Андре. К тому же он такой красавчик: светло-карие глаза и копна каштановых кудрей на голове. Воспитанный мальчишка и очень умный: читает и пишет гораздо лучше, чем она. В отличие от других *рауос* он относился к девочке без тени подозрительности. Напротив, ему было страшно интересно узнать, что она живет в пещере и что у нее есть кухня, которая может предсказывать людям их будущее.

Иногда Андре смотрел на Айседору так, словно хотел поцеловать. Его губы уже почти касались ее губ, но в самый последний момент он вдруг заливался краской, закрывал свой рот рукой и предлагал ей погонять мяч на площади.

Айседора никому не рассказывала о своем приятеле. Она знала, в их семье не любят всех этих *рауос*, которые годны только для того, чтобы покупать у них корзинки или платить Ангелине за гадание. Но Андре, он был не такой, как все. И она точно знала, что нравится ему. Он даже сказал ей однажды, что они поженятся, когда вырастут, и будут вместе трудиться в собственной оливковой роще.

– Вообще-то я не люблю оливы, – заявила она ему тогда упрямо, но в глубине души почувствовала себя страшно польщенной.

– Можем заниматься и другими вещами, – быстро согласился он. – Будем делать то, что ты захочешь.

– И есть мороженое каждый день?

– Обязательно.

– И у нас будут котенок или ребеночек и своя ванна? – спросила она у Андре, пиная мяч в его сторону.

– У нас будет и все это, и много чего другого. Когда мы поженемся, то устроим большую фиесту в твоей пещере, наподобие тех, про которые ты мне рассказывала. Будем танцевать с тобой, а все

гости в это время будут лакомиться мороженым. – Мальчишка весело улыбнулся и отпасовал мяч назад.

– Вам мороженого, сеньорита? – спросил у нее отец Андре из-за прилавка с морозильной камерой, в которой были выставлены разные сорта мороженого.

Айседора очнулась от своих грез.

– *Si*, сеньор, но у меня нет денег.

– Тогда проваливай прочь! – крикнул он ей. – Ты мешаешь другим покупателям.

Айседора уставилась на мужчину в полнейшем недоумении. *Vom ego-to* она точно никогда не пригласит ни на какую фиесту. Андре пока в кафе не видно, но ведь еще только утро.

– Она мне совсем не мешает, – раздался глубокий мужской голос у нее за спиной. – Мне, пожалуйста, два мороженных, вот этих. – Мужчина указал на зеленое.

– *Si*, сеньор.

Айседора повернулась к собору и увидела толпы народа, выходящие из церкви. Только что закончилась утренняя месса. Она увидела, как изменилось выражение лица Энрике, отца Андре. Он расплылся в улыбке, стараясь угодить незнакомому *paño*. Пока Энрике наполнял рожки мороженым, Айседора взглянула на незнакомца: очень высокий, загорелый, глубоко посаженные карие глаза. А у него доброе лицо, подумала про себя девочка. Правда, немного грустное.

– Это вам, сеньорита, – сказал он, протягивая ей один рожок. Девочка бросила на него удивленный взгляд.

– Мне? – переспросила она, боясь ослышаться.

– *Si*, – кивнул он головой в ответ.

– *Gracias a Dios*, – поблагодарила его Айседора и лизнула мороженое, которое уже начало подтаивать на жаре, расплываясь по поверхности рожка. Хороший клиент для Ангелины, подумала она и сладко улыбнулась незнакомцу. – А вы не хотите, чтобы вам погадали? – спросила она у него на испанском.

– *No comprendo. Hablo Ingles*, – ответил он.

– Хотите узнать свое будущее? – Эти слова на английском языке ее заставила выучить наизусть Ангелина, и теперь Айседора повторяла их, как попугай, если вдруг обнаруживала на площади какого-нибудь англоязычного туриста.

– Ты можешь рассказать мне про мое будущее? – удивился в свою очередь незнакомец, глянув на нее сверху вниз.

Теперь уже Айседоре пришлось объяснять ему, что она ничего не понимает.

– *Mi prima*, Ангелина. – Айседора махнула рукой в сторону площади. – Она очень хорошая гадалка. – Девочка вытянула свою ладонь и принялась показывать, как именно ее сестра гадает по руке.

– А почему бы и не попробовать? – согласился мужчина, лакомясь мороженым, и жестом показал Айседоре, чтобы та отвела его к гадалке.

Ангелина как раз рассчитывалась с очередной клиенткой, вручая ей сдачу, когда Айседора подвела незнакомца.

– Вот! – объявила она сестре, когда женщина удалилась от них. – Привела к тебе мужчину. Правда, он плохо говорит на испанском, – добавила она уже шепотом.

– *Hola*, сеньор. – Ангелина одарила нового клиента лучезарной улыбкой. – Покажите мне свою руку, – добавила она уже на английском, – и я вам расскажу про вашу дочь.

– Про мою дочь?

Увидев изумленное лицо мужчины, как это бывало со всеми клиентами Ангелины, когда она сообщала им какой-то секрет, ставший известным ей непонятным образом, Айседора поспешила отойти в сторонку и устроилась в тени под тентом на противоположной стороне площади, чтобы доесть наконец свое мороженое. Она надеялась, что Ангелина выплатит ей несколько сантимов комиссионных за то, что она привела к ней такого выгодного клиента. И тогда, возможно, на эти денежки она купит какой-нибудь подарок для бабули. Занятая своими мыслями и донельзя огорченная тем, что Андре так и не появился сегодня в кафе, она и не заметила, как из переулка появился черно-белый котенок, худенький – кожа да кости, и тут же стал извиваться своим тощим тельцем между ее ног.

– Ой, какой ты миленький! – воскликнула Айседора, подхватила котенка на руки, и тот сразу же довольно замурлыкал. – Может, мне тебя прихватить с собой и подарить бабуле? – стала она прикидывать свои дальнейшие действия, целуя котенка в головку.

Глянув на противоположную сторону площади, Айседора увидела, что мужчина, которого она привела Ангелине, уже уходит, и

заторопилась к кухне, не выпуская котенка из рук.

– Взгляни, кого я нашла! – Девочка с надеждой глянула на сестру, но Ангелина неотрывно смотрела вслед удаляющемуся от них мужчине. – Ну, посмотри же! – нетерпеливо взмолилась Айседора. – Давай возьмем его домой, Ангелина. *Ну, пожалуйста!* – умоляюще добавила она.

– Ты же прекрасно знаешь, что это невозможно. Нам самим нечего есть, а тут еще придется кормить животное. Все! Я устала, да и жара такая, что едва ли мы дождемся новых клиентов. Идем домой.

– А мороженое?

– Ты ведь уже съела одну порцию, разве не так, капризуля? Тот мужчина угостил тебя, я видела. Сколько в этом мире горя... *Ау.* – Ангелина протерла рукой свои глаза. – А сейчас отнеси котенка туда, где ты его нашла, и мы отправляемся в обратный путь.

Айседора немного надулась, но послушалась. Поводов для разочарования у нее сегодня было предостаточно: во-первых, сейчас им предстоит долгий путь домой, да еще по такой жаре, во-вторых, с Андре сегодня она так и не увиделась. И наконец, несмотря на все ее мольбы, ей так и не разрешили обзавестись собственным любимцем.

– Много сегодня заработала? – поинтересовалась она у Ангелины. Айседора уже привыкла к тому, что та всегда возвращалась домой после своих гаданий необыкновенно молчаливой, как бы погруженной в себя. Бабуля говорит, что эти гадания высасывают из нее всю жизненную энергию, а потому Айседора всегда старалась по мере сил поднять настроение кухне на обратном пути.

– Да, много. Этот мужчина дал мне десять песет.

– Целых десять песет! – Айседора взволнованно хлопнула в ладоши. – Так почему ты не рада?

– Потому что мне бы хотелось гадать бесплатно, не брать деньги даже у этих *rayos*.

– Но ты же никогда не берешь денег с цыган, когда они приходят погадать к тебе, так ведь?

– Не беру, потому что у них нет денег. Что с них можно взять? – Ангелина вяло улыбнулась, глянув на девочку, а потом ласково взъерошила кудряшки на ее голове. – Ты у нас хорошая девочка, Айседора. Ты уж прости меня, если я временами сержусь.

– Я все понимаю, – рассудительно ответила Айседора и ласково погладила ее по руке. – Ты же такой тяжкий груз тащишь на себе, – немного высокопарно добавила она, повторив слова Марии, которые услышала дня три тому назад, когда поздно вечером к ним в пещеру заявила одна из соседок и стала просить Ангелину приготовить целебное снадобье для своей семидесятилетней матери. Ангелина приготовила настой, но, когда соседка ушла, она лишь удрученно покачала головой.

– Бедная женщина умрет к утру, я уже бессильна помочь ей.

– Спасибо тебе на добром слове, – откликнулась она сейчас на реплику Айседоры. – Но мой дар – это еще и огромная привилегия. А потому я не должна жаловаться на то, что мне трудно. – Внезапно она остановилась посреди дороги и крепко обняла девочку. – Я люблю тебя, *querida*, и мы с тобой должны постараться, чтобы прожить счастливо вместе все то время, которое нам отпущено.

* * *

Месяцем позже, когда знойный июнь уступил свое место еще более испепеляющему июлю, Айседора, вернувшись домой, застала на кухне бабушки какого-то незнакомца. Девочка глянула на Марию. Та сидела в своем кресле-качалке, и глаза ее покраснели от слез.

– Бабуля, что с тобой? Что случилось? – бросилась она к Марии и тут же вскарабкалась к ней на колени, не обращая внимания на мужчину.

– Ау, Айседора, я... – Мария постаралась хоть как-то взять себя в руки. Она крепко обняла внучку за плечи. – Мне так жаль, *querida*, так жаль...

– Чего тебе жаль? Что случилось? Ты такая расстроенная. – Айседора глянула на мужчину, сидевшего за столом. Тот растерянно крутил в руке стакан с бренди, явно налитый ему из неприкосновенных запасов Рамона. – А это кто такой?

– Вот хоть одна приятная новость. – Мария выдавила из себя некое подобие улыбки. – Это Пепе, твой дядя.

– Пепе! Тот самый, что живет в Америке? – Айседора с изумлением глянула на Марию. – Мой дядя?

– Все так, милая.

– И он приехал к нам?

– Как видишь, приехал. – Мария улыбнулась и жестом указала на Пепе.

– Но тогда... – Девочка приложила свой пальчик к губам, как всегда делала, когда начинала размышлять о чем-то очень сложном и непонятном. – Но тогда почему у тебя такой несчастный вид, бабуля? Ведь ты же все время говорила мне, как ты скучаешь по Пепе. И вот он наконец приехал.

– Да, я очень скучала без него, – кивнула в ответ Мария. – И я очень счастлива видеть его, это правда.

Айседора прыгнула с колен бабушки, пересекла кухню и остановилась перед своим дядей.

– *Hola*, меня зовут Айседора, и я очень рада познакомиться с вами. – Она протянула ему руку для приветствия.

Пепе слегка усмехнулся и тоже протянул ей руку, которую она с достоинством пожала.

– Вижу, у моей племянницы отменные манеры.

– О да. Это все заслуга Ангелины. Она иногда берет ее с собой в город, когда идет туда гадать всем этим *rayos*. Айседора и на английском немножко разговаривает.

– Что ж, малышка, поскольку я не *rayo*, а твой дядя Пепе, ступай-ка сюда и обними меня как следует.

Айседора с готовностью упала в руки Пепе. Когда он поцеловал ее, то его роскошные усы приятно пощекотали ей щеку.

– Взгляни, я тут тебе подарок привез из Америки, – сказал Пепе и, взяв коробку, стоявшую рядом с ним, вручил ее девочке.

– Подарок? Мне? Коробка, завернутая в такую красивую бумагу. Взгляни, бабуля! Спасибо, дядя Пепе!

– Нет, Айседора, это не коробка, – улыбнулся в ответ Пепе. – Ты сними обертку и посмотри, что там внутри. Там и есть мой подарок.

– Но бумага такая красивая, я могу нечаянно порвать ее, снимая, – недовольно нахмурилась Айседора.

– А я сейчас покажу тебе, как это сделать. – Пепе взял коробку и поставил ее на кухонный стол. Вначале он аккуратно развязал концы розовой ленты и осторожно отодвинул бумагу от края коробки. – Видишь, как все просто? А теперь закончи сама.

Айседора сняла с коробки бумагу и, получив соответствующие указания от Пепе, открыла крышку.

– Так это же кукла! Вылитая Ангелина! Такая красивая! Неужели это мне?

– Тебе. Отныне это твоя кукла. Надеюсь, ты будешь хорошо заботиться о ней. Ее зовут Глория, – добавил Пепе, а зачарованная Айседора с великой предосторожностью достала куклу из коробки.

– Я видела такие куклы в магазинах для богатых испанцев, но они же стоят кучу песет. Спасибо, *Tio*. – Девочка растроганно прижала Глорию к себе. – Обещаю, я буду беречь ее. – Потом она повернулась к Марии. – Бабуля, может быть, ты плачешь от счастья? – спросила она у нее с надеждой в голосе.

Мария обменялась с Пепе многозначительным взглядом.

– Мы с Пепе оба горюем сейчас, потому что он сказал мне, что твоя мама Лусия отправилась на небеса, и сейчас она там вместе с ангелами.

– Она ушла на небо? – переспросила Айседора, слегка приподнимая куклу вверх, потом опуская ее вниз. Потрогала рукой миниатюрный башмачок Глории и короткий носок на ее крохотной ножке.

– Да.

– То есть на земле я ее больше никогда не увижу?

– Не увидишь, Айседора.

– А мне бы так хотелось с ней встретиться. Но думаю, она сейчас счастлива там. Ангелина говорит, что на небесах все очень красиво. Можно, я покажу ей сейчас Глорию?

– Конечно, ступай, покажи. Ангелина сейчас во дворе, ухаживает за своими травами.

Когда Айседора вышла на улицу, Пепе с улыбкой взглянул на мать.

– Какой красивый ребенок, мама. И такая естественная, не то что эти дети в Америке.

– Да, она прекрасная девочка. И я даже в какой-то степени рада, что она была такой крохой, когда уехала Лусия, и не запомнила свою мать. Вот поэтому, видно, смерть Лусии не сильно опечалит ее. Так все же, Пепе, что случилось?

– Мы были на гастролях в Балтиморе. Да, Лусия была вымотана сверх всяких сил. Много пила, постоянно курила, хотя внешне все было как обычно. Она вышла на сцену, встала в позу, как всегда, и начала свое *farruca*. Закончив танец, громко выкрикнула «*Ole!*» и рухнула на пол. Поначалу публика решила, что так и надо, что это тоже элемент ее исполнительской манеры. Да и мы все вначале так подумали. Но, когда увидели, что она не поднимается с пола, поняли, что что-то не так. Вызвали карету «скорой помощи», но, когда ее доставили в больницу, врачи уже констатировали смерть. По их словам, у нее случился сильнейший сердечный приступ. Она даже не успела ничего почувствовать, мама.

Мария перекрестилась.

– Все-таки дотанцевалась до смерти.

– *Si*, мама. Но по крайней мере она умерла, занимаясь любимым делом.

– Но Лусия была еще так молода! Ей не было даже сорока! И такая жалость, что она так и не смогла больше вырваться в Сакромонте, чтобы повидаться со своей дочкой.

– Да, мама. Я много раз спрашивал ее, когда она собирается к вам, но всякий раз у нее находились какие-то отговорки. Однако сейчас, когда я увидел Айседору, я, кажется, понимаю, почему она не стремилась в Сакромонте. Ведь девочка – точная копия своего отца!

– Ты прав, – согласилась с сыном Мария. – И характер у нее такой же, как у него. Нежная, добрая и очень-очень терпеливая. Везде неотступно следует за Ангелиной, словно маленький щенок.

– Мама, как думаешь, должны ли мы сказать Менике, что у него растет дочь? – спросил Пепе.

– В свое время Лусия взяла с меня слово, что я никогда не проговорюсь ему об этом, но сейчас, когда ее больше нет с нами... А ты как считаешь?

– Я слышал, что Менике женился, живет со своей семьей в Аргентине, у него двое деток.

– То есть с Лусией он порвал окончательно?

– Да. Вот я и думаю, а порядочно ли это будет с нашей стороны – будоражить его семью подобными новостями? Впрочем, с другой стороны, имеем ли мы право скрывать от Айседоры, что у нее есть отец?

– Здесь рядом с ней, Пепе, есть Рамон, я, Ангелина. Одно могу сказать тебе точно: после отъезда Лусии я не получила от нее ни сантима. И это притом что я послала ей телеграмму, в которой сообщила, что мы переехали и деньги следует посылать до востребования на почту.

– Все так, мама. Я получил твою телеграмму и, клянусь тебе, регулярно сопровождал Лусию, когда она отсылала вам деньги. Неужели вы не получили ни единого перевода?

– Нет. Хотя Рамон раз в неделю всегда наведывался на городскую почту, все минувшие пять лет. И всякий раз ему говорили, что никаких переводов на наше имя не поступало.

– Что ж, можно только догадываться, что сейчас на этой почте трудится какой-то богатенький клерк, который разъезжает по городу на скоростном автомобиле. Но почему ты не написала мне, что тебе нужна помощь?

– Я не собиралась выпрашивать помощь у семьи. – Мария покачала головой. – Как-то справились, Пепе.

– Прости, мама, что все так вышло. – Пепе поднялся со стула и подошел к матери. – Если бы я знал, то обязательно помог бы. Но я ведь и подумать не мог... Но как бы то ни было, сейчас я вернулся и могу помочь вам. Я привез с собой все свои сбережения, и если мы будем тратить деньги разумно, то их должно хватить на много лет. И потом... – Пепе погладил свои усы.

– Что потом?

– У меня был разговор с отцом незадолго до отъезда сюда. Я напомнил ему об Айседоре, а потом попросил его дать для нее немного денег. В конце концов, Лусия была ее матерью, и все, что она заработала, как и вся остальная ее собственность, должны сейчас перейти к ее дочери.

– Ты прав. Он дал тебе хоть что-то?

– Немного дал, но это мизерная сумма в сопоставлении с тем, сколько он был должен Лусии. Как всегда, стал ссылаться на то, что год был трудным и что все заработанные деньги были потрачены на новые костюмы для артистов труппы при подготовке очередного шоу.

– То есть он остался таким, каким был. Никаких перемен, – тяжело вздохнула в ответ Мария.

– Ты права, мама, отец не изменился. Однако перед отъездом я все же взял на себя смелость и продал все драгоценности Лусии и ее меха. Конечно, вырученные деньги не идут ни в какое сравнение с тем, что должна была бы получить Айседора, но сейчас, во всяком случае, у меня есть кругленькая сумма, чтобы обеспечить ей будущее. Завтра же я отправлюсь в банк и открою счет на ее имя. Если повезет и жизнь в Испании наконец наладится, то эта сумма будет увеличиваться с каждым годом. Может, пока и не стоит ей говорить об этом, а вот когда девочке исполнится восемнадцать, вручим эти деньги ей.

– Ты прав. – Впервые за все время их разговора Мария улыбнулась. – Будет с чем начинать свою взрослую жизнь. А пока действительно лучше всего начисто забыть об этих деньгах. Как долго ты собираешься погостить у нас, Пепе?

– Видишь ли, дело в том, что нашей труппы больше нет. Она распалась после смерти Лусии, каждый пошел дальше своим путем. Что же касается меня, то я уже достаточно настранствовался за эти годы, мама. А потому я вернулся на родину навсегда.

– Вот эта новость и правда сделала меня счастливой! Можешь пока поселиться в пещере Рамона и обустроить там свой дом.

– Он живет здесь, с тобой?

– Да, – кивнула Мария, не желая более скрывать от сына любовь к мужчине, который дал ей все то, чего не дал собственный муж. – Надеюсь, ты все понимаешь правильно, Пепе.

– Конечно, мама. В детстве я идеализировал своего отца, он был моим кумиром. Но по мере взросления я быстро понял, что он за человек на самом деле.

– Признаюсь тебе, как на духу, без Рамона я бы попросту не выжила, – повела плечами Мария. – А что же твой отец? Где он сейчас?

– Я распрощался с ним в Сан-Франциско. Ему нравится Калифорния. У него есть какая-то работа. Играет в одном из городских баров, насколько мне известно.

– Он один? – спросила Мария у сына и впервые за долгие годы почувствовала, что этот вопрос не ранит больше ее сердца.

– Он... нет, он не один. Его последнюю подружку зовут Хуанита, но я не уверен, что они по-прежнему вместе. Думаю, она у него далеко не последняя.

– Да пусть себе, на здоровье, мне, честно говоря, все равно, – твердо ответила Мария, понимая, что не кривит душой и говорит правду. – А что же ты сам, сынок? У тебя есть возлюбленная?

– Нет, мама. Да и кому я нужен? – рассмеялся в ответ Пепе.

– О, многие женщины не отказались бы быть рядом с тобой! Ты только взгляни на себя! Красавец, талантливый и еще такой молодой.

– Наверное, мама, я просто не создан для супружеской жизни.

– Потерпи немного, пока девчонки в Сакромонте не увидят тебя. Уверяю, они тут же выстроятся в очередь у твоих дверей, – шутливо заметила Мария, поднимаясь со своего места. – Что ж, мне пора приниматься за ужин. А ты ступай и посмотри, не вернулся ли Рамон. Он ходил по воду.

– Хорошо, мама.

Пепе вышел из пещеры и побрел вниз по склону, тяжело вздыхая по дороге. Может, все же стоит рассказать матери всю правду про себя, чтобы она оставила наконец свои попытки женить его? Однако есть такие вещи, которые все же лучше не знать даже родной матери, любящей своего сына всем сердцем и душой. Вполне возможно, правда станет для нее настоящим потрясением и может даже убить ее. Пепе понимал, свою главную тайну он должен оставить при себе и никому не говорить о ней до конца своих дней.

* * *

Новости в горах распространяются быстро, и уже на следующий день все цыгане, уцелевшие в Гранаде после перипетий минувших лет, потянулись к дому Марии, чтобы выразить ей соболезнования и отдать дань уважения Ла Канделе, самой выдающейся исполнительнице фламенко, которая когда-либо появлялась на свет в Сакромонте, а заодно и поучаствовать в церемонии захоронения праха Лусии, который Пепе привез с собой. Ближе к вечеру траурная процессия во главе с Марией и Ангелиной направилась в сторону кладбища. Женщины, стоя на коленях, распевали траурные гимны, а Ангелина в это время бормотала про себя слова заклинания, чтобы облегчить переход Лусии в высшие миры.

Пепе держал в одной руке резной деревянный ларец с прахом Лусии, а второй рукой сжимал крохотную ручку Айседоры. Он глянул на девочку, та всецело сосредоточилась на дороге, по которой они шли. Глаза у нее были сухие, но лицо хмурое. Он почувствовал, как больно заныло сердце при мысли о том, что малышка никогда не увидит свою мать и та никогда не обнимет ее и не прижмет к своей груди, и никогда не будет танцевать вместе с ней...

Когда они дошли наконец до лесной поляны, на которой разместилось кладбище, все умолкли. В длинном ряду крестов, под которыми покоились многие поколения семейства Альбейсин, рядом с могилами братьев было подготовлено место и для самой Лусии. Ангелина начала читать молитву, а Мария и Пепе в это время опустили ларец с прахом в землю, а потом руками засыпали его сверху толстым слоем жирной бурой земли, обильно сдобренной слезами Марии.

Пепе поднялся с земли и, перекрестившись, глянул на могилу Лусии. *«Моя дорогая сестра, – подумал он, – ты столько раз спасала мне жизнь, сама не подозревая об этом».* Потом он подошел к Айседоре, подхватил ее на руки и нес всю долгую дорогу обратно, мысленно обращаясь к небесам. *«Я клянусь тебе, Лусия, что буду заботиться о твоей дочери до своего смертного часа».*

Сакромонте, Гранада, Испания

Февраль 2008 года

*Белый олень
Олень благородный
(Gervus elaphus)*

Олень благородный с врожденным лейкизмом, мутацией, вызывающей частичную потерю пигментного покрова у животного. Встречается крайне редко. В английском фольклоре белые олени считаются посланцами из других миров.

Пепе зевнул и громко высморкался.

– Что ж, кажется, я тут наговорил более чем достаточно, – энергично кивнул он. – Ангелина, тебе заканчивать рассказ, да?

Пепе поднялся со своего места и сошел с террасы.

– Бедняжка Лусия, – прошептала я, в буквальном смысле этого слова пытаюсь вернуться в день сегодняшний из того времени, в котором провела последний час. – Такая молодая.

– Да, она была молода, но при этом крайне эгоистична. Собственно, она жила лишь для того, чтобы танцевать. Впрочем, это свойственно всем великим артистам. Из них редко получаются хорошие жены или матери, – ответила Ангелина.

– Кажется, я догадываюсь, какой секрет Пепе утаил от своей матери, – тихо обронила я.

– Да. Я сразу же догадалась об этом, как только увидела его. Сегодня ведь неважно, кто ты есть и кем себя ощущаешь: мужчиной, женщиной или и тем и другим. Но в те времена все это было под запретом. Особенно среди цыган. Бедняга Пепе! Он родился слишком рано.

– Итак, он остался вместе с вами, Марией, Рамоном и моей матерью в Сакромонте, да?

– Да. Зарабатывал игрой на гитаре. Словом, как-то мы выживали. Жили бедно, но не могу сказать, что это была несчастливая жизнь. К тому же, как ты слышала, Пепе привез с собой из Америки немного денег. А еще благодаря Пепе Айседора, достигнув своего восемнадцатилетия, получила наследство от своей покойной матери. Эти деньги тоже очень сильно помогли семье пережить тяжкие времена.

– Что вы имеете в виду?

– Айседора потратила деньги на то, чтобы помочь своему мужу, твоему отцу, Эризо, обзавестись собственным бизнесом.

– А кто был мой отец? Каким он был? – спросила я, сгорая от нетерпения.

– Ты уже слышала его имя. Андре, тот самый мальчик, с которым Айседора познакомилась на площади, когда еще была совсем маленькой девочкой. Там у его родителей было свое кафе-мороженое. Конечно, они и слышать ничего не хотели о том, чтобы их сын женился на цыганке, но Андре это мало заботило. А когда они с Айседорой поженились, он переехал сюда. Мы все вместе – Рамон, Мария, Пепе и я переоборудовали старую пещеру Рамона, расширили ее, словом, сделали молодым их собственный дом. Айседора пустила деньги на то, чтобы помочь Андре и Рамону начать свой бизнес. В свое

время Пепе рассказывал им, что он часто видел на улицах Нью-Йорка такие портативные тележки для напитков. Вот Андре и решил попробовать этот бизнес у нас. Он купил апельсиновую рошу. Рамон помогал ухаживать за деревьями и давил сок из апельсинов. А Андре продавал этот сок в городе. Твой отец на пару с Пепе смастерили нечто вроде холодильной камеры для того, чтобы сок всегда оставался свежим. Это свое приспособление Андре крепил на мопеде сбоку. Вот такой вот незамысловатый бизнес. Большого состояния на нем, конечно, не сделаешь, но, продавая сок на площади, Андре зарабатывал достаточно для того, чтобы кормить семью. В городе ведь было полно обеспеченных *rayos*, да и иностранные туристы зачастили сюда. Со временем он немного расширил свое дело, приобрел еще две машины для приготовления сока, а в летнее время даже нанимал людей, чтобы те помогали ему сбывать апельсиновый сок и кока-колу, которая уже приобрела большую популярность и у нас, в Испании. Словом, Андре был у нас тем, кого сегодня называют одним словом: предприниматель.

– А когда мои родители поженились?

– Когда твоей матери исполнилось восемнадцать.

– Но это значит... – Я мысленно прикинула в голове все цифры. – Это значит, что я появилась у них только спустя двадцать лет! Почему же они тянули столько времени?

– Ничего они «не тянули», как ты выразилась, милая. Они с самого начала страстно мечтали о ребенке. Да и заслуживали они этого больше, чем какая-либо другая супружеская пара. Ведь они так любили друг друга... – Ангелина подавила тяжелый вздох. – Я тоже старалась помочь, чем могла, но твоя бедняжка мать все никак не могла забеременеть, а потом выносить плод. Они уже оставили всякую надежду. Но, как это порой случается в жизни, вдруг неожиданно-негаданно ты решила наконец-таки появиться на свет.

– Но если они были так счастливы в браке, то как получилось, что меня отдали Па Солту?

– Ау, Эризо, хочу напомнить тебе, что, несмотря на то что гражданская война уже давно закончилась, Франко правил в Испании очень жесткими методами. Послевоенные годы были у нас ничем не лучше, чем военные. Денег в стране не было, работы тоже. И, как

всегда, тяжелее всего приходилось цыганам. Но все бы это не имело значения, если бы...

– Что – если бы, Ангелина?

На глазах Ангелины показались слезы. Но она тут же постаралась взять себя в руки, а я приготовилась выслушать финальную часть своей семейной истории.

– Я видела в своей жизни много горя, но трагедия, случившаяся с твоими родителями, самая страшная из всех. Именно так! – кивнула головой Ангелина. – Самая страшная.

– Так расскажите же мне, что случилось. Прошу вас, Ангелина.

– Начну с того, что никогда я еще не испытывала большей радости, чем в тот день, когда моя любимая Айседора пришла ко мне, чтобы сообщить, что она ждет ребенка. А потом и твой отец примчался из города на своем стареньком мопеде с охапками цветов для жены. Я с самого начала предупредила твою мать, что она уже не молода и что ей нужно больше отдыхать. Андре тоже носился с ней, как с драгоценной фарфоровой статуэткой, хотя сам работал день и ночь. Откладывал деньги в ожидании твоего появления на свет. Каждая очередная неделя твоего пребывания во чреве матери была для них чем-то вроде чуда. Что и неудивительно после стольких выкидышей и стольких лет ожидания. – Ангелина сокрушенно покачала головой. – Но вот однажды вечером погода была ненастной, дороги размыло от проливных дождей, и твой отец не вернулся из города. Пепе уже ночью, не дожидаясь утра, пошел в полицию, и там ему сообщили, что в глубокой канаве был найден мертвым мужчина. Сверху на нем лежал мопед. Это был Андре... Та холодильная камера, которую он крепил к своему мопеду, оказалась слишком тяжелой. От этой тяжести мопед накренило в одну сторону, а в такую плохую погоду Андре просто не справился с управлением. Я...

Ангелина извлекла из кармана большой носовой платок розового цвета и громко высморкалась. Я до боли в пальцах сцепила руки, стараясь не расплакаться.

Ангелина снова покачала головой и зябко повела плечами.

– Подумать только, какая боль! Все эти годы они так мечтали о ребенке, но оба так и не дождались, чтобы увидеть тебя своими глазами. Твоя мать тяжело переживала гибель Андре. Она не могла ни есть, ни пить, хотя я и настаивала, и просила, и умоляла ради

сохранения дитяти. Ты родилась на месяц раньше срока, и хотя, поверь мне, я сделала все возможное, чтобы помочь твоей матери, я оказалась бессильна. У нее открылось кровотечение, которое я, Эризо, не смогла остановить. Пепе вызвал «скорую помощь», но и врачи тоже не справились. Айседора умерла на следующий день после твоего появления на свет.

– Понятно, – тихо обронила я. А что еще можно было сказать в этой ситуации? Какое-то время мы обе сидели молча, размышляя о том, какой жестокой и несправедливой может порой быть жизнь.

– Почему они? – пробормотала я вполголоса, обращаясь скорее к самой себе, чем к Ангелине. – Столько лет ожидания... Уж кто-кто, а они точно заслужили, чтобы хоть какое-то время побыть со своим ребенком. Я имею в виду, *со мной*...

– Ты права. Душераздирающая история, у меня и теперь, когда я рассказываю тебе об этом, сердце разрывается на части. Но может быть, тебя хоть как-то утешит то обстоятельство, что, несмотря на свою короткую жизнь и вопреки тому, что им не было даровано счастье увидеть тебя, заботиться о тебе, они любили тебя, как никто. Иные родители проживают долгую жизнь, но не испытывают к своим детям и сотой доли той любви, которую питали к тебе твои отец и мать. Уж ты мне поверь! Я много чего видела на этом свете. Радуйся, *querida*, уже тому, что ты была самым желанным ребенком на свете. Я ведь много времени проводила с твоей матерью и почти физически ощущала, как она счастлива. Айседора всегда была счастлива, такой у нее был редкостный дар – быть счастливой. Я... я обожала ее. Да, именно так: обожала! – Ангелина снова громко высморкалась в свой платок и покачала головой. – Вот и Пепе... Смерть Айседоры навсегда разбила ему сердце. Он до сих пор не может говорить об этом... Видишь, и сейчас ушел от нас, чтобы не слушать.

– И все же. – Я собралась с силами, понимая, что времени у меня уже остается в обрез, а мне еще многое предстоит узнать до своего отъезда из Сакромонте. – Как так получилось, что я оказалась у Па Солта?

– Он вскоре после смерти твоей матери приехал ко мне, чтобы я ему погадала. И ты как раз была рядом, всего лишь нескольких дней от роду. Он выслушал твою историю и попросил разрешения удочерить тебя. Ты должна понять все правильно, Эризо. На тот момент мы оба,

и Пепе, и я, были уже старыми людьми. К тому же бедными. Мы бы не сумели обеспечить тебе жизнь, которой ты достойна.

– Вы ему поверили?

– Конечно. Я всецело доверяла этому человеку. И потом, я обратилась к духам поднебесной, и те тоже сказали мне, что так будет правильно. Твой приемный отец... Он был необыкновенным человеком. И он дал тебе такую жизнь, которую мы с Пепе никогда бы не создали для тебя. Но я взяла с него слово, что, когда ты вырастешь, он обязательно направит тебя к нам. И вот вам, пожалуйста! – Впервые за все время нашего разговора на губах Ангелины показалась слабая улыбка. – Он сдержал свое слово.

– А что же Мария? Она была еще жива, когда я родилась?

– Рамон умер на год раньше Марии. Они прожили достаточно долго, дождались свадьбы Айседоры, но, к великому сожалению, твоего рождения, Эризо, они уже не застали.

– Мама назвала меня как-то до того, как умерла?

– По-моему, нет... Точно нет. Но, когда ты появилась на свет, мы все в один голос сказали, что ты похожа на крохотного ежика, волосы на головке торчком. Вот тогда она и обронила это имя – Эризо. И мы все тебя так звали, пока ты была с нами.

– А потом я стала Тигги, такое ласковое прозвище в честь одного литературного героя-ежика. – Кажется, я сама впервые задумалась над этим странным совпадением, если только это совпадение. – А вообще-то, мое полное имя – Тайгете.

– Да, твой отец сказал нам, что назовет тебя в честь одной из Семи Сестер созвездия Плеяды. Я... Он нашел остальных девочек?

– Только одну. Мою младшую сестру Электру. Ее он привез спустя год после того, как удочерил меня.

– А где же седьмая сестра?

– Ее он так и не нашел. Во всяком случае, он так сказал.

– Странно, – обронила Ангелина.

– Почему?

– Я... – Ангелина уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же снова закрыла его и слегка пожала плечами. – Иногда в сообщения с небес тоже закрадываются какие-то неточности. Хочешь, Эризо, взглянуть на фотографию своих родителей?

– Очень хочу!

Ангелина пошарила рукой в объемном кармане своего кафтана и достала оттуда цветное фото.

Она протянула фотографию мне, и я почувствовала, как в эту самую минуту у меня побежали мурашки по спине и шее. Я как зачарованная уставилась на снимок.

– Эта фотография сделана в день их бракосочетания? – спросила я тихо.

– *Si*. Их свадьба состоялась в 1963 году.

Молодые смотрели друг на друга глазами, полными любви и восхищения. На их юных лицах сияла радость. С годами краски на фотографии поблекли и выцвели, но все же я разглядела копну каштановых кудрей на голове жениха. А уж невеста...

– Сейчас ты и сама видишь, как ты похожа на свою мать, – обронила Ангелина.

И действительно, я *увидела*. Правда, мамины волосы были темнее, чем у меня, но зато форма глаз и черты лица очень похожи на мои. Я бы сказала, полнейшее сходство.

– *Mi madre*, – прошептала я. – *Te amo*.

* * *

Был уже третий час дня, а мне нужно явиться в аэропорт к половине пятого. О стольком еще надо поразмыслить, но это не сейчас. Времени уже нет. Оставив Ангелину дремать на солнышке, я поспешила к себе в гостиницу, чтобы собрать вещи. Потом снова вернулась к голубым дверям, на сей раз чтобы попрощаться с обитателями дома, включая и самое последнее пополнение в лице Бэра. Малыш сосредоточенно сосал грудь Алли.

– Вот зашла попрощаться, дорогая Алли. Береги себя и маленького, ладно? И спасибо тебе за то, что приехала сюда и нашла меня. – Я расцеловала маму и сына.

– Это *тебе* мое огромное спасибо и твоим замечательным родственникам за то, что оказались *рядом со мной*, – улыбнулась в ответ Алли. – Надеюсь, до скорой встречи в Атлантисе.

– Обязательно увидимся.

– С тобой все в порядке? Что-то ты сегодня бледненькая, – встревожилась сестра.

– Ангелина рассказала мне про моих родителей и про то, как они умерли.

– Ах, Тигги! – Алли тут же протянула мне руку. – Я так тебе сочувствую.

– Наверное, немного помогло то, что я их никогда не знала. Но все равно чувствую себя сейчас немного пришибленной.

– Еще бы! Я тебя прекрасно понимаю. Когда-нибудь, если захочешь, я расскажу тебе о своих родителях, а ты поделишься со мной своей семейной историей. Но это потом, дорогая Тигги, а сейчас возвращайся в Атлантис и набирайся там сил.

– Обещаю. До свидания, Алли. До свидания, Бэр.

В саду я разбудила Ангелину и сказала ей, что уже уезжаю.

– Возвращайся, Эризо. И поскорее... Договорились? И привези с собой этого милого мистера Чарли, – добавила она и слегка подмигнула мне, от чего я тотчас же залилась краской.

Из пещеры вышел Пепе, неся в руках стопку дисков.

– Вот, Эризо, – сказал он, вручая мне диски. – Хотя ты никогда не видела своего дедушку Менике, но послушать музыку, которую он писал, ты сможешь. Послушай, и ты сама поймешь, что в его музыке тоже присутствует тот самый *duende*, истинный творческий дух, идущий от самых глубин сердца. – Пепе приложил руку к сердцу и улыбнулся, и тотчас же морщинки сбежались в уголках его карих глаз. – *Vaya con Dios* – храни тебя Господь, *querida*.

Потом Ангелина и Пепе по очереди обняли меня и расцеловали в обе щеки, залитые слезами.

Марселла уже поджидала меня, стоя возле своего автомобиля, чтобы отвезти в аэропорт.

– Ну, что? Готова, Тигги?

Прощальный взмах рукой, последняя улыбка, адресованная родным.

– Готова, – киваю я в ответ.

Вечером того же дня я совершила перелет в Атлантис на частном самолете, который организовала для меня Ма. Голова моя раскалывалась от обилия информации о собственном прошлом. А ведь есть еще и настоящее. В любом случае я решила пока не думать о будущем. Ма встречала меня на пристани. Кристиан с величайшей предосторожностью помог мне выбраться из катера, и я тут же оказалась в ее ласковых и теплых объятиях. Я вспомнила, что Ангелина как-то сказала: те, кто нас любит, всегда ищут повод, чтобы позаботиться о нас. И вот впереди у меня несколько недель полноценного отдыха и любящего ухода.

Уже с самых первых шагов меня словно укутали в нежный кокон: все силы в Атлантисе брошены на то, чтобы добиться моего полного выздоровления. Кровать поставили посреди комнаты, чтобы я, лежа в постели, могла любоваться прекрасными видами Женевского озера. Лежу себе, как принцесса, в огромной, наполненной воздухом комнате, почти под самой крышей дома, в мансарде, где находятся комнаты всех нас, девочек. Полнейшее уединение, ничто не тревожит, однако я с удивлением обнаруживаю, что и физически, и умственно я вымотана донельзя и устала гораздо больше, чем предполагала. Впрочем, чему удивляться? За последние несколько недель в моей жизни произошло столько драматичных событий. Зато сейчас я внимательно прислушиваюсь к своему телу и с готовностью откликаюсь на все его требования. Так, зачастую после обеда я погружаюсь в полудрему под звуки гитарной музыки Менике и его сладкоголосое пение, слушая компакт-диски на своем стареньком плеере, а иногда и вовсе засыпаю на час-другой. Наша замечательная экономка Клавдия настояла на том, что и завтрак, и обед, и ужин она будет приносить мне наверх, в мою комнату, плюс обязательная кружка горячего козьего молока на сон грядущий с неизменной домашней сдобой.

Однако уже к концу первой недели мне стало невмоготу от такого затяжного безделья.

– Пожалуйста, Клавдия! – взмолилась я, когда она возникла у меня в комнате с очередным подносом в руках, заставленным едой. – Разрешите мне сегодня вечером спуститься на кухню и отужинать вместе с вами. Ты же скоро из сил выбьешься, таская по лестнице туда-сюда

эти подносы по десять раз на дню! А я уже чувствую себя гораздо крепче...

– *Nein, lieblich.* Ты должна соблюдать строгий постельный режим. Отдыхай и набирайся сил.

Разумеется, я догадывалась, что Чарли постоянно находится на связи с Ма, и обе мои няньки скрупулезно следуют всем его начальственным указаниям, что порой вызывало у меня откровенное раздражение. Так, мне было строжайше запрещено покидать свою спальню. А по приезде в Атлантис мне вообще пришлось почти физически отбиваться от Ма, вознамерившейся сопровождать меня и в ванную комнату. Прошла еще одна неделя такого неусыпного бдения вокруг моей персоны, и я поняла, что эту битву я проигрываю вчистую. Пришлось сдаться на милость победителей, и я стала прикидывать, как мне разумно воспользоваться тем свободным временем, которое сейчас появилось у меня в избытке. Ангелина не раз повторяла, что ничто на свете не происходит без веской на то причины. А раз так, то я извлекла из своего дорожного рюкзака те заметки, что делала в Сакромонте, и принялась освежать их в своей памяти, постепенно проникаясь осознанием правоты Ангелины. Перечитывая записанные наспех рецепты и методики лечения, я мысленно прикидывала, где именно и каким образом мне назначено пустить в ход свои вновь приобретенные знания и умения. Неужели это означает, что я должна кардинально поменять свою специальность или даже открыть собственное дело? Полноценно заняться лечением травами и всякими гаданиями, как это делали мои предки. Впрочем, сегодня лечение пациентов нетрадиционными методами все равно требует определенного профессионального уровня, и неважно, лечишь ли ты больного всякими травяными сборами и настоями или возлагаешь свои руки на то место, где болит у человека или у животного. В любом случае у тебя должна быть квалификация, подтверждающая, что ты досконально знаешь то, о чем говоришь и что делаешь. А десять дней, проведенные в поучительных разговорах с древней испанской цыганкой, это еще не гарантия того, что тебя признают своим в профессиональном сообществе, особенно с учетом всех современных бюрократических загогулин. В прошлом знахарки и ворожеи пользовались абсолютным доверием своих клиентов, полностью полагающихся на их чудодейственные способности.

Испанским *brujas* не нужны были сертификаты, подтверждающие их высокую квалификацию.

Многие часы я провела, любясь горами, раскинувшимися на противоположной стороне озера и размышляя над тем, каким образом я смогу применить полученные мною новые знания в своей работе. И чем больше я размышляла над всем этим, тем отчетливее понимала, что, скорее всего, Чилли был прав, когда сказал мне, что я избрала себе не тот путь. Сохранение диких животных – это, конечно, грандиозная задача, но сейчас я точно знала: мне не терпится опробовать свои навыки и умения именно на животных.

– Твоя сила, Тигги, это *твои руки*, – пробормотала я, внимательно разглядывая свои руки.

Потом я вспомнила Фийону, как она буквально за пару дней вылечила Тистла с помощью своих снадобий. А каким удачным оказалось сотрудничество Чарли и Ангелины, использовавших современную медицину и нетрадиционные методы лечения, чтобы помочь Алли и выходить меня. Интересно, сумею ли я в своей дальнейшей работе тоже сочетать эти разные подходы к лечению больных?

– Ох, не знаю, не знаю, – вздохнула я, раздосадованная ворохом проблем, внезапно возникших передо мной. Как же все было просто и понятно, когда я работала с Маргарет... Животные, чистый воздух Шотландского Высокогорья и работа с утра и до позднего вечера. Я залезла в Интернет, чтобы поискать какие-нибудь курсы, после которых я смогу получить нужную мне квалификацию для того, чтобы практиковать на животных в «нормальном», так сказать, мире. К своему удивлению, я обнаружила не менее дюжины курсов, исповедующих холистический подход к медицине, в том числе и курсы, на которых обучают рэйки: это такой вид нетрадиционной медицины, когда исцеление достигается путем прикосновения ладонями. *К тому же* Фийона упоминала в разговоре со мной о том, что на сегодняшний день уже существует множество ветеринарных клиник, в которых практикуются альтернативные методы лечения.

– Может, мне снова податься в университет и переучиться на ветеринара? – спросила я себя, сосредоточенно грызя кончик шариковой ручки. Снова потратить кучу лет на учебу? – Нет! – Я недовольно покачала головой. – К моменту получения еще одного

диплома я уже буду старухой. К тому же мне совсем не улыбается препарировать тушки животных для того, чтобы изучить их внутренности или исследовать их лимфатическую систему. Должен же быть какой-то иной путь...

Немного окрепнув физически, я обнаружила, что ночами мне категорически не хочется спать. Терпеливо выждав, когда Ма измерит мне давление и, пожелав доброй ночи, направится в свои апартаменты в другом конце коридора, я накидывала еще лишних полчаса на то, чтобы она уже гарантированно погрузилась в глубокий сон, а потом поднималась с постели и отправлялась странствовать по дому. Когда я совершала свою первую вылазку, то объяснила охватившее меня нетерпение тем, что я просто устала сидеть в четырех стенах. Но каждую ночь я поднималась с постели и снова и снова шла бродить по Атлантису. И тут до меня дошло, что я не просто бесцельно брожу по дому. Я что-то ищу, точнее, я ищу кого-то...

Я ощущала присутствие отца в доме с такой силой, будто он только что поднялся из-за своего письменного стола и спустился на кухню, чтобы попить воды. Или наоборот, пошел к себе наверх, чтобы лечь спать.

Я методично перерыла все ящики в его письменном столе в поисках каких-то доказательств, что недавно он здесь был... Или каких-то других вещественных улик, способных объяснить мне все те тайны, которые реют вокруг моего любимого папы.

– Кем ты был на самом деле? – вопрошала я, держа в руке небольшую иконку с образом Богородицы. Впервые я задалась вопросом, а был ли Па Солт верующим человеком? В детстве он, конечно, водил всех нас, девочек, в церковь, но когда мы повзрослели, он не настаивал на таких посещениях в обязательном порядке.

Потом я заметила засохший букетик каких-то трав, перевязанный старой бечевкой. Я осторожно сняла его с полки и тут же вспомнила ту цыганку на площади Гранады, которой каким-то таинственным образом было известно мое ласковое прозвище, и она окликнула меня – Эризо.

– Этот букет ты тоже привез из Гранады? – прошептала я, обращаясь в пустое пространство, потом закрыла глаза и стала спрашивать ответ у своих духов, направляющих меня. Проблема

заклучалась в том, что я никак не могла определиться с местом для Па Солта. Он тоже *стал одним из таких духов?* Или пока еще нет?

– Если ты сейчас там, на небе, пожалуйста, отзовись. Скажи мне хотя бы слово, – прошептала я.

Но ответа не последовало.

* * *

– Ма, умоляю тебя! Я больше не могу валяться в кровати целыми днями! Ну, пожалуйста... Сегодня такой красивый день. – Я махнула рукой в сторону окна. Нежаркое мартовское солнце уже успело растопить мороз на оконных рамах. – Наверняка Чарли тоже одобрил бы мое желание глотнуть немного свежего воздуха... после стольких дней взаперти.

– Ой, даже не знаю, что сказать, – вздохнула в ответ Ма. – Во-первых, на улице еще холодно, и велик риск, что ты можешь подцепить простуду. А во-вторых, потом ведь тебе придется подниматься по лестнице к себе в спальню.

– Ну, хорошо, – сдалась я. – Я согласна, чтобы меня отнес на руках Кристиан.

– К сожалению, Кристиана сегодня нет дома, но... – Я увидела, что Ма что-то мысленно прикидывает. – Сейчас я посоветуюсь с Клавдией и Чарли, милая. Ах да! Совсем забыла! Тебе письмо.

– Спасибо.

Ма вышла из комнаты, а я вскрыла тощий конверт, обратив внимание на то, что письмо пришло откуда-то из-за границы.

26 февраля, 2008 года

Заповедник дикой природы Маджете

Чиквава, Малави

Глубокоуважаемая мисс Деплеси,

Спасибо за поданную Вами заявку на должность смотрителя по уходу за дикими животными в Заповеднике дикой природы Маджете. Мы уже отправили Вам приглашение для прохождения собеседования, которое должно состояться в Лондоне 7 марта, в 13 часов дня. Но к

сожалению, до сих пор не получили от Вас никакого ответа. Пожалуйста, проинформируйте нас (самый крайний срок – 5 марта) о том, что Вы по-прежнему заинтересованы в получении этого места и о Вашей готовности прибыть на собеседование в указанные сроки. Все подробности, касающиеся самого собеседования, изложены в документе, который прилагается к данному письму.

*С уважением,
Китвелл Нгвира,
Управляющий Национального парка Маджете*

Я даже задохнулась от волнения. Тут же слезла с кровати и извлекла из ящика стола свой старенький ноутбук, лежащий там еще с университетских времен. Я ведь начисто забыла о том, что отправила письмо с запросом о вакансии в самый разгар всех тех неприятностей, которые на меня тогда свалились. А вернувшись домой в Атлантис, я так ни разу и не удосужилась проверить свою электронную почту. А зачем, резонно полагала я.

Неудивительно, что на моей почте скопилась целая куча писем. Помимо приглашения на собеседование, которое должно состояться в ближайшую неделю, письма от Майи, Стар, Сиси и целых три письма от Чарли.

Его письма я решила оставить напоследок. Вначале прочитаю, что мне пишут сестры. Самым неожиданным оказалось послание от Сиси. Оно, как всегда, изобиловало кучей ошибок, но в остальном...

Привет, Тигги!

Алли сообщила мне, что ты заболела и сейчас в Атлантисе. Надеюсь, ничего серьезного и ты скоро оклемаешься. Я же помню, как ты всегда ненавидела все эти свои болячки. Может, ты уже слышала, что я перебралась в Австралию. Мне здесь нравится, и я снова стала рисовать. Живу со своей бабушкой и подружкой по имени Крисси. У нас здесь полно всякой живности. Как захочешь, приезжай и увидишь сама.

*С любовью,
Сиси*

– Вау, Сиси! – восхищенно пробормотала я, разговаривая сама с собой. – Все же ты рискнула! И нашла свой дом.

Я сделала глубокий вдох и перешла к чтению электронных писем от Чарли. Письма короткие, пару заботливых строк. Интересноется, как я себя чувствую. В последнем письме просит меня разрешить ему зарезервировать подходящее время для прохождения обширного обследования со всякими кардиограммами и анализами в больнице Инвернесса. Желательно не тянуть, скажем, середина марта – самое подходящее время с учетом моего пребывания на данный момент в Атлантисе.

Иными словами, Чарли по-прежнему настаивает, чтобы я вернулась в Шотландию.

– Лучше всего тебе туда не соваться, Тигги, – сказала я себе. – Наверняка Кэл уже взял под свою опеку кошек, а твои скромные пожитки вскоре вышлет тебе по почте...

Однако, не желая показаться грубой или тем более неблагодарной после всего, что сделал для меня Чарли, я тут же настрочила ему коротенький ответ, пока не успела передумать.

Дорогой Чарли,

Спасибо за письма. Я чувствую себя хорошо, много отдыхаю. Спасибо за предложение пройти обследование в Вашей клинике, но, думаю, мне будет намного проще сдать все анализы здесь, в Женеве. Как вы знаете, медицина в Швейцарии на очень высоком уровне.

Надеюсь, у Вас все в порядке,

Тигги

– Господи! – выдохнула я, нажимая на клавишу «Отправить» и испытывая к себе самую откровенную ненависть. Надо же! Так холодна, так официальна... Впрочем, любая иная реакция – это путь в никуда. Я не стану разбивать его семью, хотя бы ради счастья Зары.

– Хорошо, Тигги! – услышала я голос Ма, которая снова вернулась в мою комнату. – Я только что поговорила с Чарли. Он тоже считает, что короткая прогулка на свежем воздухе пойдет тебе на пользу.

– Вот как? – только и нашлась я в ответ, глянув на свое письмо, которое только что отправила Чарли. – Хорошая новость.

– Однако он тоже не в восторге от того, что тебе потом придется тащиться по всем этим лестницам. Поэтому мы с Клавдией решили, что ты должна будешь воспользоваться лифтом.

– Лифтом? Вот уж не знала, что у нас в доме есть лифт!

– Твой отец велел установить его незадолго до своей... до того, как он покинул нас. Ему с годами тоже стало трудно преодолевать все эти лестницы, – пояснила Ма. – А сейчас, милая, давай мы немного утеплим тебя, а потом спустимся вниз на лифте.

Я позволила Ма, к ее вящему удовольствию, укутать меня по своему усмотрению. После чего мы с ней пошли по коридору, я сгорала от нетерпения увидеть своими глазами, где же именно располагается лифт. Я уже направилась к лестнице, чтобы спуститься на этаж ниже, туда, где расположена папина спальня, но Ма остановила меня.

– Лифт здесь, милая.

Она извлекла из кармана своей юбки изящный серебряный ключик и направилась к стенке. Вставила ключ в небольшую скважину в деревянной панели, которой отделаны стены в коридоре, затем потянула за небольшую щеколду под замочной скважиной. Панель отъехала в сторону, и я увидела перед собой дверь из тика. Ма нажала на крохотную латунную кнопочку сбоку, и тут же послышался шум снизу, будто что-то вращается.

– Я и подумать не могла, когда была летом в Атлантиде, что у нас есть лифт, – обронила я в ожидании, когда кабинка подъедет на наш этаж. – Но почему папа оборудовал вход в лифт в мансарде, если его собственная комната находится ниже?

– Просто он хотел иметь свободный доступ на все этажи дома. До прошлой весны на этом месте располагался технический люк, который был приспособлен для всяких хозяйственных нужд, – объяснила Ма. В эту минуту раздался щелчок, оповещающий нас, что кабинка лифта прибыла на место. Ма открыла дверь в кабинку.

Хотя мы с ней обе худенькие, кабинка показалась мне узенькой: места для нас двоих было впритык. Внутри кабинка тоже была отделана полированным деревом. Что сразу же напомнило мне, что такого типа старинный лифт я видела когда-то в одном из гранд-отелей, сохранившем в своем интерьере атмосферу былых времен.

Ма закрыла кабинку лифта и нажала на одну из кнопок. Лифт двинулся вниз, а я тем временем обратила внимание на панель вызова, заметив там четыре кнопки, хотя, насколько мне известно, в нашем доме только три этажа.

– А куда эта кнопка? – указала я на последнюю в ряду.

– В цокольный этаж. Там у нас погреб, где твой отец хранил свои вина.

– А я и понятия не имела, что у нас в доме есть погреб. Поразительно, как это мы с сестрами не обнаружили его в детстве, когда обшаривали весь дом сверху донизу. И как же туда можно попасть?

– На лифте, конечно, – ответила Ма. В этот момент кабинка плавно остановила свое движение и замерла на месте. Мы вышли через еще одну дверь в панельной обшивке стен в самом дальнем конце коридора, неподалеку от кухни.

– Сейчас, Тигги, я возьму в раздевалке свое пальто и сапожки, и мы пойдем на улицу.

Ма ушла, а я потихоньку направилась в холл на выход. Что-то меня озадачило в объяснениях Ма, какая-то явная несостыковка сквозила в ее словах. Но где именно? И в чем? Я открыла входную дверь и полной грудью вдохнула в себя чистый, свежий воздух. Вот сейчас проветрю немного мозги, а потом подумаю.

И действительно, от свежего воздуха голова стала соображать гораздо лучше. Внезапно до меня дошло, что, коль скоро в погреб можно попасть только с помощью лифта, получается, лифт был в доме задолго до минувшей весны, когда, по словам Ма, отец озаботился тем, чтобы оборудовать его в Атлантиде. Как же он попадал в своей погреб с винами, когда в доме не было лифта? Вот вопрос так вопрос...

Тут ко мне присоединилась Ма, и мы вместе отправились на прогулку, благо было солнечно, хотя и довольно свежо. Я решила больше пока не возвращаться к той головоломке, которую мне задала тема с лифтом. Во всяком случае, оставить ее на какое-то время неразгаданной.

– Странно, – проговорила я, пока мы неспешно шли по дорожке, ведущей к озеру, – вроде здесь у нас тоже горы, и климат почти такой же, как в Киннаирде, но воздух... Здесь пахнет совсем по-другому.

– Ты подумываешь о возвращении в Шотландию после того, как поправишься? – спросила у меня Ма.

– Нет. Работа оказалась не совсем такой, как я предполагала изначально.

– А мне казалось, тебе там очень нравится, *cherie*. Или этот злополучный выстрел так напугал тебя?

– Нет. Это ведь было совпадением, неудачным совпадением, и только. Уверена, браконьер целился в Пегаса, а не в меня. Кстати, Ма, то письмо, которое ты мне отдала, оно из заповедника дикой природы в Малави. Вот приглашают меня на следующей неделе в Лондон, на собеседование для получения должности специалиста по охране диких животных.

– Малави? В Лондон на следующей неделе? – Ма бросила на меня взволнованный взгляд. – Надеюсь, ты не собираешься ехать туда?

– Мне бы очень хотелось попасть на собеседование. Это правда. Я же всегда мечтала об Африке, Ма, и тебе это прекрасно известно.

– Тигги, на данный момент ты еще не вполне оправилась от серьезного сердечного недуга. Ехать в Африку – это же... Это чистое безумие! И потом, что скажет Чарли?

– Чарли мне не начальник, Ма.

– Чарли – твой лечащий врач, Тигги, и ты обязана его слушать.

– Между прочим, я уже сообщила ему по электронной почте, что собираюсь обратиться за помощью к женеvским специалистам. Согласись, это ведь проще, чем летать каждый раз в Шотландию.

– И тем не менее ты всерьез планируешь поездку в Лондон, а потом, возможно, и в Малави? – Ма недобро сузила глаза. – Тигги, что происходит? Я ничего не понимаю.

– Ничего не происходит, Ма. Давай поговорим об этом после. Лучше расскажи мне о Майе.

Ма, поняв намек правильно, тотчас же переключилась на разговор о Майе.

– О, с ней все в полном порядке. Как здорово, что она наконец обрела свое счастье. Надеюсь, свадьба уже не за горами.

– Она собирается выйти замуж за Флориано?

– Так прямо она мне ничего не сказала об этом, но у меня такое чувство, что ей уже не терпится завести собственных ребятишек, пока она еще молода и может себе это позволить.

– Чудно! Ма, следующее поколение уже...

– Кстати, о следующем поколении. Сегодня утром я разговаривала с Алли. Она собирается на пару неделек в Атлантис вместе с маленьким Бэром. Не могу дождаться! Алли надеется, что ты еще тоже будешь здесь, – многозначительно добавила Ма.

– Даже если я слетаю в Лондон на собеседование, то постараюсь обязательно вернуться, чтобы увидеться с ними. Ну, а если уж никак не получится, то по крайней мере у тебя появится полноценная замена в лице малыша, и ты не станешь сильно скучать без меня. Будет над кем квохтать. Боже мой, кажется, еще вчера я сама была маленькой девочкой, болела и лежала в постели в этой же самой комнате, прислушиваясь к истошным крикам Электры, от которых сотрясался весь дом! – Я невольно улыбнулась, вспомнив, как все это было.

– Будем надеяться, что и сейчас ты уже на пути к полному выздоровлению. Однако, Тигги, холодает. Пора вернуться в дом.

– И немедленно в кровать, – приказала мне Ма, едва мы переступили порог. – Я принесу тебе чай наверх.

– Но вообще-то, коль скоро у нас есть лифт, которым можно пользоваться, можно я посижу хоть немножко на кухне вместе с тобой и Клавдией? Мне наверху так одиноко, – жалобно добавила я.

– *D'accord*, – согласилась Ма. – Давай сюда свое пальто. Пойду, повешу вместе с моим.

Я отдала ей пальто, а сама заторопилась по коридору на нашу просторную уютную кухню: в детстве это было мое любимое место в доме. Когда я болела, то самой большой наградой для меня было позволение спуститься вниз и побыть какое-то время вместе с Клавдией. Я тут же бралась помогать ей готовить, а Ма в это время занималась какими-то другими делами.

– Знаешь, Клавдия, если бы запахи можно было закупоривать в бутылочки, то я обязательно купила бы себе бутылочку с запахом твоей кухни, – сказала я, заходя на кухню и целуя экономку в щеку. Клавдия тотчас же отвернулась от кастрюли, в которой помешивала какой-то очень вкусно пахнущий суп. От моих слов ее морщинистое лицо расплылось от удовольствия.

– Тогда нам пришлось бы выпускать целую серию самых разных запахов, потому что даже в течение одного дня на кухне могут витать

самые разные запахи. – Клавдия наполнила чайник водой и включила его.

– Ты видишь, Клавдия? Я уже спустилась вниз. И даже выходила вместе с Ма на небольшую прогулку.

– Вижу, вижу. И я только рада этому. Я тоже думаю, что тебе нужен свежий воздух. А Марину, как и большинство парижан, свежий воздух просто ужасает.

Я уже привыкла к уничижительным выпадам Клавдии в адрес французов. Будучи немкой, да еще в преклонных годах, не так-то просто избавиться от застарелой вражды. Как сказали бы сами французы, такая своеобразная дань этикету, *de regueur*.

– Трудно тебе сейчас... работается без папы? – спросила я у нее.

– Конечно, трудно, Тигги. Еще как трудно. Нам всем сейчас приходится трудно. Без твоего отца дом потерял свою душу... Я...

Впервые за всю свою жизнь я увидела Клавдию на грани слез. И хотя мои отношения с нашей экономкой были гораздо более тесными и доверительными, чем у других моих сестер, еще никогда я не видела ее в таком эмоциональном состоянии.

– Хотелось бы, чтобы все сложилось по-другому, – бросила она и жестом указала мне на стул, потом поставила передо мной тарелку с двумя сдобными булочками и небольшую вазочку с вареньем.

– Чтобы Па Солт был жив, да?

– Да, именно это я и хотела сказать.

Но тут на кухню вошла Ма, и Клавдия сразу же нацепила на себя свое обычное непроницаемое выражение лица.

– Чаю? – обратилась она к ней.

Через пятнадцать минут Ма настоятельно потребовала, чтобы я вернулась к себе и прилегла немного отдохнуть. Увидев, как она достает ключ от лифта из коробочки для ключей, стоявшей рядом с дверью, я тут же почувствовала себя заключенным, которого снова насильно водворяют в камеру. В холле я примостилась у Ма за спиной и внимательно наблюдала за тем, как она отпирает дверь в панели, а потом сдвигает ее в сторону. Потом проследила, как именно она открывает дверь, чтобы попасть в кабинку лифта.

– А почему папа решил не афишировать, что у нас дома есть лифт? Как думаешь, Ма? – спросила я, пока лифт вез нас наверх.

– И не спрашивай меня, *cherie*. Понятия не имею. Вполне возможно, он просто не хотел, чтобы вы, девочки, без конца катались на нем туда-сюда. А может быть, и самолюбие разыграло. Не хотел показывать своим дочерям, каким он стал слабым и немощным.

– То есть сердечный приступ был не внезапным?

– Я... Нет... То есть да... Что, между прочим, лишний раз доказывает, какими серьезными могут быть проблемы, связанные с сердцем. С этим не шутят, – намеренно подчеркнула Ма, когда лифт остановился на нашем этаже. – Пока ложись отдыхать, Тигги, а я подумаю над тем, можно ли тебе поужинать вместе с нами внизу.

Ма распрощалась со мной у дверей моей комнаты. Оставшись одна, я подошла к окну, уселась на подоконник и принялась упорядочивать свои мысли. Хотя за свою жизнь я перевидала в Атлантике множество дивных заходов солнца, но всякий раз это зрелище наполняло мою душу неизъяснимым волнением. Вот и сейчас лучи заходящего солнца подсвечивали горы, заливая их золотисто-оранжевым светом. Такое впечатление, что они полыхают в огне. Но зато какой же гнетущей кажется мне нынешняя тишина в доме. В прошлом Атлантик всегда полнился звуками: музыка, доносившаяся из комнаты какой-нибудь из сестер, веселый смех, громкие пререкания, жужжание мотора нашего скоростного катера, устремляющегося по водной глади к причалу, мерный гул газонокосилки, работающей на лужайке.

А сейчас, несмотря на присутствие в доме Ма и Клавдии, он кажется мертвым. Такое ощущение, будто из него вдруг исчезла вся жизненная энергия и сила, которую когда-то он черпал у отца и моих сестер. И сейчас в доме обитают лишь призраки, призраки прошлого. Как это грустно, и как же, должно быть, угнетает такая атмосфера. Интересно, каково Ма и Клавдии жить в этом огромном пустом доме? И так изо дня в день... И что им здесь делать? Собственно, Клавдия готовит еду только для одной Ма, да еще следит за порядком в доме, куда сейчас так редко навещаются мои сестры. А Ма? Каково это – остаться в огромном, но опустевшем гнезде? Ведь Атлантик был для обеих женщин смыслом их жизни, а сейчас наверняка им кажется, что перед ними разверзлась зияющая пропасть.

– Я не хочу здесь оставаться без папы и без сестер, – пробормотала я, сползая с подоконника. А ведь мне действительно

стало заметно лучше. И уж, во всяком случае, двух с половиной недель в Атлантике мне вполне хватило, чтобы понять, что я уже переросла дом своего детства.

– Я хочу снова вернуться к своей жизни, – проговорила я, обращаясь к себе. – Точнее, мне еще предстоит *найти эту свою жизнь*.

Я открыла ноутбук и снова перечитала письмо, полученное из Национального парка-заповедника в Малави, а затем, недолго думая, отбила им ответ по электронной почте: написала, что обязательно приеду в Лондон для прохождения собеседования.

И сразу же полегчало на душе: все же сделала, пусть и небольшой, но шаг навстречу этой моей новой жизни. А потом мысли снова завертелись вокруг Атлантики. На сегодняшнюю ночь я запланировала одно мероприятие...

* * *

Как назло, Ма завозилась со своими делами допоздна, и было уже далеко за полночь, когда я услышала, как хлопнула дверь в ее комнату. Я выждала еще добрых минут двадцать. Коротала время, выучивая наизусть составы тех снадобий, которые мне дала Ангелина, а заодно и освежала в памяти слова запрещенного проклятия. Не знаю, почему мне втемяшилось в голову, что я ни в коем случае не должна забыть эти слова, а в результате каждый день сознание подсказывало мне, что я должна повторить их.

Но вот наконец дом погрузился в сон. Я натянула на ноги пару старых угги, влезла в толстый шерстяной свитер и взяла в руки фонарик, который Ма всегда оставляет на прикроватной тумбочке. Я тихонько выскользнула из спальни и на цыпочках прошла по коридору в сторону лестницы. Там включила фонарик, чтобы облегчить себе спуск на первый этаж. На кухне сразу же направилась к коробочке с ключами, извлекла оттуда тот ключ, которым Ма открывала лифт, и вернулась в коридор на поиски нужной мне панели. Нашла и справилась с открытием двери, потом посветила фонариком на дверцу лифта. Что, если шум работающего лифта разбудит Ма? Впрочем, ее апартаменты на самом верхнем этаже, к тому же в самой дальней части коридора. Авось пронесет.

Я нажала на кнопку вызова, и через пару секунд лифт прибыл на место. Я вошла в кабинку и посветила фонариком на ряд латунных кнопок, обозначающих этажи. Нажала на самую нижнюю. Лифт слегка дернулся, а потом кабинка поехала вниз и вскоре затормозила. Я открыла дверцу и ничего не увидела: сплошная темень. Снова включила фонарик и сделала шаг. Но как только моя нога коснулась бетонного пола, внезапно все пространство вокруг меня озарилось светом.

Я огляделась по сторонам. Судя по всему, Ма сказала мне правду. Перед моим взором предстал более современный вариант погреба вместо обычного сырого склепа. Правда, потолки низкие, но само помещение просторное, скорее всего, по площади оно точно повторяет размеры кухни. Вдоль стен протянулись стеллажи, уставленные бутылками с вином. Интересно, сколько лет они тут лежат, мелькнуло у меня, если вспомнить, что отец пил вино только по каким-то знаменательным случаям и по праздникам. И тем не менее собрал такую обширную коллекцию вин. Я прошлась по комнате, осторожно смела пыль с некоторых бутылок, чувствуя одновременно и разочарование, и облегчение. Короче, тут я не увидела ничего такого, что ожидала увидеть.

Я перевела взгляд наверх и увидела моль, мечущуюся рядом с лампочкой, вмонтированной в потолок. Потом глаз мой сместился ниже, и тут я заметила брешь в одной из стен, умело замаскированную винным стеллажом. Я подошла ближе.

– Ну, положим, стеллаж тебе точно не сдвинуть с места, Тигги, – обронила я негромко и принялась снимать бутылки с двух средних рядов, после чего посветила фонариком в освободившееся пространство. Луч фонарика выхватил из полумрака еще одну панель, точь-в-точь как та, за которой был спрятан лифт в коридоре. Я сняла еще один ряд бутылок с нижней полки и увидела в стене небольшую замочную скважину.

Сердце мое затрепетало от волнения, когда я достала ключ от лифта и попыталась вставить его в скважину. Ключ вошел идеально, я услышала, как он повернулся с негромким металлическим щелчком. Тогда я взялась за щеколду и стала дергать ее в разные стороны: вперед, назад, в сторону, как я это проделывала с дверью в панели

наверху. К сожалению, винные стеллажи стояли впрыток к стене, оставляя совсем крохотное пространство для манипуляций с дверью.

– Вот черт! – раздосадованно воскликнула я, и мои слова эхом отозвались в подвале. Однако же усталость взяла свое. Остатки сил я потратила на то, чтобы закрыть панельную дверь и вернуть ее на прежнее место, а потом снова водрузила на стеллажи снятые с полок бутылки. Словом, навела порядок, все, как было.

– С какой стати мне переживать из-за того, что я сделала? В конце концов, я тоже являюсь владелицей этого дома и могу делать в нем все, что захочу, – убеждала я себя, пробираясь к лифту и тяжело дыша. Когда я подошла к нему, то увидела, что дверь взята в стальной каркас и что рядом находятся еще две двери, на которые я поначалу даже не обратила внимания, поскольку они тоже были искусно замаскированы стальной обшивкой. Тут же сбоку расположилась кнопка. Готова поспорить на что угодно, что именно с помощью этой кнопки двери сдвигаются с места и поднимаются вверх, скрываясь где-то в стенке под потолком.

– Что-то очень похожее на бронированную банковскую ячейку, – пробормотала я про себя. Велик был соблазн нажать на эту кнопку, но я вовремя сообразила, что если стальная дверца захлопнется за мной, то я окажусь в ловушке, из которой мне уже вовек не выбраться наружу.

Минут через десять я устало вскарабкалась на свою кровать и погрузилась в размышления. Как же мне узнать, что там спрятано на самом деле?

36

На следующее утро в мою комнату вошла Ма с подносом в руках, на котором стоял завтрак.

– *Bon matin, cherie*, – поздоровалась она и, как только я села на постели, поставила поднос мне на колени. – Как спалось?

Возможно, мне показалось, но почему-то я не сомневалась в том, что в чистом взгляде ее зеленых глаз отчетливо промелькнула тень подозрения.

– Чувствую себя очень хорошо, спасибо, – бодро отрапортовала я. – А что, у Клавдии сегодня выходной?

– Даже три выходных. Она отправилась навестить какую-то свою родственницу. Так что сейчас во всем доме остались только мы с тобой. Я уже говорила Сиси, когда останавливалась у нее в Лондоне, что готовить я практически не умею. Но Клавдия оставила для тебя в морозильнике твою специальную еду. Мне же нужно будет только разморозить ее, а потом подогреть.

– Не волнуйся, Ма. На самый крайний случай знай, что я могу приготовить нам двоим запеканку с орехами, – улыбнулась я в ответ.

– Надеюсь, до этого дело не дойдет, – слегка поморщила свой носик Ма. Как истинная парижанка, она была снобом в том, что касается еды, а уж блюдо, когда на тарелке рядом с гарниром не красуется хороший кусок мяса, и вовсе считала пародией на еду. – После того как расправишься со своим завтраком, я измерю тебе давление. Что-то ты сегодня чересчур бледненькая, милая. – Ма окинула меня внимательным взглядом, а я изо всех сил постаралась не покраснеть под ее пристальным взглядом. – Ты что? Не спала сегодня?

– Отлично спала, Ма. Честно! Кстати, я хочу попросить тебя, чтобы ты связалась с доктором Гербером. Пусть порекомендует мне какого-нибудь хорошего кардиолога здесь, в Женеве.

– Ах, Тигги, доктор Гербер скончался несколько месяцев тому назад. Но я обязательно свяжусь с кардиологической клиникой. Ты уверена, что не хочешь более наблюдаться у Чарли?

– Да, уверена. И мне хотелось бы как можно скорее получить на руки рекомендации других специалистов. Я ведь собираюсь на собеседование в Лондон, а раз так, то мне позарез нужна справка о том, что я здорова. Иначе мне никогда не получить эту работу.

– Ты знаешь, Тигги, мое отношение к этой твоей затее, но ты уже взрослая женщина. Увы, не дитя. И потому обещаю тебе, я наведу все необходимые справки. А сейчас, пожалуйста, завтракай, а я загляну к тебе чуть позже.

Я ела и продолжала обдумывать все, что увидела минувшей ночью в подвале. Особенно меня заинтриговали пуленепробиваемые стальные двери. В конце концов я решила, что спрошу у Ма напрямую, что бы все это значило. В этот момент я услышала, как зазвонил городской телефон, а через пару минут в комнате появилась Ма с трубкой.

– Это тебя. Представилась как твоя подруга.

– Спасибо, – поблагодарила я, беря трубку. – Алло?

– Привет, Тигги. Это Зара. Ну, как ты?

– Привет, Зара. Рада слышать тебя, – улыбнулась я в трубку. – Мне уже гораздо лучше, спасибо. А как ты?

– Все хорошо. Я, кстати, в аэропорту Женевы.

– *Что?!*

– Объясни мне, как к тебе добраться по озеру?

– Я... Зара, откуда ты знаешь номер нашего домашнего телефона?

– Подсмотрела в папином мобильнике.

– Прекрасно! А родители знают, где ты сейчас?

– Э-э-э... Объясню тебе все при встрече.

– Подожди минутку... – Я отвела трубку в сторону и беззвучно прошептала Ма. – Она в Женеве. А где Кристиан?

– Повез Клавдию в аэропорт. Наверняка он еще там или где-то рядом, – ответила мне Ма.

Я приказала Заре дожидаться возле справочного бюро, а сама принялась названивать Кристиану, чтобы тот забрал Зару из аэропорта.

– Что она здесь делает, Тигги? Ее родители в курсе? – спросила Ма.

– Очень сильно сомневаюсь в этом. Она у нас такая непредсказуемая мисс. Любит при случае удрать из дома.

– Тогда мы должны незамедлительно позвонить Чарли.

– Пожалуйста, Ма, сделай это за меня, ладно?

– Я могу, конечно. Но неужели ты сама не хочешь перекинуться с ним парой слов?

– Скажи, что я попрошу Зару тотчас же перезвонить ему, как только она объявится у нас дома.

– *D'accord*, но... Чарли был так добр к тебе, Тигги. Почему же ты не желаешь даже поговорить с ним?

– Я... не хочу, и все тут!

– Понятно, – сдалась Ма. – Что ж, если девочка задержится у нас на пару дней, я размещу ее в комнате Алли, рядом с тобой, *cherie*.

– Спасибо.

– Она проблемный ребенок, Тигги?

– Зара – замечательная девочка, просто у них в семье все очень сложно.

– Что ж, тогда будем надеяться, что ее появление в Атлантиде никоим образом не повлияет на процесс твоего выздоровления. В конце концов, ответственность за нее несут ее родители, а не ты. Иду звонить ее отцу. – С этими словами Ма круто развернулась на своих элегантных каблуках и вышла из комнаты.

* * *

– Тигги!.. – Зара ворвалась ко мне в комнату, подбежала к кровати и крепко обняла. – Как ты себя чувствуешь? – спросила она, присаживаясь на кровать.

– Чувствую себя превосходно, Зара, но Ма настаивает на том, чтобы большую часть времени я соблюдала постельный режим.

– И это только для твоего же блага, Тигги. Мы все хотим видеть тебя здоровой.

– Но я вполне здорова, – заверила я девочку, уловив нотки раздражения в своем голосе. – Лучше скажи, что ты здесь делаешь? Ма уже позвонила твоему отцу, сообщила ему, что ты у нас. Он попросил, чтобы ты незамедлительно связалась с ним. Сию же минуту!

– Если честно, то я вообще удивляюсь, что он заметил мое отсутствие в доме. У нас же сейчас каникулы в школе. Вот я и торчу дома, но его не вижу целыми днями.

– А что же твоя мама?

– Вот здесь вообще чудо из чудес! Представляешь, Тигги, она сейчас в Киннаирде. Сама поехала, по своей воле. Словом, абсолютно не понимаю, что творится у нас в семье. – Зара вздохнула. – Но происходит что-то нехорошее, нутром чую. Ты же знаешь, мама всегда ненавидела Киннаирд, и вдруг ни с того ни с сего она объявляет папе, что собирается лично заняться управлением имением, поскольку папе вечно недосуг.

– Но это же хорошая новость, разве не так? Значит, ты тоже сможешь проводить больше времени в Киннаирде.

– Как бы не так! Меня ведь туда никто не зовет, – проворчала в ответ Зара. – Мама сказала, что нечего мне делать в Киннаирде, а потому она меня с собой не берет. Дескать, сиди дома и наверстывай все, что пропустила по учебе, пока не ходила в школу.

– Где-то ее можно понять, Зара. В Киннаирде тебе точно будет не до учебы. Слишком много отвлекающих моментов.

– Наверное, ты права. – Зара глянула в окно, откуда открывался чудесный вид на Женевское озеро. – Вау, Тигги! Ваш дом похож на волшебный замок из сказки. Он такой красивый. И твоя Ма очень милая женщина. Кристиан пообещал научить меня управлять катером, если захочу. А он что надо, правда, Тигги? Хотя, конечно, староват.

– Пожалуй, да, – улыбнулась я столь безапелляционной оценке. – Я помню Кристиана с детства. Мне кажется, он был в нашем доме всегда. А потому я как-то и не замечаю его возраста.

– Между прочим, ему звонила твоя сестра Электра, пока мы ехали к вам сюда на катере. Так что он на меня даже и не глянул. Будет он тут тратить свое время на какую-то девчонку, когда у него на проводе всемирно известная супермодель. Так ведь? – смиренно пожала плечами Зара.

– Электра звонила Кристиану? – искренне удивилась я. – Я уже сама много месяцев не имела от нее никакой весточки.

– Да, звонила. А какая она, ваша Электра?

– О, Электра – это дитя стихии. В ней сосредоточены все силы природы, – обтекаемо ответила я. В нашей семье всегда существовало негласное правило – не обсуждать с посторонними нашу самую знаменитую сестру. – А сейчас, – поспешила я перевести разговор на другое, – пойдём, я покажу тебе твою комнату, и ты сможешь привести себя в порядок с дороги.

– Ладно.

Я повела Зару по коридору, в который выходили комнаты всех сестер, к дверям спальни Алли.

– Здорово, наверное, расти в семье, где целых шесть девчонок, – промолвила Зара, когда мы переступили порог комнаты Алли. – Это ведь все равно что постоянно жить с подружками в школе-интернате. Во всяком случае, всегда было с кем поиграть, – грустно добавила она. – И уж, конечно, в такой большой семье никогда не будешь чувствовать себя одиноким.

– Знаешь, в детстве я была довольно болезненным ребенком, а потому много времени проводила в одиночестве. Но ты права, это очень здорово, когда у тебя столько сестер. А сейчас, думаю, тебе пора позвонить папе.

– Хорошо, – согласилась Зара, в глазах ее тут же отразилось смятение.

Мы вместе спустились вниз, и я отвела Зару на кухню.

– Дорогая, что ты себе позволяешь? Ты же прекрасно знаешь, что тебе нельзя... – тут же набросилась на меня Ма.

– Честное слово, Ма, – перебила я ее, – я чувствую себя превосходно. А потому с удовольствием пообедаю вместе с тобой и Зарой здесь, внизу, но только после того, как Зара позвонит отцу. – Я сняла с рычага телефонную трубку и протянула ее девочке.

– Спасибо, – невнятно пробормотала Зара и, взяв трубку, направилась к дверям, попутно набирая номер.

– Надеюсь, она все же позвонит отцу, – промолвила я, когда за девочкой закрылась дверь, обращаясь уже к Ма, которая хлопотала возле плиты и, согнувшись, внимательно разглядывала то, что творится сейчас в духовке.

– Как думаешь, Тигги, сколько нужно времени, чтобы разогреть ореховую запеканку?

– Не волнуйся, Ма, я сама прослежу.

– *Merci*, – облегченно вздохнула Ма. В этот момент дверь отворилась, и на кухне снова появилась Зара.

– Я оставила папе голосовое сообщение. Сказала, что я уже у вас и у меня все хорошо.

– А ты, Зара, как относишься к ореховой запеканке? – поинтересовалась у нее Ма, накрывая на стол.

– Очень положительно. Спасибо. После знакомства с Тигги я тоже пытаюсь не есть мяса, хотя время от времени не могу себе отказать в удовольствии слопать сэндвич с ветчиной.

– Не переживай, – поспешила я успокоить ее и ободряюще улыбнулась. – Все мы время от времени грешим, нарушая собственные правила. Хотя если говорить о себе, то признаюсь, как на духу. Мне действительно не нравится свинина, когда я изредка пробую кусочек другой. Как думаешь, Ма? Если я почищу еще немного овощей к нашей запеканке?

Наконец мы уселись за стол. Зара буквально засыпала Ма вопросами об Атлантике и обо всех моих сестрах. Я молча наблюдала за тем, как Ма, погружившись в свои любимые воспоминания о нас,

девочках, когда все мы еще были детьми, постепенно расслабляется и добреет.

– Как бы мне хотелось тоже быть в числе ваших воспитанниц, – с грустью в голосе вздохнула Зара.

А я, поднявшись из-за стола, вынула из холодильника лимонный торт, который оставила нам Клавдия, и налила в чашку Ма ее традиционный послеобеденный эспрессо.

– Зара, пудинг будешь? – спросила я у девочки.

– Нет, спасибо. Мне надо в уборную заглянуть.

– Славная девочка, – констатировала Ма, когда Зара вышла из кухни. – Однако, Тигги, такое общество – это не совсем то, что тебе сейчас нужно.

Вечно ты подбираешь всяких бездомных и беспризорных...

– Да они сами меня находят, Ма. К тому же польза от такого общения обоюдная. Да и потом, мне нравится Зара. А сейчас, если не возражаешь, хочу немного подышать свежим воздухом, пока еще не стемнело, – сказала я, заметив на горизонте Зару. – Хочешь со мной прогуляться?

– С удовольствием! – воскликнула Зара, и мы поспешили ретироваться, пока Ма не стала озвучивать вслух очередную порцию своих претензий.

– Как здесь спокойно, – обронила Зара, когда мы направились по газону вниз, к озеру. На траве блестели капельки воды, которые ночью наверняка превратятся в иней. Все же по ночам еще стоят морозы.

– О, когда я тут росла, то покоя было гораздо меньше. Как-никак, а еще пять сестер рядом, – заметила я. – Вечно кто-то с кем-то ругался или выяснял отношения. Крики, шум... А вот любимый уголок моего папы. Очень жаль, что еще только март и из цветов можно будет увидеть разве что подснежники да зимние фиалки. Зато летом здесь все утопает в розах. – Я присела на скамью, а Зара прошлась вокруг и замерла возле армиллярной сферы, установленной прямо в центре сада. Через какое-то время она поманила меня к себе, чтобы я объяснила ей, что это такое и расшифровала все надписи.

– Выходит, одна сестра у вас отсутствует? Вот здорово, Тигги! Не хочешь ее отыскать?

– Да я даже понятия не имею, существует ли она на самом деле. Уверена, что если бы она была, то папа уже давным-давно отыскал бы

ее сам.

– Вполне возможно, она сама не хочет, чтобы ее нашли, – резонно заметила Зара, усаживаясь рядом со мной на скамью. – Я бы тоже хотела иметь брата или сестру, – добавила она с грустью.

Стало смеркаться, да и холодом повеяло, а потому мы заторопились обратно в дом. Ма встретила нас в холле с телефонной трубкой в руке, которую тут же протянула Заре.

– Твой отец на проводе, *cherie*, – сказала она ей.

Пока Зара разговаривала с отцом, я открыла дверь в гостиную. Эта комната всегда ассоциировалась у меня с Рождеством. Три удобных дивана, расположенных в форме буквы U вокруг камина с поленьями дров, готовыми к употреблению. И, как правило, в гостиной всегда полыхал камин. Вот и сейчас, стоило мне только поднести спичку, сразу же занялся огонь: дрова уже успели изрядно высохнуть за несколько недель лежания в доме.

– Как здесь красиво, – сказала Зара, присаживаясь рядом со мной возле набирающего силу огня.

– Что тебе сказал отец?

– Велел немедленно возвращаться домой. Заказал мне билет на самолет уже на завтра и сказал, что лично встретит меня в аэропорту Инвернесса, чтобы я никуда не удрала в очередной раз.

– Наверное, так действительно будет лучше. И все же, Зара, ты должна, мне кажется, поговорить с отцом и попытаться прояснить всю ситуацию вокруг того, что происходит у вас дома. Особенно сейчас, когда матери нет рядом, а он целыми днями пропадает в своей клинике.

– Пожалуйста, Тигги, поехали вместе со мной, – взмолилась вдруг Зара, и в глазах ее тоже застыла немая мольба. – Я боюсь за папу. Выглядит он сейчас ужасно. Так, будто не спал много-много месяцев. И он категорически отказывается ехать в Киннаирд. Но тебе же, Тигги, он доверяет. Ты ему сейчас очень нужна...

– Зара, я...

– Ну, пожалуйста, Тигги! Полетим вместе, ладно? Ведь ты и мне нужна. Ты же единственный человек, с кем я могу поговорить по душам.

Я поднялась с дивана, чтобы слегка пошевелить дрова и чтобы не встречаться взглядом с умоляющими глазами Зары. Внутренний голос

нашептывал мне, что сама по себе идея навестить Киннаирд *совсем даже не плоха*. Во всяком случае, заберу свои вещи, распрощаюсь, как положено, с Кэлом, Тистлом, Берил. К тому же мне ведь все равно на следующей неделе надо лететь в Британию, чтобы попасть на собеседование...

– Хорошо. Будь по-твоему, – сдалась я. – Летим!

Зара издала радостный вопль и бросилась обнимать меня, а я в этот момент готова была возненавидеть себя за ту волну радостного возбуждения, которую почувствовала при одной только мысли о том, что скоро снова увижу Чарли.

37

– Вот так сюрприз! – совершенно искренне удивилась Зара, когда мы вышли из терминала аэропорта в Инвернесе. Она глянула на меня, оторвавшись на минуту от своего мобильного. – Папа только что прислал мне эсмэску. Пишет, что встречать он нас не будет. Ему надо было срочно выехать в Киннаирд. А нам предстоит добираться туда на такси.

– На такси так на такси, – согласилась я, направляясь вслед за Зарой к стоянке такси.

Все полтора часа пути, что заняла наша дорога до Киннаирда, я, вглядываясь в окрестные пейзажи, ловила первые признаки наступления весны. Ручьи, мимо которых мы проезжали, бурлили от переизбытка тающего снега, постепенно сползающего с гор по мере того, как температура устремилась в сторону плюса. Озеро радовало взор своей голубизной, сливаясь с таким же голубым безоблачным небом, залитым ярким весенним солнцем. Кое-где вдоль берега уже дерзко проклюнулись в живописном беспорядке первые нарциссы. По мере того как такси поднималось все выше и выше в гору по направлению к Киннаирд-лодж, я разглядела на окрестных лугах и зеленые проталины, притаившиеся среди тающего снега.

Зара настояла на том, что сама отнесет мой рюкзак в наш коттедж. Кэл встречал меня на пороге дома.

– Привет, пропажа! Страница ты наша! – воскликнул он, своими огромными ручищами заключая меня в объятия. Однако обниматься долго не пришлось: уже через пару секунд к нам стремительно

подкатился огромный шар серого меха. Тистл тут же встал на задние лапы, передние водрузил мне на плечи и стал жадно облизывать мне лицо.

– Явно рад твоему возвращению, – весело хохотнул Кэл. – Вишь, как старается. А вообще-то думаю, пора нам нацепить на тебя и на Зару специальные бирки, чтобы в случае чего знать, где вас черти носят, любительницы путешествий. Ну, как ты, Тиг? – спросил он у меня. Тистл, удостоверившись наконец, что я – это действительно я, живая и невредимая, потрусил к Заре, чтобы поздороваться и с ней.

– Гораздо лучше, спасибо. Прости меня, Кэл, за то, что доставила тебе столько хлопот.

– Что правда, то правда! Доставила! Не стану отрицать... Лэрд тут места себе не находил, когда узнал, что ты исчезла. Однако, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается. К сожалению, пока не могу сказать то же самое о том, что творится здесь, у нас. После твоего отъезда, Тиг, тут, можно сказать, все пошло в разнос. – Кэл слегка понизил голос, чтобы не услышала Зара, которая осталась играть с Тистлом во дворе. – Тебе Чарли что-нибудь говорил?

– Да, в общих чертах, когда прилетал ко мне в Испанию. Что-то там о претензиях на наследство.

– Да, но это еще цветочки. – Кэл перешел на шепот, заметив, что Зара направляется к дверям в дом.

– Пойдем, посмотрим наших диких кошечек, пока совсем не стемнело, – предложила я ей и ободряюще улыбнулась. – Как они там поживают, Кэл?

– По-моему, все они в отличной форме, насколько я могу судить. По-прежнему не расположены к общению, хотя, видит бог, я старался как мог.

Кэл ничуть не преувеличил. Вот и мне в отместку за то, что я так неожиданно исчезла из их поля зрения, был объявлен бойкот: кошки категорически отказались выйти из своих убежищ. Правда, Заре все же удалось отыскать Пуози, которая сидела в своей любимой коробке, и я даже попыталась выманить ее, но тщетно.

– Они не из тех животных, кто сильно благодарен человеку за хороший уход, правда ведь? – заметила Зара, когда мы подошли к черному ходу в Киннаирд-лодж. Она открыла дверь, и мы тут же услышали громкий женский плач.

– Да, они очень независимые создания, ты права. Это не мама ли твоя? – спросила я, уже приготовившись бежать без оглядки к себе домой.

– Нет, это не она. – Зара переступила порог и тут же поманила меня за собой.

– Пожалуй, мне лучше вернуться к себе, я думаю...

– Тигги, *прошу тебя!* Давай посмотрим, кто это так плачет.

Я неохотно поплелась вслед за Зарой, намеренно отставая от нее на несколько шагов. Но вот она свернула из коридора в сторону кухни и открыла дверь.

– Ой, Берил! Что случилось? – услышала я взволнованный голосок Зары, сама же осталась в коридоре, предпочитая оставаться незамеченной.

– Ничего не случилось, милая, абсолютно ничего.

– Но вы чем-то очень сильно расстроены, так? А со мной Тигги приехала. Тигги, ты где? – окликнула меня Зара, и я нехотя переступила порог кухни.

– Я тут немножко простыла. Вот глаза у меня и слезятся, – пустилась в объяснения Берил. – Здравствуйте, Тигги.

– Добрый день, Берил, – ответила я, видя, с каким трудом она пытается взять себя в руки.

Но вот она вытерла глаза и повернулась к Заре.

– Зара, будь добра, принеси мне из кладовки пару яиц.

– Сию минуту. – Зара правильно истолковала намек и, бросив на меня смущенный взгляд, пулей выскочила из кухни.

– Берил, что с вами? Что случилось?

– Ах, Тигги, тут такое творится... Такое... Не надо было мне говорить ему ничего, тогда бы он и не приехал и я бы не поспособствовала тому, что бедный лэрд оказался в такой ужасной ситуации. Будь проклят тот день, когда я произвела его на свет! От него у меня все несчастья. Но я пришла сюда, чтобы вручить лэрду свое заявление. И сейчас же отправляюсь паковать вещи. Ухожу немедленно! – Берил протянула мне конверт. – Пожалуйста, Тигги, проследите за тем, чтобы лэрд получил это. Наверняка он ждет от меня такого шага.

– Если честно, Берил, то я ровным счетом ничего не поняла из того, что вы мне сказали, – ответила я и направилась вслед за ней по

коридору в сторону гардеробной. Там Берил принялась торопливо натягивать на ноги теплые зимние сапоги, следом надела толстую куртку, нахлобучила шляпу, взяла перчатки, со всей очевидностью демонстрируя мне, что она возвращается к себе домой.

– Увы-увы, скоро все узнаете! – бросила она в ответ.

– Я... Разве вам самой, Берил, не кажется, что вам лучше задержаться и переговорить с Чарли. Что бы там ни стряслось, но без вас он тут пропадет.

– После всего того, что здесь было, Тигги, он будет только рад никогда более не видеть меня. Это я вам правду говорю. Ведь фактически я разрушила семью Киннаирд, и двух мнений тут быть не может. – Берил бросила на меня последний взгляд, исполненный отчаяния, и вышла через черный ход на улицу.

– Вот так дела! – негромко воскликнула Зара, появляясь в коридоре с яйцами в руке. Она увидела, как за Берил закрылась дверь. – По-моему, она чем-то дико расстроена. Я права, Тигги?

– Права. Она только что объявила мне, что уходит навсегда.

– Но это же невозможно! Киннаирд без Берил – это все равно что... папа без стетоскопа. Киннаирд-лодж – это же ее дом. И всегда был ее домом! – Зара бросила по сторонам растерянный взгляд. – По всему получается, что сегодня вечером ужин для нас с папой придется готовить мне. Если, конечно, мама не объявится в самый последний момент...

Мы с ней снова вернулись на кухню, но в этот момент услышали, как отворилась дверь в гостиную. Оттуда вышел Чарли в сопровождении какого-то незнакомого мужчины в твидовом костюме. Они оба двинулись вдоль коридора в сторону парадной двери.

– Спасибо, Джеймс, что откликнулись на мою просьбу, приехали так быстро и все разъяснили. По крайней мере, сейчас я хоть знаю, что меня ждет, – обронил Чарли, проходя мимо нашей двери.

– На данный момент ситуация у вас складывается не самая простая, но я уверен, мы обязательно найдем приемлемое решение. Всего вам доброго, милорд.

Следом хлопнула входная дверь в холле, а потом послышался протяжный вздох Чарли. Он снова двинулся по коридору в обратную сторону. И тут Зара не выдержала и выскочила из кухни.

– Привет, папочка! А вот и мы! Кто этот человек? – спросила она у него.

– Это мой адвокат, Зара. О, Тигги! Рад видеть вас. – По лицу Чарли разлилось изумление, когда он увидел меня, мельтешащую за спиной Зары. – А я и не знал, что вы приедете.

– Что тут происходит, папа? Мы только что застали Берил, всю в слезах. Она сказала, что уходит от нас.

– О боже! А где она сейчас? Я должен обязательно переговорить с ней.

Опустошенным был не только взгляд Чарли, в его голосе тоже сквозило полнейшее отчаяние.

– Как ты с ней переговоришь, если она уже ушла? – резонно возразила Зара.

– Она оставила вам вот это, – подала я голос и протянула Чарли конверт.

– Могу догадаться, что там, – расстроено обронил он, беря в руки конверт.

– Папа, ты, в конце концов, расскажешь мне, что тут творится? Оставь на минуту Берил! Лучше скажи, где мама?

– Я...

Чарли взглянул на дочь, потом в смятении перевел взгляд на меня и наконец затряс головой, не в силах совладать со своими эмоциями.

– Папа, перестань обращаться со мной как с двухлетней девочкой. Я уже взрослая и, в конце концов, тоже хочу знать, что у нас происходит!

– Хорошо! – подавленно кивнул он. – Тогда пошли все вместе в парадную гостиную. Там сядем и поговорим. Во всяком случае, я хоть хлебну немного виски. Оно сейчас мне как нельзя кстати.

– Почему бы вам не поговорить вдвоем? – тут же предложила я. – А мне пора к себе.

– Тигги, пожалуйста, останься! – взмолилась Зара. – Ты ведь не против, папа?

– Совсем нет. – Чарли выдавил из себя слабую улыбку. – Вы всегда были выше всяких похвал, Тигги. И наверное, вам тоже будет интересно узнать всю правду без прикрас. Все как есть. Ведь в какой-то степени речь идет и о вашем будущем.

Втроем мы направились в парадную гостиную. Мы с Зарой устроились на диване, а Чарли двинулся к бару. Извлек оттуда бутылку виски и плеснул себе в стакан на добрую треть. Потом уселся в кресло возле камина и сделал большой глоток.

– Итак, Зара, ты хочешь, чтобы с тобой обращались как со взрослой. Что ж, именно так я и поступлю сейчас. И начну с главного. Мне очень жаль, дорогая, сообщать тебе эту новость, но твоя мама потребовала у меня развод.

– Так, – отреагировала Зара спокойным кивком головы. – Здесь нет для меня никакого шока, папа. Воистину мне надо было бы ослепнуть и оглохнуть, чтобы начать думать, что вы счастливы вместе.

– Мне жаль, Зара, что все так вышло.

– А где сейчас мама?

– Она сейчас... в другом месте.

– Папа, я тебя конкретно спрашиваю, где мама. «Другое место» меня не устраивает. Мне она сказала, что собирается в Киннаирд. И где же она?

– Она остановилась у Фрейзера, в его доме. Он находится прямо за главными воротами, чуть выше. Фрейзер – это тот человек, который нашел тебя на дороге, когда у тебя в машине спустило колесо. Помнишь? Твой предыдущий побег из дома.

– Ах, так это он! – Зара удивленно округлила глаза. – Мама говорила мне, что она с ним пару раз выбиралась на лыжные прогулки. Якобы он обучал ее кататься на лыжах.

– Вполне возможно, так оно и было, Зара. Словом, сейчас она у него.

– Как я понимаю, этот Фрейзер, он – ее новый любовник?

– Полагаю, да.

– Папочка! – Зара подскочила с дивана и подбежала к отцу. – Мне очень жаль! – Она обвила его руками за шею.

– Не стоит, Зара, сильно жалеть. В конце концов, твоей вины в том, что все так случилось, нет. Вся проблема была в нас: во мне и в твоей матери.

– Мама однажды призналась мне в сердцах, что ее очень напрягает то обстоятельство, что ты женился на ней только потому, что она на тот момент была уже беременна. Это правда?

– Не стану лгать, Зара, но это действительно одна из причин того, что у нас случилась столь скоропалительная свадьба, но поверь мне, я не пожалел об этом ни единого дня. – Чарли взял дочь за руку и слегка пожал ее. – Зато сейчас у меня есть ты, и это с лихвой перекрывает все остальное.

Я видела, что Чарли уже готов расплакаться, и стала мысленно прикидывать, как бы мне незаметно улизнуть из комнаты и оставить отца и дочь наедине друг с другом.

– Знаешь, что, папа? Если тебе от этого полегчает, то имей в виду. Я столько лет мечтала о том, чтобы вы с мамой наконец *развелись*. И тебе не надо было оставаться с мамой и сохранять семью только ради меня. Может быть, сейчас мои слова заденут тебя за живое, но поверь мне, так, врозь с ней, тебе будет гораздо лучше. Уверена в этом на все сто!

– Поразительно, Зара! – Губы Чарли тронула слабая улыбка, в его глазах заблестели слезы. – Ты просто неподражаема!

– А по-моему, я – истинная дочь своего отца, только и всего, – пожалала плечами девочка. – Но сейчас давай вернемся к Берил. Почему же все-таки *она решила* уйти от нас?

– Пожалуй, мне стоит принять еще одну порцию виски, прежде чем начать отвечать на твой вопрос.

– Я налью! – предложила я свои услуги и, подхватившись с дивана, взяла у Чарли стакан, чтобы наполнить его. – Вы точно уверены, что я здесь не лишняя? – спросила я у него, снова протягивая ему стакан.

– Уверен. Потому что, Тигги, все, о чем я собираюсь рассказать Заре, в какой-то степени касается и вас. Впрочем, как и всех остальных, кто трудится в Киннаирде. Помнится, я уже говорил вам об этом, правда, вскользь, в свою бытность в Испании, а сейчас я хочу, чтобы вы имели полное представление о том, что здесь творится и почему будущее Киннаирда представляется мне таким неопределенным.

– Почему, папа? Не тяни, давай же рассказывай! – стала поторапливать его Зара.

– Начать придется издалека. В детстве моим самым лучшим и закадычным другом был Фрейзер. Но Фрейзер, чтоб ты знала, Зара, – сын Берил.

– Провалиться мне на месте! – На лице Зары отразилось полнейшее смятение. – Теперь понятно, почему ей так не по себе. Моя мама удрала с ее сыночком...

– Да, думаю она сильно переживает из-за случившегося, но это еще не все. – Чарли замолчал на пару секунд, видно, собираясь с мыслями. – Ты же, дочка, хорошо представляешь себе, как обычно живут дети в имениях, особенно если они сверстники. А поскольку мы с Фрейзером одноклассники, то в детстве мы с ним были не разлей вода. Все делали вместе; помнится, отец даже предложил Берил оплатить учебу ее сына, чтобы он отправился вместе со мной в закрытую школу, когда мне исполнилось десять лет. – Чарли слегка покачал головой. – Тогда я подумал, что мой отец – очень добрый человек, но...

– С этим все понятно, папа, – нетерпеливо перебила его Зара. – Но что случилось потом?

– Когда мы оба учились в Эдинбургском университете, у нас с Фрейзером случилась настоящая бойня. Дело в том, что он увел у меня девушку, причем сделал это уже после того, как мы с ней объявили о помолвке. Так вот, они оба бросили университет и укатили в Канаду, откуда Джессика была родом. А вскоре после этого я познакомился с твоей матерью и женился на ней. Честно скажу, я вычеркнул Фрейзера из своей жизни на долгие годы и думать о нем забыл, и вдруг словно гром среди ясного неба... Он объявляется в Киннаирде на минувшее Рождество. Я был просто обескуражен подобной наглостью.

– Помню-помню, – пробормотала я про себя.

– И все повторилось снова. Только на сей раз он увел у тебя... маму, – обронила Зара. – Вот подонок! Ты говорил, что считал его своим другом, но, по-моему, он просто стремился завладеть всем, что принадлежит тебе.

– Вот здесь ты абсолютно права, – тяжело вздохнул Чарли. – Но самое интересное, что я был таким безмозглым идиотом, что сам был готов с радостью поделиться с ним всем. А все потому, что никто так и не рискнул сказать мне всю правду о том, кто такой Фрейзер. Хотя сейчас, оглядываясь в прошлое, я понимаю, что все и так было более чем очевидно.

– И что же это за правда, папа?

Чарли замялся в нерешительности. Я увидела, как забила жилка на его виске.

– Говори же, папа! Я все пойму правильно. Неужели может быть еще что-то хуже того, что уже случилось?

– Может, моя родная, очень даже может. Ладно! Видишь ли, твой дед, мой отец, он, как бы это выразиться помягче, был не очень счастлив в браке с твоей бабушкой. Словом, они с Берил были любовниками на протяжении многих и многих лет.

– Дедушка и Берил?!

– Именно так. Отец познакомился с ней еще задолго до того, как встретил мою маму. Но Берил была из простой семьи, и родители моего отца посчитали, что это не совсем подходящая партия для сына лэрда. В итоге отец женился на моей матери, но вскоре Берил переехала вслед за ним в Киннаирд. И вот тут кульминационный момент, Зара! Берил забеременела и родила Фрейзера всего лишь на пару месяцев раньше, чем на свет появился я.

В комнате повисло молчание. Мы с Зарой обе напряженно переваривали все, что только что сообщил нам Чарли.

– Боже мой! Бедный мой папочка! – нарушила наконец молчание Зара. – Получается, что вы с Фрейзером братья, так?

– Да, единокровные братья. И сейчас я наконец-то понимаю, что практически всю свою жизнь прожил с этой удавкой на шее. Достаточно взглянуть на фотографии моего покойного отца. Ведь Фрейзер – его точная копия. Он унаследовал его рост, любовь к охоте, пристрастие к виски, он похож на него во всем. Наверняка это сходство видели все. Все окружающие, за исключением меня. Каким же недоумком я был!

– Да, папа, история не из веселых. Я тебе очень сочувствую. Очень! – Зара снова крепко обняла отца.

– А Фрейзер знал, что он ваш сводный брат? – робко поинтересовалась я.

– Нет. Он сказал мне, что его мать, Берил, призналась во всем лишь тогда, когда они с Джессикой решили удрать в Канаду. Как недавно сказала мне сама Берил, она думала, что этот ее шаг остановит Фрейзера от того чудовищного поступка, который он замыслил. Но получилось все с точностью до наоборот. Впрочем, это вполне в духе моего покойного отца. Тот ведь тоже прожил всю свою жизнь, не останавливаясь ни перед чем.

– Но что же моя покойная бабушка, папа? Она была в курсе, что у ее мужа любовная интрижка с Берил?

– Понятия не имею, Зара. Ты же помнишь, она погибла в результате несчастного случая: разбилась во время катания верхом. Мне тогда было семь лет. Для отца все сложилось как нельзя лучше. – Чарли снова вздохнул. – Стоит ли после всего удивляться тому, что Берил всегда считала себя полноценной хозяйкой в этом доме? Судя по всему, хозяйкой она была и на самом деле, особенно после гибели мамы. За исключением разве что фамилии. Однако меня к тому времени уже отправили в закрытую частную школу. Вместе с Фрейзером, кстати.

– Ты ненавидишь своего отца, да? – спросила Зара. – За все, что он сделал с твоей мамой? Я бы возненавидела, это точно! Я и так уже ненавижу маму за все те пакости, которые она сотворила тебе.

– Нет, Зара, у меня нет ненависти к отцу. Мой отец был тем, кем он был. Таким же, как и Фрейзер. Правда, не могу сказать, что я когда-то любил отца. Впрочем, как и он меня. Но, как известно, родителей не выбирают. Что есть, то и есть. – Чарли бросил печальный взгляд в мою сторону.

– А что же Берил? После всего, что она сделала?

– Думаю, *она искренне любила* моего отца. Ведь Берил ухаживала за ним на склоне лет, присматривала и заботилась до последнего, что, надо сказать, сильно упростило и мою жизнь. А уж как она убивалась, когда отец умер. Пожалуй, никто не горевал так сильно, как она. В сущности, она ведь осталась сейчас совсем одна.

– Какое счастье, папа, что *мы с тобой не одни*, правда? Ведь у тебя есть я. И я так тебя люблю. Очень люблю! – воскликнула Зара. – Я о тебе буду заботиться всегда. Обещаю!

В этот момент мне захотелось обнять Зару и расцеловать ее. Какой же не по возрасту мудрой и рассудительной оказалась эта девочка. А ведь если задуматься, то *именно она* и стала главной заложницей всей ситуации и ее первой и основной жертвой.

– Спасибо, родная моя. – Чарли ласково поцеловал дочку в блестящую макушку. Он явно был растроган. – Однако, боюсь, плохие новости на этом еще не закончились.

– Что еще? Неужели после всего, о чем ты мне только что поведал, может быть еще хуже? – изумилась Зара. – С ума сойти! Так

выкладывай же поскорее, папа! Иди до конца, коль начал...

– Поначалу, – голос Чарли предательски дрогнул, – я все никак не мог взять в толк, почему Фрейзер так внезапно объявился в наших краях на Рождество. Но потом до меня наконец дошло. Он приехал, чтобы лично убедиться в том, что ему что-то там причитается по завещанию.

– И ему действительно что-то полагается? – спросила Зара.

– Видишь ли, мой отец, как всегда, выступил в своем репертуаре. Он вообще не оставил никакого завещания. То есть, согласно бумагам, Фрейзеру ничего не полагается. Хотя, как я недавно выяснил у нашего семейного нотариуса, много лет тому назад отец переписал на него тот дом, в котором он сейчас и обитает. Вполне возможно, этот жест отца был продиктован исключительно его желанием хоть как-то успокоить собственную совесть, поскольку он не мог признать Фрейзера своим сыном на законных основаниях. Вот потому-то все принимали как данность, что со временем имение автоматически перейдет ко мне, как к его единственному наследнику. Во всяком случае... – Чарли сделал глубокий вдох. – Так все *думали* до недавнего времени.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Зара.

«*Боже, все, что угодно, но только не это*», – мелькнуло у меня. Я вспомнила, о чем Чарли очень коротко рассказал мне, когда приехал в Испанию, а потому не трудно было догадаться, что он еще не договорил.

– Вся проблема, Зара, заключается в том, что Фрейзер появился на свет первым, то есть формально он – старший сын. А поскольку отец не оставил завещания, согласно которому имение должно перейти ко мне, то у Фрейзера сейчас есть все основания заявить свои законные претензии на Киннаирд.

Зара негромко выругалась, а я набрала в грудь побольше воздуха.

– И что сейчас будет? – На миленьком личике Зары отразился полнейший ужас.

– Помнишь, он заявился к нам в дом накануне Нового года, чтобы повидаться со мной?

– Помню. Вы еще тогда дико кричали друг на друга, а потом ты объявил, что мы все в срочном порядке возвращаемся в Инвернесс. Я тогда чуть не опис... была вне себя от возмущения, – тут же поправила

себя Зара. – Помнишь, Тигги? Я еще тогда прибежала к тебе и стала жаловаться.

– Да, все так и было, – подтвердил Чарли. – Фрейзер объявил мне, что накануне консультировался с юристом и что он намерен подать исковое заявление в суд, имея все законные основания претендовать на какую-то часть имения.

– *Нет!* – воскликнула Зара и стала возбужденно расхаживать по комнате. – Папа, ты не должен допустить этого. Ты не можешь поступить так! Ведь Фрейзер сто лет *глаз сюда не казал!* И вот вам, пожалуйста! Явился не запылится.

– Что я могу сказать? Разве что повторить известную поговорку. Яблочко от яблони... – Чарли подавил очередной вздох. – Ведь во многих смыслах он действительно прямой наследник отца. А я...

– Прекрати, папа! Ты не можешь, не имеешь права просто взять и сойти сейчас с дистанции! Позволить, чтобы случилось такое вопиющее безобразие! Киннаирд принадлежит тебе! *Он – наш!* И то, что у вас с этим Фрейзером есть какое-то там родство на уровне ДНК, еще ничего не означает. Ровным счетом ничего!

– Боюсь, Зара, перед лицом закона означает. Я, кстати, только что получил письмо от адвоката Фрейзера. Он просит меня предоставить образцы ДНК. Хотя у меня и так нет ни капли сомнения в достоверности того, о чем рассказала мне Берил. Думаю, уже в ближайшем будущем Фрейзер будет официально объявлен моим братом.

– Но Фрейзер – бастард! Он рожден вне брака, как бы там ни было, – взвилась Зара и снова принялась мерить комнату шагами. – Ты – законный наследник, потому что дедушка и бабушка состояли в законном браке!

– Ты права в том, что еще каких-то пару-тройку десятков лет тому назад иск незаконнорожденного наследника не принял бы к рассмотрению ни один суд, но в современном мире все обстоит иначе и старые догмы уже не работают. Заверяю тебя, я нанял лучшего адвоката из всех для ведения этого дела, и мы используем все возможности, которые у нас есть. Но факты – упрямая вещь. Фрейзер – мой старший брат, сын моего отца, лэрда, и неважно, законнорожденный он или нет. Важно, что сейчас он претендует на половину имения. Если он выиграет это дело, то тогда Киннаирд,

скорее всего, придется продать и поделить вырученные средства пополам, потому что второй вариант – владеть имением вместе с Фрейзером на равных правах – к сожалению, лично для меня абсолютно неприемлем. Мне в этом случае придется просто уйти в сторону. Прости, Зара, я понимаю, как много для тебя значит Киннаирд, но на данный момент я пока не вижу приемлемого выхода из этой тупиковой ситуации.

– А мама все знает?

– Да, она была здесь в тот день, когда он явился сюда и предъявил свои претензии.

– *Боже мой!* – вскричала Зара. – Ведь это же означает, что мама *на его стороне!* Но она же знает, – девочка возобновила свой бег по комнате, – что значит для меня Киннаирд! Хорошо знает! И после всего этого готова связать свою дальнейшую жизнь с мужчиной, вознамерившимся оттяпать наследство у ее собственной дочери!

– Здесь я должен внести одно уточнение. Будем справедливы к твоей матери. По ее словам, Фрейзер согласился внести твое имя в свое завещание в качестве наследницы Киннаирда при условии, что у них не будет собственных детей.

– О господи, папа! – снова воскликнула Зара. – Как ты можешь сохранять такое спокойствие?

Я видела, что Зару трясет от негодования, настолько все это было для нее неприемлемым. Бесчестным и несправедливым. У меня тоже кровь кипела в жилах при мысли о том, какое вопиющее беззаконие может случиться и уже творится буквально на наших глазах, но я молчала. Понимала, что не время сейчас подливать масло в огонь своими эмоциями.

– Я уже не говорю о том, – продолжала кипятиться Зара, – что мама еще достаточно молода, чтобы обзавестись детишками, если она останется с Фрейзером. А потому это предложение с ее стороны не более чем жалкий треп! Да, именно так, жалкий треп!

– Зара, ты ведь сама захотела, чтобы я обращался с тобой, как со взрослым человеком. Что я и пытаюсь делать, – укоризненно попенял ей Чарли. – Я понимаю, ты сейчас расстроена, сильно расстроена, но все равно нельзя реагировать на случившееся столь бурно.

– Хорошо, папа! Но и ты тоже не раскисай, а веди себя как мужчина! Надо бороться! – Зара изо всех сил пнула спинку кресла. –

Мне нужно хватануть немного воздуха. Пойду на улицу.

Она решительным шагом направилась к выходу, открыла двери и с громким стуком захлопнула их за собой.

– Вся проблема в том, что я барахтаюсь в этом дерьме уже с января, и пока никаких подвижек ни в какую сторону. – Чарли сокрушенно покачал головой. – В конце дня мы должны получить какое-то первичное решение от судьи, но в любом случае Фрейзер, как я понимаю, не собирается уезжать отсюда с пустыми руками.

– Мне сходить за Зарой? – спросила я у него.

– Нет, не надо. Пусть немного остынет, побудет одна. Наверное, ей бы это не очень понравилось, но скажу так: моя дочь определенно унаследовала темперамент своей матери. – Чарли поморщился. – Как все, однако, запуталось и перемешалось! Ужас!

– Это правда, – согласилась я с ним.

– Но самое грустное – это то, что Киннаирд был практически разрушен еще за много лет до того, как я появился на свет. А это означает, что для того, чтобы сохранить для грядущих поколений его уникальную красоту, сюда потребуется влить миллионы и миллионы фунтов стерлингов. И кто бы ни вышел победителем из нашей схватки с Фрейзером, ни у него, ни у меня таких средств в наличии нет.

– А что же те гранты, Чарли, на которые вы подавали заявку?

– Боюсь показаться вам занудой, Тигги, но эти деньги, если я их еще получу, это капля в море. Кстати, пару недель тому назад у меня состоялся разговор с одним из представителей Национального трастового фонда Шотландии. Если случится чудо и мне удастся сохранить за собой Киннаирд, то мы можем потом сделать шаг в нужном направлении.

– Каким образом?

– Я, к примеру, мог бы подарить свое имение народу Шотландии, иными словами, передать его государству задаром на условиях, что мне и моей семье будет позволено остаться и жить в Киннаирд-лодж, а сам дом останется в нашей собственности. Это сегодня довольно распространенная практика для многих, кто оказывается в такой же ситуации, как и я. Однако все эти разговоры пока преждевременны. Я предвижу, что впереди нас ждут многомесячные, если не многолетние, разбирательства, пока дело наконец дойдет до суда.

– Мне так жаль, Чарли. Право же, я вам очень сочувствую. И особенно в том, что произошло у вас с Ульрикой. Представляю, как тяжело вам это далось.

– Понимаю, со стороны это действительно выглядит ужасно. Я отлично понимаю, почему Зара уже готова возненавидеть свою мать. Но ни она, ни вы, Тигги, не знаете всей истории. А у нас с Ульрикой все было не так, как кажется. Начнем с того, что я никогда и ни под каким предлогом не женился бы на ней. Просто на тот момент предательство Джессики задело меня за живое, а Ульрика... Она была красавицей и очень-очень настойчиво добивалась меня. Добавить к этому еще и чисто физическое вожделение, страсть... Но когда со временем страсть угасла, Ульрика увидела, что она вышла замуж не за богатого лэрда, а за обычного врача, зарабатывающего на жизнь собственным трудом. Понятное дело, она была очень... – Чарли замялся в поисках подходящего слова, – очень разочарована.

– Понимаю, – согласилась я с Чарли, мысленно восхищаясь его благородством. Хотя, не скрою, я внутренне содрогнулась, когда он заговорил о той страсти, которую испытывал когда-то к своей жене.

– Словом, мы поженились, каждый руководствуясь ошибочными мотивами. Вот и вся правда о нашем браке. Как видите, все очень просто. Самое интересное, – продолжил Чарли, – что, несмотря на то что по всем законам жанра я должен был задать хорошенькую взбучку Фрейзеру за то, что он увел у меня жену, я по иронии судьбы испытываю от случившегося огромное облегчение. Честное слово, Тигги, я искренне надеюсь, что Ульрика будет с ним счастлива. Я ведь столько лет ждал, пока она подыщет себе кого-то другого. Найдет мне, так сказать, достойную замену.

– Иными словами, сами бы вы никогда не стали разводиться с нею?

– Нет. Иначе я считал бы себя законченным подлецом, а не отцом, который хочет по крайней мере чтобы его дочь получила нормальное воспитание и росла в нормальных условиях. Впрочем, насколько я могу судить, и здесь я все успешно завалил.

– Вы всегда поступали, Чарли, так, как считали правильным. Вряд ли кто, оказавшись на вашем месте, смог бы сделать больше.

– Я хорошо знаю свои слабые места, Тигги. Когда Зара посоветовала мне стать мужчиной, у нее на то были все основания. Я,

видите ли, всегда инстинктивно сторонюсь всяческих осложнений. Жизненные драмы – это не мое. Предпочитаю простую жизнь, но – увы-увы! – моя собственная личная жизнь как раз и изобилует этими самыми драмами.

– Представляю, Чарли, как непросто вам приходится каждый день выполнять свою сложнейшую работу кардиохирурга и сколько сил на это уходит.

– В любом случае, – Чарли подавил очередной вздох, – все это, к счастью, вас не касается, Тигги. Мне страшно неловко, что я вообще позволил втянуть вас во все эти разборки.

– Пожалуйста, не надо извинений. Судя по вашим словам, во всем случившемся нет вашей вины. Пойду-ка я поищу Зару. – Я поднялась с дивана, Чарли тоже встал с кресла.

Он подошел и взял меня за руку.

– Спасибо вам за то, что вы сейчас рядом с Зарой.

В этот момент дверь в парадную гостиную отворилась, и в комнату вошла Ульрика. За ее спиной маячил Фрейзер.

– Прошу прощения, Чарли, за то, что нарушила ваше любовное уединение, – бросила Ульрика, направляясь к нам. Чарли немедленно отпустил мою руку.

– Я уже сто раз повторял тебе, Ульрика, Тигги – мой хороший друг. Чего ты хочешь?

– Я слышала, что в Киннаирде объявилась Зара. Вот пришла повидаться с ней. Где она?

– Пошла на улицу подышать свежим воздухом.

– Так ты ей все сказал?

– Да.

– Помнится, мы с тобой договаривались сообщить ей эту новость вместе?

– Договаривались, да. Но, как я полагаю, она сразу догадалась о том, что здесь что-то стряслось, и потребовала у меня объяснений.

– Так почему же ты не позвонил мне? – зло блеснула своими огромными голубыми глазами Ульрика. – Ты же прекрасно знаешь, через десять минут я была бы уже здесь! Не лги мне, Чарли! Уверена, ты просто захотел перетащить ее на свою сторону, вот и выдал ей такую жалостливую историю, чтобы она тебя еще больше пожалела!

– Кого я должна пожалеть?

Мы все даже подпрыгнули от неожиданности, таким внезапным оказалось появление Зары в гостиной. Она воинственно скрестила руки на груди.

– Привет, мама. Привет, Фрейзер. Как это мило с вашей стороны, появиться здесь вместе.

– Зара, дорогая моя... Мне так жаль... Так жаль! – Ульрика направилась к дочери и попыталась обнять ее, но девочка тут же вырвалась из рук матери.

– Оставь меня в покое, мама! Не могу поверить, что ты посмела притащить *его сюда*.

– Вот так номер! Чудесно! – фыркнула в ответ Ульрика, ткнув пальцем в меня. – Когда *вот эта* стоит здесь и держит твоего папашу за ручку, так это, по-твоему, нормально? Наглая тварь! И это *в моем доме*! Ты же наверняка в курсе, Зара, что у нее интрижка с твоим отцом, вот уже много месяцев?

– Не говори глупости, Ульрика! – взвился Чарли и встал передо мной, словно намереваясь взять меня под свою защиту. – Тигги не сделала ничего дурного. По правде говоря, мы с тобой должны быть благодарны ей за то, что она в такой непростой момент оказалась рядом с Зарой.

– Конечно, конечно... Она – сущий ангел во плоти! А как же иначе? Я с самого начала знала, что ты никогда не признаешь своей вины, – выкрикнула Ульрика. – Это я всегда плохая, это я – исчадь ада и виновата во всем. Но на этот раз мое терпение лопнуло. С меня хватит!

– Все же мне лучше уйти, – проговорила я, чувствуя, как пылает у меня лицо.

– Нет, Тигги! Я хочу, чтобы ты осталась. – Зара пересекла комнату, подошла ко мне и взяла за руку. – Да мне наплевать, что у вас там с отцом! Трахайтесь себе на здоровье, словно те кролики.

Я уже открыла рот, чтобы выразить свой бурный протест, но тут же снова закрыла его, ибо Чарли опять опередил меня.

– Ради всех святых! Повторяю в последний раз, у нас с Тигги ничего не было! А сейчас прошу вас всех, давайте же поговорим наконец как взрослые, самостоятельные люди. Развели здесь детский сад, понимаете ли...

– Не слушай его, Зара. Он лжет, – выдохнула Ульрика, – хотя все это уже не имеет большого значения. Мне и так понятно, что она успела настроить тебя против меня, и это после всего, что я для тебя сделала. Я... – Она повернулась к Фрейзеру, явно ожидая, что он тоже скажет свое веское слово, но тот угрюмо молчал. Тогда она зарылась лицом ему в грудь. – Я просто хочу вернуть себе свою маленькую девочку, – вдруг взвыла она со слезами в голосе.

– Понятное дело, мама. Хочешь вернуть. Беда лишь в том, что твоей маленькой девочки больше нет. Она исчезла много лет тому назад. Я уже взрослая, мама. Это ты хоть помнишь?

– Хорошо, хорошо! – снова вмешался Чарли. – Прошу вас, давайте все успокоимся. Зара, уверен, твоя мама хочет поговорить с тобой и все объяснить. Пожалуй, будет лучше, если мы оставим вас на какое-то время одних. Как думаете?

– Я не стану разговаривать с мамой, пока *он будет торчать* тут рядом с ней. – Зара жестом показала на молчаливую фигуру Фрейзера.

– Тогда я ухожу. – Фрейзер коротко кивнул Чарли и снял руки с плеч Ульрики, затем нахлобучил на голову шляпу и повернулся к дверям. – Я подожду тебя в машине, ладно? – бросил он, обращаясь к Ульрике.

В этот момент его высветил луч солнца, густая тень упала на пол. И тут я увидела, как на новом ковре, который Ульрика недавно постелила в гостиной, отразилась форма его весьма необычной шляпы.

– *О боже! Не может быть,* – прошептала я, оцепенело вглядываясь в эту тень, меня даже слегка повело в сторону. Спотыкаясь от только что пережитого шока, я позволила Чарли сопроводить меня к дверям.

– Только вы никуда не уходите, ладно? – попросила нас Зара.

– Конечно. Мы будем на кухне, – ответил ей Чарли.

– Ладно.

Фрейзер широким шагом миновал коридор и вышел на улицу через черный ход, громко стукнув за собой дверь, а я проследовала за Чарли на кухню и плотно прикрыла дверь.

И только тут сообразила, что все это время я не дышала: от потрясения у меня даже занялось дыхание, зато сейчас я сделала несколько судорожных вдохов, пытаюсь привести себя в норму.

– С вами все в порядке, Тигги? Вид у вас такой, словно вы только что увидели перед собой привидение.

Чарли включил чайник и повернулся ко мне, я же тяжело опустилась на стул, все еще пытаюсь отдышаться.

– Очень может быть, что и увидела.

– И что же это за привидение?

– Да это же он, Фрейзер. О боже! – Я затрясла головой, не в силах больше сдержать своих чувств. – Это *точно он!*

– Простите, Тигги. Не вполне понимаю вас.

– Эта его шляпа... В полиции я описала ее как мужскую мягкую фетровую шляпу... Да, это *он!* – снова повторила я.

– Еще раз простите меня, но что-то я не улавливаю... Пожалуйста, успокойтесь и объясните все толком.

– Да я же и пытаюсь это сделать, Чарли. Той ночью в ущелье я видела Фрейзера. Это он стрелял в Пегаса и едва не убил меня!

– Но... вы в этом уверены?

– Я же повторяю вам: все дело в его шляпе. Той самой, которая сейчас у него на голове. Я увидела его тень на ковре и вспомнила, что точно такую же тень видела в ту ночь на снегу. Уверена в этом, Чарли, на все сто процентов.

– Да, эта шляпа действительно чем-то напоминает по фасону мягкую фетровую шляпу. Такие шляпы в Канаде обычно носят конные полицейские. Что ж, это меня совсем не удивляет, – обронил Чарли, пытаюсь вложить в мою дрожащую руку чашку с горячим чаем, потом передумал и просто поставил чашку передо мной на стол. – Вы уверены, Тигги, что с вами все в порядке?

– Уверена! Но что нам делать теперь? То есть я хочу сказать, вы знаете, я человек жалостливый, однако я абсолютно не готова позволить этому негодяю, убившему Пегаса, скрыться от правосудия! Тот детектив, который навещал меня в больнице, сказал, что, кем бы ни был браконьер, он вполне мог убить и меня. А потому вполне возможно, этого человека можно привлечь к ответственности не только за отстрел редкого животного, но и за попытку совершения преднамеренного убийства.

– Тогда немедленно звоним в полицию. – Чарли попытался встать из-за стола, но я жестом остановила его.

– Не торопитесь. Надо взвесить все «за» и «против» и выбрать наилучший вариант. Это я к тому, что, когда полиция вызовет Фрейзера на допрос, он наверняка станет все отрицать. Да и Ульрика постарается обеспечить ему надежное алиби. Вы случайно не помните, где она была в ту ночь, когда случились эти выстрелы?

– Насколько я помню, она накануне вернулась в Киннаирд... Да, точно! Так оно и было! Потому что на следующий день ей нужно было ехать в Северный Йоркшир, чтобы забрать Зару из школы на выходные. Неудивительно, что ее в последнее время вдруг стало так тянуть в Киннаирд. – Чарли выразительно вскинул брови.

– Черт! – невольно выругалась я. – Тогда с учетом всех обстоятельств она постарается выгородить своего дружка. Однако, насколько мне известно, в распоряжении полиции имеется пуля, которая прошла через меня. Они нашли и гильзу... А потому могут легко определить тип оружия...

– То самое ружье, которое наверняка и сейчас валяется где-нибудь в сарае у Фрейзера.

– Получается, что ему вполне может грозить тюремный срок, – задумчиво обронила я.

– Едва ли. С учетом алиби, которое обеспечит ему Ульрика... Плюс высококлассная команда защитников, которых они наймут... С большой долей вероятности могу утверждать, что ситуация, как говорится, пятьдесят на пятьдесят. Мне приходилось пару раз выступать свидетелем в суде в делах, связанных с убийствами. Кажется, все очевидно и ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что смерть жертвы произошла не по естественным причинам, а в итоге суд оправдывает подозреваемого, и он покидает зал суда чистый как стеклышко.

– Неужели и такое бывает? – обескураженно спросила я. – Но хотя бы взять то, что сам этот инцидент не поспособствует ему заполучить в свою собственность Киннаирд, как он вознамерился. Можно себе представить реакцию судьи, когда он узнает, что человек, претендующий на то, чтобы стать владельцем имения, обвиняется в том, что собственноручно убил редкого оленя в этом же самом имении...

– Боюсь, Тигги, и это тоже вряд ли сработает. Убийство редкого животного суд едва ли сочтет полноценной уликой, способной

повлиять на окончательный вердикт, хотя я согласен, это выставит Фрейзера в весьма неприглядном свете.

Мы оба замолчали, погрузившись каждый в свои размышления.

– Чарли, – заговорила я первой спустя какое-то время. – Я тут подумала...

– О чем?

– Я вот все размышляю, нельзя ли каким-то образом помочь вам, используя тот факт, что сейчас я знаю наверняка: именно Фрейзер целился в меня в ту самую ночь?

Чарли уставился на меня непонимающим взглядом.

– Уж не предлагаете ли вы начать шантажировать его?

– Хм! Пожалуй, это вполне приемлемый вариант, кстати. Почему нет? Что, если прямо сейчас я объявлю ему, что опознала в нем того человека, который стрелял в Пегаса? И что я намереваюсь немедленно обратиться в полицию... Если только... если только не вмешаетесь вы, не захотите выносить сор из избы. Все же одна семья... В этом случае я готова подтвердить, что *не стану обращаться* в полицию при условии, что он снимет все свои претензии на Киннаирд и немедленно покинет страну. Пусть мотает обратно в ту дыру, из которой он выполз. Вопрос лишь в том, какой может быть его реакция на такой поворот событий? Отмахнется от всего с присущей ему наглостью или запрыгнет на первый же ближайший самолет до Канады, прихватив с собой Ульрику?

– Кто знает, кто знает... Шантаж... Это такое неблагоприятное само по себе дело... Хотя, безусловно, Фрейзер – подонок. Как, впрочем, и Ульрика... И все же, Тигги, не кажется ли вам, что даже для него это очень высокая плата? Ведь, как я понимаю, вы вознамерились любой ценой засадить его за решетку за все, что пережили по его вине?

– Но я ведь, хвала богам, осталась жива, верно? А вот за смерть Пегаса я действительно хочу отомстить ему. И если то, что я сейчас знаю про Фрейзера, поможет нам каким-то образом спасти Киннаирд, чтобы он не достался человеку, который и убил Пегаса, то, повторяю, я с готовностью пойду на этот шаг. Ради себя *и ради Пегаса*.

– Тогда очень многое будет зависеть от того, хранит ли он до сих пор ружье в своем доме, – задумчиво бросил Чарли.

– А Кэл знает, где находится его коттедж?

– Конечно, знает. И что?

Я глянула в кухонное окно и, слегка выгнув шею, бросила взгляд в ту сторону заднего двора, где Фрейзер припарковал свою машину, чтобы убедиться в том, что машина по-прежнему стоит на месте, а сам Фрейзер сидит в машине. Так оно и оказалось.

– Так, пока Фрейзер торчит у нас во дворе, срочно позвоните Кэлу и направьте его в дом Фрейзера. Пусть покопается в его сарае и...

– Да, и отыщет там ружье, – подхватил мою мысль Чарли и, вскочив со стула, выбежал в кабинет Берил, где стоял городской телефон.

– И пусть обязательно перезвонит нам, если найдет ружье, – крикнула я ему вдогонку, чувствуя, что в моей голове уже начал вырисовываться весь план последующих действий.

– Все в порядке, – доложил Чарли, вернувшись на кухню через пару минут. – Кэла я направил. Он перезвонит нам оттуда на городской телефон, если отыщет ружье. Слава богу, но в тех местах, где стоит дом Фрейзера, еще ловится слабый сигнал мобильной связи. – Чарли взял меня за руки. – Тигги, вы уверены, что хотите сыграть эту партию до конца? Может быть, все же лучше передать это дело в руки полиции? Пусть она во всем разбирается...

– Нельзя терять ни минуты! Особенно сейчас, когда Фрейзер, можно сказать, у нас в руках. Нет, я доведу начатое до конца, пока у меня есть драйв, и пока Фрейзер не успел опомниться и не начал выпутываться. А то он и вовсе возьмет и скроется. Как только Кэл сообщит нам что-то конкретное, немедленно пригласите Фрейзера сюда, на кухню. А у вас случайно нет под рукой портативного магнитофона? – спросила я.

– У меня в машине лежит диктофон. Я им пользуюсь, когда диктую своей секретарше всякие деловые письма. Но почему вы спрашиваете?

– Диктофон нам нужен для того, чтобы записать разговор, если он вдруг признается, – ответила я, вдруг вспомнив, сколько всяких дурацких детективов я перечитала в подростковом возрасте. И вот, поди ж ты! Они, оказывается, тоже могут принести какую-то пользу. – Тогда у нас будет доказательство его вины, признание, которое он сделает сам.

– Скорее всего, оно не сможет быть представлено в суде как полноценная улика, но ход ваших мыслей мне понятен. Сейчас же иду

за диктофоном. К счастью, моя машина припаркована с другой стороны дома. А вы пока занимайте позицию у телефона.

Мы обменялись детскими смешками, потому что, несмотря на всю серьезность ситуации, в ней явно присутствовал налет чего-то сюрреалистического. А самое неправдоподобное – это то, что я неожиданно для себя самой вспомнила прощальные слова Ангелины, с которыми она обратилась к Чарли, когда тот уезжал из Гранады.

– *Она станет ответом на все твои проблемы...*

Что ж, оставалось лишь надеяться, что предсказание старой ворожеи сбудется.

Через пару секунд в соседней комнатке зазвонил телефон, и я ринулась туда.

– Тиг, это Кэл. Я стою в сарае Фрейзера, и в руках у меня его ружье.

– Боже мой, Кэл! Надеюсь, ты в перчатках. Иначе они могут обнаружить и твои отпечатки.

– Да, Чарли меня предупредил на этот счет. Но что у вас там происходит?

– Я все расскажу тебе потом, пока же оставайся там и жди нашего звонка.

– Ладно! Тогда пока.

Я положила трубку на рычаг и в этот момент услышала, как громко хлопнула дверь парадной гостиной. Я выглянула из кабинета и увидела Зару, которая направлялась по коридору в мою сторону и выкрикивала какие-то бранные слова в адрес своей матери, которая, очевидно, осталась в гостиной.

– Зара! – окликнула я ее, подбежала, схватила девочку за руку и затащила на кухню. – Слушай меня внимательно! В эту минуту мне все равно, какие чувства ты испытываешь к своей матери, у нас с твоим отцом появился шанс спасти Киннаирд. Однако для этого ты должна вернуться обратно в гостиную и постараться заговорить Ульрику, отвлечь ее.

– Ты шутишь, Тигги, да? *Я ее ненавижу!* Мне противно находиться вместе с ней в одной комнате. Я не хочу даже дышать одним воздухом с ней! Мерзость!

– Зара! – В кухню вошел Чарли с диктофоном. – *Немедленно возвращайся в гостиную к своей матери! Ты меня слышишь? Ты*

останешься там и будешь беседовать с ней ровно столько, сколько нужно. Пока я сам не разрешу тебе выйти!

– Хорошо, папа, – послушно кивнула Зара, немного испугавшись его непривычно агрессивного тона.

– Ну, вот я повел себя с ней как мужчина. Сама же, кстати, просила меня об этом, – обронил Чарли, обращаясь уже ко мне. Мы оба проводили Зару взглядами, пока она снова не скрылась за дверями парадной гостиной.

– Отлично! – выдохнула я. – Теперь нужно быстро спрятать диктофон в каком-нибудь укромном местечке, а потом можете пригласить сюда Фрейзера.

– Ладно! – Чарли включил диктофон и примостил его за контейнер с хлебом. – Уверены, Тигги, что готовы к разговору?

– Да, готова, пока вы рядом со мной, я готова.

– А я готов быть рядом с вами всегда, – улыбнулся в ответ Чарли и вышел из кухни, чтобы позвать Фрейзера.

Сердце бешено колотилось в моей груди, я глянула вверх, мысленно обращаясь к небесам, потом попросила Пегаса быть рядом со мной, пока я буду организовывать представление всей своей жизни. Ради того, чтобы спасти Киннаирд и помочь Заре и моему дорогому Чарли...

Я услышала, как открылась задняя дверь, Чарли и Фрейзер направились на кухню.

– Боюсь, ты не можешь сказать или сделать ничего такого, что бы заставило меня переменить свое решение, – промолвил Фрейзер, входя в кухню. – Я хочу получить то, что принадлежит мне по праву, и на этом точка. – Тут он заметил меня, сидящую у стола, и бросил презрительный взгляд в мою сторону. – А что *она* здесь делает?

– Тигги хочет перекинуться с тобой парой слов, Фрейзер.

– Даже так? Ну, выкладывайте, что там у вас.

Фрейзер небрежно уселся напротив меня, даже не подумав снять шляпу перед своей жертвой, настолько он был уверен в себе и в собственной безнаказанности. И эта его наглость придала мне еще больше злости для того, чтобы высказать ему все то, что я намеревалась сказать.

– Я хочу поговорить с вами про ту ночь, когда был застрелен Пегас, – начала я с главного, решив не ходить вокруг да около. – В

полиции я рассказала, что видела на снегу тень стрелявшего и что на этом человеке была довольно необычная шляпа, такая мягкая фетровая шляпа. А сегодня, когда я увидела вашу тень на ковре в парадной гостиной, я сразу же поняла: это вы застрелили Пегаса и едва не убили меня.

– Что?! – подскочил, как ужаленный, Фрейзер. – Господи боже мой! Вот уж не думал, Чарли, что вы с ней опуститесь так низко. Я ухожу!

– Прекрасно! – спокойно ответила я. – Чудесно и замечательно! В данный момент Кэл находится у вас в доме. Он нашел там ружье, из которого, по нашему мнению, вы стреляли в Пегаса и в меня. Полиция уже сообщила мне, что им удалось найти пулю и гильзу. Осталось только сопоставить все это с вашим ружьем. Мы сейчас же звоним, чтобы они приехали сюда и встретились с вами. Ну, как? Идет?

– Я... То, что вы несете, это сущий бред, и вы сами это отлично понимаете. В ту ночь со мной была Ульрика. Ступайте и спросите у нее.

– Честно говоря, ваша личная жизнь нас ни капельки не интересует, так ведь, Чарли? – пренебрежительно отмахнулась я. – Это дело полиции – задавать вам с Ульрикой всякие разные вопросы. Чарли, звоните в полицию. А вам, Фрейзер, всего доброго. – Я поднялась из-за стола и, взяв свою чашку, направилась к раковине, чтобы ополоснуть ее, а заодно и перевести дыхание, а Фрейзеру дать пару мгновений на размышления. Боковым зрением я увидела, как Чарли направился к дверям.

– Мы оба с вами, Фрейзер, знаем, что это сделали вы, – негромко обронила я и поставила чашку в сушилку. – А сейчас подумайте еще вот над чем: я тут внезапно вспомнила, что ружье было нацелено прямо на меня. Думаю, полицию очень заинтересует это обстоятельство. Они уже говорили мне, что совершенное преступление вполне можно классифицировать как предумышленное убийство. Если бы в ту ночь между мной и вами не встал олень, то наверняка вы убили бы меня.

– Хорошо, хорошо. Давайте потолкуем, – сказал Фрейзер. Чарли приостановился, держась за дверную ручку. – Чего вы хотите? – Фрейзер впери́л взгляд в меня.

– Справедливости, конечно. Справедливости для Пегаса и для себя, – ответила я, медленно поворачиваясь в его сторону. И даже умилилась, увидев, что наглец все же снял свою шляпу. Какая любезность с его стороны! – Но я хочу справедливости и для Чарли. Вам ведь нужен кусок имения только потому, что это его имение, а вовсе не потому, что вы любите Киннаирд. Уверена, получив свою долю, вы тотчас же продадите ее, пустив под откос несколько сотен лет истории Киннаирда. Вы тем самым просто загубите эти заповедные места. Другому на вашем месте было бы стыдно. Но только не вам, верно?

– Ты, маленькая сучка, – негромко выругался Фрейзер. Чарли стремительно приблизился к нему.

– Прекрати, Фрейзер!

– Все в порядке, Чарли, – безмятежно отозвалась я. – Пусть себе обзывается, как ему вздумается. Тем более что все его слова фиксируются на пленке. А главное – он уже признал, что в ту ночь стрелял именно он.

– Ничего подобного! Я ничего не сделал!

– Сделали. Еще как сделали, – равнодушно пожала я плечами. – Впрочем, Фрейзер, решать вам. В конце концов, у вас с Чарли кровная связь, и, какие бы там гадости вы ни замыслили против него, думаю, ему все равно не доставит большого удовольствия увидеть своего брата за решеткой. Я права, Чарли?

– Разумеется, Тигги, – согласно кивнул головой Чарли.

– Итак, Фрейзер, я готова *не обращаться* в полицию и не сообщать им, что это именно вы застрелили Пегаса и едва не убили меня в ту ночь, но при одном условии: вы немедленно снимаете все свои претензии на владение Киннаирдом и покидаете страну.

– Но это же откровенный шантаж! – взвился Фрейзер, но остался сидеть на прежнем месте.

– Да, шантаж! Вот такая я морально коррумпированная личность, – с готовностью подтвердила я. – А что еще мне остается делать? Словом, решайте! Выбор за вами.

Целая буря чувств отразилась во взгляде холодных голубых глаз Фрейзера. Тут было все – и ярость, и смятение, и откровенный страх. Наконец он поднялся со стула.

– Ты еще пожалеешь о том, что сделала для него, – крикнул мне Фрейзер и угрожающе помахал пальцем. – Он ведь жалкая тряпка. Спроси сама у его жены, у моей бывшей жены... Они тебе расскажут. – Он направился к дверям.

– То есть, как я понимаю, вы решили незамедлительно покинуть страну?

– Но мне надо хотя бы несколько часов, чтобы разгрести все свое дерьмо здесь. Надеюсь, вы дадите мне какое-то время на сборы? Или нет?

– Дадим. Но вот ружье ваше пока останется у Кэла, на тот случай если вы вдруг передумаете. Договорились?

Фрейзер обвел ненавидящим взглядом всю кухню, его буквально трясло от ярости. Свой последний взгляд он метнул в нас с Чарли, и в нем было столько откровенной ненависти, что я невольно содрогнулась. Не человек, а исчадие ада, воплощение зла, подумала я и впервые обрадовалась тому, что помню наизусть слова проклятья.

Не говоря более ни слова, Фрейзер круто развернулся и вышел из кухни.

Мы с Чарли молча прислушались к звукам его удаляющихся шагов, вот хлопнула дверь, и тогда мы оба припали к окну, наблюдая за тем, как Фрейзер лезет в свой джип. Послышался скрежет шин, и машина выехала со двора.

– Немедленно звоню Кэлу, чтобы он успел уехать вместе с ружьем куда-нибудь подальше от дома Фрейзера. Отправлю-ка я его на ферму к родителям Лочи, на тот случай если Фрейзер вдруг надумает охотиться за ним. Там он его ни за что не найдет, – бросил Чарли, снова направляясь к телефону в соседнюю комнату.

Спустя пару секунд в кухне появилась Ульрика. Следом за ней плелась Зара, всем своим видом выражая полнейшее негодование от всего происходящего.

– Это не машина Фрейзера только что отъехала? – спросила у меня Ульрика.

– Да, это его джип, – коротко обронила я в ответ.

– Но он же должен был дожждаться меня!

Я тяжело опустилась на стул. Кажется, весь адреналин, на котором я держалась последние пятнадцать минут, куда-то мгновенно испарился.

– С тобой все в порядке, Тигги? У тебя какой-то чудной цвет лица, – сказала Зара, подходя ко мне ближе. В дверях появился Чарли, победоносно вскинув вверх большой палец. Ульрика нерешительно мялась, стоя посреди кухни.

– Ну, что? Поговорили с Зарой? – спросил у нее Чарли.

– Поговорили, – кивнула в ответ Ульрика. – Она тоже согласилась со мной, что, в конце концов, все к лучшему.

– Так и есть, – подтвердила Зара и, стоя за спиной матери, беззвучно спросила у нас: – Что за ерунда тут происходит?

– То есть ты абсолютно уверена, Ульрика, что развод – это именно то, чего ты хочешь?

– Абсолютно! Обратной дороги нет. – Ульрика бросила на меня испепеляющий взгляд. – Теперь он всецело в вашем распоряжении, если он вам еще нужен. Что ж, тогда я поехала. Мы с Фрейзером сегодня собираемся на ужин.

– Приятно провести время, – пожелала я ей вдогонку, когда она вышла из кухни и поспешила к своему джипу.

Зазвонил телефон, и Чарли пошел ответить на звонок.

Зара подождала, пока за ним захлопнется дверь кабинета, а потом повернулась ко мне.

– Может, хоть ты наконец объяснишь мне, что здесь происходит? Я, понимаешь ли, корчу из себя дурочку, делаю вид, что я всем довольна. В том числе и тем, что моя мамаша в буквальном смысле этого слова содействует своему дружку-идиоту, вознамерившемуся увести мое наследство! Я даже пообещала ей провести половину каникул в его гребаном доме, хотя на самом деле все, чего я хочу, так это выпустить ему все кишки!

– Не надо так злиться на свою мать, Зара. Ты же знаешь, как это бывает... Любовь слепа, – миролюбиво обронила я.

– Что?! Так ты сейчас тоже на ее стороне?

– Конечно нет, Зара. Но... давай дождемся твоего отца, и потом мы тебе все расскажем. А пока, прошу тебя, сделай мне чашку очень сладкого чая, будь добра.

Вернувшись на кухню, Чарли первым делом подошел ко мне и, взяв за запястье, стал считать мой пульс.

– Это опять Кэл звонил. Он уже на ферме у родителей Лочи, жив, здоров и в полной безопасности. Пульс у вас учащенный, Тигги, что и

неудивительно. Срочно в постель, мисс! – строго добавил он и, обхватив меня за талию, помог подняться со стула.

А я и не сопротивлялась. Я действительно была без сил.

– Так все же кто-нибудь скажет мне наконец, что тут у нас творится?! – жалобно воскликнула Зара.

– Я тебе все расскажу. Вот уложу Тигги в постель, вернусь и все расскажу, – пообещал ей Чарли. – А пока, Зара, можешь принять к сведению лишь одну вещь: судя по всему, эта удивительная женщина только что спасла твое наследство.

38

Когда я проснулась на следующее утро, в комнате было уже светло. Утреннее солнце мягко светило в окно. Я глянула на часы: двадцать минут девятого. Получается, что я проспала беспробудным сном всю ночь. Я стала медленно приходить в себя, постепенно связывая воедино все разрозненные фрагменты того, что случилось вчера.

– Неужели это была ты? – пробормотала я, мысленно представив себя, стоящую посреди кухни, разговаривающую с Фрейзером и сохраняющую при этом убийственное хладнокровие. Вот я заявляю ему прямо в лицо, что знаю наверняка: это он стрелял в меня. Откуда у меня взялось столько смелости? Ума не приложу. Ведь по жизни я совсем не воинственный человек, не склонный к конфликтам и выяснениям каких-либо отношений.

Ополоснув лицо холодной водой, чтобы проснуться окончательно, я услышала, как кто-то осторожно царапается в мою дверь.

– Входите! – бросила я и снова залезла под одеяло.

В спальню вошел Чарли, неся перед собой поднос с завтраком: чайник с горячим чаем, тост, а рядом – тонометр. На шее у Чарли болтался стетоскоп.

– Как чувствуете себя, Тигги? Ночью я пару раз заглядывал к вам, проверял пульс, но сейчас хочу измерить ваше давление и прослушать сердце.

– По-моему, со мной все в порядке, Чарли. Я отлично выспалась.

– В отличие от меня, – проговорил он, ставя поднос на кровать передо мной. – Позвольте еще раз принести вам свои извинения за то, что втянул вас вчера в столь неприятные разборки; честно говоря, я повел себя как самый последний эгоист. Что-что, а подобный стресс был вам совсем ни к чему.

– Правда, я чувствую себя хорошо, – возразила я, а Чарли в это время уже вставил в уши стетоскоп и начал прослушивать мое сердце и грудную клетку. Потом измерил давление.

– А сейчас скажите мне, вы сдавали анализы у себя в Женеве перед отъездом сюда?

– Не успела. Я ведь летела сюда вместе с Зарой. Все получилось так скоропалительно, но...

– Никаких «но»! Я записываю вас на обследование в нашей больнице в Инвернесе прямо на завтра. Хотя должен констатировать, что, к моему удивлению, все ваши показания сегодня в норме, – ответил Чарли, снимая с моей руки монитор, а потом налил мне в чашку немного чая.

– Не забывайте, я почти безвылазно провалялась в постели все последние три недели, то есть у меня было предостаточно времени для того, чтобы хорошо отдохнуть. А потом, все, что случилось здесь вчера, это для меня несколько запредельный опыт: как будто все это было не со мной. Я даже толком не помню, что говорила. У меня было такое чувство, будто кто-то другой говорит за меня те слова, которые должна была сказать я сама.

– Но это *были вы*, Тигги, и вы были поистине великолепны. Правда! Мне вовек не отблагодарить вас за то, что вы вчера сделали для меня. Надеюсь, вы не жалеете об этом? Или все же думаете, что лучше было бы обратиться в полицию?

– С какой стати я должна жалеть, коль скоро это помогло нам избавиться от Фрейзера? То, что ему не удалось выцарапать у вас Киннаирд, для него, по сути, равносильно тюремному заключению. Кстати, он уже уехал? – спросила я, чувствуя, как слегка екнуло у меня сердце.

– Уехал, да. Сюда в семь утра примчалась Ульрика. Она была вне себя от ярости. С ней тут случилась самая настоящая истерика. Все допытывалась, что такого я наговорил Фрейзеру, что заставило его быстро собрать свои манатки и в тот же вечер отчалить прочь без нее.

– Так он не взял ее с собой?

– Нет. Более того, он заявил ей, что между ними все кончено и что в Канаду он возвращается один. Ульрика уверена, что я вылил на нее ушаты грязи, вот он и передумал. Я удивлен, что вы не слышали наших криков.

– Нет, не слышала. Она все еще здесь?

– Нет, унеслась прочь на запредельной скорости, пригрозив на прощание встречей в суде. Думаю, пока еще рано говорить о том, что будущее Киннаирда в полной безопасности. – Чарли вздохнул. – В ходе бракоразводного процесса Ульрика наверняка постарается урвать свой кусок добычи, и пожирнее, уверен в этом.

– А я как-то об этом и не подумала.

– И хорошо. Надеюсь, мне все же удастся каким-то образом откупиться от нее. Для этого, возможно, придется продать несколько сот акров, прилегающих к основной территории имения. Эти земли на протяжении многих лет тоже числились за Киннаирдом. В любом случае благодаря вам, Тигги, мы спасли главное – сам Киннаирд. А сейчас налегайте на завтрак.

– Спасибо, – поблагодарила я и улыбнулась в ответ, искренне обрадовавшись тому, что, несмотря на бессонную ночь, из его взгляда исчезло наконец это пугающе выражение вселенской обреченности. Сейчас его красивые голубые глаза снова искрились светом и были полны надежды.

– А как отреагировала Зара на все, что вы ей рассказали? – поинтересовалась я, принимаясь за тост.

– О, в приличном обществе я бы не рискнул повторить те слова, которые она пустила в ход, но, *говоря другими словами*, она в полном восторге.

– Она затронула тему вашего предстоящего развода с Ульрикой? Вчера она держалась молодцом, но наверняка эта новость задела ее за живое.

– Если это ее и вправду огорчило, то тогда она мастерски скрыла свое огорчение от меня. Я даже думаю, Тигги, что ей *будет гораздо спокойнее* видеть нас с ее матерью порознь. В сущности, она с пеленок была папиной дочкой. Может, Ульрика думает, что я специально так делал, баловал Зару, а заодно и нашептывал ей всяческие гадости про мать, чего я никогда себе не позволял. Напротив! Я всегда хотел, чтобы

они ладили друг с другом, но у них ничего не получалось. Кстати, Зара тут уже начала кампанию за то, чтобы переехать в Киннаирд вместе со мной. Лочи успел ей все рассказать про свой колледж. Может быть, и мне *стоит подумать*. То есть я хочу сказать, а почему Заре обязательно нужно идти по стопам всех своих предков, включая и меня? Закрытая частная школа и прочее... К тому же лишняя пара рук мне сейчас никак не помешает, коль скоро я попытаюсь спасти Киннаирд для самой же Зары.

– Вы переезжаете в Киннаирд? – удивилась я.

– Да, Тигги, переезжаю. После того как я вчера вечером уложил вас в постель, я долго размышлял и много чего понял, чему, впрочем, поспособствовало и виски. Я вдруг все увидел в истинном свете.

– Что – «все»?

– Во-первых, то, что Киннаирд, можно сказать, у меня в крови. Я – плоть от плоти его, не больше и не меньше. Наверное, человек начинает по-настоящему ценить то, что имеет, лишь тогда, когда ему грозит потерять это. Так что в какой-то степени я даже должен быть благодарен Фрейзеру за то, что он открыл мне глаза. Вот я и решил взять в своей клинике отпуск на год. Этого времени, по моим соображениям, мне должно хватить на то, чтобы полностью сосредоточиться на всех проблемах Киннаирда, а заодно и продумать все, что следует сделать для возрождения имения. И потом, у меня будет достаточно времени, чтобы убедиться в том, что я могу и впредь жить и работать здесь на постоянной основе. Я в долгу перед своими предками, да и для Зары обязан сделать еще многое. А в медицину я всегда сумею вернуться, если что-то здесь не сложится. А может, мы с вами даже сумеем осуществить нашу общую мечту и исчезнуть где-нибудь вместе на необъятных просторах Африки, – неожиданно улыбнулся Чарли.

– Если уж говорить про Африку, – нерешительно начала я, почему-то сразу же почувствовав себя виноватой, – у меня на следующей неделе собеседование в Лондоне: предлагают работу смотрителя в Национальном парке-заповеднике в Малави.

– Малави – это в Африке?

– Да.

– Что ж, тогда... – Я увидела панику в его взгляде. – Конечно, я все понимаю. – Чарли нервно сглотнул слюну. – Я же сам рассказал

вам в свое время, какое туманное будущее ждет Киннаирд... Разве имею я сейчас какое-то моральное право отговаривать вас? Хотя, с другой стороны, я буду сильно волноваться по поводу состояния вашего здоровья, это правда. Тем более едва ли в тех местах есть поблизости приличные больницы. Сомневаюсь! И потом...

– Что?

– И потом, я до последнего продолжал надеяться на то, что вы останетесь здесь и поможете мне в Киннаирде.

Последовало затяжное молчание. Казалось, что в воздухе буквально вибрировало все то, что мы хотели сказать друг другу, но не знали, как это сделать. Я медленно пила свой чай и поглядывала в окно, чувствуя себя крайне неловко. Чарли же поднялся со стула и стал расхаживать по комнате, засунув руки глубоко в карманы.

– Вчера вечером, когда мы с вами, можно сказать, на ходу придумали и реализовали план, который вполне тянет на то, чтобы назвать его «Фрейзергейт», я подумал... то есть я решил, что мы с вами одна команда. И это было так здорово, Тигги.

– Да, вчера мы выступили весьма достойно, – согласилась я.

– А еще... Понимаю, рано начинать разговор на эту тему. Хоть вы и спасли для меня Киннаирд, но еще многое предстоит сделать для того, чтобы в будущем это принесло свои осязаемые плоды, и не факт, что так оно и будет. Плюс многое другое... Достаточно вспомнить, что впереди меня ждет изматывающий бракоразводный процесс... Но все равно я до последнего надеялся, что вы, Тигги, будете... со мной.

– В качестве вашего наемного работника? – уточнила я, понимая, что поступаю невеликодушно, задавая Чарли такие провокационные вопросы. Но уж очень мне хотелось заставить его сказать все те слова, которые он должен был сказать мне.

– Да, и в этом качестве, разумеется. Но нет! Я имею в виду – *со мной*.

Чарли подошел к кровати и уселся на постель рядом со мной. Протянул руки к моим рукам, длинные тонкие элегантные пальцы трепетали от нетерпения. И вдруг я увидела, как моя ладонь раскрылась сама собой, я взялась за его пальцы и крепко сжала их. Мы глянули друг на друга, стеснительно улыбаясь. Мы оба молчали. Да и зачем нужны слова, когда мы и так *все знаем*?

«В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии...»

Чарли сдвинул с моих колен поднос с завтраком и привлек меня к себе. Я положила голову ему на грудь, и он принялся гладить мои волосы.

– Я хочу быть рядом с тобой, ухаживать за тобой до конца своих дней, – прошептал он, переходя на «ты». – Хочу, чтобы мы вместе возродили Киннаирд и стали семьей, счастливой семьей. Я мечтал об этом с самой нашей первой встречи у меня в клинике. Мечтал столько месяцев, но и представить себе не мог, что моя мечта может когда-нибудь исполниться. И вот случилось чудо, и все исполнилось.

– Я тоже об этом мечтала, – призналась я и слегка покраснела, когда он, взяв меня за подбородок, слегка приподнял его, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Неужели правда? Ты меня поражаешь. Ведь я же старше тебя... К тому же с таким грузом проблем на плечах. Понадобится еще много времени, чтобы их решить. Заранее предупреждаю тебя, Тигги, все это будет непросто, но меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы ты была недовольна или постоянно критиковала меня, как это делала Ульрика.

– Я не Ульрика, – тут же отрубил я. – Я – это я, и вообще, критиковать и негодовать – это не мое.

– Все так. Ты не такая. Ты – волшебница. Да, ты – *волшебница*. – Я увидела, как глаза Чарли наполнились слезами. – Ну вот, я сейчас расплачусь!

Боже, до чего же я жалок! Так каков будет твой ответ?

– Я...

Мне очень хотелось сказать Чарли «да», но я понимала, что должна еще и еще раз все основательно обдумать и лишь потом уже озвучивать свое решение. Этот дорогой моему сердцу мужчина и так достаточно настрадался, я не имею права причинять ему дополнительную боль. Если я отвечу согласием, то это должно быть навсегда.

– Дай мне пару часов, чтобы подумать, ладно? – попросила я. – Я должна тут кое-кого навестить вначале.

– Конечно, что за вопрос. Но могу я поинтересоваться, кого ты собралась навещать?

– Нет, не можешь. Потому что, если я скажу тебе, ты решишь, что я совсем спятила.

– Думаю, Тигги, ты действительно немного того. – Чарли нежно поцеловал меня в лоб. – Но я тебя все равно люблю, – добавил он, широко улыбаясь.

«Он любит меня...»

– Ладно! Тогда скажи мне, где вы похоронили Чилли?

– Конечно, скажу. – Легкая улыбка продолжала блуждать по его губам. – Само собой, мы похоронили его на нашем семейном кладбище; ведь он же тоже *был частью нашей семьи*. Его могила прямо за часовней. – Чарли поднялся с постели. – Я покажу тебе, но чуть позже. А прямо сейчас я собираюсь в гости к Берил. Хочу рассказать ей обо всем, что у нас произошло. И буду слезно просить ее снова вернуться в Киннаирд-лодж.

* * *

– Здравствуй, дорогой Чилли, – промолвила я, преклонив колени перед простым крестом, точно таким же, какие я видела на кладбище в Сакромонте. На табличке значилось только имя Чилли, ведь никто здесь не знал ни его фамилии, ни даты рождения. – Мне очень жаль, что я не смогла проститься с тобой, как положено, но спасибо, что в ту ночь, когда ты возносился на небеса, ты сделал по пути небольшую остановку в Сакромонте.

Я погладила рукой в перчатке снежный покров, укутавший могильный холмик, и подняла глаза к небу: ведь именно там была сейчас его душа.

– Помнишь, в нашу самую первую встречу ты сказал мне, что я покину Киннаирд? Но вот я вернулась назад, и Чарли попросил меня остаться с ним. А это значит, что всем моим мечтам об Африке пришел конец, но... ты бы не смог спросить тех духов, которые сейчас рядом с тобой, что они думают?

Ответа не последовало, да я его, если честно, и не ждала, ведь, несмотря на то что я отлично понимала, сколько трудностей нас с Чарли поджидает в будущем, ответ уже был готов у меня самой. И

каждая клеточка моего естества наполнилась счастьем и уверенностью в том, что я поступаю правильно.

– Скажи Ангелине, что я скоро навещу ее вместе с мистером Чарли, – бросила я на прощание и медленно побрела среди могил бывших обитателей Киннаирда, обретших здесь свое последнее пристанище, в сторону своего лендровера.

Я уже садилась в машину, как вдруг в моей голове явственно прозвучали слова: *«В один прекрасный день ты тоже упокоишься здесь, хотчивитчи»*. И я невольно хихикнула, потому что сказать такое – это ведь так похоже на Чилли. А еще я в эту минуту подумала: что ж, коль скоро я когда-нибудь лягу в эту землю, это значит, что как бы долго ни продлилась моя земная жизнь, с Чарли я останусь навсегда. И это именно то, что я и хотела узнать у Чилли.

* * *

– Вот она, наша героиня дня! – радостно приветствовал меня Кэл, когда я вошла к нам в дом, все еще переполняемая эмоциями от того, что произошло со мной за последние несколько часов. Да и посещение могилы Чилли тоже поспособствовало моему особому душевному настрою. – Как себя чувствуешь, Тиг?

– Если честно, голова идет кругом, – призналась я, подошла к дивану и села.

– Зара ко мне недавно заскакивала и обо всем рассказала. Ввела, так сказать, в курс дела. Похоже, ты вчера сыграла свою лучшую игру, а заодно и нас всех спасла. Тут у нас поползли слухи, что лэрд, вдобавок ко всему остальному, вознамерился еще и развестись со своей благоверной. Это правда?

– Без комментариев, – беспечно ответила я.

– Что ж, этим двоим уже давно пора шагать по жизни каждому своей дорогой. А сейчас, – Кэл выпрямился в полный рост и уставился на меня гипнотизирующим взглядом, – мне нужно показать тебе нечто такое, что потрясет тебя до самого основания. Готова к сюрпризам, Тиг?

– Надеюсь, ничего плохого?

– Конечно нет! Тебя ждет встреча с самым настоящим чудом! Вперед.

– Ну, если речь идет о приятном, – начала я не вполне уверенно, чувствуя смертельную усталость от всех своих эмоциональных и умственных нагрузок.

– Нам сюда! – скомандовал Кэл, указывая на небольшой сарай слева от дома. Потом достал ключ из кармана и открыл дверной замок. – Готова? – снова спросил он у меня.

– Готова.

Кэл распахнул дверь, и я вошла вслед за ним в сарай. Из угла послышался негромкий шорох, свет, проникающий с улицы через дверной проем, высветил тощую самку оленя, лежавшую на подстилке из соломы. Глядя на то, как она отчаянно пытается подняться на ноги и снова падает, я поняла, что самочка очень слаба.

– Что с ней случилось? – спросила я шепотом.

– Я подобрал ее минувшей ночью в березовой роще, Тиг. Она была в полном изнеможении, стояла на коленях. По ее обвислому животу я понял, что у нее начались родовые схватки. Мы с Лочи кое-как перетащили ее в багажник нашей «Берил» и привезли сюда, – также шепотом принялся пояснять мне Кэл. – Олененок, он родился на рассвете, тоже очень слабенький. Возможно, преждевременные роды. Но, когда я осматривал его в последний раз, он был еще жив. А вот мамаша его борется из последних сил. – Кэл тяжело вздохнул.

Мы оба взглянули на самку, она снова упала на солому и застыла, не в силах пошевелиться.

– Ступай, взгляни на ее потомство, – поторопил меня Кэл.

– А ты уже позвонил Фийоне?

– Нет. Сейчас поймешь, почему, – ответил он, легонько подталкивая меня к самке.

Шепча какие-то ласковые слова и мысленно повторяя их, я осторожно приблизилась к роженице и остановилась возле соломенного подстила. Потом медленно опустилась на колени.

– Здравствуй, милая, – прошептала я. – Меня зовут Тигги, и я пришла, чтобы помочь тебе.

Я замерла в коленопреклоненной позе, чувствуя под собой холодный и сырой пол, но ни на секунду не отрывала своего взгляда от ее измученных глаз.

– *Поверь мне, я твой друг*, – снова и снова повторяла я мысленно, обращаясь к самке оленя.

Наконец самочка сама отвела свои красивые глаза в сторону, ее худящее тело слегка расслабилось, и я, осмелев, придвинулась к ней поближе.

– Ты взгляни на подстилку рядом с ней, – прошептал мне сзади Кэл. – Вот тебе фонарик.

Он протянул мне фонарик, я включила его и направила луч в полумрак, откуда торчали две маленькие ножки. Я провела лучом по всему туловищу: олененок лежал ничком, и было что-то пугающее в его неподвижности. И тут я издала удивленный возглас, решив в первое мгновение, что это просто обычный световой эффект. Но вот я направила луч фонарика прямо в упор и ошарашенно повернулась к Кэлу.

– Боже мой! – выдохнула я в полнейшем изумлении.

– Я знал, Тиг. Говорил же, тебя ждет встреча с чудом.

Слезы сами собой брызнули у меня из глаз, и я опустилась на подстилку из соломы, пытаюсь получше разглядеть новорожденного и его окрас.

– Он же белый, Кэл, абсолютно белый! Я...

Кэл молча кивнул в ответ, я увидела, как его глаза тоже подернулись влагой.

– Беда в том, Тиг, что его мамочка, судя по всему, отходит, а маленький лежит неподвижно с тех самых пор, как появился на свет. А ему ведь нужно сосать.

– Сейчас я попробую подобраться к нему поближе, – сказала я, придвинувшись к олененку настолько, что смогла просунуть свою руку прямо под нос его матери, чтобы она смогла учуять мой запах и привыкнуть к нему. Потом я слегка приподняла руку и положила ее на шею самочки. Почувствовав мое прикосновение, она взглянула на меня. В ее глазах читались страх и боль. И я поняла, что время, отпущенное ей на земле, постепенно иссякает.

Я слегка пошевелилась, чтобы устроиться поудобнее и еще раз взглянуть на олененка, лежавшего рядом со своей измученной матерью. Потом коснулась рукой его мягкой шерстки на боку и стала осторожно гладить маленького по всему туловищу, одновременно ощупывая его хрупкое тельце. После чего взяла заднюю ножку, слегка

приподняла ее и проверила, все ли косточки целы. Осмотр в целом оказался весьма благоприятным. Безусловно, олененок очень слаб, но каких-то видимых физических изъянов я не обнаружила.

– Ну, как он? – нетерпеливо спросил у меня Кэл.

– Само совершенство. Только очень уж слабенький. Хватит ли у бедняжки сил для того, чтобы...

«Ты должна спасти его, Тигги», – немедленно подсказал мне собственный внутренний голос.

– Сейчас попытаюсь что-то сделать, если смогу. – Я закрыла глаза и взмолилась, обращаясь к духам за помощью, которая сейчас была так нужна мне.

Вспомнила, как учила меня Ангелина, и представила, что в эту самую минуту вся жизненная энергия, растворенная в космосе, стекается в мои руки. Я подняла ладони вверх, а потом приложила их к телу олененка. Так я проделала пять или шесть раз, одновременно вытягивая из тельца животного всю плохую энергию и отправляя ее прочь, в небесное пространство. Не знаю, сколько я просидела, медитируя над олененком, но когда я очнулась и вышла из транса, то увидела, что у него открылись глазки и он с интересом разглядывает меня.

– Привет, – поздоровалась я с ним.

В ответ олененок вытащил свои ножки из-под тела матери и уткнулся головкой в мои колени.

– Какой красивый мальчик, – восхищенно воскликнула я и, наклонившись, поцеловала его в новенькую белую шерстку.

Боковым зрением я увидела, как его мать пытается оторвать голову от соломы. Она открыла глаза и застенчиво посмотрела на меня.

– Ты у нас тоже красавица, – поспешила я успокоить ее, глянув на длинные ресницы, обрамляющие ее глаза, и белую звездочку посреди лба. – Наверное, поэтому Пегас и выбрал тебя, правда ведь?

Я положила свою вторую руку на ее голову, одна из ее костлявых ног слегка дернулась и приподнялась, словно она пыталась прикоснуться ко мне. Но по всему было видно, что у самочки уже не осталось ни сил, ни времени.

– Не волнуйся, – прошептала я, глядя ее по голове. – Там, куда ты сейчас идешь, тебе будет хорошо. А о своем маленьком можешь не

беспокоиться. Клянусь тебе, я позабочусь о нем.

Мне показалось, что из глаза умирающей выкатилась слезинка и покатила вниз, а потом олениха откинулась на солому и закрыла свои глаза навсегда.

Мои слезы полились ручьем на теплую кожицу ее осиротившего сына. Какая странная закономерность, подумала я. Мы с ним оба потеряли своих матерей, умерших при родах. Вот такая неожиданная связь образовалась у меня с этим созданием из мира животных. Не знаю, сколько времени я просидела в сарае, держа голову олененка на своих коленях и оплакивая вместе с ним горестные судьбы наших матерей, которых мы так никогда и не узнали.

– С тобой все в порядке, Тиг? – осторожно поинтересовался у меня Кэл.

– Все в порядке. Печально, что его мама умерла, но, как мне кажется, сам олененок должен выжить. Ты только взгляни на него!

Малыш ткнулся носом в мою руку, явно в поисках молока.

– Беда, Тиг! – тяжело вздохнул Кэл. – Придется, видно, нам растить его вручную.

– А у тебя есть в запасе какие-нибудь бутылочки и соски?

– Вроде пара штук имеется. Пойду, поищу молока, хотя, скорее всего, он его не станет есть. А еще приволоку сюда портативный газовый нагреватель. По-моему, ты рискуешь снова подцепить простуду, – добавил он, глянув на меня.

– Спасибо, Кэл. – Меня тронула его забота, ибо только тут до меня дошло, что я действительно вся трясусь. Впрочем, скорее не от холода, а от пережитого эмоционального стресса.

– Что же нам с тобой делать? – прошептала я, обращаясь к олененку, который, кажется, окончательно ожил и сейчас беспокойно заерзал на соломе в поисках пищи. – Может, для начала перекрасить тебя в бурый цвет, чтобы никто, кроме нас, не знал, что ты беленький...

Кэл появился минут через двадцать, и к тому времени я уже успела изрядно замерзнуть, а потому обрадовалась, что он принес с собой обогреватель. Вместе с ним прибежали Зара и Лочи. Я жестом пригласила их подойти поближе и полюбоваться на олененка.

– Нашел этих двоих за домом. Представляешь, спрятались за стенкой и курили? – Кэл бросил суровый взгляд на Зару. – А где ваше

«здравствуйте», молодые люди?

– Ах, Тигги! – выдохнула Зара, подбегая ко мне. – Он просто бесподобен!

– Не верю своим глазам, Тигги, – сказал Лочи, опускаясь на колени рядом с Зарой. – Кто бы мог подумать? Можно мне его погладить?

– Можно. Малыш должен привыкать к человеческим рукам, если хочет выжить, – ответила я. Лочи и Зара принялись нежно поглаживать сиротку.

– Кэл говорит, что это вы, Тигги, вдохнули в него жизнь. Вы умеете обращаться с животными, точно как моя мама, – обронил Лочи, задержав руку на светлой шерстке животного.

– Вот бутылочка, Тиг. – Кэл протянул мне бутылочку с молоком, а потом стал придвигать по неровному полу обогреватель поближе к нам.

Очень осторожно я наклонила бутылочку и попыталась вставить соску в рот олененка, но тот наотрез отказался разжать свои челюсти. Тогда я выдавила несколько капель молока и смазала ему десны, молясь лишь об одном только бы он начал сосать.

– Ну же, милый! – прошептала я, обращаясь к нему. – Попей немножко. Тебе нужны силы. Ты должен вырасти большим и крепким ради своих родителей.

Еще несколько безуспешных попыток, и наконец, к нашему всеобщему облегчению, малыш открывает свой ротик и начинает сосать.

– Он, наверное, думает, что ты его мама, Тиг, – улыбнулся Кэл, наблюдая за этой картиной со стороны, а олененок допил бутылочку до дна и стал требовательно тереть меня за руку, ожидая добавки. – Вопрос лишь в том, что нам сейчас делать с этой сироткой? Тебе я точно не позволю проторчать рядом с ним всю ночь в этом холодном сарае. Еще не хватало, чтобы ты снова заболела. А с другой стороны, где гарантия, что он уцелеет? Что никто не пронюхает о том, что у нас появился на свет белый олененок. Тогда глазом не успеешь моргнуть, как его славная маленькая головка превратится в чучело на стене!

– Давайте отвезем его к моим, – предложил Лочи. – Мама будет счастлива обзавестись еще одним питомцем в доме, тем более таким редким, как этот.

Мы с Кэлом переглянулись. Кажется, забрезжил свет в конце тоннеля и решение найдено.

– Но ты уверен, Лочи? – спросила я у юноши. – То есть я хочу сказать, что тоже согласна быть на подхвате хоть каждый день, но ведь речь идет о круглосуточном присмотре. Получается, что это ручное вскармливание детеныша оленя.хлопот будет много.

– Я тоже буду помогать, – немедленно предложила свои услуги Зара.

– Не волнуйтесь, Тигги! Какие хлопоты? – заверил меня Лочи. – Я более чем уверен, что все мы совместными усилиями сможем выводить его. К тому же наша ферма стоит на отшибе, вдали от любопытных глаз, а потому олененок будет у нас в полной безопасности.

– Все верно, Тиг. Лочи прав, – подтвердил Кэл. – На сей раз другого выхода у нас нет. А теперь давайте отнесем малыша в машину, и Лочи отвезет его к себе. Чем быстрее мы заберем олененка отсюда, тем лучше.

Я поднялась с пола, подхватив олененка на руки, его длинные худые ножки тотчас же свесились с моих рук. Кэл помог мне устроиться на пассажирском месте рядом с водителем, Зара вскарабкалась на заднее сиденье, Лочи сел за руль.

– А я пока останусь здесь, разберусь с его мамой, – сказал Кэл.

– Пожалуйста, только не вздумай освежевать ее и спустить кровь, – попросила я.

– Что ты говоришь такое, Тиг? Конечно, я не стану ничего этого делать. Упокою бедняжку где-нибудь в лесу неподалеку от Киннаирд-лодж и даже обозначу место захоронения парой веток.

– Спасибо тебе.

Я крепко прижала к груди свой драгоценный груз, и мы двинулись в путь. На выезде из имения мы свернули влево, по направлению к церкви, потом проехали еще несколько километров, углубившись в горы. Но вот впереди показалось низкое строение из серого камня, судя по всему, дом фермера. Из трубы тянулась тонкая струйка дыма. В сгущающихся сумерках было видно, как сотни белых пушистых точек разбрелись по окрестным пастбищам.

– У нас скоро начнется пора ягнения, – сказал Лочи, перехватив мой взгляд и тормозя старушку «Берил», потом выскочил из кабины,

обошел вокруг машины и, открыв дверцу, помог мне выбраться наружу с малышом на руках. Я замерла на мгновение, прижимая к себе драгоценный груз: огляделась по сторонам, посмотрела на небо. Тонкий серпик молодого месяца завис прямо над нашими головами в ореоле неяркого серебристого сияния, словно приветствуя пришествие в этот мир еще одного новорожденного. Затем мы с Зарой проследовали за Лочи, который повел нас напрямик в просторную кухню с низкими потолками.

Фийона стояла возле плиты и помешивала суп в большой кастрюле.

– Добрый вечер, Тигги, Зара, – с улыбкой встретила нас хозяйка. – Какая приятная неожиданность! Очень рада видеть вас обеих! А что это у вас там? – Она подошла к нам ближе, чтобы рассмотреть.

– Мапочка, он очень необычный олененок, потому вы с папой должны пообещать нам, что никому не проговоритесь о нем, – сразу же предупредил ее Лочи.

– Как будто это и так непонятно! – возмутилась Фийона, бросив выразительный взгляд на сына, а потом принялась разглядывать олененка. – О боже, Тигги! Неужели он такой, как я подумала?

– Да. Вот он. Держите!

– С удовольствием! – воскликнула взволнованная Фийона. Я вручила ей свой долговязый сверток и сделала шаг назад, чтобы понаблюдать за тем, как малыш станет реагировать на новую пару рук. Но он даже не пошевелился, когда Фийона обняла его и стала нашептывать всяческие нежности. Я перевела облегченный вздох, интуиция подсказывала мне, что о лучшей приемной матери для малыша, чем Фийона, и мечтать не приходится. Да и сама ферма – тихое, уединенное место – идеально подходит для того, чтобы надежно спрятать здесь олененка от посторонних глаз.

– Лочи, сними с огня кастрюлю и поставь чайник, – попросила Фийона сына, а сама знаком поманила нас с Зарой к довольно обшарпанному кухонному столу и также знаком попросила меня сесть рядом с ней. – Как я понимаю, мама его умерла?

– К сожалению, да. Но причина естественная: тяжелые роды.

– Лочи рассказывал мне, что в вас стреляли, когда вы пытались спасти от браконьера белого оленя.

– Да.

– Так это, скорее всего, сын убитого оленя. Лейкизм, как правило, передается по наследству.

– Наверняка вы правы, так оно и есть. Кэл говорит, малыш родился сегодня утром. Мне удалось скормить ему бутылочку молока, но он все еще очень слабенький.

– А мне кажется, что малыш живой и подвижный, и это хороший знак. Сейчас я его осмотрю, если вы не возражаете.

– О, это было бы замечательно. Признаюсь, когда я увидела его впервые, то подвижности в нем было мало, – ответила я. Фийона подняла с пола свою медицинскую сумку и извлекла оттуда стетоскоп.

– Кэл рассказывал нам, что Тигги возложила на олененка свои руки и буквально вдохнула в него жизнь, – пояснила Зара, а Фийона тем временем принялась прослушивать сердечко малыша.

– Да, я уже слышала о целебной силе ваших рук, Тигги. Это правда? – спросила она у меня.

– Кэл говорит, что это чистая правда, – ответил Лочи вместо меня.

– Лочи, почему бы вам с Зарой сейчас не прогуляться в сарай? Сходите, полюбуйтесь на наших маленьких котят, – предложила сыну Фийона. – И малышу здесь будет попросторнее.

– Хорошо, мама.

Лочи повел Зару к дверям черного хода, а Фийона продолжила осмотр.

– Как смотрите, Тигги, если станете работать вместе со мной? Помоему, я вам уже озвучивала такой вариант в нашу последнюю встречу. Я большой фанат нетрадиционных способов лечения, особенно в сочетании с традиционной медициной.

– Боже, да я буду просто счастлива, Фийона. Но у меня ведь нет официального образования ветеринара. И квалификации тоже нет.

– Ну, квалификация – дело наживное. Но главное – это тот дар, который у вас есть.

– Вы это серьезно? – недоверчиво спросила я.

– Абсолютно серьезно, – подтвердила Фийона. – Давайте как-то встретимся и обсудим эту тему как следует, лучше за бокалом вина. Ну, вот! – Она положила стетоскоп в сумку. – Мальчик в чудесной форме. Подержите его пока, а я проверю, как там мой суп. Отец Лочи должен вот-вот появиться к ужину.

Как бы я хотела в один прекрасный день стать такой же, как эта женщина, подумала я. Фийона Мак Дуглас не только состоявшийся ветеринарный врач, работающий с полной нагрузкой. Она еще и замечательная жена, мать и, наконец, просто прелестное, совершенно очаровательное создание.

– А вы помните, что мифологического Пегаса, который тоже был сиротой, воспитали Афина и музы?

– Тогда мы должны назвать малыша в честь его отца, – прошептала я в ответ, зарывшись головой в его мягкий мех. Во мне вдруг проснулись материнские инстинкты, причем с такой силой, которая даже немного пугала.

– Оставайтесь с нами на ужин, Тигги. За столом и поговорим о том, как мы станем ухаживать за нашим Пегасом.

В эту минуту в кухню вошел мужчина, внешне чем-то очень похожий на Кэла: такое же крупное телосложение, обветренное лицо.

– Добрый вечер, дорогой, – приветствовала его улыбкой жена, когда он первым делом подошел к ней, чтобы поцеловать, а потом уже стал стягивать с себя куртку. – Сходи, пожалуйста, в сарай и позови к ужину Лочи и Зару. Они там возятся с котятками.

– Иду. А кто это у нас тут? – Он подошел поближе ко мне и глянул на Пегаса. – *Что за гость такой?*

– Хеймиш, познакомься. Это Тигги. Она работает в Киннаирде. Консультант лэрда по диким кошкам.

– Здравствуйте, Тигги. Рад познакомиться. – Хеймиш доброжелательно улыбнулся, а я про себя заметила, сколько теплоты в его взгляде.

– А что касается нашего особого гостя, так это Пегас. Родился сегодня утром. Пока останется у нас, подальше от всяких неприятностей. Дорогой, поторопи нашу детвору, пока суп не остыл окончательно, – добавила Фийона, обращаясь к мужу, а потом стала разливать суп по мискам.

Через пять минут все мы благополучно расселись за старым дубовым столом посреди кухни и с удовольствием принялись уплетать вкуснейший овощной суп, макая в него толстые ломти теплого белого хлеба.

– Так вы тоже поклонница вегетарианства, как и моя жена? – поинтересовался у меня Хеймиш.

– О, гораздо хуже, – рассмеялась я в ответ. – Я – стопроцентный веган.

Внезапно послышался тоненький писк со стороны стула, на котором сидела Зара. Все взоры сразу же устремились на нее.

– Я не смогла оставить его в сарае, – жалобно пролепетала Зара, слегка покраснев, распахнула свой жакет и извлекла оттуда рыжего полосатого котенка, напоминающего своим окрасом крохотного тигра. Да и взгляд у него был свирепый, вполне под стать матерому хищнику. – Мама терпеть не может кошек, но сейчас папа переезжает в Киннаирд. Думаю, мы с ним вполне можем обзавестись собственным котенком в Киннаирд-лодж... Или даже парочкой. Ну разве он не красавец? – Девочка погладила котенка по головке.

– Очень хорош, слов нет, – согласилась с ней Фийона и непреклонно добавила: – Но за столом, Зара, котятм делать нечего. Немедленно спусти его на пол. Пусть идет и поздоровается с Пегасом.

Зара послушно опустила котика на пол, и все мы принялись наблюдать за тем, как он бодро прогулялся по кухне на своих маленьких ножках и наконец осмелел настолько, что приблизился к плите, перед которой мы уложили на одеяло Пегаса. Олененок крепко спал.

– Как трогательно! – восхитилась Зара, наблюдая за тем, как котенок обнюхал маленького оленя, а потом прислонился к его мягкой белой шерстке и тут же блаженно замурлыкал. – Когда-нибудь у меня будет свой дом, и я в нем тоже заведу всяких животных, – сказала девочка, обращаясь к Лочи, который улыбнулся ей преданной улыбкой.

«Зара сегодня такая хорошенькая, – подумала я, глядя на девочку. – Буквально светится от счастья».

– Так лэрд переезжает сюда на постоянное местожительство? – спросила Фийона у Зары.

– Да. Надеюсь, и я тоже, если только папа не передумает. Мы с ним собираемся в Дорноч на следующей неделе, хотим посетить Норт-Хайлэнд Колледж, посмотреть, какие специальности они там предлагают. Меня в первую очередь интересует работа с дикими животными. Если я поступлю в колледж, тогда я тоже смогу жить вместе с папой в Киннаирде.

– Это правильно, что лэрд переезжает сюда и берет бразды правления в свои руки, – одобрительно кивнул головой Хеймиш.

– А как же твоя мама, Зара? – спросила Фийона. – Ее все эти перемены радуют?

– Мама с папой разводятся, – пожала плечами Зара. – Так что эти перемены ее уже не касаются.

– Вот как? И как ты отнеслась к этой новости?

– Прекрасно отнеслась! Честное слово! Мне уже впору организовать кампанию для таких детей, как я, кому приходится жить с родителями, которые несчастливы в браке. Поверьте, родители, если им плохо, никогда не должны оставаться вместе ради нас, своих детей, и ради сохранения видимости семьи. В любом случае хорошая новость – это то, что мне через несколько дней исполняется семнадцать. Я уже подала заявление на курсы по вождению. Если успешно сдам все экзамены, то тогда получу права и смогу самостоятельно водить машину. Буду помогать вам, Фийона, ухаживать за Пегасом, пока вы на работе. А до тех пор ты будешь подвозить меня сюда, Лочи, ладно? – Девочка бросила стеснительный взгляд на своего приятеля, и по выражению ее глаз я поняла, что Джонни Норт и все, что с ним было связано, забыт окончательно и навсегда.

– Само собой, в любое время, – с готовностью согласился Лочи.

– Но сейчас главное – чтобы никто из нас не проболтался о нашем малыше. – Фийона жестом показала на Пегаса. Тот уже проснулся и теперь с любопытством наблюдал за котенком, который носился по кухне, гоняясь за воображаемыми мухами.

– Нужно будет составить график дежурств по его кормлению, – предложила я. – Неправильно будет, если все ночи придется дежурить вам, Фийона.

– Я тоже могу подежурить, – вызвался Лочи.

– А я стану приходить днем, пока вы на работе, – пообещала я. – Но все же вы уверены, что хотите взвалить на себя всю эту дополнительную нагрузку?

– Конечно, уверены. И какие тут нагрузки? – Хеймиш тоже глянул на олененка. – Мы вскоре выпустим его на пастбище за сараями. Будет там пастись вместе с нашими молодыми овечками, когда они появятся на свет. И цвета они все одного, белого, – добавил он с улыбкой.

– Именно его будущее и волнует меня больше всего, – отметила я. – Малыша нужно как можно скорее снова отпустить на волю, водворить в среду дикой природы. Но если мы сделаем это, то сами же

подпишем ему смертный приговор. Достаточно вспомнить судьбу его отца.

– Я понимаю вас, Тигги, – сказала Фийона. – Но очень может статься и так, что он останется здесь, на ферме, до конца своих дней. Будем следить за тем, как станут развиваться события, и поступать соответственно. В конце концов, вокруг фермы достаточно лесов. Можем запустить ему для компании еще пару-тройку оленей, чтобы он не чувствовал себя совсем уж одиноким, а Кэл поможет Лочи обнести все эти пространства изгородью...

– С какой изгородью поможет Кэл?

Мы все даже слегка подпрыгнули от неожиданности, поскольку отворилась задняя дверь, и массивная фигура Кэла сразу же заполнила собой весь проем.

– Всем добрый вечер! – поздоровался он, переступая порог. – Нам с лэрдом стало очень одиноко в Киннаирде. Вот мы и приехали к вам, чтобы присоединиться ко всей честной компании.

– Тогда проходите оба поскорее и закрывайте за собой дверь. Лишний холод нам здесь не нужен, – поторопила их Фийона.

– Прошу прощения, что нагрянул к вам без приглашения, – тут же повинился Чарли. – Но Кэл сказал мне, что у нас пополнение. Вот решил взглянуть на него собственными глазами. А где он, кстати?

– Добро пожаловать в дом, лэрд, – приветствовал его Хеймиш, поднявшись из-за стола, и обменялся с Чарли крепким рукопожатием. – Для нас большая честь видеть вас у себя.

– Папочка, он здесь! – Зара метнулась к двери, чтобы вовремя ухватить рыжего котенка, пока тот не сбежал на улицу через открытую дверь. – Его тоже называли Пегасом, в честь отца. Он просто чудо как хорош!

Чарли подошел к плите и наклонился к олененку, который, как мне было хорошо видно со своего места, был занят тем, что пытался встать на ноги.

– Ну, здравствуй, малыш, – прошептал Чарли и погладил его светлую шерстку. Пегас тут же стал жадно обнюхивать его руку, и я поняла, что он уже успел проголодаться.

– Сейчас подогрею ему на плите бутылочку с молоком, – подхватила я со стула.

– Возьмите кастрюльку, – предложила Фийона, сняла с плиты небольшую кастрюлю и протянула ее мне. – Так, дети, а вы, пожалуйста, уберите со стола.

– А я сейчас принесу и открою особенную бутылочку. Есть ведь что отпраздновать, – объявил нам Хеймиш и удалился из кухни.

– Чудесный малыш, – негромко обронил Чарли, глянув на меня. – Он здоров?

– Более чем, – заверила его Фийона. – А все, если судить по вашим рассказам, Кэл, благодаря Тигги и ее чудодейственным рукам. Придется мне время от времени отпрашивать ее у вас, чтобы она помогла мне в работе уже с моими пациентами. Взгляните! Он уже почти встал на ножки! – воскликнула она, указав на малыша. – Чарли, помогите ему.

Чарли бережно обхватил олененка обеими руками под живот и чуть приподнял его, чтобы он мог встать в полный рост.

Его ножки сразу же разъехались в разные стороны, однако с четвертой попытки все наконец получилось, и ноги тоже поняли, что им нужно делать, чтобы удержать вес тела. И вот сын Пегаса делает первые, очень неуверенные шажки по направлению к Чарли и тут же валится к нему на колени.

Но тут на кухне появляется Хеймиш с бутылкой виски, что вызывает общий взрыв ликования.

– Не верю! – восклицает Фийона. – Неужели после стольких лет ты наконец решился откупорить эту бутылку?

– Да, решился, – отвечает ей Хеймиш, извлекает пробку и разливает виски в семь стаканов, а потом вручает их нам по очереди. – Покойный лэрд презентовал мне эту бутылку много лет тому назад. Я ему тогда помог выкапывать из-под снега новорожденных ягнят. Снегопад был очень сильный... Помнится, я еще сказал ему, что сохраню эту бутылку для особого случая. И вот он наступил, этот особый случай. За новое начало и за новую жизнь!

– За новую жизнь! – дружно присоединились все мы к его здравице.

Опрокинув в себя стакан виски, Кэл полез в карман своей куртки и извлек оттуда какой-то круглый предмет, завернутый в салфетку из муслина и по размеру смахивающий на большой грейпфрут.

– Что это? – поллюбопытствовала я, глядя, как он выкладывает сверток. Все присутствующие тоже уставились на стол.

– Это шотландское национальное блюдо, девушка. Называется хаггис. Бараний рубец, начиненный потрохами со специями. Пожалуй, хлебну-ка я еще порцию виски, прежде чем перейти ко второму пункту своей программы. – Кэл протянул свой стакан Хеймишу, и тот щедрой рукой наполнил его заново.

– Когда-то я пообещал Тигги, что если увижу своими глазами белого оленя в наших краях, то готов пробежать по улице нагишом, прикрыв только хаггисом причинное место. А я, как вы знаете, человек слова, – добавил он, поясняя свою мотивацию собравшимся, а сам уже принялся расстегивать своими толстыми пальцами пуговицы на рубашке.

– Неужели ты думаешь, Кэл, что я стану требовать от тебя сдержать свое слово? – упрекнула я его, призывая прекратить процесс раздевания под дружный смех остальных. – К тому же никто из нас не сделал больше для двух Пегасов, чем ты. Разве не так?

– Думаю, младший Пегас уже изрядно проголодался, – заметил Чарли, жестом показывая на олененка, который беспокойно ерзал у него на коленях в поисках молока.

– Отнесите его в гостиную и покормите там, – предложила мне Фийона. – Там ему будет поспокойнее.

Я вынула бутылочку из горячей воды и проверила ее тыльной стороной ладони: не очень ли горячо?

– Спасибо, – сказала я, обращаясь к Чарли с намерением забрать у него Пегаса.

– Я его сам отнесу, – ответил он мне. Мы вошли в гостиную, и Чарли осторожно водрузил Пегаса ко мне на колени; тот с жадностью припал к соске.

Чарли молча наблюдал за нами; я видела, как увлажнились его глаза. Впрочем, я и сама была готова расплакаться от умиления.

– Повидался с Берил? – спросила я у него, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– Да. С ее стороны было море слез и бесконечные просьбы о прощении, но все же в конце концов мне удалось уговорить ее вернуться.

– Слава богу! Ведь она единственный человек в доме, который знает, как управляться с этими новомодными плитами на вашей кухне.

– Между прочим, мы с ней решили выбросить их вон и вернуть на прежнее место нашу старую плиту. – Чарли картинно вскинул бровь. – И не только плиту! Все эти подсветки, мигающие лампочки и прочую чепуху, включая монолитный блок в центре кухни, мы тоже согласились убрать. В сарае до сих пор пылится наш старый сосновый стол. Вот его-то мы и вернем на прежнее место.

– Понимаю, – согласилась я с ним. – Кухня – это ведь сердце любого дома, в чем мы с тобой только что имели возможность убедиться сами.

– Я еще перекинулся тут парой слов с Кэлом, пока мы ехали к вам. Я думал об этом и раньше, до того как на Рождество объявился на сцене Фрейзер. Так вот, после стольких лет верной службы Кэла на нашу семью пора ему наконец обзавестись собственным клочком земли. Поэтому я сказал Кэлу, что в качестве свадебного подарка презентую ему и Кэтлин сто акров земли в непосредственной близости от въезда в имение. Там еще стоит старая хибарка, которая раньше использовалась как помещение для рабочих. После небольшого ремонта дом вполне можно превратить в приличное жилье для молодоженов, а коттедж, в котором вы сейчас обитаете с Кэлом, тогда останется в твоем распоряжении, Тигги.

– Как ты все здорово придумал, Чарли. Представляю, как обрадовался Кэл.

– Обрадовался, но все равно это самая малость из того, что он заслужил. Еще я сказал ему, что собираюсь продать немного земли своим соседям, а вырученные деньги частично пойдут на бракоразводный процесс, а частично на то, чтобы нанять в имение дополнительных людей. Да и пора нам уже списать нашу крошку «Берил» в утиль и обзавестись новой машиной!

– Вау! – выдохнула я восхищенно. – Вижу, ты не терял времени даром, – прокомментировала я, улыбаясь.

– Да. Специально загружал себя работой, чтобы не думать о том, о чем думаешь сейчас ты.

– И правильно делал.

– Но если тебе нужно еще время, то...

– Нет, Чарли, дополнительное время мне не нужно.

– Так все же ты остаешься в Киннаирде или собираешься сбежать в Африку к своим тиграм и львам?

Я глянула на Пегаса. Он уже успел опорожнить всю бутылочку до дна и теперь сладко посапывал во сне. Потом я посмотрела на Чарли.

– Полагаю, мне и здесь хватит диких животных, за которыми тоже нужен глаз да глаз. Согласен?

– Так значит, ты остаешься?

– Да. Хотя мне все же хочется взглянуть когда-нибудь своими глазами на всех этих тигров и львов.

– И мне тоже.

Чарли протянул свою ладонь к моей, уже второй раз за день, и я без колебаний взяла его за руку.

Он нежно поцеловал мою ладонь, а потом припал устами к моим губам.

– Я так счастлив, Тигги. Так счастлив!

– Я тоже.

– Нам будет непросто...

– Я знаю.

– Но вместе, думаю, мы сможем прорваться. Как считаешь? Я имею в виду все: и имение, и наших животных, и нас самих...

– Уверена, у нас все получится.

– Хорошо! – Чарли поднялся с дивана и осторожно поставил меня на ноги с Пегасом на руках. – Тогда нам пора.

– Куда?

– В Киннаирд, куда же еще? – улыбнулся он в ответ. – Там ведь работы непочатый край.

Нью-Йорк

Февраль 2008 года

Солнце

Я глянула в окно и увидела, как падает снег, оседая на подоконнике. Может, хоть снегопад приглушит чуть-чуть непрерывный гул транспорта на Манхэттене прямо под моей квартирой, расположенной на тридцать третьем этаже. Несмотря на то что хозяин, у которого я арендую жилье, уверял меня в свое время, что во всех окнах вставлено по три стекла, дескать, все по высшему разряду, они все равно не скрадывают шум от постоянно работающих двигателей, то и дело перемежающийся пронзительными гудками раздраженных водителей.

– Провались оно все к чертовой матери! – простонала я, понимая, что особенно меня донимает один звук, который с каждой минутой делается все громче и громче. Я снова приложилась к бутылке, хотя и понимала, что водка не принесет мне облегчения. Кое-как выбралась из кухни и потащилась наверх, в гостиную, чтобы включить музыку.

«Рожденный в США», – тут же взвыли скрытые в стене громкоговорители.

– Рада за тебя, приятель, ты хоть точно знаешь, где родился, – выкрикнула я, обращаясь к Брюсу и кружась вместе с бутылкой водки по комнате в такт музыке. – Вот я, к примеру, так и не знаю!

Несмотря на то что музыка орала на полную мощь, в ушах моих все равно отдавались звуки автомобильных сирен. Я дважды проверила содержимое фарфоровой вазочки, в которой прятала свои особые снадобья. Ничего! Пусто! Только немного пыли осело по краям. Я наклюнявила палец и провела им по ободку вазочки, пытаюсь собрать все остатки, а потом смазать ими десны, но тщетно. Даже пыли толковой не осталось.

По всем прикидкам, мой регулярный поставщик Тед должен был появиться на пороге квартиры с новой дозой как минимум час тому назад, но так до сих пор и не объявился. Конечно, проще простого спуститься сейчас на лифте в вестибюль, сунуть консьержу Биллу сотенную банкноту в карман, как это делают другие постояльцы дома, о чем мне хорошо известно, и все! Вопрос решен. Через минут десять, словно по мановению волшебной палочки, в мою дверь стучит посыльный со специальной посылкой для меня. Но каким бы ужасным ни было мое нынешнее состояние, я вполне отдавала себе отчет, что не имею права рисковать. Стоит кому-то шепнуть пару слов и слить потом информацию в прессу, и мое имя немедленно окажется на первых полосах всех мировых газет. Особенно сейчас, когда я являюсь, можно сказать, главным лицом рекламной кампании знаменитого бренда натуральной косметики, рассчитанной на девочек-подростков и молоденьких девушек. Сравнительно недавно на страницах глянцевого *Elle* даже появился пространный очерк, живописующий в красках мой «здоровый образ жизни».

– Натуральная косметика?! Как же, как же! Там и близко нет ничего натурального, – пробормотала я себе под нос, направляясь к телефону, чтобы позвонить Биллу и справиться у него, не прибыл ли ко мне визитер. Во время съемок мой визажист рассказывал мне, что все это сплошной обман и надувательство. Может быть, основные ингредиенты и натурального происхождения, но химикаты, которые они добавляют в процессе производства, скажем, той же помады

вместо животных жиров, превращают их продукцию в самый настоящий яд.

– Но почему везде и вокруг одна ложь? – Я жалобно покачала головой, у меня тут же все поплыло перед глазами, и я безвольно опустилась на пол прямо там, где стояла. – Вся жизнь – один сплошной обман. Даже любовь...

И я расплакалась от жалости к самой себе. Слезы ручьями лились из моих глаз, стекали по носу на подбородок, а я, наверное, уже в тысячный раз задавалась одним и тем же вопросом. Ну почему? Почему Митч бросил меня всего лишь через три недели после того, как предложил мне стать его женой? Хорошо-хорошо! Допустим, предложение свое он сделал в постели, но я все равно поверила ему и сказала «да». «ДА!» Когда он отправился на следующий день с концертом в Лос-Анджелес, то я настолько поглупела от счастья, что, лежа в постели, даже стала прикидывать, кому из модельеров доверю сшить свое свадебное платье, и размышлять о том, где лучше всего устроить саму церемонию бракосочетания. Наверное, лучше всего будет в Италии, мечтала я. Такой огромный палаццо среди тосканских гор. А потом вдруг... тишина. Я посылала ему бесчисленные эсэмэски, слала письма по электронной почте, оставляла голосовые сообщения с просьбой перезвонить мне, все тщетно. Ни ответа, ни приветов... Все понимаю! Он сейчас выступает на ведущей концертной площадке Лос-Анджелеса в так называемой «Голливудской чаше» – в огромном открытом амфитеатре, раскинувшемся на склоне Голливудских холмов. Но, бог мой! Не найти пары минут, чтобы позвонить своей невесте?! В голове не укладывается!

А потом я получила сообщение, сообщение от него, в котором он написал мне, что, пожалуй, пришло время спустить все на тормозах, «бэби». И добавил, что мы с ним люди очень занятые и сейчас нам никак нельзя планировать что-то серьезное. Может, через несколько месяцев, когда подойдет к концу его гастрольное турне...

– Боже мой! – взвизгнула я во весь голос и что есть силы швырнула пустую бутылку из-под водки через всю комнату. – Ну почему меня всегда и все предают?

Может, он тоже посчитал, что коль скоро я – Электра, то быстро найду себе утешение в объятиях какого-нибудь другого парня? Теоретически я могу это сделать с легкостью, но не в этом же дело. Я

ведь действительно влюбилась в него, как говорится, по уши. О лучшем муже и мечтать не приходится: правда, на пятнадцать лет старше меня, но в отличной физической форме, рок-звезда мирового уровня, человек, привыкший быть в центре внимания. Впрочем, сторонится всяких тусовок, предпочитает уединенный образ жизни в своем доме на берегу океана в Малибу. Он даже готовить умеет! И любит готовить. Плюс не употребляет алкоголь и наркотики. Его влияние на меня было более чем позитивным. Мне нравилось его всегдашнее спокойствие, никакой бессмыслицы ни в словах, ни в поступках. Я ведь и сама уже изрядно подустала скрывать свои неблагоприятные привычки, до поры до времени мне все это сходило с рук, но вечно же так не может продолжаться. А рядом с ним я даже урезала свою привычную дозу, и меня ни капельки не тянуло к наркоте. Словом, я решила, что уже созрела для того, чтобы перебраться в Калифорнию и быть рядом с ним.

– Он ведь заботился обо мне, – простонала я вслух. – Знал, как со мной обращаться...

«Вот именно! Такой вариант отца, своеобразная замена Па Солту...»

– Заткнись! – приказала я своему внутреннему голосу, потому что сама мысль о возможности такой замены казалась абсурдной по всем статьям. А ведь когда папа умер, я ничего не почувствовала. Абсолютно ничего! Сестры, съехавшиеся в наш дом, горевали по полной, а я вела себя как самый последний придурок. Попыталась налечь на водку, обычно стоило мне принять на грудь, и я тут же начинала плакать, но на сей раз и водка не помогла, не вызвала в моей душе никаких живых эмоций и чувств. Всякий раз, когда я думала о том, что папы больше нет, я испытывала лишь пустоту и немоту.

– И наверное, еще некоторое чувство вины, – прошептала я, с трудом поднимаясь с пола, чтобы сходить на кухню и извлечь из буфета новую бутылку водки. Машинально глянула на часы: двенадцатый час дня.

Взяла свой мобильник и снова набрала номер Теда, и буквально в эту же самую минуту мне позвонил консьерж и сообщил, что ко мне «гость».

– Пусть поднимается вверх, – распорядилась я и обрадованно вздохнула. Пошла искать доллары, чтобы расплатиться с гостем прямо

на пороге и тут же осуществить быстрый обмен. Вышла в коридор, сгорая от нетерпения.

– Привет, куколка, – услышала я незнакомый мужской голос, когда распахнула дверь. – Тед сегодня занят. Вот послал меня.

Само собой, я тут же мысленно психанула. Вдруг Тед направил ко мне человека, которому нельзя доверять? Но я так отчаянно нуждалась в порции зелья, что не стала притворяться и говорить незнакомцу, что он ошибся дверью.

– Спасибо. Бывай! – Я уже приготовилась захлопнуть дверь прямо у него перед носом, но он схватился за дверь рукой.

– Эй, похоже, у тебя проблемы со сном. Я прав? – спросил он.

– Бывают иногда. А почему спрашиваешь?

– Да у меня тут при себе имеются отличные таблеточки, чистая фармацевтика и ничего лишнего. Они тебя в два счета вгонят в сон, глазом не успеешь моргнуть, а уже будешь витать в небесах вместе с ангелами.

А вот это интересно! Мой здешний врач в Нью-Йорке наотрез отказался выписывать мне снотворные таблетки и новые дозы валиума. И тогда я нашла себе замену – водка, которой стала особенно злоупотреблять после того, как меня бросил Митч.

– И что за таблетки?

– Мне дал их дипломированный доктор. Все без обмана. – Незнакомец выудил из кармана небольшой сверток и показал его мне.

Он озвучил цену за одну прозрачную пластиковую упаковку темазепана. Немыслимая цена! Но какая разница? Что мне, солить свои деньги?

Когда наркокурьер ушел, я устремилась в гостиную, чувствуя, как дрожат от нетерпения пальцы, и тут же высыпала полоску на столе.

– Никогда не принимайте наркотики и не садитесь на мотоциклы, – помнится, неустанно твердил Па Солт нам, своим маленьким дочерям, наставления, словно читал мантру. Я успешно и многократно нарушила обе его установки. Да и много чего другого наворотила, такого, чего отец явно бы не одобрил. Я рухнула на диван, почувствовав себя гораздо лучше, и в эту минуту зазвонил мой мобильник. В первый момент я инстинктивно схватилась за трубку: а вдруг это Митч звонит? Вдруг он передумал и станет сейчас умолять позволить ему вернуться...

Но звонил Зед Эсзу. Я подождала немного, пока включится мой автоответчик, а потом прослушала речевое сообщение, которое оставил мне Зед.

– Привет, это я. Я вернулся в Нью-Йорк и подумал, а не захочешь ли ты завтра пойти вместе со мной на балет. У меня имеется парочка билетов на Марию Ковровски в ее премьерном спектакле «Голубой жемчуг».

Ну и что из того, что на сегодняшний день это самые дефицитные билеты в городе? Я совсем не в том настроении, чтобы в течение двух часов наблюдать за тем, как извиваются и изгибаются тела на сцене, а потом еще на выходе попасть в окружение толпы репортеров, которые станут донимать меня вопросами, почему я не присутствовала ни на одном из последних концертов Митча, ведь они все прошли с аншлагом. Я прекрасно понимала, что Зеду я тоже нужна исключительно для имиджа в глазах прессы, но время от времени такой расклад в наших с ним отношениях меня вполне устраивал, и я была совсем даже не против появляться вместе с ним на публике. Порой и в постели он был весьма неплох, хотя и не мой тип мужчины. Однако же между нами существовало некое магическое сексуальное притяжение. Впрочем, когда прошлым летом я стала встречаться с Митчем, наши совместные ночевки с Зедом полностью прекратились.

Наверное, это очень порадовало отца, который однажды позвонил мне, когда случайно увидел на первых полосах ведущих газет нас с Зедом, запечатленных на ежегодном благотворительном балу, который устраивается в Нью-Йорке для сбора средств в пользу Института костюма Музея Метрополитен.

– Электра, – сказал он мне тогда, – никоим образом не хочу вторгаться в твою личную жизнь, но, пожалуйста, держись подальше от этого человека. Он... очень опасен. И совсем не такой белый и пушистый, каким кажется. Я...

– Вот и правильно делаешь, что не хочешь вторгаться, – перебила я отца на полуслове, чувствуя, как во мне закипает бешенство. Собственно, так бывало всегда, когда папа брался поучать меня и советовал, что я должна делать, а чего не должна. Это мои сестры, все как одна, с раскрытыми ртами внимали каждому слову Па Солта, а я же всегда считала его перестраховщиком и любителем покомандовать.

Хотя Зед, как и весь остальной мир, был в курсе того, что мы с Митчем пара, он продолжал упорно названивать мне, но я оставляла все его звонки без ответа. До сегодняшнего дня...

– Может, мне все же *стоит пойти с ним* на завтрашнюю премьеру, – пробормотала я, сделав еще одну полоску, и подумала, что снотворные таблетки помогут мне попозже вырубиться, если начнутся проблемы со сном. – Пусть мое лицо лишней раз мелькнет на первых полосах газет, и пусть Митч тоже увидит.

Я закурила, сделав глубокую затяжку. Кокаин взбудрил меня, и я почувствовала себя почти прежней Электрой, этакой «пипец-задницей», готовой дать отлуп любому. Я снова включила музыку на полную мощь, потом опять приложила к бутылке и направилась в спальню, к которой примыкала гардеробная. Перебрав бесчисленное количество вешалок, я пришла к выводу, что надеть мне нечего: ничего такого, от чего дух захватывает. Утром позвоню Эйми, своему пресс-секретарю и попрошу ее, чтобы она одолжила для меня на вечер что-то стоящее из последней коллекции Дома Шанель, тем более что где-то через месяц я сама собираюсь в Париж, где буду выступать на их показе мод.

Потом я отбила эсэмэску Зеду со своим согласием. Дескать, почему бы и не пойти, коль скоро по времени у меня получается. Решила, что, пожалуй, нужно позвонить еще и Имельде, которая меня пиарит. Пусть предупредит всех этих папарацци о том, что завтра вечером я появлюсь в театре. Вообще-то какое-то время я никуда не выходила, даже разорвала пару контрактов. Мне было невыносимо думать о том, что сейчас все начнут приставать ко мне и расспрашивать о Митче. Уже одно упоминание его имени стало бы для меня пыткой. Та жизнь, которая могла бы у нас с ним сложиться, жизнь, о которой я мечтала с тех самых пор, как познакомилась с ним, канула в Лету. Ничему этому не бывать, и от одной только мысли об этом сердце мое разрывалось пополам. А ведь мне нравилось быть рядом с ним еще и потому, что он гораздо известнее, чем я сама, и я не нужна ему для того, чтобы еще больше раздуть его авторитет или придать ему дополнительную славу. У него в подружках хаживали и более знаменитые модели и актрисы, которых он периодически укладывал на свою широченную кровать. Наивная дурочка, я вполне

искренне поверила в то, что ему нужна я, сама по себе, а не как очередная фотомоделька.

А ведь я всегда смотрела на него снизу вверх, с обожанием... Я любила его.

– Да пошел он! Еще никто не бросал Электру! – выкрикнула я, обращаясь к четырем стенам, выкрашенным в безвкусный бежевый цвет; на стенах были развешены многочисленные бесценные полотна – подарки от гостей: разнообразные закорючки и загогулины, нарисованные пронзительно яркими красками. А посмотришь со стороны, такое впечатление, будто кого-то просто стошнило на полотно.

Я буквально нутром почувствовала, как на меня снова накатывает депрессняк. Отвратительное состояние! Я стянула с себя майку и ставшие влажными от пота трусы и голой потащилась в гостиную, чтобы взять те таблетки, которые оставил мне наркокурьер. Надо принять немедленно, пока меня не накрыло с головой. Я проглотила сразу две таблетки, запив их водкой, и улеглась на кровать.

– Мне просто необходимо сейчас заснуть. Хочу спать! – взмолилась я, обращаясь к потолку. Я уже давно, с тех самых пор, как Митч сказал мне «Прости, прощай», не могла заснуть без снадобий. Вот и сейчас лежу, как бревно, вверху медленно вращается потолок, закрываю глаза, но делается еще хуже.

– Перетерпи как-то эту ночь, а завтра снова проснешься сама собой, – прошептала я, чувствуя подступившие к глазам слезы. Почему мне ничто не помогает? Целых две таблетки темазепана плюс водка. Да этого хватит, чтобы свалить с ног огромного белого медведя.

– Вам нужна реабилитация. Вы должны попытаться избавиться от наркозависимости, – посоветовала мне мой терапевт, когда я была у нее на приеме в последний раз.

Я ничего не ответила ей, молча поднялась со стула и вышла из кабинета, взбешенная подобным предложением. Я тут же отказалась от услуг врачихи, уведомив об этом ее секретаршу. Да я вообще не знаю ни одного человека вокруг себя, кто бы не баловался кокаином и спиртным. Мы все через это прошли... Разве что один Митч у нас чистенький.

Почувствовав позывы к рвоте, я потащилась в ванную. Меня тут же стошнило. Будь он неладен, этот парень, который всучил мне

темазепан. Наверняка таблеточки слепили из обычного мела и еще какой-нибудь гадости. И как я только могла довериться ему? Меня снова вырвало. А потом, наверное, я потеряла сознание, потому что вдруг увидела необычный сон. Будто рядом со мной папа, он держит меня за руку, а второй рукой гладит мой лоб.

– Я здесь, милая. Твой папа сейчас рядом с тобой, – услышала я его знакомый голос. – Мы собираемся помочь тебе, мы сделаем все, что тебе нужно... обещаю...

– Да, папочка, помоги мне, – прошептала я. – Мне нужна помощь. Я так одинока...

И тут же снова провалилась в сон, и мне вдруг стало так хорошо, а потом я вдруг резко проснулась от очередного приступа тошноты. На сей раз я даже не смогла добраться до унитаза – просто не было больше сил. Попыталась сесть, ища взглядом отца, но в комнате я была одна. И я поняла, что папа ушел.

Библиография

Munya Andrews, *The Seven Sisters of the Pleiades* (Spinifex Press, 2004)

Antony Beevor, *The Battle for Spain: The Spanish Civil War 1936–1939* (Phoenix, 2006)

Wayne H. Bowen, *Spain during World War II* (University of Missouri Press, 2006)

Anne Dublin, *Dynamic Women Dancers* (Second Story Press, 2009)

John Fletcher, *Deer* (Reaktion Books, 2014)

Bernard Leblon, *Gypsies and Flamenco*, trans. by Sinéad né Shuinéar (University of Hertfordshire Press, 1994)

Patrick Jasper Lee, *We Borrow the Earth: An Intimate Portrait of the Gypsy Folk Tradition and Culture* (Ravine Press, 2000)

Paul Preston, *The Spanish Holocaust: Inquisition and Extermination in Twentieth Century Spain* (HarperPress, 2013) Paco Sevilla, *Queen of the Gypsies: The Life and Legend of Carmen Amaya* (Sevilla Press, 1999)

Rita Vega de Triana, *Antonio Triana and the Spanish Dance: A Personal Recollection* (Harwood Academic Publishers, 1993)

G. Kenneth Whitehead, *Deer and their Management in the Deer Parks of Great Britain and Ireland* (Country Life Limited, 1950)

От автора

Как правило, я сажусь писать благодарности в адрес тех, кто помогал мне в создании книги, спустя несколько месяцев после того, как поставлена последняя точка в рукописи, и при этом всякий раз у меня такое чувство, будто роман написан сам собой. Наверное, процесс написания книги в чем-то схож с родами, во всяком случае для меня: боль, которую испытываешь в процессе родов, уже забылась, особенно на фоне изумительного конечного результата, и неважно, что это – ребенок или книга. Но при этом каждый мой роман – это девять месяцев напряженного труда, что частично связано и с огромным объемом исследовательской работы, необходимой для максимально точного изложения всех фактических подробностей в сюжете романа. Однако же каждая книга – это прежде всего образчик беллетристики, опирающийся на реальные факты. Я крайне редко позволяю себе фантазировать в угоду сюжету. Так, например, в романе «Семь сестер. Сестра Луны» главная героиня Тигги наблюдает полнолуние 2008 года, когда вместе с Ангелиной отправляется медитировать в ночной лес. На самом же деле полнолуние случилось лишь три недели спустя. И вообще, важно помнить историю Тигги, описанная в романе, случилась *именно в 2008* году. Ведь за минувшее с тех пор десятилетие произошло столько судьбоносных перемен во всех сферах нашей жизни, в том числе и в области гендерного равенства, которыми мы обязаны бурному техническому прогрессу.

Изучение богатейшей истории культуры цыган тоже стало для меня своеобразным вызовом, поскольку письменных источников об этой культуре до обидного мало; большинство мистических историй, связанных с жизнью цыган, передаются из уст в уста и редко фиксируются на бумаге, а потому моя особая благодарность Оскару Гонсалесу, который стал моим гидом в Сакромонте. Я также хочу поблагодарить Сару Дуглас, Инес Мак Нейл, Райана Монро и Джулию Резерфорд, обеспечивших мне такой радушный прием в необыкновенном по своей красоте имении Алладейл в Шотландии. Это имение стало прототипом Киннаирда, описанного в романе. Обе эти познавательные поездки оказались необыкновенно интересными и

насыщенными: как у меня бывает в каждом романе про сестер, я чувствовала, что буквально хожу теми же тропами, которыми ходила Тигги. Я благодарю доктора Марка Вествуда и Ребекку Вествуд, имеющую степень магистра рэйки, то есть исцеляющую прикосновениями ладоней, за те сведения из области нетрадиционной медицины, которыми они поделились, что помогло мне в написании соответствующих фрагментов романа, связанных с Тигги.

Минувший год, по причине собственной болезни, выдался для меня особенно трудным, а потому роман вряд ли смог бы появиться на свет без поддержки и помощи всей моей уникальной команды, как в издательстве, так и дома. Элла Мичелер, которая помогает мне в проведении исследований, и Сюзанна Мосс, мой редактор и многолетняя подруга, работали не покладая рук, чтобы эта книга попала к издателям вовремя. Оливия Райли, которая координирует решение всех административных вопросов, и Жаклин Хеслоп постоянно поддерживали меня как в личном плане, так и в профессиональной работе, и я бесконечно благодарна им и за их любовь, и за поддержку.

Мои издатели по всему миру, в частности Джереми Треватан, Клавдия Негеле, Георг Рюхлейн, Нана Вас де Кастро и Аннализа Лоттини, – все они не только отличные издатели, но и прекрасные люди, одарившие меня своей дружбой и вселившие в меня веру в то, что я состоялась и как писатель, и как человек. Моя мама Джанет, сестра Джорджия, а еще Трейси Аллебах-Дуган, Тила Бартоломру, Фернандо Меркаданте, Лоен Фрагозо, Джулия Брахм, Биби Марино, Трейси Блеквелл, Стефано Гуислер, Кэтлин Дунан, Кейтал Дайнин, Трейси Риз, ЭмДжи Роуз, Дэн Букер, Рики Бернс, Джульетта Хонен и Тарквин Горст – все вы были рядом со мной, помогая самыми разными способами.

Моя благодарность всему персоналу Королевского госпиталя Марсден, в стенах которого я провела большую часть минувшего года и где были написаны многие главы этого романа. Благодарю, в частности, Азифа Чаудри и его команду, Джона Уильямса и его замечательных девочек, Джойс Твене-Доув и всех медсестер, которые так замечательно ухаживали за мной. Вы не поверите, но я страшно скучаю без вас!

Наконец, я благодарю своего мужа и литературного агента Стивена и моих детей Гарри, Изабеллу, Леонору и Кита. Нам всем изрядно досталось в минувшем году. Было много страшного и пугающего, но вы все были рядом со мной, что придало мне сил и мужества пройти через все эти испытания. Я горжусь вами, и если честно, то не знаю, справилась бы я без вашей поддержки и участия.

Я благодарю всех своих фантастических читателей; если я чему и научилась за минувший год, так это тому, что надо ценить каждое мгновение жизни, ибо каждое мгновение бесценно. Постарайтесь, мои дорогие, наслаждаться каждым днем своей жизни, независимо от тех обстоятельств, в которых вы оказались. А главное – никогда не теряйте надежды, ибо надежда – это тот источник света, который помогает всем нам, людям, оставаться в живых.

Люсинда Райли
Июнь 2018 года